

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В ЯКУТИИ

XVII В.

СБОРНИК АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР
им. П. Г. СМИДОВИЧА

ЛЕНИНГРАД

1936

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
АССОЦИАЦИЯ ИНСТИТУТА
НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР
ИМ. П. Г. СМИДОВИЧА
ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ

ТОМ I

ТРУДЫ ИСТОРИКО-АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА АКАДЕМИИ НАУК СССР
Т. XIV
МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР
ВЫП. 5

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В ЯКУТИИ XVII В.

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. П. АЛЬКОРА и В. Д. ГРЕКОВА
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И. М. ТРОЦКОГО

The Scientific Research Association of the Smidowitch Institute of the
Peoples of the North under the Central Executive Committee of USSR
TRANSACTIONS TO HISTORY — VOL. I

The Historico-Archaeographical Institute of the Academy of Sciences of USSR—VOL. XIV.
MATERIALS TO HISTORY OF THE PEOPLES OF USSR—ISSUE 5

THE COLONIAL POLICY OF THE MOSCOW STATE AT THE YAKUTIA IN THE XVII CENTURY

Archive materials

Compiled and prefaced by I. M. Troitzky
Editors I. P. Aleor and B. D. Grekov
Leningrad 1935

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Непременный секретарь акад. В. П. Волгин

Июнь 1935 г.

Ответств. редактор Я. Алькор

Технич. редактор Д. Кологради

Сдана в производство 12. II 1935. Подписана к печати 10. II 1936. Кол. тираж в 16 л. 16400.
Стат.-Ф. 72×110. Алт. л. 2¹/₂. Вум. л. 7. Тираж 15000 экз. Лекгорянт № 12572. Зак. № 1568.

Типография „Коминтери“ и школа ФЗУ им. КИЧ'а. Ленинград, Красная ул. 1.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЯКУТИИ XVII ВЕКА

Документов по истории Сибири XVII в. в старых изданиях было напечатано больше, чем по истории любой другой колонии Московского государства этого времени. А среди сибирских источников, опубликованных преимущественно в изданиях Археографической комиссии («Акты исторические» и «Дополнения к Актам историческим»),¹ пожалуй, наибольшее в количественном отношении место занимают материалы по истории народов Якутии.

И тем не менее, не только эта история до сих пор не написана, но целый ряд существенных ее проблем даже еще не поставлен, хотя для последней цели материала в опубликованных документах было достаточно. Правда, основной архивный фонд по истории Сибири XVII в. и Якутии в частности — архив Сибирского приказа — при огромном количестве хранящихся в нем документов все же отражает в основном деятельность центрального учреждения и поэтому сравнительно слабо иллюстрирует внутреннюю жизнь колонии;² но публикации ДАИ строились в основном на материалах Якутской воеводской избы, правда, не по подлинникам, а на основании подчас довольно неисправных копий, снятых Г. Ф. Миллером во время его знаменитой сибирской экспедиции. Впрочем, Миллер заказывал свои копии без особой системы, а у издателей ДАИ если и была какая-нибудь система, то меньше всего построенная с расчетом на выявление социального строя сибирских народов. Поэтому материал Якутской воеводской избы оказывается до настоящего времени неиспользованным, и документы настоящего тома показывают, какие еще ценные данные в нем хранятся.

Дело однако, повторяем, не в недостатке источников, а в тех отрывных точках зрения, из которых исходили немногочисленные дворянские и буржуазные историки, писавшие по вопросам истории Сибири. Соответственно общим для них великодержавным установкам сибирские туземцы рассматривались как дикари, а военно-феодальный грабег сибирских колоний — как осуществление исторической колонизационно-культурной миссии России. Эта точка зрения, с некоторыми вариантами, господствовала до революции и проникла и в пореволюционную гурь. Так, в сравнительно недавней работе известного специалиста по истории Сибири Вахрушина мы находим донесенную до наших дней в нетленном состоянии колонизаторскую установку Соловьева — Ключевского: «Русское продвижение на восток, через «Камень», в Азию, завершившееся захватом всего пространства земли от Урала до Тихого океана, — продолжением того длительного процесса освоения русским племенем путем колонизационно-Европейской равнины, значение которого в русской истории так блестяще выискивал Ключевский». ³ Соответственно схеме последнего С. В. Вахрушин видит в завоевательных действиях Строгановых не экспансию московских феодалов, а защиту их от встречной агрессии зуралских «окрестных инородцев». ⁴ Он остается последовательным и в оценке культурного и сибирских народностей. О некоторых сибирских племенах он говорит как о «дикарях, живших в северных тундрах и в лесах по берегам Енисея и Лены, лишенных намека на какую-либо самую примитивную форму общежития» (?!). ⁵ И самый хищнический метод колониального грабежа — ясак — под его пером приобретает довольно безобидный вид: «... русский к органически вырос из тех туземных ясаков и алмазов, которые русские нашли на местах Сибири, и лишь постепенно разновидности местных форм обложения подводились московским вниманием под известную общую форму». ⁶

¹ Ничто всюду сокращенно: АИ и ДАИ.

² Автор монументального «Обозрения столбцов и книг Сибирского приказа» Н. Оглобин замечает, что «... по таким обширным уездам, как... Якутский, уцелело чрезвычайно мало челобитных дел» ясачных людей (ор. ет., ч. III, стр. 156—157).

³ Проф. С. В. Вахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., стр. 143.

⁴ Ibid., стр. 95.

⁵ Ясак в Сибири в XVII в., «Сибирские огни» 1927, май—июнь, стр. 107.

⁶ Ibid., стр. 103.

С. В. Вахрушвы является наиболее крупным представителем предреволюционной сибирской историографии. Не трудно показать, что и его предшественники исходили из той же точки зрения. Мы найдем ее и у Вудинского, открывшего свою работу¹ эпитафией из «Книги глаголемой космография» о «земле Сибири нарицаемой зверообразных людей»; и у Головачева, считавшего, что история даже Западной Сибири начинается лишь с появления Ермака, а до того «... представляет главным образом лишь династические споры между ханами»;² и у нынешнего «евразийца», уже тогда обосновывавшего начала своей теории, Вернадского, заявлявшего, что «Сибирь — колония особого рода, не отделенная океаном от метрополии, вполне доступная стихийному движению русской народности, представляет прямое продолжение русской жизни по сю сторону Камня».³ В последней формулировке мы, впрочем, замечаем некоторый прогресс, именно признание наличия между Москвой и Сибирью в XVI и след. веках отношений метрополии и колонии; но в основном автор остается на тех же позициях.

Следует отметить, что буржуазная историография, особенно связанная с кругами позднего сибирского областничества, проводила еще одну дополнительную идею — о «народной» (в противоположность правительственной в других местах) колонизации Сибири. Особенно ярко эта идея выражена в цитированной выше статье Головачева: «Не только лица, занимавшие официальное положение, играли на самом деле незначительную и невлиятельную роль, но даже землеискатели, вожди казачьих дружин, как Хабабаров, Поляков, Атласов, были лишь представительными главами своих дружин, исполнителями их коллективной воли, общих планов. В случае столкновения воли коллективной и воли личной побеждала обыкновенно первая. Не отдельные личности, а сами народные массы были двигателями сибирской исторической жизни, деятелями местной истории. Так продолжалось в течение всего XVII и даже части XVIII в., пока, наконец, петербургское правительство в интересах централизации, единообразия, внешнего благополучия не стало подрезывать буйные всходы самобытной народной жизни в Сибири... Сибирь XVII в. представляла собой благодарную арену, на которой свободно могли проявиться и развиться все основные черты духа северных великоруссов».⁴

Эта идея, не всегда в такой выуклой форме, выступает в писаниях большинства буржуазных историков, работавших в Сибири, и находит свое отражение и у Вахрушина.⁵

В противовес этой тенденции Вернадский справедливо замечал, что «нельзя провести строгого разграничения между представителями государства. «служилыми людьми» и носителями частных интересов, людьми торговыми и промышленными». Однако, соответственно своей точке зрения на государство как некоего демиурга истории, он тут же прибавлял: «Те и другие одинаково «государевы люди», потому, что делают одно и то же государево дело, ищут «великого государя прибыли»».⁶

Ошибочность обеих точек зрения происходит от общей причины. Выделяя государство в некоторую надклассовую организацию, буржуазные историки изучали не различные социальные потоки колонизаторов, между которыми, как увидим ниже, шла напряженная классовая борьба, а противопоставление «государственной» и «вольной» колонизации, причем предположение ставилось сообразно политическим взглядам того или другого автора. Понять, что и Грозный и Строгановы являются представителями общих интересов, независимо от того, в чью непосредственно казну шли доходы от новых «землиц», было не под силу буржуазным историкам. Соответственно указанным их позициям строилась и проблематика.

Так, изученной оказалась внешняя история завоевания Сибири; много внимания было уделено воеводской администрации и вообще организации власти, ряд этюдов посвящен положению служилых, торговых и промышленных людей и отдельным экспедициям. Но уже проблемы отношения к туземцам, хотя бы в плане «обложения», изучены гораздо хуже, а внутренний строй сибирских народов академической наукой не изучался вовсе. Этими вопросами занимались крае-

¹ П. Н. Вудинский. Заселение Сибири и быт первых ее насельников, Харьков, 1899.

² П. М. Головачев. Ближайшие задачи исторического изучения Сибири, «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1902, IX, стр. 53.

³ Г. В. Вернадский. Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII в., «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1915, IV, стр. 392.

⁴ Op. cit., стр. 57.

⁵ См., напр., В. И. Огородников. Очерк истории Сибири до начала XIX ст., ч. I, Иркутск 1920, стр. 4. С. В. Вахрушин пишет в «Очерках»: «... дело открытия и завоевания Сибири с начала XVII в. идет в значительной мере помимо Москвы. Москва вступает в дело лишь тогда, когда нужно завершить начатое завоевание и организовать управление вновь присоединенными областями» (стр. 160).

⁶ Op. cit., стр. 353.

веды-этнографы, среди которых было не мало политических ссыльных. Так якутская этнография возникла в значительной степени трудами ссыльных представителей различных оттенков народничества — И. А. Худякова, Э. К. Пекарского, Н. А. Виташевского, Л. Г. Левентали, В. Серошевского и др. Но и общеметодологические их установки, эклектические и генетически восходящие к первым этапам буржуазной этнологии, и отсутствие специальной подготовки делают их выводы с точки зрения современной исторической науки весьма сомнительными. А между тем построения этих этнографов цитируются безоговорочно и в нашей марксистской литературе.¹

В настоящей статье мы не предполагаем дать сколько-нибудь исчерпывающую картину колониальной политики Московского государства и состояния якутского общества в XVII в. Наша цель гораздо скромнее: подчеркнуть те проблемы (плохо изученные или вовсе не изученные), которые стоят перед историками Якутии и отчасти выдвигаются материалами настоящего сборника.

Мы только что отметили, что история завоевания Сибири и организация сибирской администрации привлекали преимущественное внимание старой историографии.

Было бы грубым упрощением сказать, что буржуазные историки замалчивали злоупотребления сибирских сатрапов. Наоборот, они всемерно подчеркивали безудержную жестокость, грабежи и самодурство местных сибирских владык и их прислужников. Вот как изображает, например, Буцинский передвижения по Сибири «государевых служилых людей»: «Но как «приборные» служилые люди, так и «переведенцы» свое путешествие в Сибирь сопровождали страшными разбоями и грабежами... Едва только делалось известным приближение казаков и стрельцов к городу или ослу, как жители запырали дома, прятали жен и дочерей, угоняли в леса скот и с ужасом ожидали этой орды».

Не скрывает он и страшного вымирания местных народностей под влиянием колонизаторской политики. Так, по его словам, по окончании «периода завоевания» изученных им уездов Западной Сибири, «в них инородцев осталось не более 4000 человек взрослого мужского пола, хотя несомненно, что до похода Ермака их было по крайней мере в десять раз больше».²

Дело оказывается не в фактах, а в их интерпретации. Инородцы вымирали, но по собственной вине, так как оказывали бесполезное сопротивление русским «цивилизаторам». А воеводский грабег лишний раз подчеркивает заботливость о местном населении центрального правительства, смещавшего воевод и наказывавшего их.³ Позднее Н. Фирсов, говоря о том же вымирании сибирских народов, в частности камчадалов, подводил под политику царизма новое оправдание: «... подобная судьба постигла и некоторых других народов Сибири и, разумеется, постигла бы всех, если бы не громадный культурный прогресс метрополии, если бы не проникновение верховной власти принципом разумной государственной экономии, совпадающей и с великими началами гуманности и с настоящими, непреходящими политическими и общественными интересами России в Сибири».⁴ Таким образом в XX в. можно было признать наличие колониального грабежа в XVII—XVIII в., но в отношении царизма позднейшего времени делались почтительные реверансы.

По отношению к Якутску сводка воеводских злоупотреблений была произведена уже давно, в одном из первых краеведческих изданий.⁵ Наиболее отдаленная от центра сибирская колония, Якутия представляла особо удачное поле для административного разгула и обогащения воевод. Недаром Оглоблин замечает по этому поводу: «из всех сибирских городов наиболее не-

¹ См., напр., Л. Мамет. Колониальная политика царизма в Якутии в XVII—XIX вв. в сборнике «100 лет якутской ссылки», М. 1934.

² Op. cit., стр. 191—192, 297. (Самая статистика Буцинского основана на неточных расчетах, но нас интересует его тенденция).

³ Эта точка зрения оказалась чрезвычайно живучей — см. В. Огородников, Русская государственная власть и сибирские инородцы, «Сборник Иркутского Государственного Университета», вып. 1, 1921 г. Огородникову вторит и автор единственной сводной работы по истории Якутии, с серьезным видом уверяющий: «Правительство пытается снискасть авторитет у туземцев Сибири, когда предписывает воеводам всячески оберегать инородцев, не делать им обид, держать «ласку и привет». Даже больше. Некоторые мероприятия правительства прямо проявляют больше заботливости к инородцам, чем к русским...» (Г. А. Попов. Очерки по истории Якутии. Якутск 1924, стр. 57).

⁴ Чтения по истории Сибири, в. I, М. 1920, стр. 45.

⁵ И. С. Москвитин. Воеводы и начальники г. Якутска и их действия. «Памятная книжка Якутской области» за 1863 г.

частным был на воевод отдаленный Якутск: почти все последовательно сменявшиеся здесь воеводы обязательно заканчивали свою воеводскую службу сыском о ней». ¹

Действительно, каждый якутский воевода мог быть заранее уверен, что в наказе его преемнику будет по его адресу сказано много обидных слов: что при прежнем воеводе «было ясным людям великое небрежение», а служилым и торговым и промышленным людям творились великие обиды. Впрочем, он знал наперед, что и его преемник будет таким же манером напылничать, подобно воеводе Францбекову, «животы» которого к моменту сыска о нем оценивались в колоссальную по тому времени сумму — 12742 р. 21 алт., 4 деньги. ² По части всяких поборов и с туземцев и с самих же колонизаторов якутские воеводы перечегиляли даже таких деятелей сибирской администрации, как енисейский воевода Голохвостов, о котором соответствующая грамота говорила, что он «... прибирает в нашу государеву службу гулящих и промышленных людей и от того емлет наше государево денежное и хлебное и соляное жалованье, годовые оклады... да он же Василий, для своих пожитков, отдаст на откуп ежемесячно зерно и корчму, и безмужных жен на блуд, и от того емлет себе откуп рублей по сту и больше, и тем блудным жонкам велит чаговаривать на проезжих торговых и промышленных людей напрасно, и тех... людей, по их оговору, без сыску и без роспросу, сажает в тюрьму и от того емлет... по сороку и по два сорока сободей, а с иных емлет деньгами рублей по тридцати и больше». ³ Приводимый в настоящем сборнике документ о злоупотреблениях якутского воеводы Лодыженского дает еще более красочную картину «воеводского кормления». ⁴

Но если вопрос о воеводских злоупотреблениях представляется в основном ясным и речь может идти только о дополнительных иллюстрациях, то все же деятельность воевод нельзя признать достаточно изученной. Даже самые злоупотребления трактуются в общем по некоторому трафарету, без анализа дополнительных моментов. В частности мы имеем в виду подвиги известного Петра Головина, первого якутского воеводы, которому в настоящем томе уделено довольно много места.

О деятельности Головина мы знаем больше по показаниям его врагов, но черты его по ряду вон выходящей жестокости по отношению и к якутам, и к своим недругам в самом Якутске несомненны. В исторической литературе акцент ставится именно на этих качествах Головина. «Подозревая в измене своих товарищей, Головин для добычи улики безвинно мучил и русских и якутов. Так, напр., не добившись ложных показаний, велел повесить из лучших якутов и амазатов 23 чел., других подверг кнуту и мертвых повесил. Жестокость Головина не знала границ: у якутов резали носы и уши, выкалывали глаза, вешали за ребра и закапывали живых в землю. С целью наживы Головин прибавил якутам налоги, вчетверо взыскивал ясак и поминки. С бедных вместо ясака отбирал скот». ⁵

Все это совершенно верно, но, если отбросить жестокость самих казней, продиктованную, повидному, индивидуальными особенностями Головина, не представляет ничего оригинального. Тот же Попов вслед за цитируемым текстом добавляет: «Точно таким же был и следующий воевода В. Н. Пушкин». Действительно, если Головин суровой рукой приводил в покорность восставших якутов, то не надо забывать, что он был первым якутским воеводой, а именно ему предстояло сломать сопротивление «ясанных людей» и их «князцов», не желавших братьяся в ясак. Таким образом, большие восстания якутов при Головине были естественным ответом на московскую колонизацию; и, посылая карательные экспедиции против восставших, Головин выполнял лишь обычную заповедь московской колониальной политики: «будет в тех новых земли-

¹ *Op. cit.*, ч. II, стр. 874. Ср. Г. А. Попов. *Op. cit.*, стр. 34—37, где приведен список сысков и даны краткие характеристики воевод.

² *О г о б л и н*. *Op. cit.*, ч. III, стр. 182. Так как воеводское накопление шло в значительной степени в ущерб государственным доходам, правительство пыталось лимитировать его, установив осмотр и оценку воеводского имущества при возвращении воевод из Сибири: «А по нашему указу всем опбирским воеводам из сибирских городов велено вести для своих проездов к Руси денег: тобольским и омским, лопским большим воеводам по пятисту рублей, а товарящим их и дьякам, и иным городов воеводам, и письменным головам с братьями и детьми, и с племенниками, и с людьми по триста рублей воеводе и дьяку, и голове; а сколько за тем числом... в обыску денег объявится, и те лишние деньги потому ж имати на нас» (грамота томоному таможенному и заставному голове Петру Митрофанову от 8/III 1648 г. — *Ист. Кузнецов*). Исторические акты XVII ст., Томск 1890, стр. 13). На практике эти ограничительные меры ни к чему не приводили.

³ Грамота енисейскому таможенному Ф. Звягину от 2/II 1665 АИ, IV, стр. 346—347.

⁴ Настоящий сборник, стр. 56 след.

⁵ Г. А. Попов. *Op. cit.*, стр. 35—36.

цах. князцы и всякие ясацные люди не похотят быть под государевою рукою и учинятца государю не послушны, и асакку с себя и с своих улусных людей не учнут давать, и... прося у бога милости, поиск над ними чинити и промышляти и битца с ними, сколько милосердый бог помощи подаст, чтоб они впредь были под государевою царскою высокою рукою послушны и стоятельны и в вечном холопстве не отступны». ¹

Точно так же и сбор дополнительного ясака, наложенный Головиным на якутов, применялся и впоследствии — один из его премирников, воевода Лодыженский собрал (т. е. повидимому обратил в значительной степени в свою пользу) дополнительный ясак за 17 лет. ² Особенности управления Головина мы видим не столько в угнетении туземцев (здесь он только открыл эту кровавую страницу истории Якутии), сколько в его обращении с подвластными ему русскими.

Можно предположить, что в показаниях врагов Головина имеется значительная доля преувеличения. И все же даже для XVII в. его методы обращения со своими подчиненными представляются необычайными: «А пытал он Петр нас холопей и сирот твоих и жон наших позорил многими розными пытками в пойма по 2 и по 3 и по 4, а намучивал на товарищов своих, и давал ударов кнутных на одной пытке ста по полутора и больше, и на костре огнем жог и страйки многие давал и воду на голову лил со льдом, и шуп и жили клещами горячими железными тянул, и у рук мышки огнем жог, и голову клещем воротил, и по естеству по тайным удом прутьем стегал, и ребра ломал, и свечами спину жог, и уголье и шепел горячий на спину сыпал, и за ногти спицы колотил. Да сверх, государь, тех пыток приговаривал и велел ушник его Давыдко Матвеев на горячую сковороду ставить, и на волосанную веревку посадя нагово по веревке волочить». ³

Наши сведения о причинах действия Головина довольно скудны. Но размах они приняли большой, и все население Якутска, очевидно, разделилось на две партии — Головина и его противников, Глебова и Филатова. Сторонники тех и другого, надо думать, имелись в различных слоях русского населения Якутска, но любопытно, что ряд моментов свидетельствует об использовании Головиным социальных низов Якутска, что несомненно должно было вести к обострению классовой борьбы. Во всяком случае, большинство служилых людей, повидимому, выступали против Головина; в частности они жаловались, что «торговые и промышленные люди ходят де на двор к Петру Головину человека по два и по три ночью и бывают долгое время и сходят де от него Петра с двора пьяны, и их де служилых людей лают и грозят, и бьют их по щекам, и меж де их воевод они торговые и промышленные люди ссорят; и они де, государь, чают меж служилых и торговых и промышленных людей ссоры большие». ⁴ Точно так же и наш документ, подписанный, правда, и частью обиженных Головиным торговых и промышленных людей, свидетельствует, что среди «потаковников» жестокого воеводы видную роль играли «русских городов торговых людей приказщики». ⁵ Кроме того Головин прибирал «вновь в службу из промышленных и из гулящих людей» ⁶ в таком количестве, что «старые служилые» люди растворялись среди этих ставленников Головина. Не следует упрощенно тонинать и политику Головина в отношении якутов. Он, действительно, разговаривал с непокорными ему якутами языком огня и меча: «Да Петр же Головин посылал писанного голову Василия Пояркова с служилыми людьми к якутскому князю Камыку в улус: у того князца был сделан городок, и в том улусе того князца Камыка с его улусными людьми, с женами, с детьми сжег человек с триста, и скот их отогнал, и животов их поимал». ⁷ Вместе с тем Головин проводил по отношению к якутам довольно сложную политику. Именно, он использовал якутов в качестве свидетелей против своих русских недругов, обещая им за это всякие милости, «и на то они шрестьилися, учили говорить на нас, холопей и сирот твоих». ⁸ Самый факт вовлечения местных жителей во внутренние споры колонизаторов не очень обычен и свидетельствует о попытке Головина опереться и на какую-то часть князцов; и если все обвинения этого рода не измышлены врагами Головина, то нет ничего удивительного в неудачах ясацных сборщиков 1643 г.: «И ва тем, государь, его Петровым нерадением многих зимовьих на Вилюе и в Жиганех... учинился недобор; и мы, холопи твои, твоего государева асакку шрапали с них, и твоим царским величеством им грозили,

¹ ДАИ, II, стр. 162.

² Настоящий сборник, стр. 58.

³ Настоящий сборник, стр. 28.

⁴ ДАИ, III, стр. 35.

⁵ Настоящий сборник, стр. 29.

⁶ Настоящий сборник, стр. 46.

⁷ ДАИ, III, стр. 36.

⁸ Настоящий сборник, стр. 27.

и оне, государь, нас холопей твоих бьют и позорят и твоих государевых подарков бросают и собакам на шею вяжут и в огонь мечут, а твоего государеву ясаку дают невежливо и ногами пинают и по земле бросают, а называют нас холопей твоих худыми людьми: вас де Петр Петрович кнутом перед нами бьет, а мы де возле него седим...»¹

Обращает на себя внимание и отношение Головина к «людям» его противников. Используя их в качестве свидетелей против господ, он, шовинистом, обещал им не более не менее, как свободу: «А говорил им он Петр в съезжей избе... говорите де на бояр оных и на всяких людей без боязни, а вам де у бояр своих не бывати... И Матвеевы и дыячи люди то слыша... чаали бояром своим от него Петра замореным быти, а нам холопом и сиротом твоим замученым, и на ево... Петрову ласку прельстилися... кого он Петр чем поклепал, а оне по нем при-такивали».²

События принимали большой разворот. Таких воевод, которые мобилизовали бы против своих недругов боярских холопов и «ясашных людей», мы более в Якутске не встречаем, несмотря на все разнообразие и самодурство якутских помпадуров XVII в. Можно думать, что, попав в новую и очень далекую колонию, Головин почувствовал себя полновластным царьком и перестал считаться с метрополией и ее социальной иерархией. Любопытно выражение поданной на Головина челобитной: «Самуя, государь, опришину заводил бесстрашно, а мы, холопи твои подобострастны, самовластною дуростию в такой ево неправде никакова дурна не за-водили...»³

Что в далекой Якутии отношение к центральной власти менялось даже у представителей господствующих классов, показывают и другие примеры. Так, по «сыску» жильца Приказа тайных дел Ф. Охлошкова оказался извет на сына боярского Якова Шульгина, который «в день ангела великого государя говорил, вышел в черном платье: та де радость ему не в радость, кому де радость, тот и празднует, а у него и на уме ево нет». 4 Но на примере Головина мы видим борьбу, охватившую, повидимому, весь русский Якутск и этанувшую даже якутских князюв. Если борьба внутри колонизаторов, как мы увидим ниже, не только не прекращалась, но принимала самые разнообразные формы, то воевода в качестве активного поджигателя этой борьбы нам, повторю, более не встретится. Поэтому нельзя Головинское дело ставить в один ряд с «злоупотреблениями» его преемников. К сожалению, опубликованный материал не дает пока возможности разглядеть в действиях Головина наличие какой-нибудь системы социальной политики. Но поискать ее в неопубликованных материалах нашего фонда историкам Якутии следовало бы.

* * *

Мы указали, что внешний ход завоевания относительно изучен. Но изучена скорее хронология казачьих экспедиций и построения острожков, чем действительный ход освоения Якутии. Историческая карта Якутии — ближайшая задача ее историков. Здесь нужно будет установить территориальные рамки отдельных народностей — якутов, тунгусов (эвенков), ламутов (эвенов)⁵, якугиоров, коряков, чуков. Нужно будет и определить передвижения, хотя бы в результате русского завоевания — а память об этих передвижениях сохранилась и в фольклоре,⁶ и в письменных памятниках. При этом пужно будет обратить внимание и на изменение отношений между отдельными группами туземцев в связи с передвижкой кочевий. Так, одна из цитированных выше челобитных на Головина сообщала: «и от того устращась многие якуты и князюв Бойдой с родники своими человек двести бегал в Вилюйские вершины в горы и собрався там был с выными якуты и с тунгусы человек с чотыреста, жил в Вилюйских вершинах и ясаку до 153 году болши дву лет не давал». 7

¹ Настоящий сборник, стр. 25. Разрядка моя — И. Т.

² Настоящий сборник, стр. 27.

³ Настоящий сборник, стр. 40. Разрядка моя — И. Т.

⁴ Оглоблин. Вытовые чергы XVII в., «Русская Старица», 1894 г., кн. 3, стр. 226.

⁵ Мы вынуждены сохранить устаревший термин «тунгусы», так как в памятниках тунгусами называются как эвенки, так и эвены (ламуы). В частности там, где речь идет об охотских тунгусах, почти всегда подразумеваются эвены. Между эвенками и эвенами, однако, уже в ту пору имелись различия как в степени общественного развития, так и в языке. Неточность терминологии русских памятников здесь, как и в ряде других вопросов, затрудняет исследование.

⁶ «Здесь (в Верхоянском улусе — И. Т.) тогда ни одного человека нет. Услышавши это, бежали сюда и, пришедши, сделались здесь оседлыми» — И. А. Худяков, Верхоянский сборник, стр. 52.

⁷ ДАИ, III, стр. 37. Вопрос этот частично, и то в отношении якутов только, поставлен в статье Г. А. Попова «Расселение якутов в XVII и XVIII ст.» Известия якутского отдела Гос. рус. геогр. об-ва, т. III, Якутск 1928.

При составлении этой карты нужно будет учесть и степень освоения различных территорий. Этот момент выясняется как хронологией и топографическим размещением туземных востанов, так и бытом ясных зимовий, довольно хорошо отраженным в многочисленных «сказках» и описках служилых людей. В то время, как в непосредственной близости от Якутска асад уже не собирался на месте, а доставлялся самими князьями в центр, по далекому северным рекам картина складывалась другая. Туземцы восставали и нападали на зимовья, а то и просто откочевывали, и служилым людям не всегда удавалось быстро подчинить непокорных. Наряду с острожками колонизаторов следует изучить и географическое распределение туземных острожков, упоминания о которых встречаются в наших памятниках.¹

В изучении колониальной истории значительное место должна занять и игра колонизаторов на межплеменных и внутриплеменных спорах. Здесь оказался накопившийся уже у московских полетиков опыт управления колониальной державой. При появлении в Якутии русские уже застали сложный переплет борьбы в первую очередь между тунгусами и наступавшими на них якутами. Борьба эта отразилась в преданиях, бытовавших еще в XVIII в. и рассказывавших о кровавых схватках якутов и тунгусов незадолго до русского завоевания и о победе якутов недалеко от впадения Патомы в Лену. В свою очередь тунгусы наступали на соседние племена. Это обстоятельство отметили и этнографы, пользовавшиеся преимущественно материалом преданий. Так, Серошевский указывал, что «... тунгусы значительно энергичнее и дольше сопротивлялись казакскому нашествию, чем кто-либо из инородцев Вост. Сибири. Якуты покорились почти сразу и без сопротивления. В борьбе русских с тунгусами они всегда принимали сторону первых, подобно тому, как на дальнем северо-востоке, в борьбе русских с чукчами, пришельцы тунгусы помогали пришельцам же русским».²

Факты межплеменной борьбы засвидетельствованы и ранее опубликованными документами и материалами настоящего тома. Особенно долго продолжалась, повидимому, эта борьба в местах, наименее крепко освоенных русским владычеством. Так, в 1666 г., по данным отписки К. Лошакова, «... прибегал на острожек от ламутских мушковых юкагир именем Тугурамко с тремя ребятишками, сказывал... ламутские мужики юкагирей Ганжу с родом всех побил...»³ Этому со словению вторит и челобитная зашивероких ламутов, помещенная в настоящем томе и повествующая, что «в прошлом во 186-м году убили у нас... на собольином промысле на Ковыме реке ковымские асячные юкагиры и неясчаные Ченога с товарищи вместе рогатников наших до смерти, а жен и детей их они Ченога с товарищи взяли себе в полон, а достальных у нас... оленя и всякой живот пограбили...»⁴ Красочную картину борьбы между юкагирскими и чукотскими князьями⁵ дает отписка боярского сына И. Ерастова из Ковымского зимовья 1659 г., при чем русская власть удачно использует эту вражду, посылая «служилых и охочих людей 19 человек, да иноземцев асячных юкагирей полтораста человек. на тех неясчных убийцов и воровских иноземцев на чухочь в поход с огненным и лучным боем».⁶

Все эти факты требуют, однако, дальнейшего учета и систематизации, ибо без них нельзя будет до конца понять процесс захвата Якутии и превращения ее в колонию. Не меньший интерес представляет и изучение внутриплеменных конфликтов, значительно облегчавших завоевателям осуществление их целей. Большинство таких споров мы встречаем у тунгусов, что может быть легко объяснено большим количеством тунгусских «родов», кочевавших по огромной территории и часто имевших друг с другом очень мало общего. С этими родовыми счетами моск-

¹ Выше мы видели острожок у якутского князя Камыка. Приведем еще пример: Ф. Чукичев в отписке 1648 г. сообщает: «... взял я Федька у коряк два острожка, Антуев острожек да Чепчигин, а драки было под острожки двои сутки, а людей у нас ранили многих на приступе, и с острожков их выбили всех на реку, и на реке на съёмной драке Антуя убили, не ведаячи, а Чипчига ушел во многих людех» (ДАИ, IV, стр. 147). Очевидно, коряцкие острожки представляли укрепления не хуже русских зимовий. Вот как описывает последние Г. А. Попов: «Зимовье это просто курнал изба с печью, вот и все укрепление. Недалеко ставился юрест, в отличие от окружающего инородческого населения. Острожки же обводились небольшим частоколом, верхи которого заострялись. Острожки в более отдаленных и важных пунктах имели также и башни. До недавнего времени в Средне-Колымске сохранилась одна полуразвалившаяся башня, так остаток Колымского острога» (Открыки по истории Якутии, стр. 26).

² В. Серошевский. Якуты, стр. 229. См. также «Памятную книжку Якутской области на 1896 г.», стр. 131.

³ ДАИ, V, стр. 377.

⁴ Настоящий сборник, стр. 223.

⁵ Надо иметь в виду, что термин «князец» применялся колонизаторами чрезвычайно широко, объемам различные категории туземных верхов, представлявших разные ступени общественного развития.

⁶ Настоящий сборник, стр. 64.

ские воеводы сталкиваются с первых же лет завоевания. Так, один из первых документов нашего сборника содержит жалобу тунгусского «шамана» Нириулка на князя Нялэтикой волости Звероула, который «с своими родниками и с верхленскими тунгусами пришел на усть Куты реки к ним Нириулку с товарищами войною, и убили у них брата его Нириулкова князя Чалкича да другого лучшего тунгуса ясачного человека, и чтоб ево Нириулка от того князя Звероула и от его родников и от верхленских тунгусов оборонить и послать с ними на того Звероула служивых людей войною 50 человек и будет тот Звероул и уйдет, и он шеман с теми служивыми людьми возьмет ево Звероулову жену и детей». ¹ Впрочем, спустя две недели после первой челобитной Нириулку «бил челом словом» и сообщил, что помирился с Звероулом, «взял головщины две жонки» (последнее обстоятельство наглядно демонстрирует нам процесс изживания кровной мести).

Функцию, аналогичную Нириуловой, выполнял тогда же и князец Можеул, предлагавший ясачным оборонщикам вести их на своих неясачных соседей — бурят. ² В обоих случаях любопытно отметить, что вражда, повидимому, усиливается благодаря приходу завоевателей: объясненные туземцы помогают русским обложить своих соседей, а противящиеся ясаку выбирают жертвой своего нападения тех, кто уже покорился колонизаторам.

Столкновения между тунгусами встречаются и позже, и в других местах: так, в одном случае мы наблюдаем, как «шешие» годникины посылаются за «олениными» годниками. ³

Несколько другой характер имеют конфликты среди якутов. Начиная с установления якутского воеводства мы встречаем жалобы одних якутов на других, довольно хорошо представленные в настоящем сборнике. ⁴ Здесь мы встречаем и случаи нападения одних князцов на других, и искковые заявления по поводу краж, угона скота, возвращения калыма и т. п. Дела эти представляют большой интерес для характеристики социального строя якутов, и мы к ним еще вернемся ниже. Во всяком случае они свидетельствуют о значительно дальше зашедшей у якутов общественной дифференциации, хотя и здесь мы встречаемся по преимуществу с столкновениями якутов различных «волостей» (только в одном случае среди исков первых лет, приведенных в настоящем томе, мы находим челобитную якута Ватуруской волости на угнавших у него лошадей якутов той же волости).

В этой связи любопытно отметить развитие судебной организации в якутском воеводстве. Первоначально русская власть берет судебные функции на себя. Это, с одной стороны, способствовало снижению прав местной знати, с другой — служило целям «государева прибытка», да, впрочем, и не только государева. Головин, например, не только судил у себя в избе, но и посылал служивых людей по волостям «для росправы по якутским челобитным»; ⁵ одним из методов личного обогащения у воевод Лодыженского было взяточничество при суде. «Да он же Михайло Семенович судит якутов о кражах и о убийствах; и оне якуты лучшие князцы тягнутся промеж себя и ищут скотин по 10-ти и по 40-ку и больше друг на друге ищут; и от тех якутов наживает Михайло Семенович на год скотин по 200 быков и коров; и он Михайло Семенович тот скот на зиму берет скотин по 100-у и по полтора; и тот скот велит дворецким своим... по полтине пуд в долг продавать служивым в кабалы до жалования... да он же Михайло Семенович отдает служивым быки добрые... и за те быки ему Михайлу Семеновичу приезжают службы и платят ему соболями и деньгами». ⁶

Это чудесное превращение быков в соболей может быть, и устраивало изобретательного воеводу, но вряд ли приходилось по вкусу прежним владельцам этих быков. В дальнейшем судебная политика меняется Москвой, повидимому, после челобитья группы якутских феодалов в Москве в 1677 г. Суд переносится на места, причем в суде принимает участие местная знать: «И будет которые якуты учнут бить челом великим государем друг на друга в исках своих, ценою в пять рублей, и тебе в таких исках им якутам суд давать и с суда указ чинить вправду вместе с их иноземскими князцы и с лучшими людьми, а без них тебе Евдокиму не судити...» ⁷ Эта реформа знаменовала укрепление союза Москвы с туземной знатью, а также стремление центрального правительства несколько урезать права местных властей, слишком интенсивно обогащавшихся в ущерб интересам казны.

¹ Настоящий сборник, стр. 2—3.

² ДАИ, II, стр. 255.

³ ДАИ, VII, стр. 294.

⁴ Ср. стр. 201 след.

⁵ Настоящий сборник, стр. 21.

⁶ Настоящий сборник, стр. 61.

⁷ Наказ Е. Курдюкову 1685 г. АИ, V, стр. 194. Ср. также настоящий сборник, стр. 131—132.

В дальнейшем по мере укрепления колониального режима и слияния якутских феодалов с правительственным аппаратом судебные функции были возложены целиком на князюв: «... сентября от 19 дня 1732 г. ... велено объявить всем ясашным иноземцам, чтоб малые есоры, яко то: в калыму, в воровстве скота, в побоях и все прочее, кроме криминальных дел и смертного убийства судить и разводить такие ссоры посредственно каждому старшине в своем роду, дабы к тяжбе и волоките не допустить... И когда также малое дело, то судить одному, а когда побольше, то выбрать из трех родов по два начальника, всего шесть человек...»¹

Возвращаясь к проблеме завоевания, следует отметить еще один мало изученный момент, препятствовавший успеху московской колониальной политики в южных районах Якутии — это соседство с Китаем и конкуренция последнего. О продвижении в Бурятию, не всегда удачном для русского оружия, говорят и некоторые документы нашего тома. О сношениях южных тунгусов с бурятами сообщил якутским властям упомянутый выше Можеул: «... а по Киренге живут многие тунгусы, а ясак государю платят не все, а соборы продают в Браты на животину и на просо...»² Перехватить этот торг в свои руки стало заветным стремлением колонизаторов. Наказная память Осипу Вояршине 1642 г. гласит: «... и им ясашным тунгусам говорить, чтобы они... с тою рухлядью приезжали к государевым к торговым и промышленным людям и с ними тою своею рухлядью на всякие товары меняли и торговали, а з ныне ж немирные землицы, в Браты и в Мангалы, с тою мяткою рухлядью не отъезжали и с ними тою рухлядью не торговали...»³ Активизация русских в Приамурье, выразившаяся в экспедициях Пояркова и Хабарова и укреплении Албазина, имела своим результатом встречное наступление со стороны «богдойских людей», не только оказывающих сопротивление казакам и военную помощь бурятским феодалам, но заглядывающих и на Охотское побережье, население которого частично оказалось обложенным двойным ясаком; «живут де они на Уде реке с родниками своими и твоей, великого государя, ясак платят в Верхотском зимовье, а Богдойского де царя люди приезают и их всякими теснотами теснят и ясак с них емлют, отписывал в 1671 г. в Москву воевода Борятинский. Как видно из той же описки, китайская агитация захватила и якутов: «... Богдойские люди с твоими великого государя ясашными людьми торгуют и дают им в подарках за собору кольца серебряные и луки, и азамы, и камки, и иные товары, и призывают к себе в Дауры на Зийские сторонние речки и на Зию реку, и якуты мест проводят, где бы им откочевать...»⁴

Что китайские разведчики приходили не зря, видно из поведения тех самых «майских тунгусов», о которых мы только что упоминали. Не желая, повидимому, платить двойной ясак, они «великому государю изменяли и служилых людей Ивашку Караса с товарищи 17 человек побили, — и те тунгусы, коряки торгуют с даурскими людьми и с гнялками... а аманатов прет сего было в том зимовье 13 человек, и те аманаты во 183 г. за малолетством великому государю изменили и служилых людей побили и ясашную зборную казну и казачьи пожитки унесли с собою».⁵ Случай ухода ясашных якутов в Даурию и к «богдойским людям» в документах встречается довольно часто.

Как видим, даже проблема колониальной политики в Якутии, с внешней стороны наиболее изученная, требует еще значительного исследования. При этом мы не остановились на целом ряде частности. А между тем в истории колониальной администрации имеется ряд весьма любопытных деталей. Чего стоит, например, одна история столкновений различных групп колонизаторов в процессе освоения Якутии, на которую с разных сторон двинулись ватаги грабителей — мангазейских, енисейских и томских казаков. Здесь имели место и многократные взятия ясака с одних и тех же туземцев, и вооруженные столкновения конкистадоров между собою. Надо думать, что эта изначальная рознь различных колонизаторских потоков сыграла свою роль и в дальнейшей истории Якутии. Следует отметить также, что враждующие казачьи орды быстро сумели использовать и внутреннюю борьбу колониальных народов. Полагаем, что те, например, якуты, которые вместе с енисейским сыном боярским Парфеном Ходыревым «побили государевых ясашных людей якутов нахарцов» и служилых людей томского атамана Д. Копылова, действовали в союзе с Ходыревым не по одному только принуждению.⁶ Наказы

¹ Е. Д. Стрелов. Акты архивов Якутской области, т. I, Якутск 1916, стр. 177. Ср. стр. 196—199.

² ДАИ, II, стр. 247.

³ ДАИ, II, стр. 177.

⁴ ДАИ, II, стр. 255.

⁵ ДАИ, VII, стр. 294.

⁶ ДАИ, II, стр. 231.

якутским воеводам неизменно напоминают о подвигах казачьих шаек и их вождей,¹ преследуя в этом случае, конечно, отнюдь не интересы туземцев, а доходы царской казны. О проделках Галкина и Ходырева в Москве не забывали до самого конца XVII в., т. они так и вошли в формуляр наказной памяти якутским воеводам.²

Наш сборник дает хороший материал и для изучения еще одной черты колониальной политики — обращения туземцев в православие. Оказывается, местные власти отнюдь не горели желанием купить себе царские небесные путем распространения среди язычников христовой веры. В одном из наших документов приведен любопытный факт: новокрещенка — жена служилого человека обманым образом окрестила другую якутку, за что и была «бита батоги».³ Вообще к вопросу крещения проявлялась сугубая осторожность, и каждый конкретный случай взвешивался администрацией без учета пожеланий духовенства. Причины такого подхода ясны: новокрещенцы выходили из-под ясачного ярма, а прогрессирующее скудение ясака доставляло воеводам и без того достаточно забот.

Если христианизация Якутии шла медленно, то зато чрезвычайно быстро шел другой процесс: шаманизация пришельцев. К услугам шаманов прибегали и воеводы, и простые служилые люди.⁴ Это обстоятельство дает известное представление о культурном уровне колонизаторов соответственно к туземцам.⁵

Основной формой колониальной эксплуатации было взимание ясака. Выше мы отметили, что и этот вопрос представлен в опубликованных документах и в литературе. Однако и здесь имеется целый ряд неясностей, на которые должно быть обращено внимание историков.

Прежде всего следует отметить чрезвычайную неопределенность системы обложения. Не говоря уже о том, что она менялась на ходу, никаких устойчивых правил до конца XVII в. не было выработано. Первоначально ясачным сборщикам предоставлялось действовать по собственному усмотрению, но и в дальнейшем, после проведения ясачных переписей, мы сталкиваемся в этом вопросе с довольно большим разнообразием. Проследить по ясачным книгам методы обложения — дело большой исторической важности, плодотворное еще и потому, что попутно выяснятся ряд черт внутреннего строя туземного населения.

Первоначальной формой взимания ясака было, по видимому, обложение одних только князей. Так, по сообщению Оглоблина, «в ясачной книге «новых земель с Лены реки» 140 г. приведены имена только якутских князей, с коих енисейский стрелецкий сотник Петр Бекетов с товарищи собрал первый яsak — с Накаруя, Батуя, Мангуна и др.»⁶ Аналогичную картину встречаем и в отношении вверные объясненных тунгусов. Из помещенной в настоящем томе сказки толмача К. Мясина 1641 г. видно, что при объяснении киренских тунгусов «государев

¹ Наказ П. Головину, см. Рус. Ист. Б-ка, т. II. Ср. также наказ В. Пушкину и К. Суло-йеву: «... не так бы делали, что наперед сего воровали енисейские служилые люди атаман Иван Галкин с товарищи, ходячи из Енисейского острогу на Лену реку для государева ясачного обору, имели с собою товары свои многие, и на те свои товары и на деньги, будучи в ясачных волостях и в улусах, и в землях у ясачных людей покупали и выменивали многою мягкую рухлядь, лутные соболи и лисицы и бобры, и привозили собою с Лены в Енисейской острог, а воеводы в Енисейском остроге дружка им и для бездельной корысти те у них соболянные мягкие рухляди на государя не имели...» (ДАИ, II, стр. 270).

² Ср. настоящий сборник, стр. 78. О столкновениях служилых людей см. также настоящий сборник, стр. 2 и др.

³ Настоящий сборник, стр. 164.

⁴ Красочное описание шаманства перед воеводою Пашковым дает в своем «житии» протопоп Аввакум: «Отпущал он сына своего Еремея в Мунгалское царство воевать, — казаков с ним 72 человека, да тунгусов 20 человек. И заставил иноземца шаманить, сиречь гадать, уласть ли им поход и з добычею ли будут домой. Волхв же тот мужик, близ моего зимовья, привел живого барана в вечер и учал над им волхвовать, отвергя голову прочь. И начал ска-зать и плясать и бesos призывать, крича много. О землю ударился и пена из рта пошла. Беси его давили, а он спрашивал их: уласть ли поход? И беси сказали: с победою великою и з бо-гатством большим будешь назад» (цит. по А. К. Вороздину, Протопоп Аввакум. СПб 1900, прил., стр. 91). Любопытно отметить, что когда представители якутской знати Мазары Боезовы и др. отправились в Москву с жалобой на притеснения воеводы Варнешлева, последний «при-зывал якутских шаманов и велел шаманам шаманить о смерти их, челобитчиков...» (ДАИ, VIII, стр. 241. ср. также ДАИ, XI, стр. 30).

⁵ Следует отметить, что С. В. Бахрушин, отзыв которого о населении берегов Лены мы приводили выше, в позднейшей работе признал рассматриваемое обстоятельство и указал, что «в момент завоевания культурный уровень колонистов был немногим выше уровня якутов» (отатья «Исторические судьбы Якутия» в сб. «Якутия», изд. Академии Наук СССР, стр. 306).

⁶ Обзорение столбцов и книг... ч. 1. стр. 96—96.

яск давали не все, только де старики». ¹ Однако в эти же годы проводится ясачная перепись, причем ясачным оборщикам предлагается не ограничиваться одними князьями и лучшими и улусными людьми, но «и шодростков их детей и братью и племянников проводывать и сыскивать накрепко, и сыскав на государя ясак иметь по тому ж, как и с их братьи». ²

В дальнейшем, однако, ясак «с захребетников с их братьи и племянников» предписывалось уже и при первом «присике» «неясачных иноземцев». Практика ясака (мы имеем здесь в виду, так сказать, «нормальный» ясак, а не те дополнительные лоборы, которые шли в личный доход оборщиков, грабивших, действительно, «смотря по тамошному делу»), однако, не изучена, и только дальнейшие наблюдения смогут дать сколько-нибудь ясную картину. Может оказаться небесполезным и рассмотрение того, где платили ясак туземцы — везли ли они его сами в местный административный центр или ждали прихода к себе оборщиков.

Очень существенным представляется и изучение ясачной политики по отношению к боканам. Характеристику боканата мы попытаемся наметить ниже, сейчас только укажем, что первоначально боканы ясаком, повидимому, не облагались, что явствует из показаний якутца Бакаяны 1647 г.: «отец де ее Еюк жил в Атамайской волости, а ясаку с себя государю не давал, жил в боканах меж якутов». ³ В дальнейшем, однако, мы видим уже попытку обложения боканов, хотя количественно относительно скромного, по тем не менее вызвавшего неудовольствие их господ. ⁴ Вопрос этот, как и все явление боканата в целом, требует тщательного изучения и накопления новых фактов.

Обычным методом гарантирования сбора ясака было взятие заложников, «аманатов», содержавшихся в острогах и отвечавших за исправность своих сородичей. Аманатами обычно бывали или сами князцы, или их ближайшие родственники. «Хороший» аманат высоко ценился: «...а государским счастьем дал бог аманатом доброго мужа шамана, и роду, сказывают, у него много», доносил с Индигрки в 1656 г. К. Ванюков. ⁵ Поэтому центральное правительство всячески наказывало «аманатов у них иноземцев ямать лутших людей» и беречь их. ⁶ Однако практика использования аманатов оказывается также довольно разнородной. Чем прочнее чувствовала себя власть, тем меньше она видела надобности прибегать к этому способу. Хотя окончательная отмена аманатов последовала только в 1769 г., тем не менее по отношению к якутам политика эта изменилась гораздо раньше. Уже наказная память якутскому воеводе Волконскому 1670 г. предписывала ему в этом отношении дифференцированный подход: «и лутчим из них князцом или волостным людям велеть быти у себя в острожке в аманатах, из волости по человеку или по два, по переменах, по году или по полугоду или помесечно, или как пригоже, смотря по тамошнему делу...» ⁷ А из описания Якутского уезда 1675—1676 г. мы узнаем, что в зимовьях Верхневилуйском, Средневилуйском, Жиганском и Верхояльском якуты уже «платят ясак без аманатов». ⁸

Стремиться к ликвидации института аманатов колониальная администрация должна была еще и потому, что аманат далеко не всегда был безопасной фигурой. Несмотря на запрещение «аманатов держати просто и не в большой крепости», ⁹ далеко не всегда колонизаторы обладили достаточными условиями для удержания аманатов. Отписки служилых людей из зимовий и острожков пестрят сообщениями о побеге аманатов или вырубке их единоплеменниками, причем такие столкновения часто сопровождаются погромом служилых людей, «пониманием» «казачьих борошников» и отпадением от ясака. Мы не говорим уже о таких случаях, когда администрация по собственным соображениям отказывалась от содержания аманатов. ¹⁰

¹ Настоящий сборник, стр. 9.

² ДАИ, II, стр. 176.

³ Настоящий сборник, стр. 163.

⁴ Настоящий сборник, стр. 58.

⁵ ДАИ, IV, стр. 57.

⁶ Как берегли аманатов даже в самом Якутске, показывает «Книга приходная государеву скоту» Ленского острога 148 г. «какова скотина у ково куплена аманатом на корм и ясачным людям к приезду с государевым ясаком». Даже не очень симпатизирующий якутам Оглоблин вынужден был признать, что это «документ крайне возмутительного содержания, хладнокровно рассказывающий о том, как откармливали аманатов мертвечной... «А те мертвечины с того числа до июля до 1-го числа изюшли аманатом и якутским князцом и их улусским людям на корм...» (Op. cit. ч. 1. стр. 250).

⁷ АИ, IV, стр. 443.

⁸ ДАИ, VI, стр. 405—406.

⁹ ДАИ, IV, стр. 80.

¹⁰ Напр.: «...а ясак де твой государев собирал на Янге без аманатов, а аманатов держати на Янге, государь, не уметь, для того что кормить нечем, река безрыбна» (ДАИ, II, стр. 241).

Особый интерес с нашей точки зрения представляют те случаи, когда наличие аманатов оказывалось недостаточной гарантией уплаты ясака. Этот обычный прием московской колониальной политики применялся, повидимому, не всегда с полным учетом общественных связей местного населения и давал иногда неожиданные результаты. Так, среди обвинений против Головина мы читаем, что он «перядеючи государевою службою», «... с приездею своего велел добрых вилосских ясачных зимовий аманатов переменять, которые до нево Петра взятые в аманаты, а в их место велел иметь детей их малых ребят в аманаты, и под тех, государь, малых ребят те тунгусы многие твоего государева ясака не платили, а иные сошли на дальние реки...»¹

В 1655 г. жаловался Ю. Селиверстов: «Да в нынешнем же во 163 г. ... яз Юшко с товарищи. поимали в аманаты у мужика сына, а ясаку с него на нынешней 163 г. не ваято ничего, а в иные годы не ведаю будет и неведая не будет, а мужик роду Ходынского».² Число таких примеров можно бы и умножить, но мы ограничимся еще одним, чрезвычайно на наш взгляд интересным: в цитированном уже описании якутского воеводства мы читаем: «... да по той же Анадыре реке и у моря живут многие неясачные чухчи и коряки, и с тех чухочь и коряк емлют в аманаты отцов и братьев и детей, и те коряки и чухчи тех аманатов покидают и ясака под них не платят...»³

Мы задержались на указанных примерах, потому что в этой связи может быть небезопасно поставить вопрос, не имеем ли мы здесь дело с некоторым дополнительным материалом для характеристики общественного строя туземцев и нельзя ли, исходя из этих и аналогичных данных, уточнить (в разных случаях, конечно, по-разному) наши представления о социальных связях, приводивших к такому небрежному отношению к собственным сородичам.

Известно, к каким результатам привело колониальное хозяйничанье в Якутии. Нищание и вымирание туземцев, оскудение естественных богатств колонии вследствие хищнической их эксплуатации — таковы были довольно быстрые итоги русского владычества. Колониальные власти сами не без испуга смотрели на дело своих рук, не потому, конечно, что чувствовали какую-нибудь ответственность за подвластное им население, а вследствие катастрофического падения пушных промыслов и сбора ясака, на которых строились и доходы казны, и личное обогащение самих колонизаторов. Хищнически истребляемый пушной зверь стал редеть. В XIX в. этнографы находили легенды о соболях в таких местах, где уже давным давно перестали их промышленники. «Здесь когда-то соболя было столько, что во двор к людям забегали» — говорили Серошевскому колымские якуты.⁴

Драгоценный зверь истреблялся и туземцами, изнемогавшими под тяжестью многочисленных поборов, и русскими промышленными людьми, энергично выкачивавшими из Якутии ее пушные богатства.

Характер военно-феодальной эксплуатации (то, что буржуазные историки называли «эксплуатациями» местных властей) Восточной Сибири достаточно известен. Здесь практически имели место те самые «идиллические процессы» которые Маркс с такой острой силой вскрыл в американских и индийских колониях европейских стран,⁵ с той разницей, что в условиях феодально-крепостной России процессы эти значительно меньше могли служить делу первоначального накопления, чем в передовых капитализующихся странах Европы. Мы не будем подробно останавливаться на этой теме, укажем только, что материалы настоящего сборника подробно иллюстрируют процесс оскудения и вымирания туземного населения. Особенно густо начинают эти материалы идти с конца 60-х гг. XVII в. Так даже в наиболее богатом районе прилежавших к Якутску волостей князья и лучшие якуты оказались в 1670 г. не в состоянии дать за себя полный яsak. Показательны их мотивировка: ... и ныне де им сказали, дать нечего, на соболиные де промыслы в нынешнем во 178 г. многие не ездили за конною скудостью, и многие у себя коней и инова скота не сказали, сказались многие бедны. А которые де из них якуты и ездили на соболиные промыслы... и те де якуты соболей не добыли, а сказали, что де соболи и всякой зверь в их якутских угодьях выловали в прошлых годах русские промышленные люди».⁶

¹ Настоящий сборник, стр. 25.

² ДАИ, IV, стр. 12.

³ ДАИ, VI, стр. 40.

⁴ Op. cit., стр. 138.

⁵ Капитал, т. I, изд. 1931 г., стр. 603.

⁶ Настоящий сборник, стр. 113. Ср. А. А. Ионин. Новые данные к истории Восточной Сибири XVII в., Иркутск, 1895, стр. 196.

Аналогичные факты мы находим в эти годы и для якутир,¹ отказывающихся платить за своих умерших «родняков», и для тунгусов² и др. туземцев. Соболь стал исчезать даже в северных районах Якутии: «А ясак эбираетца с великою нужею, потому что, сказывают иноземцы, что стала наша земля пуста, на Яне и по сторонам рекам и до Индигирки, а по другую сторону и до Лены соболей нет, стало промышлять ясаку соболей негде и неково; а добываем де ясак соболи извозом у русских людей...»³

Истребление пушнина, при интенсификации колониального грабежа, неизбежно влекло за собой вымирание и обнищание туземцев. К этим причинам надо еще прибавить стихийные бедствия — эпидемические болезни людей и основного их богатства — скота. При таких условиях неизбежно должно было активизироваться и сопротивление «иноземцев» захватнической политике колонизаторов.

Мы видим попытки туземцев защититься от «потока и разграбления» и мирными способами. Тому свидетельством многочисленные жалобы их на притеснения ясачных сборщиков и непосильность обложения. Однако на этом пути ожидать облегчения было трудно. Отношения между местными властями и Якутском складывались по тому же типу, что и отношения между воеводами и московским правительством. Каждый ясачный сборщик знал, что ему запрещается прижимать туземцев и вести с ними меновой торг в свою пользу, так же как знал, что в кошечном счете за «воровство» свое будет отозван, а приемник его будет поступать по тому же рецепту. В худшем случае не в меру ретивого боярского сына или казачьего пятидесятника в Якутске ожидали батоги, но ограбленному им населению от этого легче не становилось. Был и другой мирный путь, о котором мы уже упоминали выше — бегство от колониального гнета, откочевка в другие места. Этот метод особенно широко практиковался в начале завоевания, когда мест для ухода было еще сравнительно много и радиус действия ясачных сборщиков был еще невелик. Так, например, мангазейские казаки, первые побывавшие на Вилюе, якутов не застали, между тем как в начале 40-х гг. боярский сын Воин Шахов констатирует наличие на Вилюе около 3000 якутов и тунгусов.⁴ Впрочем, побегов и откочевки мы наблюдаем в течение всего XVII в. — так, напр., в 1683 г. отряд Гаврилы Фролова был опрavlен на реку Быструю «для беглых якутского острогу ясачных тунгусов».⁵ Очень любопытен документ, 1681 г., печатаемый в настоящем сборнике и рисующий положение на Оленеке, где «большой голод... прошлой весны и осени, единого зверя не промыслили якуты ни убили, и с тех пор и наги и голыдные якуты», «платят ясак... с великою нужею, иные якуты с Оленка реки сошли в Середнее в Вилюйское зимовье, а иные на Анабору реку, а иные в Жиганы на Красное пришли, а иные безвестно сошли»; что придает этому документу особый колорит, это сообщение, что вместе с якутами и «казачьи дети и посадские люда сошли на Анабору реку».⁶

Однако чем дальше, тем труднее было уходить от длинных рук московских людей; и чем шире становился круг действия последних, тем чаще мы встречаем в источниках факты вооруженного сопротивления туземцев.

Этот вопрос представляет для истории якутов, тунгусов, ламутов, якутир и всех вообще народов тогдашней Якутии первостепенный интерес. Однако до настоящего времени мы даже не имеем простой фактической сводки всех известных в печати случаев восстаний. Не говоря уже о повседневной борьбе туземцев с завоевателями, выражавшейся в многочисленных нападениях на отряды и зимовья или на отдельные отряды служилых и промысловых людей (и все эти факты необходимо учесть и изучить), мы по сути дела не имеем даже полной регистрации крупных движений, длительно продолжавшихся, охватывавших целые районы и подчас объединявших различные народности. В лучшем положении история восстаний якутов, но и здесь имеющиеся в литературе данные введены и изучены совершенно неудовлетворительным образом.

¹ Настоящий сборник, стр. 114.

² «... В нынешнем во 184 г. им тунгусам... лешие соболиные их промыслы не удавались, а на лошади де и на олене был падеж, а иные иноземцы с ясаком в зимовье не бывали...» (Отписка десятичника Н. Савина, ДАИ, VII, стр. 7). Ср. настоящий сборник, стр. 129—130.

³ Настоящий сборник, стр. 116.

⁴ М. А. Красовский полагал, что якутская эмиграция на Вилюй была следствием восстания Мымака. Хронология Красовского, однако, не вполне убедительна, да и вообще нет нужды связывать массовую откочевку якутов с юга с каким-нибудь определенным моментом. (Ср. М. А. Красовский. Русские в Якутской области в XVIII в. — «Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XII, в. 2, Казань, 1894, стр. 148—149).

⁵ ДАИ, X, стр. 231.

⁶ Настоящий сборник, стр. 120—121.

В своей сводке восстаний в Якутии Попов указывает следующие движения: 1) восстание Мымака 1634 г.; 2) спустя два года — восстание кангаласских якутов; 3) восстание Балтуги-Тимирева 1675—1676 гг. и 4) восстание под предводительством Дженика 1681 г., которое он расценивает как «последнюю попытку вооруженного массового сопротивления якутов».¹ Л. Мамет в своей упоминавшейся уже выше статье дает перечень, а отчасти и характеристику якутских восстаний.² При этом он, повторяя данные Попова, вводит еще два восстания — Мымака в 1646 г. и Орюкана Секуева 1684 г.

Здесь прежде всего следует разобраться в фактической стороне дела. Далеко не все из указанных восстаний документированы, и сведения о них вызывают известные сомнения. Так, например, факт восстания Мымака в 1634 г. подкрепляется ссылкой на неопубликованную рукопись некоего Явловского «Летопись якутского края», причем нигде не сообщается, какие же использовал автор материалы и не является ли это восстание его домыслом, основанным на фольклорных данных. Из публикуемых в настоящем сборнике материалов видно, что восстание Мымака произошло в воеводство Головина, в 1642 г., и это восстание и следует признавать историческим, причем, как мы сейчас увидим, оно отнюдь не было изолированным».³

Не очень точно документировано и восстание кангаласских якутов, о котором упоминают Попов и Мамет. То же следует сказать о восстании под предводительством Дженика в 1681 г., имеющем своим источником ту же рукопись Явловского и подозрительное предание о поставленном русскими на месте победы кресте, а также упомянутую выше статью Москвина о якутских воеводах. В доступных нам источниках мы не нашли указаний на восстание Дженика, хотя самый факт восстания вполне вероятен. Конец 70-х — начало 80-х гг. дают резкий взлет жалоб на обнищание якутов и ряд упоминаний о волнениях. В том числе мы находим и сообщение о каком-то недовольстве кангаласских якутов, почему-то оказавшихся неясными и оказавших сопротивление агентам боярского сына Козыревского. Дело это как раз имело место в конце 1681 — начале 1682 г.⁴

Дело, однако, не только в установлении проверенного списка движений, но и в определении их размаха, характера и движущих сил. По этому вопросу мы имеем только беглые замечания Мамета, согласно которым «организаторами и вождями протестов и вооруженных восстаний были тоионы, ведшие за собою массу во имя защиты всех якутов от грабителей и насильников. Если для всей якутской массы русская колонизация несла экономическое закабаление, нищету, разорение и политическое рабство, то и для родоназачальников, тоионов, князцов, для всей вообще якутской знати эта колонизация несла с собою угрозу потери значительной части их привилегий».⁵

Это определение в такой общей форме неверно. Автор не учел того обстоятельства, что восстания эти вовсе друг на друга не похожи. Ему самому пришлось признать по поводу движения Орюкана Секуева, что «характерной чертой этого восстания было то, что оно было направлено не только против самих завоевателей непосредственно, но и против тех тоионов, которые примкнули с завоевателями, превратившись в прямую агентуру и опору последних».⁶ (содержанием термина «тоион» Мамет не расширяет, ограничиваясь характеристикой тоионата из работы Липинтала).

Думается, что мы имеем дело не с единой линией колониального движения, а с двумя последовательными его этапами. Первый (у различных народов Якутии и в различных районах его приходится в разное время) представляет первоначальный отпор завоевателям, объединяющий довольно большие туземные группы. Восстание Мымака вовсе не было единичным случаем. Рядом с ним упоминаются другие восставшие князцы — Сергуй, Камык (тот самый, который в 1632 г. принял Петра Бекетова), и вообще, по словам челобитной на Головина, в 1642 г. «вся якутская земля тебе, государю, изменила».⁷ На эти года падают и «измены» тунгусских князцов — Зверюла, Кярinea и др. О той напряженности, в которой утверждались колониаль-

¹ Op. cit., стр. 50—51.

² Op. cit., стр. 30—32.

³ Настоящий сборник, стр. 22—23. Ошибку Л. Мамета, использовавшего материалы настоящего тома в рукописи и датировавшего восстание Мымака 1646 г., объяснить довольно легко. Челобитная на Головина, в которой говорится о восстании, датирована 1754 г.; т. Мамет, полагая, не учел того обстоятельства, что челобитная эта говорит о многих предшествующих событиях, а восстание Мымака довольно определенно относит к марту-апрелю 1750, т. 1642 г.

⁴ Настоящий сборник, стр. 123.

⁵ Op. cit., стр. 32.

⁶ Ibid.

⁷ Настоящий сборник, стр. 22.

ные порядки в конце 30-х — начале 40-х гг., свидетельствует хотя бы следующее показание Никифора Галкина: «а на промыслах де от иноземцов их братье промышленным людям стало утешение великое, ясачные тунгусы и якуты, а иные неясачные, по рекам, в зимовьях и на перелогах во 152 году побивали много, на Вилюе убили тридцать человек, на Яне убили 11 человек, на Виците на двух Мамах реках убили 12 человек, и по иным рекам во многих местах промышленных людей побивают же, а они де промышленные люди от тех воров, без государева указу, собору оборониться не смеют...»¹

Следующее известное нам движение якутов — восстание Балтуги Тимиреева — отделено от первого этапа промежуток больше тридцати лет. За это время многое изменилось. Колониальный режим не только окреп, но успел уже в значительной степени истощить пушные богатства страны и довести туземцев до вымирания. И новую полосу восстаний следует, нам кажется, сопоставить с приведенными выше данными об оскудении населения и расценить как ответ на интенсификацию колониального грабежа.

Дело началось, повидному, с того, что дети и братья Балтуги, будучи на соболиных промыслах, убили казака и промышленных людей. Тем не менее Балтуга сначала восставать не решился, предполагая только откопачать, и даже прислал за себя ясак. При этом он, правда, нарушил с точки зрения колонизаторов порядок, не приславши ясака «за тех якутов кои убиты да Лене от промышленных людей» (таким образом мы попутно узнаем, что и Балтуга был в этом деле страдательной, а не только наступающей стороной). Только насилия и угрозы со стороны служилых людей побудили Балтугу к известной активности, и он стал подбирать себе союзников, которых и нашел в лице небольшой группы соседей, якутов и тунгусов. Впрочем, в момент столкновения его с служилыми людьми все его «войско» состояло из пятидесяти человек.²

Восстание Балтуги, таким образом, отнюдь не имело массового характера. С другой стороны, нет никаких оснований считать Балтугу тоюном. Он нигде не назван ни «князем», ни «лучшим человеком». Имущество его оказалось довольно скромным: «шесть жеребцов табунных, шестьдесят кобыл больших и малых, рогатого скота тридцать скотин коров и быков»; у его брата Мавры: «один жеребец табунный, девять кобыл больших и малых, три коровы»; у его союзника Волучи Трекпна: «две кобылы, да две лошади, да три коровы». Если даже учесть, что часть скота Балтуга, как показывают на него, побил для прокорма своего «войска», а другую часть у него украли разгромившие его отряд служилые люди (брат Балтуги Мавра Тимиреев дал значительно большие цифры их имущества: так, у него, Мавры, было «пятнадцать лошадей, да жеребец, да пятнадцать кобыл, да пятнадцать жеребчиков, да тридцать коров, а где тот скот ныне, того де он Мавра не ведает»), то все же имущество его не представляется особенно значительным. Так, во время сыска у злогоного недоимщика Демеги Быгоева в 1671 г. последний показал: «... а се мне конеча платить нечем, потому что нужен и бедеи, скота у меня немного. 13 коров и 3 быком, да кобыл тринадцать, да жеребец, да 5 коней, а более того скота и живота у меня нет ничего...»³ Действительно, как видно из одного документа, печатаемого в настоящем сборнике, людей с таким количеством скота сильные якуты обращали в своих холопов.⁴ Если у Балтуги было и значительно больше, чем у Демеги Быгоева, то все же он представляется нам жалким якутом средней руки, а не тоюном, и восстание его и его товарищей было лишь довольно слабой попыткой протеста против разорения и насилия со стороны колонизаторов. Насколько озлоблены были якуты, видно из жестокости их расправы с казаком Лаврентьевым, у которого они «грудь спороли и сердце выняли и глаза выкололи и у рук персты обескли», и по той стойкости, с которой они перенесли жесточайшую пытку, уготованную им якутским воеводой.

Следует отметить, что как раз «лучшие якуты» Ярконской волости, к которой принадлежал Балтуга, выступали в качестве агентов власти и уговаривали Балтугу явиться в зимовье на помощь служилых людей. Среди участвующих в карательном отряде якутов находим также шамана.

Дело Балтуги, повидному, получило резонанс больший, чем можно бы предполагать по его скромным размерам. Можно думать, что настроение якутской массы было довольно грозным и что у Балтуги могли оказаться последователи. Иначе трудно объяснить, почему крупнейшие якутские князья из группы покорных ирарительству настолько переполошились, что подали царю специальное челобитие о Балтуге с просьбой помиловать его. Балтуга действительно был

¹ ДАИ, II, стр. 279.

² Документы о деле Балтуги Тимиреева, см. ДАИ, VII, стр. 4—45.

³ Ионин, Ор. сит., стр. 197.

⁴ Настоящий сборник, стр. 211.

помилован: «И великий государь его Балтугу в вине простил. и велено бить Балтугу на козле нещадно и дать на поруки и написать на них Балтуге и на Мавре великого государя ясак за мертвых». Впрочем, беспокойного духа Балтуги не укротили ни пытка, ни тюремное заключение, ни заключительное наказание. Спустя два года поручители Балтуги подали на него жалобу, что он отточевал с своих «породных мест» на Вилкой, где, повидимому, вступил в конфликт с местными богатыми якутами: «и ныне, государь, они Балтуга и Мавра и Оекан, живучи на Вилую, свою братию якутов бьют и грабят и насильства им чинят всякие... ясаку за брата своего Байгу и за сыновей своих не платит... Поскольку, однако, дело шло о внутриякутской борьбе, администрация ограничилась переводом Балтуги на старое место.

К сожалению, о восстании Орюкана и Дачиги Секуевых у нас данных сравнительно немного. Но из того, что есть, можно заключить, что борьба началась среди самих якутов и что братья Секуевы первоначально выступили против якутской знати, «розвоевав Якуцкий уезд, лучших людей побив». «Лучшие люди» обратились за помощью к русской власти, и тогда Секуевы решили заключить союз с восставшими на Омоконе тунгусами. Таким образом, в восстании Секуева мы видим соединение классового якутского движения с колониальным протестом, что говорит о значительно большей его зрелости. Можно догадываться, что и по масштабу это восстание превосходило движение Балтуги и наказание восставших было гораздо более суровое: Орюкан был четвертован, а его товарищи повешены.

Думается, даже из нашего беглого изложения видно, какой важный материал дает история восстаний для понимания хода колониального процесса и социального строя якутов. То же самое можно сказать и о восстаниях других туземцев. Мы не будем подробно на них останавливаться, укажем только на чрезвычайно интересное для истории охотских тунгусов движение, связанное с именем Зелемея Ковырина. Освоение охотского побережья вообще проходило с большим трудом. Особенно усложнилось оно с конца 40-х гг., когда в ответ на убийство Ковыри, «лутчего князца Майского зимовья», дети его подняли «многих родов тунгусов» и «учинили меж собою шатость и на собольных промыслах на Маи реке наших русских промысленных одиннадцать человек побили до смерти и вперед убийством на русских людей хваца». ¹ Волнение приняло очень серьезный оборот, причем Ковырины дети требовали выдачи им убийцы их отца. Воевода Франдбеков предложил мировую, ссылаясь на взаимность обид, так как «родники их тунгусы учинили неправду, не дождавша нашего указу, за отца его Ковырина убийство около своих улусов многих наших промысленных людей побили... и им за то Ковырино убийство и обороны просить не доведетца...» ² Тем не менее Юлманей и Зелемей Ковырины с властью не примирились и в позднейших документах все время фигурируют как изменники. ³

Наконец в 1666 г. Зелемей Ковырин поднял большое восстание, охватившее все северное побережье Охотского моря и частично захватившее район Индигирки. Любопытны речи Зелемея к его союзникам, свидетельствующие о его незаурядном дипломатическом таланте и широких политических проектах: «... а сказывает де нам иноземцом так: что де вы глупые люди не разумеете и русских переводов не онаяте, вы бы де такой жили, как я Зелемей живу, самим де вам сведомо, сколько я русских людей побил, а как де над собою увижу какую немеру, и я де к русским людям преклонюся и до меня де в вашем отъю русские люди лутче прежнего; да русские же люди нас обманывают, сказывают нам и ждуть себе в Охотской острог на перемену по вся годы больших людей, и больших де людей в Охотской острог не бывало и покамест в Охотской острог большие люди не пришли, и мы де и достальных людей выкореним и амазатов своих выручим, а потом де о ту же пору, как русские люди на Охоту приходят, на дорогах злаяжем и больших людей не пропустим; а как де на Охоте русских людей изведем, и мы де на Мае и по иным рекам всех русских людей переводем, а впредь для береженья и опасу своего призовем к себе богдыхинских людей, потому что де оне от нас недалеко, а се де им ясак станем платить небольшой...» ⁴ Этот широкий план Зелемей отставил всю жизнь. Покорившись в 1666 г., он снова поднимает огромное восстание в 1677 г., продолжавшееся до 1684 г. — на союз с этими повстанцами и рассчитывал Орюкан Секуев.

Деятельность Зелемея является одним из наиболее ярких моментов движения ламутов и тунгусов, но изучать их нужно все, так же как и движения якугир и чукок. Особое внимание следует обратить на совместные действия ламутов и якугир, якугир и чукок.

¹ ДАИ, III, стр. 175.

² ДАИ, III, стр. 176.

³ См. ДАИ, III, стр. 336, IV, стр. 213.

⁴ ДАИ, V, стр. 69.

Мы видели, как различно реагировала в разное время якутская администрация на восстания Зелемей, Балтуги и Орюкана. В арсенале московских колонизаторов было не мало приемов в деле колониального управления. В связи с этим встает вопрос, как же реагировали власти на падение сбора ясака и рост сопротивления туземцев.

В 1662 г. выяснилось, что в результате эпидемии осы в ряде волостей «ясачные князцы и лутчие и улусные якуты... многие померли, а иные и ныне помирают и с государевым ясаком... сами не бывали и улусных своих якутов не присылают...». В ответ на это последовало следующее характерное распоряжение: «А которые будут якутские князцы и лутчие и улусные якуты в нынешнем по 161 г. и в прошлых по 160 и 159 гг. померли, и жены и дети у них кто иманы остались, и что у тех жен и у детей тех умерших якутов живота и скота, колей и кобыл и коров и быков и жеребенков и теленок, и кто после тех людей животы и скот взял, дети ли или братья и родники или жены, и с тех людей потомуж за тех умерших якутов государев ясак... взяти ж... а якутским князцом и лутчим и улусным людям про то, что после умерших скот описывать для государеву ясаку и поминков, не сказывать, а говорить им... что... велели у вас... умерших якутов скот описывать, чтоб тех умерших якутов тот скот ясачные якуты и якутские боканы не роскрали...»¹

Ясак берется, таким образом, с живого и с мертвого, но администрация несколько еще стесняется своего грабежа и боится вызвать недовольство якутов. В дальнейшем по мере обнищания населения и падения ясачного сбора всякие стеснения отбрасываются. «Книга окладная мертвым ясачным якутам» 1678 г. регистрирует только тех покойников, у которых «животов не осталось и ясаку за них платить некому», почему их и приходилось «выложить из окладу». «Одновременно в том же году предписывалось ясачным сборщикам: «...а будет который иноземец живет у кого в холопах или хром или слеп... и за тех якутов у хозяев их за холопей и за хромых и за слепых... и у старых, и у больных, у которых скота нет, на нынешний на 166 год по окладу имать». Следовательно, чтобы освободиться от ясака, нужно было и разориться в конец, и умереть. Одного из этих условий оказывалось недостаточным.

На фоне этих распоряжений местной власти очень теряют правительственные указы о необходимости проявлять заботу об «иноземцах», так племенные некоторые историков и являвшиеся по существу лишь предостережением воеводам, чтобы они не истребили в конце источник колониального накопления. Воеводы, однако, продолжали завинчивать пресс, чему свидетельством может служить хотя бы наказная память Е. Курдюкову 1685 г., где, между прочим, говорится: «...да в прошлых же годах ясачные ж сборщики, будучи в тех волостях, с ясачных якутов... ясак собирали не против выписки из ясачных книг... а в доездных своих памятах тех якутов очинали, что будто те якуты скудные и бедны, и смота и никаких животов у них нет, и то знатно, что они ясачные сборщики воровали, имали от ясачной понаровки себе посулы великие...»⁴ Воеводы, вероятно, имели основания предполагать, что их агенты нечисты на руку, но действительность тем не менее давала себя знать. Наглядным примером может служить помещенная в настоящем томе роспись 1687 г. о недомышках и «сошлых и несыскных якутах». В результате приходилось менять курс, идти на облегчение ясачного гнета, кое с кого недомышки описывать,⁶ и тем не менее недомышки все росли и росли.

В 1688 г. воевода Петр Зинovieв распорядился собирать ясак уже и за «предбудущие годы», но положения это не опасало. В связи с этим любопытно, что некоторые доходные статьи, ранее игравшие второстепенную роль, начинают привлекать большее внимание администрации, как, например, сбор «моржового зуба».

На этом фоне намечается и падение значения Якутии в общей системе колониальных владений России и явная деградация самого воеводства. Вымирание пушнины лишило Якутию интереса в глазах представителей торгового капитала, все реже присылающих в Якутск своих приказчиков. В 1675 г. воевода Барнешлев доносил в Москву, что «с дальних заморских рек промышленные люди все вышли в Якуцкой острог, потому что на тех реках соболиных промыслов не стало». В Якутске эти «промышленные люди», однако, не задержались, и в следующем году Барнешлев огорчил свое начальство новой неприятностью: «а в Якутском, госу-

¹ ДАИ, III, стр. 376, 377—378.

² О г л о б и н, *op. cit.*, ч. I, стр. 107.

³ ДАИ, VII, стр. 148.

⁴ АИ, V, стр. 196.

⁵ Настоящий сборник, стр. 126 след.

⁶ Настоящий сборник, стр. 129.

⁷ ДАИ, VI, стр. 402.

дарь, остроге собираетца твоя великого государя денежная казна ныне в таможенные и на кабаках перед прошлыми годами малая, потому что в Якутском остроге в приезде торговых и промышленных людей бывает мало...»¹ Даже ремесленники разбежались из Якутска.² Наконец, опасившись ваваша, как мы видели, по якутским волостям, не щадила и центра. После эпидемии 1691 г. в Якутске «многие дома заустели».³ Доходило до того, что в 1697 г. воевода Арсеньев слезно просил прислать ему хотя бы пистчей бумаги, так как ему не на чем было вести даже делопроизводство по сбору ясака...

Так в течение нескольких десятков лет военно-феодалная эксплуатация Якутии крепостниками и торговым капиталом расхитила и разорила богатейший край. К XVIII в. Якутия из недавнего пушного Эльдorado превратилась в далекое захолустье Московского государства.

* * *

Важнейшей и первоочередной задачей историков Якутии является изучение общественного строя туземного населения. Хотя по этому вопросу имеется довольно большое количество работ, но, как мы указали выше, по преимуществу они принадлежат этнографам XIX в., строящим свои схемы без ясного представления об основных этапах истории человеческого общества и на материале преимущественно фольклора, взятом без строгой исторической критики.

Якутский фольклор, действительно, очень богат, а состав его чрезвычайно сложен. Наряду с переживаниями очень древнего порядка, восходящими к матриархату, мы находим в нем ряд несомненно поздних наслоений, возникших уже в период русского владычества. Поэтому пользоваться им нужно с чрезвычайной осторожностью. Между тем, представление об общественном строе якутов к моменту русского завоевания строилось на фольклорном материале в довольно механической интерпретации. Так возникло представление о якутском роде.

Исходя из существования в XIX в. родовой организации, носившей по существу чисто фискальный характер и созданной в XVIII в. комиссией Черкашенникова, этнографы проецировали единую линию развития рода в предшествующие столетия. Наиболее выукло сформулировал эту точку зрения Э. К. Пекарский в своей работе «Якутский род до и после прихода русских». ⁴ Согласно взгляду Пекарского, род, существовавший к моменту завоевания, в дальнейшем начал разлагаться, вследствие борьбы якутских родоначальников за власть. «Во главе его стоят по прежнему «лучшие», «почетные люди», но интересы их начинают обособляться от интересов рода, не поняв действительных намерений правительства, — водворить в крае гражданский порядок в духе русских законов, — и приняв их за слабость и уступчивость, они делали попытки освободиться из-под контроля по крайней мере ближайшей власти и захватить власть в свои руки». ⁵ На этой почве и стал разлагаться род, причем, по мнению Пекарского, «процесс этот продолжается». ⁶

Точно так же признавал наличие родовых отношений у якутов и Серошевский, хотя он, повидимому, чувствовал, что наблюдаемые им «роды» сходны с этапом доклассового общества только по названию. Фикция родового строя тем не менее продолжала тагететь почти над всеми якутскими этнографами, приводя фактически к тлчичному для народников смазыванию классово-вой дифференциации и классовой борьбы в якутском обществе.

Выработанные этнографами представления оказали большое воздействие на историков Якутии, строящих предисторию якутов обычно на неакритически воспринятых этнографических конструкциях, в особенности Пекарского. Можно без труда проследить, как созданное последним на основании фольклорных данных определение состава якутской семьи к моменту завоевания безоговорочно повторяется историками, часто даже без указания на источник. Идеи этнографов XIX в. оказали влияние и на советских этнографов. Так, например, М. Косвен, хотя и считает, что «в ту эпоху, когда русские познакомились с якутами, древний родовой строй уже разлагался», ⁷ вместе с тем утверждает, что выделение тойоната в самостоятельную группу происходит только в результате завоевания: «это право (раскладки и сбора ясака — И. Т.) дало им, конечно, неограниченную власть над своими сородичами и выдвинуло их на положение особо привилегированного, имеющего огромные возможности классы. В результате поощре-

¹ ДАН, VII, стр. 52.

² Настоящий сборник, стр. 71.

³ Оглобин. *Op. cit.*, ч. III, стр. 33.

⁴ Памятная книжка Якутской области на 1890 г.

⁵ *Op. cit.*, стр. 47.

⁶ *Ibid.*, стр. 46.

⁷ М. Косвен, Якутская республика, М.—Л., 1925, стр. 105.

мые и покровительствуемые русской властью, тойоны стали злейшими угнетателями и эксплуататорами своего народа». ¹

Предоставляя решение этих вопросов специалистам-этнографам, мы выскажем только ряд попутных соображений, основанных на изучении письменных памятников. ² На основании последних можно думать, что картина родового строя, вырисовывающаяся из фольклорных материалов, отражает отношения, намного предшествовавшие русскому завоеванию. Та пора родовой демократии, которую вспоминает записанное Серошевским в Намском улусе предание о народных собраниях, где «в первом кругу садились «господа» и сехены (повидимому, соответствует индейским «сахемам» — И. Т.), во втором — простые люди, дальше — молодежь и последние люди», к интересующему нас моменту, повидимому, уже отошла именно в область преданий. То, что мы застаем в актовом материале, говорит уже о высшей стадии варварства у якутов, о разложении родовых отношений и становлении феодализма.

Прежде всего мы замечаем, что самый «род» обычно невелик, редко доходя до нескольких десятков человек. Средняя величина «рода» — 20—25 человек, причем в состав его входят лица, и не связанные кровным родством. Таким образом, «род скорее приближается по титулу к «большой семье». Однако «родники» находят от родоначальника в записанном положении и, кроме того, отнюдь не обязательно ведут с ним общее хозяйство. Выдел имущества детям происходит при жизни отца.

Рабство у якутов имело очень широкое распространение. Документы, особенно печатаемые в нашем сборнике, нестраш упоминаниями о «холопах». Явление это у якутов, повидимому, значительно старше русского завоевания, по крайней мере его знают все циклы якутских преданий. Знают его и худяковский сборник, и циклы, записанные Приклонским, причем характерно, что воспоминания о рабстве относятся легендами еще к тем временам, когда якуты жили в стране, где «никогда не было зимы, стояло вечное лето, деревья не меняли своих листьев или хвойных иголок, а птицы не улетали в другие края». ³ К интересующему нас моменту рабство, очевидно, уже пережило серьезную эволюцию.

Наряду с русским термином «холоп» в документах встречается и местный термин «бокан», причем употребление их неоднозначно. В цитированном уже нами документе о воеводе Лодыженском, обложившем боканов ясаком, так и говорится: «Да на Михаила ж Семеновича судачат те ж якуты, что де он на наших холопах ясаку по лисице берет, а мы де государю даем ясак большей, соболей с улуса по 100 и по другому ллатим, а топерече мы и досталь погубли, потому что было нашим боканам на нас государев ясак добывать, а оне де топере за себя лисицы добывают». ⁴

Таким образом, между русским термином «холоп» в применении к якутским отношениям и якутским «бокан» можно поставить знак равенства. Но русский юридический язык в XVII в. вкладывал в термин «холоп» уже различные понятия, помимо исконого значения — раб. То же, повидимому, следует сказать и о бокане. Последний термин встречается не только у якутов, но и у тунгусов. ⁵ Но общее первоначальное значение термина не раскрывает еще нам конкретного содержания боканата в данное время и в данном месте. В частности у якутов он, повидимому

¹ Ibid., стр. 23.

² Здесь следует оговорить специфическую трудность интерпретации русских памятников, заключающуюся в полной неопределенности их терминологии. Первоначально завоеватели подходили к Якутии с терминологией, усвоенной в других колониях — например, в указе Головину речь идет о «лутчих тайпах» (Р. Ист. Б-ка, т. II, стр. 965). Но и позже мы встречаем сбивчивость в определениях, особенно в употреблении терминов «род» и «волость», например «Менчик род» (ДАИ, VIII, стр. 4) и «Менчикла волость» (ДАИ, VIII, стр. 5). Чрезвычайные трудности встречаются в расшифровке туземных имен. Не говоря уже о совершенно произвольном начертании русскими писцами одних и тех же имен, мы видим из документов, что туземцев вообще записывали различными именами. «А у тех, государь, иноземцов у многих якутов есть имени по 2 и по 3 и то 4, себе и отцу, и в книгах те иноземские имена многие по сходства, потому что не одним именем сказываютца» (н. сб., стр. 36). Конкретные примеры этого различия имен в документах находятся довольно часто. При таком условии очень трудно следить биографию и социальный облик отдельных лиц.

³ Записки В. Л. Приклонского, «Живая старина», 1891 г., в IV, стр. 146.

⁴ Настоящий сборник, стр. 58.

⁵ Ср. ДАИ, III, стр. 338, VII, стр. 279. Как сообщил нам Н. Н. Степанов, исследующий историю тунгусов (эвенков), термин «бокан» для обозначения раба встречается и у якутиров и у ламутов (эвенков). При истолковании термина следует сопоставить его с монгольским *boqol*, в различных употреблениях означавшим и раба и вассала (Ср. акад. В. Владимиров. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Изд. Академии Наук СССР, Л. 1934, стр. 64—70).

покрывал разные степени зависимости, от домашнего рабства до феодальной. Только что приведенный текст говорит об обложении боканов ясаком, что само по себе предполагает наличие некоторой хозяйственной самостоятельности. Показательна и реакция боканов на обложение: «И они, наши боканы, — жалуются далее «лучшие якуты», — нам стали непослушны, а говорит де они нам, что де мы сами тоены, потому что сами де мы государю изак даем, и они де нас не слушают, и мы де теперь лутчие люди в Якутском погибли; не знаем де, как впредь государю ясак добывать». ¹ Эта жалоба говорит скорее о наличии феодальной зависимости боканов, в число обязанностей которых входит добывание ясака для своих господ, чем о рабстве. В том же смысле следует интерпретировать и цитированный выше текст 1652 г., предписывающий производить перепись имущества умерших якутов и предлагающий мотивировать эту меру населению как предосторожность, «чтоб тех умерших якутов тот скот неясачные якуты и якутские боканы не роскрали...» Возможность для бокана украсть скот предполагает опять-таки наличие у него собственного. И действительно, в документах мы встречаем прямые указания на наличие у боканов собственного имущества. Так, в 1682 г. якут Ясальской волости /Юсюко Туюсков жаловался на «изгнани и обиды» верхоянского сборщика Л. Амосова, забравшего скот у него, Девуча, у таких-то его «родников», «да у холопа их у Скунилка Тимиреева лошадь». ² Наконец, совершенно недвусмысленно звучит показание якутов Чиринтейской волости по сыску о недомках 1687 г.: «Дубинские волости якут Колпук Изчик, он же Кустек, Тоноков холоп, в прошлых годах умер, а после его жены и детей и скота и живота не осталось, и ясаку за него платить некому». ³

У нас, к сожалению, мало сведений об отношениях боканов к своим господам и о раз-
мере их повинностей. Мы видели, что они для своих господ охотились; можно думать, что в их обязанности входил и выпас господского скота вместе с собственным и уборка сена. В этом смысле можно толковать жалобу Юсюко Чермокова 1654 г., что холопы его соседа Девуни Онкудеева избили и игнали его холопов и выгнали их с его сенных покосов. В ответ на эту жалобу последовала встреча на стороне Девуни Онкудеева. Кто из них был виноват, кто прав, нам сейчас не важно, существует момент столкновения боканов из-за сенных покосов и наличия у них вооружения — палым. ⁴ Эти отношения, повидимому, удержались довольно долго. «Богатые якуты, — сообщает Серошевский, — охотно отдают лишних быков и кошей надежным родовичам в пользование на это (летнее — И. Т.) время даже «задаром», как здесь говорят, «без уговора» Они ловко пользуются подобными отношениями и взимают с своих оригинальных вассалов массу незначительных, но многочисленных соседских услуг, без которых здесь не обходится никакое более крупное хозяйство». ⁵ Эта картина, думается, уходит своими корнями в далекие времена (то обстоятельство, что Серошевский говорит о «родовичах», не должно нас смущать, так как в XIX в. мы имеем лишь созданную русским правительством фикцию рода, куда попали и бывшие вассалы).

Боканет не был, повидимому, наследственным. Так, упомянутая уже выше Бокаяна говорит об отце только, что он «жил в боканах меж якутов», сама же она после его смерти попала в рабство (а может быть, в жены) к Отконке Чимгину, который затем ее и продал якутскому казначейскому пятидесятинику. ⁶ Мы даже наблюдаем попытки господ закрепить за собой потомство боканов, разбивающиеся о русскую ясачную политику. Так, в 1653 г. Чучгурко Аппакес просил вернуть ему сбегавшего холопа; «по суду истцу отказано, потому что встед сказал, бывал де того ответчика отец дядя его холоп, и велено ответчику быть в ясаке, и вновь на нем лица взята». ⁷

Хозяйственную и правовую самостоятельность якутских боканов хорошо рисует документ, в котором выступает знакомый нам Орюкан Секуев в несколько неожиданной для него

¹ Настоящий сборник, стр. 58.

² Настоящий сборник, стр. 125. Выражение «у холопа их», если только оно не является результатом какой-нибудь путаницы, очень любопытно. Оно, во-первых, свидетельствует о наличии «холопов» у простых якутов-родовичей, что вполне естественно и подтверждается другими документами; во, кроме того, его можно толковать и в смысле наличия коллективных прав на труд холопа, что могло являться пережитком родовых отношений.

³ Настоящий сборник, стр. 127. См. также А. В. Пруссак. Заметка о несвободном населении Восточной Сибири во второй половине XVII в., «Иав. Вост.-сиб. отд. Рус. геогр. об-ва», 1916 г., т. XIV, стр. 212 сл.

⁴ Настоящий сборник, стр. 210.

⁵ Op. cit., стр. 421.

⁶ Настоящий сборник, стр. 163.

⁷ Настоящий сборник, стр. 206.

роли доброхотного агента якутских властей (правда, задолго до восстания и к тому же против одного из колонизаторов). Именно, в 1663 г. он донес, что служилый человек Майского зимовья «изменил государю», сбежал и укрылся у своего тестя, Орьяканова холопа Кырдыги, и предложил свои услуги для поимки беглеца. Любопытно положение Кырдыги: живет он, повидимому, довольно далеко от Орьяканова юрта, потому что последний вызывается идти к нему «вожем». Кырдыга окружен, повидимому, собственными «родниками» и представляет известную военную силу: казачьему десятнику И. Кармалину предлагается идти на поимку с большим отрядом, «а буде за того Кондрашку учнут родники его битца, и тебе Ивашку по тому ж с ними битца огненным боем». ¹ Здесь, конечно, «холоп» — не раб, а вассал Орьякана, и притом довольно сильный.

Отметим также, что при даче показаний о «животах» умерших якутов холопы выступают в одинаковых правах со свободными.

Если в первоначальной стадии источником боканата, вероятно, была война, то в интересующее нас время способы попадания в зависимость имеются довольно разнообразные, как, вероятно, и формы зависимости, заслоненные от нас единообразием терминологии. Так мы видим прямую экспроприацию обедневших свободных людей, имеющих к тому же собственных холопов: об этом говорит жалоба вдовы Бытыкыйки Тавакуевой на Тусея Ончочева и сына его Даку, ограбивших ее после смерти мужа. Забрав у нее скот и мякую рухлядь, «он же Даку и меня сироту твою хотел убить на смерть, да и сына моего Дачину себе похолопил, а жену того сына моего, а мою невестку Мичайку он Даку взял себе в жены место и холопа моего Сылгыса взял к себе ж в холопство». ²

Как выясняется из дальнейшего, вдова Бытыкыйка со своими обидчиками находилась «в свойстве». Это показание позволяет видеть в рассказанном эпизоде иллюстрацию процесса превращения родовых старшин в феодалов путем экспроприации свободных «родников» (единственный холоп вдовы Сылгыс, вероятно, домашний раб).

Особенно легко обращались в холопство оскудевшие, обезродившие люди, встречающиеся нам с первых же лет завоевания. Примером может служить якут Батурского рода Тьюкпос, показавший в 1641 г., что «отца де у меня и матери и братья и родников нет никого», и предпочитавший остаться холопом торгового человека, не желая вернуться «в улус», где его, вероятно, ждала еще горшая участь. ³ Превращение Тьюкпоса в русского холопа произошло, вероятно, аналогично судьбе якутки Мойляки, которая уехала от мужа погостить к брату и, сгоревив последнего, была продана другим якутом русскому служилому человеку. ⁴

С другой стороны мы наблюдаем и своеобразную «коммendaцию», вызванную общим скудением и нищанием якутов в условиях колониального режима. Так, в 1664 г. князья и улусные люди различных волостей били челом воеводе Голенищеву-Кутузову на невозможность платить ясак, указывая: «И многие из нас сирот ваших, збывая с себя за прошлые годы вашево государева ясаку и поминков домику, обнищали и обедняли и по дворам в холопство изапродалися и эконец погуби и разворилися...» ⁵ Аналогичные примеры для периода ясачного истощения приводит и А. В. Пруссак: «В ясачных росписях зачастую при имени недоимщика находим пометку «нужен и беден», сам или дети его живут в холопах: напр., Истий-дей «упромышлять ясаку не мог, стар и беден», дети живут в холопах, а «скота нет ничего»; Сембук Икдигесеев «ясаку достать не мог, нужен и увечен, один сын мал, а другой живет в холопах». ⁶ Здесь мы, может быть, имеем некоторую новую вспышку домашнего рабства, хотя точно определить понятие «жить в холопах» очень трудно.

Отметим еще, что и сами воеводы, начиная с Головина, практиковали экспроприацию имущества у недоимщиков и отдачу их «князю до выкупу». ⁷

Отмеченное нами общее нищание якутов должно было приводить к росту эксплуатации боканов со стороны господствующего класса. Результатом этого явились массовые побег, пример которых дает помещенное в настоящем томе дело о бегстве в Жиганы холопов якута Мегинской волости Иденгички Дексенева. ⁸

¹ Настоящий сборник, стр. 187.

² Настоящий сборник, стр. 211.

³ Настоящий сборник, стр. 152.

⁴ Настоящий сборник, стр. 207—208.

⁵ Настоящий сборник, стр. 212.

⁶ Op. cit., стр. 212—213.

⁷ ДАИ, III, стр. 37.

⁸ Настоящий сборник, стр. 215.

Приведенный нами материал лучше всякого другого рисует степень разложения родовых отношений и процесс развития феодализма у якутов. Можно, однако, привести и другие факты, свидетельствующие о том же с другой стороны. Так, в сфере обмена мы застаем у якутов, начиная с первых документов, широко развитую торговлю, причем денежной единицей, как это и отмечал Энгельс для других народов, являлся скот. Торговля идет скотом, пушным, но и железом и продуктами скотоводческого хозяйства, в частности молоком.¹ Наряду с существованием внутреннего торгового, можно констатировать и наличие внешних торговых связей, не только с русскими колонизаторами, но и с китайцами, бурятами и т. д. С другой стороны, мы наблюдаем процесс установления все большей оседлости. Так, в 1658 г. мальгарские якуты жаловались на меицких, что они отбирают у них покосы, на которых те «наперед сего кашивали». ² Когда прощенные Балтуга, Лавра и Оенок ушли на Вилюй и начали там грабить, поручители их жаловались, что они сошли «с породных своих мест». ³ Примеры вооруженных стычек из-за сенокосных покосов мы уже приводили. Поэтому лишь недостатком материала можно объяснить замечание Серошевского, что «в жалобах XVII в. и начала завоевания нет еще указаний на земельную неурядицу; там всего больше жалуются на неправильный сбор ясаку, на угрозы, побой и всякие злые умыслы своих соплеменников; только с половины XVIII столетия жалобы на захват земли выступают на первый план». ⁴

На самом деле освоение земли и споры из-за нее мы наблюдаем как раз в XVII в. В XVIII в. уже в самом начале идет довольно интенсивная мобилизация земельных владений, причем продавцы очень часто указывают, что продают «старинные», «природные», «отца и деда» угодья — сенокосы и рыболовные места. ⁵ Закрепление земель за родами, вызванное, вероятно, именно оживлением земельной мобилизации, произошло уже позже, в 1765 г., когда «состоялся указ, воспреещающий продажи земель между отдельными лицами с допущением таковой только между наслегами. Отдача земель в заклад была тоже запрещена; разрешалось только отдавать в кортом, но не более как на два или три года, с записью по канцелярским порядкам и с ведома князцов. Земля была признана достоянием рода». ⁶

В связи с обрисованным нами упадком промыслов и нищанием скотоводческого хозяйства вырос, повидимому, и интерес к земледелию, занятие которым мы встречаем и раньше. К концу XVII в. принимают систематический характер указания из Сибирского приказа, вызванные известиями, что «в сибирских городах, где промышляют соборы и всякой зверя, и в тех соборных угодьях леса секут и жгут под пашни, и от того соборы и всякой зверь бежит вдаль». ⁷ Что лес налили не только русские пашенные крестьяне, видно из отписки якутского воеводы П. Зиновьева: «... велено смотреть, чтоб в ясачных местах лесов не секли и не жгли, и от того бы зверь вдаль не бежал... а нынче вам великим государем ведомо учинилось, что в Якутском уезде почали леса сечь и жечь ясачные иноземцы...» ⁸

К сожалению, у нас очень мало данных для определения иерархии внутри господствующего класса, да она, вероятно, только и развивалась. В основном для определения туземной знати мы встречаем термины «князец» и «лучшие люди». В одном документе 1684 г. попадает категория «князцов сынов», как будто свидетельствующая об известной дифференциации местной верхушки (так по контексту, хотя, конечно, здесь может иметься в виду и просто сын князца). Сравнительно редко употребляется, хотя, как мы видели, все же в актах имеется налицо, туземный термин «топон». Зато довольно часто встречается выражение «лучший князец», причем внимательный анализ покажет, что эти «лучшие князцы» на протяжении десятилетий образуют феодальные династии. Ниже мы отметим династии намских и кангаласских князцов. Таких «лучших князцов» мы встречаем обычно в качестве представителей целых волостей, ⁹ а иногда в союзе, представляющих «всю якутскую землю». Эти «лучшие

¹ Настоящий сборник, стр. 42.

² Настоящий сборник, стр. 171.

³ ДАИ, VII, стр. 43.

⁴ Op. cit., стр. 482—483.

⁵ См. Е. Д. Стрелов, op. cit., док. №№ 14, 15, 17, 44.

⁶ Э. К. Пекарский, op. cit., стр. 41.

⁷ Настоящий сборник, стр. 194.

⁸ ДАИ, V, стр. 346.

⁹ Не следует думать, что термин «волость», помимо территориальных связей, обязательно указывает и на родственные. Переход из волости в волость — самое распространенное явление. В челобитной на Головина между прочим, читаем: «Да те ж, государь, иноземцы переходят жить из волости в волость по чести. И в которой волости живет, и оне как приедут с твоим государевым ясаком, и оны те волости и сказываютца, а как в иную волость переедут, и оны иную волости и сказываютца» (Н. сб., стр. 36).

князцы» постепенно вырастают в крупнейших местных феодалов, приобретавших власть над более мелкими и опирающихся на колониальную администрацию. В этом отношении отец любопытен кангаласский «лучший князец» Мазары Бозеков, ездивший с князем Мегинской волости Чюгуном Водевым в 70-х гг. в Москву подавать челобитную «во всех якутов место» на притеснения воеводы Барнешлева и нежелание якутской администрации считаться с непосильностью ясачного обложения. Челобитная Мазары Бозекова имела известный успех, и Сибирский приказ еще долго с нею считался. Те же Мазары и Чюгун вместе с намским и борогойским «лучшими князцами» выхлопотали себе в 1685 г. право суда над своими единоплемениками, причем в виду большого количества споров о делах с давностью в 10—20 лет и больше, им было разрешено прекращать такие дела собственной властью.¹

Наряду с «лучшими князцами», сосредоточивающими в своих руках все большую власть и богатство, мы наблюдаем и скучение в феодальной среде. Так, среди недомыщиков 1670 г. мы встречаем и князцов.² Таким, повидимому, приходилось переходить на положение вассалов крупных феодалов.

Чтобы закончить обозрение материалов, относящихся к общественному строю якутов, укажем еще на развитие у них ремесла, особенно кузнечного, и на появление паевого труда, представлявшего на данной стадии одну из форм феодального закабаления. Если легенда о Тыгыне рисует эти отношения еще в весьма патриархальном духе,³ то в наших документах мы встречаем совершенно обычных «работников», живущих у хозяев и пользующихся, повидимому, правом свободного ухода.⁴

Резюмируя все сказанное, мы должны отметить у якутов наличие всех тех моментов, которые характерны, по Энгельсу, для «предгосударственного строя»: отцовское право с наследованием имущества детьми, что благоприятствовало накоплению богатств в семье и усиливало семью в ее отношении к роду; влияние имущественных различий на общественное устройство посредством образования первых начатков наследственного дворянства и монархия; рабство, сперва одних только военнопленных, но уже открывающее возможность обращения в рабство собственных соплеменников и даже сородичей; совершающиеся уже вырождение бывлой войны племен против племени в систематическое разбойничество... в целях захвата скота, рабов и сокровищ... одним словом, восхваление и почитание богатства как высшего блага и злоупотребление древними родовыми учреждениями для оправдания насильственного грабежа богатств». ⁵ Встает вопрос, не было ли у якутов к моменту прихода русских и государственной организации, замененной колониальной администрацией, как это случилось, по мнению С. В. Киселева, в Минусинском крае. ⁶ К постановке этого вопроса нас вынуждает существующий сейчас у местных этнографов взгляд, согласно которому до прихода русских существовала могущественная якутская империя Тыгына разрушенная завоевателями.

Эта националистическая иллюзия строится в основном на материале легенд. Сказания о Тыгыне действительно сообщают о нем как о якутском царе: «А на месте, называемом Сайсары (нынешний Якутск), жил человек по имени Тыгыл — господин, считая себя якутским царем; всех ближних людей и убивает и не убивает; берет себе, что увидит, и имущество и скот, а если живые останутся, и сам не знает счета своего скота. А если сказать примерно по нынешнему, то людей у него было с половину здешнего улуса и богатства столько же». ⁷ Этот Тыгыл и встретил русских, хитростью втершихся к нему, а затем изменнически победивших его и уничтоживших якутскую самостоятельность: «Живет, славясь, этот Тыгыл-господин. Кто бы ни пришел, никого нет такого, кто бы мог одолеть. Считает себя вольным царем. Тогдашние якуты называют его тоеном. Вот, когда он жил, плывет раз с верку Лены одна какая-то штука, похожая на домишко; пристало к берегу, вышли три человека. «Откуда вы пришли, люди?» Ответали они: «Ходим мы люди, оторвавшись с холмов, оторвавшись от народа. На славу, известность твоего богатства пришли мы к тебе работать, в работу поступить, людям сделать!» Говорит на то Тыгыл-тоен: «За какую плату в год будете

¹ Настоящий сборник, стр. 136.

² Настоящий сборник, стр. 113.

³ Согласно преданию, Тыгын, узнавши, что русские пришельцы хотят работать у него бесплатно, сказал: «если так, значит вы пришли ко мне быть сыновьями».

⁴ Настоящий сборник, стр. 209.

⁵ Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1934, стр. 98.

⁶ С. В. Киселев. Разложение рода и феодализма на Енисее. Известия ГАИМК, вып. 65, 1933.

⁷ Верхоянский сборник, стр. 47—48.

жить? Скажите мне это!» — Мы люди, не просящие платы. — Если так, то значит, вы пришли ко мне быть сыновьями». ¹

Зная предания о борьбе Тыгына с Галкиным и не находя их подтверждения в печатных источниках, исследователи Якутии уже давно пытались идентифицировать Тыгына с Мымаком. ² Этому вопросу посвящено даже специальное исследование якутского лингвиста Новгородова, о котором мы узнаем из книги Попова. В результате Новгородов пришел к выводу, что «Мымак» — испорченное «Мамык», что «у якутов имело значение — староста, князец, должностное лицо». «Тыгын», оказывается, «имеет нарицательное значение — «князя престолонаследника». В результате Новгородов приходит к выводу, что «князец Мымак есть не что иное, как перевод выражения «тыгын Мымак» ³ (хотя непонятно, почему не «Тыгын мамык»?).

Прежде чем разобраться в этой гипотезе, укажем, что те якутские предания, которые хранят отпечаток древности, никаких царей не знают, а говорят только о выборных племенных старейшинах. Их мы находим и в мире зверей и птиц ⁴ и в мире людей; так, в одной из легенд мы находим следующее обращение: «Почтенный старичек, человек господин! Видимый божий сын, господин девяти улусов, отец восьми улусов, народной родовой князь...». ⁵ Такие выборные первоначально, а потом наследственные князья и могли быть у якутов, соответственно степени их общественного развития. Такими и были Тыгын и Мымак, являющиеся, несмотря на все хитросплетения, вполне историческими фигурами, засвидетельствованными как настоящими томом, так и давно опубликованными документами.

Действительно упоминание якутского «тайши» Тыгына, отложившегося в 1631 г. из-за грабежа атамана Ивана Галкина, мы встречаем уже в наказе Головину. ⁶ Далее мы встречаемся с сыновьями его «Тыгыныелами», «Бозекою з братьями», у которых в 1641 г. служивые люди покупают скот. ⁷ И, наконец, на протяжении многих лет действует сын последнего, знакомый уже нам Мазары Бозеков, крупнейший якутский князец, фактически руководивший не только своей Кангаласской волостью, но и соседними князьями. Кстати, никто из искавших исторические следы Тыгына, не обратил внимания на то, что в одном документе Мазары Бозеков назван по имени по отцу, а деда «Мазары Тыгынныя». ⁸

Наряду с династией Тыгынчиковой можно проследить и династию Мымака, бывшего, как явствует из материалов настоящего тома, намским князем. Так, в числе показавших под пыткой на Глебова и Филатова фигурирует намский князец Ника Мымыкович. ⁹ Позднее мы встречаемся с князем Намской же волости Букеем Никыным, оподчиненном Мазары Бозекову в деле отстаивания феодальных прав «лучших князцов». ¹⁰ Кроме того, на Василье мы находим еще князя Нокто Никына. ¹¹

Таким образом, наши наблюдения аннулируют представление об «империи» Тыгына и подтверждают наличие у якутов племенных вождей, превращающихся уже на наших глазах в наследственных феодальных владетелей (характерно, что ни Тыгын, ни Мымак отчества еще не имеют).

Последний вопрос, который нам хотелось бы в этой связи отметить, отнюдь его не решая, это влияние московской колониальной политики на внутренний строй туземного населения. Представляется несомненным, что в результате колониального грабежа на первых порах общественная дифференциация должна была углубляться, проявление чего мы и наблюдаем, рассматривая процесс обнищания и охолопления свободных якутов. Однако в дальнейшем колониальный режим стал, повидному, тормозить развитие, усиливая в фискальных целях значение изживавшихся родовых связей и искусственно закрепляя родовую организацию за местными феодалами. Дальнейшее развитие якутского общества протекало в извине закрепленной

¹ Верхоянский сборник, стр. 50.

² См. Серошевский, *op. cit.*, стр. 467.

³ Попов, *op. cit.*, стр. 20.

⁴ «На южном месте птицы обществом сделали большое собрание... И собравшись, выбрали себе господином Беркута» (И. А. Худяков, «Верхоянский сборник», стр. 69). «Летающие крылатые (расплотились) на Ледовитом океане... Стали выбирать хорошего господина» (*Ibid.*, стр. 73).

⁵ *Ibid.*, стр. 145.

⁶ Р. Ист. 6-ка, т. II, стр. 965.

⁷ Настоящий сборник, стр. 10.

⁸ ДАИ, VIII, стр. 268. В некоторых документах Мазары называется еще «Майзяком» — ДАИ, VII, 241.

⁹ ДАИ, III, стр. 37.

¹⁰ Настоящий сборник, стр. 135. Ср. Также ДАИ, стр. 291.

¹¹ ДАИ, VII, стр. 42.

наследно-родовой организации, что, не притупляя классовых противоречий и не мешая эксплуататорам угнетать своих «родовичей», замедляло развитие производительных сил Якутии.

Мы не будем останавливаться на характеристике общественного строя других народов Якутии — тема это совсем неразработанная и лишь в последнее время занявшая внимание ряда исследователей, подготавливающих соответственные работы. К тому же, материал настоящего тома сравнительно мало дает для изучения этих вопросов. Отметим только, что, изучая строй тунгусов (эвенков), нужно учитывать отдельные районы. Так, у южных тунгусов, по нашим наблюдениям, разложение родового строя к моменту завоевания зашло гораздо дальше, чем у северных.¹

* * *

В заключение мы хотим подчеркнуть еще одну важную проблему истории Якутии XVII в. — это наличие несомненной и острой классовой борьбы среди самих колонизаторов.

Состав последних был чрезвычайно пестрый; вместе с тем между отдельными категориями не было резких границ. Так, «служилые люди» все время пополнялись за счет охотников из промысловых и гулящих людей, пашенных крестьян, ссыльных, повокрещенных и т. п. Центральное правительство, правда, боролось с этим явлением, с одной стороны, сокращавшим число тягловцев с другой — делавшим служилый кадр весьма ненадежным. Однако по отношению к Якутку допускалось исключение даже в то время, когда в Западной Сибири «привбор» служилых людей уже ограничивался. Так, в наказе якутскому воеводе Волконскому читаем: «А будет ссыльных опытных людей на выбылые места в службу верстать некого, а учнут бити челом. в службу промысловые или сибирских городов отставленные какые служилые люди — и тех. на выбылые места верстати...»² Там не менее в 1675 г. воевода Барнешлев сообщал, что он верстает и гулящих людей: «А будет, государь, из гулящих людей в выбылые оклады на службу не верстать, и на твои великого государя службы посылать будет некого...»³

Точно так же не находим мы строгого разделения между торговыми, промышленными и пашенными людьми. Помимо частых случаев перехода из одной категории в другую, мы слышим да рядом находим совмещение их. В этом отношении любопытен один из первых земельных колонизаторов Якутии Ивашка Никонов Сверхков, рекомендующийся одновременно «крестьянином» и «торговым человеком вологодского и великопермского архиепископа Варлама» и принимающий на себя обязательство «пахать пашню» «людьми своими и наемщиками». ⁴ В его лице мы находим, таким образом, сложное сочетание социальных качеств. Таков же был и его поручитель, знаменитый Ерофей Хабаров, тоже «пашенный крестьянин», одновременно являвшийся и руководителем крупных военных походов, и организатором промышленных ватаг, и спекулянт, и ростовщиком. Ерофей Хабаров был, конечно, не простым «пашенным крестьянином», а крупным земельным собственником, ведшим большое феодальное хозяйство. В челобитной на Головина говорится: «Да в ту ж тюрьму посадил он Петр... Хабарова, а у того Ерофейка на Киренге пашенной завод большой, и прибыль б тебе, государю, хлебные было по вся годы лудов по 1000 и больше на год. Да к той же, государь, пашне он Ерофейко из-за пристава и ис тюрьмы бивал челом тебе, государю, а ему, Петру, подавал челобитную устроить в пашню 10 человек пашенных крестьян со всеми пашенными заводы и с конями и с семяны». ⁵

Как видим, были пашенные крестьяне и пашенные крестьяне. Одни являлись крупнейшими предпринимателями, попутно использовавшими хлебную нужду Якутска и бравшими у воевод крупные хлебные подряды, другие шли на пашню, желая бросить службу или потерявшие смысл промыслы, и попадали во всеяческую кабалу к крупным хищникам. Так поверстались в число пашенных крестьян промышленные люди Пимянов и Карпов в 1658 г., ⁶ так оказались в Бинсейске в 1648 г. среди «половников» и «захребетников» пашенных

¹ Может оказаться небесполезным и следующее наблюдение. Говоря о якутах, наши документы только на первых порах приводят имена без отчества или по форме «такой-то такого-то сын». Очень скоро все якуты, в том числе и «холопы», начинают именоваться по имени-отчеству. Гораздо сложнее в этом смысле практика наименования тунгусов. Последние именуются почти исключительно по имени, отчества приобретают в памятниках довольно поздно, да и то не все, а скорее «князцы». Для юкагиров употребление имени-отчества с 60-х гг. становится довольно распространенным.

² АИ, IV, стр. 450.

³ ДАИ, VI, стр. 402.

⁴ Настоящий сборник, стр. 151—152.

⁵ Настоящий сборник, стр. 33.

⁶ Настоящий сборник, стр. 172—173.

крестьян избежавшие от тягла енисейские посадские люди. Имелно таких пашенных крестьян имеет в виду челобитная на торговых людей, поданная якутскими служилыми людьми, согласно которой первые «по запкам около усть-Куты и Чичуйского волоку задалаживают всех пашенных крестьян, и у тех пашенных они торговые люди емлют всякие хлебные запасы за долг дешевою ценою, а у иных выкупают тоже дешевою ценою».¹ Практический пример деятельности ростовщического капитала дает Андрей Хабаров, систематически обезжачивший пашенных крестьян «для кабального долгу».²

Таким образом так называемая «вольная колонизация» оказывается совершенно опутанной феодальной и ростовщической кабалой. Особую роль в этом деле играло духовенство. Перебравшись в Сибирь, русская церковь энергично воспроизводила в колониальных условиях крепостническую схему метрополии. Своих крепостных, полонников и т. п. имели и боярские люди и даже, как мы видели, пашенные крестьяне, но митрополиты кафедр в этом деле перещеголяла всех остальных. Особенно рьяным стяжателем в середине XVII в. был тобольский митрополит Корнилий, активно экспроприировавший чужие земли и уголья и усердно принимавший «вклады» и «заклады». Противником воспроизводства в Сибири крепостнических отношений выступило, как это на первый взгляд ни отранно, государство, для которого создание в Сибири множества «захребетников» представляло явную невыгоду. А так как захребетники эти сказывались не помещичьими, а монастырскими, то в эпоху после падения Никона нажать на монастыри не представлялось особенно зазорным.

Монастыри, тем не менее, под разными соусами продолжали свои кабально-ростовщические и спекулятивные операции. Впрочем, до Якутска монастырская колонизация докатилась очень поздно. Монастырь в Якутске был основан только в 1664 г., и еще в 1679 г. воевода Ябиков сообщал, что монастырь «скуден и никаких «земель и угодий и крестьян и бобылей, и пашенных и непашенных земель, и сенных покосов, и скотских выгусов, и рыбных ловель, и звериных промыслов» за ним нет. Тем не менее уже с 1680 г. у монастыря стала заводиться и соляные варницы, и сенные покосы, и пашенная земля, а в XVIII в. монастырь уже эксплуатировал окрестное население, как русское, так и якутское, вовсю.

Итак, социальное деление нам придется искать отнюдь не в разрезе сословных групп, лишенных четких границ и создающих сложное переплетение. Военно-феодальная эксплуатация колоний фактически создавала благоприятные условия для выделения небольшой привилегированной группы феодалов и представителей торгового капитала, которая в тесном союзе эксплуатировала не только туземцев, но и низы колонизаторов. В каждой из основных русских групп — среди служилых людей, торговых людей и пашенных крестьян мы можем обнаружить верхушку и эксплуатируемые ею низы. Стихийно вырастает и холопство, ряды которого пополняются как из туземцев, так и из русской среды.

Поэтому не случайно широкое недовольство, следы которого постоянно проявляются в источниках. Мелкие служилые люди все время жалуются, что они «обнищали и одожили великими долги, наги и босы». Трудная колониальная служба не всегда оправдывалась грабежом туземцев, так как львиную долю добычи тем или иным способом присваивала верхушка. А иногда походы оказывались и неудачны. Так, после даурской экспедиции Василия Пояркова служилые люди жаловались на него, что он их «бил и мучил напрасно и, пограбя у них хлебные запасы, из острожку их вон выбил, а велел им итить есть убитых иноземцев, и те служилые люди, не хотя напрасною смертию помереть, съели многих мертвых иноземцев и служилых людей, которые с голоду примерли, приели человек с пятьдесят». Характерно, что и сам Поярков не отрицал этого факта, утверждая лишь, что «если де они мертвых людей» по собственной охоте.³

Вечно задолженные боярским детям и крупным торговым людям, служилые находились в состоянии постоянного недовольства. Недаром в наказе Волконскому якутским служилым людям, «шным сибирским городом и служилым людям не в пример и не в образец», разрешалось во время ясачного сбора «что небольшое» «выменять» в свою пользу.⁴ «Выменять» — это, конечно, эвфемизм, молчаливо санкционировавший грабеж «иноземцев» ясачными сборщиками.

С своей стороны имели достаточно оснований для недовольства и мелкие торговые и промысловые люди, те, кто сами ходили на промысла и в дальние экспедиции, подвергаясь всяческому риску. Прежде всего казна зорко следила за их деятельностью, регламенти-

¹ Настоящий сборник, стр. 165.

² ДАИ, XI, стр. 29.

³ ДАИ, III, стр. 58—59.

⁴ АИ, IV, стр. 444—445.

руя и ограничивая ее в свою пользу. Так, промысел моржовой кости был поставлен в следующие «благоприятные» условия: и вы б велели у служилых и у всяких охотчих людей, которые учнут на Лене и на иных реках на взморье промышлять кость рыбий зуб, с того промыслу иметь на нас великого государя половину, а другую половину отделять им, да из той же половины иметь на нас же десятую; а что за десятою останетца, и вы б велели у них кость иметь на нас же в казну...».¹

Теснимые казенными монополиями и многочисленными повинностями, мелкие торговые люди и промышленники, вдобавок, подвергались двойной эксплуатации со стороны крупного торгового капитала и колониальной администрации. Так, например, в 1665 г. торговые и промышленные люди Никита Ворыпаев с 24 товарищами прислали с Индигирки жалобу на боярского сына Андрея Булыгина, который их «изгоняет и всякими обидами обидит и своими бездельными приметами к ним приметываетца и своими руками бьет их на смерть и батогами бьет нещадно для своей бездельной корысти и кабалы намучивает и вино курит и пиво варит и продает то вино в чарки, а пиво в ведра...».² Аналогичными жалобами полны и другие документы того времени.

Как видим, горячего материала в Якутии было довольно среди всех групп. Следует еще вспомнить значительное число ссыльных, а также непрекращавшийся приток в Сибирь гулящих людей, преимущественно из скудевших во второй половине XVII в. северных городов, приток, который никак не могли приостановить центральные власти, несмотря на все поставленные на сибирских дорогах рогатки.

Формы протеста у колонизаторов складывались в основном те же, что и у туземцев: челобитья, побег и, наконец, открытые восстания. Примеры челобитных мы уже приводили, их читатель найдет и еще в нашем сборнике — см., напр., челобитную якутских служилых людей 1649 г. на торговых.³ Любопытное челобитие подали якутские казаки от своего имени и «от всего города» на боярских детей в 1668 г.⁴ Но не этот вид протеста представляет для нас наибольший интерес.

Что касается побегов, то сведения о них довольно многочисленны. Бежали служилые люди, бежали промышленные, бежали пашенные крестьяне, в одиночку и группами. Мы уже наблюдали выше служилого человека, который сбежал к своему тестю-якуту. В 1688 г. в Москве был пойман беглый якутский стрелец, который, бросив военное дело, «работал у Фартенных изб — катал бочек».⁵ В воеводстве М. Лодыженского от насилья его агентов «многие пашенные крестьяне и промышленные люди на розню разбеглись».⁶ В 1686 г. дворовые люди казака Мухомлева, подговоренные якутами, ушли вместе с ними «в Жиганцы»⁷ и т. п.

Основным местом побегов были, однако, не Жиганцы и не Москва, а Приамурье — сказочная Даурия, неизменно манившая к себе в XVII в. любителей вольной жизни и наживы. «Когда в 1653 г. Хабаров ехал с Амура в Москву вместе с стольником Дмитрием Зиновьевым, то Илимский уезд он проезжал «в камчатном платье нарядясь» и «всяких чипов людям хвалил Даурскую землю и подговаривал, чтоб шли в ту богатую землю всякие люди», что там «житье богатое» и пр. И «всяких чипов люди» — служилые, посадские, промышленные, крестьяне, «гулящие люди» и др. жадно бросились на Амур, то в одиночку, то группами, гнали массами еще не доходя до заветной цели, и только редкие достигали ее, присоединялись к находившимся там русским отрядам или образуя вольные — «воровские полки».⁸

Цитируемая статья Оглоблина посвящена бунту «воровского полка» М. Сорокина, любопытнейшему эпизоду классовой борьбы в Сибири XVII в. непосредственно Якутии не касавшемуся, но территориально очень к ней близкому, так как восстание М. Сорокина произошло в соседнем Илимском воеводстве и кончилось уходом в Дауры «полка» в несколько сот человек, составившегося в основном из илимских и якутских казаков, пашенных крестьян, промышленных и гулящих людей. Тяга в Даурию была так велика, что илимский воевода выражал даже опасение, как бы от этих побегов «твоя государева Сибирская земля пуста не

¹ ДАИ, IV, стр. 99.

² Настоящий сборник, стр. 67.

³ Настоящий сборник, стр. 164 след.

⁴ Н. Оглоблин. Якутский розыск о розни боярских детей и казаков, «Русская Старина», 1897 г. кн. 8.

⁵ Н. Оглоблин. Обзорные книги и столбцов. IV, стр. 10.

⁶ Настоящий сборник, стр. 60.

⁷ Настоящий сборник, стр. 195.

⁸ Н. Оглоблин. Бунт и побег на Амур «воровского полка» М. Сорок. «Русская Старина», 1896 г., кн. I. стр. 205.

была». ¹ Один из приводимых в настоящем сборнике документов повествует, повидимому, об участии Сорокинского полка, так как дата побег пашенного крестьянина Никиты Бмелянова «в Дауры» совпадает с годом восстания Сорокина. ²

Что касается вооруженных столкновений, то стычки служилых и промышленных людей на местах встречаются довольно часто в разное время. Полоса же «бунтов» начинается как раз в годы упадка якутского воеводства, т. е. в те же годы, на которые приходится целый ряд выступлений туземцев. Так, в 1683 г. «завели бунт казаки, кои наряжены были... на службу на Удь, Федька Мартынов с товарищами, хотели якутских градских жителей многих дутчих людей дома грабить и их самих побивать до смерти, и у торговых людей плоты с хлебными запасами отбивать». ³ В следующем году аналогичный бунт хотел поднять «казацкий наемщик, гуляющий человек» Кузьма Михайлов. ⁴ Но особый интерес представляют для нас сведения о волнениях бирюльских пашенных крестьян в 1691—1692 гг., приведенные в сборнике Ионина.

Само по себе дело не представляло ничего из ряда вон выходящего. Бирюльские пашенные крестьяне тяготились поборами казенного приказчика П. Халецкого, и когда он прислал к одному из крестьян своего дворового человека «по рогатую скотину», во дворе у крестьянина собрались все бирюльские пашенные крестьяне, заявившие, что «они де пашенные крестьяне ныне хлеба и скота и никакова живота Павлу Халецкому давать не будут». После этого все собрание отправилось к приказчицкой избе «с дубьем» и осадили ее, забрали коней и рогатый скот Халецкого и разделили между собой. Крестьянский бунт продолжался несколько месяцев, но не выходил за пределы округа. Вооруженные крестьянские отряды в несколько приемов пограбили весьма значительные «животы» Халецкого, ограбили церковь, пономаря и церковного старосту, а также ряд зажиточных крестьян. На место Халецкого крестьяне посадили приказного человека по собственному выбору, но дальше их борьба не пошла.

Факт сам по себе любопытный, но чисто локального значения, если бы не одна деталь: во главе движения стояли «Васька Седой с детьми и с товарицы, с Стенькою, что называется Разным». Один из предводителей бирюльских крестьян принял на себя, таким образом, имя Разина, подчеркивая тем самым идейную связь движения с крестьянской войной 1670-х гг. Такая детонация разинского восстания в далекой Якутии чрезвычайно показательна, свидетельствуя о более или менее однородных крестьянских настроениях в самых различных колониях Московского государства. ⁵

Как видим, классовая борьба среди якутских колонизаторов, несмотря на частые вспышки, не принимала острого характера и интересна не столько по результатам, сколько по тенденциям. Для того, чтобы стать массовым, движение русских низов Якутии должно было объединиться с туземным. Но этого не произошло. Их объединяли только царские тюрьмы и указы. Так, в 1678 г. в якутской тюрьме сидело 11 русских, из них 5 казаков за бунт и Костыка Коноховской «по государевой грамоте в изменном деле», 5 якутов и 2 тунгуса. ⁶ А в воеводском наказе 1697 г. говорится: «чтоб русские служилые люди и иноземцы псыяе были подлых великого государя высокою рукою страшны и великому государю послушны и неповады ни на какое дурно». ⁷

Мы попытались в беглом изложении наметить ряд проблем истории XVII в. в Якутии, отчасти иллюстрируя их документальными примерами. Как видим, поле деятельности историков Якутии велико и богато неразработанными залежами документального сырья. Очистить историю якутов от наслоений великодержавного и местного национализма, создать фактически заново историю тунгусов, ламутов, юкагиров, чукоч и коряков — такова неотложная задача нашей науки на данном участке. Мы надеемся, что материалы, помещенные в настоящем томе, облегчат выполнение этой задачи.

И. Троцкий

¹ Ibid., стр. 205.

² Настоящий сборник, стр. 173.

³ ДАИ, XI, стр. 125.

⁴ Ibid., стр. 123—125.

⁵ Материалы бирюльского восстания см. у Ионина, *op. cit.*, стр. 118, 199 след. Традиция разинского движения легко могла перейти в Якутию через ссылки. Недаром народная песня отправляет похоронивших своего вождя сподвижников Разина в ту же Даурию.

На Амур пошли думу думать,

У Амур-реки крута гора,

Крута гора высокая,

На той горе расприщалися,

Друг другу поклонялися.

⁶ Раиский. Заметки из дел Якутского архива. «Записки Сиб. отд. ИРГО». т. VI, 1898, стр. 38—39.

⁷ Е. Д. Стрелов, *op. cit.*, стр. 16.

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

Издаваемые в настоящем томе документы извлечены из обширного собрания «якутских актов», хранящегося в архивохранилище Историко-археографического института Академии Наук СССР (ИАИ). Фонд этот явился результатом деятельности Якутской воеводской приказной избы и Якутской таможи за время с 1639 по 1707 г. Означенный фонд был перевезен из Якутска в Петербург еще в 40-х годах прошлого века, но далеко не полностью; значительная часть его хранится ныне в Москве, в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи. Эта часть якутского фонда в настоящем издании не использована.

Якутская воеводская приказная изба являлась в XVII веке центром управления всем местным краем, охватывавшим огромные пространства Восточной Сибири. В течение всего века не прекращалась дальнейшая экспансия Московского государства на восток и к XVIII веку в сферу «управления» якутского воеводы частично вошла уже и Камчатка.

Якутский воевода, отрезанный от Москвы расстоянием около 10 000 километров пути, требовавшего, по тому времени, для своего преодоления свыше года езды в один конец, естественно, не мог обращаться в Москву за разрешением тех или иных вопросов текущего управления (ответ из центра мог бы быть получен лишь на третий год), но должен был разрешать все возникающие вопросы на месте. Отсюда особое богатство и разнообразие содержания фонда якутских актов. Нужно, однако, помнить, что фонд этот содержит лишь официальную переписку: всевозможные указы, наказы, описки, памяти, челобитные, доезды и т. п. Так называемых «частных» актов мы в нем почти не встретим. Некоторым исключением являются лишь многочисленные судебные «дела», в которых отражаются иногда весьма любопытные частные взаимоотношения тех или иных лиц (в том числе и туземного населения), обращавшихся за разрешением возникающих столкновений все к тому же воеводе, в его приказную избы.

Разнообразие содержания актов рассматриваемого фонда дало возможность наметить следующую схему расположения всего издаваемого в настоящем томе материала.

I. Военная колонизация Якутии. Система осирогов. Администрация.

II. Формы и методы колонизальной эксплуатации: а) сбор ясака, б) эксплуатация естественных богатств, в) земельная колонизация Якутии. Торговые и промышленные люди. Ссылные. Отношение к туземному населению.

III. Туземное население: а) внутренний строй туземного населения, б) формы сопротивления туземного населения колонизальной политике.

В пределах каждого из названных отделов и подразделов материал в настоящем томе располагается в хронологическом порядке. Следует при этом иметь в виду, что многие отдельные документы одновременно затрагивают целый ряд вопросов, относящихся по своей тематике к нескольким из указанных выше разделов. Поэтому, естественно, полной точности в систематике документов по разделам ожидать нельзя.

Внешнее состояние документов фонда Якутской приказной избы в значительной своей части мало удовлетворительно. В свое время (до перевозки этого фонда в Ленинград) документы эти были сложены в Якутске в помещении с протекавшей крышей, в результате чего целый ряд документов полустерся и текст на осыпавшихся краях их может быть восстановлен лишь путем догадок. Такие восстановленные редакцией части текста взяты в предлагаемом издании в прямые скобки, с общей оговоркой в легенде о ветхости данного документа. В прямые же скобки, но без редакционных оговорок взяты также отдельные буквы и слова, явно пропущенные в подлиннике, когда пропуски эти затрудняют понимание данного контекста. Утраченные и немогущие быть восстановленными по смыслу, а также оставшиеся неразобранными части текста выделялись многоточием с соответствующей оговоркой в примечании. Многоточием же отмечались часто встречающиеся в подлиннике пропуски части в дате документа; в последних случаях, отметив это в настоящем «введении», особых оговорок в примечаниях к отдельным документам уже не делалось.

Все дельпопроизводство Якутской приказной избы по формальному признаку, естественно, разделяется на «исходящие» и «входящие» документы. Все так называемые «исходящие» документы приказной избы, т. е. отправляемые ею разным лицам и учреждениям, сохранились в ней в виде черновых оттисков, часто перечеркнутых и перемаранных, с вставленными между строк по зачеркнутому тексту новыми фразами, представляющими иногда большие трудности для прочтения; все «входящие» в нее документы сохранились в чисто написанных подлинниках. В виду ясности отмеченного подразделения документов, соответствующих указаний в легендах к каждому отдельному документу уже не делалось.

Всякого рода челобитные трафаретно обращались, согласно обычаю того времени, на имя царя, фактически же подавались на разрешение воевод. Поэтому в заголовках подобных документов парское имя редакцией настоящего издания опущалось, а указывались лишь и фамилия воеводы, к которому данная челобитная фактически поступала.

В наименованиях равнозначительных печатаемых документов (в заголовках к ним) редакция по возможности, придерживалась подлинной их терминологии. Однако совокупность различных

документов по одному и тому же вопросу, в частности носящих характер продолжающегося расследования по данному вопросу, объединялась под общим, даваемым самой реакцией термином «дела» с выделением входящих в него отдельных документов и самостоятельных моментов делопроизводства римскими цифрами, но уже без соответствующих подзаголовков к отдельным документам. При этом следует отметить, что иногда подобные дела свертывались в приказном делопроизводстве Якутска до минимума. Мы имеем ряд случаев, когда все «дело» занимают собой лишь один небольшой листок бумаги. Например, «дела», напечатанные в настоящем томе под №№ 153, 157, 159 и др., представляют собою лишь поступившие от тех или иных лиц челобитные с пометами на них приказной изыск. Однако несомненно, что и в данных случаях мы все же имеем перед собою настоящие судебные «дела». Более развернутые пометы на челобитных (см. те же №№) прямо говорят: такого-то числа «суд был», «ответчик сказал» то-то, «истец сказал» то-то и затем следует краткое изложение последовавшего судебного решения. Здесь перед нами в кратких, но ясных чертах вскрывается вся картина судопроизводства по данному делу. Примитивность внешнего оформления этих «дел» объясняется, с одной стороны, крайней дефицитностью бумаги в Якутии и стремлением всемерно ее экономить, с другой стороны пренебрежительным отношением местных «судей» (того же воеводы, дьяка и прочих приказных людей) к туземному населению (подобного рода примитивное делопроизводство в значительной своей части встречается именно по разоврательству жалоб туземцев). Вместо того чтобы вопросы сторон и решение по делу записать на отдельных листах бумаги, придав им силу самостоятельных юридических документов (как это обычно практиковалось), ограничивались устным делопроизводством с краткой записью результатов его в соответствующей помете на самой челобитной.

Отмеченная выше отдаленность Якутска и крайняя медленность сношения с центром своеобразно отражались иногда и на содержании местных документов, кажущимися несоответствиями в тексте. Мы имеем, например, ряд документов от 1646 года, обращающихся на имя царя Михаила Федоровича в то время, когда он давно уже умер. В подобных случаях нет никакой ошибки в датировке документов, объясняются они просто неполучением еще в Якутске известия о смерти царя. С другой стороны, вновь назначаемые в Якутск воеводы ехали туда свыше года, нося с самого момента своего назначения официальное звание якутских воевод; в то же время продолжали носить то же звание и старые воеводы, сидевшие в Якутске. В некоторых случаях получается поэтому кажущаяся путаница, когда в одно и то же время документы упоминают под именем якутских воевод разных лиц.

Датировка документов, напечатанных под №№ 116 и 151, представляется несколько условной. Текст их дает нам точное указание лишь на «прошлый» год, который не может, конечно, во всех случаях быть приравливаемым к понятию «предыдущего» года. Однако, по аналогии с целым рядом издаваемых в настоящем томе документов того же типа, можно быть уверенным, что и в указанных документах (№№ 116 и 151) упоминаются события, имевшие место именно в предыдущем году. Поэтому, в целях избежания излишнего осложненения датировки этих документов, редакция датировала их годом, следующим за упоминаемыми в тексте событиями.

Приемы передачи текста в данном томе остались те же, что и во всех предыдущих томах, изданных ИАИ по материалам XVII века: в основном сохранялась орфография подлинника, со следующими отступлениями: «ъ» опускался; буквы «и» десят., фита, ять, омега, кон, ижица замещались на «е», «и», «ф», «о», «кс», «и». При введении в строку надстрочных букв, произносимых в настоящее время мягко, вставлялся мягкий знак. Пропускные буквы проставлялись редакцией применительно к современному правописанию. Цифры, написанные словами, а также выраженные славянскими буквами, передавались арабскими цифрами.

Особую трудность представляла в данном издании транскрипция туземных имен. Имена эти встречаются в тексте в явном исковеркании русскими писцами обозначениями. При этом одно и то же лицо часто упоминается под двумя и более разными именами; напр., Некап, он же Атекоп, или Немачко, Немьяк, Немияк и т. п. Следует также иметь в виду, что имена туземцев иногда совершенно сознательно записывались писцами в различных непохожих один на другой вариантах, что давало местным приказным людям возможность прикрывать разное злоупотребления при сборе ясака. В общем необходимо отметить, что труднопроизносимые для русских туземные имена, написанные к тому же с выписанными над строкою согласными буквами, почти не поддаются правильной транскрипции.

Из принятых в тексте сокращений следует особо оговорить лишь сокращение часто повторяющегося при царском имени титула: «Всеа Великия и Малыя и Белья Руси самодержца», заменяемого в падании буквой «т» (титул), взятой в прямые скобки [т.]. Остальные немногочисленные сокращения достаточно понятны: фунт-ф., сажень-саж., рубль-руб., алтын-алт.; денга-д.

В виду того обстоятельства, что все печатаемые в настоящем томе документы извлечены из одного указанного выше архивного фонда, упрощается цитация их в легендах. Фонд хранившийся в ИАИ якутских актов занимает 48 картонов с № 184 по № 231 (по валовой нумерации всех картонов архива ИАИ). В легендах к документам принадлежность их к названному фонду уже не оговаривается; отмечается лишь № картона (сокращенно «К.») и № столба в этом картоне (причем отмечается общее число составов данного столба), и, наконец, указываются порядковые №№ составов данного столба, на которых написан издаваемый документ.

Составление тома первоначально поручено было бригаде сотрудников ИАИ в составе Н. Г. Павловой (бригадир), Н. Е. Боровиковой и Н. В. Тимофеева. Однако в дальнейшем тяжелое заболевание Н. Г. Павловой привело к изменению состава работников. Общая редакция тома принадлежит В. Г. Гейману и И. М. Тропкову при участии Р. В. Мюллер, А. В. Пруссак и К. Н. Сербиной. Указатели личных имен и географический составлены В. М. Неклюдовым; указатель племен и родов — Н. Н. Степановым.

I. ВОЕННАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ЯКУТИИ. СИСТЕМА ОСТРГОВ. АДМИНИСТРАЦИЯ.

1. 1639—40 гг. — Челобитная енисейских служилых людей Ерофея Киселева и Кирилла Ванюкова об отпуске их «на службу» на реки Тату и Амгу.

Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии бьют челом холопи твои государевы, енисейские служилые людишка Ерофейко Кисел[ев], Кирилко Ванюков. В нынешнем, государь, во 148-м году били мы челом тебе государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии, а в Ленском острожке в съезжей избе сыну боярскому Парфену Ходыреву подали челобитную в твоём в государеве в ясаке, в прибыли в 10-ти в сороках в соболях, в новую землю, [с] служилыми и с промышленными людьми. А которой, государь, с нами был в заводе якольскому языку язычной человек, и того язычного человека Парфен не дал нам не ведомо для чего. И мы холопи твои на твою госуд[ареву] службу походили, и на Тате и на А[мге] реки ездили 3 недели для вож[ей], и без якольского язычного человека вожа [не мо]гли наспрашать для того, что разговор якутских людей в вожи некому, и без вож[ей], государь, в тое землицы попасть не мо[гли], ради вожа и толмача в Ленской острог...¹ воротилися. И ныне, государь, мы холопи твои якольскому языку умеющего человека в толмачи спросали и вож, кому нас холопей твоих [ве]сти, есть в тое-землицу. Милосердый госу[дарь] и великий князь Михайло Федорович, пожалуй нас холопей своих, вели, государь, нас из Ленского острожку на ту ж св[оя] службу по прежней нашей челобитной [и нака]зной памяти сына боярского Парфена Хо[дырева], какую наказную память дал нам [Пар]фен за своею печатью по нашему че[лобиту] [отпустить] до приезде атамана Осипа Галкина, и в[ели] дать нам тех же толмачей и служилых и про[мышленных] людей, которые в прежней челобитной напи[саны] [чтобы], государь, не упустить время ходу и те б служи[мые] врознь не разбрелся, а мы холопи твои с нынешнего го[ду] поспеем в тое землицу и тое прибыли 10 сороков соболей на 149-й год зберем. Царь государь, смилуйся по[жалуй].

На обороте: К сей челобитной вместо Кирила Ванюкова Ленского острогу десятник казачей Вахромейко Максимов по его велению руку приложил.

К. 187, столб. 7 на 35 *остават*; сст. 25; *ветхий*.

2. 1640 г. не ранее марта 1. — Отписка якутского таможенного целовальника Юрия Селиверстова якутскому таможенному голове Дружине Трубникову об отъезде енисейского сына боярского Парфена Ходырева дать переписать и запечатать имеющуюся у него мяжку рухлядь и о подговоре на то же служилых людей.

Господину Дружине Фокичу Юшко Селиверстов челом бьет. В нынешнем, господине, во 148-м году марта в 1 день ведамо мне в Ленском острожке у енисейского сына боярского у Парфенья Ходырева есть сороков с 80 соболей, да черных добрых лисиц об ясачном зборе объявилось. И я тово Парфенья в то число призвал в таможеню, и енисейских и красноярских служилых торговых и промышленных людей, и прошал у него Парфенья тех соболей на записку и на печать. И Парфеней мне соболей и лисиц своих добрых черных не дал записать и запечатать, и запечатав взять в государеву казну и послать в Олекменской по времени к тебе

¹ Конец строки оборван.

в государеву казну з десятинною соболіною казною. Да тот же Парфеней отказал во всем таможенном деле, и не ходи де ты целовальник ко мне и к моему анбару соболей и лисиц печатать и на государя имать, а только де пойдешь ко мне, /потшибу де тебе голову от соболей и от лисиц своих, полно де того, что де и на Ленском волоку у меня соболи с таможенным головою з Дружиною взяли в государеву казну, не утерайте де и тех соболей из государевы казны. Да и служилым людем Парфеней говорил в таможи, не ходите де в таможню к таможенному целовальнику к Юрию Селиверстову с соболями и со всякою махкою рухлядью, а только де пойдет тот целовальник по вашим анбарам или по юртам соболи ваши печатать и на государя имать, и вы ево бейте на смерть, то де ему и указ, потому что де в наказной у него целовальника нет того, что у нас соболи и лисицы на государя имать. А при которых людех Парфеней отказал, тем людем имянная роспись под сею отпискою.

К. 187, столб. 10 на 18 сставя; сст. 8-9. Приложнная роспись в настоящем издании опущена.

3. 1640 г. после апреля 3. — Челобитная тунгусского толмача Федора Михайлова об освобождении его из под караула в Ленском острожке.

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьет челом холоп твой государев Ленского острожку тунгуской толмачъ Федька Михайлов. В ныншнем, государь, во 148-м году априля в 3 день сказал я холоп твой в Ленском острожке в съезжей избе твое государево дело на енисейского сына боярского на Парфена на Ходырева для того, что он Парфен посылает на твою государеву службу с енисейскими служивыми людьми с Кирилком Ванюковым с товарищи в тунгусские толмачи по их служивых людей челобитью в новую землищу. И я, государь, холоп твой убоился тое дальные службы, потому что землища дальная, неведомая и вожей к ней нет, а се скуден всем, поднятца было нечем на тое твою государеву дальную службу. Сказал твое государево дело на того сына боярского на Парфена Ходырева, не ведаючи. И в том я холоп твой перед тобою великим государем виноват. И ныне, государь, я холоп твой сижу за приставом в том твоём государеве деле. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичъ всеа Руси, пожалуй меня холопа своего, вели, государь, из за пристава свободить, а в вине моей что ты, государь, укажешь. И на твою государеву службу в новую землищу с енисейскими служивыми людьми с Кирилком Ванюковым с товарищи иду, только дадут на подъем, чем поднятца на твою государеву дальную службу. Царь государь, смилуйся пожалуй.

На обороте: К сей челобитной десятник казачей Мишка Кожеевников вместо тунгусского толмача Федьки Михайлова по его веления руку приложил.

К. 187, столб. 7 на 35 сставя; сст. 2.

4. 1640 г. октября 18—1641 г. января 24. — Дело якутской съезжей избы о тунгусском князе Звероуле, взятом в аманаты, бежавшем затем из якутской караульной избы, и вновь захваченном после погони.

I. — 149-го октября в 18 день в съезжей избе перед стольниками и воеводами перед Петром Петровичем Головиным да перед Матвеем Богдановичем Глебовым да перед дьяком перед Еуфимием Филатовым енисейские служилые люди десятник Илейка Ермолин, Безсонко Сидоров с товарищи сказали в роспросе, что побил на Лене тунгус Звероул енисейских служилых людей Казаринка Кондратьева, Ивашка Григорьева, Ивашка Власьева, Гаврилка Оносова, Охряпка Устьянца, а в котором году того опе не упомнят.//

II. — И ноября в 20 день на Ленском волоку в съезжей избе перед стольниками и воеводами перед Петром Петровичем Головиным с товарищи бил челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, пришел с верх Куты реки, ясающих тунгусов молодой пшман Нириулко от брата своего от князя Белкоча и ото всех своих родников и улусных людей: в прошлом де во 148-м году Налятские волости тунгусы князец Звероул с своими родниками и с верхленскими тунгусами, пришел на усть Куты реки к ним Нириулку с товарищи войною, и убили у них брата ево Нириулкова князя Чалкича да друга лутчего тунгуса ясающего

человека, и чтоб ево Нириулка от того князца Звероула и от его родников и от верхленских тунгусов оборонить и послать с ними на того Звероула служилых людей войною 50 человек, и будет тот Звероул и уйдет, и он шемаи с теми служилыми людьми возьмет ево Звероулову жену и детей.

III. — И ноября в 23 день писал к стольникам и воеводам к Петру Петровичю Головину да к Матвею Богдановичю Глебову да к дьяку к Еуфимию Филатову служилый человек Ивашко Завьялов с служилыми людьми з Гришкой Федоровым с товарищи и прислал с ними на Ленской волок тунгусского князца Звероула, а в отписке ево Ивашковой пишет: //

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии стольником и воеводам Петру Петровичю, Матвею Богдановичю, дьяку Еуфимью Варфоломеевичю десятник Ивашко Завьялов с товарищи челом бьют. В нынешнем во 149-м году ноября в 21 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по вашей наказной памяти послан из Ивашко [с] служивыми людьми 11 человек на государеву службу на великую Лену реку на Туруку для государева ясашиного соболиного збору, и мы Ивашко с товарищи государева ясаку взяли на Туруке Налятские и Ладаинские волостей с тунгусов 3 соболя 28 соболей, да государевых поминков 8 соболей, да нам же велено взять Налятской волости тунгуса Зверовуля, и мы по государеву указу ево взяли, и послал государеву казну и тово тунгуса Зверовуля с усть Куты с служивыми людьми с Григорьем Федоровым да с Безсоном Сидоровым, с Семеном Черкашанином, с Макаром Микитиным, с Панфилом Павловым, с Васильем Трофимовым; а я Ивашко 5-ю человек пошел для государева ясашиного збору вверх по Куте. А ясаших книг писать не на чем, бумаги нет.

На обороте: Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии стольником и воеводам Петру Петровичю, Матвею Богдановичю, дьяку Еуфимью Варфоломеевичю.

Помета: 149-го ноября в 23 день, отписку в столу, а соболи записать в приход, а служивых людей роспросные речи записать. //

И стольники и воеводы Петр Петрович Головин да Матвей Богданович Глебов да дьяк Еуфимей Филатов, слушав отписки, велели у тех служилых людей у Гришки Федорова с товарищи того тунгусского князца Звероула взять, и велели отдать беречь на караул и держать в железах; а надзирать велено над караульщиками, осматривать и ключ держать целовальнику Стеньке Борису.

Да те ж служилые люди Гришка Федоров с товарищи в съезжей избе сказали, как оне того Звероула взяли и в те де поры тунгусов, которых им велено взять с ним Звероулом вместе, Чюмалды не было, а Петелка де было шол с ними на Ленский волок и з дороги воротился, а поймать было им того Петелку нелез, потому что их было служилых людей с тем Звероулом послано мало.

IV. — И декабря в 4 день на Ленской волок в съезжую избу к стольникам и воеводам к Петру Петровичю Головину да к Матвею Богдановичю Глебову да к дьяку к Еуфимию Филатову пришел в съезжую избу шемаи Нириулка да Звероулова жена с сыном Минчаком, и шемаи Нириулко бил челом словом, а сказал, что он бил челом на Звероула о оборони, что убил у него брата князца Чалкича, и он с тем Звероулом помирился, взяли головщины две жонки. //

V. — 149-го декабря в 4 день в съезжей избе перед стольниками и воеводами перед Петром Петровичем Головиным да перед Матвеем Богдановичем Глебовым да перед дьяком перед Еуфимием Филатовым ясачные зборщики Ивашко Завьялов с товарищи извещали словом, а сказали: как де оне взяли Налятские волости тунгусского князца Звероула, и ево де Звероулова жена с родниками собрали с себя на подарки стольникам и воеводам Петру Петровичю Головину да Матвею Богдановичю Глебову да дьяку Еуфимию Филатову 90 соболей, и он де Ивашка те соболи у тех тунгусов запечатал своею печатью, и как де служилые люди повезли Звероула с собою на Ленский волок и те де соболи жена ево Звероулова с сыном повезли было за ним же Звероулом на Ленской же волок, и с теми де соболями з дороги воротился назад; и как де он Ивашко с товарищи з достольным ясачным збором пошли на Ленской волок, и та де Звероулова жена с сыном сошли их с теми соболями на Куте реке, и те де у них соболи распечатаны, а сказали им

Ивашке с товарищи, что у них с тех соболей печать сорвали служилой человек Устинко Панков и с тех соболей взяли у них за коженос, что он Устинко ходил проводывать от них за Ленской волок на Илим про Звероула, 15 соболей, а сказал запечатал де зырян. Да им же де Ивашке с товарищи говорил кутцкой тунгус Онка, что// сказывал им Устинко Панков у себя пансыри, а хотел с ними торговать на соболи, и тот де тунгус Онка говорил те жь Устинковы речи у Соли служилому человеку Савке Истомицу, и потому те тунгусы с ним Ивашком с товарищи на государевы товары соболями не торговали.

И стольники и воеводы Петр Петрович Головин да Матвей Богданович Глебов да дьяк Еуфимей Филатов, слушав Ивашки Завьялова с товарищи изветных речей, велели про те соболи, что взял Устинко Панков, допросить Звероулова сына. // И Звероулов сын тунгус Минчачко сказал, что Устинко у них с соболей печать сорвал, а сказал, что печать зырянская, зыряне де обманывают, называют казаками, и 15 соболей у них ис тех соболей взял собою.

Да он же Ивашко Завьялов с товарищи сказали, что кутцкие тунгусы збиралися войною и хотели де итить на Звероуловых родников, и те де тунгусы меж собою помири[ли]ся и разошлись все по себе.//

На обороте: К сей скаске Иван Завьялов и в товарищев сво[их] место по их вел[е]нию руку приложил. К сей скаске Ивашко Овчинников и вместо толмача Грязик по его велецию руку приложил.

VI. — 149-го декабря в 20 день в съезжей избе служилой человек Якунька Нужа сказал: как он Якунька был послан с памятью к Соли к целовальнику к Семейке Шелковнику, и от Соли пошел он Якунька на Ленской волок, и пришел де он Якунька в юрты погретца к тунгусам к Звероулову сыну да к жене, и в той де юрте лежат 8 бобров, и те де тунгусы учали ему говорить, что оне с теми бобрами и с оленями хотели итить к стольником и воеводам к Петру Петровичу Головину да к Матвею Богдановичу Глебову да к дьяку к Еуфимию Филатову, и им де сказал промышленного человека Сазонка валогженина малой, что Звероула повесили и казаки розстреляли ис пищадей, и те де тунгусы с чюмами¹ воротились, пошли к себе, а на Ленской волок не пошли.//

VII. — 149-го декабря в 28 день в ночи в 10-м ч[асу] с караула из караульной избы у короульщиков у служилых людей Тобольского города у Гришки Сабанки да у Офоньки Винокурова да у енисейского у Пашка Иванова Мотафьи ушел аманат тунгусской Звероул, и стольники и воеводы Петр Петрович Головин да Матвей Богданович Глебов да дьяк Еуфимей Филатов тех караульщиков спрашивали порознь. Офонька Винокуров сказал, что с вечера к ночи замыкал на том аманате железа енисейской Пашко Мотафья, либо он тех желез на том аманате не домкнул, а на двор де за тем аманатом выходил Гришк Сабанка. И караульщик Пашко Мотафья сказал, что он на том Звероуле замыкал железа сам друг с Офонькою Винокуровым: он Пашко железа накладывал, а Офонька сныч донетал, а караулил он Пашко за Оленку Самсыгина без найму. И те караульщики отданы за пристава: Офонька Винокур отдан десятнику Вторышке Волкову, Пашка Мотафья отдан десятнику Олюшке Читальнице.

Целовальник Стенька Борисов в роспросе сказал, что он Стенька ввечеру на том аманате желез, замкнуты ль или нет, не осматривал, а ключ де оставил в караульне.

Гришка Сабанка сказал: как аманат Звероул пошел на двор и он Гришка за ним на двор выходил и ждал де ево на дворе многое время и пошел погретца в избу на час, и как вышел из избы вдругоряд и он де Звероул ударил ево шубою и железы в груди и побежал за реку.

Отдан за пристава Сабанка Левке Федорову, а целовальник Стенька отдан пятидесятинику Проньке Важенину.//

VIII. — И того ж часу стольники и воеводы Петр Петрович Головин да Матвей Богданович Глебов да дьяк Еуфимей Филатов велели выслатъ всех служилых людей за Илим реку с огнями того аманата искать, а сказали им служилым людям: кто тово тунгуса изымает, и тем служилым людям будет государево денежное

¹ С чюмами в рукописи зачеркнуто.

жалованье для того, что тунгусские люди близко от волока, а он тунгус Звероул у них у всех лутчей человек. И служилые люди с огнем за Илимом палили того аманата след, и по тому следу послан за тем аманатом в погоню к тем служилым людям в прибавку пятидесятник Семейка Родюков, государева ему жалованья 4 руб.¹ // Да того ж дни посланы за тем же аманатом в погоню с хлебом к служилым людям к пятидесятнику к Семейке Родюкову и к служилым людям, которые за тем аманатом в погоне, десятник Федька Боранников, а с ним служилых людей 5 человек.

IX. — И декабря в 30 день на волок Федька Боранников пришел и в съезжей избе расспрашиван, а в роспросе сказал, что он Федька дошел пятидесятника Семейку Родюкова с товарищи 5-ти человек ночью на верх Зырянки реки, и которой хлеб послан с ним Федьяновым к служилым людям и оне тот хлеб им отдали, а в прибавку служилых людей пошли за тем аманатом в погоню от него Федьки 3 человека: Тобольского города Мишка Иванов, Ярко Лукьянов, Ивашка Микитин, а от Семейки Родюкова воротился с ним Федькою на волок служилой человек Васька Трофимов.

X. — И января в 2 день пятидесятник Семейка Родюков с служилыми людьми з Добрынькою Игнатьевым, с Савкою Андреевым,¹ да з березовским с Федькою Краснояром, Тобольского города с Мишкою Ивановым, с Бывалкою Микитиным, с Ярком Лукьяновым того аманата Звероула привели на Ленской волок.

И того ж дни в съезжей избе перед столышники и воеводы перед Петром Петровичем Головиным да перед Матвеем Богдановичем Глебовым да перед дяком перед Еуфимием Филатовым пятидесятник Семейка Родюков расспрашиван, а в роспросе сказал, что он Семейка шол за тем аманатом в погоне за Зырянскую рекою служилых людей Добрыньку Игнатьева,² да Савку Андреева, да березовского Федьку Красную,³ да тобольского Ваську Трофимова, и с теми служилыми людьми он Семейка шол за тем аманатом сутки, и как де к нему Семейке пришел с хлебом десятник Федька Боранников с товарищи и тот Федька, отдав ему Семейке хлеб, воротился назад на Ленской волок, да с ним же де Федькою воротился прежней погонщик служилой человек Васька Трофимов, да от него же Федьки пошли с ним Семейкою в погоню служилых людей в прибавку 3 человека: Мишка Иванов,⁴ Ярко Лукьянов,⁵ Ивашко Микитин.⁶ И он де Семейка с товарищи шли за тем аманатом 2 дни да 2 ночи и дошли на верх Муки реки огонь, где тот беглый тунгус ночевал, и от того де огня он Семейка послал наперед себя лехких людей Добрыньку Игнатьева да Федьку // Краснояр да Мишку Иванова, и те де служилые люди Добрынька Игнатьев с товарищи того Звероула сугнали на лесу, а он идет с отгасом тунгусским железным, и ево де Звероула изымали; а как ево изымав осматривали, и у того тунгуса нашли в ноговицах зашито труд и огнива, а платья на нем Звероуле шуба тунгуская сабанья с рукавицами, на ногах пимы; а сказал им тот Звероул, как он вышел ис караульни на двор и на нем де железа караульщики не домыкнули и он де потому и побескал.⁷

XI. — И того ж числа столышник и воеводы Петр Петрович Головин да Матвей Богданович Глебов да дяк Еуфимей Филатов тунгуса Звероула расспрашивали, по чьему наученью побескал и как железа чем отомкнул. И Звероул в роспросе сказал: наученья де ничьево к нему не было, а железа не домыкнули на нем того вечера караульщики и целовальник не досматривал. И против ево речей он же Звероул допрашиван, что караульщики не домыкнули на нем желез и целовальники тех желез ввечеру не досматривали дружа ль ему Звероулу, и посылки к нему от друзей сво от шемана и от родников не было ль, и не ведали ли ево побегу. И Звероул сказал, что посылки от родников ево и от шемана не было, и побегу // ево караульщики и целовальник не ведали, а осмотрел де он, что на нем железа не домыкнуто, и он де вышел на двор побескал, а шубу де и пимы взял ночью,

¹ Над строкой: выдать государева жалованья 2 руб.

² Над строкой: выдать государева жалованья 4 руб.

³ Над строкой: выдать 4 руб.

⁴ Над строкой: выдать полтора руб.

⁵ Над строкой: выдать 2 руб.

⁶ Над строкой: выдать рубль.

а отказ де ему дала жена сво, как приходила к нему на волок с мясом, и он де у ней взял отказ для того, что де служивые люди ножа ему хлеба резать не давали, а огниво де и труд и кремень взял у сына своего малово. И того Звероула велели посадить на цепь и над караульщиками велели, и его Звероула, пятидесятнику Сеньке Родюкову назирать и железа и цепи осматривать по вся дни год.

Помета: Написать приговор. //

XII. — И 149-го генваря в 3 день стольники и воеводы Петр Петрович Головин да Матвей Богданович Глебов да дьяк Еуфимей Филатов, слушав сее записки и ростросных речей служилых людей пятидесятника Семейки Родюкова с товарищи, притоворили им служилым людям дать государево жалованье за то, что оне того тунгуса Звероула понимали: пятидесятнику Семейке Родюкову 4 руб. за то, что он Семейка государевым делом фадел, шол за тем аманатом по следу днем и ночью без хлеба неоплошно и назад не воротился, а которые с ним Семейкою были служилые люди и те все назад воротилися, а как он Семейка того тунгуса дошел, где он тушгус начевал, и от того огня он Семейка послал наперед за тем тунгусом обогча служилых людей 3-х человек: Добрыньку Игнатьева, Федьку Краснояра. Ивашку Михайлова, и те служилые люди дошел того тунгуса изымали. А тем служилым людям: Добрыньке Игнатьеву да Федьке Краснояру приговорили дать государево денежное жалованье по 4 руб. человеку за то, что оне за тем тунгусом первые по следу погонщики и шли за тем // тунгусом служа государю наспех безодежны и изымали сво оне Добрынька да Федька; а Савке Ондрееву дати 2 руб. потому, что он Савка в погоне был вместе с пятидесятником с Семейкою без хлеба, а на имке того тунгуса не был; а Мишке Иванову дати полтора руб. за то, что он Мишка Мотора послан в погоню в прибавку одежен и с хлебом; а Ярку Лукьянову да Ивашку Микитину дати по рублю человеку за то, что оне присланы за тем тунгусом в погоню одежны и с хлебом. А то им государево денежное жалованье притоворили дать из неокладных денег, и дав им велели записать в расходные /и книги.

XIII. — И генваря в 9 день стольники и воеводы Петр Петрович Головин да Матвей Богданович Глебов да дьяк Еуфимей Филатов подьячево Семена Абрамова допрашивали: как Звероул побегал велено ему Семену у пятидесятников тмать кораульщиком имена, и тем кораульщиком ему Семену велено приказывать осматривать на Звероуле железе и его Звероула беречь, и у которых кораульщиков Звероул ушел, и он Семен тем кораульщикам приказывал ли его Звероула беречь и железе на нем осматривать. И подьячей Семен Абрамов в ростросе сказал: кораульщикам де я Звероула беречь и осматривать не приказывал, только де я допрашивал здоровья ль Звероул. //

XIV. — И 149-го генваря в ... день стольники и воеводы Петр Петрович Головин да Матвей Богданович Глебов да дьяк Еуфимей Филатов приговорили целовальника и сторожей служивых людей в Звероулове поботе пытать, потому что целовальнику приказано Звероула осматривать по вся дни и железа замывать при себе, а ключи ему велено держать у себя, и он того вечера Звероула не осматривал и ключ покинул в кораульне; а кораульщиков пытать потому, что оне упустили Звероула в платье во всем в шубе и в пимах и в шапке, а велено им того Звероула на двор выводить без платья, да он же Звероул сказал, что железе на нем того веч[ер]а не домкнули оне кораульщики; а подьячево Семена Абрамова приговорили бить батоги нещадно за то, что тем кораульщиком того дни Звероула осматривать не приказывал. //

XV. — 149-го генваря в 9 день стольники и воеводы Петр Петрович Головин да Матвей Богданович Глебов да дьяк Еуфимей Филатов посылали пятидесятника Семейку Родюкова допрашивать тунгуса Звероула, хто ему дал постелю войлок. И того ж числа пятидесятник Семейка Родюков сказал: допрашивал де он Звероула про постелю, и Звероул де ему про постелю сказал, дал де ему Звероулу постелю войлок кузнец Онгипко Фролов, как де приходила к нему Звероулу жена его Звероулова.

XVI. — И генваря ж в 9 день в съезжей избе стольником и воеводам Петру Петровичу Головину да Матвею Богдановичу Глебову да дьяку Еуфимью Фила-

тову енисейской казак Якушко Нужа, извещал, а сказал: вчера де тунвара ж в 8 день в кораульни говорил де он Нужа тунгусу Звероулу, для чего ты бегал, по государеву де указу стольники и воеводы Петр Петрович Головин да Матвей Богданович Глебов да дьяк Еуфимей Филатов // тебя кормили и вино де давали и от себя де к тебе корму присылали и ты де все то забыл побегал, и он де Звероул ево Нужу ударл в щеку кулоком. И стольники и воеводы Петр Петрович Головин с товарищи велели поставить перед собою кораульщиков при которых ево Нужу Звероул ударил.

И того ж числа тобольские служилые люди Куземка Иванов, Ярофейко Лукьянов в допросе сказали: говорил де Нужа тунгусу Звероулу, много де тебе было государева жалованья корму и вина, и стольник де и воеводы к тебе и свое посылали, и ты де забыв все побегал, и он де Звероул ево Нужу ударил в щеку кулоком. И стольники и воеводы Петр Петрович Головин с товарищи речи их велели записать. //

XVII. — 149-го декабря в 5 день в съезжей избе стольником и воеводам Петру Петровичу Головину да Матвею Богдановичу Глебову да дьяку Еуфимию Филатову енисейской казак Устинка Павлов сказывал, что де он Устинка сидят на промыслу на Лене реке на усть Туруки с Олешкою Оленем с товарищи, и их де служивых людей тунгусы Звероуловы родники в зимовьях хотят побить всех, и он де Устинка пришел для того, смель ли им там жить. А ясачные сборщики десятник Ивашко Завьялов с товарищи, пришед на Илимской волок, стольником и воеводам Петру Петровичу Головину с товарищи сказывали: поехали де было на Илим тунгусы да Звероулова жена 90 соболей, и он де Ивашко у них те соболи запечатал, и как де шел с Ылима за волок Устинка Павлов и у тех де тунгусов с соболей печать сорвал, а их де служивых людей называл он Устинко зырянами, и взял де у тех тунгусов ис тех соболей найму 15 соболей, что де ему Устинку про Звероула проведать, жив ли Звероул или нет. //

149-го генваря в 18 день писали к стольником и воеводам к Петру Петровичу Головину да к Матвею Богдановичу Глебову да к дьяку к Еуфимию Филатову с устья Куты реки от Соли сын боярской Иван Пильников да пятидесятник Олешка Левонтьев Коркун и прислали с Олешкою Оленем енисейского служиваго человека Устинка Павлова да с ним же прислали 15 соболей, что он Устинка взял на Ленском волоку у тунгусов да у Звероуловой жене. //

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси стольником и воеводам Петру Петровичу, Матвею Богдановичу, дьяку Еуфиму Варфоломеевичу сын [боярской Ивашко Пильников, Олешка Коркун челом бьют. В нынешнем во 149-м году генваря в 1 день прислана от вас наказная память ко мне Ивашку с товарищем, а по наказной памяти велено нам ити на Туруку в зимовье служивым людям, а пришед выслать Устинка Панфилова да Лучьку Дружынина, и досмотрить у них у всех служивых людей соболей тынгусово промыслу и бобров и щуб соболих и лисц и всякой мяхкой рухляди, и написать на роспис; а 15 соболей, что взял Устинку у тынгусов, и те соболи прислатъ к вам на Илим. И мы Ивашко с товарищи ходили на Туруку к служивым генваря в 11 день, и пришед в зимовье служивых людей Устинка да Лучьку выслали к вам того ж числа, а соболей у них у всех служивых тынгусово промыслу досматривали, и соболей тынгусово промыслу у них нет, и их промыслу соболей 62 соболи, а 2 соболи спаских, и мы те соболи у них запечатали и велели беречь до государева указу, а большы того у них соболей нет, а 15 соболей, что взял Устинку у тынгусов, и мы те взяв соболи, запечатав послали к вам [с] служивым с Олексеем Оленем, а печать у соболей птица неясить. Да нам же велено допросить тынгусов, что оне продавали служивым какую мяхкую рухлядь и па какие товары, и нам про то спрашивать не у ково, тынгусов нет.

На обороте: Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси стольником и воеводам Петру Петровичу, Матвею Богдановичу, дьяку Еуфиму Варфоломеевичу.

Помета: 149-го генваря в 18 день, отписку в столб вклеить, а 15 соболей взять в государеву казну, а 62 соболя отдать служивым людям, потому что их промысел, а не тунгуской. //

XVIII. — И стольники и воеводы Петр Петрович Головин с товарищи, выслушав отписку, енисейского служиваго человека Устинка Павлова спрашивали, для чего он декабря в 5-м числе на Илимской волок приходил, и как он пошел с Ылима за Ленской волок и на волоку у тунгусов с соболем печать сорвал ли, которые соболы запечатал был Ивашка Завьялов, и из тех соболей он Устинка себе 15 соболей взял ли, и про пансыри он тунгусом сказывал ли, что у служивых людей продажные пансыри есть.

И Устинко Павлов в роспросе сказал: как де он шел с Ылима за волок, и встретились де с ним на Ленском волоку Звероулова жена и тунгусы, и он де у них взял 15 соболей, а сказал де им, что Звероул жив, а печати де я с соболем не срывал и служивых людей Ивашка Завьялова с товарищи зырянами не называл, то де на меня наносное; // а про пансыри де меня тунгусы спрашивали, есть ли де у служивых людей пансыри продажные, и он де Устинка сказывал тунгусом, что де есть пансыри у служивых людей.

И того же дни стольники и воеводы Петр Петрович Головин да Матвей Богданович Глебов да дяк Еуфимей Филатов сего дела слушали, и приговорили Устинка Павлова за воровство бить кнутом на козле нещадно за то, что он Устинко взял у Звероуловых родников у тунгусов найму 15 соболей, а те были соболы Звероулова жена с сыном понесли на Ленский волок к стольником и воеводам к Петру Петровичу Головину с товарищи в поминки, а запечатаны были те соболы ясачных зборщиков Ивашка Завьялова печатью, и тот Устинко, распечатав соболы, взял себе те 15 соболей и ясачных зборщиков называл зырянами, а как он Устинко взял 15 соболей, ходил на Ленский волок проведывать про Звероуля, жив ли или повешен, а пришел он Устинко на Ленский волок // про то стольником и воеводам Петру Петровичу Головину да Матвею Богдановичу Глебову да дяку Еуфимью Филатову не сказал, а сказал, что пришел он на Ленской волок для того, что де им Звероуловы родники угрожают убийством, и one де служивые люди на соболыных своих промыслах от тунгусов жить не смеют; да он же Устинко тунгусом говорил, есть де у него Устинка пансыри продажные, и тунгусы про те пансыри его слово сказывали служивым людям ясачным зборщикам, и для того one тунгусы на соболы и на боры на государевы царевы и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси товары сь ясачными зборщиками не торговали; потому того Устинка приговорили за то его воровство бить кнутом, а ударов велели дать 10.

Бит кнутом. //

XIX. — 149-го января в 24 день в съезжей избе стольники и воеводы Петр Петрович Головин да Матвей Богданович Глебов да дяк Еуфимей Филатов спрашивали служивого человека Климка Офонасьева: в нынешнем во 149-м году в декабре месяце, как был пошел на Илимский волок к Звероулю жена его да 2 сына да брат его Звероулев да Петелка да Гушко, и те тунгусы для чего воротились. И Климка Офонасьев в роспросе сказал: пошли де было на Илимской волок к Звероулю жена да 2 сына да брат его Звероулев да иные тунгусы Петелка да Гушко и one де воротились назад в юрты свои с усть Куты, а сказал де им Самсонко, племянник вологоженина Карпунька, что де Звероуля повесили и казаки ростреляли, и он де Климко тех тунгусов утоваривал и воротил их, а сказал им что де Звероул жив, и кормил де он их тунгусов своим запасом, и one де ему не поверили, воротились в свои юрты, а сказали ему Климку, что де он Климка им лжет; и как де те тунгусы воротились назад в юрты свои и он де Климко приказывал к стольником и воеводам к Петру Петровичу Головину с товарищи с енисейским служивым человеком сь Якушком Нухею, что тунгусы воротились назад к себе в юрты, а на Илимской волок не пошли.

На обороте: Дяк Еуфимей Филатов.

К. 188, столб. 1 на 71 ставе; сст. 39, 42—71.

5. 1641 г. марта 30. — Сказка толмача Кондратия Мясина о сборе ясака с вновь приисканных «иноземцов», живущих между верховьями рек Ламы и Киренги.

149-го марта в 30 день на Ленской волок в съезжую избу к стольником и воеводам к Петру Петровичу Головину да к Матвею Богдановичу Глебову да к дяку

Еуфимию Филатову пришел снисейской служилой человек толмач Кондрашка Мясин, которой послан был вверх Киренги з десятиником с Оксенком Аникеевым, а с собою принес государева ясаку 54 соболи. А сказал: ходил де он Кондрашка с верх Киренги от своих товарищей из ясачного зимовья вверх Лены меж Ламы и Киренги вершины на Ламской хребет к тунгускым людям х кан[цы]гирцам с князцом с Кулюю, которые живут возле братцких людей, для государева ясачного збору...¹ а им государев ясак вновь. А имяя [те]м тунгусам не принес, потому что он Кондрашка не умеет, писать было некому, а сам имяя их не упомянул, а тех кинцыгирцов человек с пятьдесят. А государев ясак давали не все, только де старики, а давали с человека по соболу и по 2 и по 3. А впредь для государева ясачного збору посылать человека по 2, потому что больши 2-х человек тунгусы на оленях не повезут.

К. 188, столб. 2 на 67 сставах; сст. 38.

6. 1641 г. мая 14. — *Запись подтвердительных речей «братцкого» князя Куршуна Бурлаева на усть Куты реки о шерти его царю Михаилу Федоровичу в вечное холопство.*

149-го мая в 14 день на устье Куты реки был перед стольники и воеводы перед Петром Петровичем Головиным да перед Матвеем Богдановичем Глебовым да перед диаком перед Еуфимьем Филатовым братцкой князец Куршун Бурлаев, а говорили ему Куршуну: шертовал он государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии, что ему быть Куршуну со всем своим родом и с улусными своими людьми в вечном холопстве у государя неоступно, и ясак с себя государю давать и с своих улусных людей по вся годы безпереводно, и он бы Куршун государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии служил и иных бы братцких людей под государеву царьскою высокою руку приводит, и за то ему Куршуну будет государево жалованья и от недругов сво будет ему оборонь.

И князец Коршун Бурлаев стольником и воеводам Петру Петровичу Головину с товарищи сказал, что де он лю своей вере государю шертовал, что ему под государеву царьскою высокою рукою с своими улусными людьми быть в холопстве вовеки неотступно, и ясак государю с себя и с роду своего и с улусных // своих людей полной давать учнет по вся годы беспсередно, и иных братцких людей учнет под государеву царьскою высокою руку приводить, а которые братцкие люди непослушны будут, и ясаку с себя государю не учнут давать, и он Куршун на непослушных братцких людей учнет государевых людей водить войною.

На обороте: Диак Еуфимей Филатов.

Помета: Куршуну давать до отпуску по 2 чарки вина на день, а тунгусу и бабе давать до отпуску ж по 2 чарки вина на день человеку.

К. 189, столб. 1 на 59 сставах; сст. 31—32.

7. 1641 г. мая 22. — *Распросные речи тунгусского князя Мужуя о намерении «братцких людей» платить ясак.*

149 году мая в 22 день на устье Куты реки стольником и воеводам Петру Петровичу Головину да Матвеем Богдановичу Глебову да дьяку Еуфимию Филатову с Туруки реки тунгуской князец Мужуй в роспросе сказал: в нынешнем же де во 149 году зимою отходил он Мужуй вверх Лены и зимовал на Тутуре реке. И ныне де он Мужуй с Тутуры десятой день. И он де слышал от тунгус, что де о[дин] тунгус пришел от братцких людей, а говорил де тот тунгус: говорят де братцкие люди, будет де Куржуй жив, и они ясак государю учнут давать. А ламских де чылкагирских мужиков он Мужуй видел, и оне де чылкагирцы говорят, будет де государевы люди до них дойдут, и оне де государю ясак дадут все, а их де чылкагирских тунгусов человек с 300.

Дьяк Еуфимей Филатов.

К. 189, столб. 1 на 59 сставах; сст. 28.

¹ В рукописи оборвано.

8. 1641 г. сентября 28. — Доездная память ленских служилых людей Семена Чуфариста с товарищами о поездке их к богдонским князям Бойдону и Треке и к шаману Оргуну Чегунаеву сыну.

150 году сентября в 28 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по наказу стольников и воевод Петра Петровича Головина да Матвея Богдановича Глебова да дьяка Еуфимья Филатова ленские служивые люди Семейка Чюфарист, Гришка Летишев, Савастьянко Коулин, Тимошко Михайлов посланы были мы из Ленского острогу князем к Бюку и к Тынынелкам к Бозекою з братью и к богдонскому князю к Бойдону и к елханскому князю к Треке, и велено нам служивым людям в тех улусах скота купити на государев товар. И мы служивые люди, я Семейка Чюфарист с товарищи, купили на государев товар в тех улусах 4 скотины. Да нам же велено богдонскому князю Бойдону и Треке говорить, что их братья многие якутские князцы со всеми своими улусными людьми приезжали в Якутской острог к государеву милостивому слову, а они Бойдон и Трека и по ся мест не бывали в Якутской острог. И мы служивые люди приехали к тем князю Бойдону и Треке и почали их призывать в Якутской острог, и князец Трека нам говорил: тепере де мне ехать в Якутской нечем, соболей де у меня нет, как де яз соболей напромышляю, и яз де приеду // в Якутской с ясаком. А богдонской князец Бойдон нам сказал: яз де поеду в Якутской острог. И поехал от нас в Якутской острог. А я Семейка Чюфарист с товарищи с тем Бойдоном отпустил якутсково толмача Гришку Летишева в Якутской острог. Да он же Бойдон нам говорил: яз де за тем не бывал в Якутской острог, что де у меня соболей нет, а без соболей ехать не смел, начался по-прежнему, как де мы сжива[ли] к тосну прежнему Парфену много[о], и мы соболей вживали. Да он же Бойдон говорил мне Семейке Чюфаристу: скажи де Семен правду мне, не послушает ли де Петр Петрович Парфена, не посадит ли де меня в казенку, не станет ли де меня бить для ради Парфена и по сво научению. И яз, Семейка, почал говорить тому Бойдону: не бойся де ты Бойдон, не послушает де Петр Петрович Парфена, не посадит де тебя в казенку, не станет де тебя бить. Да он же Бойдон нам говорил: приезжал де яз в Якутской острог во 148 году к тому к Парфену Ходыреву и привез де яз в Якутской острог 300 соболей, и он Парфен у меня ис тех соболей из 300-т 10 соболей лутчих взял себе, а ис тех же 300-т соболей дал ему Парфену // 200 соболей государева ясаку; да ис тех же соболей сын мой Бойдон дал тому же Парфену 5 же соболей государева ясаку; да сын же мой другой дал тому же Парфену 5 же соболей государева ясаку; да он же Парфен взял у меня 40 соболей дал кобылу; да он же Парфен пропал у меня и достальных соболей, и яз де ему не дал, и он де Парфен меня с лисицы спехнул и ребро де у меня изломил и в казенку де меня посадит; и яз де ему Парфену и достальных соболей отдал, чтобы де меня выпустил ис казенки. Да приехали мы ж в Кангаласкую волость к Оргуну к шаману и розпрашивали у него, где он знает лисиц черных и чернобурых и бурых купити на государев товар. И он шаман Оргуней Чегунаев сын нам сказал: дал де яз в прошлом во 148 году Парфену Ходыреву 2 лисицы черных, а теперь де у меня лисиц черных и чернобурых и бурых нет, и у них де якутов не знаю; как де будут и вперед яз де сам привезу в Якутской острог.

Сию доездную память писал Ленского острогу служилый человек Тимошко Михайлов Булдаков.

На обороте: К сей доездной памяти вместо служилого пятидесятника казацья Семена Чюфариста десятник казачей Андрюшка Иванов по его велению руку приложил. К сей доездной памяти вместо якутского толмача Григорья Иванова Лятева да березовского казака Севастьяна Гаврилова Когоулина по их велению Якутско Микифоров Коновалов руку приложил.

Г. 188, столб. 14 на 64 состав; стр. 32—34.

9. 1642—45 гг. — Образец шертной записи «братских» князцов.

Яз братикю мужик, имя рек, даю прямую свою шерт государю своему царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии самодержцу и его государеву благоверному царевичю и великому князю Олексю Михайловичу на том:

по своей вере под солнцем и под землею и под огнем и под рускою саблею и попицалью быти мне Булюю и брату моему Буре и иным нашим братьям и племянникам и всем улусным моим людям под ево государевою царскою высокою рукою в вечном холопстве без измены навеки неотступным, и ему государю своему во всем служить и прямить и радець, и под ним государем и под ево государевыми служилыми и всякими рускими людьми изменою подыску и никакова дурна не подыскивать, и на ево государевых людей изменою ж под Верхотенской острожек, и на пашенных, и на иные места, [где] государевы служилые и руские люди на промыслех будут, войною и тайным обычаем не приходить, и смертного убийства и никакова дурна не чинить, и ни в чем не изменить; и иных немирных братских людей самому мне, имя рек, и брату [мо]ему и всем моим улусным людям, подговоря изменою ж, на государевых людей не научать, и подводом их не приводить, и смертных убийств не чинить. Также мне, имя рек, иных братских лутчих мужиков и их улусных людей под ево государеву царскою высокою рукою в вечное холопство призывать, и с себя и з братьей своих и со всех улусных своих людей государю ясак, и поминки, самой большой, полной по вся годы без недобору платить, и во всем з государевыми людьми быть заодно. И в улусе у себя государевых людей, как для ясачного збору приходят, и их оберегать, и до смерти побивать не давать. А которые братские лутчие мужики с своими улусными людьми государю учинятца непослушны, и про тех непослушников мне, имя рек, сказывать в Верхотенском остроге ево государевым приказным людям, и з государевыми людьми заодно на тех непослушников войною ходить, и войною их смирять и под твою государеву царскую высокую руку приводить, и с них на государя ясак иметь. А буде и, имя рек, государю своему царю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Руси и ево государеву благоверному царевичю и великому князю Олесею Михайловичю не учну так во всем, как в сей записи писано, в прямом вечном холопстве служить и прямить и радець, или что какое своею изменою над государевыми служилыми и всякими рускими людьми войною под Верхотенской острожек и на пашенные и на иные места, где государевы люди будут, приходить и смертное убийства чинить, и ясаку с себя и со всех своих улусных людей полного не платить, или какое иное всякое дурно изменою чинить, и меня, имя рек, по моей вере солнце не освяти, и земля не понеси, и хлеб подави, и руская сабля секи, и пицаль убей, и огонь на нашей земли все наши улусы пожги: в последнее за ту нашу измену буди на нас государева гнева смертная казнь без милости и без пощады.

К. 190, столб. 20 на 3 сставах; сст. 3. Датирован на основании упоминания царя Михаила Федоровича и Верхотенского острожка, построенного в 1642 году.

10. 1645 г. января 30—31. — *Распросные речи казачьего атамана Никифора Галкина и торгового человека Ивана Тарасова Норкина с товарищами о нежелании якутского воеводы Петра Головина отправить в Москву государеву соболиную казну с едущими туда торговыми и промышленными людьми, о заключении Головиным в тюрьму своих товарищей и многих торговых, промышленных и служилых людей, обвиняемых им в «государеве изменном деле», и об убийствах «иноземцами» русских промышленных людей на промыслах по рекам Яне и Витиму.*

I.—153-го генваря в 30 день в Енисейском остроге на съезде двора перед лепскими воеводами перед Васильем Никитичем Пушкиным да перед Кирилом Осиповичем Супоневым да перед дьяком перед Петром Стенишиным Енисейского острогу атаман, который в прошлом во 152-м году послан на Ленской волок з государевыми хлебными запасами и с Ленского волоку ныне пришел в Енисейской острог, Микифор Галкин в роспросе сказал, что в нынешнем де во 153-м году о Филипповых загосейнах вышли на Ленской волок из Якуцкого острогу торговых и промышленных людей человек с полчетвертаста, да с Лены ж де из Якуцкого острогу присланы на Ленской же волок для хлебных запасов и судового дела 20 человек казаков, Олень Яковлев с товарищи, и у него де те государевы хлебные запасы, которые с ним присланы были, на Ленском волоку принял приказной Якуцкого острогу сын боярской Алексей Бедарев. Да ему ж де Микифору на Ленском

волоку сказывали, которые пришли из Якутского острогу торговые люди гостинной сотни Иван Еремеев Босиков да Андрей Осколков, что де их торговых и промышленных людей из Якутского острогу Петр Головин отпустил на Ленской волок в нынешнем во 153-м году после Семена дни спустя 10 ден, а в те поры де снет пал, и шли де они Леною до замороз 4 недели и, не дошед до волоку, замерзли меж Киренги и Чичюя реки выше займки пашенного крестьянина Ивашка Сверчкова днища. А по их де отпуске в Якутском остроге государева соболиная казна и всякая мяхкая рухлядь и острог и воевода Петр Головин дал бог здорово. А поставлен де тот новой острог от старого острогу, где было поставил Иван Галкин, вверх выше 2-мя днища в урочищах в Табуге. А государевы де соболиной казны и иной всякой рухляди ныне в Якутском остроге много, 2 анбара, а сколько числом сороков соболей, того ему не сказали, // а соболей де не деланы, в козках. И под ту де государеву соболиную казну к их отпуску Петр Головин и суды было изготовил 2 дощеника. И как суды изготовя, велел Петр Головин их торговых и промышленных людей призвать к себе и учел им говорить, что молно ль де им та государева соболиная казна неделаная к государю к Москве доплавидити, и будет молно, и они б к нему Петру о том принесли челобитную, что им та государева соболиная казна довесть вся до государя к Москве здорова. И они де торговые и промышленные люди ему Петру сказали: хотя та государева соболиная казна и не сделана, и они с тою государевую соболиную казною к государю итить рады, и будет де их на Лене реке хотя и замороз возьмет, и они де ту государеву соболиную казну из заморозу все своими головами на себе выпснут и до Ленского волоку перепроводят и государю к Москве отвезут здорово, и челобитные де о том к нему Петру принесут. И как де мы о том к нему Петру челобитную принесли, и Петр де Головин, приняв у них челобитную, прочет покинул и сказал, что ему с ними той государевы соболиной казны и иной рухляди не посылавать, все до воры, и посылать де ему Петру той государевы соболиной казны с ними, и верить им в том не в чем, и с ними де той государевы соболиной казны не послал. А товарищи де ево Петровы Матфей Глебов и дьяк Еуфимей Филатов и письменной голова Еналей Бахтеяров и ныне в Якутском остроге сидят в тюрьмах, а посажены де они от Петра Головина еще в старом Якутском остроге в тюрьму. А как де новой Якутской острог он Петр поставил, и тех товарищев своих Матфея и дьяка Еуфима и письменово // голову из старого острогу перевез в судах и, до коих мест в остроге тюрьмы поставил, держал их в судах на реке за сторожи, а у судов были поделаны решетки железные, и поставя тюрьмы, ис тех судов перевел их в те тюрьмы и посадил их вместе ж, тому ныне 2 года, а сказываст де на них государево изменное дело. А поставлено де в том новом в Якутском остроге 7 тюрем, и в тех де тюрьмах служилых и торговых и промышленных людей посажено много, человек со 100 и больши насажены, те все тюрьмы полны. А в государевом де в хлебном жалованье служилым людсм, сказывали, скудость велика, потому что из Енисейского острогу прошлых годов хлебные запасы многие не доведены.

II.—Да генаря в 31 день перед ленскими ж воеводы перед Васильем Никитичем Пушкиным с товарищи Нижегородского уезду Павлова перевозу торговой человек Ивашко Тарасов Норкин, да Важенского уезду Подвинской чети Топецкие волости Трофимко Микифоров, да Вологодского уезду Троецкой трети стольника князя Алексея Лыкова хрестянин Неустройко Осипов, да с Мезени Кузнецовы слободки Савка да Осипко Ивановы дети Шершавины в роспросе сказали: пришли де они ныне с Ленского волоку, а с Лены отпуцены в нынешнем во 153-м году после Семена дни спустя 10 ден, а по их де поезд Якутской острог и государева соболиная казна и стольник Петр Головин дал бог здорово. А поставлен новой Ленской острог в Якутской же земли от старово // выше 2 дни. А товарищев де Петровых Матфея Глебова да дьяка Еуфима Филатова они не ведали, а сказывали де им про ево Петровых товарищев про Матфея Глебова и про дьяка про Ефима Филатова и про письменово голову про Еналея Бахтеярова, что они сидят в тюрьме, а за что посажены и с которого числа, того они не ведают, что жили на промыслах, а с промыслов де приходя в Якутской острог жили немного. И торговых и служилых людей в тюрьмах есть много, а сколько человек и за какие вины посажены, и того не ведают же. А государева де хлеб-

ного запасу в Якутском есть анбар ржи ленские пахоты, пятинного и десятинного хлеба с Ленского волоку и в присылки государевы запасы есть же. А государевы соболониной казны Петр Головин ко государю по их отпуск не послал, а сказывают де, что государева соболонная казна не делана лежит, соболы в козках. И про ту государеву соболонную казну об высылке к государю к Москве Петр Головин у торговых и у промышленных людей челобитную имал. А почему той государевы соболониной казны не послал, и того они не ведают. А вышло де их на Ленской волок из Якутского острогу торговых и промышленных людей человек с полчетвертаста, да служилых людей для судового дела и проваженья хлебных запасов с ними ж высланы 20 человек. А шли де они Леною рекою до заморозу 4 недели, и, не дошед они того волоку, замерзли меж Киренги и Чичюя у пашенных у торговых 3 дощаника, да 4-й дощаник служилых людей. А по их де отъезде в Якутском остроге хлеб купили пуд муки в 20 в 6 алт. в 4 д., а бумаги писчей лист по алтыну и в 2 гроша, а в прошлом де во 152-м году ценою купили пуд муки в 5 руб. // А на промыслах де от иноземцев их братье промышленным людям стало утешение великое, ясачные тунгусы и якуты и иные неясачные по рекам в зимовьях и на переходах во 152-м году побивали много, на Вилые убили 30 человек, на Япе убили 11 человек, на Витиме на двух Мамах реках убили 12 человек, и по иным рекам во многих местах промышленных людей побивают же, а они де промышленные люди от тех воров без государева указу собою оборонится не смют. А про письмяново де голову про Василья Пояркова, при них вести не было. А послал де при них проводить про него Петр Головин 30 человек и велел им, проведая подлинно, сей зимы и к себе в Якутской острог отписать.

На обороте: К сему к роспросу вместо атамана Микифора Галкина по ево велению енисейской казак Никифорко Качин руку приложил. К сему роспросу вместо нижегородца Ивана Норки Ивашко Елизарьев устюжантин торговой человек по ево велению руку приложил. К сему роспросу вместо важенина Трофимька Микифорова да князя Алексия Федоровича Лыкова крестьянина Неустройка Осипова по их велению Лаврушка Дмитриев Рязанов важенин гулящей человек руку приложил. К сему роспросу вместо Савки да Осипка Шаршавиных по их велению Илейка Евдокимов пинежантин руку приложил.

К. 191, столб. 2 на 43 оставая; сст. 18—22.

11. 1645 г. февраля 5. — Память якутского воеводы Василия Пушкина с товарищами ленским таможенным целовальниками Ивану Сумкину и Григорью Худербину о назначении подъячего Семена Ермолина в таможеню Ленского волока и о правилах сбора и хранения таможенной казны.

Лета 7153-го февраля в 5 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по приказу ленских воевод Василья Никитича Пушкина да Кирила Осиповича Супонева да дьяка Петра Степшина память Ленского волоку таможенным целовальником Ивашке Сумкину да Гришке Худербину, велепо на Ленском волоку в таможене у государевых дел быти в подъячих лалетина на Сенькино место Плехана подъячему Семену Ермолину. И как к вам ся память и подъячей Семен на волок придет, и вам бы по государеву указу с ним Семеном государеву десятинную сборную соболонную казну и всякую мяхкую рухлядь запечатать своими печатями и держать с великим береженьем в государеве казне на Ленском волоку до приезде воевод Василья Никитича Пушкина с товарищи, а в Ленской в Якутской острог никакой казны ни по какому указу отнюдь не посылать. И вперед вам, по государеву указу и по наказной памяти, какова дана за приписью дьяка Петра Степшина подъячему Семену Ермолину, с ним Семеном государева таможенная всякая казна збирать с великим радением, как и наперед того было, и государевым таможенным збором радеть и розни с ним ни в чем не чинить. А Сеньку Плехана ис таможни отставить и до приезде воевод Василья Никитича Пушкина с товарищи дать ево на поруки з записью. И судовым делом, которые суды велены делать тобольским служилым людям, вам тож порадеть всем вместе заодин, чтоб тем судом поспеть к приезду ж воевод Василья Никитича Пушкина ж с товарищи.

К. 184, столб. 1 на 304 оставая; сст. 73.

12. 1645 г. февраля 5. — Наказная память якутского воеводы Василия Пушкина с товарищами пятидесятнику Томиле Ильину и казаку Григорию Тотарину о посылке их на Ленский волок для веданья «всякими государевыми делами» и о постройке судов для перевозки Василия Пушкина с товарищами, служилыми людьми и хлебными запасами в Якутский острог.

Лета 7153-го февраля в 5 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по приказу воевод Василья Никитича Пушкина да Кирилы Осиповича Супонева да дьяка Петра Стеншина память тобольских пеших казаков пятидесятнику Томилке Ильину да рядовому казаку Гришке Тотарину. Итти им из Енисейского острогу нынешние зимы на государеву службу на Ленской волок, не мешкая нигде ни часу. Да с ними же посланы для судового дела тобольские ж казаки Якушка Максимов, да Олешка Аранов, да Панфилка Федоров, да Тренька Костянтинов, да Васька Шубин. А пришел им на Ленской волок, приказного, которой прислан с Лены из Якутского острогу от стольника и воеводы от Петра Головина, сына боярского Алексея Бедарева, или кто будет в ево место прислан иной кто, и у него государеву ясачную соболиную казну и всякую рухлядь и государевых всяких доходов денежную казну и судные и всякие дела переписать. А переписав государеву денежную и соболиную казну и всякую рухлядь велеть ему Олексее и им Томилку и Гришке запечатать своими печатями и та вся государева казна з береженьем держать. И Олексее Бедареву велеть на Ленском волоку быть до приезде воевод Василья Никитича Пушкина с товарищи, а в Якутской острог ево Олексее до тех мест не отпущать. И ведать государевы всякие дела ему Олексее и им Томилку и Гришке ж заодно; в ясачные волости, в которые наперед сего с Ленского волоку посылованы, посылать, и торговых и промышленных людей // на их соболиные и на всякие зеринные промыслы отпущать, и государев ясак собирать по прежнему государеву указу, как наперед сего на ком ясак збиран, и на соболиные и на всякие зеринные промыслы торговых и промышленных людей отпущевали; и всякие дела и росправу меж служилых и торговых и промышленных людей чинить, и на государя денежные всякие доходы и судных дел пошлинные деньги собирать, и всякие государевы дела делать, и государеву соль варить с великим радением, также как и наперед того было; и того над служилыми, над торговыми и над промышленными людьми смотреть и беречи накрепко, чтоб никто никаких государевых пошлин не таили и в избыли не были и никакова дурна не чинили, зерню и карты и всякими проигрышными играми не играли; и самим им и служилым и торговым и промышленным людям никому никакова продажного питья и никакой корчмы и блядни не держать. А как он Томила и Гришка придут на волок, и им с приходу своего велеть тобольским казаком Якушке Максимову с товарищи да к ним, взяв ис промышленных людей плотников, которые плотничью и судовому делу умеют, сколько человек пригож, и велеть им сделать 10 паусков и на плоты приготовить лесу к приезду воевод Василья Никитича Пушкина с товарищи, спрося тамошних торговых и промышленных людей, на каких можно с Ленского волоку на Лену // реку перевозца. А за волоком, на другой стороне на Лене реке, будет готовые суды есть, и им те суды велеть поделать и изготовить и приказать беречь с кем пригоже, чтоб в полную воду льдом не разломало и водою не унесло. А будет готовые судов нет, и им велеть вновь суды сделать 6 дощеников, каковы по Лене реке до Якутского острогу в ход годятся, чтоб на чом можно воеводам Василью Никитичю Пушкину и Кирилу Осиповичю Супоневу и дьяку Петру Стеншину и им служилым людям с Ленского волоку до Якутского острогу дойти. А те суды велеть делать наспех, чтоб им поспешить и изготовить с весны к приезду воевод Василья Никитича Пушкина с товарищи к Петрову дни, или кончае после Петрова дни спустя неделю или ден 10, чтобы за судами на волоку никоими мерами никакие мешкоты не было, и за волок перейти и Леною рекою в Якутской острог поспеть тем же летом до замороз. А прибылым плотником, которые будут к тобольским служилым людям в прибавку взяты, наймещ дать из государевы казны и зборных денежных доходов, которые ныне на Ленском волоку в сборе у них или у таможенного целовальника есть, что будет доведется. А на те суды скобы и конопат и гвоздь иметь в цену у торговых и у промышленных людей, у которых сыщется, а им за то

за все заплатят деньги в те поры, как воеводы Василий Никитич Пушкин с товарищи на волок на Ленской приедут. А что у кого возьмут, и то // бы все записывали в книги, а им торговым людям выдавать в том отписи. А будет к весне на Ленском волоку у торговых и у промышленных людей, или с Верхотурского острогу, или у тутошних у служилых людей будут готовые суды сделаны на продажу, и те у них суды отписав оценя взять на государя. А им служилым и торговым и промышленным людям сказать: как будут на Ленском волоку воеводы Василий Никитич Пушкин с товарищи, по той цене деньги заплатят из государевы казны, и их в том перед торговою ценою не оскорбят. А одноко нечю им тем судовым делом порадеть, и к приезду воевод Василия Никитича Пушкина с товарищи суды делать и изготовить, чтоб за тем государевой ленской службе поруки и мотчанья не было. Да им ж отписать в Братской острог // к служилым людям к пятидесятинику Курбатку Иванову вычегженину с товарищи, чтоб они з государевым ясачным и десятинным сбором, будет до них на Лену не послан он Курбатка с товарищи, с кем пригож приехали на Ленский волок к приезду воевод Василия Никитича Пушкина с товарищи, или и с служилыми людьми прислал с кем пригож. А достальным товарищем велеть быть в том Братском остроге, и жили б от непопслунных землиц с великим береженьем, и с ясачных людей государев ясак велеть им собирать по прежнему, как наперед того с ясачных людей збиран; // и на усть Куты реки на соленой варипцы на государя соль велеть варить с большим реденьем, чтоб соли наварить перед прежним с лишком. А ленским служилым людям, которые из Якутского острогу от воевод от Петра Головина присланы на Ленской волок для судового дела, и тем служилым людям под государевы хлебные запасы суды велеть делать с большим поспешеньем, и в те суды государевы хлебные запасы велеть делать на усть Муки реки, где впаде в Куту реку, и в те суды нагрузить, и теми реками на весне, как лед вскроется, на Лену реку на большую воду велеть перепроводить тем же служилым людям, не испоздав времени и не упустя большой воды, и на Лене реке те запасы приказать беречь, чтоб они тех запасов не подмочили и течи смотрели и в ольяхах по вся дни воды выливали, и сверху дождевою водою то ж бы не намокло. А до приезду воевод Василия Никитича Пушкина с товарищи тех хлебных запасов и государевой соли и иной никакой казны и служилых людей, которым на Ленском волоку приказано, и которые с Лены по хлебные запасы присланы для провожання государевы казны и воевод Василия Никитича Пушкина с товарищи и тех хлебных запасов отпуску и провожання ж, не отпускать никою, чтоб, сождався всем вместе с Ленского волоку Леною рекою до Якутского острогу...¹ для береженья итти было всем большим караваном безстрашно. А им, Томилку Ильину с товарищи, 7-и человеком, себе на корм ис тех ленских запасов у ленских служилых людей имати не по многу, только б им чем мочно сытым быть; а сколько возьмут, и в том давати отписи, а у себя что возьмут, то ж записывать по числам, которого числа колько возьмут. А как аже даст бог на весну на Илеме реке лед скроется и служилые или торговые и промышленные люди с Ленского волоку в судах поплывут в Енисейской острог, и им Томилке Ильину и Гришке Тотарину о том // обо всем, что в сей наказной памяти им указано делать, и что на Лене делается, а им будет про то ведомо, подлинно отписать в Енисейской острог к воеводам к Василию Никитичу Пушкину да к Кирилу Осиповичу Супоневу да к дяку Петру Стеншину подлинно ж про все. А будет тот ленской сын боярской Алексей Бедарев по сей наказной памяти и по памяти ж, какова к нему о том послана, государсва указа не послушает, похочет ехать на Лену и государеву какую казну с собою свезти, или будет по хлебные запасы в казну ж из Якутского острогу и Петр Головин нарочно прилетит же, и им Томилке и Гришке с тобольскими и с ленскими людьми того Олесея Бедарова не отпускать же, и Петровой посылки не послушать же, и дать ево Алексея на поруки з записью; а будет по нем поруки не будет, и сво держать за приставом до приседа воевод Василия Никитича Пушкина с товарищи. А ленским служилым людям им Томилке и Гришке от воевод от Василия Никитича Пушкина с товарищи сказать, чтоб они Петра Головина ни в чем не боялись и не опасались, а дожидались бы

¹ Несколько слов, вписанных между строк по перечеркнутому тексту, не разобраны.

воевод Василья Никитича Пушкина с товарищии безо всякого опасенья, не боясь ничево.

К. 184, столб. 1 на 304 сставаа; 65—70.

13. 1645 г. февраля 5. — Наказная память якутского воеводы Василия Пушкина с товарищами подъячему Семену Ермолину о посылке его на Ленский волок для хранения мяхкой рухляди и сбора таможенных пошлин совместно с ленскими таможенными целовальниками.

Лета 7153-го февраля в 5 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по приказу воевод Василья Никитича Пушкина да Кирилы Осиповича Супонева да дьяка Петра Стеншина память подъячему Семену Ермолину. Итить ему из Енисейского острогу нынешние зимы на Ленской волок, не мешкая нигде ни часу, с ленскими служилыми людьми пеших казаков с пятидесятиником с Томилком Ильиным с товарищии вместе. И пришед ему на Ленской волок да что на Ленском волоку в таможене у таможенных целовальников, которые присланы из Якуцкого острогу от стольника и воеводы от Петра Головина, государевы зборной десятинной и всякой мяхкой рухляди и таможенных всяких зборных денег заедет, и с теми таможенными целовальники ему Семену тое государеву десятинную зборную соболиную и всякую мяхкую рухлядь и всякие таможенные денежные доходы запечатать своими печатями // и держать с великим береженьем на Ленском волоку в государеве казне до приезде ленских воевод Василья Никитича Пушкина с товарищии. И вперед с того числа, как он Семен на Ленской волок придет с таможенными целовальники, которые ныне у государева таможенного збору, государеву десятинную всякую мяхкую рухлядь и всякие денежные доходы збирать, и государевым таможенным делом радеть и промышлять, и во всем государю прибыли искать с великим раденьем неоплошно, у служилых и у торговых и у промышленных людей руские товары и хлебные запасы и соболиную и всякую мяхкую рухлядь и всякие товары ценити в правду по государеву крестному целованью, что чего стоит, чтоб никто в ыбыли не был и без пошлин не проезжал. А которой до ево Семенова приходу тем целовальником у таможенного дела в подьячии был, лалетина Сеньку Плехана, ис таможи отставить. И будет до него до Сеньки какое дойдет государево таможенное дело в споре с целовальником, иии хотя и без спору, и ево Сеньку дать на поруку с записью до приезде ж Василья Никитича Пушкина с товарищии. А торговых и промышленных людей из таможи отгужати безо всякого задержанья, // чтоб торговым и промышленным людям в задержаньи в промыслах и в отпуске мотчанья и государеве казне в том поруки не было. А налоги и обиды торговым и промышленным людям никакой им не чинити. А розни ему Семену с целовальником и хитрости над государевою казною никакой не чинить, чтоб на него ни в чем ко государю никакжава челобитьи ни от кого не было. А что по государеву указу велено тобольским казаком Якуньке Максимову с товарищии на Ленском волоку ис промышленных людей плотников, взяв к ним же в прибавку сколько человек пригож, с ними делать суды, и ему по тому с сыном боярским и с пятидесятиником Томилком и с Гришкою и с таможенными целовальники тем судовым делом порадеть, и к приезде воевод Василия Никитича Пушкина те суды, которые указыны, учнут по наказной памяти делати и готовить, а что коль каких судов сделано будет, и десятинные и всякие мяхкие рухляди и таможенных зборных денег заедет, и ему о том о всем подлинно отписать к воеводам к Василию Никитичю Пушкину да к Кирилу Осиповичу Супоневу да к дьяку Петру Стеншину.

К. 184, столб. 1 на 304 сставаа; сст. 74—76.

14. 1645 г. мая 7—13. — Распросные речи сотника стрелецкого Максима Перфирьева и промышленного человека Леонтия Пенечкина об убийстве тобольского казака Семена Скорохода «с товарищии» на Байкале байкальскими тунгусами.

1. — 153-го мая в 7 день на съезде двора ленским воеводам Василию Никитичю Пушкину да Кирилу Осиповичу Супоневу да ди[а]ку Петру Стеншину Енисейского острогу сотник стрелецкой Максим Перфирьев в роспросе сказал: в прошлом де во 151-м году посылан был он Максим [с] служилыми людьми на го-

судареву службу в Брацкой острог, и при нем де в Брацком остроге во 152-м году пришли з Байкала озера 2 человека промышленных людей, Максимко выгечжанин да Левка вятчанин, и принесли государева ясака 3 сорока 6 соболой да 4 лисицы красных да лисицу чернобурую, а в роспросе сказали: посланы де были с Лены от воевод от Петра Головина на Байкал озеро для приводу государева ясака збору служилые люди 27 человек, тобольской казак Семейка Скороход с товарищи, и как де они шли зимним путем на Баргазину реку Байкалом озером, и тех де служилых людей байкальские тунгусы, тунгуской князец Хортица Баатур с товарищи, побили, а оне де промышленные люди с достальными служилыми ж людьми пятеры человек оставались в зимовье, и из них де тех достальных служилых 3-х человек те ж тунгусы, как к ним к зимовью приступали, побили ж, а те де промышленные люди в том зимовье //отсиделись в осаде, и весною у тех тунгусов ушли, и пришли к ним в Брацкой острог. И те де он соболи и лисицы, взяв у них, как приехав из Брацкого острогу в Енисейской острог, отдали в государеву казну воеводе Осипу Оничкову, и ныне те соболи и лисицы в государеве казне в Енисейском остроге. А тех де промышленных один человек Левка вятчанин ныне в Енисейском остроге, а Максимко выгечжанин з дороги воротился, пошел опять в Байкал озеро с атаманом с Васильем Колесниковым с товарищи.

На обороте: К сем речем я Максимко Перфирьев руку приложил.

II. — И мая в 13 день вятчанин промышленной человек Левка Васильев на Ленском севзем дворе ставлен и против Максимовы скаски Перфирьева допрашиван, а в роспросе сказал: в прошлом де во 151-м году посланы де были для государева ясаку с Лены из Якуцкого острогу в браты на Байкал озеро служилые люди, пятидесятник Курбатко Афанасьев с товарищи 20 человек, да с ними ж де было их промышленных людей 54 человека. И пришли де они в Верхоленской острог. А из Верхоленского острогу вышли они степью на остров Ольхон на Байкалово озеро. И брацких де они людей погромили, а которой улус, того он не упомнит. И взяли де у них ясырю. И с ним де Курбатком разделились: служилых людей Сенька Скороход с товарищи 6 человек да их промышленных людей 31 человек пришли на Верхнюю Антару реку ниже Витима, а Курбатко де с товарищи воротился в Верхоленской острог. И как де они на Антару пришли и, поставя зимовье, взяли ясаку с тунгусов 3 сорока 6 соболой, 5 лисиц. И от них де промышленных людей Сенька Скороход с товарищи 18 человек пошли для государева ясаку на реку Баргузин, и их де, не доходя Баргузина, князец Архича Баатур побил. А с ними де Левкою в том зимовье осталось 3 человека служилых людей да 4 человека промышленных. И пришед де к ним обманом ясачной тунгуской князец Яконкачин Чагинского роду, убили из них 4-х человек, а их де осталось промышленных 3 человека, и сидели де они в осаде с рождества христова до 4-й недели после велика дни. И ис того де они зимовья ушод пришли в Брацкой острог, а с собою принесли ясаку 3 сорока 6 соболой, 5 лисиц. А хотели де они с тем ясаком идти в Ленской острог, и Максим де Перфирьев тот ясак взял у них сильно и с тем их ясаком в Якуцкой острог не отпустил.

На обороте: К сему допросу вместо промышленного человека Леонтия Васильева Пенечкина по его велению енисейской казак Оська Васильев руку приложил.

К. 184, столб. 1 на 304 оставая; сст. 164—166.

15. 1645 г. июня 25. — Отписка пятидесятника Курбата Иванова якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами о сдаче на Илимском волоке ясачной соболиной казны Тохиле Ильину и Григорию Иванову, о необходимости увеличения гарнизона Верхоленского острога для покорения «братских людей», часть которых хочет платить ясак и о высокой урожайности верхленских пашенных земель.

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси воеводам Василью Никитичю, Кирилѹ Осиповичю да дьяку Петру Григорьевичю ленского розряду пятидесятничшко Курбатко Иванов челом бьет. В нынешнем во 153-м году по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по вашей наказной памяти писали ко мне в Верхоленской в Брацкой

острог с Ылимского волоку пятидесятник Томило Ильин да служивой человек Григорей Иванов, чтоб мне быть на Илимской волок з государевою ясашною соболною казною и з десятиным збором и с прежним целовальником. И я пришел на Илимской волок з государевою соболною ясашною казною и з десятиным збором и с ясашными книгами и с прежним целовальником с Артемьем Иланчином. А государева ясашною збору с тынгусов с розных родов 20 сороков 17 соболей, 6 сороков 1 соболь, братицко же ясашною збору и поминишных соболей 8, вожерелей собольных пластиных 5, пластин собольных да десятинною збору 66 соболей. И ту государеву казну пятидесятник Томило Ильин да Григорей Иванов положили в государев анбар за моею и за целовальниковою печатью. А служилых людей со мною пришло з государевою казною и для ради государева хлебного и денежного жалованья и соляных окладов 12 человек. И служилые люди государю о хлебом и о денежном жалованье государю били челом, а челобитную подавали на Илимском волоку сыну боярскому Алексею Бедареву да пятидесятнику Томилу Ильину да служилому человеку Григорию Иванову. И государева хлебного и денежного жалованья не дают, дожидаетесь де воевод Василия Никитича, Кирила Осиповича да дьяка Петра Григорьевича Стеньшина. А [в] Верхоленском остроге остались небольшие люди, всего 15 человек, с великою нужею. И велел им жить с крепкими сторожами днем и ночью. А надобеть в Верхоленском в Братицком остроге больше люди коные, чтоб братицкая земляца смирит и привесть под государеву царскую высокую руку, хотя бы на первое человек 100, и государю будет большая прибыль, мочно та земляца распространить, а места прилегли около Братицкого острогу пашенные многие бесчисленно и сеными покосы угожл, а хлеб вверх по Лене реке на Тутуре // и на Орленге ржи бесчисленно добры растут, только бог скрасит верхом. А тунгусами ж доноситца, что у братицких людей промеж собою драки, половина хочет государю ясак давать, а иные хотят с государевыми людьми драгца, как де наша сила не возьмет и тогда де мы станем ясак давать, а сказывают де больших людей в острог, а люди де живут в остроге небольшие, приходят де на пору да и спловут де опять на низ. И буде в братицкой острог прибавки людей не будет, и от братицких людей в Верхоленском остроге житье будет тесно, да ясаку государева собрать будет нечем, всех служилых людей и с толмачами 27 человек. А в Кутцкой острог к столнику и воеводу к Петру Петровичу писал многожды о людех о прибавошных, и Петр Петрович людей не присылывал. А нынче тою государевою службою промыслии и радети вам, государевым воеводам, Василий Никитич с товарищи. Яз по государеву указу и по наказной памяти столников и воевод Петра Петровича Головина с товарищи в Верхоленском Братицком острожке не великими людьми государю послужил, и божиею милостию и поспешением и государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии счастьем, и благоверного царевича князя Алексея Михайловича счастьем, на врагов бог помощь подавал. И Николы чюдотворца молитвами и службою и раденьем столников и воевод Петра Петровича Головина, Матфия Богдановича Глебова, дьяка Еуфимья Филастова, и нашею ко государю службишкою, государева земля пространится и пашенные крестьяна и всякие люди коными и скотом обзавезились нашею службишкою. А с отписками отпущен служилый человек Братицково острогу Трошка Сидоров толмач июня 25 день. А у сей отписки печать карабль.

На обороте: Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василию Никитичу, Кирилу Осиповичу да дьяку Петру Григорьевичу. 153-го июля в 4 день подал служилый человек Тропко Сидоров.

К. 184, столб. 1 на 304 остается; сст. 190—191.

16. 1645 г. сентября 22. — Наказная память якутского воеводы Василия Пушкина на Оленек служилым людям Максиму Телицыну и Ивану Реброву по разным вопросам управления местным краем и о воспрепятствовании мангазейским служилым людям собирать вторичный ясак и брать аманатов с оленских тунгусов.

Лета 7154-го году сентября в 22 день по государеву царю и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу память на Оленек служивым людям Максиму Телицыну да Ивану Реброву. В прошлом во 153-м году писали вы в своей

отписке и послали в Якутской острог государевы ясашной казны, с служивым человеком с Потапком Кондратьевым, Галанцева роду 33 соболя да 2 соболя государевых поминных, Немнина да Гасисва роду 25 соборей да 3 соболя государевых поминных, да Андризина роду 3 соболя, да [с] целовальником с Васьюшкой Курочкиным 10 соборей; и обоего 2 сорока 16 соборей. Да вы ж писали, что тунгусы к вам пришли, а ясаку государева не принесли, а сказали вам тунгусы, переимали де их на Анабаре в аманаты служивые люди Тазовского города, у Какуя поимали 2 сына Инку да Езенку, у Голанника поимали брата Мендугу да Газейкова племянника Ендегу; а имали де те служивые люди // с тех янских тунгусов по 3 соболя с человека. А прежд де сего те тунгусы платили ясак на Оленке, Какуюевы дети и родники ево и Газейковы родники давали по 5-ти соборей с человека, и которые тунгусы у вас ясак платили, и вы де им давали в том ясаке отписи; и как де тех тунгусов поимали на Анабаре служивые люди Тазовского города и отписи де у тех тунгусов имали и драли, и тунгусы де почали им служивым людям говорить: платим де мы ясак на Оленке и отцы де наши сядят в аманатах на Оленке, и служивые де люди на Анабаре имали с них ясак сильно; а сами де оне служивые люди тунгусом говорили: на Оленке де реке собирают ясак не по государеву указу воровски, емлют де с вас по 5-ти соборей и по 6-ти и по 4 своею дуростью, а нам де ветоно имать по 3 соболя; а другую де по 3 соболя служивые люди имали себе; а давали де тем тунгусом государевы подарки против государеву ясаку железом; а переимали // те служивые люди тех тунгусов на Анабар, которые были на соборинном промыслу и что де те тунгусы упрямшились соборей, и Тазовского де города служивые люди те соборей все у тунгусов взяли в ясак, а ясное себе, и потому де к вашему аманату Какую дети и родники не приходили и потому де у вас ясак в недоборе. И как к вам ся память придет, и вам бы Максиму и Ивашку на Анабару к служивым людям о том отписать и нарочно послать служивого человека, чтобы те служивые люди оленских тунгусов ясашных из аманатов выпустили, и впредь бы с тех оленских ясашных людей ясаку не имали, и соборей у них себе не покупали, и государеву б ясаку и збору никакой порухи не чинили, потому что посланы те служивые ис Монгази и велено им ясак на государя имать с новых людей, а не [с] старых, и в аманаты имать новых же людей, которые прежд сего ясаку государева нигде не плачивали. Да вы ж писали, что толмача у вас нет, и которые де тунгусы приходили, и розговаривать тех тунгусов некому и про иных тунгусов неясашных просить некем же, и подьячево де у вас нет, писать некому. И вам бы взять для толмачества промышленного человека Онтонка Матвеева и привести ево Онтонка ко кресту при всех, собрав служивых людей и торговых и промышленных людей, а по которой записи привести его ко кресту, и та записи послана под сию памятью. И ясак велеть записывать тому же Онтонку, а писать велеть промышленному же человеку, который грамоте умеет. // И Газейко шаман в розпросе сказал: сядят де в аманатах Шаньянского роду Галанейко да Широга Рымакин сын, а роду у них 40 человек, да Каратунского роду Игила, а роду у него 25 человек; у Газейка сядят сын его да брат да сам он Газейко третей и роду его 20 человек; и с тех со все[x] взят на государя ясак по 5-ти соборей с человека, а по 6-му поминному. Да вы ж писали, что послать на перемену служивых людей, и на перемену к вам ныне послать некого, потому что служивых людей мало, а хлебных запасов енисейской присылки, и Ленского волоку пахоты, в Якутской острог не пришло ничего, а па весну к вам перемена будет. А ныне к вам государеву денежное жалование послано полное на 2 годы, на прошлой на 152-й год и на 153-й год, по окладом вашим давали опричь красноярских служивых людей, а красноярских служивых людей выслать всех в Якутской острог. Да вы ж писали, что ныне божие милостию, а государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии счастием, взяли мы 6 аманатов новых добрых. И вам бы, как начали, так бы и совершить, служба своя и раденье ко государю показать, под тех аманатов государев ясак собрать сполна на нынешней на 154-й год по 5-ти соборей с человека. Да в нынешнем во 154-м году которого вы послали тунгуса в Якутской острог, и тому тунгусу приказано, велено ему ясак платить со всех оленских тунгусов по 5-ти соборей с человека, а подростков и захребетников

в старых ясашных волостех выискивать и ясак с них имать на государя по рассмотрению, смотря по человеку, по 2 соболя и по 3, а год от году на подростков в ясак прибавливать по соболю, покаместа с большими сверстаютца по наказу и как можно, смотря по людям, чтоб их наперво ясаком не ожесточить и от царьские высокие руки не отгонить. И аманатов у тех новоприписанных людей имати с роду по доброму человеку, чтоб под тех новых аманатов ясак впредь был безпереводно, чтоб им своею службою и радением учинить в государеве ясажном зборе прибыль, которая б впредь была прочна и стойтельна, и собя б вам видеть за ту службу в государеве жалованье и перед своею братьею быть похвальным. И всякие государевы дела делать и ясак собирать вам Максимко и Ивашко вместе. И аманатов держать в казенке в большой крепости в железзах, и в день и в ночь надсма/тривать, ис казенки вон аманатов не выпускать, и топоров и тожей и поленных дров блиско аманатов не класти, чтоб аманаты над собою и над вами служивыми людьми какова дурна не учи[ни]ли, и жить в зимовьи с великим бережением, без караулу б не было, чтоб собрався аманачьки родники какова над вами служивыми людьми дурна не учинили и аманатов б не отбили; и многих тунгусов в ызу не пущать, а коли доведетца, пустить, и пускать их по одному человеку. А на весну, аже даст бог, собрав государева казна, быть в Якутцкой острог с казною тебе Максимку с красноярским 2-м человеком. А Газейко аманат, которой приезжал с целовальником Васькой Курочкиным, и тот Газейко из Якутцкого острогу отпущен в Жиганы [с] служивыми людьми, а велено его из Жиган отпустить на Оленек без задержания с промышленными людьми. Да вы ж писали, что взяли вы у Дружинки Чистякова по челобитью аманатов 2 куяка, а те де он Дружинка куяки взял погромом, как он Дружинка аманатов имал, и вам бы Максимку и Ивашку держать те куяки для ратных вестей у собя. И сетей де у вас нет, ловить на аманатов рыбы нечем, а купить де не у ково, а бумаги де у вас писчей нет же. И бумаги вам послано дестя, а сетей послано 20 сажен для аманатцких кормов. А жалованье вам послано и бумага и сети служивым человеком с Амоском Михайловым. Да с ним же Амоском послана наказная память промышленному человеку Олешке Никитину Шелонику, а велено ему собирать на Оленке с торговых и с промышленных людей государева десятая пошлина. И вам бы та память отдать Олешке, а его Олешку привести ко кресту при всех торговых и промышленных людех. А по которой записи его Олешку привести ко кресту, и та запись послана к вам под сею памятью. И вам бы у него тое жалованье и сети и бумага принять и с ним розписатца. А на аманатов бы вам взять юколы и рыбы у всех торговых и промышленных людей сопча, чем бы можно тех аманатов прокормить. А которые промышленные люди ныне с вами на Оленке // Ивашко Тимофеев, Сергушка Степанов, Васька Саранчин, Гринька Констентинов, Стенька Козлов, и тем промышленным людям велеть с собою вместе государеву службу служить до перемены, покамест к вам на Оленек всем перемена будет.

К. 190, столб. 29 на 7 составях; сст. 1—7.

17. 1645 г. не ранее ноября 21. — *Мирская челобитная царю Михаилу Федоровичу торговых и промышленных людей о насильях якутского воеводы Петра Гловина.*

¹...отпущал на соболиные промысла. . . поздно о самом о заморозе и торговые и про[мышленные] люди до промыслов не дошли и стали они без промыслов, а иных торговых людей к Русе и на соболиные промыслы из Якутцкого острогу не отпустил для того, что товарищев его для твоего царьского величества почитал, и тем торговым и промышленным людям с гордости примечывался бездельем и в тюрьму всажал и разорил до основания, и многие торговые и промышленные люди обнищали, а в твоём государеве в десятинном зборе чинитца недобор великой. Да в прошлом же, государь, во 150-м году посылал он Петр нас холопей твоих во многие якутцкие волости для твоих государевых // дел и по якутцким челобитным для росправы. И того ж. государь, году посыланы были для твоего

¹ *Начало оборвано.*

государева ясаку князю к Сахею, и для росправы по якутным челобитным, служилые люди Олешка Ус, Постнишко Иванов, Ларька Шумилов, Ивашко Тельной с товарищи, и не допусая их Олешку с товарищи якуты до волости на озере якутские люди, собрався, в конь и в пальмы кололи, и платье на них искололи, и коней под ними исподкололи, и из луков стреляли и убить хотели. И они Олешка и Постнишко с товарищи одва от них от убойства отговорились, и их Олешку с товарищи били и позорили. И от них Олешки в город воротились Ивашко Баранов с товарищи, а Олешка Ус сам третей поехали для твоего государева ясаку вперед. И приехав в острог, Ивашко Баранов в съезжей избе ему Петру извещал, что якуты дурны и непослушны и их убить хотели, и они от них одва от убойства отговорились и били их и платье на них искололи. И тому он Петр не поверил, и ево Ивашка матерны лаял. И после, государь, ево Ивашка товарищи ево Ивашковы Олешка Ус, Постнишко Иванов, Ларька Шумилов приехали и в съезжей избе ему Петру сказывали, что якуты дурны, твоему царскому величеству непослушны и их били и убить хотели, а вперед де хотят они русских людей побивать и ясак де государев дают невежливо, бросают на землю, а подарков де твоих государевых, наругаются, на шею собакам вяжут и в огонь мечют. И тому он Петр их скаскам не поверил, и того Ларьку за то бил батогами на смерть и изувечил. И после, государь, посыланы были в розные якутские волости по якутским же челобитным для росправы между их в краже служилые люди Юшко Петров томский, Матюшка Кишнев, Тренька Кокшар енисейские. И приезжая, государь, из тех волостей Юшко Петров в съезжей избе извещал ему Петру, что якуты дурны и непослушны, а прежде сего таковы не бывали. А Матюшка Кишнев и Тренька Кокшар в съезжей же избе ему Петру извещали, что якуты дурны и безстрашны, ево Матюшку били и в спину пальмою // кололи и раны на себе казал, а у Треньки Кокшара коня у него в шею пальмою кололи ж, и вожу ево якуту, которой с ним с Тренькою посылан был, пальмою руку перерубили, и самого ево Треньку били. И тому, государь, их извету он Петр не поверил, и их Юшка и Матюшку и Треньку он Петр матерны лаял и кнутом бить хотел. И после, государь, того посыланы были на Ситу служилые люди Микифорко Иванов, Шаламко Иванов с товарищи и Олешка Фролов // по убойцу по якута по Девеню Батасова сына для сыску, что убили оне в прошлом во 149-м году служилого человека Ивашка Метляка. И в тех в Сидчих волостях тех служилых Микифорка и Шаламка били и увечили и всячески наругались и убить хотели и платье на них скололи и коней под ними исподкололи, и от убойства их розговорил вож их якут Селбук, и того убойцу Девыню отбили, а говорили оне якуты Микифорку и Шаламку: только де вперед приедете, и мы де сердца ваша из вас выедем, и они от них с великою с нужею втай ночью уехали. И приехав оне Микифорко и Шаламко в съезжей избе ему Петру того извещали, и их де Микифорка и Шаламка с товарищи якуты били и позорили и убить хотели и платье де на нас искололи и коней де под нами исподкололи и, впредь де только будете, сердца из нас вынимать хотят. И чают оне Микифорко и Шаламко с товарищи в земле шатость и дума изменная, что хотят они русских людей побивать. И тому он Петр не поверил, и их Микифорка и Шаламка с товарищи матерны лаял и хотел бить кнутом: с нашего де приезду якуты страшны, я де ведаю, что русских людей не будут побивать. Да он же Петр посылал в Намскую и в Одейскую волость атамана Осина Галкина да с ним же Осипом посылал 3-х человек служилых людей описывать в тех волостях якутов и детей и людей их. И тот Осип описывал в Намской и в Одейской волостях у князцов у Мымока и у Сергуя и у их улусных людей их якутов и детей их и малых робят лет по 8-ми и по 7-ми и по 5-ти, и скот у них описывал: коней и коров и кобыл и быки и телят и жеребят однолетних; и описав скот их, коней и коров и кобыл, между собою якутом на соболи продавать для ясаку, и на сажу себе бить, не велел без доклада ево Петра Головина. И от того, государь, письма и от рогулек те якуты устрашились и, приехав в острог в съезжую избу, Борогонской волости князец Логуй ему Петру говорил, не велел посылать описывать якутов, потому что де у якутов ум худ и от письма де бояцца, а велел он Логуй преж описать себя. Да Намской, государь, волости, князец Ника ему Петру на дому то ж говорил, не велел посылать описывать якутов, от письма де якуты

боятца, а толмачил, государь, толмач Ивашко Михайлов у нево Петра на дому. И того он Петр не послушал. И того ж, государь, 150-го стал он Петр посылать по всем якутским улусом описывать их // якутов. И говорил ему Петру о письме товарищ его стольник и воевода Матвей Глебов, что де якуты еще не утвердились, а люди де они не постоятельны, что // бы де дурна какова не было. И стольник и воевода Петр Головин товарища своего Матвея Глебова не послушал. Того ж, государь, числа в съезжей избе бил челом ему Петру тобольской служивой человек десятник казачей Родька Григорьев, как бы де погодить письмом, еще де земля не утвердилась, а якуты де русково обычаю не ведают, нет ли де в них шатости, потому что де служилые люди, приходя из волостей, сказывали, что якуты дурны и непослушны и их бьют, а хотя де и описывать, ино взять де у них взять к ладе лутчих людей. И воевода Петр Головин того Родьку хотел бить кнутом и матерны лалял, бунты де мужик заводил; и того всто он Петр не послушал. И того ж 150-го году, рняся на товарищов своих, без приговору товарищей своих, съезжие избы подычево Юрья Юрьева отдал за пристав без вины, и жену и детей ево к нему не вселел припущать, и всякою тснотою теснил. И после, государь, того послал на Ситу и на Ковью сына боярского Воина Шахова, а с ним служивых людей Постничка Иванова с товарищи, а в целовальниках торгового человека Семейку Стрекаловского. И Семейка Стрекаловской // в съезжей избе бил челом тебе, государю, словесно, а ему Петру говорил: посылаешь де меня Петр Петрович на смерть, избываячи меня, потому что преж сего в те в Ситцкие волости посыланы были служилые люди и они от них одва от смерти отошли. И он Петр того не послушал. А на Амгу, государь, и на Тату послал сына боярского Остафья Михалевского с служилыми людьми, а в Кангаласы послал атамана Осипа Галкина [с] служилыми людьми. И того ж, государь, 150-го году марта в 2 день ведомо в Якутском остроге учинилось, что якутские люди тебе, государю, изменили, детей боярских и атамана и служилых и торговых людей, которых он Петр послал для огниски, по всем волостям побили, и вся Якутская земля тебе, государю, изменила. И того ж, государь, месяца, вскоре после того, ночью на смотре он Петр товарищев своих и нас холопей твоих называл изменниками: от вас де убойство сталося. А тех, государь, изменников якутов, которые твоих государевых людей побили, еще в город не привозили и про убойство не розспрашиваны, от чево измена сталася. А он Петр, злохитрством своим покрываючи вину свою, что служилых людей скаскам не поверил, и хотя сам он Петр от того прав быти, а ту измену якутскую хотя свести на русских людей, и в том рняся на товарищев своих, бил своими руками без вины чоканом до полусмерти сына боярского казанца Григорья Демьянова и голову ему во многих местах испроломал, и бив чеканом велел его бить на смерть батоги, и отбив батоги велел сволочь в тюрьму, и держал его в тюрьме многое время. Да тое ж, государь, ночи бил чеканом своими ж руками и батоги на смерть казенного кузнеца Онтипку Фролова. А только, государь, он Петр якутских людей с приезду поить и кормить по прежнему велел, и с рускими людьми говорить, и та б, государь, у них изменная дума пронеслася, потому, государь, и в прежних годах якуты многижда тебе, государю, изменить хачивали, и их думы то друзьям своим и ясырым казачим высказывали. И после, государь, того убойства в остроге было нас холопей и сирот твоих в остатке не великие люди, человек с 40, да промышленных людей человек с 30. И послал он Петр нас холопей и сирот твоих в Одейскую волость князю // Сергую, и велел его Сергую поймав привезть в острог, а нас холопей твоих человек с 30, и того князца Сергуя в улусе не зашли, разбежались, и захватили в улусе жену ево Сергую да мачеху и привезли их в Якутской острог. И после, государь, того на другой день послал нас холопей твоих в улус князю к Мымоку с промышленными людьми 40 человек, а велел его Мымока по тому ж взят привезть в острог. И мы холопи твои по тому ж ходили, и до улусу нас холопей твоих не допустили; встретили нас на дороге с многими людьми с сот с 7 и больши, и учили нас холопей твоих стреляти, и бились мы холопи твои с ними из утра до половина дни, и на том, государь, бою нас холопей твоих испереранили, и от тех твоих государевых изменников мы холопи твои с великою с нужею отошли. И после, государь, того послал он Петр нас холопей твоих на Амгу и на Тату в поход на твоих государе-

ВЫХ изменников с советником своим с письмянным головою с Васильем Поярковым 40 человек, и у тех твоих государевых изменников поставлены 3 острожка, и к тем острожкам мы холопи твои приступили и с ними бились, и на том, государь, бою нас холопей твоих многих испереранили; и божиею милостью и твоим царьским счастьем те 3 острожка взяли и многих изменников побили, а иные разбежались, и взяли живьем дву человек лутчих людей. И взяв острожка пошли назад, и собрався оне за нами на дороге бой был большой, и божиею милостью и твоим государьским счастьем от тех изменников отошли и приехали в Якутской острог, а тех дву изменников привезли с собою в Якутской острог. Да он же Петр послал нас холопей твоих к Сергую в улус, в той волости велел взять Бордонской волости князца Тренькина сына его. И мы холопи твои ходили и на имке нас холопей твоих многих испереранили да убили до смерти служилого человека Микитку Лобана, и того Тренькина сына взяли и привезли в острог. И как, государь, учили привозить многих якутов в острог, и дьяка Еуфимия Филатова отставил от твоего государева дела и ко двору ево приставил караул крепкой служилых людей. И марта, государь, в 30 день хотели бить челом тебе государю торговые и промышленные люди о повальном карауле, чтоб караулов всяких караулили в ряд своею братисю с торговыми людьми, // о том ему Петру ушники ево сказали, и то их челобитье он Петр поставил им в одиночество и пытал он Петр торговых Ивашка Коровина, Вторка Едемского, Исачка Пантелева, Ивашка Ванюкова, Семейку Карабельщика многими разными пытками и на костре огнем жег. И после, государь, того посылал в Бетунскую волость князцу Камыку того ж письменово голову Василья Пояркова, а с ним нас холопей твоих человек с 50. И пришли мы холопи твои в Бетунскую волость князцу Камыку, и оне сядят в острожке, а острожек рублен в 3 стены, а меж стены сыпан хрящ. И к тому острожку мы холопи твои приступили, и на том, государь, приступе нас холопей твоих многих испереранили, убили до смерти промышленного человека Семейку. И твоим государьским счастьем тот острожек взяли и многих твоих государевых изменников побили, человек с 300 и больши, и того князца Камыка и братью и детей ево взяли живьем и лутчих улусных людей, а иные на пролом пошли. И того князца Камыка и братью и детей ево и улусных людей привезли в Якутской острог. А что мы холопи твои в тех походах имали за кровью головами своими скот, лошадей и коров и кобыл, и тот скот он Петр у нас холопей твоих поймал на тебя государя, а нам холопом твоим всего давал на 2 человека по одной скотинишке, а раненным давал по скотине человеку. И после, государь, того походу посылал нас холопей твоих на Ситу на твоих же государевых изменников с сыном боярским с Олксеем Бедаревым с 50 человек, и приехали мы холопи твои на Ситу и те изменники сядят в дву острожках. И мы холопи твои, прося у бога милости, к тем острожкам приступали, и за тебя государя кровь свою проливали; и на том, государь, приступе нас холопей твоих испереранили, и божиею милостию и твоим государьским счастьем те острожки взяли и в тех острожках многих побили, а иных якутов лутчих людей живьем взяли, а иные разбежались, и тех взятых якутов привезли в острог; а что у них скоту взяли за кровью, и того, государь, погромного скота нам холопом твоим не дал. И то, государь, услыша в дальних волостех многие якутские люди устрашилися, слыша на себя такую победу, что взятые многие якутские острожки и многие якутские люди побиты, а иные // лутчие люди переиманы; и те дальные якуты, того устрашася, приезжали в Якутской острог с виною, приносили тебе, государю, вину свою, а привозили оне с собою соболей по 10-ти и по 20-ти и по 40-ку глухою статью. И он Петр допрашивал какие соболи в ясак или в поминок, и оне, государь, люди неведущие, сказывать не умели какие соболи; и он Петр, выбрав лутчих соболей по 5-ти и по 10-ти и по 6-ти, и те соболи в свой поминок поворотил, а хвостовых отборных соболей в ясак и в купленные поворотил, и те соболи писал на них в ясак в прибыль. И в былые, государь, годы с них ясак и поминков своих имал с правезу и с побоями. Да того ж, государь, году летом, после того погрому, прихав Ситы реки тагуской мужик Адырчей и привез он с собою 3 сорока 15 соболей глухою статью, а того, государь, году тот Адырчей твоего государева ясаку с себя и з детей своих не платил, и тех соболей всех он Петр поворотил в свой в поминок. И как, государь, по при-

зову нас холопей твоих учили якуты приезжать в острог, я с тех, государь, якутов, выбирая лутчих людей, с роду человека по 5-ти и по 6-ти посадил их в крепости, а по иных якутов во многие волости посылал призывать нас холопей твоих. И мы холопи твои многих якутских людей призывать привозили в Якутской острог. И собрав, государь, со всех родов и со всей земли лутчих людей, и засадя их в крепости, учал он Петр якутских людей расспрашивать один, отставя товарища своего воеводу Матвея Глебова от того якутского сыску для того, чтоб ему Петру ту измену звести на нас холопей и сирот твоих, а самому б ему Петру тем от того очиститца, что служилых людей скаскам не поверил. И того ж, государь, 150-го году мая в 6 день до того сыску посадил он Петр отца своего духовного черново попа Семиона в тюрьму к якутом и якутским бабам, и держал его в тюрьме с якутами многое время. И выняв ис тюрьмы отдал сво за приставы, за торгового человека Надеи Светешникова человека сво, к Елизарку Тимофееву и держал сво за приставом у того Елизарка в железах прикован[а] х колодке 16 недель, и с того со 150 году да по // 151-й год держал ево за многими приставы и всякою теснотою теснил и отдав за пристав из тюрьмы отца своего духовного черново попа Семиона. И после того, государь, пытал он Петр напрасно толмача Ивашка Михайлова многими пытками накрепко. Да с ним же с Ывашком пытал Парфенова человека Ивашка Осипова, да на завтрес пытал Матюшку Терентьева, Осипова человека Галкина, и отпытав их напрасно, учал якутов расспрашивать. И в роспросе ему Петру якуты сказывали: побили де они детей боярских и служилых и торговых людей для того, описывал де Осип Галкин в Одейской и в Намской волостех якутских людей и детей малых робят лет по 5-ти и по 6-ти и по 7-ми, а скота описывал коней и коров и кобыл и телят и жеребят однолетних, а описав де скота Осип, без доклада ево Петра, меж собою продавать и себе на еду бить не велел, а для чего де скота их описывал, того им не сказывал, чаяли де они то письмо дурно, а прежде де сего скота у нас не описывали, и от того де письма мы, и от рогулек железных, убоялись и русских людей побили. И он Петр, придираючися к нам холопом и сиротам твоим, на русских людей спрашивал. И оне на русских людей не говорили, убили де они собою, а думу де нашу и жены и дети и холопи наши не знали. И он Петр пытал тех якутов многих многими пытками, и с пытки они то ж говорили: от русских де людей никакова дурна не слыхали, от письма де и от рогулек бояся, чаяли де то письмо дурно, и для того де побили. И он Петр велел у пытки толмачю Куземке Габышеву говорить якутом впрям на Матвея Глебова, велел де убить русских людей Матвей. И Куземка спрашивал якутов: велел ли или нет Матвей государевых людей побивать? И услышав он Петр что помянул Куземка, велел или не велел Матвей государевых людей побивать, и за то ево Куземку бил ослопом в голову при торговых людех, которые с ним с Петром у того сыску стояли. И от того его напрасно составу якут Калатай сам удавился, не мога пытки претерпеть, что намучивал ево на русских людей. Да он же Петр пытал князца Откурая сына ево Моторку // 6-ти лет, и на пытке ему велел говорить впрям на русских людей, и мощно свою шелковую з деньгами давал ему Моторке, только де скажешь на русских людей и из аманатоз де отпущу, и он Моторка не ведомо что соврал на Кузьку Туркина. И по тем, государь, ево Моторкиным ложным сказкам пытал ево Кузьку многими разными пытками накрепко. И многих он Петр якутов пытал многими пытками, и оне все говорили меж себя лгут на друга, отводили о убойстве, а убойство де случилось от письма. И по сыску, хто чего довелся, указ учинил, 23 человека самых лутчих людей перевешал, а иных многих якутов бил кнутом, а повесил на 3 рели, а водил их вешать мимо повешенных якутов, которых прежде вешал, чтоб оне якуты, видя перевешанных, устрашилися и на русских людей соврали. И с 3-ис, государь, виселицы соврал ситчиков мужик именем Бокуй на сына боярсково на Парфена Ходырева да на Кузьку Сидорова, и того, государь, якута, именем Букуя, он Петр велел спустить с виселицы. А весся он Бокуй с час времени, а до виселицы он Бокуй пытан многими пытками накрепко, а на пытке он не говорил ни на какова на русских людей. Да он же Петр за милостиво бил кнутом служивого человека Констентинка Стефанова. Да он же Петр был богати изувечил торгового человека Микитку Агалитова ярославца безвинно, рнясь на товарищев

своих. Да того ж, государь, году, рняя на товарищей своих, бил батоги на смерть и изувечил съезжей избы подьячего Юрья Юрьева, да торгового человека Самсонка вологжанина, да служивого человека Вторка Катаева по 2 дни бил батоги безвинно и изувечил на смерть. Да он же Петр в прошлом во 151-м году сентября в 3 день сказал нам холопом твоим по твоим государевым службам по всем ясачным зимовьям на Янгу и на Собачью для твоего государева ясачного збору не во время, поздно, о заморозе, а сказывал нам холопом твоим на те службы до походу всего за 2 дни, а твоего государева хлебново жалованья давал нам холопом твоим неполные оклады, а иным ни по одному пуду не давал. И мы холопи твои запасу и/мали в долг дорогою ценою, по 2 руб. пуд муки. А на корм аманатом хлебново запасу не давал, и мы холопи твои кормили своими запасами. А свинцу и пороху нам холопом твоим в наши оклады и во всех годех не давал, и для того, государь, в тех годех порох и свинец издорожал, фунт пороху купили по полтора рубли, а свинцу фунт купили по полполтине, в том мы холопи твои изадождали великими долгами. А которые, государь, к нему Петру ушничали и тем он давал полные оклады, и посылаючи нас холопей твоих, бил кнутом перед аманатами, безвинно позорил и на суды за приставы водил. Да он же Петр, нерадеючи твоею государевою службою, а на нас холопей твоих составляючи ложную измену, хотя от твоей государьской милости и жалованья теми своими составы отставить, и с приездом своего велел добрых вилюйских в ясачных зимовий тунгусских аманатов переменять, которые до него Петра взяты в аманаты, а в их место велел иметь детей их малых робят в аманаты. И под тех, государь, малых робят те тунгусы многие твоего государева ясаку не платили, а иные сошли на иные дальние реки для звериных промыслов своих, и тех дойти зимою на нартех за мочтанием отпуску на службы не могли, а которых, государь, и доходили зимою на нартех, и оне сказывали: дать де им в ясак нечево, мы де не чаяли вам для ясаку быть, потому в пражних де годех приходили к нам для ясаку во время, а ныне де снег велик и собачью ногою промышлять соболей нельзе. И за тем, государь, ево Петровым нерадением многих зимовьях на Вилюе и в Жиганях в твоем государеве в ясаке в том году училился недобор; и мы холопи твои твоего государева ясаку прашали с ними, и твоим царским велением им грозили, и оне, государь, нас холопей твоих бьют и позорят и твоих государевых подарков бросают и собакам на шею вьжут и в огонь мечут, а твоего государеву ясаку дают невежливо и нотами пинают и по земле бросают, а называют нас холопей твоих худыми людьми: вас де Петр Петрович кнутом перед нами бьет, а мы де возле него седим; и торговых и промышленных людей на промыслах и на рыбных ловлях бьют и грабят. И того ж, государь, году на Вилюе ясашным зборщиком Фомке Визгунову, Овдокимку Кириллову с товарищи торговые люди били челом на тунгусов в убийстве и в грабежу. И ясашные зборщики Фомка Визгунов, Овдокимко Кириллов инозе/мком говорили, чтоб оне русских людей не побивали и не грабили. И тунгусы Фомке с товарищи сказывали: иметь де им тунгусом хлебных запасов и юколы у торговых и у промышленных людей велел Петр Петрович. И он, Фомка и Овдокимко и толмач Ивашко Широкой, приехав в Якутский острог, в съезжей избе ему Петру тех тунгусских речей сказывали, и за то он Петр тех служилых Фомку с товарищи пересажал в тюрьму, и сво Фомку в тюрьме заморил голодною смертью, а толмача Ивашка Широкого отставил от твоей государьской милости, ис толмачества выкинул, а твое государево жалованье доправил на нем и многия де ево батоги бивал и изувечил на смерть и в тюрьме держал долгое время. И мы холопи и сироты твои тебе, государю, би/вали челом, а в Якутском остроге ему Петру сказывали, что иноземцы дурны и непослушны, и он Петр того не послушал, и на тех иноземцев тунгусов на службу нас холопей твоих не посылал. И для того, государь, многие тунгусы, видя себе такую поволку во многих в ясачных зборех, нас холопей твоих били и грабили, а промышленных людей на соболинных промыслах побивали и грабили и промышлять не давали, и многие убийства от того становились. А которые, государь, в том же году посылаемы были служилые люди на Янгу и на Собачью для твоего государева ясачного збору, да с ними ж служилыми людьми отпущены были торговые и промышленные люди для соболинных своих промыслов, и они через

Камень для снегу за мотчанием отпуску лопасти не могли, и твоих государевых коней и своих лошадей поморили, и сами они тое мертвечину з голоду ели. И тех промышленных людей з голоду примерло на Камени и побито от юкагирей чело-век з 20. А только 6, государь, их отпустил он Петр во время, и те 6 твои го-сударевы люди все были живы. А которых, государь, торговых людей и промыш-ленных для соболиных промыслов того же 151-го году отпускал из Якутцкого по Лене и по сторонним рекам для соболиных промыслов, и те торговые и промыш-ленные люди к соболиным промыслом до убожих мест не дошли же от ево Петрова задержания и насильства и стали они без промыслу, и в том твоём государеве де-сятинном зборе чинитца недобор великой; а иных торговых и промышленных людей, рнясь на товарщов своих, из Якутцково острогу к Русе и на соболиные промыслы не отпускал, задержал в Якутцком остроге безвинно годы по 3 и по 4, и кнутом и батоги бил, и на пытках пытал, и в тюрьмах и за приставы держал, и хлебных их запасов имал в твою государеву казну. А которых, государь, ис торго-вых людей и ис промышленных выбирали своя братия торговые люди в съезжую избу в целовальники и по ясачным зимовьям к ясачному приему и к десятинному збору в целовальники, и к тем торговым людям целовальником приметывался без [с]чоту и без сыску, и на пытках пытал и в тюрьмах и за приставы держал годы по 3 и по 4 и разорил до основания, и обнищали и одол-жали великими долги. И то слыша в Енисейском торговые и промыш-ленные люди усумнились, на Лене итить не посмели, и хлебные свои запасы менять стало на соболи не с кем. И для того, государь, на Лене твоему государеву десятинному збору чинился в тех годах недобор великой, а торговые люди на Лене в бесторжице и в беспромыслице обнищали и иззадол-жали великими долги. А что, государь, у нас холопей твоих для твоих государе-вых служб имано в долг в большую цену хлебного запаса у торговых людей, пудов десятка по 2 и по 3, и тех хлебных запасов он Петр у нас холопей твоих пограбил в твою государеву казну, и в том мы холопи твои иззадолжали великими долги. Да он же Петр, хотя нас холопей твоих вконец погубить и от твоего царь-ского жалованья и службы отставить, заводным умышлением учал заводить из-мену на товарщов своих и на нас холопей и сирот твоих, а тем своим умышле-нием он Петр, хотя себе видети в твоей государьской в милости и в жалованье безвинною нашу кровию. И прошлого ж, государь, 150-го году посадил он Петр в тюрьму новокрещена Ивашка остяка безвинно, чем бы ему Петру к товарищам своим и нам холопем и сиротам твоим приметатца, видя ево Ивашково малолетие, и морил ево Ивашка в тюрьме голодом лето целое, и многижда ево // Ивашка ис тюрьмы к роспросу имывал, и тот Ивашко не говорил ни на ково ничего. И в тюрьме тот Ивашко остяк говорил, хотя де мне и голодною смертью умереть, ска-зать де мне нечево, ведаю де и сам, намучивает говорить на товарщов своих и на служилых людей. И в прошлом, государь, во 151-м году осенью, взяв ево Ивашка остяка ис тюрьмы, и роспрося ево про убийство на нас холопей и сирот твоих, и в роспросе он Ивашко по тому ж ни на ково не говорил ничего. И после роспросу отдал ево Ивашка за пристава за ушника своего и потокавника за Бог-дашка Астороханца, и тот Ивашко остяк сидел у него Богдашка за приставом недель с 5 и больше, а кормил ево Ивашка он Петр, будучи у него Богдашка за приставом, присылая из двора своего вина и корму. И по ево Богдашкину на-ученью, и по зговору, того Ивашка взял он Петр из за пристава к пытке, и распра-щивал ево Ивашка с потокавником своим и с советником с письменным головою с Васильем Поярковым сам-друг, и были оне в застенку большы часа, и уговорясь с ним с Ивашком остяком и укрепя ево и состава на кровопролитие православ-ных крестьян, и взял [в] пытошную избу к записке того составу их таможенно подъячево Васью Скоблевского и записав их составных речей. И после, госу-дарь, того на 3-й день взял ево Ивашка вдругие [в] пытошную избу, и для людей того Ивашка ставил на очную ставку с Матвеевыми людьми при торговых лю-дей, которые с ним Петром к тому составному сыску к пыткам ходили, Левка Толстоухов, Онкудинко Шубин, Акунья Осипов устюжене. Стенька Гогунин усол-ец. И при тех торговых людей тот Ивашко остяк, по их Петра Головина и Бог-дашки Астороханца составу, на восводу на Матвея Глебова и на дьяка Еуфимия

Филатова и на служилых людей и на промышленных говорил, как оне с ним утакались, и ставя на очную ставку того Ивашка, и того Ивашка отдал за пристав к нему ж Богдашку. И после, государь, того нашли ево Ивашка, // недошед до юрт, на лесу удавлен. И того ж, государь, 151-го ноября в 20 день по той ложной остояковой наученой скаске Петр Головин товарища своего Матвея Глебова в съезжую из двора к твоему государеву делу пущать и к святитищу божию и на учини не велел, засадил ево у себя на дворе, а посадил к нему на дом приставов торговых людей, а окола двора ево поставил караул крепкой сына боярского Ивана Пильникова служилыми людьми, а людей воеводы Матвея Глебова и дьяка Еуфима Филатова посадил в тюрьму. И держал он Петр ево Матвея за приставом с того числа по апрель по 20-е число и всякою, государь, теснотою теснил. И апреля, государь, в 20-м числе пришел к нему Матвею потаковник ево Петров писемной голова Василий Поярков с ево Петровыми ушники с сыном боярским Олешкой Бедаревым, с Оксенком Писаловым, с Ывашкою Тельным, с Ондриюшкою Почекуниным, з Давыдкою Матвеевым с товарищи и говорил ему Матвею он Василей, зовет де тебя Петр Петрович для государева дела в съезжую избу. И Матвей Глебов пошел в острог. И как, государь, он Матвей пришел в острог, и он Василей с товарищи посадил ево Матвея в тюрьму. И с того, государь, числа держал ево Матвея в тюрьме июня по... число. И в июне, государь, в... числе первеч ево Матвея и дьяка ис тюрьмы на реку в судью, и посадил их в казенку пурозны, и у казенку, государь, щели наглухо изаделаны и окон чие было. И сядачи, государь, оне Матвей и дьяк в казенках воду пили тою дирою, в которую в отход на сторону ходили. И всякою, государь, теснотою, смрадом и жаром теснил и голодом морил, и держал их в казенках с июня... числа по июль по 25-е число. А сына боярского Ивана Пильникова, // рняя на него в том, будучи де в приставах к Матвею Глебову вести переносил, и за то ево Ивана на одной поре бил батоги двоя, напрасно изувечил и в тюрьму всажал. А людей воеводы Матвея Глебова и дьяка Еуфима Филатова посадил в тюрьму, а сына боярского Григорья Демьянова отдал за пристав и морил ево за приставом полчетверта годы. И Матвея Глебова и дьяка Еуфима Филатова люди поклепали бояр своих. Да они ж, государь, Матвеевы и дьячьи люди по ево Петровым заводным умышлением, бояся ево Петра смертных пыток, поклепали нас холопей и сирот твоих и многих якутских людей и съезжия избы целовальников. А к тому, государь, их поклепу он Петр сыску не учинил и впредь учал их на то приводить без сыску, хотя нас холопей и сирот твоих напрасно погубить. А говорил им он Петр в съезжей избе при подъячих и при целовальниках, говорите де на бояр своих и на всяких людей без боязни, а вам де у бояр своих не бывать. А Богдашко Астороханц сказывал им Матвеевым и дьячьим людем, бояр их казнити, а нас холопей и сирот твоих перевешати. И Матвеевы и дьячьи люди то слыша, и видал над бояры своими от нево Петра такую тесноту и гонение, а нас холопей и сирот твоих напрасно[с] кроволитис, а себе льготу, чаяли бояром своим от нево Петра за моремным быти, а нам холопом и сиротам твоим замученым, и на ево, государь, Петрову ласку прельстилися, стали они на нас холопей и сирот твоих ложно воровство и измены зводить по ево Петровым затеям, ково он Петр чем поклепал, а оне по нем притакивали. И по тем, государь, их заводным скаскам многих якутских людей из улусов привозили ушники ево и потаковники Богдашко Асторохан, Давыдко Матвеев, Ондриюшко Почекунин, Ивашко Тельной, и в тюрьму и за пристав их передавал, и морил их голодом ден по 5-ти и по 6-ти, и для ставы их якутов на очную ставку ставил с Матвеевыми и дьячьими людьми, а сам он Петр преж свидетельствовал, что на них якутов говорить. А они, государь, Матвеевы и дьячьи люди по нем Петре, что у зерни притакивали, бояся ево Петра, и те якуты, видя такую неправду ево, что прежде того их якутов пытал многих накрепко, и оне правду свою всю объявили, от чово измена сталась, и тому он Петр их во/ровству за ту их измену учиня указ и того же дела стал вновь переискивати и зводить измену на нас холопей и сирот твоих, и учал им якутом страждать кнутом и огнем и тюрьмою и голодом морить, а говорил им, хто скажет на нас холопей и сирот твоих по ево Петровым затеям, и тем обещался отгушать на волю к себе, и коров и кобыл им якутом от того сулил, чтоб оне говорили на нас холо-

пей и сирот твоих. А которые, государь, якуты в правде постояли, и тех он пытал многими розными пытками накрепко и сверх пыток морил их голодом ден по 5-ти и по 6-ти. И те якуты и иные многие, видя к себе такое гонение и кровопролитие, а ево Петрову неправду, а которые, государь, якуты нас холопей и сирот твоих неправдою по ево Петровым затеям поклепали, и тем ослабу и на волю их отпускал. И на то оне прельстилися, учили говорить на нас холопей и сирот твоих. Да и сам он Петр в съезжей избе говаривал, нрав де у них таков, кому де ден 5 или 6 не дам есть, и они де учнут говорить на русских людей. А которое, государь, дело коим якутом на ково заводил, и тех он многих заморил в тюрьмах голодною смертию, чтоб тот свой составной завод утаити. А посылал он Петр по якутов в улусы ушников своих Ивашка Тельного, Ондришку Почекунина, Давыдка Матвеева, Ивашка Табакова, Богдашка Астороханца, и оне езда их якутов на все дурно на нас холопей и сирот твоих приводили. А толмачил, государь, у тех составных пытошных дел служилой человек Коземка Габушев, а слушали на верс ушники ево Ивашко Тельной, Богдашко Астороханец. И у роспросу, не дав ему Коземке до прямиа роспрошать, Ивашко Тельной с собою умысла, чово якуты не говаривали, то он сказывал. И Коземко о том ему Петру бывал челом, не то де якуты говорят, что Ивашко Тельной сказывал. И за то ево Коземку он Петр многжда бивал и за приставом з женою и з детьми держал 2 годы. И того ж, государь, 151-го году посадил он Петр за пристав князца Нику Мымыкова сына в таможию за потаковника своею за Оксенка Писалова, и морил его Нику в таможи и в съезжей избе голодом 7 ден. И тот Ника в съезжей избе, не мога голоду перетерпеть, учал плакать. И съезжия избы целовальники Иевко Елисеев, Ивашко Семенов спрашали у Богдашки Астороханца, для чово он Ника плачет. И Богдашке Асторохан им сказывал, говорит де Ника, каково де мне будет, только де салгу на Матвея Глебова, не поставит де меня с ним на очную ставку, а правды де мне сказать нечево, только де не солгать. И Богдашко ему Нике говорил: скажи де, что Петр Петрович // спрашивает, для де чово не скажешь на Матвея Глебова, брат ли де тебе он или родник. И тот Ника по тем Богдашковым речам учал говорить на воеводу на Матвея Глебова. И по тем, государь, Матвеевым и дячых людей и якутов, и затеяв с собою без наговоров, пытал он Петр без сыску и неправдою сына боярского Парфена Ходырева, толмачей Ивашка Михайлова, Коземку Сидорова Туркина, Осипа Галкина человека Матюшку Терентьева, да Парфенова человека Ивашка Осипова, да жонку Парфенову ж Васюху, да служилых людей пятидесятника Шаламка Иванова, Гришку Титова, Офоньку Михайлова, Ерофейку Киселева, Семейку Тимофеева, Чюфариста з женою ево Марфуткою, казенного кузнеца Онтипку Фролова з женою ево с Наташкою, Вторка Федорова Катаева, да служилых же людей съезжия избы целовальников Ермачка Олексеева, Стеньку Борисова, съезжия избы подьячево Юрья Юрьева, да съезжия ж избы целовальников торговых людей Бориска Иванова валь Jennings, Пятунку Иванова колмогорца, да торгового человека устюженина Ивашка Семенова Коровина, да промышленного человека Мишку Леонтьева, да промышленного ж человека Карпка Зелева жену его Аниютку, да служилых людей жонков, Оськи Семенова жонку¹ да Кирилка Ванюкова жонку Параху, Ивашка Рябова жонку Чигею, а сутил он Петр той Чиге от того корову, чтоб она поклепала твоих государевых людей. А пытал он Петр нас холопей и сирот твоих и жон наших позорил многими розными пытками в пойма по 2 и по 3 и по 4, а намучивал на товарищов своих, а давал ударов кнутних на одной пытке ста по полутора и большы, и на костре огнем жог, и стрясы многие давал, и воду на голову лил со льдом, и цуп и жилы клещами горячими тянул, и у рук мышки огнем жог, и голову клячем воротил, и по естеству по тайным удом прутьем стегал, и ребра ломал, и свечами спину жог, и угельс и пепел горячий на спину сыпал, и за покты сплщи вколотил. Да сверх, государь, тех пыток приговаривал и велел ушник ево Давыдко Матвеев на горячую сковороду ставить, и на волосяную веревку посадя нагово по веревке волочить. А их, государь, ложных наговорщиков Матвеевых и дячых и якутских людей со многими и на очную ставку не ставил, а которых, государь, и ставил

¹ В рукописи оставлен пробел для имени.

на очную ставку для людей, и тем // он давал ударов по 5-ти и по 6-ти. Да в прошлом же, государь, во 149-м году на усть Муки реки съезжия избы целовальником служилым человеком Степанку Борису, Ермачку Олексееву велел он Петр принести к себе на дом ис твоей государевы казны твоих государевых денег 300 руб. без товарищов своих. И целовальники, государь, Степанко и Ермачко, бояся ево Петра, твоих государевых 300 руб. денег отнесли к нему Петру, а он Петр им целовальником Степанку и Ермачку в тех твоих государевых деньгах им отписи и памяти не дал. И в прошлом же, государь, во 151-м году в Якутском остроге велел он Петр на тех целовальников говорить дьячку человеку Ивашку Макарову, будто они целовальники Степанко и Ермачко твоих государевых денег полтора руб. отнесли к дьяку Еуфимию Филатову. И по ево, государь, Петрову велению дьячий человек Ивашко Макаров будто говорил на них Степанка и Ермачка, а ево Ивашка с ним на очную ставку не ставил, а сказывал сам он Петр, будто говорил он Ивашко на них, и в том он Петр тех целовальников пытал накрепко, а велел им говорить на дьяка на Еуфимия Филатова. И оне ему Петру на пытке говорили, ты де государевых денег 300 руб. взял, а к дьяку де мы никаких государевых денег не отнашивали. А в кою, государь, пору он Петр пытал нас холопей и сирот твоих в пытошной избе, а в ту пору у той пытошной избы на дворе стояли неведомо для какова умыслу и заводу, покаместа и пытка минетца, енисейские служилые люди, Олешка Яковлев Олень, Кузька Лошаков, человек по 5-ти и по 6-ти и больши. А как, государь, он Петр пытал нас холопей и сирот твоих, всячи в дыбах, и приходя он Петр своими руками в нос бил, и до крови разбивал, и ту кровь себе на ладонь точил, и ко устам себе подносил, и носом нюхал, и с ладони своей о платве свое вытирал. А которые, государь, ушников ево и ево Петрова заводу не послушали, а нас // холопей и сирот твоих напрасно не поклепали, и тех якутов он Петр пытал на смерть, и многих якутских лутчих людей на пытках запалит, и в темнице голодною смертию заморил человек с 50. И от того, государь, вся Якутская земля устрашилася, и стали оне лгать в одну сторону безповоротно: что он Петр затеяв собою спрашивал, то оне и сказывали. А к тому, государь, заводному своему сыску имел собою к пыткам потаковников, русских городов торговых людей приказчиков их Левку Толстоухова, Онкудинга Шубина, Якушку Осипова устюжен, Стеньку Гогунина усольца, и те торговые люди с ево Петровыми советники и ушники служилыми людьми с Давыдком Матвеевым, с Бывашком Тельным, с Андрюшкой Почегуниным, с Богданком Асторханцом, с Оксенком Писаловым, с Бывашком Табаковым кровь нашу проливали. И того же, государь, 151-го году в великой в масеед учал он Петр замышлять и составлять заводным обычаем, хотя нас холопей и сирот твоих вконец погубить, не помня твое государево крестное целованье, будто по всем ясачным зимовьям нам холопом и сиротам твоим воевода Матвей Глебов и дьяк Еуфим Филатов заказывали иметь в яsak с ыноземцев, и в 10-ую с торговых людей и с промышленных, соболі драные и без хвостов, и то при иных годах вполы, а добрые б соболі переменяли на худые свои соболі. И то он Петр помысл свой и заводной состав в дело поставил, учал Матвеевых и дьячих людей, выводя ис тюрьмы, на то приводить, а говорил им так: Матвей и дьяк служилым людям, ясачным сборщиком и торговым людям целовальником, заказывали иноземцом русских людей побивать и ясачные б и десятинные соболі на худые б свои соболі переменяли. И Матвея Глебова и дьяка Еуфима Филатова люди говорили, того де мы заказу у бояр своих не слышали. И он Петр: только де не учнете говорить, сожгу де в уголь. И Матвеев человек Матюшко в тюрьме прикинулся в болезнь, чтоб ему от тово напрасно составу пролежать и кровопролития напрасно не навести; и приходя, государь, в тюрьму ушник ево сын боярский Олешка Бедарев велел им, Матвеевым и дьячьим людям, говорить на нас холопей и сирот твоих: чово де боитесь, вам де у бояр своих не бывать, а не учнете де говорить, и вас де Петр Петрович замучит. И того ж, государь, числа Матвеева человека Матюшку взял в пытошную избу, и велел им на нас холопей и сирот твоих говорить в зимовьях с выбором: на ково гнев свой нес напрасно и ково он велел клепать тех оне и поклепали; // а ушника своего и советника Курбатка Иванова сам он Петр от их поклепу выговаривал, а на нас холопей и сирот твоих сам нагаваривал.

И Матвеев человек Матюшка и диячей человек Ивашко по ево Петрову наговору, как он сам преж говорил, а сына боярского Олешки Бедарева веленью, говорили на нас холопей и сирот твоих, будто нам холопом и сиротам твоим воевода Матвей Глебов и дияк Еуфим Филатов заказывали имать в ясак с ыноземцов и в десятиной збор соболы худые и драные и без хвостов, а добрых бы соболей привозили к ним к Матвею и к дияку, и будто русских людей иноземцов побивать велели. А мы холопи твои и никакова дурна ни от Матвея ни от дияка не слыхали, ни сами твоєю государевою соболоною и ни какою казною не корыстовались. Да он же Петр пытал князца Сергуя на многих пытках накрепко, и сверх пыток морил ево голодом и, не мога пытку и голоду перетерпеть, солгал на служилых людей на караульщиков на Девятку Дмитриева, будто он Девятко не велел ему Сергую на русских людей говорить. И того Девятку он Петр огнем на костре сжог до смерти, да с ним же Девятком жжог до смерти на костре служилых людей Тимошку Титова Тропу да Нефетка Филатова без сыску напрасно, а себя они и никою не поклепали. Да он же Петр бил батоги за челобитье о карауле служилых людей 12 человек, десятиника Богдашку Олекссева, Оську Федорова, Тимошку Ярославца, Дорошку Еуфимиева и держал их в тюрьме многое время. Да он же Петр бил батоги напрасно, изувечил на смерть, служилого человека Олешку Лсонтиева Коркуна по ложному наносу ушника своего Ивашка Тельново. Да того же, государь, году у сына боярского у Ивана Пильникова служилыми людьми сидел за приставом князец Мымок, и к нему Мымоку приходили пота[ко]вники ево и ушники, сын боярской Олексей Бедарев да Богдашко Астороханец, и говорили оне Мымоку, скажи де на Матвея Глебова и на нас холопей и сирот твоих, и тебя де Петр Петрович выпустит. И тот де Мымок говорил им, сказать де мне правды нечево, только де лише солгать. И сын боярской Олешка Бедарев и Богдашко Астороханец на двор сво Мымока из избы выводили, и тот де Мымок с ними и с сыном своим с Никюю на дворе пошептались. И после, государь, того тот Мымок учал говорить // на твоих государевых людей, а то слышел торговой человек Ивашко Коровин устюженин. И того, государь, Мымока он Петр заморил в темнице, чтоб то их учение тайно было. Да он же Петр пытал напрасно безвинно служилого человека Ондрюшку Парфенова, да с ним же с Ондрюшкою пытал Ивашка Стефанова. И того же, // государь, 151 году апреля в 25 день били челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии о твоём государеве хлебном и денежном жалованье черной поп Перфирей да диякон Спиридон. И он Петр того попа Перфиря и диякона Спиридона посадил за приставы напрасно без вины и всякою, государь, их теснотою теснил, а к твоему государеву богомолью водил их за приставы, а во святилище божи были у них приставы, а с причастием, государь, больным ко многим не велел ходить, а к которым, государь, и отпускал с причастием, и у исповеди приставы ж стояли, под окном слушали. И мучил сво Перфиря с того числа за многими приставы, скована [в] колодезь нашейною большою цепью. И прошлого же, государь, 152-го году мая в 14 день того Перфиря взял он Петр в застенки, и монатью с нево и свитку сняли до-нага, и парамон с нево велел снять, и он Перфирей за инокское обещание, за парамон де умру, а живь де с себя снять парамон не дам, разве де с мертвово велиши снять. И велел ево Перфиря он Петр поднять в парамоне в дыбы, а бить ево кнутом для парамону, стыдась людей, не велел. И весся он Перфирей в дыбах с час времени, и руки ево испортил, и чернуческой и священнической чин обесчестил без вины. И после, государь, того ево Перфиря посадил опять за пристава и морил ево всякою нужею и стужею знобил, приковал колодке и на свет ево не выпускал, и никою к нему не припущал, и держал сво в железех за приставы до твоей, государь, грамоты и до выпуска. А диякона, государь, Спиридона со 151-го году держал за многими приставы и в тюрьмах мучил всячески. И в прошлом же, государь, во 152-м году, по ложному наговору Ивашка Петрова, дияконицу сво Анну после родин на завтрес больную взял ее в застенки, и велел ей говорить на мужа ся на диякона Спиридона, и разболоч ея нагу и велел ее поднять в дыбы, и веслася она больная с час времени. И з болезни, государь, она, вне ума, по ево Петрову затею, как ей велел говорить, поклепала себя. И отмуча ее, посадил к ней на дом приставов холостых людей для наругания и позор-

ства. И того же, государь, числа он Петр пытал попа Стефана попадью Акилину многими пытками накрепко, без вины опозорена. А себя, государь, она и никово не поклелала. И, отпытав ее, посадил в тюрьму одну на двор письменному голове Василью Пояркову, и мучил ее в тюрьме всячески, а ис тюрьмы отдал ее за приставом промышленному человеку Ивашку, где ушник ево Давыдко Матвеев жил. И они, государь, ее всячески бесчестили, и поклелать себя велели, и на постелю он Давыдко ее звал для позорства. И того же, государь, 152-го сентября в 2 день на Семен день // дьякона Спиридона к молебному пению и к обедне ис тюрьмы выводил. И он, Спиридон, ведаячи свою совесть, прошался к себе на дом для очищения. И ево, государь, Спиридона ушник ево Петров Ондрюшко Почекунин велел быть в паперте у живоначальныя Троицы за приставом, а сам принес ему в ведре воды и велел ему в паперте обмыватца. И он Спиридон, не хотя святилища божия осквернить, прошался во двор для очищения. И он Петр велел его посадить опять в тюрьму, когда де в паперте не обмоется. А то говорил ему дьякону Ондрюшка Почекунин. И прошлаго же, государь, 151-го году, как вода скрылася, и учили мы холопы и сироты твои с твоею государевою соболиною казною, ясачным и десятинным збором, в Якутской острог приезжать // ¹ и по тем, государь, ложным наученым Матвеевых и дьячих людей наговором ставил он Петр с ними на очную ставку, и Матвеевы и дьячих люди на очной ставке на нас холопей и сирот твоих не встают что сказать, потому, государь, что вины нашей перед тобою государем ничево не ведали. И он Петр сам их наставлял, преж их сам научал говорить. А оне, государь, по ево Петровым речам только лишь прикивали. И мы холопы твои прошали их на пытку, и он Петр не дал их на пытку. А что, государь, крошишка наши, деньги и кабалы и у ково соболичков было по 5-ти и по 6-ти и по десятку своего промыслу, и то у нас холопей и сирот твоих, недопусая до города, ушник ево Петров Юшко Селиверстов на встрече коробышка [наш] и всякую рхлядь запечатал, а кабалы // и оружие пограбил и отнес их к нему Петру. А съезжяся, государь, избы целовальником торговым людям Ивашку Семенову, Иевку Елисесву, любя ево Юшка за ушничество, велел принимать за их печатью те письма и кабалы и оружие из за побев, и велел давать отписи в тех письмах, не осмотра налицо чьи кабалы и на сколько рублей и на ково именем. А оружия, государь, пищали наши отдавал он Петр новоприборным служилым, которых он Петр вновь прибирал, и отпустил их в Пергую. А достального, государь, борошншку нашево, что остался в судех, и забратца не дал, чтоб нам холопом и сиротам твоим вдосталь разоритца. И посадил нас холопей и сирот твоих в тюрьму и за приставы, а борошншку, государь, нашего рознесли и разволокли неведомо. // И как, государь, из Жыган пришол в Якутской острог в судне жыганской таможенной целовальник торговой человек Ивашко Мокеев Псунов устюженнин с твоим государевым десятинным соболиным збором, и судно ево, Ивашков дощаник, велел он Петр разломать, а ево Ивашка дал он Петр за приставом своему Ивалку Табакову, а живот ево Ивашков соболи взял в твою государеву казну, а иной ево Ивашков живот и всякой промышленной завод остался в судне и на берегу, из за пристава ему Ивашку забратца з животом не дал, и тот ево Ивашков достального живот и всякой промышленной завод рознесли и разволокли неведомо хто. Да он же Петр взял сильно к твоему государеву делу [в] подячие служилого человека Ондрюшка Иванова пермяка и, рнясь он Петр на товарищев своих, бил ево Ондрюшку батоги и своими руками изувечил на смерть, и отдал ево за пристав безвинно, и мучил ево за приставом до твоей государевы жалованной грамоты. И того ж, государь, 151-го году пытал он Петр служилово человека Ивашка Кирилова напрасно без сыску и на костре огнем жег. И того ж, государь, числа бил батоги и изувечил на смерть торгового человека Микитку Агалитова Ярославца, будучи де в приставах у Парфена Ходырева будто де вести к нему переносил. И того ж, государь, 151-го году ис тюрьмы перевел нас холопей и сирот твоих на реку в судно, а в том судне зделана казенка в длину 2 саж., а поперег сажень, и у казенки щели наглухо изаделаны. И мы холопы и сироты твои в той казенке сидели 30 человек, на воде стояли среди

¹ В рукописи одна строка заклеена.

Лены на якоре с июня с 3 числа да по июль по 8 число, и воду мы холопи и сироты твои пили тою дирою, в которую в отход ходили, и души свои сквернили, и моря нас холопей и сирот твоих в той казенке смрадом и жаром. А только 6, государь, сын боярский Ивац Пильников, будучи в приставстве, не отворял дверей казенных, и мы 6 холопи и сироты твои с духу и с жару задушились. И он Иван, помня твое государево кресное целованье и видя над нами такое напрасное гонение, отворял втайне дверей казенных. И уведав он Петр за то ево Ивана бил батоги и изувечил на смерть. И того ж, государь, 151-го году стольник и воевода Петр Головин перешел ис старого Якутского острогу 2 динца выше того острогу на Бюков луг. И на том, государь, лугу мы холопи твои поставили новой острог да 5 башен, и на всякую острожную поделку лесу добывали, и круг острогу чеснок поделали, и церковь в остроге воздвигнули во имя живоначальных Троицы, да воеводкой двор и съезжую избу с комнатою и онбары под твою государеву казну, да 12 тюрем, а около тех тюрем 15 тынов, а на тынах чеснок троезубной, да пытошную избу в длину 5 саж. печатных. И мы холопи твои такую большую работу подняли невеликими людьми и бедность и нужу терпели, а кнутом и батоги бил нас холопей твоих у такой большой работы безпрестанно, напрасно, без вины по наносу ушников своих Ондрушки Почекунина с товарищи и изувечил на век. И укрепя // те тюрьмы со всякою крепостию, товарищев своих воеводу Матвея Глсбова и дьяка Еуфима Филатова и письмянново голову Еналея Бахтеярова посадил порознь в тюрьмы, а отца своего духовного, черново попа Семьона, посадил в особую тюрьму за дьяконом Спиридоном, а дьякону наложил в тюрьме на обе ноги колодки весом по 40-ку фунтов. А к поцу Стефану посадил к нему на дом приставов, а из двора ево вон не выпускал. А служащую ево левку, именем Дуньку, пытал накрепко, а велел ей говорить, что Ивашко Петров говорил и, отпытав. // посадил ее за пристав за дьяконницу. А ево, государь, попа Стефана к твоему царскому богомолью во храм водил за приставы, а у тайны божия во олтарь был с ним Стефаном в приставах Васька Луза, а с кадиллом ходя в церкви и в трапезе приставы же за ним ходили и говорить ни с кем не давали. А просвиры, государь, он Петр пек у себя на дворе повором своим Федькою и дорничал он же Федька; где про нево Петра есть приспевали, тут и просвиры пекли и дорничали. А в великой, государь, пост он Петр православным крестьяном поститца и к причастию ходити заповедал, святым тайнам и к болям, государь, которые и на просте были, с причастием ходити к ним не велел и исповедыватца не давал. И многие, государь, православные крестьяне и младенцы без причастия и без отцов духовных помирали. А которым государь, к болям, и велел водить его Стефана за приставом с причастием, и того попа Стефана приставы ево, не дошед до двора, где боли лежали, на дороге раздевали до нага и осматривали, а причастие в те поры клати на землю, где привелось. А как, государь, он Стефан тех болей поновлял, а приставы у окна слушали. А к роженицам, государь, и крестить младенцев, з доклада же ево Петрова, водили спустя дни 3 и 4, а ко иным, государь, и ко многим младенцам молитвы не давал и крестить не велел. И многие, государь, младенцы без молитв и крещены помирали. А отпевать, государь, и погребать мертвых и могилы копать он Петр з докладу ж своего велел водить за приставом. А которые, государь, служилые люди походя на твои государевы дальные // службы, и те, государь, служилые люди бывали челом ему Петру со слезами, чтоб он Петр причаститца к божьим тайнам и исповедыватца у отца духовного велел, и он Петр им к причастию и ко исповеди ходити не велел. И многие, государь, служилые люди, будучи на тех твоих государевых службах, помирали и побиты от иноземцев без отцов духовных. А как, государь, священники в молебном пении во святых божиих и во святей божиих литургии за тебя, государя, бога молили, а он Петр приводил в палатер многих якутских людей, а дверей церковных велел отворять. а им, государь, якутом велел в церковь смотреть и кланятца не крестясь, а священником велел облачатца в те поры, как оне якуты смотрели, в цветные ризы, чово, государь, апостольская соборная церковь не приняла, а в православной крестьянской вере святые отцы заповедали и проклины некрещенных и поганных в церковь водити, а невесту божью церковь тем обесчестити. И то, государь, он Петр делал по латынски, а не по правилу святых отец 7-ми соборов, что поганных

а церкви припускати, а священников водить в церковь и у тайны божий во олтарь в тое поры быть с ним приставу, а православных крестьян от святини лишати, а младенцем молитвы давать и крестить по году и по другому не велеть, а священника, вода с причащением больным, до ната роздевать, а причастие класки где привелось, а просвиры у себя на дому своим поваром печь и доричать, где есть приспевают, а то православной крестьянской вере не в чин, а многим соблазн. А которых он Петр замучил в тюрьмах и заморил голодною смертью, и тех он велел за городом погребать, от города за версту. А // которые, государь, своею смертию помирали и на которых он Петр, как оне живы были, гнева не имел, и тех он Петр велел в городе погребать у храмов. А которые, государь, с Янги и с ьных служб того ж 151-го году приезжали на конях с твоею государевою соболіною казною, и у них по тому же соболішка и лошадишка имел в твою государеву казну. А на служилого человека на Данилка Козицу те ж одне наговоры, что и на нас холопей и сирот твоих, и того Данилка, любя за ушничество, по твоим государевым службам по вся годы посылал и твое государево жалованье давал по вся годы, а у того Данилка пришло с твоей государевы службы с Оленка после того наговору 5 сороков соболей, и тех соболей у него Данилка в твою государеву казну не взял для того, что тот Данилко // воровал, на свою братию пишиморством всякие ложные заводы затевал и безделием оглашал. Да на торгового человека на Епишку Волынкина тот же наговор, что и на нас холопей и сирот твоих, и тот Епишка у нево Петра был на большей вере, и соболь ево и кабалы ис твоей государевы казны ему Епишке выдал, потому любя ево Епишку за ушничество, и от того Епишки от ушничества кровь наша проливалась. А у нас холопей и сирот твоих до того и после того, которые тебе государю лет по 5-ти и по 6-ти служили с травы и с воды, без твоего государева жалованья, на Лене и на Собачье и на Янге и на Оленке и на иных многих реках, и кровь свою проливали, и прибыли тебе государю чинили, и новых земель приискивали, и у тех имел соболей на тебя государя: И пришел с тех служб, мы холопи твои в Якутском остроге волочимся меж дворы христовым именем годы по 3 и по 4 без твоего государева жалованья. А называл нас холопей и сирот твоих ворами старыми и изменниками, а мы холопи твои воровства и измены за собою не ведаем, опришно службы и радения и кровавых своих ран. И за нашу, государь, службу и радение, пограбя нас холопей и сирот твоих, посадил нас в одну тюрьму 70 человек, а те, государь, тюрьмы зделаны в сыром лесу, а окон на тюрьмах и полков в тюрьме не было, и на тынах щели изаделаны наглухо. И положил в тюрьме на нас холопей и сирот твоих на ноги колоды весом по 50 фунтов, а иных в железах в ножных, и мучил нас холопей и сирот твоих в тюрьмах в колодах и в железах годы по 3 и по 4 и по 5-ти. Да к нам же холопом твоим посадил в тюрьму торгового человека Ваську Антонова вологжанина, бив батоги напрасно по наносу ушника ево Юшка Селиверстова, и держал ево в тюрьме полтретья годы. Да в ту ж тюрьму посадил он Петр из за пристава торгового человека киренского жильца Ерофейка Павлова Хабарова, а у того Ерофейка на Киренге пашенной завод, большой, и прибыли 6 тобе государю хлебные было по вся годы пудов по 1000 и больше на год. Да к той же, // государь, пашне он Ерофейко из за пристава и ис тюрьмы бивал челом тобе государю, а ему Петру подавал челобитную устроить в пашню 10 человек пашенных крестьян со всеми пашенными заводами и с коньми и с семяны. И только 6, государь, поволел устроить в пашню тех 10 человек, и тобе 6, государю, была большая прибыль в хлебе. И за то он Петр ево Ерофейка, прислав в тюрьму ушника своево Давытка Матвеева, и тот Давытко розоболок ево нагово и бил батоги на смерть и изувечил, и держал ево Ерофейка в тюрьме и за приставом полтретья годы, и разорил до основания и твою государеву пашню запустил, рнясь на ево Ерофейка в том, прошал у того Ерофейка в Енисейском человек ево Тимошка Якшин ево Петровым словом 1500 руб. Да он же Петр за челобитье ис тюрьмы бил кнутах дву человек служилых людей, пятидесятника Шаламка Иванова, Омельку Костенинова. И того ж, государь, 151-го году говорил служилой человек Семейка Шелковник служилым // людям Олешке Леонтиеву Коркуну с товарищи о твоей государеве соболіной казне, что та твоя государева соболіная казна стоит в Якутском остроге много годов в новых в сырых онбарах, а от сырого духу соболі пор-

тятца и залпеснеет, а от плесни загневаецца и чернь отцвѣтает, а тебе государю по многие годы не высылает, неведомо для какова умыслу. И о той твоей государеве казне, о высылке, мы холопи твои хотели бить челом тебе, государю, и то ему Петру ушники ево сказали, и то он Петр поставил нам холопом твоим в воровство и в бунты, и тех служилых людей Олешку Коркуна, Федьку Матвеева, Тимошку Онисимова ярославца, Ивашка Федорова болховитина, наругаючися посадил в тюрьму под аманаткой отход, и якуты и жонки якутские сверху на голову нам холопом твоим и на ядь нашу мочилися и калилися. А иных многих, Семейку Шолковника, Парфенка Пантелеева, Савку Денисова за челобитье о той же твоей государеве казне, человек з 20, посадил в другую тюрьму. И ис тюрьмы, государь, Семейку Шолковника, Ивашка Макарова, Федьку Матвеева, Тимошку ярославца, Савку Денисова, Парфенка Пантелеева пытал многими // пытками и изувечил на смерть, и отпытав их, в тюрьму и за приставы пересажал, и за то, государь, в тюрьме морил полтретья годы, а твою государеву соборную казну к тебе государю не послал, держал в Якутском полпяты годы до твоей государевы грамоты, и до вышуску ис тюрем нас холопей и сирот твоих, неведомо для какова заводу, и ту твою государеву соборную казну на месте изгноил и чернь отцвѣтил, и о той твоей государеве казне, и о наших службах, и о всяких твоих государевых великих делах, и на нас холопей и сирот твоих состава и умысла собою и звездши ложно воровства и измены, к тебе государю ни о чем не писал, самовластием хотел нас холопей и сирот твоих воровски в темницах и за приставы заморить, а иных перевешать без твоего государева указу и без вины. А говорил он Петр так: поверит де государь моему сыску, над моим де сыском не велит де государь вновь переискивать. А на владычны празники и на твои государевы царские и на царицы государыни и на царевича государя ангелов нас холопей и сирот твоих в тюрьмах на весь день в дым и в чад запырал, стыдился твоим государьским именем, чтоб мы холопи твои тебе государю не били челом. И по простым, государь, днем мы холопи твои ис тюрьмы о своих нуждах тебе государю бивали челом, и он Петр нас холопей и сирот твоих за челобитье кнутом и батоги бивал и изувечил на смерть, чтоб мы холопи твои тебе государю не били челом. А говорил он Петр так: до неба де высоко, а до государя далеко. А на Ленском, государь, волоку и в Якутском остроге заставы были крепкие, чтоб к Москве к тебе государю челобитных не провозили и грамотки бы к родителям своим в сибирские города и к Русе никакие люди о составе ево не писали, и грамотки и кабалы переимал на дорогах. А на Ленском, государь, волоку переимал сын боярской Олексей Бедарев, потаковник ево, грамотки и кабалы переимал. // А в Якутском, государь, остроге высылал навстречу ушников своих для писем, и оне по тому ж письма всякие и грамотки и кабалы побирали и к нему Петру относили. Да в прошлом же, государь, во 152-м году зимою выняли малые робята из лядунки з заправка пороху и тем, государь, оне порохом на дворе играли и то, государь, ево Петровы ушники увидели и ему Петру сказывали. И тех робят он Петр, Кипрушку Мелекова, Максимка Фокина, Гришку Иванова, Любимка Воинова, 4-х годов и по 5-ти лет, и в съезжей избе пытал их накрепко, а намучивал на отцов их и на иных людей, чтоб оне з глупа поклепали отцов своих и иных людей. Да того же, государь, году в великое говейно пришел в Якутский острог с верху промышленной Митька на лыжах одва живъ з голоду, а был тот Митька идучи у ясаших зборщиков у Васьки Юрьева с товарищи в зимовье. И того Митьку он Петр взял в съезжую избу и роспрашивал ево накрепко, есть ли с тобою грамотки к Матвею Глебову и к служилым людям от Васьки Юрьева с товарищи. И он Митька в роспросе у себя ни про какие грамотки не сказывал. И он Петр ево Митьку пытал двою накрепко, кнутом стегал и огнем на костре жог и стряску давал и ребра ломал, а спрашивал про те же грамотки. А которых, государь, торговых и всяких чинов людей из Якутского отпущал к Русе, и за ними посылал обыскивать челобитных и грамоток, // чтоб ево Петровы затейные составы тебе государю не известилися, а нам холопом и сиротам твоим всяких чинов людям в тех грамотках и в кабалных и в недоходе чинятца убитьки великие. И для того, государь, из Енисейсково на Лену не пошли многие торговые люди и промышленные, бояся ево Петра пустых приметов и задержания и напрасное кровопролития. Да в прошлом же, государь, во 152-м

году сентября в... день послал нас холопей твоих по твоим государевым службам по ясачным и десятинным збором для твоего государева ясачного и десятинного збору не во время поздно, о самом о заморозе для того, чтоб нам холопом и сиротам твоим до ясачных людей не дойти и твоего б государева ясаку не собрать, хотя нас холопей и сирот твоих вконец погубить и хулы большие возложить и от тебя, государя, в опале и в казне учинить и от твоего царьского величества и жалованья отставить. А которых на Янгу посылал сына боярского Ивана Пильникова с служилыми людьми, а на Собачью посылал служилых людей Кирилка Внифатьева с товарищи да с ним же Кирилком послал в целовальниках дву человек торговых людей Семейку Васильева козмогорца, Трофимка Табурина усольца, а твое государство хлебное жалованье давал неполные оклады, и мы холопи твои запасу занимывали пуд муки по 4 руб., а сыну боярскому Ивану Пильникову на тот год и на прошлые на 2 года не давал твоего государева хлебного жалованья. А та, государь, Янская и Собачьи реки службы дальные, и подьемы конные нам холопом твоим становились рублей по 100-у, и мы холопи твои подымались по всем твоим государевым службам, должася великими долги. И у тех, государь, служивых людей, случи на Янгу и на Собачью, на Каменю лошади с голоду перемерли для того, что корм снегом закинуло, и сами мы холопи твои голоду и нужи терпели и души свои сквернили, а твой государев ясак собирали. И сын боярский Иван Пильников взял в оманаты юкагирских людей дву человек лутчих князцев, и из за тех аманатов тебе государю вновь прибыть учинили; а Кирилко Внифатьев с товарищи до Собачьи реки не дошли и на Каменю // заголодовали, и голодных юкагири побили. А только бы, государь, оне отпущены были во время, и оне б до корму доехали и были б оне живы, и твой бы государев ясак собрался весь без недобору. И ево Петровым задержанием отпуску и замотчанием многие за голоду, у ясачных зборов будучи, померли, а иные многие от юкагирей и от тунгусов и от якутских людей побиты. А которые, государь, достальные и живы, и те, государь, изувечены во ложных ево составех и по нанесу ушников своих. А торговые, государь, и промышленные люди от ево задержания стали без промыслов, а в твоём государстве в десятинном зборе учинил убый великую. И того ж, государь, 152-го послал он Петр из Якутского острогу ушника своего и потаковника сына боярского казанца Алексия Бедарева с служилыми людьми на Ленской волок для твоего государева ясачного збору. И идучи дорогою тот Олексий служилых и промышленных людей, которые с ним посланы, к торговым и промышленным людям в зимовья не пуцал и знобил на морозе для того, чтоб его Петровых затеиных составов торговых и промышленным людям не розсказывали и челобитные бы на него Петра тебе государю не писали и с торговыми людьми тебе государю к Москве не высылали. И придержав своего запасу, те служилые люди на дороге у торговых и у промышленных людей в зимовьях ценою купя иматъ хлебных запасов не велел, чтоб нас холопей и сирот твоих поморить голодною смертию, а про себя у торговых и у промышленных людей хлебных запасов имел вдоволь безденежно. И те служилые и промышленные люди от того заголодовали и голодных розметал на дороге живых, чтоб их поморить. И з голоду, государь, и с морозу примерно на дороге 3 человек от него Олексия, а иных находили промышленные люди одва живых и оне их откармливали. И втай меж собою, говорить, государь, под ухо и зырянским языком не велел, а хто меж собою втай поговорит, или по зырянски, и за то их бил батоги на смерть и изувечил, и в том по ним имел поручные записи, чтоб впредь не говорили. // Да он же Олексей, грубя нам холопом твоим, на усть Муки реки весною упустил 3 воды большие, а твоих государевых хлебных запасов в суды не нагузил, и теми водами на Лену не выпылл, изживал советника своего торгового человека Лучку Гундырева для того, что у того Лучки суды не поспели. И после, государь, прибылою водою потопил тех твоих государевых хлебных запасов на берегу, и что, государь, тех запасов из воды вынали, и тое гнилую муку он Петр давал нам холопом твоим в жало//ванье в наши оклады, и в том нам холопом твоим учинил убытки великие. Да он же Олексий на Ленском волоку забил батоги до смерти торгового человека Петрушку Обухова козмогорца. И того ж, государь, 152-го году в Якутском остроге пытал он Петр служилых людей Ивашка Семенова, Пер-

вушку Яковлева Балаша, и того он Первушку запытал разными пытками и опием на костре, связав руки и ноги, жег и зажог ево до смерти по ложному наносу ушников ево Фильки Черевковца, Мартынка Кривово. А которых, государь, нас холопей и сирот твоих он Петр имал в съезжую избу для письма, и ис торговых людей, которые с ним были у твоего государева дела в целовальниках и в подьячих, и тех он Петр, поклепав и приметався, не делом говорил, будто оне твои государевы дела и книги переделали, а иных поклепал, что де руку ево подделали, а иные де за твою государеву печать и за ево Петровы печати лазили, и твою государеву казну перекрали, а иные будто твою государеву печать искусили, а иные будто сны на нево Петра напущали, а иных поклепал, к Матвею де Глебову и дяку к Еуфимью Филатову через тын в тюрьмы ходили с книгами, а иных поклепал, что де ис книг ясных с иноземцов ясаку убавлявали, а с ыных де и не записывали. А как, государь, те иноземцы якуты приезжают с твоим государевым ясаком в Якутской учнут тот твой государев ясак платить по соболу и по 2 и по 3 и по 5-ти и по 10-ти и больши, и он Петр к тем иноземцам учнет примыватца, что де вы платили не по столько соболей, я де сам помню, и учнет тех иноземцов // бить своими руками батоном в голову, а велит толмачами им говорить, скажите де вы, не бойтесь, я де стану бить подьячих, которые у вас записывают соболы, а вас де не стану бить, а как де скажете, и я де перед вами и стану бить подьячево. И те иноземцы, не мога его побой претерпети, врали не великие люди, а ушники ево толмач Ивашко Тельной ему Петру приговаривались, что де и я тех иноземцев платеж помню. И он Петр по ево Ивашкову наговору, нарочно наругающийся, тех подьячих бил напрасно и увечил на смерть. А которые иноземцы на подьячих врали из за смертных ево Петровых побой, не мога претерпети, и тех он иноземцев поил твоим государевым вином, а сверх того имал тех иноземцев к себе на двор, а те, государь, иноземцы люди не постоянельные, в чем видят себе льготу и ослабу от нево Петра, и оне, государь, по ево составу и говорили толмачами Ивашком Тельным с товарищи. А у тех, государь, иноземцов у многих якутов есть имени по 2 и по 3 и по 4, себе и отцу, и в книгах те иноземские имена многие не сходятца, потому что не одним именем сказываютца сами и отцем своим имена. Да те ж, государь, иноземцы переходят жить из волости в волость по часту. И в которой волости живет, и оне как приедут с твоим государевым ясаком, и они тое волости и сказываютца, а как в ыную волость переедут, и они иной волости и сказываютца. А те, государь, иноземцы в книгах цисаны по волостям всякая волость особа, а в ка поры те иноземцы тебе государю ясак платят, и в та поры он Петр при тех иноземцах именами и волостями справливатца не давал. И которых, государь, имен после справить не можно, и он Петр те имена велит записывать, что де в книгах имен их не нашли, а сказывают ясак платили, а записывано то не по их иноземскому наговору, по ево Петрову веленью. А в том, государь, поклепе в своем в съезжей избе // ссылался на советника своего на сына боярсково на Олексея Бедарева, будто так делали, и тот Олексей по нем притакивал неправдою для стыду своего он Петр приметывался к нам холопом и сиротам твоим и поклепал, затеяв собою напрасно, будучи с ним Петром у твоего государева дела и видя неправду ево всяку и напрасное кровопролитие, чтоб оне в правде не говорили ему Петру. И тех он Петр служилых и торговых людей и целовальников многих пытал, и отпытав за пристав и в тюрьму пересажал и в колоде и в железах, связав ремнем сухим, мучил годы по 3 и по 4 и по 5-ти, а намучивал на товарищев своих. И того ж, государь, 152-го году бил челом тебе государю, ис тюрьмы прошался в мир прошать, служилой человек Ивашко Павлов Южак, и за то ево Ивашка бил кнутом и прошать из тюрьмы в мир не выпустил и в тыну кликать не велел, присылая ушника своего Андрюшку Почекучина, и батоги бить велел в тюрьме. И он Андрюшка многих нас холопей и сирот твоих батоги бил и повинные прошал, повинница велел, а не повиннись де, и вы де ежете кал свой; и з голоду, государь, многие в тюрьме кал свой ели. А хто милостыню и ядь в тюрьму присыдал, или подаяньем побольше милостыню хто давал, тем которые за приста-вном седали, и за то кнутом и батоги бил; а у ково взял крошкишка нащи, деньги и платье и оружие и муку, и тем он ис казны не выдавал. И над своими, государь, животы он Петр поморил в тюрьме и за приставом томною голодною смертию, без

отцов духовных, служилых людей Ермачка Олесева, Олешку Федосиева Читальницу, а отца духовного поновлятца и причаститца не давал. Да нам же холопом и сиротам твоим ис тюрьмы, высылая деньги из за приставов, покупали муки пуд по 6-ти руб., а в розвес, хто не может пуда окупити, и им покупали фунтом, фунт муки по 6-ти алт., а костью рыба сухово и гнилой порсы, корму собачья, себе на ежу фунт по алтыну, а сухой коры сосновой фунт по 2 гроши. А которые, государь, и на просте были и караулов всяких караулили и всяких твоих государевых // служеб служили, а твое государево хлебное жалованье давал муки пуд на 5 недель и на 6, а иным, государь, и на весь год ни по одному пуду не давал. И мы холопи твои обнищали и обдолжали великими долги и занимали пуд муки по 6-ти руб. и голод и нужу большую терпели. А которые, государь, в тюрьме сидели, и им помогал дворской енисейской служилой человек Нехорошко Павлов своим запасом, должася в большую цену у служилых и торговых людей, ходя по дворам муки и хлеба прошал и в тюрьму приносил, и услыша то он Петр приставил в тюрьму ходить с ним с Нехорошком ушника своео Ивашка Тельново. И ему Ивашку бивали челом о докладе в крошишках своих и он Ивашка прошал повинные, а не повинитесь де и вы де ежте кал свой, хотя де и все истынете, и вы де не дороги. И многих он Ивашко батоги бивал в тюрьме и изувечил на смерть. И того, государь, Нехорошка от тюрьмы оставил по наносу ушников своих Ивашка Тельнова, Андрюшки Почекунина и в том на того Нехорошка понес гнев свой напрасно, для того, что не поморил в тюрьме голодом нас холопей и сирот твоих, и учал на того Нехорошка дела составлять, чем бы ево напрасно погубить. И после, государь, того Нехорошка приставил в тюрьму ходить ушника своео Андрюшку Почекунина. И как он Андрюшка учал в тюрьму ходить, и служилые и торговые люди, бояся ево Андрюшки проносу к нему Петру, милостыню присылать не учали в тюрьму для того, что он Андрюшка, хто пришел милостыню в тюрьму, и ему Петру сказывал, а он Петр для милостыни на них беды большие напрасные и увечья // наводил. Да он же Петр присылал сына своего в тюрьму Ивана, и сын ево Иван с торговыми и с служилыми людьми, с ево Петровыми советники, у нас холопей и сирот твоих ис тюрьмы вынесли всякие письменные крепости и кабалы, и тех, государь, писем и кабал нам холопом и сиротам твоим не отдаывал, не ведомо для чево. А у ково, государь, на сколько рублей кабал и всяких письменных крепостей вынес, и о том, государь, тебе государю поднесем имянно челобитные. Да он же Петр после того вскоре пытал торгового человека Ваську Онтонова воложенина в своих затейках. И будучи у тюрьмы он Андрюшка многих нас холопей и сирот твоих батоги бил и повинные прошал, а не повинитесь де, и вы ежте кал свой, хотя де и все истынете, только де Петр Петрович вас не выпустит, никто де вам не поможет. А мы холопи и сироты твои, опрично бога да тебя государя, помощи ни от кого не чаем, в правде своей надеемся на бога да на тобя государя, а от нево Петра опрично смерти и напрасного кровопролития и увечья добра ничево себе не чаяли: он воевода, да он же на нас и истец и составщик, а состав свой сам ссысывал. Да он же Петр заморил з голоду в тюрьме, а отца духовного поновлятца и причаститца не давал, и батоги забил служилых людей Фомку Визгунова, Ивашка Макарова, Ваську Кирилова Богородицково. А только 6, государь, не твоя государева грамота поспела, и он бы Андрюшка по ево Петрову веленью до новых воевод нас холопей и сирот твоих всех приморил, на то было он Андрюшка приставлен. Да того ж, государь, прошлово 152-го году послал он Петр на Собачью тобольсково жилища в ценовальники Петрушку Новоселова Кривово, а на Янгу служилово человека Богданка Ленивцова, а давал им наказные папеты, велел сына боярсково казанца Василья Власьева с товарищи побить иноземцами и всякими людьми. И то слыша иноземцы побили твоих государевых людей // на соболинных промыслах дву человек промысленных людей, а ко иным ко многим зимовьям приступали и промыслы поставили. Да в нынешнем, государь, во 154-м году пришли в Якутской острог с новой реки с Ковыми, с твоим государевым ясаком, Мишка Стадучин с товарищи. И того, государь, Мишку он Петр посадил за пристава и морил голодною смертию, а что у них, государь, мяхкой рухляди объявилося, и то он поимал в твою государеву казну. Да он же Петр здымал в дыбы на пытку и рук испортил напрасно казанца сына бояр-

ского Воина Богданова, а жену ево Воинову Офимьицу пытал напрасно и позорил многими пытками накрепко. Да он же Петр взял ис таможни в ссезжую избу для письма промышленово человека Калинку Иванова, и к тому Калинке, приметався по наносу ушников своих Фильки Мартынова, пытал ево напрасно многими пытками. Да того ж числа пытал накрепко служилово человека Фомку Омелянова напрасно без вины. Да прошлого ж, государь, 153-го году, как извещал на нево Петра ис тюрьмы отец ево духовной черной поп Семион твое государево царственное слово, а о той поре ходил к нему Семюну в тюрьму пятидесятник Ивашко Реткин, и в том на него Ивашка рняя, одново дни бил батоги трою и мучил день весь напрасно и изувечил на смерть. // И прошлаго же, государь, 153-го бил челом тебе государю ис тюрьмы Матвеевых и дячих людей пристав Гришка Васильев о перемене. И он Петр велел ево Гришку в тюрьме сыну своему Ивану да учинику своему Андрюшке Почекунину бить батоги, а он Гришка з голоду и с нужы одва жив. И сын ево Иван, видя ево Гришку нужна, не хотел бить батоги, и тот Андрюшка того Гришку разболок его нагово и бил батоги по спине и по бокам и по пупу, изувечил на смерть. А по тому, государь, своему сердцу он Петр на отца своего духовново на чорново попа Семиона, что извещал на нево Петра твое государево царственное слово и дело, и для того, государь, посылал в тюрьму к нему Симсону ушника своего Андрюшку Почекунина, и тот Андрюшко ево Семиона в тюрьме мучил и бивал многижна на смерть, и за волосы в дым вешал, а вымучивал, чтоб с нево Петра твое государево слово и дело он отговорил, и всякою теснотою теснил и голодом морил и служею знобил, и с марта, государь, со 18-го числа ему Симсону и дякону Спиридону в тюрьму огню не учал давать, и топить не велел, и в студепои в тюрьме их знобил и в тын не выпущал. И того ж, государь, 153-го по первой своей кручине посадил он Петр за пристав в ссезжую избу служилого человека Нехорошка Павлова, а он Нехорошко якутцкого языку не ведает, и держал ево безвинно за приставом 8 недель. // А прежд, государь, того, в кою пору он Нехорошко сидел за пристава[м], водил к нему Петру на двор ушник ево Петров Богдашко Асторохан, и для составу на того Нехорошка он Петр призывал на двор к себе хлеба есть лутчих якутов Еюка и Отгуя и Откурая и Очеся и Откура и Еюковых родников и иных многих якутов, а водил тех якутов на двор к нему Петру ушник ево и потаковник Богдашко Асторохан, а у себя на дворе толмачил Фетькою Михалевским. И многим якутом он Петр при торговых людех и при целовальниках и при нем Нехорошке в ссезжей избе говорил: для де чего на нево [Не]хорошка не говорите, боязньны де, что зайцы, скажите де без боязни. И для того составошного своего заводу велел он Петр привести князца Нику Мымокова сына, и посадил ево за пристава под приказ, и не давал ему Нике 2 дни есть, и на 3-й, государь, день с половина дни стал ево Нику мучить в ссезжей избе и бил ево своими руками ослопом и многие ослопья приломал, а толмачи ево ушники и дворовой толмач ево Фетька Михалевской, Ивашко Тельной, Богдашко Астрохан, Андрюшка Почекунин, толмачили, как ему Петру годно, и мучил ево Нику ночь всю. И не мога тот Ника побой ево и голоду перетерпеть, по их веленю говорил на нево Нехорошка. И солгав на того Нехорошка, велел ево Нику посадить в тюрьму, чтоб он Ника с быными якутами в тюрьме свестились и утакались в одно слово. А ево Нехорошка с ним Никою тое ночи на очную ставку не ставил, потому что не со всеми якутами утакався и уговорся с ними якутами. И на 4-й, государь, день ево Нехорошка при якутских людех, при нем Еюке с товарищи, в ссезжей избе бил и топтунами топтал и бороду и волосы выдрал для того, чтоб им якутом, на то смотря, повадние было говорить, видя над ним Нехорошкою такую победу. // И того, государь, дни якута именем Докуя пытал в краже в кобылье, а до пытки ему Докую он Петр говорил, повешу де тебя за кражу. И как, государь, ево Нехорошка в застенок привели, а того Докуя в та поры пытал, и князец Ника ему Петру говорил, для чево де нас пытаешь, не хотел де нас бить, только скажем, и хотел де меня и родников моих ис тюрьмы выпустить, и ныне де мы на того Нехорошка сказали. И он Петр ему Нике говорил, не в том де ево пытаю, спрашиваю де в краже, а ныне де, когда сказал, не повешу, отпущу де домой. И ево Нехорошка пытал многими пытками и на костре огнем жег и уголье и пепел горячий на спину сыпал и стряски многие давал и ребра ломал. А как, государь, составочной свой

сыск составлял, и про ту Докуеву пытку вметил, будто в том Нехорошкове в сыску пыгал, а пытал ево Докуя в краже в кобылье, а не в том деле. А которые, государь, якуты на нево Нехорошка говорили по наученью их, и тех наговорщиков в том деле не пытал ни одново человека, и тех наговорщиков отпускал по домо. И на то смотря, после многие якуты на нево Нехорошка лагали по их веленью, что он Петр велел сказывать, то они и говорили. Да с ним же с Нехорошком пытал служивого ж человека Добрынку Игнатьева многими розными пытками безвинно. Да с ними ж пытал служивого ж человека Спирку Федорова да жену ево Овдюшку напрасно без сыску, а велел говорить на него Нехорошка, а тот Нехорошко ей Овдюшке отец кресной, и для того ее намучивал на него Нехорошка. И как, государь, якутов привезут из улусов в съезжую избу, и он Петр станет тем якутам рассказывать, как им говорить на нас холопей и сирот твоих, будто мы холопи и сироты твои якутов на всякие дурна их приводим. И которые, государь, якуты, не хотя напрасную кровь христианскую пролить, и оне отпиралися, мы де от русских людей никакова дурна не слыхали, и тех он Петр якутов бьет на смерть ослодом в голову и на пытках пытал и многих замучил до смерти и в темницах голодною смертию заморил. И того якуты усташася, как им // он Петр рассказывал, и те якуты по ево Петрову росказу и говорили, на ково что роспрашивал. И по тем, государь, их наученным сказкам многие якуты засажены в темницы, сядят годы по 3 и по 4, а намучивал на нас холопей и сирот твоих, // и у тех, государь, якутов скот промежду собою роскрани и розгоняли. Да в прошлом же, государь, во 151-м и во 152-м и во 153-м году он же Петр брал на себя поминку с великою жесточью и с побоями, соболи добрые на верх шерстю, а вметил он Петр так, будто приносили ему Петру якуты поминку соболей из воли без страстей для твоего царского величества. А те, государь, якуты з боязни, бояся кнута и огню и темницы, приносили поминки ему Петру соболи самые добрые вывороченных соболей по 20-ти и по 40-ку и больше. А твой государев яsak збирал с них в тех годех на 3 статьи: первая, государь, статья на 5 соболей и на 10 соболей прибавлял по стольку же; а второю статью збирал он Петр сверх того прибавку, примечтался к ним якутом, приносите де вы в яsak худые соболи, и по тому, государь, своему затею он Петр тех якутов в тюрьму всажал и наметывал он на них соболей по 10, и помуча, государь, их якутов в тюрьме, для тех наметных соболей коней и коров имал у них в закладе, и оне, государь, якуты выкупали свой скот, приносили те наметные соболи, а он Петр писал на них те соболи в повольной яsak; а третью, государь, статью имал на тех иноземцах якутах на тебя государя сверх яsаку поминку з большую жесточью и с побоями. И оне, государь, якуты, бояся кнута и огню и тюрьмы, давали ему Петру поминку и тебе государю яsаку и поминков. И для той, государь, непрочной и непостоятельной прибыли якутские люди оскудели и твоя государева земляца пустеет: от напрасных ево затейчивых составов // и пустых приметов и насиельства и изгони твои государевы яsачные люди вконец оскудели и твой государев яsak збирать будет впредь не с ково. А роспрашивал якутов и вымышлял с прошлого ко 153-го году, х кому чем примечтал к нам холопом и сиротам твоим, в съезжей избе с советники своими и ушники с торговыми людьми с Матюшкою Ворыпаевым, с Лучкою Гундыревым, с Максимом и с Якунькою Кокоринными да с дворовым своим толмачем с Фетькою Михалевским да с служальными людьми с Ондрюшкою Почекуниным, с Ывашком Тельным, Богдашком Астроханом, з Давытком Матвеевым. И тот Матюшка Варапаев у сыску с ним Петром нас холопей и сирот твоих ко многим ложным заводом ево притакивал, и кровь нашу напрасную проливали, и твоею государевою соболиною казною и книжными переделками и иными твоими государевыми большими делами напрасно поклепали, хотя наших голов доступити без вины. А он Петр // твою государеву печать у себя на дворе держал, и твою государеву соболиную и поро[о]жую и свинцовую и всякую казну печатал своими розными многими печатными, и дети ево Иван и Михайло с Матюшкою Ворыпаевым в твою государеву казну и без целовальников, что в свои в домашние анбары, днем и ночью ходили, как похотят, и твоих государевых всяких дел у себя ж на дому держал. А приходил в съезжую избу торговой человек Офонька Записин с ево Петровую печатью и, распечатав конлату, и твоих государевых дел ис казенки и ис конлаты выдавал

он Офонька торговым людям Матюшке Ворыпаеву, Лучке Гундыреву, Якуньке Кокорину да целовальнику Ивашку Омелянову. И они Афонька с товарищи те твои государевы дела снесли на двор к нему Петру, а на дому справливал и писал он Петр с торговым человеком с Ывашком Осколковым, и можно ему Петру тою твою государевою собою и всякою казною корыстоватца, и книги и всякие твои государевы дела переделывать, как ему Петру годно. А в ыных твоих государевых городех нигде тово не повелось, что твоя государева печать воеводам у оубя в домах и твоих государевых дел держать и твою государеву всякую казну сверх твоей государевы печати своими многими печатными печатать. А в старом, государь, в Якутском остроге, до походу тяжелой службы, ходил в твою государеву казну советник ево Петров письменной голова Василей Поярков, а нас холопей и сирот твоих мучил и изгонял неправдою составными своими умыслами. А уподобляся он Петр правдою своею твари божии солнцу, говорит он так: правда де моя в Сибири, что солнце на небесах сияет. А только, государь и правды в нем, ково напрасно чем погубить составными своими затей и от твоего царского жалованья отставить неправдою и как б чем у кого безвинно крови пролито. И хотя, государь, товарищев своих, неправдою своею в гордости и в несоветстве своем, голов их доступити, и хотя вину свою покрыли и неповинною нашею кровию, и составя такую неправду на товарищев своих и на нас холопей и сирот твоих // и тою своею неправдою хотя сам он Петр оправдигца, нас холопей и сирот твоих напрасно погубить, и ту свою неправду он Петр своротил с себя на нас холопей и сирот твоих. А мы холопы и сироты твои измены за собою и воровства никакова не ведаем, отцы, государь, наши вам государем блаженные памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси и блаженные памяти государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси, да и мы холопы твои служим тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси лет по 30-ти и по 40-ку и больше, а ни в какой, государь, измене не бывали. Как, государь, и Сибирь настала, в нашей братии и в безгосударное время шалости и смуты не бывало, а промежу, государь, их з гордости в сибирских городех вражды частые бывають, а мы холопы и сироты твой промежу ими з гордости их погибаем, без голов и без животов ставаем и з большим // с вековым с увечьем. А он Петр, заехав в твою государеву заочную дальнюю вотчину, бродит // выше разуму своего, твоему царскому величеству позор учинил, без твоего государева указу товарищев своих и твоих государевых богомольцев в темницу васади и всякою тесною тешил, а нас холопей и сирот твоих и женишка талии опаял и изувечил, и многих на пытках до смерти замучил, а иных в темницах голодную смертью заморил безвинно и мучил и позорил, а детишек наших и младенцев, как мы холопы твои в тюрьмах и за приставы седили, рняся на нас холопей твоих, заморил голодною смертью, а иных в воду притопил для того, государь, никто их к себе иметь не смел, боясь ево Петра знута и оню и темницы и тешилися нами холопами и сиротами твоими. А посылаемся мы холопы твои для твоей государевы службы, а не для увечья и позорства, а он Петр нас холопей и сирот твоих и жен наших мучил и изгонял и позорил бездельем и изувечил на смерть и с увечьем доспел с вековым безвинно, // а тебя государя не боялся в такой своей неправде и делал не по твоему государеву указу, а говорил он Петр так: что де ужгу да убью и изувечю, то де мое и есть, хотя де на старость помянете. Да он же Петр на пытке говорил подьячему Юрию Юрьеву: повинися де, и я де тебя пожалую опять к делу. Самую, государь, опришнину заводил бесстрашно, а мы холопы твои подобострастны // самовластною дуростию в такой ево неправде никакова дурна не заводили, видя такую ево неправду ждали твоей царской милости и обороны к себе, видя над собою такую погибель, брат брата отпиралися и друг // другу не помогли, в темницах голодную смертью помирали, а помощи не могли. И которых замучил он Петр, и голодную смертью заморил, и мы холопы и сироты твои к мертвому прикоснутца отпевать и погребать не смели, боясь ево Петра смертных пыток и знута и оню и темницы для того, что он Петр, притемався пустошю, знутым бил и на пытках пытал и за приставом и в тюрьмах годы по 2 и по 3 держал, а никто не противлялся и никакова дурна не заводили, хотя он Петр и неправдою нас холопей и сирот твоих и жен наших позорил и мучил и

изувечил на смерть, а мы холопи твои по твоему государеву указу ему Петру страшны и покорны и послушны были, а он Петр неправдою своею весь мир погубил, ни бога не устрашил, ни греха себе в том не ставит, ни тебя государя боялся в таком в великом в напрасном в составошном кровопролитии. А говорил он Петр так: хотя де надо мною грех възыщета и царев де гнев придет, и много де мне будет, что очей государевых не увижу год другой, также де мне велят быть на котором городе воеводою, а большы де того мне ничто не будст. И как, государь, мы холопи твои ис Тобольска с ним Петром пошли, к мертвым причлися, свету не видали, морил голодом и мучил безвинно, веря ушником своим без сыску. А токой, государь, нсмерной и неокладной изгони и насильства во всех сибирских и в русских городех ни от которых воевод чтиде не бывало, со многими твоими государевыми воеводами твои государевы службы служивали, и Томской и Сургутской городы и Нарямской и Кетцкой и Енисейской и Красноярской остроги с начала ставили, а ни от которых, государь, воевод такой тесноты и насильства и кровопролития и увеча не видали, что от нево Петра; и всякие твои государевы службы служили с великим радением, и острог со всею сторожною крепостию поделали, и храм воздвигнули, и съезжую избу и онбары и тюрьмы ставили, и по твоим государевым службам дальным ходили и твой государев ясак собирали и раны принимали и душ своих сквернили. А как, государь, в Якутском остроге якутские люди тебе государю изменяли, и мы холопи твои с невеликими людьми тех твоих государевых изменников под твою царскую высокую руку приводили и отдавали ему Петру в береме, а он Петр на нас //холопей твоих звел измену, и многие мы холопи твои о приводе тех иноземцов испереранены, а иные и голов своих испоклали за тебя государя и кровь свою проливали. И за нашу, государь, службу нас холопей и сирот твоих с гордости ожесточил, и кровь нашу напрасно безвинно пролил, и голодом без твоего государева жалованья морил и безвременной смерти предавал, и животншкми разорил и пограбил, и долгу большого доставил, даючи твоего государева хлебново жалованья неполные оклады попудно и по полупуда и по четверте пуда, и то гнилой грудной муки; а иным нашей братье и не давал ни по одной четверте, а детям боярским казанцом Григорью Демьянову, Ивану Пильникову и Воину Богданову твоео государева жалованья денежною и хлебново и соляново не давал он Петр, а нашей братье служилым людям не давал на прошлые годы на 2 и на 3. А которые, государь, в тюрьмах и за приставы седили по ево Петровым напрасным затеям, и тем не давал твоего государева хлебново и денежново жалованья годы по 2 и по 3 и по 4 и по 5-ти. А которые, государь, в прямых твоих государевых в великих делах ушники ево Петровы Богдашко Астрохан, Андрюшка Почекунин, Ивашко Тельной, Давыдко Матвеев, и тем он Петр давал по вся годы полные оклады. Да они ж у твоих государевых дел на вере в съезжей избе и в таможене в досмотре над головами и над целовальники, да они ж и в толмачах. А от них, государь, и вся смута в земле стала, а якутским людям изгоня и насильство. А те, государь, ушники ево Ондрышка и Давытко нажили воровством своим, а мы холопи твои издадолжали великими долги и обнищали и разорены до основания и скитаемся меж дворя христовым именем и помираем голодною смертию. А те, государь, недодаточные и полные наши оклады, выбирая лутчей запас и погромного скота, что мы холопи твои за кровью имали своими головами у твоих государевых изменников, роскорил якутским людям, которые на православных христиан по их научению врали, а держит их в тюрьме по четвертому году, а кормит их твоим государевым кормом. А которые, государь, наша братья приезжали с твоео государевою соболною казною в Якутской острог с новых землиц с Ындигирской реки и с Янги и с Оленки и с ыных новых землиц, и он Петр у них твою государеву соболную казну принимал, а самих их с приезде ожесточал и за их службу и радение тебе государю без вины напрасно, приехав того ж часу, служивых людей Ивашка Родионова, Лаврушку Григорьева, промышленово человека //Голятку Мартемьянова пытал, кнутом бил и огнем жег и стряски давал, а называл их старыми ворами, а соболишка их в твою государеву казну взял, а самех их голодом морит без твоего государева хлебново жалованья и денежного года по 2 и по 3 и по 4. И по тому ж, государь, скитаемся меж дворя нати и босы, холодни и голодни, и одолжали великими долги. Изгоняючи нас

холопей твоих и моря голодною смертию, и из острогу для звериного промыслу на лес и для рыбной ловли на реки и на озера не выпускал, что в осадное время, и мы холопи и сироты твои оцынкали и обезножили, и молочишку и харч у иноземцов купить не велел. А ушники ево Петровы Андрюшка Почекуня, Давытко Матвеев, Богданшко Астрахан, Ивашко Тельной, Ивашко Табаков безпрестали с иноземцы торговали и коров покупали, а мы холопи твои и молочишку про себя купить не смели, а хто купил и ушники ево ему Петру сказывали, а он Петр за то их бил кнутом и батоги на смерть и изувечил. И от тех ушников ево Андрюшки с товарищи многие обиды и насильства терпели и кровь нашу проливали напрасно, и вода, государь, от них нам доставалась в большую цену в куплю, а на лес по дрова и по сено выпускал за приставом, а из лесу с дровами и с сеном приезжали, и тех он разболокал до нога за городом, на морозе знобил осматривал, по вся дни мучил, как хто не приедет; а жен наших и детей по воду водили за приставом, и ходя на сторону смотреть приставы не велели; и на тюрьмы, в которых в тюрьмах воевода Матвей Глебов с товарищи и в которых мы холопи и сироты твои сидели, и на те тюрьмы всяких чинов людям и малым робятам смотреть не велели, а хто зглянет, или на сторону своротили, или под окном у ково с кем говорили, или сам друг вместе по улицам ходили, или межу собою втай говорили, к за то он Петр кнутом и батоги бивал на смерть. А по твоим государевым службам нас холопей твоих отпущал за поруками и не во время поздно о заморозе, и замороз имал не у места и суды твои государевы замерзали не у места. И тех, государь, судов вешнюю большею водою льдом разбивало, и за те суды он Петр на нас холопей твоих правил рублев по 10-ти и больше, а те суды делаем мы холопи твои. А на ком, государь, править нечего, и им в жалованье заверстывал. И в том мы // холопи твои изадождали. А кои, государь, ис торговых людей выбираны были к твоему государеву делу в целовальники в съезжую избу, и по ясным зимовьям и в таможи, и ко всяким твоим государевым сбором к десятинным и к ясным приемом, а как он Петр приехал в Якутской острог, и которые были при нем в целовальниках торговых людей человек с 40, и тех он всех приметався безделием многих пытал и кнутом и батоги бил на смерть, и в тюрьмах и за приставы и в железех и в колодах держал и мучил годы по 3 и по 4 без сыску собою затеяв, а животы их и соболи имал в твою государеву казну без дела и без вины, а сами, государь, в тюрьмах и за приставы помирали голодною смертию, а соболи их в твоей государеве казне чернь отщева. И те, государь, торговые люди обнищали и обдожали великими долги, и торжишку и промыслишку своею отбыли. А которые, государь, приезжали торговые люди с русских и из сибирских городов и из соболиных промыслов в Якутской острог для торжишку своею, и тем он соболей продавать и торговать не давал, а самих их многих без вины держал в тюрьмах и за приставы годы по 3 и по 4, а соболи их и русские товары печатал в онбаре, а хлебные запасы, а у иных и русские товары, имал в твою государеву казну, и многих из них пытал и увечил и кнутом и батоги бил. И торговые люди от ево Петрова насильства и налоги обнищали и обдожали великими долгами и тор//жишку и промыслишку своею отбыли, а в твоей государеве казне учинил убыль великую. Да в прошлом, государь, во 152-м году взял к твоему государеву делу в приказ для письма служивых людей Парфенка Григорьева, Ваську Вилюя, и те служилые люди были в приказе у твоего государева дела в подьячих по 153-й год февраля по 18 число. И тех служивых людей Парфенка и Ваську он Петр, в кою пору они были у твоего государева дела, бил своими руками в голову и по роже и батоги бил на смерть и изувечил их на век, и приметався к ним не делом, рпясь на нево Парфенка и Ваську, бил батоги на смерть и от твоего государева дела отставил и дал их за пристава и велел сковать в железа, и оковав велел их к ночи вязать и мучил их всячески, и по ево Петрову велью вязали ж их ремнем сухим. Да он же Петр Головин в прошлом же во 150-м году сентября в 4 день отставил подьячево московского Семена Обрамова. а в его место посадил в подьячие служивых дву человек Пантелеика Мокрошубова да Вторка Катаева в неволю. И будучи твоего государева дела в съезжей избе в подьячих, по вся времена ругался, бил своею рукою по многим временам в голову и по роже и бороды драл и батоги бил многияжды и изувечил на смерть. Да он же Петр,

приметався не делом, во 151-м году марта в 6 день отставил Вторка Катаева, и пытал всякими розными пытками и огнем жег и за пристава дал, а после посадил в тюрьму. А Панка Мокрошубова на новом острожном месте того ж 151-го году августа в 5 день посадил в тюрьму без дела, не сыскав вины, а в тюрьме велел положить на ноги колоду весом 43 фунта, а все, государь, намучивал на товарищев своих на Матвея Глебова да на дятка Еуфима Филатова. // А с прошлого, государь, со 151-го году с ним Петром был у сыску у пыточных и допросных у всяких дел по 153-й год гостинной сотни торговый человек Ивашко Еремиев Босых устюженнин, а тот Ивашко у нево Петра был на большой чре, а во 151-м году служивого человека Семейки Шелковника с товарищми к пыточному делу он Ивашко Еремиев да торговый же человек Мишка Записин с товарищми руки прикладывали и к иным к пыточным делам он Ивашко и Мишка руки свои прикладывали. А тем Семейкиным пыточным делом он Петр поклепал переделкою съезжие избы целовальника торгового человека Матюшку Анофриева да подъячево Мишку Синицына. И поклепав он Петр призвал в приказ тово Ивашка Еремиева да Мишку Записина с товарищми и сверх тех пыточных речей, чем их поклепал, записку учинил. И к той ево составочной и поклепной записке он Ивашко да Мишка с товарищми и в другоряд руки свои приложили. А тово целовальника Матюшку и подъячево Мишку, поклепав и составя то дело заводом и руки приклада теми торговыми людьми Ивашком Еремиевым с товарищми, за пристава дал и велел их сковать в железа и мучил их всячески, а от твоего государева дела отставил. Да в прошлом же, государь, во 152-м году умысла он Петр велел писать тебе государю челобитную о твоей государеве соболиной казне, о высылке, погачовнику своему гостинной сотни торговому человеку Ивашку Еремиеву, Мишке Записину. И тот Ивашко и Мишка по ево Петрову велению с торговыми людьми, с его Петровыми советники, писав тебе государю челобитную о той твоей государеве соболиной казне, подали ему Петру за своими руками, // чтоб та твоя государева соболиная казна послать к [тебе] государю, не делав и не цена за поздном их [торговых] и промышленных людей приплаву с Ленского волоку...¹ государь, торговые и промышленные люди приплыви с Ленского волоку в штору, а не испоздав, можно б та твоя государева соболиная казна тово 152-го года, делав и оцени, к тебе государю послати, и та б твоя государева соболиная казна тово 152-го году поспела под Ленской волок. А к той челобитной не хотел руки приложить гостинной сотни Михайла Ярофиева приказчик торговый человек Ивашка Иванов Кузнецов, и он Петр, рнясь на нево Ивашка и приметався к нему, разорил ево до основания, и живота у нево взял на тебя государя больше 1000 руб., и держал ево за приставом многое время и бил ево богаты на смерть. // Да в нынешнем же, государь, во 153-ем году июня в 20 день прислана твоя государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамота к нам холопом твоим, а по той твоей государеве грамоте велено нам холопом твоим в Якутском остроге с енисейским сыном боярским ис тюрем свободить стольника и воеводу Матвея Глебова и дятка Еуфима Филатова и письменного голову Еналия Бахтеярова и попов и подьячих и нас холопей и сирот твоих, и того, государь, числа енисейской сын боярокской Иван Галкин приплыл в Якутской острог на первом часу дни. А с присаду, государь, сын боярокской Иван Галкин с твоими государевыми грамотами ходил к нему Петру на двор, а нам холопом твоим про твое царское многолетнее здоровье не поздоровал и про ту твою государеву грамоту не сказал и был у нево Петра на дворе часов с 5. // И того же, государь, числа вымыслил он Петр и не хотя твоего государева указу слушать, а товарищев своих и нас холопей и сирот твоих ис тюрем и из за приставов не выпустить, а про твою государеву грамоту не объявля, воеводы Матвея Глебова и дятка Еуфима Филатова людей ис тюрьмы в съезжую избу ставил и при Иване Галкине их роспрашивал. И воеводы Матвея Глебова и дятка Еуфима Филатова люди, не ведаючи той твоей государевы грамоты и бояся ево Петра, по первому ж говорили, а он Иван по совету с ним Петром к тому составному роспросу руку приложил. И того ж, государь, числа на втором часу ночи объявил твою государеву грамоту нам холопом твоим, а объявля твою государеву

¹ Конец строки оборван.

грамоту мы холопи твои с ним Бываном воеводу-Матвея Глебова и дияка [Е]уфима Филатова и писмянова голову Еналея Бахтсарова ис тюрьм выпустили. А которые, государь, наша братья в тюрьмах и за приставы ссели, и на завтрне в 3-ем часу дня выпустил, и то не всех, по его Петрову велестью. А которых ему не велел выпустить, и тех он Иван ис тюрьм и из за приставов не выпустил, дружа ему Петру, чтоб ему Ивану он Петр по кабалам на должниках ево правил и брата ево [О]сипа статков сыскал. И после выпуску был он Иван в Якутском остроге 10 недель. А из Якутцкова, государь, острогу тот Иван по слову с ним с Петром втайне ночью уехал, а нас холопей и сирот твоих достальных в тюрьме и за приставом оставил, и тех он Петр учал в темнице и за приставом морить голодною смертию. И мы холопи твои по твоей государеве грамоте на свои поруки их ис тюрьмы и из за приставов свободили. И как, государь, по твоей государеве грамоте воеводу Матвея Глебова с товарищи ис тюрьмы свободили и на завтрне воевода Петр Головин велел нам холопом твоим дияка Еуфима Филатова опять в тюрьму посадить, и мы холопи твои по твоей государеве грамоте отказали ему. А ушник ево Петров и советник торговой человек Матишка Ворыпаев воеводу Матвея Глебова в съезжую избу не пустил, а нас холопей и сирот твоих учал опять сажать в тюрьму, и посадил в тюрьму 3 человека, а ту твою государеву грамоту называл он Петр воровскою: та де грамота написана воровски. Да он же Петр до той твоей // государевы грамоты, усуетовав с советники и ушники своими с Ондрюшкою Почекуниным, з Богдашком Астроханцом, с Бывашком Тельным, з Давыдком Матвеевым, с Митькою Вяткою да с торговыми людьми с Матишкою Ворыпаевым, с Бывашком Осколковым, с Якунькою Кокориным, с Демкою Кораблевым, с Офюнькою з Записиным, без твоего государева указа и без вины нас холопей и сирот твоих воровски хотел перевешать тайным обычаем, а релей велел изготовить плотником Левке Федорову да Ондрюшке Амосову ево Петровым словом, ево ж Петрова совету ушник ево Митька Вятка и Ондрюшка и Левка столбы изготовили и он Петр не успел перевешать, и по смотрению божию, судом праведным божиним, дни нам не исполнилися, поспела твоя государева грамота. А как, государь, та твоя государева грамота пришла, и тех столбов он Петр на двор к себе сволочил велел и изрубил на дрова и жжег. И того ж, государь, 154-го году октября в 5 день у съезжие избы на площади похвалялся он Петр и говорил вслух во весь мир сыну боярскому Парфену Ходыреву: не за великим де помешали государевы грамоты, не успел де вас перевешать, подлинно де вас перевешать было. А которые, государь, по твоему государеву указу посланы с ним с Петром с товарищи из сибирских и из многих городов на твою государеву службу на великую реку Лену, и которые, государь, приходили в прежних годах остальцы енисейские и красоярские служилые люди с новых землиц с твоею государевою соборною казною в Якутской острог, и мы холопи твои, будучи с ним с Петром на твоей государеве службе на великой реке Лене, от ево пустава заводу и примету и в бездельных затях многие иззапытаны и в темницах и за приставы голодною смертию иззамерены, а иные навек изувечены, а иные на твоих государевых службах от ево высокоумной гордости и непослушания, и за мотчанием отпуску на твои государевы службы, выбиты от иноземцов, и з голоду и с морозу примерю большеи 200 человек, а достальные, государь, изувечены з большым с вековым увечьем, и разорены до основания и одолажи великими долги. А в те, государь, в замученых и в замореных и в побитых места прибрал он Петр вновь в службу из гулящих и из ярыжек и изо всяких людей и, не служа твоих // государевых служб, послал их к тебе государю к Москве за твоею государевою соборною казною, отставляючи нас холопей твоих от твоего царского жалованья и милости, чтоб наша служба перед тобою государем забвенна была, а свои б ему Петру заводы и напрасное кровопролитие утаить. А в приезде ево Петрова в Якутской острог на иноземцов торговые и промышленные люди, приходя с промыслов своих, тебе государю бивали челом, а ему Петру подавали челобитные, что иноземцы тунгусы их на соборных промыслах побивают и грабят самовольством. И он Петр на тех иноземцов для острастки смирит их нас холопей своих не посылал, а дал им поволку. И в тех годах при нем Петре побили русских людей на соборных промыслах на Лене и в сторонних реках большеи 200 человек. А только б, государь,

давал острастки сперва он Петр тем иноземцам, и того б, государь, убойства не было. А по твоей государеве жаловальной грамоте мы холопи твои воеводу Матвея Глебова с товарищи и всяких людей из тюрем свободжали, и которые ему Петру в правде с вежеством в напрасном ево кровопролитие говорили, и тех он Петр ворами и изменниками называл. А нашей, государь, службы перед тобою государем несчетно, только к ево Петрову составу вкратце воспомянем, а имянно, государь, о своих службах поднесем тебе государю обще повальную челобитную. И будучи мы холопи твои у твоих государевых ясашных зборов и в новых землянках и во всех ясашных зимовьях аманатов имали, которых он Петр ворами и изменниками называл, на Вилое и на Лене и в сторонних реках на Янге и на Собацьи и на Ковыме реке при нем Петре из за тех аманатов тебе государю прибыли чинили большие и тех аманатов приводили в Якутской острог. А он Петр нас холопей твоих называл ворами и изменниками, а мы, государь, воровства и измены за собою не ведаем. И тех аманатов он Петр в темницах многих заморил голодною смертию. И для, государь, тех аманатов тунгусы нас холопей твоих в ясажных зборах, а торговых и промышленных людей на соболиных промыслах, побивают и от того, государь, убойства большие становились. Да в прошлом же, государь, во 153-м году изведал нам холопом и сиротам твоим // во весь мир Якутского острогу напелешной мастер Федька Баранников, в съезжей де избе и на пытке мучил он Петр ясашново якута именем Якоулка, а намучивал де на русских людей, а тот Якоулк в старом в Якутском остроге жил у нево Петра на дворе в большой вере, и в юрте у скота у ево Петрова, а по русски говорить умел. А говорил де тот Якоулк в съезжей избе и на пытке: мучишь де меня безвинно, а намучиваешь де на русских людей, а я де от русских людей никакова де дурна не слыхал, только де у сына твоего у Ивана слышал, как жил у тебя в старом остроге, от батюшковы де высокоумной гордости земля смутилася и убойство сталося, а ныне де он русских людей и якутов мучит безвинно, стыд свой покрываючи. Да и служащая де женка Семенова жена то же ему Якоулку говорила. И тех де ево Якоулковых речей толмачи, ушники ево Петровы, Фетька Михалевской, Бодашко Астрохан, Андрюшка Почекунин, Давыдко Матвеев хотели затанить, и он Петр чайл, на русских людей тот Якоулк говорит, и учал ево доспрашиватца и приседать толмачем Ивашком Тельным. И Ивашко де Тельной сказал ему Петру вслух, что де на сына ево и на служащую говорит. И того Якоулка он Петр посадил в тюрьму и заморил ево голодною смертию. Да он же Фетька Боранников сказывал нам: призывал де меня он Петр к себе на двор и говорил де мне Фетьке, не говорят де с пытки русские люди на Матвея Глебова и на дияка; ты де человек волокитный, мощно ли де тебе омрачить вражним русских людей, чтоб де они не доходя до застенку товарищев ево и себя поклепали, а давал де мне Фетьке от того 10 руб. своих денег, да сверх де того устрою тебя в большее государево жалованье. И будучи он Петр в Якутском остроге давал нам холопом и сиротам твоим наказные памяти к твоим государевым к ясашным и десятинным збором. А как присезжали назад с тех служб, и те наказные памяти он Петр поимал к себе, нам не ведомо для чего. Да он же Петр нас холопей и сирот твоих в твою государеву съезжую избу не пушал о своих нуждах тебе государю бить челом, и из съезжей избы нас выбивал, и скамьями и ослепьем бил, и челобитья не принимал и бить челом тебе государю не велел. А которые, государь, наша братья // по твоей государеве грамоте освобождены из за приставов, а сидели, государь, они за приставом по году и по другому по ево Петровым затеям в тех же сплетнях, что и мы холопи и сироты твои, и тех он Петр опять придобрал за их сишничество на свою братью, учал он им давать твое государево хлебное и денежное жалованье, а нас, государь, холопей твоих в съезжую избу не пушает, суда и управы не дает. А как, государь, он Петр приехал на Ленской волок и в Якутской острог, суды судил не по твоему государеву указу, кабалы и отписи и зюстные вниил, а ушникам своим и без кабалных поклепех суд давал. А торговых, государь, людей целовальников потаковников своих, отслужив они твои государевы службы, и без щету к Русе и на соболиных промыслах отпущал. А которые, государь, целовальники торговые люди тебе государю правдою служили, а свою братью и никаких людей бездельем не оглашали, и тех он Петр в Якутском годы по 3 и по 4 держал напрасно и разорил до

основания. И те, государь, торговые люди от его насильства изадолжали великими долги и торгов и промыслов своих отбыли. Тою, государь, неправдою своею он Петр весь мир всяких людей погубил и з домами разлучил и долгу большево доставил и твою государеву Украину запустошил. Да в прошлом же, государь, во 151-м году, посадя нас холопей твоих в тюрьму и за пристав, прибрал он Петр вновь в службу ис промышленных и из гулящих людей 96 человек, которым, государь, твоя государева служба и ратное дело не за обычай, да к тем же новоприборным 16 человек старых служилых. И тех, государь, новоприборных он Петр послал с советником своим с Васильем Поярковым в Пе/гую орду. И будучи он Василей на той твоей государеве службе, как он Петр в Якутском остроге з гордости ко всяким людям без вины приметывался и зажег и мучил и животы разорял, а он Василей, // будучи на твоей государеве службе, по тому же служилых людей бил и мучил напрасно, и пограбя у них хлебные запасы из острогу вон выбил, а велел им итить вестъ убитых иноземцов. И те, государь, служилые люди, не хотя напрасноу смертию умереть, съели многих иноземцов, да оне же съели мертвых служилых людей, которые с голоду примерли, приели 10 человек. И как, государь, снес з лугов сие и трава, государь, оттаяла и те, государь, достальные служивые люди учали коренье травное копать и тем кормитца. И он Василей, уведав, государь, что служивые люди кормятца травным кореньем, и велел он Василей человеку своему Дениску луги выжечь, чтоб, государь, и те достальные служивые люди голодноу смертию поморить для своего запаса, чтобы дорожить свой запас. И с той земли з достальными людьми пошел на море. И плувучи, государь, по Зие реке того Василья з достальными служилыми людьми иноземцы к берегу не припушали к называли их Василья погаными людоеды. А тамо, государь, орды многие большие и земли пространнее Сибири. И та, государь, слава прошла по всем ордам и землям, что русские люди мертвых людей едят, и тем он Василей твоему царскому величеству позор учинил. И в нынешнем, государь, во 154-м году в Якутском остроге ясашные якуты с твоим государевым ясаком приезжали, а платят они твой государев. ясак ис сполна, а он Петр выбирает преж твоего государева ясаку себе поминку, а емлет собою самые добрые. А того твоего государева недоброго ясака он Петр пишет на тех якутах не в выборе, а на нас холопей и сирот твоих зводит, будто мы холопи и сироты твои якутом не велим ясаку довозить, хотя нас напрасно вконец погубить. И в прошлом, государь, во 153-м году июня в 21 день, после твоей государыи жаловальной грамоты, кричали ис тюрьмы воеводы Матвея Глебова люди и дячка Еуфимья Филатова человек и после, государь, того по многим временам они же ис тюрьмы в мир извещали они за собою твои государевы дела, а пропались они в съезжую избу перед стольников и воевод перед Петра Головина с товарищи, чтоб их Матвея человека Матюшку и дячья человека Ивашка с товарищи взять в съезжую избу и расспрошать им воеводам Петру Головину с товарищи про те твои государевы дела. И воеводы Петр Головин с товарищи того Матюшку Овдеева и дячья // человека Ивашка Макарова на роспросе в съезжую избу ис тюрьмы не ставили, а говорил он Петр так; хотя де они и пропадут, и то де не дорогое дело. А стольник и воевода Матвей Глебов и дяк Еуфимей Филатов говорили, нам де людей своих расспрашивать не уметь, потому что оне говорили на нас. И в нынешнем, государь, во 154-м году ноября в 21 день они же, государь, Матвеевы люди и дячья человек во весь день без престани кричали, а пропались же в съезжую избу, а сказывали за собою по тому ж твоих государевых дел. И стольник и воевода Петр Головин в том отказал, хотя де они и пропадут, и оне де не дороги. И того же, государь, числа дети боярские Иван Прыков, Василей Власьев, таможенной голова Петр Усачов и пятидесятники и десятичники и торговые люди русских разных городов Матвеевых людей Матюшку Овдеева с товарищи и дячья человека Ивашка // Макарова с товарищами целовальники с торговыми ж людьми с Васью Курочкиным, с Лучкою Корзинковым, с Петрушкою Васильевым выводили их ис тюрьмы к Троице Живоначальной в трапезу. И пришед, государь, в трапезу он Матюшка с товарищи, Ивашко Макаров во всем мире били челом тебе государю [царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси¹] словесно

¹ В рукописи стоит буква п в кружке, т. е. сокращение слова «полное», обозначающая.

таможенному голове и детям боярским и торговым и служилым и всяким людям извещали, а в бызете своем они сказали на нево Петра великие твои государевы заводные дела, что де он Петр заводил на бояр их и на служилых людей и на ясачных зборщиков и на выборных ясашных целовальниках и на торговых людей, велел де им зводить и говорить он Петр великие государевы дела, будто де бояре их и служилые и торговые люди твоею государевою всякою казною корыстовались, и соболзи государевы переменяли; и они де Матвеевы люди и диячей человек, блудея ево Петра, на бояр своих и на служилых людей, на ясачных зборщиков и на целовальников, не мога ево Петровых пыток и мук терпеть, нагаварили. А мы де на бояр своих и на служилых людей и на ясашных зборщиков и на целовальников и на торговых людей никаких государевых дел не ведаем, и заводил де и Матвеевых людей и диячей человека научал нагаваривать он Петр боярских и служилых и целовальников и торговых людей своим де умышлением воровски, ставаясь своими ушники и потаковщики с письмянным головою с Василем Поярковым да с сыном боярским с Олешкою Бедаревым да служилыми людьми с Бывалком Тельным, з Давыдком Матвеевым, с Ондришкою Почекуниным, с Богдашком Астороханцом да с торговыми людьми с Левкою Толстоуховым, Стенькою Гогуниным. А сперва де, государь, завел он Петр те твои государевы заводные дела Ивашком остяком, а Ивашку де, государь, остяку сказывал он Петр твое государево великое жалованье, и княжеством // де тебя государь пожалует, а для того де ему Ивашку он Петр сулил твое государево жалованье и княжество, чтоб он Ивашко заводил твои государевы дела, и после де того он Петр ево Ивашка потерял. А они де, государь, Матвеевы люди и диячей человек на бояр своих и на служилых людей и на целовальников и на торговых людей, бояся ево Петра, нагаваривали по ево Петрову наученью, а сами де никаких твоих государевых дел ни на ково не ведают. // Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй нас богомольцев и холопей и сирот своих, вели, государь, ево Петра с нами богомольцы и холопы и сироты твоими с очей на очи поставити, ково в каком деле пытал и в тюрьмах и за приставы держал и животов в твою государеву казну поймал, и делам нашим и людям у нево Петра за ево Петровую рукою роспись взяти, и вели, государь, стольника и воеводы Матвея Глебова и дияка Еуфима Филагова людей и якутов с нами, ково с кем доведетца, с очей на очи поставити, каким оне умышлением и чьим научением нас холопей и сирот твоих оговаривали ложно и кровь нашу проливали, и про то, государь, вели свой государев праведный възлык учинити, и по сыску свой царской указ учинити, чтоб нам богомольцем и холопом и сиротам твоим от таких заводных затеев вконец не погинути и твоей государевы службы, а нам сиротам твоим торжашков и промыслишков своих не отбыти. А которых, государь, на пытках без сыску замучил, и ково напрасно без вины пытал и увечил, и которых в тюрьмах голодною смертию заморил, и тому что ты, государь, укажешь.

На обороте сохранившейся части челобитной 53 рукоприкладства челобитчиков, причем большинство из них «прикладывает руку» не только за себя лично, но и за целую группу других лиц.

К. 194, столб. 49 на 81 состав; сст. 1—81. Начало, повидимому несколько составов, утрачено; составы 76—81 — черновой вариант.

18. 1646 г. после июля 3. — Отписка пятидесятника Курбата Иванова и Даниила Скробыкина якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами о постройке нового острога на устье реки Куленги, о необходимости увеличить гарнизон Верхоянского острожка, об устройстве в пашню ссыльных черкесов и о состоянии хлебных посевов по реке Тутуре.

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василию Никитичю, Кирилу Осиповичю да дияку Петру Григорьевичю пятидесятничешко Курбатко Иванов да Данилко Скробыкин челом бьют. В нынешнем во

что при переписке белого экземпляра челобитной, отправляемой в Москву, надлежит вписать полное имя государя в обычной форме.

154 году мая в 12 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по наказной памяти воевод Василия Никитича Пушкина. Кирила Осиповича Супонева да дьяка Петра Стенщина велено нам быть у государева царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси дела в Верхороднем в Братском острожке. И будучи нам у государева дела, всякие государевы дела делать по наказу, каков нам дан наказ за печатями воевод Василия Никитича Пушкина, Кирила Осиповича Супонева и за рукою дьяка Петра Григорьевича Стенщина. Да нам же велено по государеву указу и по вашей наказной памяти, как сходя в поход с Кузьмою Семеновичем да сыном боярским с Олексеем Бедаревым божиею милостию государским счастьем поиск учинитца над брацкими людьми, которые государю непослушны и государю ясаку с себя не платят, и пришел ис походу стать на новом месте с великим бережением, где быть новому Братскому острогу на речке Куленге, в стрелке, и велеть служилым и охочим повоприборным людям, сметя по острожному месту, каков мочно поставить, бревна ронить и ис тех бревен поставить новой острог, что на малую статью в длину в одну сторону был мерою 20 саж. печатных, а в 3 стороны по тому же, а на углах поставить избы по 4 саж. и с нагородными и с нижним и с верхним боем по всем по 4-м углам. а среде острогу поставить аманатская изба с острогом, и въезжую башню с вороты поставить, чтобы была // высока и караулиста, и однолишно б нам тем государевым делом и новым острогом порадесть и вновь поставить со всякими крепостями, чтоб в том острожке жить от приходу немирных братцких людей жить было безстрашно и надежно. И божиею милостию и государским счастьем в поход сходили и братцкие улусы погромили, скота и живота, коней и коров взяли. И как пришел ис походу перешли за Лену реку на острожную сторону, где было быть новому острогу, не дошед перестрела с два, и мы стали говорить Кузьме и Алексею, что у нас з Данилом в наказной памяти написано, велено по государеву указу и по наказной памяти воевод Василия Никитича Пушкина с товарищи, как милости бог подасть и государским счастьем поиск учинитца над непослушными братцкими людьми, которые государю ясаку не дают, ис походу пришел, стать на новом месте на усть Куленги реке, в стрелке, где быть ныне новому острогу, со всеми служилыми и с новоприборными охочими людьми всеми поставить острог и с проезжую башнею и по углам 4 избы и аманатскую избу с острогом среди острогу, все сказали противу наказной памяти. И Кузьма и Алексей стали говорить служилым и охочим промышленным людям, и служилые люди [говорили], мы де ево государевы холопы, что де по государеву указу делать ни заставят, делать де мы готовы, государев острог ставить. А охочие промышленные и гулящие люди закрывали в тоя поры с отказом, не великие люди, Васька Бугров, Мишка Шадра, Васька Бурлак. Стенька Вострой, Семейка Верхогур, Ивашко Ларионов Липа, Ивашко Черной. Оверка Никитин, Мишка Шабаков, Епифанко Шалин, Вторко Теленок почали крычать, отнюдь де нам острогу не ставить, то де завод Курбатков, // он де заводит и бьет челом, он де и ставь острог. И выступилса из них Федька Львов, Тренька Бердонов и иные промышленные, выслушаем де государева наказа и побьем челом об сроке и подумаем, за што де за то стоять, что де не ставить острогу. И мы им про острожное дело в наказе вычесть велели. И оне промышленные прошали на 3 дни сроку. И Кузьма почал говорить, у меня де в наказе не написано и словом де мне не приказано от воевод от Василия Никитича с товарищи ставить и вы де ставьте. и поехал в старой острог. И промышленные и гулящие почали говорить, посланы де мы на службу с Кузьмою Семеновичем не острог ставить, и поехали за ним все в острог. И Олексей, — что де нам делать и мы де поедем в острог. И как пришел в острог скот и живот, кони и коровы разделили и куяки почали иметь на государя, и те ж промышленные люди у креста Васька Бугров, Ивашко Липа, Епифанко Шалин с товарищи почали крычать, все де заводы Курбатковы, он де у нас куяки отимают и привез де наказную память ставить острог, ему де будет выслуга. И после того на другой день, собрав всех промышленных людей, и сказали про острожное дело. чтобы делать готовились острог. И оне все отказали, отнюдь де нам острогу не делать. Июля в 3 день велели собирать служилых людей всех и охочих промышленных гулящих людей, на конях поехали на новое место острожное на усть-Куленги. И приехав в острожное место розморя, а те промышленные люди стали себе

в кругу, и по них послали служилых людей и оне промышленные люди приехали все и сказали, чтоб оне к утру готовились на острожное место лес волочить, по 6 бревен острожных на человека, да на избы и на башню по 6 ж бревен, и в тех бревнах ставить острог и избы и проезжую башню. И Васька Бугров, Васька Бурлак, Мишка Шадра с товарищи почали крычать // с отказом невежливо, отшодь де нам острогу не ставить, и тово де мы не слушаем, что у нево Курбатка да у Данилка написано в наказе. И велели мы на тех завотчиков и бунтовщиков принести служилым людям батовов и хотели им дать поученье человеком 5-ти, 6-ти, от которых ставятца бунты, и велено взять Ваську Бурлака, Мишку Шадру, Ваську Бугрова, и он Васька Бурлак, Мишка Шадра даватца не почали. И Васька Бугров, за што де бить даватца, чево де терпеть. И за ними все промышленные люди кинулись и почали служилых людей стегать плетьюми и бить пичальными дулами и многих служилых людей перебили, на Олексея и на мня Курбата Метались и мы от них прочь отехали. И почали грозить, хотя де мы тобя Курбатка и убьем, за то де нас государь повесить не велит, а в службу де ты с нами отнюдь не ходи, посланы де мы с Кузьмою да с Олексеем, а тобя де мы отнюдь не слушаем, и бранят всякою неподобною бранью. Мочно было тем делом острожным порадеть и Кузьме Семеновичу, а за такое ослушанье и дурость тех бунтовщиков мочно было человека, другово сослать к вам в Якутцкой острог, или было тех завотчиков дать на поруки. И кому приказано больше, и тот не тянет, а нам с миром ничего не пособить, позабыли мы все, что вы нам велели жить в совете. А служилых людей послано с нами в Верхоненской острог 50 человек, и с Олексеем на низ поедет в Якутцкой острог человек 7, на усть Куты послать по семенной хлеб и по хлебные запасы служилых людей 20 человек, на Тутуру в страдную пору 10 человек, потому что больше тово послать некого, а в остроге останетца 13 человек. А промышленные охочие люди все хотят итти до одного человека на низ. И опять будет в остроге безлюдство; жить будет в остроге не кем, только от вас из Якутцково острогу служилых людей в прибавку не будет, ино будет от братских людей жить тесно. Нынечи и больше// люди в острошке, и братские люди приходили под острог человек со 100 и больше, и у скота, у коней и у коров на карауле стоят днем и ночью по 30-ти человек, и оне братские люди объявлятия не смели. Да прошлого 152-го году в Верхоненском в Братцком острошке государевых денег было умерших и побитых служилых людей, что побиты на Ламе Семейка Скороходов с товарищи, их окладов 49 руб. 22 алт. 4 д. И ис тех денег в расход вышло 2 руб., в нынешнем во 154-м году куплен котел на аманатов есть варить, а достальные те деньги были 47 руб. 22 алт. 4 д. у целовальника у Максима Григорьева, и он Максим те деньги из Верхоненсково Братцково острошку с собою свез, и яз тово не ведаю, отдал ли он Максим те государевы деньги в государеву казну на усть Куты или в Якутцком остроге. Аманатов в Верхоненском в Братцком острошке мужиков и робят и з бабою 8 душ, а кормить будет нечем, государева запасу всего со мною послано 30 пуд муки ржапой, и с усть Куты на аманатов той муки на корм по июня по 5 число вышло 7 пуд, а из войскового скота на аманатов не дали, а преж 'его ис походов скотин по 5-ти и по 6-ти имали, всего жеребенков с 5 дали и селетков и лонсцаков. 8 человек надобет, что ести, и яз многих выговаривал и Кузьма, нам де не указано имать. И впредь корму всего 23 пуда, помереть будет голодною смертию, а указу об них нет. И с такова скота мочно было взять скотин 10 и больше. Да мною ж Курбалком по государеву указу и по вашей наказной памяти посланы с усть Куты реки вверх по Лене реке в Верхоненской в Братцкой острожке ссыльных черкас по росписи 10 человек з женами и з детьми. Да на тех сыльных черкас для государственой их крестьянской пашни на 50 десятин яровых семян 60 четей овса. 40 четвертей ячмени, а овса // по 2 чети на десятину, ячменя по 2 ж чети на десятину да 10 лошадей, да на те 6 лошади 10 хомутов, 20 сошники с отрезы, 30 кос корбуш, 50 серпов, да тем же черкасом сентября с 1-го числа да до мая по 6 число 155-го году 484 пуда 30 гривенок ржи. А велено мне Курбатку тех черкас 10 человек з женами и з детьми, припод вверх Лены реки, прошед Верхоненсково Братцково острошку, что поставил пятидесятник Мартын Васильев по речке Куленге, где быть новому Братцкому острошку, на яланых местах устроить в пашню, и во всем

их от братских воинских людей оберегать и ведасть. А будет ныне изпоздают и на Куленге не успеют пахать заложной земли, и посадить их на усть Тутуры, что пахал прежь сего пашенной Оверка Елизарьев, сколько тут есть, а достальная пашня роздела и дать им по жеребьям. А как они станут пахать, и в те поры велеть у них быть с оружием служилым людям 20-ти человеком безпрестанно, и на караулах их оберегать от воинских людей с великим раденьем и опасеньем, чтоб от братских людей уберечь. Июня в 2 день и пришел на усть Тутуры с великою нужею, вода запала, суды замесели, а до Куленги итить изпоздать, а в том грузу и не дойти было, потому что приказали вы служилым людям их окладов оставить рожь на усть Куты, и служилые люди на усть Куты ржи не оставили и пошли в большом грузу, и бог милости своей подал, что вода была велика. И на усть Тутуры ссыльным черкасам всем велели выпрузитца и семенную рожь и кормовой хлеб велели сыпать в закрам, что осталось за роздачею гулящих людей. И Оверкиной пахоты вымерял 10 десятин на государя, сверх государевых десятин той мякотной земли осталось 5 десятин, и то им черкасом розделил по полудесятине человеку, да по полудесяти десятине велел им припахать заложной земли под зимовую рожь, а лошади для государевой пашни даны на усть Куты, // и дал им по сошникам, и оставили для береженья 5 человек служилых людей, Поспелка Иванова Нагибу с товарищи, и велели караулить безпрестанно день и ночь, беречь накрепко от воинских людей. И ему Поспелку дана наказная память и в памяти написано, велено ему Поспелку ссыльных черкас нарезать и велеть им спяхать на государя 10 десятин Оверкиной пахоты, [да] на себя, что осталось мяхой земли по полудесятине, да заложной земли спяхать по полудесяти десятине человеку. А мы пошли в Верхоленской в Братской острог, из острогу пошли в поход. И оне ссыльные черкасы государевых 10 десятин на мякотной земли спяхали, да по полудесятине на себя, что мякотной земли было, спяхали, а заложной земли не пахали ни колько, земля де уросла, орать не можно, лошади худы дорогою выбились, а иные лошади и в сохе не пошли. И которые лошади в сохе не пошли, меняли на сошные лошаденка, да и те не корысны, оклад их немал надобет, на чем и впредь пахать на государя и на себя. Да оне ж ссыльные черкасы избенка ставят, сена косят на усть Тутуры, рожь жьять и измолотить Оверкиной пахоты, и за тем хлебом будет залетовать и для сенишек и зимовать, и яровой хлеб сеять будет овес на мякотную землю, на залог овса не сеют, ячмень на низких местах и на залог сеют. А оне ссыльные черкасы бьют челом государю, чтоб их государь пожаловал, велел свою государеву пашню пахать на себя на усть Тутуры, покамест Верхоленской острог укрепитя служилыми людьми и от братских людей жить будет безбашно. Да мне ж по государеву указу и по вашей наказной памяти указано велеть тем ссыльным черкасам во 155-м году весною посеять на государя ярового хлеба по 2 десятины овса, по десятине ячмени человеку спяхать, да им же на себя посеять по десятине овса, по десятине ячмени человеку, итого будет по 5-ти десятин на человека, да во 155-м году ко 156-му году спяхать под рожь заложной земли озимовой по десятине на государя, на себя по 2 десятины, итого бу // дет под яровой хлеб и под озимовую рожь по 8-ми десятин на человека. А дано им по одной лошаде, а лошади в сохе не все пошли, у Ивашка Рудова лошади в сохе ни в бороне не пошла, у Игнашки лошад в сохе не пошла. И яз им те лошади велел променять, чтоб государева пашня не стала. И оне бьют челом государю, что де нам государева пашня не в силу, вконец де нам будет погинути и государева пашня отстать, чтоб де нас государь пожаловал, велел пахать против сибирской пахоты, против ржаных десятин и яровая десятина. А в сибирских городах государевы пашни пахут крестьяна, будет на ком положено 2 десятины ржи, 2 десятины и ярового хлеба сеют, на ком десятина — десятину, на ком полдесятины — полдесятина ярового. И вы об тех пашнях что впредь укажете. А Оверкинской ржи сею к нынешнему 154-му году на усть Тутуры на 13-ти десятинах, на 11-ти рожь добра и отцвела, только бог верхом свершит, а на 2-х десятинах не родилось. И как хлеб созреет, рожь вею жьять и измолотить. И на тот хлеб велел анбар поставить и в анбар хлеб сыпать на усть Тутуры, потому что осенью вода суха. А се безплотство, в Верхоленской острог не добыть, а без служилых людей на

Тутуре нельзя быть. А будет и выредь пашенные крестьяна на Ленгу будут, и на усть Тутуры на Березовом Яру вниз по Лене пловучи на правой руке мочно поставить в одном месте семей 50, место стройно, пашенному месту и сеными покосы и под скот поскотина и дворами поставиться слободой, место крепко и караулисто. А что я перво государевым делом радею, и везде ему праведному государю вечной прибыли ищущу, и за то меня служилые и промышленные гулящие люди в завидоссах не могут навидеть, складывают всякие небывшие дела и челобитные ложно завод[ят]. И мне впредь у таково дела великого государева быть невыжможно много и от служилых людей подбоя, от Офоньки Медвеччика, от Онтипки Сорокина, от Макарка Никитина, а иные вам вестимы.

На обороте: Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси по воеводам Василью Никитичю, Кирилу Осиповичю да дьяку Петру Григорьевичю.

154-го августа в 12 день подал отписку Енисейского острогу казак Олешка Фвдокимов Олень.

К. 191, столб. 15 на 103 оставая; сст. 96—103.

19. 1648 г. октября 12. — Наказная память якутского воеводы Дмитрия Францбекова Василию Нефедьеву и пятидесятнику Курбату Иванову о посылке их в Верхоленский острог на смену пятидесятнику Мартыну Васильеву, об укреплении «всякими крепостми» Верхоленского острога и о приведении в «ясачное хозяйство» непокорных «братских людей».

Лета 7157-го году октября в 12 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу и по приказу воеводы Дмитрея Андреевича Францбекова да дьяка Осипа Степанова Василью Ермолаевичу Нефедьеву да пятидесятнику Курбату Иванову. Итти им в Верхоленской Братцкой острожек для государева царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси дела, ясачного збору, и для приску вновь неясачных людей. И дорогою итти бережно и сторожливо, и на станех ставитца с караулом, чтоб пришел иноземцы братские люди над вами какова дурна не учинили. И как пришел в Верхоленской острожек, и приняти у пятидесятника Мартына Васильева Верхоленской острог и острожные ключи, и на остроге наряд, и в государеве казне деньги, и зелье, и свинец, и ядра пушечные всякие, и хлебные и всякие запасы, и государеву соболиную казну, и аманатов, и государевы товары иноземцом на подарки, все налицо. И велеть те хлебные запасы и зелье и свинец перевесить, а деньги счесть при себе. Да вам же Василью и Курбату взять у нево Мартына деньгам и хлебу прошлых годов приходные и расходные книги, и государеве ясачной и поминочной мяхкой рухляди //ясачные подлинные книги, что по их Васильев и Курбатов приход какие мяхкие рухляди и на которой год взять, и что на ком донять, и что с которово тунгуского и братцкого родов ясаку збираецца, и служилых людей по имянном, и имянную роспись з денежными и с хлебными и з соляными оклады, какова к нему из Якутского острогу за дьячьею приписью прислана. И прежнюю наказную память, какова ему Мартыну дана, и иные наказные памяти, и о всех делех указанные памяти, и всякие государевы дела и аманатов, хто имянны и которого роду князцов и лутчих людей ныне в аманатах в Верхоленском остроге, за ево Мартыново рукою роспись же взять. А как они Василей и Курбат острог, и острожные ключи и наряд, и всякие дела, и денежную соболиную казну, и хлебные и всякие запасы, и приходные и расходные и ясачные приправочные имянные книги, и служилых людей по имянном, и имянную з денежными и с хлебными и з соляными оклады роспись, и аманатов и им имянную роспись же, и государевы товары возьмете, и вам в том во всем против сего наказу с ним Мартыном росписатца. А как роспишутца, и того Мартына выслать в Ылимской острожек ныне осенью тотчас, а вам Василью и Курба//ту быть в Верхоленском острошке до перемены и укрепить велеть тот острожек накрепко всякими крепостми, чтоб в том острошке будучи для государева ясачного збору от приходу немирных неясачных братцких людей безстрашно и без боязни [быть] и в том острошке оставить ково пригож, и велеть в том острошке жить бережно и караул был бы беспрестанно днем и ночью крепкой. А самим вам Василью и Курбату

с служилыми и с промышленными людьми ходит из Верхотурского острогу в походе на братских неясашных людей, которые ко государьскому величеству непослушны, непокорны и говорит им, чтоб они были под государевою царевою и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси высокою рукою в вечном ясачном холопстве на веки неотступны, и ясак бы они братские люди с себя и с улусных своих людей давали. А для тех братских непослушников неясашных людей имати вожей, выбирая из тунгуских ясачных иноземцев знающих людей добрых, сколько человек пригоже, чтоб кто знал, где в братцкой земли провожати и ука- зывати руским ратным людем не на ясачные места, где кто живет по кочевьям. А будет оне иноземцы братские //люди под государевою царевою и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси высокою рукою будут послушно и покорны, и ясак с себя и с улусных своих людей по вся годы платить учнут, и им братским людем жить на прежних своих кочевьях без боязни, и велит государь их оберегать своим государевым ратным людем. И как они братские люди учнут государев ясак и поминки давати, и им давати государево жалованье подарки по невелику против прежнего, как наперед сево давано государева жалованья подарки, и что кому дадут, писать в книги имянно, и тех новых людей поить и кормить государевым жалованьем довольно, и расспросати у тех братских людей про лутчих людей, а про кого скажут, и тех братских людей по их вере привести к шерти на том, что им быть со всем своим родом и с улусными людьми под государевою царевою и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси высокою рукою на веки неотступно в прямом ясачном холопстве, и ясак государев с себя и со всех родов давати по их мочи по вся годы безпереводно. А которого роду тех новых братских людей и ково именем к шерти приведут, и тех лутчих братских людей имяна// у себя записывати ж. А приветчи их к шерти, и взять ис тех родов в аманаты лутчих людей по человеку, чтоб впредь с тех родов государев ясак и поминки было за кем имати по вся годы. А братским князем и их улусным всем братским людем заказывать накрепко, устрашывая государевою грозю и смертною казнью, чтоб оне торговых и промышленных людей грабить и побивать и ничем их теснить и избивать им не велеть. А будет те братские новые неясашные люди учинятца непослушны, государева ясаку и аманатов давати не учнут, и ему Василью да Курбату, прося у бога милости, над ними поиск чинить, промышлять и войною всеми служилыми и промышленными людьми, чтоб их немирных братских людей ратным обычаем войною смирить. А в аманаты б у них лутчих людей изымать, или жен их и детей взять, а как к женам своим братские люди придут, и из них взять в аманаты по тому ж лутчих людей, под ково б мочно впредь ясак на государя збирать, и взяв аманатов, жен их и детей всех выпустить, не опозоря. И смотря по тамошней мере, всякими мерами промышлять над иноземцы над братскими людьми неоплошно с великим радением, чтоб государеве ясашиной казне учинить немалая прибыль. которая б государю впредь прочна была и стоятельна, а себя б за ту службу видеть //в государеве жалованье. А будет где иноземцы своим насильством над промышленными людьми учинят грабеж и убийство, и вам Василью да Курбату с служилыми людьми от тех братских людей промышленных людей оберегать, и за теми ворами с служилыми и с промышленными собрався по вестям ходить, прося у бога милости, над ними войною промышлять так ж, как выше сево в сем наказе написано. И вам бы воров от воровства унимать, чтоб впредь государевым торговым и промышленным людем торговать и промышлять безстрашно, чтоб в их воровстве государеве десятинной собольной казне порухи и недобору не было. А однолишно вам //государевым делом радеть, под государеву царскую высокую руку братских людей непослушных, которые государю ясаку не платят, приводить. смирять их, прося у бога милости, ратным обычаем войною безвесным тайным приходом, и на государя с них ясак имати на нынешней на 157-й год соболи и шубы соболи и ожерелья и пластины соболи и напольники соболи и лисицы черные и чернобурые и бурые и черночеревые и красные и шубы горностальи и бобры и выдры. А у которых братских неясашных людей будет степные места, а не лесные, а в тех степных местах соболей и лисиц и бобров и выдр нет, и с тех людей имати иными какими зверьми или узорочными товары, что у них в их

земле есть, золото и серебро или камки или камень дорогое, а будет золота и серебра и иных никаких зверей нет, и на них имати скотом по их изможенью, а за тем бы они не раздумовали, что для своей ясачной звериной скудости им не быть под государевою высокою рукою, и им бы одиолитно ни в чем в том не опасатца, и впредь бы государю прочно было и стойтельно, а им бы новым братцким людям не в тягость и не в налог, чтоб их тем от царьские высокие руки не отгонить. А будет они братцкие люди учинятца государю непокорны и непослушны, //ясаку с себя и с улусных своих людей платить не учнут и под государевою царевою и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси высокою рукою в вечном холопстве быти не захотят, и на них братцких людей, прося у бога милости, воевода Дмитрий Андреевич Францбеков да диак Осип Степанов будут они сами, собрався со многими большими ратными людьми, и велят их всех побивати и вешати и разоряти, и повосав до основания, жен их и детей в полон возьмут. А будет они братцкие люди государю покорны и послушны во всем будут, и тех братцких людей по тому ж приводити по их вере к шерти, чтоб они одиолитно были под государевою царьскою высокою рукою в вечном ясачном холопстве во веки неподвижно, и ясак сами с себя и с улусных своих людей по вся годы бесперсводно платили, и их за то государевым жалованьем поить и кормить и подарки им давать, смотря по человеку. А одиолитно б вам тем государевым делом радети и промышленять с великим радением, и с прежних ясачных тынгуских и братцких людей ясак на нынешней на 157-й год збирать по книгам и по сему наказу и по прежним наказным памятам, каковы примете у пятидесят//ника у Мартына Васильева за государевою ленскою печатью и за диачею приписью, и всякие государевы дела делать по государеву крестному целованью в правду, смотря по тамошней мере, и тутурских пашенных крестьян принять, и меж служилыми и промышленными и всякими людьми росправа чинить, смотря по вине, от всякого дурна унимать. А как, //аже даст бог, и походу прийдете, и тебе Василью с целовальником з Дружником Каргопольцом и служилыми людьми, которые ныне с вами из Ылимского острошку пошли, быть з государевою ясачною и с поминочною соболною казною в Ылимской острожек, а Курбату Иванову с верхоленскими служилыми людьми и с охочими промышленными в походы ходить, прося у бога милости, так же, как выше сево в сем наказе написано. А будет вы Василей и Курбат не учнете своим нерадением и оплошкою в походы ходить, или учнете что для своей бездельной корысти не по сему наказу и не по прежним наказным памятам делать, или учнете чем користоватца, или с прежних ясачных людей не учнете государева ясаку по книгам збирать, а после про то сыщется, и вам Василью и Курбату за то по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу быть в жестоком наказанье. А что с вами послано служилых и охочих людей, и тому имянная роспись под сем наказом. А что бог подаст на погроме // скота или какова борошню или ясырю, и тому всему записка учинить.

К сему наказу воевода Дмитрий Андреевич Францбеков печать свою приложил.

К. 194, столб. 21 на 86 составя; сст. 19—29.

20. 1653 г. после мая 5. — Отписка приказного человека Оленского ясачного зимовья Кузьмы Суздальца якутскому воеводе Ивану Акинфову о разгрома ясачных оленских тунгусов, учиненном мангазейским служилым человеком Иваном Сорокиным совместно с мангазейскими вондырскими тунгусами и о междоусобицах между названными тунгусскими родами. К отписке приложены челобитная оленских тунгусов на Ивана Сорокина и отписка последнего Кузьме Суздальцу.

1. — Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси стольнику и воеводе Ивану Павловичу да дяку Осипу Стефановичу Якутского острогу служ[и]вой человек Куземка Суздалец с товарищи челом бьет. В нынешнем 161-м году мая 5 число пришет Иван Сорокин с товарищи 13-ю человеками и с ними пришло тунгусов ста з два и больше, и пер[е]имали они оленских мужиков ясачных тунгусов на усть Нскуки: Ильяна ясаку платил 3 соболя, Ылгиня 3 соболя, Барту 2 соболя, Мотора 2 соболя, Сятага 2 соболя, Иднлга

5 соболей, Удуга 4 соболя, Чарапуня соболев, Тууня соболев, Зулша соболев, и которых Иван с товарищи вз[я]л тунгусов, и с них ясаку шло 24 соболя. И прибежат к нам въ ясачное зимовье детина тунгуской и сказал нам: пришли де с Исея озера служивые люди и с ту[н]гусами, и тунгусов наших олеских переимали и пере-вязали, иным тунгусам учинилось ведомо и они к нам прибежали в ясачное зимовье, потому что они не вместе. И который детина пришел с всею и он детина сказал родникам своим, что де вас звали мирица. И я послал для того служилого человека Ваську Григорьева, велел говорить: ясачных тунгу[сов] за что вы имаете, и с тех мужиков ясак взят и [вы]писи им давали. И они то сказали, Ив[а]н Сорокин с товарищи: по[и]мали мы мужиков по государеву указу и по наказной за их воровство, имали потому, что были они взяты в аманаты на Анабаре реке, из аманато[в] они ушли, и русских людей побивали, и ясачных тож побивают тунгусов на Исеи озеро приходя; и достальные олениские мужики не-зсмели [ит]ти миритца, и стали у нас просать служив[ы]х людей; почали мы их у[ни]мать, что вы не ходите, и они почали говорить: как нам не [ит]ти миритца, когда наш род весь съел был и мы с ними воевались, и они нас поб[и]вали, и мы их тож побивали, иноче их род весь цел, иноче нам только не миритца и они нас всех побьют. И послал вдругоряд служиво[го] человека Ондрушку и велел [е]му о том же говорить, и они ему то ж сказали. Иван Сорокин с товарищи сказали: другие у нас головы нет на плечах. не о[т]пустим мы тунгусов, и я велел спрашивать указу, и они ему чли наказ двою, и велено их [и]мать. Били челом торговые и промышленные инозе[м]цы ясачные тунгусы и челобитную государю подавали за руками по мирскому челобитию, что тех воров велено сыски-вать, и сыскав их велено вешать, и Дигу повесили, а жена ево сама удавилась. а другая жена взята въ асирию, да у нево же взяли 20 оленей, и нам сказывают инозе[м]цы, что взяли служивые люди и иных инозе[м]цов тож поймали оленей, и я велел помирать Ив[а]ну Сорокину тож велел помирать с вонядырскими мужиками, и стали у меня просать олеские мужики просать служивых людей, и послал для бережи 9 человек, чтоб их и достальных не переимали и не ограбили. и стретили вонядырские мужики и тазовские казаки служивых людей и олени-ских ту[н]гусов на усть Мартеяники, Гришку Артемьева с товарищи, и почали имать олениских сильно, и служивые люди не стали давать, и почали служивые люди шуметь с тазовскими казаками, и по што велите трабтить олениских мужиков. и почал нам говорить Костыка толмач, тово вы не ведаете, как крикну тунгусом опять вам и голов своих не унести, и служивые люди помират их и назад вори-тились з достальными мужиками; а которые у них взяты мужики, и тех нам мужиков не о[т]дали, и иных подростков взяли, кои вново платили ясак, и я им велел говорить, чтобы о[т]пустили мужиков, //а меж собою не в[е]лел брани никакой заводить, чтобы меж ими не было худа никакого. И те вонядырские мужики пришли к ясачному зимовью достальным олениским мужикам и с ними пришло 3 человека казаков, Костыка толмач, и я почал говорить: по што ты пришел к ясачному з[и]мовью со многими людьми; и почал Костыка толмач говорить: потому мы и пришли, промеж ими бы драка не учинилась; и почали олениские мужики говорить вонядырским мужикам говорить: по што вы пришли, наших родников по[и]мали и грабили, да и достальных хотите нас прибить; мы к вам не драца пришли, пришли мы для справки. а Дигу вашево не мы повисили, повисили казаки, и вы на нас той головщины не спрашивать, а олени и живот ево и жену взяли казаки; и я вонядырских мужиков не засмел в ам[а]наты имать, что они ясачны мужики, и бив они и пошли.

Отпущены 5 человек, Гришка Томенин с товарищи для поспешенья сею от-пискою, да с ними же выслан Петрушка Седой в государеве диле по челобитию Семена Прибылого, а зимою не выслан Петрушка для того, что он не мог рукою владеть, а ипоче выслан рукою тож не м[о]ж[е]т владеть. Служивым человеком с А[н]дрюшкою прислал ко мне Иван Сорокин грамотку, и я послал по[д] сею о[т]пискою ту грамотку. Да с ними же служивыми людьми о[т]пущен госуда-ре[в] дошапик и снасти с парусами и с якорем и с варовыми снами.

На обороте: Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Ро-синь стольнику и воеводе Ивану Павловичу да дьяку Осипу Степановичу.

162-го году апреля в 15 день подал отписку гостинной сотни Бажена Балезина приказщик Максимко Парфеньев.

II. — Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси Сье[т] челом сирот[ы] твои ясачные люди оленские тунгусы Ельдига да Онковул да Панко. Жалоба, государь, нам на тазоских служивых людех на 13 человек, на Ивана Сорокина с товарищи. Нынешнего 161-го году мая 5 число пришел Иван Сорокин с тунгусами со мно[г]и[м]и ро[д]а[м]и с анады[р]скими лю[д]ь[м]и, и всех их чело[ве]к за 200 или больше, на Оленек реку на наши вековые жири, нашел он Иван на наших жирах родны[х] братьей наших племянников, и он их родников наших переимал, и переимав их перевезал, и жен их и дети и олени и живот их весь по себе подели[ли], и моево государь Панкова брата моево большово повесили неведомо за что, у нево осталось 20 оленей и те олени по себе подели[ли], и жен и дети по себе ш подели[ли], и нам про то ведомо учинилось, что родников наших переимали, и мы сироты твои тово же убоялись есачному зимовью, выбежали у есачного зимо[вья] да в осаде 3 недели сидели, не жалее свои оленешка приели, на чем было твоей государев есак примышлять, и самим кормица нечем; и к нам послали ванадырский тунгус[ы], придите к нам мирница, что мы в прошлых годах дирались; и мы сироты твои одне не посмели к ним ити и тово же поблюлись, так же перевязут наш пограбят и по себе подела, и мы были челом тебе государю о с[л]уживых людех и Кузьме Суздольцу с товарищи, и по твоему по государеву указу и дал нам 9 человек для обережи, и пришед, с ванадырскими людьми мирились и давали им жен[о]к и олени и куяки и стрелы //и детей своих, и оне нам против тово ничего не дали, и у нас, государь, так ведеца, что мы сколько дасм и оне нам против тово столько же дают, и мы назат отошли [к я]сачному зимовью, и мы к вам для ради тово пришли для справ ванадырские люди, и нам, государь, оне сказывали, что мы вашево шемана Елдигу не убили, повесили[ли] служилые люди Ивашко Сорокин с товарищи, Костька толмачь сказывал, что у нас резал казака, а оне анадырские люди сказывали, ничево тово не бывало, повесили те служилые люди напрасно, и тот живот взяли служилые люди Ивашко Сорокин с товарищи, и тое на нас головщины не спрашивайте, повесили служивые люди напрасно, и жен наш и дети и олени и куяки и живот наш весь взяли служивые люде, [поде]лили по себе, и у наших братьей и у нас взя[ли] служивые лю[д]и с 60 оленей. И вели, государь, родников и братьей наших с Есая озера отпустить на Оленек, и вели, государь, нам на старых на наших житях жить попреемуже, твоей государев есак платить на Оленке реке, как и зачали быть по твоею государевую царьскою высокою рукою быть деды и отцы наши, твоей государев есак платить на Оленке реке и до сево времени, и претом вели нам, государь, на том же Оленке свой государев есак платить попрежнему, на своих на старых житях жити. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Толмачил служивой человек Васька Григорьев у сее чо[ло]битной.

На обороте 4 тунгусских «знамени».

III. — Государю моему Кузьме Гавриловичу с товарищи Ивашко Сорокин с товарищи челом бьет. Как тебя государя моего бог милует и пожалеешь, поволить про нашу худость спрощать, и яз еще жив, хожу по лесом и по тундрам. Нослан я холоп государев с товарищи по государеву указу и по воеводскому приказу Игнатья Степановича Корсакова по наказной памяти на Анабару реку, и велено нам ходить по лесом и по тундрам и по захребетным рекам, и велено нам сыскивать ананабарских изменников тунгусов, которые платили преж сего на Есее и на Анабаре реке асак, государю изменили и ясашнее зимовье взяли, и русских людей побилч, и аманатов увели. И я нашел тех изменников на Кукичь реке на Оленских реках, и яз тех изменников роспрашивал, и те изменники сказались, и нам велено их привести под государеву высокую руку, и нам их отпустить не уметь без государева указу, потому что они ходят на Хатаигу реку и побивают русских людей, и мы ходим с казною государевою летом и зимою и оне громят. государевы казны не пропускают. За тем челом бьем.

На обороте: Отдать в ясашнем зимовье на Оленьке реке приказном[у] чело- веку Кузьме Гаврилову.

21. 1653 г. июня 4. — *Изветная челобитная нижеколымских юкагир Тючки Тугулимова с товарищами, поданная колымскому приказному человеку Ивану Реброву о сожжении служилым человеком Юрием Селиверстовым «с полчаны» принадлежащих челобитчикам «лабазов», «промышленного завода», и леса на острове реки Колымы.*

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии быют челом сироты твои государевы Колымы реки Нижнево ясашиново зимовья ясашины юкагири Тючко Тугулимов, Кимкуйко Маганюев, Мантечко Енмаев, Нирпица Левыков, Малечко Кеков, Лакейко Леондеев, Боечко Аин Якутцкого острогу на новоприборных служилых людей на Юрья Селиверстова с полча[ны] ево в том: в нынешнем, государь, во 161-м году весною на Колыме реке зажгли оне Юрье полчаны, парашпо, против Нижнево ясашиново зимовья за протокою остров, а на острове были паши юкагирские лабазы, а на лабазах было наше юкагирское зимное платье и рыбные неводы и лотки и санки. И всякой наш юкагирской промышленной завод сожег, и остров выгорел весь. И нам сиротам твоим государевым корму летом добыть нечем, неводов и лодок нет и зимного платья и промышленного заводу нет, и твоего государева ясаку нам сиротам твоим промышленять не за чем да и нечем да и негде, потому что здесь место стало у моря близко, а леса все тот // Юрье с полчаны своими выжгли, и мы сироты твои государевы помираем голодною смертию все. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй нас сирот своих, вели, государь, на Колыме реке приказному казачью пятидесятинику Ивану Иванову Реброву да таможенному целовальнику Василию Давыдову Клеунову сию нашу челобитную выслать в Якутцкий острог. Царь государь, смилуйся.

На обороте 7 юкагирских «знамен».

К. 197, столб. 2 на 31 сставе; сст. 6—7. Датирована на основании опущенной челобитной Юрия Селиверстова по тому же делу (этот же столбец, сст. 26).

22. 1658 г. не ранее сентября 20. — *Сказка торгового человека Никиты Малахова о незаконных торговых оборотах, злоупотреблениях и насилиях якутского воеводы Михаила Лодыженского.*

что он отпускал па Собачью и [на] [в]сякие розные реки. А что по [коим] рекам отпускал вина и хмелю и меду и карт, и с кем отпускал, и то все написашо в сей сказке порознь статьями, и хто ево животами торговал по рекам.

161-го послан из Якутцкого острогу на Колыму башлыком Ивашко Щукин да целовальник с ним Любимко казанец, а послал с ними стольник и воевода Михайло Семенович Лодыженский вина 20 ведр, 40 дюжин карт, // да хмелю 10 пуд да меду 5 пуд и ему против тово привезли 17 сороков соболей. //

Послан того ж году на Индигирку реку Ивашко Бараскан, а с ним послан 10 ведр вина да хмелю 5 пуд, и за то вино и за хмель платил он Иван Бараскан Ивану Катаеву по Михайлову велению на Собачье 200 руб. //

Послан того ж году Алексей Олень пятидесятник на Алазею, а с ним послан 10 ведр вина да 5 пуд хмелю, да 5 пуд меду, 100 пуд муки, и ему Михайлу привез с Собачьи 8 сороков соболей да шубу соболюю.

163-го послан на Ивана Щукина место на перемену на Колыму сын боярской Костянтин Дунай, а с ним послано вина 30 ведр да хмелю 10 пуд, и на него взял кабалу в 500-х руб.; а в ту кабалу по нем писался Кузьма Габышев да торговый человек Ивашка Тварогов. А целовальник был с ним Дунаем Максимко Балезин, а с ним дано вина 5 ведр, 5 пуд хмелю, а на него взял кабалу в 200-х руб. с отпуском.

Послан того ж году сын боярской Кирило Ванюков на Индигирку реку, а с ним послано вина 10 ведр, 6 пуд хмелю, 5 пуд меду, и за него платил // зять его Архипко Иванов 300 руб.

Послан того ж году на Алазею Третьяк зырян, а с ним послано 10 ведр вина да хмелю 10 пуд, а на него взял кабалу в 300-х руб. с отпуском.

165-го послан на Колыму реку Ивашко Щукин, а с ним послано 30 ведр вина да хмелю 10 пуд. А кабалу на него взял в 700-х руб. А писался в подписку Андрей Горелой. Да с ним же пошел целовальник Ивашко Дорофиев, а с ним

пошло вина 5 ведр да хмелю 5 пуд, 200 пуд муки. И в том на себя кабалу дал в 300-х руб. с отпуском.

Послан того ж году на Ваяюково место на Индигирку Гарасимко Цыпанин з братом, а с ними послано вина 20 ведр да хмелю 10 пуд, и в том они дали кабалу в 400-х руб., а целовальник с ними Лучка Ошепков и ему дано вина 5 ведр да хмелю 5 пуд, а кабалу на себя дал в 200-х руб. с отпуском. //

Послан того ж году на Третьяково место Ондрей Горелой, а с ним послано вина 5 ведр да хмелю 5 пуд да 100 пуд муки, а кабалу на себя дал в 300-х руб. с отпуском.

Послан на перемсну Ивану Щукину сын боярской Иван Велкой, а с ним послано вина 10 ведр да 10 пуд. хмелю, и в том ему дал кабалу с отпуском. в 300-х руб.

Послан на перемену на Индигирку на Гарасимово место Цыпанина Лазорко Аргунов, а с ним пошло вина 10 ведр да хмелю 5 пуд, и в том ему дал кабалу в 300-х руб. с отпуском.

Послан на Алазею на Андреево место Горелово Федор Шайдур, а с ним пошло вина 10 ведр да хмелю 5 пуд, и он на себя дал кабалу в 300-х руб. и с отпуском.

Послан Василий Бурлак за Шиверы, а с ним пошло вина 6 ведр да муки 200 пуд, а ему Михайлу Семеновичу дал за отпуск 5 сороков соболей да шубу соболью добрую, а те сороки стоят по 100 руб. и больши, // а те соболи с Индигирки реки зашиверные, тех соболей дутче на Собачье нет. И на тово Бурлака приезжал бить челом юкагирской ясачной мужик: юкагирей ясачных всех раззорил; и он Михайло Семенович суда на него не дал и указ не учинил и юкагирскому мужику отказал, // и от тех винишников, что посылал тоих башлышков на Собачью реку и по всем сторонним рекам, и от их винной продажи и от насильства государева заочная дальняя вотчина вконец погибла. А что было торговых и промысленных людей по рекам и на Собачье и оне своих промыслов отбыли и государевы десятинной пошрины отстали потому, что те торговые и промысленные люди от их винной продажи и от насильства нарочно раззорились и государева десятая пошлина будет в недоборе, збирать будет не с ково. //

Да он же посылает Михайло Семенович на Янгу в Верхнее зимовье для государова зборново ясaku служилых людей, а емст с них накупу по 30 руб. с человека за отпуск, чтобы их отпустили на Янгу, а сверх того что оне присудт с Янги и привозят ему добрые соболи ударить челом. И оне служилые люди поезжают на Янгу, закупают всякие товары: пальмы, и ножки, и огнива, и коты и всякой товар на якутскую руку, и оне служилые люди приезжают на Янгу к якутом и роздают те свои товары якутам преж государева ясачногобору на силу. И те де якуты у них тех товаров имать не хотят и оне на них силою наметывают, а приказывают им, чтобы они за те товары добрые соболи добывали. И как они служилые люди збирют государев ясак, и на них якутах // станут за свои товары соболей прощать добрых и кой якут им за тот товар соболей не даст и они ево на смерть ослопами бьют, что надеются на Михаила Семеновича потому, что де добрые соболи идут к нему за долг за отпуск. Да они же служилые люди Левка Шанга с товарищи жены их и дочери на постели емлют и позорят. И многие де великие натуши якутам от них бьются. И как они служилые люди приезжают в Якутской, и оне государеву казну отдают в свезжей избе Михайлу Семеновичу, а сами свои пожитки принесут в свезжую избу для оказу соболешек по 15 и больши худых, а всех тово живет у них нажитков сорока по 2 и больши самых добрых соболей потому, что они преж государева ясaku тот товар якутом роздавали, потому им якуты и соболи добрые откладывают и они служилые люди Михайлу Семеновичу платят за ево долг за отпуск добрыми собольми. А что у них соболей остаетца, и они ему достальные пропивают. //

164-го приезжали якуты с Янги бить челом на служилых людей на Левку Шангу с товарищи в Якутской Михайлу Семеновичу о насильстве, что де он Левка Шанга с товарищи жены их и дочери позорят сильно. И он Михайло Семенович на Левку Шангу с товарищи суда не дал и указу не учинил и якутом отказал. //

166-го приезжали те ж якуты и якутские князцы с Янги бить челом на тово ж Левку Шангу с товарищи, и оне якуты доехали 10 человек до Алдану проведали, что де Михайлу Семеновичю перемсны нет, и оне в Якутской ехать не посмели, воротились назад домой.

Да он же Михайло Семенович посылает по зимовьям для государева ясачново збору служилых людей, а емлет с них великие накупы: в Майское зимовье емлет с человека по 10 руб., с Олекминского зимовья по 10-ти руб. с человека, с Жиганского зимовья по 20-ти руб. с человека потому, что те служилые люди вино курят и пиво варят на продажу, с Столбовского зимовья по 5-ти руб. с человека, с Оленского зимовья по 5 руб. с человека, с Вилуйского с Середнево зимовья по 5-ти руб., с Верхново с Вилуйского зимовья по 3 руб.

Да на Михайла ж Семеновича много судачат князцы якутские и улусные люди потому, что де // он Михайло Семенович не по государеву указу у нас ясак государев емлет за прошлые годы, что де покараловал нас государь, что прикладново ясаку Головина не имать; и о том о окладном ясаку государева грамота есть; пришла де та государева грамота при Пушкине; и он де Михайло Семенович на нас емлет накладной ясак, что де наложил Головин и прежние воеводы Василий Пушкин и Дмитрий Франзбеков и Иван Павлович; и понеча де Михайло Семенович на нас взял за 17 лет; и от тово де мы от окладного ясаку вьюнец потябли и жен и детей своих отстали, жены свои и дети продавали служилым людям; а что было скотишка и мы и последнее 166-го году Трифану отдавали за прошлые ясаки. Да на Михайла ж Семеновича судачат те ж якуты, что де он на наших холопах ясаку по лисце берет, а мы де государю даем ясак большей, соболей с улуса по 100 и по другому платим; а топерече мы и досталь погибли потому, что было нашим боканам на нас // государев ясак добывать и оне де топере за себя лисицы добывают; и они наши боканы нам стали непослушны, а говорят де они нам, что де мы сами тоены потому, что сами де мы государю ясак даем, и они де нас не слушают и мы де топере лутчие люди в Якутском погибли; не знаем де как впредь государю ясак добывать. Буде государевы до нас милости и призьренья не будет и мы де и до конца Якутская земля погибнет от бедности и от наложи.

165-го взял у Михайла Семеновича Василий Скоблевской 100 ведр вина; и то вино он Василий продавал в Жиганех на розницу, ведро рублей по 30-ти и больши, и он де государеву заочную дальнюю вочину и досталь погубил, и многие служилые люди у него пропились сороков по 5-ти и по шти и больши. Служилой Клишко Соболев пропил 9 сороков соболей с Собачьи реки; Якушка кузнец 7 сороков соболей с Собачьи реки; и иные многие пропили кости рыба зубу пуд по 10-ти и больши: Федотко Ветонка пропил 10 пуд кости рыба зубу, Евсейко // пропил 10 пуд кости рыба зубу; а тово я не ведаю, отдал ли Василий соболи и юсть за то вино Михайлу Семеновичю или нет, тово я не знаю потому, что я пошел к Русе; а с тех он Василий соболей с привозу из Жигановского государевы 10-й пошлины не платит, а сказывает у себя государеву жаловальную грамоту, что ему безошлинно торговать по всей Сибири.

162-го был башлыком в Жиганех служилой человек Гарасименко Цыпанин и он курил вино и пиво варил на продажу, а от тово дал Михайлу Семеновичю 300 руб. с отпуском.

163-го был башлыком в Жиганех Лементей Дуров да Андрей Дубов; и оне дали Михайлу Семеновичю 400 руб., оттого что они вино курили и пиво варили на продажу.

164-го был башлыком в Жиганех сын боярской Иван Велкой, а взял у Михайла Семеновича 30 ведр вина, а из Жиган ему привез за то вино 13 сороков соболей. //

165-го был башлыком пятидесятник Алексей Олень, тож курил вино и пиво варил на продажу, а от тово дал 300 руб. с отпуском.

166-го был башлыком сын боярской Федор Пуцнин и тож вино курил и пиво варил на продажу; и от тово дал Михайлу Семеновичю 300 руб., потому они давали накупы великие, что их ссужал хмелем и всяким заводом и за отпуск и для винного куренья и продажи; и от тех башлычков и от винщицков от их

налоги государева заочная вотчина Житанская вконец логилась потому, что их великое насилиство и многие люди у них пропивались и в том государева 10-я пошлина стало збирать будет не с ково.

163-го послал Михайло Семенович на Собачью живота своего кочь с Бываном Катаевым 10 ужинов да с ним же Иваном послал 20 ведр вина да хмелю 20 пуд: а на те ужины дал по 20-ти пуд муки на человека. //

Того же году послал с торговым человеком с Прокопьем Аминовым пол коца живота своего; а тот был коць государев, шел на нем сын боярской на Индигирку реку Кирило Ванюков; да тому ж Прокофью дал 20 ведр вина да 10 пуд хмелю: и тот Прокопей привезя с Собачьи Михайлу Семеновичю 20 сороков соболей добрых; да Михайло же Семенович тово ж Прокопья послал во 165-м году на Собачью с своими кабалами на 1000 и на другую; и тот Прокофей встретил служилово Василья Бугра на море и тот Прокофей у тово Бугра на те Михайловы кабалы на море на Омолоеве губе кости рыба зубу пуд 40 и больши купил; да он ж Прокофей купил кое у ково у промышленных людей пуд 10 и больши; и ту кость он Прокопей привез в Якутской острог и велел ему Прокофью Михайло Семенович в таможне записать на свое имя; и он Прокопей на свое имя в таможне записал; и в прошлом во 166-м году умыслил // тот Михайло Семенович будто та кость тово Прокофья; и ту он кость рыба зубу на государя взял больши 50-т пуд; да тово ж Прокофья велел торговым людям ево Прокофья в целовальники выбрать; и те торговые люди тово Прокофья в целовальники выбрали к Москве; и он Прокофей в том государю и крест целовал, что было ему итти за государевою казною к Москве, за собольною и за костью рыба зубу; и тот Прокопей стал Михайлу Семеновичю бить челом, чтобы пожаловал отставил от тое службы от московской поездки потому, что та кость стала ведома, что де та кость Михайла Семеновича, и тот Прокопей с тою костью к Москве ехать не посмел; и он в свое место нанял торгового человека Петра Хозова итти за тою казною к Москве; а он Прокопей остался в Якутском, посылает ево опять на Собачью с своим животом; а у тово Прокофья с Руси приезде в Якутской острог нет, и ничево ни откуль не бывало, никакому товару в таможне // нет, никаково товару у него не бывало, что он торгует Михайловым животом.

Да тот же Михайло Семенович послал к Русе 20 сороков соболей с Офонькою с Коноплиным; и то у них умышлено плутовством своим; и тот Офонья приехал в Якутской острог с государевою грамотою, будто отец ево Герасимко Коноплин оставил завод свой, лавки и двор и скот, и то все солгано, ничево тово не бывало, что хотел он воровски сделать, хотел Михайловы соболы провести украдом.

Да он же Михайло послал на Ламу с Ларионом с Марковым 20 ведр вина. Да он же Михайло послал в Дауры сына боярсково Федора Пущина, а с ним послал вина 20 ведр.

166-го мая в 20 день приносил ко мне служилой человек Ивашко Нагиба доброво соболя к лавке, а стал он Нагиба у меня за тово соболя просить 25 руб. // и я де тово соболя не посмел купить потому, что таких соболей в казне мало. и я ему подал 15 руб. да сказал ему: поди понеси Михайлу Семеновичю. И он Ивашко и пошел к Михайлу Семеновичю с тем соболем, а я ему Ивашку сказал, что тому соболю цены не знаю и купить ево не умею, купит тово соболя у тебя Михайло Семенович. 167-го сентября в 20 день стал я спрашивать сотника казачья Матвея Ярыгина о том соболе, что ты Матвей видал или слышал у Нагибы про соболя доброво и он мне сказал: я де тово соболя видал как тот Нагиба принес тово соболя при мне Матюшке к Михайлу Семеновичю и я де ему сказал, что де тот соболя добр, таких де соболей намале; и я де ему Михайлу Семеновичю стал сказывать, что де он Нагиба был послан для государева недоборного ясаку к якутам и тово де он соболя у якутов взял государю в яsak, и против тово мне // Михайло Семенович ничево не сказал, и я де и домой пошел. // Да он же Михайло Семенович в Якутском остроге велит варить пиво детям боярским на продажу, Матвею Сосновскому и Федору Пущину, и тот Матвей и Федор пиво варят на продажу и меды ставят и с Михайлом Семеновичем деляются. А в кою пору Федор Пущин бывает на отъезжих службах, а в те поры в Якутском жена ево Федорова

то ж пиво и мед продает, и от тех пивных и медовых продаж торговые и промышленные люди и служилые пропивались. Да он же Михайло Семеновичъ смышляет частые обеды и призываетъ торговых и служилыхъ людей; а кои торговые или служилые люди к нему на пир не пойдут, и он де на техъ торговыхъ и на служилыхъ наводитъ наипранные великие беды; и от его пировъ и от пивныхъ кабаковъ в Якутскомъ торговые и служилые люди оскудели и одолжали великими долгами; а у которыхъ у служилыхъ людей денегъ нѣтъ, и они ему за столы кабалами носят, и сметитъ кому сколько дать государева жалованья и противъ тово ихъ служилыхъ людей к себѣ на пир и зоветъ противъ ихъ // жалованья; и какъ лучища темъ служилымъ государево жалованье давать, и он в те поры по ихъ кабаламъ, кои давали за обеды, и его Михайловы люди Любимко Евдокимовъ да Софоско Ивановъ мимо ихъ служилыхъ людей [с] шапками стоятъ и деньги берутъ мимо ихъ служилыхъ людей; и те служилые люди оскудели и одолжали и оголели, что подымаютца в служилые люди на государевы службы голы и безодержны, и те деньги он Михайло Семеновичъ все за себя перевелъ, ни торговъ ни промысловъ ни розплаты ничево не стало и вконецъ погибли. // Да он же Михайло Семеновичъ послалъ на Чечуйской волокъ ссыльново князя Семена Васильевича Прозоровскаго человека и пива варитъ на продажу; и от той ево винной и от пивной продажи промышленные люди и пашенные крестьяна пропились; и от ево великия налоги пашеннымъ крестьянамъ и промышленнымъ людямъ чинятся великие беды; и многие пашенные крестьяна и промышленные люди на розно разбрелися и государева десятая пошлина стала збирать будетъ не с ково, и они пашенные и промышленные подавали челобитную чтобъ ево Бесчасново переменить и он Михайло Семеновичъ для своей бездельной корысти ево Бесчасново не переменял. Да на нево ж Михайла Семеновича судачитъ торговый человекъ Максимко Ходутинъ устюжанинъ в томъ, что он его, Михайла Семеновичъ, к Русе не отпустил; и он Максимко писалъ грамотку в Сургутъ к даде своему к таможенному голове к Василию Мотохову о ево Михайлове винной продажѣ, чтобъ он Василей мимо ево Максимка государю обвѣстил; и он Максимко ту грамотку выронилъ и подняли ту грамотку служилые люди и отдали Михайлу Семеновичу; и он ево Максимка кнутомъ билъ на смерть и в тюрьме держалъ годъ, а ныне тотъ Максимко за поручками скитається межъ дворы. // Да на Михайла же Семеновича судачитъ гостя Кирила Босова прикащикъ Лука Хлыгинъ, что де он Михайло Семеновичъ взялъ у нево Луки кочъ со всею кочевою снастью, и ему де учинилось великие убытки. Да Михайло же Семеновичъ послалъ в прошломъ во 166-мъ году для ради государева ясашнаго збору на Амгу и на Тату сына боярскаго Трифона Евсевьева; и он Трифонъ на техъ якутахъ на настоящей годъ государевъ ясакъ выбралъ; и он Трифонъ сталъ у нихъ якутовъ просить за старые годы, кои были накладные в Головина году; и коимъ якутамъ за прошлые годы нечево дать, и он ихъ Трифонъ на смерть батогами билъ; а сказывали и многие ясачные якуты сами ся давили потому, что де имъ нечево вдругъ накладново ясаку платить; и он де Трифонъ у техъ якутовъ что было скотишка обралъ; у нихъ кобылы и быковъ и коровъ то все обралъ; тотъ скотъ кобылы и быки и коровы на себя с товарищи взялъ и ясакъ писали за кобылу добрую по 3 соболя, а за середнюю кобылу по 2 соболя, а за быка добрава по 2 же соболя, а за корову добрую по 2 же соболя, а кои бычки годы по 3 и те оне давали по лисице, а за кои оне давали по 3 соболя и за тотъ якутской скотъ, что оне имали, на себя переводили, и он Трифонъ с товарищи платилъ в казну больше шти сороковъ соболями окроме лисицъ, // некорисными соболями потому, что он Михайло Семеновичъ взялъ с техъ служилыхъ людей по 5-ти руб. за отпускъ, что ихъ отпустилъ для ради ясаку и для ради своей добычи оприче тово, что оне присажаютъ из якутовъ и привозятъ ему быки и коровы и соболями и лисицами потому у нихъ и емлетъ соболями некорисными; да он же Трифонъ с товарищи сталъ у лутшева князца у Ыдейкова брата у Юргина у нево сталъ за старые годы недоплатнаго ясаку просить, и тотъ якутъ лучей князецъ тово де Трифона испугался и побегалъ в улусъ свой; и он де Трифонъ с товарищи тово якута поймалъ и стали бить; и тотъ де якутъ у нихъ ушелъ в юрту, и Трифоновъ товарищъ солдатъ сталъ к юрте приступать и юрту де сталъ ломать; и тотъ де якутъ князецъ тово солдата // пальмою в ногу укололъ несамобольно; и видитъ де тотъ Трифонъ, что тово солдата тотъ якутъ поколодъ, и он де

Трифон с товарищи стал к юрте приступать, и тот де якут сам из юрты вышел и тово де он Трифон якута стал бить; и тово якута оне служилые в Якутской острог привезли к Михайлу Семеновичу; и тово якута лутчею князца в тюрьму посадили, присажав ево брат Едейко бить челом о брате своем, чтобы Михайло Семенович послал опрощать кроме Трифона с товарищи иных служилых людей, как у них драка сталась, и он Михайло Семенович тому якуту Едейку сказал: поедь де ты домой, и яз де за тобою пошлю опрощать служилых людей. И он Едейко домой поехал; и он Михайло Семенович за тем якутом опрашивать служилых людей не послал, а тово якута лутчею князца повесил нынешнего 166-го году апреля в 20 день; и как Трифон с товарищи приносил в приказ соболи и лисицы, что оне имали у якутов за ясак скот за собя Трифон с товарищи взяли на собя Трифон с товарищи написал большы шти сороков кроме лисиц; и тот Трифон принес за тот скот соболи за тех якутов некорисные и видели ясамные якуты, что де Трифон с товарищи платил за тот скот соболи некорисными; а мы де даем // государю соболи добрые, меньше де рубля не платим, а будет де у коего якута соболя нет и он платит за соболя по рублю, а буде кой якут принесет соболя некорисново в полтину и большы, и тово де у них соболя за соболя не возьмет, распорет его по пупку и отдаст ему пазад: и оне якуты на Михайла Семеновича судачать, что де прежние воеводы у нас ясак имали без выбору и соболей у нас не парывали, имали с промыслу каково бог даст по государеве участи, промышляем де мы без выбору, мы де и так до конца погибли от накладного ясаку потому, что Михайлу Семеновичу Трифон друг потому ево на Амгу и на Тату послал, что Михайло Семенович на ево имя Трифоновы кабалы пишет на всяких людей; и кои башлыки пошли на Собачью и по сторонним рекам и по зимовьям и кои за казною к Москве служилых, то все кабалы другой на ево ими пишет, и то все Михайла Семеновича умышленьем, где столько у Трифона живота езлось, торги ли у него или какие большые промыслы; знают Трифона в Якутском многие люди, что у него столько живота не бывало; а нонече у Трифона живота очитолоса много, потому что оне с Михайлом Семеновичем нашу братью торговых // и промышленных и служивых до конца погубили, и государеву заочную вотчину до конца победили. Да он же Михайло Семенович, коих служивых посылает по улусам якутским для ради государева ясачного сбору, с них емлет накупы рублей по 5-ти с человека; и оне служилые люди за тот сго долг за отпуск и оне ему Михайлу Семеновичу быками и коропами и собольми и лисицами платят, и он Михайло Семенович збирает с тех служилых на зиму скотин по 50-ти и большы. Да он же Михайло Семенович судит якутов о кражах и о убойствах; и оне якуты лутчие князцы тяжутся промеж собя и ищут скотин по 10-ти и по 40-ку и большы, друх на друге ищут; и от тех их судов емлет, и от тяжб, скотин по 10-ти и большы; и от тех якутов наживает Михайло Семенович на год скотин по 200 быков и коров; и он Михайло Семенович тот скот на зиму бьет скотин по 100-у и по полтора; и тот скот велит // дворецким своим Любиму да Ондрею по полтине пуд в долг продавать, служивым в кабалы до жалованья их давать, и он тот скот зимою служилым весь роздает в кабалы до жалованья, и как придет срок, как станут давать государеву жалованье тем казакам, и он Михайло Семенович пошлет своих людей с шалками, Любима дворецкого, и тот Любим мимо их служилых за тот скот деньги берет; да он же Михайло Семенович отдаст служивым быки добрые кои ходят на службу по рекам по Вилюю, и по Мае, и по Олекме, и в Жыганы и по иным сторонним рекам; и за те быки емлет рублей по 10-ти за быка всякою; и за те быки ему Михайлу Семеновичу приезжают службы и платят ему собольми и деньгами. Он же Михайло Семенович призывает к себе на пир детей боярских и сотников и пятидесятников и десятников и торговых; и как их напоит и станет смущать, чтоб оне пьяные люди дрались, тесаками деревянными рубятца и меж собою велит им бороды драть; и Семен подьячий Аврамов голове таможенному голову прорубил, и тот голова Андрей Кордюков одна не умер, лежит неделю большы 10-ти; а толмач Кузьма // да Григорей Кривогорничин и оне меж собою бороды выпрали до волоска; и оне, которые меж собою дерутца, и оне меж собою тяжутся, и он им меж собою даст суд, и он в том себе корысть получает;

да он же Михайло Семенович научил служилого Петрушку Паутова у десятичника у Кондратья Кобылы бороду выдрать и он Петрушка у тово Кондратья бороду выдрал; да тот же Петрушка стал драть бороду у Михайла Холкина по ево же Михайлову научению; и он Михайло Холкин у Михайла Семеновича в горнице зашиб ево Петрушку в голову кулаком, и он Петрушка упал назад и ударился о пол головою и от тово удару в то время умер, и у того Петрушки было 3 сорока соболей ламских да шуба добрая соболья, и то он Михайло Семенович себе взял, соболи и шубу. Да он же Михайло Семенович послал к Москве с людьми своими с Васильем Чаевским да с Иваном Микитиным кабалы на торговых и на служивых: на Михайла Кондакова в 500-х руб., да на Офоньку Коноплина в 1000-че руб., на сотника стрелецкого да на Матвея Ярыгина с товарищи в 300-х в 70-ти в 5-ти руб., на Матвея же с Орхипом во 100 руб., да служивых, кои идут за казною государевою к Москве, по 10-ти руб. на человека кабалы; а те кабалы опроче Михайла Кондакова // да Офоньки Коноплина давано от отпусков Михайлу Семеновичу, а те ево Михайловы люди многие кабалы провели, а те кабалы писаны на Трифонову имя сына боярского, будто у тово Трифона займывали; ничево не бывало. Что есть у Михайла Семеновича живота его дома, сколько сороков соболей и сколько шуб собольих пластинных и побоченных и пучпчатых и лапчатых и горносталях и лисьих и сколько тысяч руб. денег, то все знают ево люди Любимка Овдокимов, Софонко Иванов, Митька Чаевской, Панфилко Андреев, Стенька Суслик, Иван Еремиев, Андрей Петров; и оне те люди знают у Михайла Семеновича знают, сколько сороков соболей и сколько шуб всяких и сколь тысяч руб. денег и кому, что отдал Михайло Семенович в долги или с кем к Русе послал, то все оне знают и ведают, потому что Иван Еремиев, да Любим, да Ондрей Петров и оне живут по годом дворецкими, а Софон и Дмитрий Чаевской те ходят в стряпне, а Панфилко и Стенька Суслик те живут у казны, потому оне все и знают, кроме их Михайла Семеновича живота его никто не знает; да знает то голова таможенной Андрей Кордюков да подъячей Иван Давыдов, кому что отдал Михайло Семенович соболей // торговым или служилым или ценовальником, и то все знает голова таможенной да подъячей, потому что оне вместе с Михайлом Семеновичем к Москве отлучали, что тот голова с подъячим очищают и отпускают к Москве Михайловы соболи и шубы, во всю 5 лет много их плутовства; очистили оне Михайловы соболи 20 сороков соболей да отпустили с Офонькою Коноплиным; да оне же очистили Прокопью Аминеву 57 пуд кости рыбы зубу; сами оне знают, что де нет у Прокофья и у Офоньки, в записке с Руси ничево не бывало, и оне то зделали плутовством; да оне же голова с подъячим очистили дяку Федору Васильевичу 25 сороков соболей да 90 сороков пупков; знают оне и сами, что очищают промышленного Григорья боярина князя Бориса Александровича Репнина крестьянина, с Руси в записке у него ничево не было, и то зделано плутовством же; а тово яз не знаю, что тот голова и подъячей с купил оне емлют с Михайла Семеновича, или боючися его соболи ему очищают, того не знаю.

На обороте: К сей скаске торговой человек Никитка Агапитов сын Малахов ярославец руку приложил.

К. 184, столб. 7 на 33 сставаз; 1—33. Начало утрачено.

23. 1658 г. — *Ценовая роспись мяжкой рухляди, полученной якутским воеводой Михаилом Лодыженским и дяком Федором Тонково «в почесть» от служилых, торговых и промышленных людей.*

Роспись ценовая мяжкой рухляди стольника и воеводы Михаила Семеновича Лодыженского да дяка Федора Тонково подворенных поминков, что им приносили в почесть порознь на двор в Якутском остроге для государева царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] величества Якутского острогу служилые и приезжие торговые и промышленные люди, и тое мяжкую рухлядь разбирали торговые и промышленные люди в сороки и ценили, а по оценке той рухляди порознь цена. Стольника и воеводы Михаила Семеновича Лодыженского: 40 соболей с хвосты, цена 450 руб.; 40 соболей с хвосты, в том числе 2 соболи без хвостов, цена 340 руб.; 2 сорока соболей с хвосты, цена по 300 руб. сорок; 2 сорока

соболей с хвосты, цена по 270 руб. сорок; 40 соболей с хвосты, цена 220 руб.; 2 сорока соболей с хвосты цена по 200 руб. сорок; // 7 сороков соболей с хвосты, цена по 130 руб. сорок; 6 сороков соболей с хвосты, цена по 150 руб. сорок; 3 сорока соболей с хвосты, цена по 130 руб. сорок; 5 сороков соболей с хвосты, цена по 100 руб. сорок; 2 сорока соболей с хвосты, цена по 70 руб. сорок; 4 сорока соболей с хвосты, цена по 50 руб. сорок; 4 сорока соболей с хвосты, в том числе в одном сороку 29 соболей без хвостов, цена по 40 руб. сорок; да 40 сороков пупков соболевых, цена по 3 руб. с половиною сорок, итого 140 руб.; 2 лисицы чернобурых с лапы и с хвосты, цена по 8 руб. лисица; лисица чернобурая с лапы и с хвостом, цена 2 руб. с половиною. И всего тем соболям и пупкам и лисицам цена 6258 руб. 16 алт. 4 д. Дьяка Федора Тонково: 40 соболей с хвосты, цена 200 руб.; 40 соболей с хвосты, цена 120 руб.; 40 соболей с хвосты, цена 100 руб. // 2 сорока соболей с хвосты, цена по 50 руб. сорок; 2 сорока соболей с хвосты, цена по 70 руб. сорок; 40 соболей с хвосты, цена 50 руб.; 2 сорока соболей с хвосты, цена по 40 руб. сорок. Всего тем соболям цена 850 руб.

На обороте многочисленные рукоприкладства.

К. 164, столб. 2 на 89 состав; сст. 15—17. Датирована по смежным в столбце документам.

24. 1658—59 гг. — Отписка вновь назначенного якутского воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова в Сибирской приказ о распросе приехавшего из Якутска в Енисейск сотника Матвея Ярыгина с товарищами о сменяемом якутском воеводе Михаиле Лодыженском и дьяке Федоре Тонково и об отсылке их в Сибирский приказ из допросных речей.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу [т.] холопи твои Ивашко Большой Голенищев Кутузов, Ивашко Бородин челом бьют. По твоему великого государя указу и по наказу и по твоей великого государя грамоте ис Сибирского приказу за приписью дьяка Григорья Протопопова велено нам холопом твоим, приехав в Сибирь на великую реку Лену в Якутской острог, у стольника и воеводы у Михаила Лодыженского да у дьяка у Федора Тонково переписать ленские их всякие нажитки, а переписав запечатать твоею великого государя печатью Якутского острогу и спросить их Михайла и Федора порознь, для чего они Михайло и Федор твоею великого государя казною користовались и твои великого государя соболи в сороках ценят самую дороговую цену и присылали к тебе великому государю из Якутского острогу перед присылками прежних воевод многим плоше, и для чего при них Михайле и Федоре // в Якутском остроге твоим великого государя таможенным пошлинам перед зборы прошлых годов чинился недобор, и по чему в Якутском своими товары и вином торговали, и сколько в котором году каких своих ленских пожитков и с кем имяны из Якутского они выслали к Русе, и кого имяны и тутошных Якутского острогу и приезжих и ясачных людей поимали они Михайло и Федор к себе во дворы в холопство, и сколько они своих каких товаров и вина и с кем имяны из Якутского посылали для продажи на деньги и для мены на соболи и на всякую рухлядь на Собачью реку и в иные места, и каким людям тое их товары и вино продавано, и по чему ведро того их вина продавали и сколько за то их вино и за товары взяли денег и соболей и всякой мяхлой рухляди и к ним Михайлу и Федору при/вели, и для чего они тутошным якутским и приезжим и промышленным и ясачным людям чинили насильства и налоги, и сколько с кого чего насильством своим взяли в посулах, и хто имяны тутошные якутские русские и промышленные и ясачные люди при них из Якутского розбегались. И велено, государь, нам холопом твоим про них Михайла и Федора в Якутском обыскасть всяких чинов русскими людьми по святой христовой непорочной евангельской заповеди, а иноземцы по их вере. Да что они Михайло и Федор в роспросе порознь и на очной ставке сами на себя и что про них в обыску обыскные люди скажут, и нам холопом твоим те их речи велено записать и к тем их роспросным речам велено им Михайлу и Федору руки свои приложить да обыскным людям, которые грамоте умеют, самим руки свои приложить, а которые грамоте не умеют, и тем к своим речам велеть в свое место руки приложить отцем их духовным или друг за друга, хто кому верит, а ино/земцом по тому ж, хто какой

грамоте умест, к обыскным своим речам руки свои приложить, а которые грамоте не умеют, и тем к обыскным своим речам велети знамена им свои приложить. Да тот сыск за их руками и с того сыска перечневую выписку за моею холопа твоего Ивашковою рукою Бородина велено прислать к тебе великому государю к Москве да о том описать, а отписку и сыск и перечневую выписку велено подать в Сибирском приказе твоему государеву боярину князю Алексею Никитичю Трубецкому да дьяком Григорью Протопопову да Федору Иванову. И в нынешнем, государь, во 167-м году приехали мы холопи твои в Енисейской острог и из Якутского, государь, острогу в Енисейской острог приехали с твоею великого государя ленскою соболиною казною сотник Матвей Ярыгин да с ним ценовальников и торговых людей и казаков 20 человек. И мы холопи твои того сотника Матвея Ярыгина и ценовальников и торговых людей и казаков простольника и воеводу про Михаила Лодыженского и про дьяка Федора Тонково расспрашивали порознь по святой евангельской христовой непорочной заповеди. Да нам же холопом твоим торговой человек ярославец Микитка Агапитов у роспросу на Михайла Лодыженского подал роспись за своею рукою. И мы холопи твои те их роспросные речи, написав на список подлинно порознь по статьям, да к тем их роспросным речам велели им руки приложить. Да те их роспросные речи и роспись за их руками я холоп твой Ивашко Бородин за своею рукою послали к тебе великому государю к Москве Якутского острогу с служилым человеком с Корниликом Ванюковым да Енисейского острогу с служилым человеком с Богданскою Харламовым и велели подать в Сибирском приказе твоему государеву боярину князю Алексею Никитичю Трубецкому да дьяку Григорью Протопопову да Федору Иванову.

К. 184, столб. 4 на 22 остается; стр. 9—13. Роспросные речи Никиты Агапитова напечатаны выше, под № 22.

25. 1659 г. ранее ноября 14. — Отписка сына боярского Ивана Ерастова из Колымского зимовья якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому о «воровстве» выпущенного из аманатов чукотского князя Мита и о необходимости иметь в Колымском зимовье запасы пороха и свинца.

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] стольнику и воеводе Михаилу Семеновичу да дьяку Федору Васильевичу сын боярской Ивашко Ерастов челом быю. В прошлых во 164-м году, зимнюю порою, за недело до рождения христово, лутчей колымской низовской князец Тимкуй призвал и поимал лутчево чукотского князя Мита и отдал сыну боярскому Костянтину Стефанову в Нижнее ясажное зимовье в аманаты, и он Костянтин того Мита держал до весны, и оне чюхчи своими родами неотступно приезжали к ясажному зимовью, и он Костентин не спрошася с колымскими низовскими лутчыми князцы и того Мита отпустил, а взял в ево место робят: сказали ему, что де брат ево родной да брат сродной да сын ево ребенок, не зная холопишка ли их, то ли, знатков на них нет. И приехав он Мита осенью убил лутчево ясажного улусново мужика Ерма с сыном да с племянником, а оне Ерма шли з государевым ясаком в ясажное зимовье, и государевых 50 соболей взяли и увезли в свою землю на чухочью реку, а он Костентин на тех юкагирах государев ясак доправил, а к вам в Якутской острог ни о чем о том не писалывал. Да в нынешнем во 167-м году на Кол[ыме] реке у Нижнего ясажного зимовья неясашные иноземцы чюкчи, он же Мито, ссоровали, до смерти Якутского острогу служилых людей на рыбной ловли побили, служилого человека Ивана Савина Ячменева да служилого ж человека Федота Матвеева, а иных служилых людей Ивана Перфирьева, Василья Ошуркова да охочево служилого человека Фильку Севастьянова переранили. И в нынешнем же во 167-м году июля в 8 день собрал я Ивашко на Колыме реке на нижней ярманке Якутского острогу служилых и охочих людей 19 человек да иноземцов ясажных юкагирей полтораства человек и послал на государеву службу на тех неясашных убойцов и воровских иноземцов на чухочь в поход с огненным и лучным боем, а поднимал я Ивашко на ту государеву службу своим порох и свинец, оружие и запас давал свои; порох покупал по 5-ти руб. фунт и больше, а свинец по 2 руб., а запас муку по 3 руб. за пуд. А zde

на Колыме реке в государеве казне и у служилых, у торговых и у промышленных людей порошу и свинцу нет ни фунта, а прилегли многие немирные землицы и неясачные иноземцы, чюхчи и коряки и ходыныцы, и оберечися от них нечем, а здесь на Колыме реке надобно в государеве казне лежало б для обережи зимовьям пуд порошу да 2 пуда свинцу. И вы о том как укажете.

На обороте: Государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] стольнику и воеводе Михаилу Семеновичю да дьяку Федору Васильевичю.

168-го году ноября в 14 день подал отписку промышленной человек Ивалшко Кисельников.

К. 184, столб. 10 на 52 ставая; сст. 20.

26. 1661 г. не ранее июля 8. — Отписка якутского воеводы Ивана Большого Голеннищева-Кутузова в Сибирский приказ о привозе амурскими служилыми людьми Яковом Парфеньевым с товарищами ясака, собранного ими на реке Зие с «богодонских людей».

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] холоп твой Ивалшко Большой Голеннишев-Кутузов челом бьет. В нынешнем, великий государь, во 169-м году июля в 8 день пришли ко мне холопу твоему с Амура реки амурские служилые люди Якушка Парфенов да Елизарко Семенов с товарищщи 56 человек, а с собою привезли, что у них осталось от погрому богдонских людей, что они собрали на Зие реке с иноземцов на тебя великого государя ясаку и поминков в прошлом во 168-м и в нынешнем во 169-м годах 8 сороков 14 соболей и недособелей да 8 сороков 14 пупков собольих да бабр, цена соболям и пупкам, опричь бабра, 70 руб. 20 алт. 2 д. И я холоп твой ту твою великого государя соболиную казну съ якутскою соболиною казною, оцена и положи в сумы, послал к тебе великому государю к Москве. Да те ж, великий государь, амурские служилые люди били челом тебе великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю [т.], а мне холопу твоему в Якутском остроге в съезжей избе Якушка Парфеньев да Елизарко Семенов с товарищщи подали челобитную о службе своей к тебе великому государю, и я холоп твой тое их челобитную послал к тебе великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] к Москве под сею отпискою.

К. 201, столб. 11 на 39 ставая; сст. 1.

27. 1663 г. июня 3. — Наказная память якутского воеводы Ивана Большого Голеннищева-Кутузова тюремным целовальникам Семену Брусенкину и Фоме Кондратьеву о правилах содержания «тюремных сидельцов».

Лета 7171-го году июня в 3 день по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] память тюремным целовальником десятинику Сеньке Брусенкину да Фомке Кондратьеву да с ними сторожи тюремные Харька Беляй, Данилко Коростел. Быти им у тюрьмы и беречь накрепко тюремных сидельцов в день и в ночь, чтобы они тюремные сидельцы тюрьмы не подрезали, из тюрьмы бы они никуда не ходили. А как учнут в мир ходить, и им выпускать для милостыни сидельцов тюремных, которые сидят не в больших делах по переменам, а которые сидят в больших делах и тех сидельцов из тюрьмы без ведома стольника и воеводы Ивана Федоровича Большова Голеннищева-Кутузова не выпускать, а выпускать в чеши или сковав по ноге, а за ними ходить сторожам по переменам, и никого в ночь и в день тайным обычаем к тюрьмам не припускать. А буде хто принесет кому в тюрьму милостыню, или хто похочет ково тюремново сидельца накормить и в тюрьму принести, и тем людем, явися целовальником и сторожам, приходит в тюрьму, а будет которые люди учнут тайным обычаем приходит в тюрьму, не явися целовальником и сторожам тайным обычаем, и тех людей имать и приводить в съезжую избу. А однолично по сей наказной памяти беречь тюремных сидельцов накрепко с великим береженьем. А будет вапшим нераденье и небереженьем хто из тюрьмы уйдет, и вам целовальником и сторожам быть от великого государя в жестоком наказанье и в смертной казни. И тово б вам смотреть накрепко, чтоб отнюдь из тюрьмы писем никаких не писали и никто б у них писем не принимал и чернил и бумаги

в тюрьме не держать, а держать чернила и бумага вам целовальником у себя. Кому будет о каком деле написать челобитная, и оне б те челобитные писали при вас целовальниках, а без вас бы не писали, а будет из тюрьмы объявитца какие воровские письма, или чернила и бумага в тюрьме будет, и вам быть от великого государя по тому же в жестоком наказанье.

К. 201, столб. 20 на 93 остават; сст. 16.

28. 1664 г. не ранее мая 26. — Отписка якутского воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова в Сибирский приказ о желании нерчинских, иренских и теленбинских тунгусов перейти в русское подданство и о невозможности усилить гарнизоны местных острожков из за недосылки хлеба из Илимского острога.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу [т.] холоп твой Ивашко Большой Голенищев-Кутузов челом бьет. В нынешнем, великий государь, во 172-м году мая в 26 день писал ко мне холопу твоему Ларион Толбузин, а в отписке ево написано, велено де ему писать ко мне холопу твоему в Якутской о прибавочных служилых людех: в нынешнем де во 172-м году под Нерчинским и под Ыргинским и под Теленбинским острогами живут ясачные тунгусы конные, прикочевали вново. А прежде сего те тунгусы тебе великому государю ясак не плачивали, а ныне де ясак дали и хотят быть под твоею великого государя царскою высокою рукою до веку неотступны. А приезжают де под остроги мунгальские люди человек по 30-ти и по 40-ку, и емлют де с них ясачных людей ясак на мунгальского царевича сильно. И те де ясачные тунгусы бьют челом тебе великому государю и просят на мунгальских людей оборони, а ему де ясачных людей от мунгал оборонить некем, потому что у него в 3-х острогах служилых людей только 46 человек, от мунгальских людей сидят в осаде, помирают голодною смертью. И мне бы де холопу твоему по твоему великого государя указу прислать прибавочных служилых людей в Нерчинской и в Ыргинской и в Теленбинской остроги наскоро, чтоб над острогами от мунгальских людей какое дурно не учинилось. Да ему ж де Лариону учинилось ведомо от ясачных тунгусов, // что де будут под остроги войною тубутдукские люди. И мне, великий государь, из Якутского острогу служилых людей послать не с чем, потому что Илимского острогу воевода Лаврентей Обухов твоих великого государя хлебных запасов прислал только в четверть окладов. И я холоп твой, не хотя твоих великого государя служеб поставить, взял на тебя великого государя у торговых людей с великою нужею 600 пуд муки ржаной. И тем хлебом я холоп твой отпустил с великою нужею на твои великого государя двоегодные службы за море на Анадырь реку и на Охоту в острожек. А дал им твоего великого государева жалованья только на 1 год. А иным, государь, служилым людям, которые остались за теми службами в посылке в дальные и в ближние службы, и тех, великий государь, служилых людей отпустил з большою ж нужею, емлючи у торговых и у всяких жилетчиков людей. И только, великий государь, у Лариона Толбузина в тех острогах какое дурно учиница, мунгальские и тубутдукские люди остроги возьмут или, великий государь, Якутского уезду в розных зимовых для хлебной скудости в недосылке хлебных запасов с Биямского волоку от воеводы от Лаврентья Обухова учиница в твоём великого государя ясаку недобор, и то, великий государь, учиница не от меня холопа твоего, а учиница то все от недосылки хлебных запасов с Ленского волоку Лаврентья Обухова.

К. 202, столб. 4 на 5 остават; сст. 3—4.

29. 1665 г. июля 21. — Наказная память якутского воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова сыну боярскому Кузьме Лошакову о посылке его в Зашиверский острог на смену сыну боярскому Андрею Булыгину и о расследовании злоупотреблений последнего.

Лета 7173-го июля в 21 день по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] и государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича [т.] и государя благоверного царевича и великого князя Федора Алексеевича [т.] и по приказу стольника и воеводы Ивана Федо-

ровича Большово Голенищева-Кутузова память Якуцкого острогу сыну боярскому Кузьме Лошакову. Итти ему великих государей на службу на Индигирку реку для того, что в нынешнем во 173-м году били челом великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу [т.] и государю благоверному царевичю и великому князю Алексею Алексеевичу [т.] и государю благоверному царевичю и великому князю Федору Алексеевичу [т.] торговые и промышленные люди Микитка Ворыпаев с товарищи 24 человека и прислали с Индигирки реки в Якутской челобитную за своими руками с сотником казачьим с Амосом Михайловым на сына боярского на Андрея Булыгина. А в той их челобитной написано: в прошлом де во 172 и в нынешнем во 173 годах тот Андрей их торговых и промышленных людей изгоняет и всякими обидами обидит и своими бездельными приметами к ним приметываетца и своими руками бьет их на смерть и батогами бьет нещадно для своей бездельной корысти и кабалы намучивает и вино курит и пиво варит и продает то вино в чарки, а пиво в ведра; да индигирские юкагири в том им торговым и промышленным людям // на него Андрея в своих обидах извещали, что де он же Андрей всякими обидами их обидит и приметываетца своими бездельными приметами и побрал у них юкагирей всякие последние животинки и олени, и ясаку де им промышлять не на чем и жить де им стало не можно; и чтоб великие государи позлаждали их торговых и промышленных людей и иноземцов, велели на Индигирке реке про ево Андреевы всякие к ним налоги и обиды и бездельные приметы сыскать ими же торговыми и промышленными людьми и ясачными юкагири. И по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] и государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича [т.] и государя благоверного царевича и великого князя Федора Алексеевича [т.], приехав тебе на Индигирку реку, сыскать служилыми и торговыми и промышленными людьми по святой непорочной евангельской заповеди господни и ясачными юкагири по их вере по шерти: Андрей Булыгин, будучи на Индигирке реке, торговым и промышленным людям и ясачным юкагирем изгони и всякие обиды чинил ли, и своими бездельными приметами к ним приметывался ли, и своими руками бил ли ково на смерть и батоги бил ли нещадно для своей бездельной корысти, и кабалы на ково намучил ли, и вино курил ли и пива варил ли и вино в чарки и пиво в ведра продавал ли, и у ясачных же юкагирей олени сильно имел ли. Да хто что в сыску скажет, и ты б те их речи велел писать на роспись порознь статьями имено и велел им к тем своим речам руским людям, которые в грамоте умеют, прикладывать руки самим, а которые в грамоте не умеют, и в их места велел руки прикладывать кому они обыскные люди велят в свое место приложить, а ясачным юкагирем велел прикладывать знамена свои. И тот сыск за обыскных людей руками и за иноземскими знамени и за своею рукою прислать и о том описать в Якуцкий острог с кем пригоже и велеть ту отписку и сыск подать в съезжей избе стольнику и воеводе Ивану Федоровичу Большому Голенищеву-//Кутузову. Да тебе ж Кузьме допросить янских и хромовских юкагирей, которые в прошлом во 171 году на Яне реке великому государю изменили и в нынешнем во 173 году на Индигирку пришли и вину свою великому государю принесли и ясак платили Тимюк с товарищи, сколько они с себя и за родников своих великих государей ясаку на нынешней на 173 год сыну боярскому Андрею Булыгину принесли. И допрося, те их речи написать на роспись и велеть им знамена свои приложить и те их речи за их знамены прислать в Якутской. А самому тебе Кузьме с Индигирки реки итти в Зашиверской острожек. И пришед в острожек, принять тебе у сына боярского у Андрея Булыгина Зашиверской острожек и в том острожке ясачное зимовье и служилых людей и аманатов налицо по росписи и ясачные сборные и приправочные книги и великих государей в казне всякие товары и суды и судовые снасти. А сколько чево налицо прамощи, и в том с ним Андреем росписатца. Да тебе ж принять у него ж Андрея прежняя наказная память и великих государей ясачной сбор собирать и всякие дела делать по тому наказу. А кто имяны служилых людей с тобою в Зашиверской острожек посланы, и тому роспись под сею памятью. Да в нынешнем во 173-м году били челом великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу [т.]

и государю благоверному царевичу и великому князю Алексею Алексеевичу [т.] и государю благоверному царевичу и великому князю Федору Алексеевичу [т.] Подшиверного ясачного зимовья ясачные юкагири Щербачко з братом Воютомановы дети да Шелыга Шамапов и прислали в Якутской челобитную за своими знаменны на промышленного человека на Пятунку Миронова. А в челобитной их написано: были де они Щербачко з братом ему Пятку должны в порушных в 4-х соболях, а держали поруку по ясачном же юкагире по Кручинке, и они ево Пятка боячись дали ему соболя доброво, а взял тово соболя за 4 соболя, а дали они за того соболя оленя доброво ясачному же юкагиру; да он же Пятунка сверх того притрозья почол на них 3 соболя, да и вперед де им угрожает неведомо чем; и они де, боячись ево гроз, великих государей с ясаком к ясачному зимовью приходит // не смеют; а у Шелыги де отнял он же Пятунка сестру ево, а живота за нее никакова ему не дал, и держав тут сестру ево продал промышленному человеку Сидорку Григорьеву, а взял за нее 40 соболей. И по указу великих государей взять тебе у того Пятка того соболя, которого он взял у Щербака за 4 соболя, и прислать в Якутской с кем пригоже, А за девуку, что он взял у Шелыги и продал промышленному человеку Сидорку Григорьеву, а цены за нее ему Шелыге не дал, доправя за нее 40 соболей, отдать ему Шелыге для того, чтоб на то смотря им неповадно было сильно иметь девок, а цены за них не платить. А буде та девка некрещена, и ты б, взяв ее у того Сидорка, отдал ему Шелыге. А ево Пятка выслать тебе в Якутской тотчас великих государей в деле за приставом и велеть приставу ево весть дорогою в крепь, чтоб он з дороги никуда не ушел и над приставом какова дурна не учинил. И приехав тому приставу в Якутской, велел ево Пятка объявить в свежей избе стольнику и воеводе Ивану Федоровичу Большому Голенищеву-Кутузову. Да тебе ж Кузьме принять во 174-м году апреля в 4 день у индигирского таможенного целовальника у Терешки Черепана великих государей в казне всякие таможенные дела и указанные памяти, которые из Якутского посыланы прежним целовальником, и ево Терешкиных зборных таможенных и десятинных соболинных и денежных книг списки за ево Терешкиною рукою, и те книги держат великих государей в казне для примеру таможенного збору. Да тебе ж принять у него Терешки наказную память великих государей за печатью и за рукою стольника и воеводы Ивана Федоровича Большова Голенищева-Кутузова, и великих государей таможенные пошлины збирать и всякие таможенные дела делать по тому наказу до иново целовальника. И как будет прислан иной целовальник, а сколько чело налицо примеш, и в том во всем с ним Терешкою росписатца и росписной список за своею рукою прислать в Якутской тотчас с кем пригоже. А росписався, через гору выслать ево Терешку великих государей с соболиною и з денежною казною ево збору и книгами в Якутской острог и о том отписать, а отписку велеть подать и ему Терешке явитца в свежей избе стольнику и воеводе Ивану Федоровичу Большому Голенищеву-Кутузову.

К. 202, столб. 10 на 95 состав; сст. 36—40.

30. 1678 г. не позже августа 4. — Челобитная казачьего десятника Михаила Колесова о зачислении его в пятидесятники за его «службы, за кровь и за раны».

Царю государю и великому князю Федору Алексеевичу [т.] бьет челом холоп твой десятиничко казачей Мипка Колесов. В прошлых, великий государь, годех служил я холоп твой блаженные памяти отцу твоему государеву великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу [т]. В прошлом, великий государь, во 160-м году посылан я холоп твой из Якутского острогу на Индигирку реку в Уяндинское зимовье с приказным человеком с Василием Бурлаком. И будучи в том зимовье я холоп твой ваш великого государя ясак с ним Василием с ыноземцом збирал и караулы караулил и всякую службу со своей братьей служил. И в прошлом же, великий государь, во 162-м году Зашиверского острожку с приказным человеком с Андреем Горелым на неясачных на немирных иноземцов на ламутов, на Лягузения и на родников ево с ним Андреем в поход я холоп твой ходил и с ними бился, и на том бою я холоп твой ранен в лоб. И божиею милостию и вашим великих государей счастьем того Лягузения и родников ево погромили и ево Лягузения поимали и в аманаты вместо

ею взяли сына ево Лабуту. И с тех ламутских людей ваш великих государей ясак в Зашиверском острошке и по се число збираетца. Да в прошлом же, великий государь, во 167-м году из Якутского острогу стольник и воевода Мимайло Лодыженской посылал меня холопа твоего въ Якутскую в Мегинскую волость для вашего великих государей недоборного ясаку, и недоборной ясак в той в Мегинской волости съ якутов я холоп твой вновь захребетников неясачных якутов 20 //человек и с них взял на вас великих государей ясаку соболями и лисицами. Да в прошлом же, великий государь, во 168-м гду стольник и воевода Иван Голенищев-Кутузов из Якутского острогу послал меня холопа твоего на вашу великих государей службу на Ковыму реку с приказным человеком с сыном боярским со Вторым Катаевым. И пришед на Ковыму в Среднее зимовье, он Второй послал меня холопа твоего в Ковымское в Нижнее зимовье для вашего великих государей ясачного збору. И будучи в Ковымском в Нижнем зимовье я холоп твой вам великим государем служил и с иноземцов съ юкагирей ваш великих государей ясак на 170-й и на 171-й годы да за иные за прошлые годы 34 соболи собрал. И в том же во 170-м году неясачные люди чюхчи Ковымское Нижнее ясачное зимовье обсадили и ясачных юкагирей и служилых людей на рыбных ловлях учили побивать. И приказной сын боярский Второй Катаев посылал меня холопа твоего с служилыми людьми на тех воровских неясачных чюхоч, и я холоп твой на тех чюхоч ходил в поход и тех чюхоч побили и ясачное зимовье о[т]стояли, а на том бою меня холопа твоего ранили в правую ногу в колено. И в том же, государь, во 170-м году на Ковыму реку под Верхнее ясачное зимовье весною подошли немирные иноземцы неясачные ламутки и по промыслам промышленных людей побивали и патащника Офонася Бакпенцу убили со всею ватагою. И приказной человек Второй Катаев посылал меня холопа твоего на тех воровских на неясачных ламутов, а со мною холопом твоим посылал служилого человека Ивана Ермолина да промышленных людей 20 человек. И я холоп твой на тех ламутов в поход ходил и там великим государем служил и с ними бился, и на том бою меня холопа твоего ранили, прострелили у ноги берцо. И божиею милостию и вашим великих государей счастьем тех ламутских иноземцов // побили, и на том бою взяли в аманаты лутчего ламутского тунгуса именем Иркынея, и ясак с тех ламутских иноземцов в том в Ковымском в Верхнем зимовье и по се число под аманатов збираетца по 40-у соболей. Да в прошлом же, великий государь, во 173-м году стольник и воевода Иван Голенищев-Кутузов послал меня холопа твоего из Якутского острогу через гору на Индигирку и на Алазейку и на Ковыму реки [с] сыном боярским с Бываном Хвостовым для вашей великих государей пятой деньги ратным служилым людям на ваше великого государя жалованье. И будучи на тех реках той пятой деньги собрали мы 200 руб. денег да за деньги 24 сорока соболей. Да в прошлом же, великий государь, во 178-м году с Ковымы реки приказной человек пятидесятник казачей Петр Оксентьев послал меня холопа твоего в Якутской острог збору Ковымского Верхнего и Среднего зимовей с вашим великих государей с соболиною казною, а той соболиной казны // было 10 сороков и с прибылью. И божиею волею, морем идучи, взял замороз, и тое вашу великих государей казну до Янского зимовья на нартах я холоп твой доvez и жил до великого посту, ел сосну и траву. И под тое вашу великих государей казну нанял я холоп твой иноземцов юкагирей с оленьми, а дал им 12 соболей своих за провоз. И ту вашу великих государей казну на оленях с Ины Нижнего зимовья я холоп твой через гору вывез в Жиганы. А преж того русские люди через тот камень никто не бывал. И в прошлом во 179-м году из Жиган ту вашу великих государей казну я холоп твой привез въ Якутской острог в целости. Милосердный государь царь и великий князь Федор Алексеевич [т], пожалуй меня холопа своего вели, великий государь, за те мои к вам великим государем службы и за кровь и за раны приверстать меня холопа твоего в пятидесятичашка на выбылое место. Царь государь, смилуйся.

Помета: 186-го августа в 4 день выписать.

К. 213, столб. 21 на 248 сставя; стр. 238—241.

31. 1679 г. не позже марта 6. — Челобитная ясачных якутов Меицкой и Мальягарской волостей Сергушки Тетнуева и Оночки Торева «с родниками» о расследовании злоупотреблений олекминского приказного человека Григория Пушина.

Царю государю и великому князю Федору Алексеевичу [т.] бьют челом холопи твои Олекминского острошку ясачные якуты Меицкой волости Сергушко Тетнуев да Мальягарской волости Оночко Торев со всеми своими родниками, кои тебе великому государю ясак платят в Олекминском острошке, на приказного человека на сына боярскова на Григорья Федорова сына Пушина в том, что будучи он Григорей на приказе в Олекминском острошке на приказе, чинил нам холопам твоим изгони и налоги всякие и для своей бездельные корысти бил и в железа сажал. А бить челом тебе великому государю он Григорей родников наших в Якутской острог не отпускает, а челобитных писать на Олекме родникам нашим на него Григорья некому. Милосердый государь царь и великий князь Федор Алексеевич [т.] пожалуй нас холопей своих вели, государь, про те ево Григорьевы налоги и обиды сыскать кому ты, государь, укажешь. А кому которая изгони родникам нашим была, и оне будут тебе великому государю бить челом и подавать челобитные сыщику. Царь государь, смилуйся.

Помета: 187-го марта в 6 день по указу великого государя сыскать про[тив] челобитья сыну боярскому Матвею Срыгину и дать ему о том память.

К. 214, столб. 13 на 38 сстава; сст. 1.

32. 1679—80 гг. — Челобитная верхнеколымских ясачных юкагир Глухого Насычина брата с товарищами якутскому воеводе Фоме Бибикову о снятии с них ясак за освобожденного за их порукою из аманатов юкагира Третьякова брата Лисицына, ушедшего со своими «родниками» к неясачным юкагирам.

Царю государю и великому князю Федору Алексеевичу [т.] бьют челом холопи твои Ковьми реки Верхнего Ковымского ясачного зимовья ясачные каменные юкагири Глухой Накычин брат да Каманди Волчихин да Заварза Киттеги Воботунова брат да Егиря да Шанга Спнезубовы в том: в прошлом, великий государь, во 185-м году был на Ковьме реке приказным человеком пятидесятник казачей Герасим Цыпандин и выпустил из казенки аманата Третьякова брата Лисицына, а в аманаты ево Третьякова брата посадил по нашему словесному челобитью сын боярской Петр Арышкин. И он Герасим от того амана[та] с Третьяка Лисицы от выпуску себе взял 6 соболей. И как он Герасим с него Третьяка взял 6 соболей и того аманата выпустил, и велел он Герасим нам холопом твоим Глухому и Кеманди Волчихину и брату моему Заварзину Киттеге Воботунову держать поруку по нем Третьяке Лисице, чтобы ему Третьяку платить великого государя ясак за порукою без аманата. И мы холопи твои по нем Третьяке держали поруку по их Герасимову велению. А преж сего он Третьяк к ясачному зимовью ходил и под того аманата тебе великому государю платил ясаку в наш Глухово оклад по 2 соболя на год, а брат ево Третьяков да Сергей платили тебе великому государю ясаку в Егирин оклад по 4 соболя на год с человека. Да Третьяков же брат платил тебе великому государю в Киттегин оклад Воботунова по 4 соболя на год. И он Третьяк с родниками своими к ясачному зимовью с ясаком не пошли в нынешнем во 188-м году и твоего государева ясаку не послал[и], остались и живут в чюванцах в неясачных. И на нас холопех твоих приказной человек пятидесятник казачий Михайло Колесов спрашивает за него Третьяка и за братья ево твоего великого государя ясаку на нынешней на 188-й [и] на 187-й годы. А нам холопом твоим за него Третьяка и за братья ево Третьяковых твоего великого государя ясаку платить нечем, обнищали и оленишки выпропали, а в суземьях соболей и не стало и промыслять соболей негде. Милосердый государь царь и великий князь Федор Алексеевич [т.], пожалуй нас холопей своих вели, великий государь, сию нашу челобитную приказному человеку пятидесятнику казачью Михайлу Колесову принять и послать под отпискою в Якутской острог к твоему государеву воеводе Фоме Ивановичу Бибикову подать в приказной избе, чтобы нам холо-

пем твоим в том их Третьякове и братьей ево ясаку вконец не погнуть. Царь государь, смилуйся.

На обороте 5 якугирских «знамен».

К. 215, столб. 5 на 41 сставе; сст. 38.

33. 1680 г. не ранее февраля 26. — *Отписка якутского воеводы Фомы Бибикова енисейскому воеводе кн. Ивану Барятинскому о присылке из Енисейска денег и плотников для постройки нового острога в Якутске.*

Господину князю Ивану Петровичу Фома Бибинов челом бьет. В нынешнем во 188-м году февраля в 26 день в государеве цареве и великого князя Феодора Алексеевича [т.] грамоте писано ко мне: указал великий государь на Лене в Якутском делать город новой рубленой не в один год, а старой острог и надолбы и крепости починить якуцкими всяких чинов служилыми и жилищенными людьми, чтоб в том остроге жить было безстрашно. А делать новый город якуцкими ж служилыми и всяких чинов жилищенными людьми, а в прибавку взять в Енисейску и в Ылимском. А где быть новому городу обыскать и описать подле посаду порозжее место, где пристойно, чтоб в крепких и в угодных местах и водою не подмывало. И на то городовое дело и на церковное строенье лес всякой промышлять якуцким жителем и енисейским и илимским плотником водяным и сухим путем, как пристойно, не в пашенное и деловое время, с великим раденьем, чтоб от того никаких чинов людям тягости и убытков и десятинной пашне недопашки и ясачному и всякому сбору недобору не было. А город новой делать каков пристойно, смотря по тамошнему делу и не в один год. А к тому городовому делу взять плотников из служилых // и ис посацких людей к якуцким служилым и посацким людям в прибавку из Енисейска 40, из Ылимского 20 человек не замочтав. А на то городовое строенье прислать из Енисейских доходов денег 300 руб., oprич тех денег, которые велено посылать на Лену по 3000 руб. на год, а те деньги давать енисейским и илимским плотникам от того городского дела. А в Енисейску в Ылимском дати им плотником великого государя денежное и хлебное жалованье и соль для того городского дела впредь на 2 года по окладом их сполна. И вам бы, господа, о присылке для городского дела плотников учинить по указу великого государя.

К. 215, столб. 2 на 2 сставах; сст. 1—2.

34. 1681 г. не ранее марта 4 — *Отписка якутского воеводы Ивана Бибикова енисейскому воеводе кн. Ивану Барятинскому о присылке из Енисейска кузнечных и бронных мастеров.*

... людей, кузнецов и бронников, в Якутском нет, ружья починить и вновь делать некому, а в Енисейском остроге самопальных мастеров человек с 30. И во 178-м году послана великого государя грамота в Енисейск // к воеводе Кирилу Яковлеву, велено ему послать из Енисейска в Якутской бронного да кузнечного дела мастеров 2 человек, которым бы кузнешное и бронное дело в обычай, тотчас. И в прошлом же во 181-м году мая в 19 день по указу великого государя и по грамоте послал он Кирила из Енисейска в Якутской острог бронного и кузнечного мастера Митьку Петрова с ленским служилым человеком с Максимком Мухомлевым со всем кузнечным заводом, собрав с ыных кузнецов в подмочь денег 7 руб., да на покормление до Илимского острогу из государевы казны дано 6 пуд муки ржаной. И в том же во 181-м году июля в 24 день казак Максимко Мухомлев в Якутской приехал, а бронного и кузнечного мастера Митьку Петрова с собою не привез, и в приказной избе перед воеводою перед князем Яковом Волконским он Максимко оказал: в прошлом де во 181-м году мая в 19 день воевода // Кирило Яковлев послал из Енисейска с ним Максимком в Якутской бронного и кузнечного мастера Митьку Петрова, а кузнечной завод он Митька послал из Енисейска наперед с ылымским посадским человеком з Богданкою Коломлетным, и тот Митька с Ылымского волоку у него Максимка збешал неведомо куды. Да в прошлом же, господа, во 187-м году августа в 1-й день в государеве цареве и великого князя Феодора Алексеевича [т.] грамоте за приписью дьяка Савы Таркова писано воеводе Фоме

Бибикову да дьяку Мине Гробову: в прошлом де во 182-м году по указу блаженныя памяти отца ево государева великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] велено в Томском, въ Енисейску и Томского розряду в городах, и на Лене въ Якутском, в Ылимском, и в Даурах, и тех городов в уездах в острогах и в слободах, пушки и затинные пищали и мелкое ружье, которое попорчено, починить и пушки устроить все в станки, а которое мелкое ружье попорчено, а починить ево нельзя, и то ружье поделать снова тамошними городовыми кузнецы и бронными и иными мастеровыми людьми. А будет // где кузнецов и бронных мастеров нет, и для того дела по малой нуже присылать кузнецов и бронных мастеров из Енисейска и из быных городов и острогов, и выучить в городах и острогах бронному и кузнешному делу учеников, взяв ис казачьих и и[з] стрелецких детей, и быть в городах и острогах новым кузнецом и бронным мастером сверх прежних из жалованных кузнецов и бронных мастеров по сколько человек доведетца. А покаместа ученики бронному и кузнешному делу учатца, и имь давать из казны великого государя корм тем, хто будет выучитца, по 4 ч. человеку на день, или против того жъ по торговой цене хлебом. А как те ученики бронному и кузнешному делу у присыльных и у тутошных кузнецов и бронных мастеров выучатца, и присыльных кузнецов и бронных мастеров отпустить в те в городы, хто откуду взят, а учеником и прежним кузнецом и мастером ружье починивать и вновь делатъ с великим раденьем. А на то дело железо и уклад купить, а деньги давать из великого государя казны, чтоб пушек и затинных пищалей и мелково ружья попорченого и без кузнецов и бронных мастеров однолично нигде не было. А за то ружейное дело и починки вместо денежного и хлебного и соляного жалованья новым кузнецом // и бронным мастером у всяких чинов русских людей ружье починивать и вновь всякие бронные и кузнешные дела делатъ из найму, а оброков с них новых кузнецов и бронных мастеров с того их дела не имать, чтоб однолично пушки и затинные пищали и мелкое ружье и у всяких чинов служилых людей ружье их к службе было добро безо всякне оплошки. И из Енисейска, господа, против прежнего государева указу въ Якутской бронного и кузнешного дела мастеров 2 человека марта по 4 число нынешнего 189-го году не прислано. И в Якутском, господа, кузнецов и бронных мастеров нет, подростков казачьих детей бронному и кузнешному мастерству учить неково. И вам бы, господа, о присылке въ Якутской о кузнецах и о бронных мастерах учинить по указу великого государя. А кого, господа, кузнешных и бронных мастеров ко мне въ Якутской пошлете и о том для ведома велеть ко мне отписать.

К. 215, столб. 18 на 88 ставит; стр. 1—5. Начало утрачено. Имена воевод устанавливаются на основании «Списка городовых воевод» А. Барсукова.

35. 1683 г. января 30. — Наказ генералу Матвею Осиповичу Кровкову о назначении его якутским воеводой.

Лета 7191-го генваря в 30 день великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [т.] велели генералу Матвею Осиповичу Кровкову быть на своей великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] службе в Сибири на великой реке Лене в Якутском стольника на Иванова место Приклонского. И воеводе Матвею Осиповичу ехать с Москвы нынешним зимним путем в Сибирь до Верхотурья, нигде ни за чем не мешкая. А приехав на Верхотурье взять по государеве грамоте у стольника и у воеводы у Михайла Толстова да у дьяка у Осипа Палицына под себя суды против прежних отпусков. // А взяв на Верхотурье суды, ехать в Тоболеск. А приехав в Тоболеск, взять у боярина и воеводы у князя Алексея Андреевича Голицына с товарищи на ленские расходы на 3 годы для церковных обиходов 6 ведр вина церковного, 5 пуд ладану, 6 пуд воску, да для государевых служб и посылок 90 пуд железа кричного доброго, 30 пуд зелья ручного, свинцу то ж, да для письма 60 стоп бумаги пицей, да на иноземские и ясачных людей расходы 100 ведр вина горячего, 20 пуд меду пресного, 8 половинок сукон летчинных, 15 пуд олова в блодах и в торелях, 15 пуд меди в котлах и в тазех, одекую 15 пуд или сколько в Тобольску в государеве казне есть. А взяв запасы

и суды, и по подорожной на суды вместо подвод кормишки и гребцов, ехать ему Матвею Осиповичу из Тобольска в Енисейск наспех, не мешкая нигде ни за чем, чтоб ему дойти до Маковского острожка // до заморозов задолго. А как он Матвей Осипович через Маковской волок в Енисейск перейдет, и ему взять в Енисейском у боярина и воеводы у князя Костянтина Осиповича Шербаотовенским ясачным людям и аманатом на корм хлебных запасов 100 чети муки ржаной, 20 чети муки овсяной, 20 чети солоду ржаного, 20 чети солоду ячного, 50 чети круп и толокна. А взяв те запасы и под запасы и под себя суды, на чем можно подтягати, и на суды кормишки и гребцов, ехать из Енисейска до Ленского волоку. А приехав на Ленской волок, взяв суды, ехать с Ленского волока не мешкая Леною рекою в Якуцкой. Да из Енисейска ж и Енисейского уезду из острогов, из которых мест ближе и податнее, велено посылать впредь по вся годы великих государей хлебных запасов ленским якуцким ясачным людям и аманатом на корм по 100-у по 50 чети муки ржаной, по 20-ти // чети круп и толокна на год с енисейскими служилыми людьми по вся годы безпереводно, не описываясь к великим государем о том ничем никоторыми делы. А приехав в Якуцкой, взять в приказной избе у столытника и воеводы у Ивана Приклонского великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] царства Сибирского Ленского Якуцкого острогу печать и острог и острожные ключи и на остроге наряд, а взяв, итти ему Матвею Осиповичу по острогу и пересмотреть всякого наряду. Да ему ж Матвею Осиповичу пересмотреть в государеве казне деньги и зелье и свинец и ядра и всякие пушечные и в государевых житницах хлебные и всякие запасы налицо, и велеть те хлебные запасы перемерить, а зелье и свинец перевесить, а деньги счесть перед собою имянно. Да ему ж Матвею Осиповичу взять деньгам и хлебу прошлых годов приходные и расходные книги, и государеве ясачной и поминочной мяхкой рухляди ясачные подлиннные книги, что по ево Матвею Осиповича приезд какие // мяхкие рухляди и на которой год было взято, и что на ком донять, и сметные и пометные ясачные списки прошлых годов и ясачные окладные книги, что с которого зимовья и с волостей с ково имянем ясаку збираетца, и денежные и хлебные сметные ж и пометные списки, и ленским ружнишником и обротчником и всяким служилым людям имянные книги, и прежние государевы указы, какковы от великих государей даны воеводам и дьяком и Ивану Приклонскому, и государевы указные всякие грамоты, и всякие государевы дела, и соболиную всякую мяхкую рухлядь, что у Ивана Приклонского заедет в государеве казне. А как Якуцкой и острожные ключи и всякие государевы дела и денежную и оболиную казну и хлебные и пушечные и всякие запасы примет, и в том во всем против сего великих государей наказу с Ываном Приклонским росписатца. А как роспишетца, и ему воеводе Матвею Осиповичу пересмотреть служилых людей, детей боярских и казаков и жалецких всяких людей по спискам всех налицо. А пересмотря служилых // и всяких людей, воеводу Ивана Приклонского с приездом ево да по свой приезд по книгам в приходе и в расходе в деньгах и в хлебных и в пушечных и во всяких запасах и в соболиной в ясачной и в поминочной и во всякой государеве казне счесть подлинно, да что на него Ивана государевых денежных и хлебных и пушечных запасов и соболиной и всякой государевы казны взочет, и то на нем Иване взять сполна. А сметные и пометные списки, будет по ево Матвею Осиповича приезд не зделаны и к великим государем не посланы, по тому ж взять на Иване Приклонском, а взяв отпустить ево Ивана к великим государем к Москве. Да что он // Матвей Осипович у Ивана Приклонского в Якуцком наряде и в государеве казне каких государевых дел и денег и соболиные всякие мяхкие рухляди и зелья и свингу и в житницах хлебных и всяких запасов налицо примет, и что на Лене в Якуцком откуды каких вестей будет, и ему Матвею Осиповичу о том о всем и о своем приезде отписать и счетной список, и сметные и пометные списки прислать к великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу [т.] к Москве, а отписку и счетной и сметные и пометные списки велеть подать в Сибирском приказе боярину князю Ивану Борисовичу Репнину с тварыщи. А наперед сего, с приездом своего, велеть ему Матвею Осиповичу

быть к себе в приказную избу ленским детям боярским // и казаком и стрельцом и пушкарем и затинщиком и всяким служилым и жилецким людям, и сказати им великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] жалованное слово, что великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [т.] их пожаловали, велели им давать свое великих государей жалованье по окладом их сполна, и велели их служилых и жилецких людей беречь и нуж их розсматривать, чтоб им ни от ково ни в чем нужи и тесноты и убытков и продажи и налогов не было, и они б служилые и всякие люди их царским милостивым призернем и жалованьем жили в тишине и в покое безо всякие нужи и промыслы своими всякими промышляли без опасения, а от ково будет им в чем какая нужда и обида и продажа и насильство какое было, и они б в том во всем приносили к генералу и воеводе к Матвею Осиповичю Кровкову челобитные. А ему Матвею Осиповичю о том царского величества крепко[и] приказ: велено во всем росправа чинить в правду, и береженье к ним держать и от обид и от продаж и от насильства и от всяких убытков беречь, а воров от воровства унять. А торговых и промышленных всяких людей верховых городов, собрав к себе в приказную избу, по тому ж сказати им великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] жалованное слово, что им на Лене преж сего сибирские воеводы и дьяки чинили многие продажи и обиды и тесноты самовольством, не по государеву указу, и нуж их не рассматривали, и управы меж их прямо не чинили, и посулы и поминки у них имали, // и их продавали. И великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [т.] своим царским милостивым осмотреньем велели их ото всяких обид и от насильства и от продаж беречь накрепко, и на торговлю велели им великие государи ездить повольно безо всякого задержания, и во всем нуж их велели рассматривати, чтоб им ни в чем нужи и продажи и убытков ни от кого никаких не было, и жили б в их царском милостивом призернии безо всякие нужи, и обиды и насильства и продажи и убытков ни от кого не опасались. А хто их чем изобидил и насильство и продажу им какую учинил и посулы и поминки у них имал, и они б на тех людей приносили к нему воеводе Матвею Осиповичю челобитные, а он им по царскому велению во всем управу учинит и впредь их учет беречь. И говорить ленским служилым и посадким и всяким жилецким людям, чтоб они служилые и посадские и всякие жилецкие люди великим государем служили и во всем добра хотели, а воров, которые великим государем служить не учнут и добра не хотят, объявляли и проводывали. А хто великим государем послужит, и великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [т.] пожалуют их своим государевым жалованьем, смотря по их службе. А после // русских людей велеть ему у себя в приказной избе быть из волостей ясачным князцом и волосным лутчим людям, по сколькою человек пригож, а ему Матвею Осиповичю в те поры быть в приказной избе в цветном платье и руским служилым людям велеть быть в те поры в цветном же платье с ружьем. И сказати ленским ясачным князцом и ясачным людям великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] жалованное слово, что преж сего от воевод и от голов и от приказных людей от детей боярских и атаманов и стрельцов и казаков и от их братьи и от ясачных и от иных ото всяких людей было им небережение и налоги и продажи великие, как они платят ясаки, и у них имали ясаки с прибавкою не по государеву указу, и тем сами корыстовались, а воеводы того не берегли и суда им прямова не давали, и в волости к ним для ясаков воеводы посылали детей боярских и толмачей и казаков, и те дети боярские и казаки и толмачи, приезжая к ним, их ясачных людей продавали, имали у них посулы и поминки. И великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [т.] пожаловали их, велели им во всем на тех людей, хто их чем изобидил или посулы или поминки имали, давать суд и сыск праведной, и росправу и оборонь // от русских и ото всяких людей велели чинить, и во всем их беречь, чтоб им насильства и убытков и продажи и налогов ни от ково не было. И они б ясачные люди жили въ их царском жалованье во всем в покое и в тишине безо всякого сумнения и промышляли промыслы своими,

и великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу [т.] служили и прямили и во всем добра хотели по своей шерти, на чом они великим государем шерть дали, и над воры воровства и шатости и всяково лихово умышления смотрили и берегли накрепко, и детей своих и братью и племянников и друзей отовсюду на государеву милость призывали и в городах юрты и в уездах волости полнили, а царское величество во всем их пожалуют своим царским жалованьем. А в которых будет людех почаят шатость и воровства, и они б тех воров не укрывали и не таили, и тем великим государем службу свою и правду объявляли, и тех воров, в которых почаят шатость и воровство, сказывали и имая приводили к нему генералу и воеводе Матвею Осиповичу. А хто на кого скажет какое воровство или измену, а сыщется про то допряма, // и великие государи тех людей, хто на кого скажет, пожалуют своим царским жалованьем, и животы и вотчины тех людей, на ково хто какую измену и воровство доведет, велят отдать им. А сказав ясачным князем и якутом великих государей жалованное слово, велеть их накормить и напоить довольно, а кормить их и поить государевыми запасы от великих государей, а не от себя. А напоя их и накормя, распустить их по домом. А о государеве им ясаке и о поминках приказать, чтоб они государев ясак и поминки готовя по вся годы приносили сполна по окладу, соболи с пунки и с х[в]осты и лисицы с лапы и с хвосты ж. А как к ним для ясачного збору государевы служилые люди в землицы и в улусы и в юрты придут, и они б тем государевым служилым людям ясак с себя платили без замотчания весь сполна, а утеснения им никакова не чинили. и отпускали б их з государевым ясаком к нему Матвею Осиповичу в Якуткой без задержания. А за тем ясаком посылали [б с] служилыми людьми для береженья и для того, чтоб служилые люди не воровали и государевым ясаком не користовались, лутчих ясачных людей, по сколько человек пригож. А что будет те ясачные люди по его воеводском приезде принесут великим государем челом ударить соболей и лисиц или иново какова зверя, или ему воеводе Матвею Осиповичу для государева имяны что в поминках и дьячьих поминков же принесут, и ему та рухлядь взяв // у ясачных людей велеть записывать в приходные книги имяно себе статью и давать за то ясачным людям государева жалованья, олова и меди и одекую, не по многу, смотря по их поминкам, сколько кому доведется. А отпуща тех ясачных людей, посылать к ним в землицы и в улусы для ясачного збору ленских лутчих служилых людей, да с ними по целовальнику или по два ис торговых и ис промышленных людей, которые будет на Лене есть и впредь будут, добрых, приведчи их ко христове евангельской заповеди. Да и в быные в новые землицы, по великой реке Лене и по Алдану и по Чоне и по Вилую и по иным рекам, по тому ж посылать для проводыванья иноземцов и принску я приводу под государеву царскую высокую руку служилых людей, по сколько человек пригож, смотря по тамошнему делу и по людям. И велеть служилым людям новых землиц неясачных людей призывать и под государеву царскую высокую руку приводить и ясак с них собирать с великим радеем всякими мерами ласкою, а не жесточью, чтоб тех новых землиц людей под государеву царскую высокую руку привести и ясак с них в государеву казну имать и учинити б тех землиц людей впредь под государевою царскою высокою рукою в холопстве на веки неотступных и к шерти их на том привести. Да что служилые люди по Лене и по Алдану и по Чоне и по Вилую и по иным сторонам рекам новых землиц и людей проводят и под государеву царскую высокую руку к шерти приведут // и ясаку с них в государеву казну возьмут, и хте в тех земляцах князцы или иные какие лутчие люди имяны к шерти будут приведены, и что с них с которой землицы и на которой год первого ясаку возметца, и то служилым людям велеть писать в ясачные книги у себя поллинно, да с тем ясаком из новых землиц велеть им приезжать к себе в Якуткой острог. А для укрепления за тем ясаком велеть служилым людям имать б оманаты тех землиц лутчих людей, по сколько человек пригож. А как служилые люди з государевым ясаком и сь ясачными книгами и с аманаты ис которых из новых землиц и ис [с]тарых ясачных городков и из волостей и из зимовей в Якуткой придут, и ему Матвею Осиповичу принимать у тех служилых

и у ясачных людей ясачную и поминочную рухлядь в государеву казну и писать в ясачные книги имянно все налицо, сколько с которых городков и с волостей и з зимовой и на которые годы чего взято будет. Да в той ясачной и поминочной рухляди велеть давать ясачным людям, которые живут от Якуцкого блиско и з государевым ясаком и с поминками учнут приходить в острог сами, отписи за государевою печатью. А которые будут ясачные люди от острогу живут далече и сь ясачною и с поминочною рухлядь для дального пути в Якуцкой сами приходить не учнут, и тем ясачным людям великих государей в ясачной и в поминочной рухляди, что у них и на которой год у ково взято будет, велеть давать отписи ясачным зборщиком, ленским служилым людям, пишучи своими руками и за своими печатями. А для тех отписей // нарочно в дальные земли для ясачного збору посылать грамотных служилых людей, хотя по человеку в землицу, и о том приказывать, чтоб они ясачные зборщики грамотные люди, смотря у ясачных людей отписей, на один год другово ясаку с них сь ясачных людей не имали и в том им налоги и убытков не чинили. А что служилые люди новых землиц проведает и ясачных людей под государеву царскую высокую руку и к шерти приведут, и сколько с них ясаку и аманатов и каких людей возьмут, и хто имянем, князцы или тайши, теми землицами и улусы владеют, и ему Матвею Осиповичю о том о всем писать к великим государем к Москве. Да ему ж Матвею Осиповичю, будучи на службе великих государей на Лене в Якуцком остроге, вымотрить того накрепко, есть ли по Лене реке и по иным рекам блиско Якуцкого острогу вверх до Чечойского волоку пашенные угодье и пространные места, и мочно ли в тех в угодных и пространных местах до Чечойского волоку пашни завести и крестьян на пашню устроить, и хлеба на ленских служилых людей и на ружников и на обротчиков и на всякие тамошние расходы Якуцкого острогу напахать, чтоб ис Тобольска и из Енисейского острогу и с Ленского волоку впредь на Лену в Якуцкой острог хлебных запасов не посылать. И будет по вымотру блиско Якуцкого острогу до Чечойского волоку пашенные угодье пространные места есть, и ему Матвею Осиповичю в тех угодных местах крестьян в пашню строить и называть на пашню во крестьяне вольных гулящих людей ис подмоги и изо льготы, и о суда и подмога им давать против прежняго великих государей указу и как пригоже, смотря // по тамошнему делу. Да где на Лене до Чечойского волоку пашенные земли и сколь далече от Якуцкого острогу сыщут, и сколько на тех землях пашенных крестьян устроят и каких людей ис подмоги или изо льготы, и что те крестьяне впредь на обиход великих государей пашни пахать или оброчного хлеба платить учнут, и на сколько лет кому льготы или подмоги будет дано, и о том о всем ему Матвею Осиповичю отписать к великим государем. А около Ленского волоку на низ по Лене реке до Чечойского волоку и вверх по Лене ж реке до Верхоленского и около Верхоленского острожку велено по указу великих государей в пашню крестьян строить стольнику и воеводе Илье Змеову. А по хлебные запасы тутошние ленские пахоты и по присыльные, которые привезут на Ленской волок из Енисейского острогу, и по соль посылать ему из Якуцкого острогу на Ленской волок в Ылимской острог к воеводе к Илье Змеову Якуцкого острогу служилых людей, по сколько человек пригож, и велеть те хлебные запасы и соль возить к себе в Якуцкой острог попржнему. А сколько на ленских служилых людей и на ружников и на обротчиков хлебных запасов и соли по окладу надобно, о том писать и тому росписи посылать ему Матвею Осиповичю за своею рукою. И о всяких великих государей делах отписками ему Матвею Осиповичю с Ыльей Змеовым ссылатися и розни никакой в государеве деле не чинить некоторыми делы, чтобы государеву делу от того ни в чем поруки и служилым людям тягости и оскорбления не было. Да будет Илье Змеов // по вестям учнет к нему писать о прибавочных людех для воинского приходу, и воеводе Матвею Осиповичю из Якуцкого острогу в Ылимской острог к воеводе к Илье посылать служилых людей, по сколько человек пригож. И воеводе Илье Змеову по государеву наказу велено хлебные всякие запасы, ленские пахоты и присыльные, и соль ленского варенья посылать с Ленского волоку к нему в Якуцкой острог

на служилых людей и на ружников и на обротчиков по ево отпискам и по росписям, каковы отписки и росписи учнет он Матвей Осипович присылать к нему Илье на Ленской волок из Якуцкого острогу, без задержания, Якуцкого острогу с служилыми людьми, кого он Матвей Осипович из Якуцкого острогу служилых людей по хлебные запасы и по соль присылать учнет. Да и суды велено ему ж Илье под те хлебные запасы делать на Лене и в Верхоненском острошке и где пригоже и надобно ленскими, Якуцкого острогу и Ленского волоку, Илимского и Верхоненского острожку, служилыми людьми. Да в Якуцком же старым дощаником, которые присылаютца из Ылимского, въ Якуцком и в уезде починки не бывало, и в Якуцком и в уезде дощаником велеть держать бережение большое и велеть починивать старые дощаники, чтоб годились в ход в другую и в третью воду, а новых дощаников в Ылимском и в уезде по вся годы не делать, чтоб от того государеве казне убытку и истери не было. Да и ясак с ясачных людей на низ по Лене реке до Чечуйского волоку и вверх по Лене ж до Верхоненского и около Верхоненского острожку и по Илим и по иным рекам велено збирать на Ленской волок в Ылимской острог воеводе Илье Змеову, // а с Ленского волоку из Ылимского острогу посылать к великим государем к Москве в Сибирской же приказ. И ему Матвею Осиповичю из Якуцкого острогу в те ясачные волости, которые велено ведать ясаком на Ленском волоку в Ылимском остроге Илье Змеову, для ясачного збору ясачных зборщиков от себя не посылать и в том смуты не чинить, чтоб в том государеву ясаку недобору не было. А збирать ему Матвею Осиповичю в Якуцкой острог по Лене и по иным рекам ясак съ ясачных людей ниже Якуцкого острогу и вверх по Лене до Чечуйского волоку по прежним ясачным окладным книгам, каковы возмут у воеводы у Ивана Приклонского, старых ясачных людей, которые ясак платят по окладу сполна, и с недорослей и с новиков полной же ясак или как пригож, смотря по тамошнему делу и по людям и по промыслу, чтоб перед прежним в государеве ясаке и в поминках учинить прибыль, а недобору и ясачным людям палого и оскорбления никакого не учинить и от государевы высокие руки их не отгонить, а в том ясачном зборе однолично самим не корыстоватца никоторыми делы. А как у него в Якуцком остроге государева ясачная и десятинная и поминочная соболиная рухлядь в зборе будет, и ему велеть в Якуцком остроге тое ясачную и поминочную и всякую рухлядь розбирать торговым и промышленным людем, лутчай зверь к лутчему, а середней к середнему, а худой к худому. А розобрав велеть ценить торговым же и промышленным людем тамошнею сибирскою прямою ценою и, запечатав тое рухлядь государевою ленскою печатью, велеть писать той рухляди ценовные росписи да к тем ценовным росписям // велети пеновщиком руки прикладывать. Да как тое соболиную мяхкую рухледь оценят, и ему Матвею Осиповичю о том писати и тое ленскую соболиную всякую мяхкую рухледь и ясачные книги и росписи той рухляди из Якуцкого острогу посылати к великим государем царем и великим князем Иоанту Алексеевичю, Петру Алексеевичю [т.] к Москве pogodно с сибирскими с ленскими служилыми людьми с кем пригож, не замочтав, а на Москве велети отписки и ясачные книги и росписи подавать и з государевою ясачною и поминочною казною являтися в Сибирском приказе боярину князю Ивану Борисовичю Репнину с товарищи. А великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] печать въ Якуцком остроге серебряная, вырезан на ней орел поймал соболя, около орла вырезано: «Печать государева новые Сибирские земли, что на великой реке Лене.» И воеводе Матвею Осиповичю держать ту государеву печать въ ящике за своею печатью и печатать тою государевою печатью отписки к великим государем и в города к воеводам и ясачную и всякую государеву мяхкую рухледь. А в таможную на Лену реку въ Якуцкой острог послана с Москвы государева особая печать, вырезан на ней барс поймал соболя, а око//ло на печати вырезано: «Печать государева Сибирского государства великие реки Лены таможенная.» А как учнут приходити въ Якуцкой острог з государевым ясаком ближних волостей князцы и ясачные люди, и генералу и воеводе Матвею Осиповичю Кровкову велети тех ближних волостей ясачных людей, которые учнут приходити в острог за государевым ясаком, кор-

мать и поить государевыми запасы довольно, и лутчим из них князцов или волостным людем велети быти у себя в остроге в оманатех, из волости по человеку или по два, по переменам, по году или по полугоду или помесечно или как пригож, смотря по тамошнему делу, а достальных ясачных людей отпущати к себе в улусы без задержанья и держати к ним ласку и привет и береженье, а напрасные жесточи и никакие налоги им ни в чем не чинить некоторыми делы, чтоб их ясачных людей иноземцев в чем напрасно и въ ясаке не ожесточить и от государевы милости не отгонить. А разведывая от них иноземцев про новые тамошние землицы, с которых землиц иноземцы великим государем ясаку не платят, посылать ему Матвею Осиповичю из ленских Якуцкого острогу по Лене и по иным рекам для проводыванья новых землиц и в старые волости для ясачного збору служилых людей безпереводно, и приказывать тем служилым людей накрепко, чтоб они из Ленского Якуцкого острогу в ясачные волости вина и ни/каких своих товаров с собою не имали и съ ясачными людьми вином и товары никакими на мяхкую рухледь не торговали и не меняли, и соболей и лисиц и иной всякой мяхкой рухледи у ясачных людей не покупали, и не выменяли, тем бы в государеве ясачном зборе помешки не чинили, не так бы делали, что наперед сево воровали енисейские служилые атаман Иван Галкин и сын боярской Парфеней Ходырев с товарищи, ходячи из Енисейского острогу на Лену реку для государева ясачного збору, имали с собою товары свои многие и на те свои товары и на деньги, будучи в Якуцком, в волостях и в улусех и в земляцах у ясачных людей покупали и вымсыали многую мяхкую рухледь, лутчие соболей и лисицы и бобры, и привозили с собою с Лены въ Енисейской острог, а государева ясаку привозили мало, а воеводы въ Енисейском остроге, дружа им и для бездельные своей корысти, тое у них собинные мяхкие заповедные рухляди в государеву казну не имали, а имали у них с тое рухляди государеву десятинную пошлину. И тех енисейских служилых людей // воровством, а восводцкою к ним поноровкою и бездельною корыстью, была в государеве казне большая убыль, а ясачным людем теснота и обида, а иных ясачных людей и прочь от великих государей отогнали. А при нем Матвее Осиповиче, как ленские служилые люди из новых землиц в Ленской острожек з государевым ясаком поедут, и ему Матвею Осиповичю против тех служилых людей посылати навстречу детей боярских и стрельцов и казаков и целовальников добрых, кому б в том мочно верить, по сколько человек пригож, и велети у тех служилых людей у ясачных зборщиков, которые из зимовей съ ясаком поедут, обыскивать всякие их собинные мяхкие рухляди накрепко, да что у кого собинной их мяхкие рухляди найдут, и тое у них все собинную мяхкую рухлядь велети имати и привозити к себе въ Якуцкой острог. А как тое рухлядь въ Якуцкой острог привезут, и ему Матвею Осиповичю тех служилых людей // ясачников про тое их собинную мяхкую рухлядь розспрашивать накрепко, где они тое рухледь взяли, в посулах ли за ясачную поноровку или насильством или у ясачных людей покупали или на товары выменяли или сами уловили или им тое рухледь здавали для государева имяни ясачные люди в почесть, да и целовальников, которые с ними посыланы будут, про то розспрашивати же и иными какими людьми пригож про то сыскивати. Да будет по сыску те служилые люди тое мяхкую рухледь у ясачных людей взяли в посулах от ясачной поноровки или насильством или купили преж государева ясачного збору, и по тому сыску // тое их мяхкую рухлядь имати в государеву казну безденежно и велети тое рухледь, сколько у кого взято будет, писати в книги имянно. А будет которые ленские служилые люди, приезжаючи из новых землиц въ Якуцкой острог, собинную свою мяхкую рухледь, которая им учнет давать новых землиц ясачные люди для государева имяни в почесть в поминках, учнут объявлявати сами, и у них та их поминочная мяхкая рухледь по тому ж имати в государеву казну и писати в книги имянно, кому имянем служилому человеку которые новые землицы ясачные люди для государева имяни сверх государевы ясачные и поминочные рухляди собинных поминков дали. И оцена тое их поминочная и служилых людей мяхкую рухледь, по тому ж присылати к великим государем к Москве. А тем служилым людем, которые из новых землиц учнут поми-

ночную свою мягкую рухледь привозити и сами объявлять, а не утаят, давати за то рухледь из государевы казны деньги по тамошней по прямой цене из ленских доходов и сказати тем служилым людям, что о той службе, и что приискали они служилые люди новые // земли и старых ясачных людей и с новиков асак собирали сполна, к великим государем к Москве он воевода писати учнет и великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [т.] их служилых людей за их службы и за новоприсланные земли и за прибор пожалуют своим государевым жалованьем, деньгами и сукны. Да и наперед сево их братью сибирских служилых людей за их службы и за новоприсланные земли великие государи жаловали своим государским жалованьем, деньгами и сукны и камки и тафты, смотря по их службе. И будет которые служилые люди ясачники, будучи в новых землях, какой зверь уловили сами или что небольшое после ясачного збору у ясачных людей на достальные свои запасишка или что на свою одежду выменили, и приехав на Лену или на встречу кому детям боярским и целовальником тое свою рухледь сами объявят, а не утаят, и про то их рухледь по тому ж сыскивати товарищи их и целовальники, которые с ними были, или какими людьми пригоже. Да будет по сыску ту рухледь они сами уловили или на запасы и на платье выменили после асак, и в государеву казну взяти их рухледь в куплю будет не пригодитца, // и та мягкая рухлядь отдавати тем служилым людям для их службы и большие их сибирские нужи. А того однолично над ними смотреть и беречи накрепко, чтоб та их рухлядь, которая им отдать доведетца, была не посульная и не насильством взята и не прежде государева ясачного збору была куплена. А ся ста[т]я в сем государеве наказе про служилых людей написана для ленского нового места, иным сибирским городом и служилым людям не в пример и не в образец. А которые будут ленские служилые люди, ехав из новых земель, учнут мягкую рухлядь отдавати на дороге ясачным людям воровством, чтоб им тою рухледью завладеть самим, а в государеву казну не отдать, и про то велети сыскивати ясачными и всякими людьми, и сыскав донряма, тем служилым людям, которые воровством у ясачных людей на дороге рухлядь свою учнут метать, чинити за то наказание, бити кнутом, а рухлядь их имати в государеву казну безденежно, и оцена тое рухлядь по тому ж присылати к великим государем к Москве, // чтоб на то смотря не повадно было иным впредь так воровать. Да ясачным людям о том учинить заказ крепкой, которые служилые люди учнут у них ясачных людей, ехав из новых земель, какую мягкую рухлядь метати, и они б тое рухлядь привозили к нему Матвею Осиповичу в Якуцкой острог, да тое рухлядь по тому ж оценивая торговыми и промышленными людьми, которые на Лене будут, тамошнею сибирскою прямою ценою, присылати к великим государем к Москве, а без цены никакой мягкой рухляди не присылать. Или что будет ему Матвею Осиповичу ясачные и торговые и промышленные люди принесут соболей и лисиц и бобров и всякие мягкие рухляди в съезжую избу и на двory в поминках, и ему тое рухлядь, сколько с которой зем[л]и и кто иманы, ясачные или торговые и промышленные люди принесут, велеть писати в книги иманно, да оцена по тому ж тое свою поминочную мягкую рухлядь присылати к великим государем с ясачною и поминочною государеву рухлядью вместе, так же, как из иных сибирских городов воеводы такую рухлядь к великим государем присылают. А самому ему Матвею Осиповичу тою поминочною рухлядью, что к нему ясачные и торговые и промышленные люди в съезжую избу и на двory в поминках принесут, не користоватца, присылати тое свою поминочную соболиную мягкую рухлядь с Лены к великим государем с ленскими с лутчими служилыми людьми. А отпускаи за тою государеву соболиною мягкою рухлядью тех служилых людей, по сколько человек пригож, смотря по казне, и по одиножды в год, а лишних служилых людей за тою казною не посылать, чтоб в подводах и в выходах и в кормех на Москве лишних // расходов в государеве казне не было. А ясачные книги ленской ясачной и поминочной и десятинной мягкой рухляди, что с торговых и с промышленных людей соберетца, присылати к великим государем с мягкою рухлядью вместе за своею рукою. А сколько с которых земель или улусов и с каких

ясачных людей государева ясаку и поминков и их воеводских и дьячьих поминков же порознь всего зберетца, или что в котором году перед которым годом каких новых землиц людей и с них ясаку вновь прибудет, или что ясаку ж и поминков перед прежним збором или ясачных людей для чего убудет, и по чему ясаку прибудет или убудет, то описывати в тех ясачных книгах имянно. А будет приедут на Лену реку в Якуцкой острог ис которых сибирских городов для соболиных промыслов торговые или промышленные люди с рускими товары и с хлебными запасы, и тем торговым и промышленным людям велети у себя в Якуцком остроге являтца в съезжей избе, а товары их и хлебные запасы, на сколько у кого по цене привезено будет, велети в таможенном таможенному голове записывати в книги имянно и велети им теми своими товары в Якуцком остроге торговати. А с тех товаров и с хлебных запасов имати у них в государеву казну пошлины по государеву указу таможенному голове и целовальником // против того, как в Енисейском остроге емлют и по таможенным государевым наказом против прежнего. Да сколько с каких товаров или с хлебных запасов пошлин взято будет, и то велети в таможенном таможенному голове и целовальником записывати в приходные книги имянно. А будет те торговые и промышленные люди, которые похотят итти на промыслы, и тех людей отпускати из Ленского из Якуцкого острогу ис таможи ж для промыслов без задержанья. А как те торговые и промышленные люди с промыслов своих назад в Якуцкой острог приходить учнут, и им торговым и промышленным людям с мяхкою рухледью велети явитися в таможенной избе таможенному голове и целовальником, да с тое их промышленной и с продажной и с перекупной мяхкой рухляди, что будет они учнут меж себя в Якуцком остроге продавати и покупати, имати государева десятая пошлина мяхкою рухлядью собольми лутчим зверем также, как в Енисейском остроге с мяхкой рухляди государеву десятую пошлину емлют. // Да тое десятинную мяхкую рухледь велети таможенному голове писати в приходные книги имянно, особою статьею. А опричь Якуцкого острогу в ясачных волостях и в улусех и в новых земляхх отнюдь нигде торговым и промышленным людям преж государева ясаку ничем с ясачными людьми никакими товары и запасы торговати и меняти на мяхкую рухледь не велети. А после збору государева ясаку велети торговым и промышленным людям торговати с ыноземцы с ясачными людьми на всякие товары в Якуцком остроге на гостине дворе, а не на жилецких дворах, для того, чтоб в том таможенная пошлина не пропадала. А того ему Матвею Осиповичу смотрети и беречи накрепко, чтоб однолично торговые и промышленные люди с промыслов // своих, не займужа Якуцкого острогу, в сибирские города иными дорогами не выезжали и с собою товарной своей мяхкой рухляди мимо Якуцкого острогу не возили, чтоб в том государева пошлина не терялась. И велети отпускати торговых и промышленных людей с их товары с мяхкой рухлядью с Лены из Якуцкого острогу на Русь, и таможенному голове и целовальником давати на мяхкую рухлядь и на всякие товары проезжие грамоты за государеву ленскую таможенную печатью, всякому человеку по одной грамоте на лицо, а по две и по три грамоты одному человеку и за очи никому ни за ково на мяхкую рухледь и никакие товары не давати. А печатных отъезжих пошлин велети имати им в таможи от проезжих грамот в государеву казну // с мяхкой рухляди и со всяких товаров против иных сибирских городов с рубля по деньге и записывати те пошлины имянно. А к таможенному збору и ко всякой государеве казне в целовальники выбирать на Лене ис торговых и ис промышленных лутчих людей по годом по очереди, и велети им быти у государевы казны и у всяких дел, приводя их ко святей христове евангельской заповеди, и смотрити за ними ему Матвею Осиповичу почасту, чтоб целовальники, будучи у государевы казны у денежных и у всяких зборов, были с великим радением и никакою государевою казною не корыстовались и никакой государевы казны не крали. А велети ему Матвею Осиповичу таможенному голове и целовальником таможенные всякие зборные деньги приносить к себе в съезжую избу с книгами помесечно, или как пригож, смотря по тамошнему делу, да по тем книгам голову и целовальников считать, да что на них какой государевы денежные казны взочтут.

и то на них велеть править в государеву казну и писати в приходные книги и в сметные списки имянно, особыми статьями. А за большое воровство, за кражу и за лиую хитрость и за нерадение, целовальником и иным всяким людем, которые будут у государевых дел, чинити наказанье, смотря по вине, за малые вины бити батоги, а за большие кнутом, и от дел // их отставити, а на их место в целовальники велеть выбирать ис торговых же и ис промышленных людей добрых таких, чтоб в них никакого воровства и хитрости над государевою казною не было. А голов в таможеню на Лену присылают ис Тобольска нарочно. И что будет ленской таможенной голова учнет на Лене делати мимо государева указа и о государеве пошлине радети не учнет, или чем учнет корыстоватца или торговым людем чинити обиды, и генералу Матвею Осиповичю на того таможенного голову писати к великим государем, а без государева указа ево от дела не отставливати. И в таможенное во всякое дело ему Матвею Осиповичю единолично ни во что не вступатца никоторыми делы, чтоб в том государеве таможенной пошлине недобору не было. А на себя ему Матвею Осиповичю у торговых и у всяких людей соболей и шуб собольих и лисиц черных и чернобурых и бурых и шапок лисьих же черных горлотных и никакие мяхкие рухляди не имати и не покупати. А что будет ему про себя купити понадобитца, опричь соболей и шуб собольих, и черных лисиц и чернобурых и бурых и шуб и шапок лисьих же черных и бобров и всякие мяхкие рухляди, и ему покупати в остроге на гостине дворе и в торгу прямою ценою, а не в ясачных // волостях. И с Руси ему Матвею Осиповичю в Сибирь на Лену товаров своих никаких с собою не возити, и на Лене реке, опричь того, что ему для своей нужи купити указано, нигде ничем ни с какими людьми не тор|говати. и хитрости никакие над государевою казною не чинити, и вина в сибирских городах и на Лене реке ни где на себя и на государевы ни на какие расходы без государева указа не курити, и служилым и торговым и всяким людем курити не давати ж, и ясачных и торговых и всяких промышленных людей от велких государей своими наложи не отгоняти, и посулов и поминков ни у кого ничего не имати. и взаймы никому денег и хлебных своих запасов и вина не давати, и заемных кабал и иных никаких крепостей // ни на кого не имати. и никаких изделий никаким людем на себя делати не велети, и ко всяким людем держати ласку и привет и береженье, и во всем искази государеве казне прибыли с великим раденьем. А в управных во всяких делах служилых и торговых и промышленных людей судить и росправа меж ими чинити безволостно, в правду, по государеву указу. А судных пошлин с русских людей имати с рубля шю чинине, а пересуду с суда по 2 гривны. правого десятка по 4 деньги, а с ыноземцов судных пошлин не имати против иных сибирских городов. И жити ему въ Якутском остроге ото всяких воинских людей с великим береженьем и держати по острогу крепкие караулы, чтоб к ним под острог никакие воинские люди безвесно не при//шли и дурна какова над острогом и над ними не учинили. И служилым людем, которых он учнет посылати для приводу новых земель и для ясачного збору по Лене и по Алдану и по иным рекам, приказывати накрепко, чтоб они, ходячи по ясак, ясачным людем напрасных обид и налог отнюдь никому никаких никоторыми мерами не чинили, збирали б с них государев ясак ласкою и приветом, а не жесточью и не правжем. Чтоб с них збирати государев ясак перед прежним с прибылью, а жесточи б им в том никакие не чинили, имати б с них государев ясак, по скольку будет мочно, по одиножды в год, а по два и по три ясака на один год не имати. И самим служилым людем, ходячи по ясак, новых земель от ясачных людей велеть оберегатца, чтоб их искрадом нигде никакие люди не побивали, и шатости и измены // новых земель в людех велети высматривать и проведывати накрепко. А которые будут новых земель люди учнут чинитца непослушны и ласкою их под государеву парскую высокую руку привести никоторыми мерами не мочно, а от Ленского острогу те новые земли исподалеку и люди в них живут небольшие, и Матвею Осиповичю, смотря по тамошнему делу, будет доведетца послать на тех непослушных ясачных людей государевых служилых людей от себя из острошку, по скольку человек пригож, и велети их преж уговорити // ласкою всякими обы-

чан, чтоб их ласкою и приветом уговорить и к шерти привести на том, что им быти под государеву царскою высокою рукою и ясак с себя платити. А будет некоторыми мерами тех непослушников уговорить будет не мочно, а впредь от них чаять будет какого дурна, и тех непослушных людей велеть смирать войною, небольшим разорением для переду государева ясаку, чтоб их смирать слехка и под государеву царскую высокую руку привести и ясак с них впредь имать. А привечти их под государеву царскую высокую руку, имати у них в Ленской в Якуцкой острог в аманаты князей и ясачных дутчих людей попеременам, по скольку человек пригож, и за теми аманаты по тому ж с тех новых землиц збирати государев ясак, // смотря по людям и примерясь к иным ясачным людям. А аманатов их в остроге велеть кормити государевыми запасы и беречи накрепко, посади их на особом дворе, где пригож, за сторожи, чтоб они из острогу никуда не ушли и дурна какова над государевыми людьми и над собою не учинили. А в ясачной збор, как из их землиц и из улусов и из волостей в государевым ясаком ясачные люди придут, и их аманатов тем ясачным людям оказывать, чтоб ясачным людям в том сумненья никакова не было. А будет которые князцы и улусные люди не похотят быти под государеву царскою высокою рукою в вечном холопстве и ясаку с себя платить не учнут, или которые государевы ясачные князцы и улусные люди учнут великим государем изменять, откладыватца, и ясаку платити не учнут же, а учнут те изменники и непослушники государевых служилых // и торговых и промышленных людей на промыслах побивать, или собрався на волости или под государевы городы и остроги приходити войною, и Матвею Осиповичю на тех изменников и на непослушников посылати государевых ратных людей с вогненным боем, и велети их преж уговаривати всякими мерами ласкою, чтоб они в винах своих великим государем добили челом и были под государевую высокую рукою и ясак с себя платити. А будет их уговорити не мочно // и учнут [с] служилыми людьми битца, и нат теми изменники и непослушники, прося у бога милости, велеть промыслиати всякими обыац, сколько милосердый бог помощи подаст, чтоб их войной смирить и под государеву высокую руку привести и аманаты у них взять, а себя от них уберечь. Да будет над ними поиск учинитца, и которых изменников и непослушников пущих воров заботчиков на бою возьмут, и тех воров посадити в тюрьму до государева указу да о том отписать к великим государем к Москве. А которых немирных землиц людей русские служилые люди повоюют и в полон поемлют, а после будет те люди учинятца под государеву царскою высокою рукою и ясак с себя платить учнут, а о полонениках своих учнут великим государем бити челом и прошать их на окуп, // а те будут их полоняники не крещены, и ему Матвею Осиповичю тот полон велети сыскивати и на окуп отдавати. А к себе ему Матвею Осиповичю и служилым людям никаких иноземцов и жон их и детей во двор не имати, и засылкою самим ни ку кого не покупать и не крестити и к Москве с собою не вывозити, и ни с кем не высылати, и служилым и всяким людям крестить не велеть же, чтоб Сибирская Ленская земля пространялась, а не пустела. А будет // хто из ясачных людей похочет креститца своею волею, и тех людей велеть крестить, сыскав про них допряма, что своею ли волею они хотят креститца. А крестя мужеской пол, устраивать их в государеву службы и верстать их государевым денежным и хлебным жалованьем, смотря по людям, хто в какую статью пригодитца, в былые русских служилых людей места. А будет хто из женского полу жонки или девки похотят креститца, и тех женок и девок по тому ж велеть крестить и выдавати замуж за новокрещенов же и за русских служилых людей. А к себе ему Матвею Осиповичю отнюдь во двор никаких иноземцов не имати, и служилым никаким людям таких людей держать у себя не велеть, и изделий никаких у себя на дворе русских людей и иноземцов крещеных и некрещеных делати не заставляти, чтоб в том руским людям и иноземцом от него утесненья и изгони не было. А ленским Якуцкой острогу служилым людям давати государеву денежное и хлебное жалованье и соль по годом по сроком и смотря по тамошнему делу по окладным книгам, каковы книги возьмет у воеводы Ивана Приклонского, всем на лицо, а за очи никому ни за ково // не давать, чтоб ниhto

ни за ково подставою государева жалованья не взял. А самим улусных людей жалованного хлеба на себя не покупати и торговым и промышленным и иным никаким людям покупать не велеть, чтоб служилым людям в том хлебном жалованье нужи и никакова оскорбленья не было. А как им служилым людям государево жалованье роздадут, и им тое дачу велети писати в розходные книги имянно всякому человеку особою статьею. А которые люди, взяв государево жалованье, помрут или коими мерами от иноземцов побиты будут, и тех служилых людей государево денежное и хлебное и соляное жалованье, что от них останетца, имати назад в государеву казну и писати в приходные книги имянно и держати иным служилым людям на жалованье, которые въ их место прибраны будут, и на государевы неокладные расходы, на какие будет пригодятца, и записывати то в расходные книги имянно ж. А на те выбылые места верста//ти в службу присыльных опальных людей, которых по указу великих государей велено верстати в службу. А будет сысланных опальных людей на выбылые места в службу верстати некому, а учнут быть че[ло]м на выбылых служилых людей место в службу нетяглые промышленные или сибирских городов отставленные какие служилые люди, а в службу они пригодятца, и поруки по них в государеве службе будут, а пронятца без них не мочно, и тех отставленных сибирских служилых и нетяглых промышленных людей на выбылые места верстати, а чинити им оклады государева денежного и хлебного жалованья те же, что и прежние были, на которых // они место поверстаны будут. А давати тем новиком государево денежное и хлебное жалованье и соль по расчету с тех мест, как они в службу поверстаны будут, а что за их дачею денег и хлеба прежних служилых людей окладов останетца, и то по тому ж держать в государеве казне иным служилым людям на жалованье и в приходных и в расходных книгах то велети описывати имянно. И к прежним окладам никому ни за что государева жалованья денег и хлеба не прибавливати, и из малых окладов в большие оклады не переводити. А в выбылые детей боярских оклады верстать детей же боярских и братью в прежние их первые оклады, без придач отцов их и дядьи и братьи, в рядовые оклады, а литовского списку и конных и пеших казаков и новокрещенов по тому ж верстать детей их и братью в прежние ж рядовые оклады без придач же. А кому были детям боярским и литовского списку и конным казаком и новокрещеном за службы придачи, и тех придач нововерстаным детям боярским и литовского списку и конных казаков и новокрещенов детям и братье и никому без указу великих государей и без грамот в оклады не давати, для того чтоб в государеве жалованье денежной казны в оклад не множилосъ. А детей боярских детей же и братью и племянников в ли//товские и конных казаков и новокрещенов в оклады, также и литовского списку и конных казаков и новокрещенных и их детей и братью в дети боярские не верстать. А хто поверстан будет в дети боярские и в литовской список и в конные и новокрещенных списку и в пешие и в стрельцы в окладных имянных книгах казаки велеть отписывать под имяны тех людей имянно. Да по указу великих государей велено в городах воеводам верстать в пешие казаки и в стрельцы ис казачьих и ис стрелецких детей и братью, а в дети боярские и в литовской список и в конные казаки не верстать. А велено им воеводам о верстанье детей боярских и литовского списку и конных казаков писати к Москве имянно. А как воеводы из городов о верстанье детей боярских и литовского списку и конных // казаков к Москве отпишут, и на Москве их верстать тех городов в выбылые прежние оклады без придач, так же как указано и тобольских детей боярских и литву и конных казаков. А будет учнет делать в верстанье не против государева указу, и что в том учинитца в государеве казне лишних расходов, и то великие государи укажут взять на нем Матвее Осиповиче. А как год дойдет, и ему государевым деньгам и хлебу и соли и мяхкой рухледи приходу и расходу делати сметные и пометные списки и служилым людям и ружником и обротчиком имянные книги с денежными и с хлебными и соляными оклады, так и в быных сибирских городах сметные и пометные списки и книги делают, да о том и об ыных всяких делах писати, и те сметные и пометные списки и ленским служилым людям и ружником и обротчиком имянные книги с денеж-

пышн и с хлебными оклады и яса//шние книги по вся годы посылати из Якуцкого острогу к великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу [т.] к Москве беспереводно за свою рукою с нарочными гонцы. А на Москве те отписки и сметные и пометные списки и окладные книги велеть подавать в Сибирском приказе боярину князю Борисовичу Репнину с товарищи. А по хлебные запасы посылати из Якуцкого острогу ленских служилых людей на Ленской волок // к стольнику и воеводе к Илье Змсову, по скольку человек пригоже, и велети те запасы возити в судех в Якуцкой острог, чтоб служилым людям и ружником и оброчником в хлебном жалованья скудости не было. А того ему над служилыми людьми смотрити и беречи накрепко, чтобы они в Якуцком остроге и на службе живучи, не воровали, зернью и карты не играли и не бражничали и табаку не пили и великих государей жалованья не пропивали и не проигрывали, и драки б у них и разбои и душегубства меж себя и инова никакова воровства не было, и ясашным бы людям и всяким иноземцом в остроге и ходячи по ясак утеснения и обид никаких не чинили. А которые будут служилые люди учнут в Якуцком остроге и ходячи по ясак воровать, зернью и карты играть и меж себя драгца и грабежи и душегубство, и ясачным людям и всяким иноземцом чинити обиды // и насильства и тесноты, и ему генералу и воеводе Матвею Осиповичу тех воров от воровства унимать и чинити им наказание, смотря по винам, хто какова наказанья доведетца, чтоб всякому наказанье было против вины. А шатости б и заводов и кругов и бунтов и одиночества никакова в русских служилых людех и в иноземцах при нем и после ево Матвея Осиповича высмотром и строеньем ево не было, чтобы русские служилые люди и иноземцы всякие были под государевою царскою высокою рукою страшны и великим государем послушны и неповадыны ни на какое дурно. И самому ему Матвею Осиповичу, будучи на государеве службе // на Лене в Якуцком остроге, государевым служилым и ясашным и торговым и промышленным людям обиды и насильства и никакова утеснения не чинити и без вины ничем ни к кому не приметьватца, и держати к служилым и к ясашным и к торговым и к промышленным людям во всем ласку и привет и береженье, // и государевою денежною и соболиною и всякою казною однолично ничем самому не корыстоватца некоторыми делы, и товаров с собою с Руси в Сибирь и из сибирских городов на Лену, опричь государевых и своих указных запасов, ничево не возити, и с ясашными и с торговыми и с промышленными людьми ничем не торговати, и в ясашные волости и в новые землицы для торговли и для мены на мяхкую рухлядь денег и товаров своих никаких и платья и вина с ясашными сборщиками не посылати, и над служилыми людьми смотрити и беречи того накрепко, чтоб они вина и табак и товаров никаких не имали и не возили, и на Лене в Якуцком остроге, и по ясак ходячи, с ясашными людьми на мяхкую рухлядь ничем не торговали и не меняли. А у кого будет у служилых людей на Лене или в посылках табак или товары какие объявятца, и ему те товары имати // в государеву казну, да те товары велети записывати в приходные книги имянно и держати те товары на государевы расходы. на какие пригодятца, а табак взяв зжечь, а тем людям, у ково табак или товары вымут, чинити наказание, велети их бити кнутом и имати на них по государеву указу заповеди, чтоб отнюдь никто служилые люди из сибирских городов на Лену табак и вина и товаров с собою не имали и на Лене и нигде с ясашными людьми ничем не торговали, тем бы они в государеве ясашном зборе убыли не чинили и мяхкою рухлядью и никакою государевою казною не корыстовались. А кого ясачных сборщиков для государева ясашного збору посылати учнет, и с тех ясачников однолично посулов и поминков не имать, и с ясашными людьми торговать и никакие обиды и налоги и разоренья чинить не велеть. А про то // на Москве в Сибирском приказе ведомо подлинно, что от ясашных сборщиков, от якуцких детей боярских и сотников и пятидесятников и рядовых казаков, ясашным иноземцом обиды великие, и с ясашными людьми торгуют и товары свои для торгу на них наметывают, и оттого великих государей ясашному збору чинитца великий недобор. И ему Матвею Осиповичу иноземцов от русских людей однолично // во всем оберегать накрепко. А хто ино-

земца чем изобидит или убийство учинит, и тем людям за воровство чинить великих государей указ по уложению. И у торговых и у промышленных людех, которые будут на Лене, по тому ж табуку и вина и лишнних товаров, или хто с ними чюжие животы повезет сверх проезжих грамот, обыскивать накрепко. А что у ково у торговых и у промышленных людей табуку и вина и лишнних // товаров, или чюжих животных сверх проезжих грамот найдет, и тот табак и вино и лишние и чюжие товары имать на великих государей и записывать тот табак и вино и товары в книги имянно и поить тем вином иноземцов, которые учнут приходити въ Якуцкой с государевым ясаком, а товары держать на государевы расходы, на какие пригодятца, да то писати в книги ж, а табак велеть на торгу ж жечь. А тем торговым и промышленным людям, у ково табак и вино вымут и лишние и чюжие товары сверх проезжих грамот возмуть, чинити наказание и заповеди на них имати по государеву ж указу. Да о том, сколько у ково табуку и вина и лишнних чюжих товаров сыщет и в государеву казну возмьмет, и кому за то какое наказание учинит, по тому ж писати к великим государем подлинно. Да и того ему воеводе смотрити и беречи // накрепко, чтоб никто на Лене в острошках и въ юртах корчемного и продажного никакова питья и по подворьям у себя не держали, и безъявочно б никто никаков человек пив не варили и медов не ставили, и у себя по подворьям питья никакова не держали. А кому лутчца к празднику или к свадьбе или к именинам или к родином // или ко крестином или к поминком сварити пива или меду поставить, и воеводе Матвею Осиповичу велети тем людям приносить к себе в съезжую избу челобитные, да те челобитные велети подписывать имянно, на сколько дней того питья кому дадут пить, и печатати те челобитные государевою печатью, а явки с того питья велети имати на великих государей, с чети пива по 4 д., а с пуда меду по 6-ти д., а вина курити и на явку отнюдь никому не давати, и самому ему Матвею Осиповичу вина однолично не курити. А хто будет учнет безъявочно // мед ставити или пиво варити, или хто учнет вино курити или на продажу учнет какое хмельное питье держати, и ему то явочно продажное питье и суды, винные котлы и кубы и горшки и трубы, велети у тех людей выимати с понятиями. А у кого будет неявленное и продажное питье вымут или питухов поймают впервые, и на тех людех велети имати на великих государей заповеди по 2 руб. по 4 алт. по полуторе деньги, а на питухах по полуполтине на человека. А у ково вымут питье или питуха поймают вдругорядь, и на тех людех велети имати заповеди вдвое. А у ково вымут питье или питуха поймают втретие, и на тех людех велети имати заповеди втрое, да их ж велети по торгом бить кнутом нещадно и метати их на неделю в тюрьму. // А что у кого неявленного и продажного питья и винных судов вымут, и что на ком заповедных денег возмьмет, и то велети писати в книги имянно, а выимочное питье велети имати на великих государей и держати на иноземские тунгуские и якуцкие тамошние расходы, а суды выимочные всякие велети продавать, а деньги держать на тамошние ж ленские всякие расходы. Да ему ж воеводе на великой реке Лене въ Якуцком остроге учинити заказ крепкой, чтоб всякие люди от пожаров жили с великим береженьем, а в летную пору изб и бань, oprичъ торговых бань, никакие люди не топили, а велети им поделати печи на полых местах, а для великих чуж родни велети избы и бани топити в ненастные дни с великим береженьем, с водою. Да ему ж воеводе Матфею с присзду своего пересмотрити на Лене въ Якуцком остроге тюремных всяких сидельцов и переписать на роспись и зделати тому старшой список подлинно, хто именем // и в каком деле и сколь данно в тюрьме сидят и пытан ли хто и что с пытки на себя или на иново на ково говорит. А пересмотря и переписав тех тюремных сидельцов на роспись, и зделав старшой список за своею рукою, прислать к великим государем по замочив с присзду своего с сыными делы вместе. А будет Иван Приклонской на великой реке Лене до приезду генерала и воеводы Матвея Осиповича Кровкова чего въ Якуцком остроге не построил и у острогу крепостей не подделал и каких государевых дел зделати не успел, и ему воеводе Матвею Осиповичу в Якуцком всякие государевы дела // прежних воевод делати, и что у острогу не устроено, то все высмотря, где надобны всякие острожные крепости, подслати, чтоб в том остроге

от воинских людей жити было безстрашно. А однолично генералу и воеводе Матфею Осиповичу Кровкову, будучи великих государей на службе в Якуцком остроге, великим государем службу свою и раденье во всем и ко всяким делам рассмотренье показати. И по своему высмотру в ясашном зборе мяхкой рухляди и в денежных во всяких // зборах искати государеве казне прибыль, чтоб великим государем службою и раденьем в государеве казне была прибыль. а ему бы та служба вовеки была памятна. А меж русских всяких людей росправа ему чинити в правду по евангельской заповеди, безволочно, а з сибирских иноземцов с князцов и с ясашных людей судебных пошлин не имати и того однолично вновь не всчинати, и иноземцов всяких от русских людей от обид и от продаж и от насилия оберегать и ласку и привет к ним держать, а воров от воровства унимати и наказанье им чинити, и у служилых людей хлеба на себя не покупать и никому купити не велети и никакими товарами не торговати, и в сибирские города и ленского уезду в ясашные волости и в новые земли с товарами торговать и продавать и покупать от себя людей своих никоим ни с чем не посылати. А искати великим государем во всем прибыли, чтоб ему учинити // в государеве казне вечная постоянная прибыль, а тамошним бы руским и ясашным людям тягости и налоги не навесть, и делати ему по сему великих государей наказу и смотря по тамошнему делу и по своему высмотру, как будет пригож и как ево бог вразумит. А будет он Матвей учнет делати всякие великих государей дела с нераденьем и не против сего великих государей наказу и грамот, а великим государем про то ево нераденье ведомо учинитца и сыщется про то допрама, и ему Матв[е]ю от великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] за то быть в опале.

Да в прошлых годах по указу великого государя велено в ево государеву казну в Якуцком таможенным головам у торговых и у промышленных и у всяких людей с их промыслов имать десятой соболь второй или третьей статьи, а таможенные головы и приказные люди у тех людей имали с их промыслов десятой соболь, не против государева указу, пятой и шестой статьи того, а цену писали в тех городах соболям высокую, и в Тобольску и на Москве у той рухляди перед сибирскою ценою уценка большая. И ему Матвею велеть в Якуцком у торговых и у промышленных и у всяких людей с их промыслов таможенным головам имать десятой соболь второй или третьей статьи против прежняго великого государя указу, а для своей корысти торговым людям поноворки не чинить, и над таможенным головою смотреть, чтоб он не воровал, торговым людям поноворки не чинил, имал соболи против прежняго государева указу. //

А в прошлом во 188-м году в государеве наказе стольнику и воеводе Ивану Приклонскому велено в Якуцком розобрать детей боярских и атаманов и литву и конных и пеших казаков, которые годятца в полковую и в городовую службу, и которые не годятца в полковую и в городовую службу за старостью и за увечьем, и сколько хто лет служит, и по какому государеву указу и в какой оклад поверстан, и которые и по грамотам великих государей верстаны в дети боярские и какова они чину наперед сего бывали и каких отцов дети, и о том взять у детей боярских скаски за руками, и то все на розборной список под именами их написать имянно и потом писать к великим государем в Сибирской приказ. И во 190-м году воевода Иван Приклонской к великим государем писал и розборной список прислал. И генералу и воеводе Матвею Осиповичу, приехав в Якуцкой, того розсмотреть и посвидетельствовать, все ли о розборе против указу великого государя учинено, а буде чеве против указу великого государя о розборе не учинено, и ему генералу и воеводе о том учинить и исполнить против указу великого государя и о том великим государем писать в Сибирской приказ подлинно.

На обороте: Диак Павел Симонов.

Справил Филатко Микитин.

К. 217, столб. 2 на 69 страница; стр. 1—69.

36. 1684 г. не позднее мая 16. — Отписка якутского воеводы Матвея Кровкова в Сибирский приказ о прибытии его в Якутск, о принятии дел от бывшего якут-

ского воеводы Ивана Приклонского и об обнаружении большой «недоимки» в ясачной казне, хлебных и соляных запасов.

Государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу [т.] холоп ваш Матюшка Кровков челом бьет. В нынешнем, великий государь, во 192-м году мая в 16 день по вашему великих государей указу приехал я холоп ваш на вашу великих государей службу на Ялену въ Якутской и в вашей великих государей денежной и в соболиной и в товарной казне и в хлебных запасах и в соли и в судовых во всяких припасах воеводу Ивана Приклонского я холоп ваш считал. И по счетуному, великий государь, списку доведетца взять в вашу великих государей казну доимочных денег, которая доимка учинилась при нем Иване, // за посадских людей оброчных, и Чичуйского волоку и Ковымского зимовья за квасных откупщиков и за денщиков откупных денег 157 рублей 16 алт. да 50 соболей с хвосты, да на ясачных якутах и тунгусах и юкагирах на прошлые на 189-й и на 190-й и на 191-й годы вашего великих государей ясаку и поминков взять 528 сороков 17 соболей, 3 шубы да 92 пластины соболевых, 3 лис бурых, 3 лис черночеревых, 74 лисицы сиводунчатых, 6006 лисич красных, 3 шубы лисьих, да ваших великих государей хлебных запасов и соли, на детех боярских и на служилых людех начетного, и на пашенных крестьянех осудного начету и дачи прошлых 189-го и 190-го годов, 35 чети с осьминою и с полчетвериком и с полполчетвериком и с малым четвериком ржи, 4 чети с полуосьминою и с полполчетвериком пшеницы, 6 чети без четверика ячменю, 138 пуд 10 гривенков соли. И о той доимке что вы, великие государи, [т.] укажете.

К. 217, столб. 32 на 61 сетае; сст. 38-39.

37. 1684 г. июля... Наказная память якутского воеводы Матвея Кровкова сыну боярскому Архипу Лыткину о порядке застройки слобод вокруг нового города Якутска.

Лета 7192-го июля в... день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] и по приказу генерала и воеводы Матвея Осиповича Кровкова память сыну боярскому Архипу Лыткину. Как к тебе ся память придет, и тебе бы по указу великих государей измерить и описать около нового города порожние места от городских стен по 40-у сажень и больши, где быть и постройца дворами со всякими дворовыми заводами и с огородами якутским жителем всяких чинов служилым и посадским людем, чтоб попы и дети боярские и сотники и подьячие и пятидесятники и десятники и рядовые казаки и посадские люди с старого посаду переносили дворы свои и строили около того нового города по чинном слободами, попы с попами, дети боярские с детьми боярскими, сотник с сотником, подьячий с подьячими, по тому ж и пятидесятники и десятники и рядовые казаки и посадские люди по чинном вместе слободами ж. И учинить меж дворами проезжие улицы. Избы ставить лицом и ворота к городу, или как пристойно, чтоб градским всяких чинов жителем дворы свои перенести и построить около нового города нынешнего лета безо всякого мотчания.

К. 217, столб. 39 на 41 сетае; сст. 17.

38. 1687—88 гг. — Отписка якутского воеводы Матвея Кровкова з Сибирский приказ о ликвидации «измены» якутов Батулинской вол. Эрюкана Секуева «с товарищи», о стойкости собранной им мягкой рухляди и моржевого зуба, о заключении подрядов на поставку хлеба в Якутск и о постройке нового Якутского острога.

Государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу [т.] холоп ваш Матюшка Кровков челом бьет. В прошлом, великие государь, во 192-м году, // до моего холопа вашего приезде, изменили въ Якутском уезде Батулинской волости якут Эрюканко Секуев с товарищи и многих свою братью иноземцов, Кушея Тыркина з братьями, побили и жен и детей их в полон поимали и скот лошади и кобылы отогнали, и собрався и развоевав Якутской уезд, лутчих людей побив, хотели итти за Алдан на Емокон реку в тунгусские жилища к бзыменником, которые тунгусы в прошлом во 186-м году вам великим государем изменили, Гортиканского роду Некрунко с товарищи, и служилых лю-

дей пятидесятника Устина Панфилова с товарищи 37 человек, не допустя идучи на Ламу до Охотского острошка, на дороге побили и вашу великих государей товарную и зеленую казну и ружье их и платье и всякой борошен взяли; и после того убийства тот изменник Некрунко с родниками своими с вашими великих государей ясачным платежем въ Якутской и на Ламу в Охотской не бывал, а в поход на того изменника за малолетством служилых людей из Якутского и с Ламы из Охотского острошку посылать неково и нельзя. И я холоп ваш, приехав въ Якутской, на тех изменников посылал сына боярского Артемья Крупецкого с служилыми людьми и с выноземцы и ево вора изменника Эрюканка велел розговаривать, чтоб он от воровства своего с товарищи отстал и в винах своих вам великим государем добили челом и были б под вашею великих государей самодержавною высокою рукою. // И по вашему великих государей указу он Артемей с товарищи того изменника Эрюканка с родниками розговаривал и подзывал под вашу великих государей царскую высокую руку попрежнему въ ясачной платеж. И он Эрюканко вашего // великих государей указу учинился непослушен и учал битца, и за боем взяли их 15 человек, иных побили, и за ево воровство и за измены велел четвертовать, а товарищев ево повесить. И которые з бою перешли за Алдан реку и сели в крепостях, и на тех изменников послан был пятидесятник Андрей Амосов с служилыми людьми и с выноземцы, и милостию божиею и вашею великих государей праведною молитвою и счастьем тех изменников // побили, 3-х человек и завогчиков взяли, и полон и скот отогнали. И та измена и воровство моею службишкою и радением к вам великим государем пресекалась. А ваш великих государей ясак за нево Эрюканка платят дети сво Кунечко да Малта. И по вашему великих государей указу, будучи я холоп ваш на вашей великих государей службе на Лене въ Якутском, собрал вашей великих государей соборные и личисные казны и кости моржевого зуба в прошлых во 192-м году мая с 16 числа по оценке торговых людей на 20 на 9 тысяч на 900 на 5 руб. на 3 алт. на 2 д., во 193-м году собрано на 40 на 6 тысяч на 800 на 10 руб. на 13 алт. на 2 д., во 194-м году собрано на 40 на 5 тысяч на 900 на 12 руб., во 195-м году собрано на 30 на 5 тысяч на 700 на 1 руб. на 14 алт. з денбгою. // Да в прошлом, великие государи, во 194-м году июня в 8 день писал ко мне холопу вашему из Енисейска стольник и воевода Степан Сабакин с товарищи. А в отписке ево написано: в прошлом де во 193-м году апреля в 8 день указали вы. великие государи, в Енисейску боярину и воеводе князю Константину Осиповичу Щербатово с товарищи против ево отписки, будет Иван Ушаков против своего уговору, как к вам великим государем писано из Енисейска в отписке, хлебные запасы на Лене станет ставить он Иван, а торговым бы людям в хлебной покупке помешки никакой не учинил, чтоб якутским жителем в покупке тех хлебных запасов от подрядчика тесноты не было, также бы и на Лене без привозных продажных хлебных запасов якутским жителем скудости в хлебных запасах не учинить. И в том же, великие государи, во 193-м году в Енисейском в приказной избе подрядились гостиной сотни Иван да Алексей Ушаковы поставить из Верхленского острогу и из Ленских волостей с Илги и з Бирюльки в Якутской служилым всяких чинов людям на ваше великих государей жалованье покупных хлебных своих запасов 6000 пуд муки ржаной. Да во 194-м году по вашему великих государей указу подрядился в Сибирском приказе он Алексей поставить своих покупных хлебных запасов на своих проторях и судах на 195-й и на 196-й и на 197-й годы в Якутской по 6000 пуд муки ржаной доброй. И в прошлых во 194-м и во 195-м годах приказщик их Иванов и Алексеев Стенька Ружников те подрядные хлебные запасы в Якутском в вашу великих государей казну отдал, и тот хлеб для ваших государевых дальних нижних двоегодных и годовых служб служилым людям в росходе в тех же во 194-м и во 195-м годах. А с тех подрядных хлебных запасов в Якутском и в Енисейском вашей великих государей десятой и весчих и записных пошлин не взято. А по уговору ряжено дать им Ивану и Алексею за тот подрядной хлеб в Енисейску из вашей государевы казны по 5-ти алт. по 2 д. за пуд. И буде не укажете вы, великие государи, с тех подрядных хлебных запасов взять в свою великих госуда-

рей казну десятой по 10 д. и весчих пошлин по 3 д. с пуда против того; по чему смлетца в Якутском, и того будет по 7-ми алт. по 3 д. пуд, и у того хлеба у 24000 с вашей великих государей десятой и с весчими пошлинами перед якуткою покупкою будет передачи 3720 руб. А в Якутском для ваших государевых дальних нужных двоегодных и годовых служеб, за недосылкою ваших государевых хлебных запасов, купил я холоп ваш у торговых людей в вашу великих // государей казну служилым людям на жалованье во 194-м году 11295 пуд муки ржаной доброй, денег за тот хлеб дано из ваших великих государей казны 722 руб. 24 алт. 2 д.; в том числе дано за 2000 за 600 за 79 пуд за 30 гривенок по 11 д. за пуд, за 2000 за 900 за 70 за 3 пуда за 10 гривенок по 2 алт. за пуд, за 4000 за 900 за 70 за 1 пуд по 2 алт. по 2 д. за пуд, за 500 за 80 пуд по 2 алт. по 3 д. за пуд, за 50 за 5 пуд по гривне за пуд. Да во 195-м году куплено в вашу великих государей казну 3000 пуд муки ржаной по 2 алт. по 2 д. пуд. Да призову енисейского подрядного хлеба и перед енисейским подрядным хлебом // в Якутском в покупке учинилось в вашей великих государей казне прибыли у 14000 у 200 у 50-ти у 9-ти пуд 1308 руб. Да в прошлом, великие государи, во 192-м году отдал я холоп ваш в Якутском уезде в Бильгинской и в Вирюльской, в Орленской, и в Тутурской волостях и на усть Витима и Пеледудя рек квасные и бани вновь на откуп. А откупных денег с тех квасных взято в вашу великих государей казну на 192-й и на 193-й и на 194-й и на нынешней на 196-й годы 177 руб. 10 алт. Да в Якутском по челобитью отдал я холоп ваш квасную и баню и площадное письмо и пролуби и на Чичуйском волоку квасную и баню и дешичей откуп из наддачи. А наддачи сверх прежнего с тех откупов взято в вашу великих государей казну 42 руб. 19 алт. 4 д. // И во 194-м году июля с 1-го числа, для умаления города по вестям неприятельских замыслов для приходу воинских всяких людей и осадного времени, около нового города острог новой я холоп ваш построил наготово. А вымерено около того нового города земли в острожное строенье от передней городской стены к востоку к Лене реке и к старому посаду до острожной стены 60 саж., а от 3-х городских стен до острогу по 40-у саж., всего вымерено земли под острог во все 4 стены 580 саж., да в том же остроге в стенах построено 8 башен, в том числе 2 проезжие. А для того острожного и хоромного строения и городской недостройки купил я холоп ваш из вашей великих государей казны в прошлых во 193-м и во 194-м и во 195-м годах 11848 бревен сосновых мерою в длину по 3 саж., в отрубе по 4 и по 5 вершков. По договорной цене, перед прежним городовым строеньем с убавкою, денег дано 329 руб. 31 алт. 4 д., по 4 д. и по 5-ти денег и по алтыну бревно, а как город строили, куплено из вашей великих государей казны, и служилые всяких чинов люди покупали в городовое дело такие бревна по 10 // д. и по 2 алт. по 2 д. бревно. А поставили тот острог служилые всяких чинов и приезжие торговые и промышленные люди. А в новом городе построил я холоп ваш для вашей государевы соборины казны 2 анбара с сараем, перевез из старого острогу, и земельной погреб и воеводичей и аманатчиков дворы и для раскольников, церковных мятежников, земляную тюрьму, и для городского утеснения поставил в остроге для ваших государевых хлебных и соляных запасов и судовых припасов 4 анбара. Да во 194-м году осенью обыскал я холоп ваш от города на нижнем лугу в 5-ти верстах руду железную. И для ваших государевых служеб и острожного и хоромного строения железных всяких припасов, для сплавы той руды подрядил я холоп ваш из вашей государевы казны казаков Ивашка Хлепетина, Петрушку Борисова, и они Ивашко и Петрушка вылавляли те той руды 47 пуд железа кричного доброго, и то железо взято у них в вашу великих государей казну по рублю пуд. А у торговых людей в Якутском в продаже и в покупке такое енисейское железо бывает по 3 руб. с полтиною и по 4 руб. пуд. Да во 192-м году августа в 31 день отдал я холоп ваш в Якутском квасную и баню на откуп по челобитью торговому человеку Аниске // Семенову впредь на 3 годы, и ваш великих государей казенной квасной котел меди красной весом 5 пуд в тех годах ему Аниске, и впредь иным откупщиком, велел делать и починивать и медь прибавлять своими деньгами. А в прошлых годах со 176-го году при прежних воеводах давано из вашей государевы казны по 192-й год маня по

16 число, по мой холопа вашего приезд в Якутской, от дела того котла денег 41 руб. с полтиною, да меди дано из вашей государевы казны на починку 7 пуд 35 гривенок. А в Якутском у торговых людей купят медь красную и зеленую по 16 руб. пуд и по 13 алт. по 2 д. гривенку и той котельной меди, что дано на починку, по цене на 126 руб. Да во 195-м году летом осталось за аманатским кормом вашей государевы 3 бочки рыбы соленой; и я холоп ваш, тое рыбу велел продать по 10 алт. пуд, денег за ту рыбу взято в вашу великих государей казну 28 руб. // Да для ваших государевых дальних нужных двоегодных и годовых служеб, за недосылкою ваших государевых хлебных запасов, дал я холоп ваш служилым людям за ваше великих государей хлебное жалованье деньгами и товаром: во 192-м году дано за 1328 чети с осьминою и с четвериком и с полуцетвериком и с малым третником за рожь, за 285 чети без четверика за крупу и толокно, денег и по цене товаром 754 руб. 14 алт. 5 д., по привне за пуд; во 193-м году дано за 1407 чети с осьминою и с четвериком за рожь, за 300 чети за крупу и толокно, 611 руб. 21 алт. 2 д., по 2 алт. по 4 д. за пуд; во 194-м году дано за 760 чети с осьминою и с полполтретником за рожь, за 231 четь с полусосьминою и с четвериком и с третником и с полполтретником и с полполцетвериком за крупу и толокно, 294 руб. 17 алт. 4 д., по 2 алт. за пуд. Всего в тех во 192-м и во 193-м и во 194-м годах дано за 19584 пуда за рожь и за крупу и за толокно денег и по цене товаром 1660 руб. 20 алт. 3 д. А в прошлых годах при прежних воеводах и при Иване Приклонском давано служилым людям за ваше великих государей хлебное жалованье по гривне и по 5 и по 6 алт. по 4 д. за пуд, и перед прежнею дачею, по чему давалось служилым людям за хлеб в прошлых годах при прежних // воеводах, учинилось у той дачи вашей великих государей казне прибыли 553 руб. 17 алт. 5 д. И всего, великие государи, собрано в Якутском в вашу великих государей казну соболиной и лисичной казны и кости моржового зуба по оценке, и что учинилось прибыли при мне холопе вашем в хлебной покупке перед енисейскою подрядною ценою, и с вашей великих государей десятою и с весчими пополинами, и что куплено в острожное строенье бревен перед прежним городным строеньем дешевою ценою, и с откупов наддачи и за котельное дело и за медь и за рыбу, и что прислана в Якутском железная руда, и служилым людям дано за хлебное жалованье против прежнего с убавкою, — на 100 на 60 на 4 тысячи на 700 на 40 на 9 руб. на 26 алт. на 4 д.

К. 220, столб. 4 на 123 сставах; сст. 110—123.

39. 1690 г. не ранее сентября 1. — Отрывок прихода-расходной росписи «ружейной и товарной казны» Якутского острога за 1687—1690 гг.

... И всего во 196-м году сентября 3 22 числа да сентября ж по 1 число 197-го году в расходе при стольнике и воеводе при Петре Петровиче Зиновьеве 13 пуд 2 ф. пороху, 15 пуд 22 ф. свинцу, 2 пуда 34 ф. меду сырку, патоки. 19 ведр с полуведром вина горячего. А в остатке у 196-го году во 197 году надобно налицо по наличному весу 42 пуда 38 ф. пороху русского и пушечного з деревом в 4-х бочках, 92 пуда 18 ф. свинцу, 27 пуд 6 ф. меду сырку, патоки в 4-х бадьях, 4 ведр с полуведром вина горячего в 7-ми вершковое ведро без чети вершка.

Во 197-м году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1-е число 198-го году при стольнике и воеводе при Петре Петровиче Зиновьеве в приходе, и что у 196-го году ко 197-му году в остатке налицо всякой великих государей ружейной и товарной казны, и что из того числа в расходе, и что у 197-го году ко 198-му году в остатке. У 196-го ко 197-му году ружейной и товарной казны налицо. Ружейной казны: 7 пищалей медных в станках на колесах, а к тем к 7-ми пищалем 300 ядер железных и каменных, 78 мушкетов с замками, 17 пищаленков винтовых выстрелки с замками, карабинешко, 5 обрывков пищальных, 3 знамени тафтяных и дорожных, 3 сабли с ножнами, 2 куячишка тунгусских, 5 наручни, 5 пищаков, 6 пансырей, 4 барабана. Товарные казны: 10 пуд 23 ф. без чети фунта олова в блодах и в торелех, 7 пуд 28 ф. бисеру голубово и белово и черновое, пуд 10 ф. бисеру же дикого и желтого, 7 пуд 37 ф. меди зеленые и красные новые и старые в котлах и в тазех и в меденниках, 49 стоп 7 дестей бумаги писчей, 140 саж. сетей неводных, 6 пуд 16 ф. прядена неводного горохов-

ского, 136 арш. крашенины лазоревой, 2 вески медные, 3 ведра винных медных заорленных по весу 22 ф., труба медная, яндова большая, 2 яндовы малых, чаша лощатая, чашка шертовальная, кумган да ковш да чарка медные, пуд меди запрудной, 2 шубенки горностальных, ровдуженко да мешинишко. Да во 197-м же году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1-е 198-го году при стольнике и воеводе при Петре Петровиче Зиновьеве в приходе вновь: // по отписке ис Тобольска боярина и воеводы Алексея Петровича Головина у якутского сына боярского у Леонтия Львова с товарыщи принято 30 стоп бумаги писчей, 5 пуд олова в блюдах и в торелех и прутového, 5 пуд одеку, 8 половинок сукна лятчины и те половинки для денежной и товарной скудости для государевых служб розданы служилым людем в жалованье и писано в приходной и расходной денежной книге 197-го году имянно. Да по отписке ж ис Тобольска боярина и воеводы Алексея Петровича Головина 30 стоп бумаги писчей, 15 пуд меди зеленые, 1090 аршин крашенины лазоревой, а тот товар принят в Якутском у тобольских посадских у Ларьки Шалконова да у Матюшки Прокопьева. Да в розных месяцах и числах по приказу стольника и воеводы Петра Петровича Зиновьева куплено великих государей в казну в отпуски в зимовья для аманатских рыбных ловлей 12 пуд 25 ф. прядена неводного тороховского, 73 саж. сетей неводных, да для государевых дел в приказную избу на свечи и аманатом тунгусам в саламаты 48 пуд без чети сала говяжья топленого и сырцу, да на топление приказные избы и тюремного двора 52 саж. дров лиственничных полененых, да к сумам на ворота и к соболиным сорокам на ременье 11 кож сыромятных, да к барабаном 6 кож сырых яловичных, да для печных поделок 5000 кирпичей обжиганых и необжиганых. Да из зимовей в привозе отпуску прошлого 196-го году и что сверх того в приходе: из Майского зимовья у сына боярского у Петра Крыжановского, из Вилюйского Верхнего зимовья у пятидесятника у Филиппа Щербакова, из Среднего Вилюйского зимовья у Омельки Иванова, из Батомского зимовья у казака у Петрушки Дуракова, из Чаринского зимовья у десятичника у Любишки Артемьева, из Жиганского и из Оленского зимовья у пятидесятника у Герасима Цыпандина, всего у 6-ти человек, 8 котлов медных, весом 1 пуд 8 ф. Да по отпискам ис Тобольска боярина и воеводы Алексея Петровича Головина да из Енисейска воеводы Якова Вяземского принято в Якутском великих государей в казну у казака у Ивашка Сергучева да у тобольских посадских людей у Ларьки Шелканова да у Матюшки Прокопьева 2 ведра медных винных, по весу 14 ф. Да по отписке ис Криводутской волости прикащика сына боярского с Козьмы Мочахина принято посыльных выимных у казака у Дорошки Лебедева 3 котла да куб да 6 труб медных, по весу 3 пуда 26 ф. И всего во 197-м году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1-е число 198-го году при стольнике и воеводе при Петре Петровиче Зиновьеве в приходе, и с тем что прислано ис Тобольска и из зимовей в приводе и что куплено в Якутском и с остатком, ружейной казны: 78 мушкетов з замками, 17 пицаленков, винтовок выстрелки з замками, карабинишко з замком, 5 обрывков пицальных, 3 знамени тафтяных и дарагильных, 3 сабли с ножнями, 2 куз//чишка тунгусских, 5 наручии, 5 пишаков, 6 пансырей, 4 барабана. Товарные казны: 12 пуд 28 ф. бисеру и одеку, пуд 10 ф. бисеру и одеку художю, 15 пуд 23 ф. без чети фунта олова в блюдах и в торелех и в прутьях, 24 пуда 5 ф. меди зеленые и красные новые и старые в котлах и в тазех, да меди же 3 котла да куб да 6 труб винных по весу 3 пуда 26 ф., 1226 арш. крашенины лазоревой, 2 вески медные, 5 ведр медных заорленных винных по весу 36 ф., труба медная, яндова большая, 2 яндовы малых, чаша лощатая, чашка шертовальная, кумган да ковш да чарка медные, пуд меди запрудной, 2 шубенки горностальных якутских, 8 половинок сукна лятчины, 213 саж. сетей неводных, 19 пуд 1 ф. прядена неводного, 109 стоп 7 дестей бумаги писчей, 52 саж. дров лиственничных полененых, 48 пуд без чети сала говяжья топленого и сырцу, 11 кож//сыромятных, 6 кож сырых яловичных, 5000 кирпичей обжиганых и необжиганых. *Далее следует перечень ружейной и товарной казны Якутского острога за 198 и 199 годы.*

К. 223, столб. 3 на 50 сставая; сст. 1—8. Начало утрачено.

II. ФОРМЫ И МЕТОДЫ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ.

А. Сбор ясака.

40. 1639 г. после февраля 12. — Отписка сына боярского Парфена Ходырева списейскому воеводе Никифору Веревкину о сборе ясака с тунгусов, живущих в низовьях реки Лены, и об отказе десятника казачьего Семена Чучерина «с товарищи» сдать в государеву казну «промышленных» ими соболей.

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси воеводе Никифору Логиновичю Парфенку Ходырев челом бьет. В прошлом во 147-м году по государеву указу послан я Парфенко на государеву службу на Ленской волок и в новой в Ленской острожек служилыми людьми. И приехав на Ленской волок в прошлом же во 146-м по государевым службам служилых людей по то число розослал. И отпустя служилых людей по государевым службам, взял я Парфенко под Ленским волоком государева ясаку 35 соболей с хвосты. Да внизу по Лене реке служилые люди Дунарко Степанов с товарищи, и оне взяли государева ясаку с тунгоского князца шамагирского мужика с Васива да тунгоского ж князца с Мужунка и съ его улусных людей 3 сорока 24 соболя с хвосты да ковричка. Да на той ж государеве службе издержали оне государева товару на подарки иноземцом и в вожем в наем 3 ф. с полуфунтом одекую, 12 ф. олова в блюдах и в торелех да муки государева изшло иноземцом 3 пуда, 2 безмены жиру рыба. Да вверх Киренгы реки посылааны были служилые люди Васька Тимофеев с товарищи 6 человек и взяли оне государева ясаку 62 соболя с хвосты. Да он же Васька // Тимофеев с товарищи купил 6 соболей на государев товар, а дано на те соболи государева товару 4 ф. меди в котлах, а в тех соболях 1 соболь с хвостом. Да оне ж Васька Тимофеев издержали государева товару на подарки иноземцом и в вожем в наем меди в котлах 4 ф., 7 ф. с полуфунтом олова в блюдах и в торелех, 4 ф. одекую да государева муки иноземцом на корм полтретья пуда, 2 безмена жиру рыба. Да он же Васька Тимофеев с товарищи взял государева ясаку на усть Куты реки 32 соболя с хвосты. Да верх по Куте реки посылааны были служилые люди Иваншко Овдеев с товарищи 3 человека, и оне взяли государева ясаку 49 соболей с хвосты. Да он же Иваншко с товарищи купили на государев товар 10 соболей с хвосты, а дано на те соболи 4 ф. олова в блюдах и в торелех да полфунта одекую. Да оне ж Иваншко с товарищи издержали государева товару иноземцом на подарки и в вожам в наем 3 ф. олова да 2 ф. одекую. Да им же тунгусом изшло государевы муки осьмина без четверника, безмен жиру рыба. На усть Илима реки посылан был служилой Исачко Олфимов с товарищи 5 человек, и оне взяли государева ясаку 3 сорока 5 соболей. Да на Илеме ж Гришка Кривонолицын с товарищем взяли государева ясаку с Тубы и с Ыгирмы 4 сорока 15 соболей с хвосты. Да оне ж Гришка и Исачко купили на государев товар 61 соболь с хвосты, а дано на те соболи государева товару 28 ф. олова в блюдах и в торелех. Да оне ж // Гришка и Исачко с товарищи на Илеме издержали государева товару на подарки тунгусом и вожам в наймы 9 ф. с полуфунтом олова в блюдах и в торелех, 7 ф. одекую да государевы муки изшло у них четь с осьминою без четверика да 4 безмена жиру рыба. Да вверх по Илимю ходили на государеву службу служилые Кермашка Иванов с товарищи 4 человека, и оне взяли государева [ясаку] 35 соболей с хвосты. Да оне ж

Кормашка с товарищи купили на государев товар 12 соболей с хвосты да 2 недособолишка, а дана на те соболи государева товару: полосыма фунта меди в котлах. Да оне ж Кормашка с товарищи на подрки и вожем в наем 5 ф. олова, 4 ф. одекую. Да оне же издержали государевы муки иноземцом осьмина да 2 безмена жиру рыба. И всего государева ясаку собрано с Ленского волоку на всех государевых службах 16 сороков 17 соболей с хвосты да бобриншко. Да на тех же государевых службах куплено соболей у иноземцов на государев товар 2 сорока 8 соболей да 2 недособолишка, а в тех в соболях 5 соболей без хвостов. И обоего ясашных и купленных соболей 18 сороков 26 соболей да 2 недособолишка. Да на подарки и на покупки и вожем в наем олова 69 ф. да на подарки же и на покупки всего меди изшло 15 ф. с полуфунтом меди, да сдекую ж изшло на локуюнку и на подарки всего 23 ф., да муки всего изшло на корм иноземцом 3 четверти с осьминою и с четвериком, да жиру изшло всего 11 безмен. А с вамамогирского с мужика з Бакшенги и с его улусных государева ясаку не взято на нынешней на 147-й год, потому что он внизу по Лене живет своими улусными людьми далече и достать его не можно. И к нему к Башенги по государев ясак посланы будут служилые весною в стругах. Да в прошлом же во 146-м году послан был на государеву службу вверх // по Лене реке служилые люди десятник казачей Семейка Чюхчерев да государева ясачного збору с 11-ю человек. И он Семейка с товарищи ис тех с 11-ти человек одного человека Ваську Михайлова переславца покинул на волоку, взяв с него посулы, а дву человек Ивашка Осипова, Тимошку Олферова на усть Куты реки для своей бездельной корысти, наравя государевую службу, взяв с них посулов и ограбя у них харчу и хлебного запаса, покинул на усть Куты реки. А всего он Семейка верх по Лене реки ходил с 8-ю человек в судах. И отшод 5 дниц, за много до заморозу не у ясашных людей на пустом месте, не хотя государеву ясачному збору прибыль чинить, для своего бездельного промысла заимовал. И зимою в нартех вперед для государева ясачного збору не ходил же и промышлял зимою на себя. И отпромышляв оне февраля в 12-м числе пришли на Ленский волок, а государева ясаку оне не принесли ни одного соболя, а у них своих соболей об[я]вилось 2 сорока 9 соболей. И я Парфенко те их соболи за их воровство имал на государя, что оне за государевым ясачным збором не ходили. И оне Семейка с товарищи государева указу не послушали и соболей своих в государеву казну не дали, учинились сильные. А хто имянем служилые люди с ним Семейкою государева указу не послушали, и тем людям под сею отпискою имянная роспись. И меня Парфенка оне лаяли всякою неподобною лаею. А за государевую казною служилые люди посланы Кермашка Иванов. Ивашко Васильев, Микифорко Романов, а за казною целовальник: промышленной Харька Сидоров. И тою государевою казною и сю отписку велел подать и служилым людям явиться в съезжей избе тебе Никифору Логиновичу.

К. 187, столб. 3 на 27 ставаях; стр. 2—5. Фамилия енисейского воеводы П. Л. Верекина устанавливается на основании «Списка головных соевод» Л. Барсукова.

41. 1640 г. сентября 24. — Наказная память казачьего атамана Осипа Галкина служилым людям Семёну Чуфаристу с товарищами о посылке их на Алдан и на Маю для сбора ясака, о запрещении торговать с «иноземцами» государевыми товарами и о защите русских торговых и промышленных людей на промыслах.

Лета 7149 году сентября в 24 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича [т.] указу Ленского острогу казачей атаман Осип Галкин велел ехати на государеву службу из нового Ленского острогу ленским служилым людям десятнику казачью Семейке Тимофееву Чуфар[исту], Костыке Степанову Дунаю, Федьке Михайлову Поздышу, Ваське Иванову для ясачного збору к прежним к ясачным к тунгусским и к якутским князюм на Алдан и по Мае реке вверх к тунгусским князюм к Сокою и к Ширкунце. что во 149-м году сентября в 15 день били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси, а в Ленском остроге в съезжей избе казачью атаману подали челобитную они Семейка Чуфарист с товарищи, а в челобитной своей написали: собрати государев ясак против прошлого 148-го году без недобору, да вновь объ-

явили с подростков и з захребетников на нынешной на 149-й год собрати на Мае и на Алдане с тунгуских княззей с Картуля и с Ширкунцы и с якутских княззей и с их улусных людей с подростков. И им служилым людям Семейке с товарищи, прислав на Алдан и на Маю к тем тунгуским и к якутским князю и к их улусным людям, собрати государев ясак против прежних с прибылью без недобору, да и вновь чтобы явили сорок соболей на нынешной на 149-й год, а худых и голых и внешних соболишек в государев ясак не имали, а имали в государев ясак соболи добрые, которые б соболи в государев ясак пригодились. А их иноземцов не ожесточить и от государской их милости не отогнать, чтоб и впредь с тех ясачных людей государев ясак прочен и постоятелен был. И призвав их, сказали им государево цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси жалованное слово, чтоб они ясачные люди князцы и [с] своими улусными людьми на государскую милость надежны, и были бы во веки под государскую царскую высокою рукою в вечном холопстве без боязни, и от недругов их обороняти. И самим им Семейке с товарищи к иноземцу и к ясачным чиним ни в чем не приметыватца и, собираючи государев ясак, им служилым людям Семейке с товарищи в государеве ясаке не корыстоватца и добрых ясачных соболей на свои худые соболи не обменивать. И буде своею оплошкою и нерадением возмзут в государев ясак соболи худые, и за те худые соболи велят на них Чюфаристу с товарищи доправить в государеву казну соболи добрые. И товаров им Чюфаристу с товарищи своих с собою никаких не возити и с ясачными людьми на мяхкую рухлядь не менати и с ними не торговати и ясачным людям обиды и насильства не чинити, а торговати с ними иноземцы государевым товаром. Да которые где торговые и промышленные люди с ними будут поблиску на соболиных промыслах, и им Чюфаристу с товарищи торговых и промышленных людей на промыслах ото иноземцов оберегати, и побивати и грабити их не давать. Да и самим им Семейке и Костыке и Федьке и Ваське Иванову к торговым и к промышленным людям ни в чем не приметыватца и ни-которова им дурна не чинити и от соболиных их промыслов не отогнати, чтоб и впредь на то смотря иным торговым и промышленным людям на соболиные их промыслы ходить было повадно. А то им служилым людям смотреть и беречь накрепко, чтоб отнюдь торговые и промышленные люди до государева ясачного збору своими товары на мяхкую рухлядь с иноземцы не менали и с ними не торговали, чтоб в том их торгу в государеве ясачном зборе недобору не было. // И им служилым людям Семейке с товарищи торговых и промышленных людей во всем ведати и суд давати и меж ими [ро]справа чинити, а пошлин имати с рубля по 3 алт. по 4 д., пересуду и правого десятка с суда по 7 алтын по 4 д., а ниже рубля пересуду не имати. А ло государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу без письменных крепостей, опричь бою и грабежу, суда не давать. А буде они Семейка с товарищи своею оплошкою и нерадением государева ясаку не зберут против прежнего 148-го году и с новым прибылью, и что они объявили вновь собрати сорок соболей на нынешной на 149-й год, или учнут в ясак худые и голые и внешние соболишка и недособолишка имати, или государевы учнут ясачные соболи обменивать на свои худые соболишка, или ясачным людям всем обиды и насильства чинити, и по сей наказной памяти всего не учнут исполняти, а после про то допрямя сыщется, и за [то] им Семейке и Костыке и Федьке и Ваське быти от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в пене и в жестоком наказанье. А ходя им на государеве службе, Костыке с товарищи, усторожливому смотреть и беречися от иноземцов накрепко, чтоб над ними иноземцы какова дурна не учинили. Да им же служилым людям Костыю и карты не играти и иным зерню воровать не давать. А с ними послано государевых товаров на покупку соболиную и на подарки ясачным людям и денег на покупку, и деньги и товар писан в книгах. А для толмачества с ними послан служилой человек Федька Поздыш. А езда на государеве службе, проводить и сыскати беглых аманатов Дудея да дву тунгусов алданских Бедуна с товарищем. А сыскав поимати тех аманатов и прислать их в Ленской острог с кем [пригоже].

42. 1641 г. не ранее марта 21. — Отписка сына боярского Алексея Бедарсва якутскому воеводе Петру Головину с товарищами об обмене 4 соборей на муку у шаманских тунгусов и об отправке их в Илимский острог.

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси стольником и воеводам Петру Петровичу, Матвею Богдановичу, дьяку Еуфимию Варфоломеевичу Олешка Бедарев челом бьет. В нынешнем во 149-м году марта в 21 день пришли з зверевы на усть Муки реки ясачные куцкие шаманские тунгусы 5 человек, Овын Онин брат с товарищи, и принесли 4 соборей те пороты с хвостами, и прошали у меня муки, голодни де мы ходили де на зверевы и зверей не добыли. И я целовальников призывал и муки у них государевы просал, чем их накормить. И они мне муки не дали, нам де тунгусом муки давать не указано. И соборей в государеву казну не взяли, нам де до тех соборей дела нет. И я у них те 4 соборей взял и мукою своею накормил. И на дороге им дал чашу муки не веся, чайть безмена 3, а на корм им изошла та же чаша. И те я 4 соборей, запечатав своею печатью, послал к вам на Илим з березовским казаком с Ларькою Шумиловым.

На обороте: Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси стольником и воеводам Петру Петровичу, Матвею Богдановичу, дьяку Еуфимию Варфоломеевичу.

149-го марта в 22 день подал отписку березовский казак Ларька Шумилов.

Помета: 149-го марта в 22 день соборей взять в государеву казну и записать в приход, а отписку в столп вклеить, а сыну боярскому отписать, кузнецу Онтишке с тунгусами говорить отнюдь не велеть и служивым людям заказал, чтоб смотрели за Онтишкою крепко. А будет служивые люди Онтишку кузнеца увидят, что он с тунгусами говорит, и о том отписать и Онтишку прислать на Ленской волок. А хто будет Звероуловых родников на усть Муки придет, и тех всех роспроса прислать на Ленский волок с служивыми людьми. А служивым людям на Ленокой волок с тунгусами велеть приходить ко дни, а к ночи приходить не велеть. А кузнецом анбар велеть дать на кузницу тот, что была часовня.

К. 189, столб. 1 на 59 ставая; сст. 36.

43. 1645 г. сентября 22. — Наказная память якутского воеводы Василия Пушкина служивым людям Дружинке Чистякову с товарищами о посылке их в Столбовское зимовье для сбора ясака и «приискивания» новых неясачных якутов и тунгусов.

Лета 7154-го году сентября в 22 день по государеву цареву и великому князя Михаила Федоровича всеа Руси указу память служивым людям Дружинке Чистякову, Дениско Иванов, Васька Петров, Ивашко Микитин Ураско. Ити им визиз по Лене реке к Столбам до прежнего ясачного зимовья наспех, немешкая нигде, для государева царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси ясачного збору и прииску вновь неясачных людей судном с великим поспешением. Да с вами ж послан столбовской аманат именем Омуча да немченской аманат Онтило. И тово аманата дорогой идучи беречь накрепко, яс казенки не выпущать. Ити с великим опасением, чтоб столбовские тунгусы, собрався безвесным приходом, какова над вами дурна не учинили и аманата б не отбили. И пришед в зимовье, жить с великим бережением, аманата держать в казенке з железах за крепким караулом и беретчи тех аманатов накрепко, чтоб не ушли и над собою и над вами служивыми людьми какова дурна не учинили. И без караулу бы у вас в зимовье ни на малое время не было, чтоб аманатские родники, собрався безвесным приходом, какова над вами служивыми людьми дурна не учинили и аманатов б не отбили. И пицалей и топор и ножей и поленных дров блиско аманатов не класть. И укрепясь в зимовье, посылать ясашных тунгусов к аманатским родникам к столбовским тунгусом и велеть всем родникам ево промышлять государевым ясаком неоплошно полным по 5-ти соборей ¹ родников с 8-ми человек по 5-ти соборей с человека. И то им сказать, что аманаты их привезены живы. Изготовя б родники их ясак, были б все в зимовье, не измешкав. И в иные ясачные волости

¹ Начало строки оборвано.

т тунгусом посылать для государева ясашного збору служивых людей, ково доведетца, по сколько человек мочно ходить, не мешкая по всем волостям. И ясак на государя во всех волостях вселеть готовить полной, // и [с] подростков и захребетников перед прошлыми годами с прибавкою. А с столбовских тунгусов со всех с прежних ясашных людей имать государев ясак перед прошлыми годы с прибавкою ж, как с ково мочно, смотря по людям, чтоб в государеве ясашном зборе учинить прибыль, которая б впредь была прочна и стоятельна, а иноземцом бы не в самую тягость и не в налог. А вешних соболей и недособолей в ясак и в поминки не имать. И в ясашных волостях подростков и захребетников выискивать и ясак с них на государя имать, как с ково мочно, примерясь к иным иноземцам. И новых родов тунгусов и якутов приискивать и под государеву царскую высокую руку приводить и ясак с них на государя имать по тому же, как мочно, примерясь к иным иноземцам ясашным людям. И аманатов у тех новоприисканных людей имать из роду по человеку добрых, чтоб под тех аманатов по вся годы государев ясак был безпереводно. А служивые люди и толмачи, которые из ясашного збору из спысок из ясашных волостей приидут, и тех служивых людей и толмачей, встречая от зимовья, обыскивать накрепко. И что будет у тех служивых людей и у толмачей объявитца какой мяхкой рухляди, и то все писать в книги имянно. И иноземцом ясашным людям накрепко о том заказати, чтоб у служивых людей и у толмачей соболей и никакой мяхкой рухляди хоронить не имали, что будет те служивые люди и толмачи дадут хоронить, и те б // иноземцы тое мяхкую рухлядь объявляли вам без боязни. А будет те иноземцы тех похоронных, служивых людей и толмачей, соболей и иной мяхкой рухляди не объявят, и за то им иноземцам быть в жестоком наказанье. А с ково что с прежних с ясашных волостей возьмете государева ясаку и поминков на нынешней на 154-й год и на прошлые годы в доимку, и то писать в книги имянно по годом и по волостем порознь, волость с волостью и год з годом не списывать. А с ково что с которой волости государева ясаку прибудет или убудет, и то описывать в книге имянно, по чему с ково прибыло и по чему с ково убыло. А с новых приисканных людей что возьмется ясаку, и то писать в книги по тому ж имянно. А иноземцам всем, старым и новоприисканным, давать в государеве ясаке и в поминках отписи за печатьми своими всякому порознь. А подарков давать иноземцам по невелику, примерясь к прежним годом. А будет что иноземцы для государского величества тебе Дружинке с товарищи дадут в поминки соболей, и те соболи вам не утайт и писать в книги особою статью имянно и привести те свои поминочные соболи в Якутской острог вместе с ясашными соболями. А принимать государева ясашная казна и всякая соболиная мяхкая рухлядь и поминочные соболи тебе Дружинке, и печатать государевы ясашные и поминочные соболи и всякую мяхкую рухлядь тебе Дружинке своею печатью. И во всем бы тебе Дружинке с товарищи государевым царским и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси делом и ясашным збором и прииском новых земель ради и промышленяты неоплошно, и про государское величество иноземцам всем рассказывать, и ясак с них на государя збирать с великим радением неоплошно, чтоб вам своею службою и радением учинить // в государеве ясашном зборе прибыль, которая б впредь была прочна и стоятельна. И себя б вам за ту службу видеть в государеве жалованье и перед своею братею быть похвальными. И о том бы вам иноземцам всем ясашным людям учинить закат кренкой под смертною казнию, чтоб иноземцы ни хто никоним мерами государевых людей торговых и промышленных не грабили и не побивали и куплемятов не постоили. А хто из них учнут торговым и промышленным людям какую тесноту и обиды и грабеж чинить, и тем иноземцам по государеву указу быть в смертной казнс. А самому тебе Дружинке и служилым людям иноземцам ясашным людям держать ласка и привет и ничем их не избивать. И торговых и промышленных людей по тому ж беречь. И самим к торговым и промышленным людям для своей бездельной корысти ничем не пристыгивать и тесноты и налоги и никакой обиды не делать. И карт б у вас и зерновых костей и зерни и никакой закладной игры не быто. И над служивыми людьми, над товарищи своими, тово смотреть и беречь накрепко против сей указаной памяти, заповедно

ничего и зерни и табаку и пьяного питья и всякие закладные нгры держать не давать, от того их унимать накрепко. И не взяв государева полного ясаку, самому и служивым людям с иноземцы мимо государевых товаров своими то-вары на мяхкую рухлять на соболей и на лиснцы не торговать. И торговым и промышленным людям заказ о том учинить крешной, чтоб у иноземцов до яса-ного збору ни в которых волостях у тунгусов и у якутов соболей и шуб со-болей и никакой мяхкой рухляди не покупать. А будет которые торговые и про-мышленные люди учнут в своих зимовьях с иноземцы на мяхкую рухлядь торго-вать, и зерню и карты играть, и вино // и пиво и мед и брагу и табак держать, и тех торговых и промышленных людей за поруками, и тузленную их мяхкую рухлядь, присылать в Якутской острог. А книги вам ясашные 152-го году и 153-го году даны с ково с тунгусов с которого роду недоборного ясаку и поминков. И тебе б одноконешно служба своя и радение государю показать, с аманатского роду взять государев ясак полной на нынешней на 154-й год. И старых ясашных тунгусов, чеве не добрано государева ясаку на прошлые годы, и тот недоборной ясак добрать сполна, на прошлой на 153-й год донять государева ясаку на стол-бовских тунгусах 32 соболя против прошлого 152-го году. И про то тебе Дру-жинке с товарищи сыскать и спросить накрепко столбовских тунгусов. в прошлом во 153-м году сколько с аманатского роду взяла ясаку и сколько соболей служивой человек Гришка Табуркин с товарищи, и почему те стол-бовские тунгусы государева ясаку не доплатили. И что те столбовские ясашные тунгусы в дспросе скажут, и те речи их записать и заниска подать я Якутском остроге в съезжей избе государевым воеводам. Да и то им ясашным тунгусом ска-зать, что в прошлом же во 153-м году служивой человек Гришка Табуркин взял у них в аманаты тунгуса, и тот аманат в Якутском остроге помер своею смер-тию, а не убит, и тот аманат послан с вами, и тебе б Дружинке с товарищи тово мертвого аманата отдать родникам его столбовским тунгусом. А собрав го-сударев ясак, на весу, аже даст бог, быть в Якутской острог с казной и с ама-натом по самой полои воде за льдом. А будет вы с товарищи не учнете госу-даревым делом радеть и вашим нерадением и оплошкою в государев ясашином соборе не учините прибыли, или государевы соболи и лиснцы и бобры учнете переманять, или государевую соболиною казною учнете користоватца, или ино-земцам ясашным людям обиду и тесноту учнете делать и ино//земцев же не-ясашных людей не учнете под государеву царьскую высокую руку призывать, или аманатов, которые будут иноземцы, своим небережением упустите, или ино-земцом же ясашным тунгусом и якутом не учнете про торговых и промышленных и про всяких русских людей убойство и грабеж заазывать, или торговые и про-мышленные люди учнут в своих зимовьях с иноземцы торговать, а вы их Дру-жинка с товарищи не учнете за поруками и купленной их мяхкой рухляди в Якутской острог присылать, и торговые и промышленные люди учнут каким воревстром воровать, питье пьяное вино и пиво и мед и брагу и табак держать, а вы их не учнете от того унимать. или посулы и поминки себе у них от тово учнете иметь, или к торговым и к промышленным людям для своей бездельной користи учнете с служивыми людьми за посмешно не по делу приметоватца, или недоборного ясаку не доберете на прошлые годы, или сами у Столбов вино и пиво и мед и брагу и табак и зерновые кости и карты по тому ж учнете дер-жать, или нерадением своим и оплошкою до Столбов, до ясашиного зимовья, не дойдете, и тебе Дружинка с товарищи за то по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу быть в жестоком наказанье. А что вам дано государева товару на подарки иноземцам и для покупки мяхкой рух-ляди и что аманату на корм, и тому росписи под сем наказом.

К. 190, столб. 31 на 16 сставах; стр. 9—14.

44. 1648 г. сентября 23. — Наказная память якутского воеводы Дмитрия Францбекова десятнику Марку Каткову и толмачу Тимофею Никитину об от-правке их вниз по реке Илим для сбора ясака и «приску» неясачных людей.

Лета 7157-го году сентября в 23 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу и по приказу воевод Дмитрея

Андреевича Францбекова да дьяка Осипа Стефанова память // служилым людям десятнику и толмачу Марчку Коткову да Тимошке Никитину. // Ити им вниз по Илмю для государева царева и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси ясачного збору и прииску вновь неясачных людей и збирати им на государя ясак с прежних ясачных людей с прибылью, которая б прибыль впредь проча была и стоятельна, на нынешной на 157-й год перед прошлым 156-м году по ясачным книгам. А имати в государев ясак и в поминки соболи добрые, а внешних соболей и недособолей и без хвостов и драных соболей в ясак не имати, и подростков и захребетников выискывать и ясак с них по тому же имать, а подарков им давать против ясаку, примеряся к прежним дачам, по невелику. А что с ково государева ясаку и поминков возьмете и что кому подарков дадите, и то вам у себя писать в книги имянно порознь статьями. А иноземцом в государеве ясаке и в поминках давать отписи впредь да по спору. А с новых неясачных людей имать государев ясак ласкою, а не жесточью, чтобы им было не в тягость и тем бы их наперво не ожесточить и от царские высокие руки не отгонять, а себя б вам за ту службу видеть в государеве // жалованье и перед своею братьею быть похвальным. А самим бы вам до государева ясаку с иноземцъ не торговать и никому торговать не велеть. А буде вы служилые люди Марчку с товарищи не учнете государевым делом радети, государева ясаку по книгам перед прошлым 156-м году не доберете, или учнете до государеву ясаку с иноземцы торговать или кому торговать велите, и вам за то по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу быть в жестоком наказанье без пощады. А по чему государев ясак збирать, и тому даны имянные книги. А что дано иноземцом на подарки олова и одеку, и тому роспись под сею наказною памятию. А с подростков, которые в прошлом во 156-м году платили государев ясак неполной, по соболу и по 2 и по 3 и по 4, и на тех подростков на нынешной на 157-й год прибавить вновь по соболу в государев ясак имати. А которые ясачные тынгусы в нынешнем во 157-м году государева ясаку не дадут, померли или куда отошли, и то вам у себя писать в книги имянно особую статью. И недоборной ясак по книгам на прошлые годы збирать. А збирать вам государев ясак вниз по Илмю реке и по иным рекам, по Турые и по Игирме и по Яре и по Енисею, снизу с Кеты реки вверх по Шаманской порот, чтоб однолично в государеве ясаке и поминках недобору не было. А что кому иноземцом подарков дадите, и то писать имянно в книги. // А для письма быть промышленному человеку Ивашку Прокопьеву Посохову.

Роспись, что дано вниз по Илмю иноземцом на подарки олова да на корм ясачным людям муки ржаной и жиру говяжья: 3 блада олова весом 6 безмен, 4 пуда муки ржаной, 4 безмена жиру говяжья.

К. 194, столб. 21 на 88 сставя; сст. 14—18.

45. 1657—58 гг. — Изветная челобитная колымских юкагир князюзе Егупки, Кильтиги и Чека Каламины и их улусных людей якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому о поборах и насилиях служилого человека Григория Татарина.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу [т.] бьют челом твои государевы сироты Ковымы реки ясачные юкагири князцы Егупко да Кильтига да Чека Каламины и улусные люди Онтупо Кандаков, Сопинка да Адамко Кильбановы, Алимю да Моторка Ириповы, Каган да Шербак Нельзины, Шербак Калгинов, Ломоко Комелддов, Пеледу Калметов, князец Алива Никрадьев, дети ево Чермо да Небо и улусные их люди кузнец Паланда да брат ево Калыпка Мулуевы, Лопата Калгатов, племянник ево Намдамедко да брат ево сытник Талинка Олтов, князец Кинита Алаев, брат ево Илимча и улусные их люди Криворот Мотоков, сын ево Кильма, Пелемга Мичев, сын ево Ичу, брат ево Чюкля Мыничев, Чивили Индерков. Жалоба, государь, нам на служилого человека на Григория Иванова Татарина. В прошлом, государь, во 165-м году был он Григорей на Ковыме реке в Середнем въ ясачном зимовье приказным человеком, бил он нас батоги по многие времена, а говорил нам сиротам твоим, привезите к нам ясачным зборщицом в ясачное зимовье лебяди и гуси и берите

ягоды и к нам привозите. И в нынешнем государь, во 166-м году по осени, преж твоего государева ясачного збору, взял он Григорей с товарищи в войское с князца с меня Черма 6 соболей в козках с пупки и с хвосты для того, что де ты не приходил к ясачному зимовью с лебяди и з гусьми и сь ягоды; с князца с меня Егупка з братьями взял 5 соболей в козках с пупки и с хвосты; с князца с меня с Клинты взял 5 соболей с пупки и с хвосты в козках за то ж, что не приходил летом к ясачному зимовью с лебяди и з гусьми и сь ягоды. И после твоего государева ясачново збору меня сироту твоего князца Кильтигу садил в казенку и вымучит у меня головных в козках 2 соболи и братьям моим велел меня выкупить соболями и меня бил батоги без пощады. И взял с князца с Чока з братьями 4 соболи добрых, с Черма Аливина взял 2 соболи. А как мы сироты твои приходили к твоему государеву ясачному зимовью с твоим государевым ясачным збором, и в тое время приимаючи твой государев ясак он Григорей целовальника Ивана Дорофеева бил по щокам и от твоего государева ясачного збору выслал и без целовальника у нас сирот твоих лутчие соболи откладывал и взяв твой государев ясак у нас сирот твоих, те лутчие соболи он Григорей взял себе. А за те соболи нам сиротам твоим дают товаром по стреле за соболя или по агнью, а за иные и ничего не дают, и намечивают на нас свои товаренка: топоренка худые и стрелишка и огнивишка и пилишка и ножишка и собаки худые и емлют за те свои товары у нас соболи, как збирают твой государев ясак, и выбирают соболи лутчие, а называют битыми и плелыми и драными и откладывают на сторону, и у нас ясаку не доставает и достальной ясак мы промышляем зимою без корму с великою нужею. А за те наши соболи они емлют себе преж твоего государеву ясаку, зачитают за свои товары за стрелу // по соболю, за огнью по соболю, за пилу по соболю и по полтора и по 2, за ножишка по соболю, за топоренка по 2 соболя и по 3 и дороже, и за собаки емлют такоже дорогою ценою. И призывают к ясачному зимовью почасту летом и зимою, в кое время корм добываем рыбы и звери и птицы, и велят к себе по вся недели корм и соболи привозити. А на которой недиле не привезем, и за то бьют батоги и сажают в колоды и вымучивают соболи, и детей наших за свои долги за соболи девки емлют в войское за малую цену, а продают руским людям. И в той езде корму добывать не успеваем и от того бывает на нас по многие времена великой голод. И в том ево Григорьеве во всяком насильстве мы сироты твои обнищали и обдолжали великими неукупными долги. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович [т.], пожалуй нас сирот своих ясачных иноземцев вели, государь, сию нашу челобитную принять на Ковьми реке в съезжей избе приказному человеку пятидесятнику казачью Ивану Кожину да таможенному целовальнику Ивану Дорофееву и под отпискою послать в Якутской острог в съезжую избу стольнику и воеводе Михаилу Семеновичу Лодыженскому да дьяку Федору Танкову. Царь государь, смилуйся пожалуй.

На обороте 8 юкагирских «знамен».

К. 203, столб. 5 на 20 оставя сст. 18—19.

46. 1658—59 гг. — Отписка якутского воеводы Михаила Лодыженского в Сибирский приказ о сборе ясака и поминков с якутов, тунгусов и юкагир.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу [т.] холоп твой Мишка Лодыженский челом бьет. По твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича [т.] указу и по наказу, каков дан мне холопу твоему да дьяку Федору Танкову на Москве за приписью дьяка Григорья Протопопова, велено мне холопу твоему збирать на тебя великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] ясачная и поминочная и десятинная и всякая мяхкая рухлядь в Якутском уезде и по иным сторонным рекам и в новых землях. И я холоп твой в нынешнем во 167-м году в Якутском остроге с волосных якутов на нынешней на 167-й год по окладу, и на прошлые годы из доимки, твоево государева ясаку и поминков, и моих холопа твоего и дьячих съезжие избы поминков же, на тебя великого государя сам збирал, а в зимовья, государь, посылал я холоп твой збирать служилых людей. И по той, государь, моей посылке служилые люди, собрав в разных зимовьях твой государев ясак и

помяну. привезли с Яны реки Верхнего и Нижнего зимовей и с Вптюя 3-х зимовей, с Ман дву зимовей, с Алдану Бутанского зимовья, да с низу Лены реки с Тобольского да Жиганского зимовей, да с верх Лены реки из Олекминского острожку и Олекмы реки Чаринского зимовья и Чичюйского волоку, да з дальних с Олекмы и с Алазейки и с Ковыми и с Ындигири рек, да с новых с Охоты и с Тоуя и с Анадыря реки с якутов и с тунгусов и с юкагирей на нынешней же на 167-й и на прошлые ж годы окладные и доимочные и неокладные ругляди, перед сбором и перед привозом и перед посылкою к тебе ко государю к Москве 162-го, 163-го, 164-го, 165-го и 166-го годов с большою прибылью. И по твоему государеву указу

К. 184, столб. 11 на 188 сстава; 188. Конец столбца утрачен.

47. 1658—59 гг. — *Ценовая роспись якутской ясачной, поминочной, десятинной «и иной всякой» мяской ругляди и кости «рыбья зубу».*

... Дунай с товарищи 6 соборей с хвосты да 4 пущка соборных, которые собрал и пущки взял он Ивашко в прошлом во 166-м году за государев ладан, кторой ладан принял он Ивашко у прежнего таможенного целовальника у Максими Парфеньева, а с ним Максимом да с Костянтином Дунаевым тот ладан послан на продажу из Якутского острогу в прошлом во 162-м году, а якутская цена тем соборам и пущкам: 6 соборей с хвосты, цена 12 руб., да 4 пущка соборных, цена 11 алт. 4 д. // По отписке с Анадыря реки служилого человека Сеньки Дежнева привез служилой человек Микитка Семенов убитого служилого человека Ивашка Пуляева стакот 4 соборы с хвосты, цена 4 руб., да 3 пущка соборных, цена 8 алт. пол-5 д., да кости рыба зубу 3 пуда, а в них по 7 костей цена по 35 руб. пуд, кость 7 ф., цена 7 руб., да кость 5 ф., цена 5 руб. Да по ево ж Ивашке кабале взято на промышленном человеке на Платке 5 костей весом 38 гривенок, цена 50 руб., лисица чернобурая с лапы без хвоста чемер побит, привез из Жиган ясачный зборщик сын боярской Андрей Бультин, а сказал, что он Андрей тое лисицу купил в Жиганех, а дал за нее из государы казны из тамошних доходов из пошлинных судебных денег рубль 19 алт., а якутская цена той лисицы 6 руб.; 4 кости рыба зубу весом пуд, цена 60 руб., а тою костью государю челом ударил Троицево монастыря трудник Онисимко Катромов. // Да в нынешнем же 167-м году с Ковыми реки служилой человек Гришка Тотарин привез соборы с лупком и с хвостом, а сказал, взял де он того соборы на Ковые реке вместо лупкин за 13 алт. за 2 д. с целобитыя с юкагирского князя Киниты, что бил челом государю на юкагира ж в бою, а якутская цена тому собору рубль, а пущку цена 2 алт. пол-6 д. С Ковыми реки сын боярской Костянтин Дунай привез 4 соборы с хвосты без пущков, которые соборы взяли он Костянтин да целовальник Максимко Парфеньев в прошлом во 165-м году за государев карбас, а ковымская цена тому карбасу 4 руб., а соборам якутская цена 5 руб. // С той же Ковыми реки таможенной целовальник Максимко Парфеньев привез 25 соборей с хвосты да 2 сорока 20 пущков соборных, которые взял он Максимко в прошлом во 165-м году за государев ладан, который ладан послан из Якутского острогу с ним Максимом да с сыном боярским с Костянтином Дунаем в прошлом во 162-м году на продажу, якутская цена 25-ти соборам 26 руб., а 2 сорокам 23-м пущкам цена 9 руб. пол-3 д. // Индигирского зимовья на прежнем таможенном целовальнике на Васье Курочкине довелось взяти государевых таможенных зборных денег по ево Васькиным приходным книгам, которые деушги он Васька, будучи на Индигирке реке, собрал, а в государеву казну не отдал, 150 руб. 8 алт. 5 д.; и за те деньги взято у него 3 сорока соборей с хвосты, а розборная якутская цена тем соборам: сорок соборей с хвосты, цена 250 руб., сорок соборей с хвосты, цена 100 руб., сорок соборей с хвосты, цена 60 руб. Один соборь с хвостом да 5 пущков соборных, которые взяты по счетному списку на таможенном голове на Андрее Курдюкове, которых соборы да 5-ти пущков в прошлом во 162-м году против своих приходных книг не довес в государеву казну, а цена тому собору пол-2 руб., а 5-ти пущком цена 14 алт. пол-4 д. По отписке прошлого 166-го году с Омоловыи реки служилого человека Ганьки Алексеева в прошлом во 166-м году привез служилой человек

Федотко Ветошка умершего служилого человека Федьки Голово статков 6 соболей с хвосты; а довелось на том Федьке взяти в государеву казну незаслуженного государева денежного жалованья и за хлеб и за соль деньгами всего 13 руб. 11 алт. 5 д., а якутская цена тем соболям 20 руб. // В прошлом по 166-м году писал в Якутской к стольнику и воеводе к Михаилу Семеновичу Лодыженскому да к дьяку к Федору Тонкову с Охоты реки приказной человек Ларион Мартемылов: служилые де люди, которые посланы с ним Ларионом, Пятко Алексеев с товарищи сму Лариону от государева от ясачного збору и от всяких государевых дел без государева указу отказали и служилые люди выбрали себе приказных Пятка Алексеева да Пашка Степанова и государев ясак збирали они Пятко да Пашко; а как они тот государев ясак принимали, и из тех ясачных соболей они служилые люди имали себе соболи по 3 и по 5-ти и по 10-ти и больше, а за те соболи давали свои товары, а в то число им тунгусам велели иные соболи приносить; и таких соболей собирали на себя 20 сороков. И по роспросу в Якутском те служилые люди сказали: как де они государев ясак збирали, и в те поры которые худы соболишка в ясак не годились за худобой, и они те соболишка у тунгусов покупали, и таких соболей доставалось на человека по 20 соболей, а давали свои товаренка, и в тех место худых соболей велели тем тунгусом приносить в государев ясак соболи добрые. И стольник и воевода Михайло Семенович Лодыженской велел те соболи, которые они купили из ясачных соболей, по 20-ти соболей на человека взять в государеву казну. // И в нынешнем во 167-м году с тех служилых людей, которые приехали с Охоты в Якутской, и тех соболей взято на государя у Пятка Алексеева 20 соболей с пупки, у Онтонка Микулина 10 соболей без пупков, у Сеньки Фонемина 12 соболей без пупков, у Левки Фролова да у Дениска Иванова по 20 соболей с пупки. Да из статков служилых людей, которых в нынешнем во 167-м году, идучи в Якутской с Охоты реки з государевую казною, на дороге убили тунгусы, и статки их привез Ивашко Свепов с товарищи, взято Офоньки Дорофеева, Ромашки Доронина, Богданки Арефьева, Гришки Данилова по 20 соболей да за пупки по 5 соболей, Гришки Лагупова 3 соболи без пупков, Незговорка Моисеева 4 соболи без пупков, Ивашка Федорова 20 соболей с пупки, Пахомка Кондратова 20 соболей без пупков. Всего взято сороков 29 соболей да 2 сорока пупков соболых. А с которых з живых не донято, и по тех взятые поручные записи, что им те соболи и пупки заплатить впредь. А что не донато з убитых из их статков, и больше того взят на них не на ком, потому что у них иных статков не осталось. А в Якутском остроге тем соболям и пупкам розборная цена: сорок соболей с хвосты, цена 150 руб., сорок соболей с хвосты, цена 120 руб., сорок соболей с хвосты, цена 100 руб., сорок соболей с хвосты 80 руб., 29 соболей с хвосты, цена 30 руб., да 20 соболей с хвосты, цена 20 руб.; 2 сорока пупков соболых, цена по 3 руб. с полтиною сорок, за 2 сорока пупков соболых взято 20 соболей с хвосты, цена 20 руб. // Да мяхкой же рухляди, которая рухлядь вместо новые денежные десятки, которую новую денежную десятую велено собрать по грамоте государя царевича и великого князя Алексея Алексеевича [т.] 164-го году на государева цареву и великого князя Алексея Михайловича [т.] и государя царевича и великого князя Алексея Алексеевича [т.] для их государы службы ратным людям на жалованье, по оценке якутских торговых людей порознь цена мяхкой рухляди збору прошлого 166-го году Якутского острогу: сорок соболей с хвосты, цена 330 руб., сорок соболей с хвосты, цена 200 руб., 4 сорока соболей с хвосты, цена по 100 руб. сорок, 3 сорока соболей с хвосты, цена по 50 руб. сорок, 36 соболей с хвосты, цена 30 руб., 2 сорока 3 пупка соболых, цена по 3 руб. с полтиною сорок. Да кости рыбыя зубу: пуд, а в нем 5 костей, цена 50 руб., 2 пуда, а в них по 6 костей в пуде, цена по 40 руб. пуд, 3 пуда, а в них по 7 костей в пуде, цена по 35 руб. пуд, 6 костей весом 20 гривенок, цена 9 руб. // Да в нынешнем во 167-м году писал с дороги с моря от Святого Носу служилой человек Юшко Селиверстов и прислал с промышленным человеком с Ортюшкою Осиповым государевой кости рыбаь зубу 2 пуда, а в них по 7 костей, цена по 35 руб. пуд. Да в нынешнем же во 167-м году по отписке с Анадыря рекн служилого человека Сеньки Дежнева, что прислал с служилым

человеком с Микиткою Семеновым кости рыба зубу, которую кость положили служилые и промышленные люди в государеву казну з заморной кости: на 164-й год пуд, а в нем 6 костей, цена 40 руб., пуд, а в нем 7 костей, цена 35 руб.. 2 кости весом 27 гривенок с полугривенкою, цена 50 руб., да кость, а весу в ней 7 гривенок, цена 6 руб.; на 165-й год 4 кости весом пуд 5 гривенок, цена 70 руб., пуд, а в нем 7 костей, цена 35 руб.; на 166-й год пуд, а в нем 5 костей, цена 50 руб., 7 костей весом пуд 5 гривенок, цена 35 руб., 2 кости весом 25 гривенок, цена 35 руб., кость весом 7 гривенок, цена 8 руб.; да с судных дел за пошлинные деньги 7 костей, а в них весу пуд 5 гривенок, цена 40 руб.; да 14 пупков собольих, цена рубль 7 алт. 3 д. // Да с Анадыря реки привез охочей служилой человек Ортюшка Осипов збору своего прошлых 164-го и 165-го годов за пошлинные деньги с судных дел 2 кости рыба зубу весом 11 гривенок, цена 9 руб. Да он же привез умершего промышленного человека Петрушки Кочня пуд, а в нем 7 костей, цена 35 руб., 6 костей, а в них весу 30 гривенок, цена 25 руб. Да с Анадыря ж реки по отписке охочего служилого человека Кирилка Микитина привез он же Ортюшка государевы толтые кости охочего служилого человека Юшка Селиверстова, которую кость он Кирилка сыскал в прошлых во 164-м и во 165-м годах пуд, а в нем 5 костей, цена 50 руб., 2 пуда, а в них по 7 костей, цена по 35 руб. пуд, 8 костей, весу в них пуд 4 гривенки, цена 35 руб. // А разбирали и ценили государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича [т.] ясачную и поминочную и воеводские и дьячьи поминки и десятинную и игную всякую мяхкую рухлядь русских и поморских городов торговых и промышленные люди.

Далее следует перечень торговых и промышленных людей в количестве 58 человек.

К. 184, столб. 2 на 89 оставал; стр. 1—12. Начало утрачено.

48. 1659 г. июня 29. — Наказная память якутского воеводы Михаила Лодыженского сыну боярскому Андрею Булыгину с товарищами о посылке их в Москву с государевой соболиной казной, о мерах «бережения» ее в пути и своевременной доставке в Москву.

Лета 7167-го году июня в 29 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича [т.] указу и по приказу стольника и воеводы Михаила Семенича Лодыженского память Якутского острогу сыну боярскому Андрею Булыгину да с ним служилым людям. В нынешнем во 167-м году отпущена с великой реки Лены из Якутского острогу ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичу [т.] к Москве его государева ленская соболиная казна и всякая мяхкая рухлядь збору нынешнего 167 году, и доимочная прошлых годов, из съезжей избы ясачной и поминочной соболиной мяхкой рухляди в 50 в 4-х сумах олсных и яловичных да в 20-ти в 7-ми мехах холщевых за государевую ленскую Якутского острогу печатью с ним с Андреем, а для бережения в провожатых за тою государевую соболиною казною посланы до Москвы из Якутского острогу ленских служилых людей 14 человек. Да у той же государевой соболиной казны, ныне у приему и на Москве для отдачи, посланы 2 человека целовальников торговых людей Ивашко Самойлов да Бориско Васильев. И служилым людям идти из Якутского острогу в верх Леную рекою на судах с промышленными людьми, которые им под ту государеву казну для работы и провожания в прибавку к ним служилым людям в Якутском остроге даны, идти днем и ночью наспех, не приставая к берегу ни на один час. А з судов на бечеве под государевую соболиною казною служилым и промышленным людям быть днем и ночью по переменам. А в перемене б было человек по 10 и больше, кем бы можно идти без мешкоты, по сколько человек // пригоже, смотря по нынешнему верховому водяному пути. А служилым людям, которые будут у той государевы соболиной казны ночью не в работе, велеть им караулить на судне попеременно, по сколько человек пригоже. А оружия б у них служилых и у промышленных людей заряжено беспрестанно было наготове, чтобы над тою государевую соболиною казною и над ними служилыми и над целовальниками и над промышленными людьми, пришед безвестно, государевы изменники воровские люди брать и мун-

галы и якуты и тунгусы какова дурна не учинили. А будет какие воровские братцкие люди или какие иноземцы на государеву казну и на них служилых людей и на целовальников и на промышленных каким воровским умыслом напуск учинят и битца с ними станут, и ему Андрею и служилым людям и целовальникам и промышленным людям с теми воровскими иноземцы битца, не щадя головы своей, до смерти, и над теми воровскими людьми промышленлять всякими мерами, как бог помощи подаст. А будет у тех воровских людей встреча и бой учинитца на воде, и ему Андрею с товарищи промышленных людей, которые будут на бечеве, уберечь, к себе на суды в лехких судах тотчас перевести, а судами к берегу не приставать, и битца с теми братцкими воровскими людьми и над ними промышленлять, как бог помощи подаст, чтоб им государеву казну и себя от таких воровских иноземцев оберечь и за то себя видеть в государеве царском милостивом жалованье и признание. А как он Андрей и служилые люди с тою государевою соболиною казною Леною рекою придут на усть Куты реки, и им от воров от немирных от братцких людей, которые государю учинятца непослушны, держать великое бережение, по тому же з государевую соболиною казною итти Куютою и Купую реками в тех же дощаниках до усть Муки реки или до коих мест мочно дойти. И пришед на усть Куты реки про немирных про братцких людей вестей проводить у служилых и у промышленных людей, которые придут из Верхолесского Братцкого // острожку, и их расспрашивать и тунгусами проводить, не чают ли немирных братцких воинских людей войною приходу. И будет про тех воинских братцких людей по роспросу, и проведая поодино, приходу чаять, и от братцких людей жить с великим бережением, не роспуская промышленных людей всех, и самому ему Андрею и служилым и промышленным людям быть наготове с оружием, заправая заряды, а промышленным людям, у которых пищалей не будет, велеть быть с луками и с копьяи всем готовым. И будет приход у тех братцких людей, и ему Андрею с служилыми и с промышленными людьми сидеть от тех воинских людей в осаде и с ними братцкими людьми по тому же битца, не выходя из острогу, и радеть и промышленлять сколько милосердый бог помощи подаст, чтобы однолично ту государеву соболиную казну и себя от тех братцких воинских воровских людей оберечь и ко государю к Москве в целости здорово довести, а суды и судовые снасти отдать на усть Куты или Муки реки служилым людям, кому тут приказано, и в том во всем росписатца. И с усть Куты или с усть Муки или откуда пригоже для поспешенья послать для подвода на Ленской волок к воеводе к Петру Бунакову с отпискою и с подорожною скольких человек пригоже и, взяв подводы, ехать по государеву соболиную казну тотчас, не мешкая. А идучи ему Андрею с служилыми людьми и с целовальниками через волок, тое государевы соболиной казны досматривать по часту, чтоб тое государевы соболиной казны с ысподе грязью, а сверху дождевою водою не подмочило и порухи не учинило. А приехав в Билинской острог ему Андрею и служилым людям, взяты у воеводы у Петра Бунакова суды и подводы по подорожной и плыть в Енисейской острог. А приплыв в Енисейской острог, у стольника и воеводы у Максима Ртищева взяв по подорожной под ту государеву соболиную казну подводы и провожатых, ехать в Маковской острожек, не мешкая ни одного часу, и в Маковском острожке тое государеву // соболиную казну покладти в дощаник, каков велит дать стольник и воевода Максим Ртищев, плыть с тою государевою соболиною казною тою рекою до Кетцкого острогу. А от Кетцкого острогу до Оби реки, и Обью рекою до Нарымы и до Сургута и до Иртинского устья и верх по Иртышу в Тоболеск. и с Тобольского до Тюмени и до Туринского, и с Туринского до Верхотурья и с Верхотурья через Верхотурской волок и рускими городами. И до Москвы с тою государевою соболиною казною ехать по тому ж наскоро днем и ночью безо всякой мешкоты. А подводы им под ту государеву соболиную казну по подорожной, и за тою государевою соболиною казною провожатых, иматъ от города до города по сколько человек пригоже. А едучи дорогом, в городех и в слободах и в селех и в деревнях на дворех и на станах с тою государевою казною стоять с великим бережением и караулы б у той государевы казны были безпрестальные, чтоб над тою государевою соболиною казною какие воровские люди какова дурна не учинили и сум подре-

зав не покрали. А где будет на городе в Тобольску или на иных городах той государеве ленской соболиной казне в подводах или за провожатыми или за каким иным делом какое будет задержанье, и ему Андрею в Тобольску столынику и воеводе князю Алексею Ивановичю Буйнову-Ростовскому с товарищи бити челом, а в иных городах воеводам и дьяком говорить, чтобы они той государевы ленской соболиной казны не держали и отпускали к государю к Москве везде без задержанья, и тем бы государеве казне в задержанье порухи не учинили. А сдучи ему Андрею, над якутскими служилыми людьми смотреть и беречь накрепко, чтобы они в городах и в селех и на ямах и по слободам не воровали, и по кабакам не шли и не бражничали, и зерню и карты не играли, и по блядным бы не ходили, и дурна над государевою казною и розни меж себя ни в чем не чинили. А будет хто из тех служивых людей с тою государевою соболиною казною, сдучи к государю к Москве, по городам и по ямам и по слободам и по селам и по деревням учнут пить и бражничать и воровать и грабить кого, и зерню и карты играть и по блядным ходить, и над государевою соболиною казною учнут поберечьеве держать, или в чем ему Андрею не послушны будут, и ему тех служивых людей, хто из них учнет воровать, от воровства унимать и, смотря по вине, бити батоги нещадно. А будет которые служилые люди учнут воровать, а унять себя от того дурна не дадут, и ему Андрею на тех непослушников бити челом о управе в городе, в Тобольску столынику и воеводе князю Алексею Ивановичю Буйнову-Ростовскому с товарищи и в иных городах воеводам же и дьяком. А которые служилые люди ни коими мерами от воровства до Чичуйского не уймутца, и тех сослать в Якутской с кем пригоже. А которые учнут воровать меж городов, и тех отдавать в городах воеводам и бити челом о том, чтоб они воеводы, взяв у него Андрея тех воров, велели посадить в тюрьму, а из тюрьмы отослать их в Якутской с кем пригоже. И самому ему Андрею к служилым людям без вины не примешиваться и налоги и обиды ни в чем никому и по городам простою государеве казне не чинить, ехать к государю к Москве неоплошно наскоре, безо всякого мотчанья. А однолично ему Андрею ехать с государевою казною наспех неоплошно с великим раденьем, чтобы им поспешить нынешним летом до Тобольска и до Тюмени водяным путем. А будет он Андрей с служилыми людьми с государевою казною поедет мешкотно и оплошно, и тою их оплошкою над государевою казною учинитца какое дурно или в проезде мешкотна, и ему Андрею с товарищи быть от великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] в великом наказанье. А в провожатых с ним за государевою соболиною казною посланы пятидесятник Микифорка Артамаков, десятники Сенька Чуфарист, Друганко Прокотьев, рядовые Гришка Татарин, Вахрушко Попов, Ивашко Попов, Фочка Микитин, Олешка Онтонов, Ондрюшка Терентьев, Лучка Иванов, Петька Жеглов, Ондрюшка Парфенов, Потап Корасев.

К. 184, столб. 2 на 89 остават; стр. 25—29.

49. 1663 г. апреля 24. — Дело об освобождении из судной избы ясачных тунгусов Маугирского рода Гордиги и Чубаги.

1. — Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу [т.] бьет челом сироты твои ясачные тунгусы Маугирского роду Гордига да Чубага. В нынешнем, государь, во 171-м году апреля в 24 день на Чичуйском волокуе приказной человек Семен Иванов сын Епишов взял нас сирот твоих в судную избу и велел держать в крети для того, что у нас сирот твоих Гордиги с товарищи отписей в ясаке нет. А взял нас Семен Епишов служилыми людьми в судную избу по совету мельника Ивашка Перестелина. А мы сироты твои платим ясак на Тунгуске реке в Курейном зимовье со всеми своими родниками маугирскими тунгусами, а отписей нам сиротам твоим ясатчики служилые люди не дают. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович [т.], пожалуй нас сирот своих вели, государь, про нас смекать всяких чинов людьми, которые бывали в Туруханском зимовье и на Тунгуске реке, дают ли в ясачных зимовьях на Тунгуске реке нам сиротам в ясаке отписи или нет, и по сыску вели, государь, нас сирот своих свободить, чтобы за тем государев ясак не стал. Царь государь, смилуйся пожалуй.

II. — 171 году апреля в 24 день Чичюйские государевы мельницы мельник Иванко Перелешин извещал перед наказным перед Семеном Иваловым сыном Епишевым: пришли де через Чичюйский волок с Тунгуски реки тунгусы на оленях, а тово де я, Иванко, не знаю, ясапные ли де оне тунгусы или неясаные, а пошла де оне мимо Чичюйской по захребетью лесом на оленях, не являя пилде. И того ж числа приказной человек Семен Иванов сын Епишев сзидил с Чичюйского волоку на пиз до пащенново крестьянина до Захарка Игнатьева по скаске Иваншка Перелешина тех тунгусов проводывал с служилыми людьми и ево Иваншка Перелешина с собою имел же, и он Иваншко Перелешин съехал с тунгусами с двема человек у Челбанова камеша, и встретяся с ними привел их на займку к пащенному крестьянину к Ысачку Иванову в языбу. А приняли те тунгусы по мельничной речке пащенного крестьянина Емельки Стопанова на Лену, а ариши де их и большик их люди на Каменн. И приказной человек Семен Иванов сын Епишев, взяв из них одново // человека тунгуса именем Чубагу, в судной избе ево тунгуса Чубагу роспрашивал. И тот тунгус в роспросе сказал: приняли де мы с своимик родниками на Лену реку с Тунгуски реки, а роду де мы Маугирского, а платим де мы ясак на Тунгуске в ясачном Курейном зимовье, а отписей де у нас нет, потому что де нам ясатчики служилые люди отписей не дают. И тото же числа в судной избе перед приказным перед Семеном Ивановым сыном Епишевым новонашенной крестьянин Марчко Васильев с тем тунгусом Чубагою переводом говорил по тунгуски, и тот тунгус ему Марчку в розговоре сказывал, что те тунгусы ясачные платят ясак в Курейном зимовье, а отписей де у нас нет для того, что де // нам ясачным служилые люди отписей не дают. И Марчко Васильев сказал перед приказным перед Семеном Ивановым Епишевым да служилой человек Филька Куликов да промышлной человек Данилко Иванов по святой христове сватгельской пенорочной заповеди в правду: ведаем де и мы про то, что де на Тунгуске реке во всех зимовьях в ясаке отписей не дают, а те де люди Чубага с товарищи ясак платят в Курейном зимовье и воровства де мы от тех тунгусов никакою не слыхали.

На обороте: К сей скаске вместо новонашенного крестьянина Марчка Васильева да служилого Филипа Куликова да промышленного Данила Иванова по их вельею Ондрюшка Ощепной руку приложил.

III. — И по их скаске Марчка Васильева, Фильки Куликова, Данилка Иванова приказной человек Семен Иванов сын Епишев из судной избы отпустил.

К. 202, столб. 5 на 84 сстава; сст. 25—26.

50. 1663 г. июля 31. — Наказная память якутского воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова подьячему Семену Аврамову о расследовании злоупотреблений «башлыка» Алексея Басурманова и Андрея Булыгина.

Лета 7171-го году июля в 31 день по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] память съезжей избы подьячему Семену Аврамову. В нынешнем по 171-м году писал ты в Якутской острог к стольнику и воеводе к Ывану Федоровичу Большому Голенищеву-Кутузову, ведомо де тебе учинилось, что в зимовьях иноземцом великого государя в ясаке теснота большая и налога от башлыков; и иноземцы де на них башлыков в обихах своих бьют челом; и им де башлыком норывают, грамотные люди и подьячие нихто челобитных на них не пишет в их обихах, а от челобитной де просят по собою, а на [Яне] де реке Андрей Булыгин оставил вора в башлыки Олешку Бусурманова на откуп, и тот де Алешко воровал и иноземцев теснил, имел с них на великого государя по 2 соболя, а себе 3 соболя, и оттого де иноземцы, не терпя, ясачное зимовье взяли и аманатов увели и служилых людей побили; а на Олазейке де реке немного бот помиловал от Гарасимка Цыпандина да от брата его, потому что он Гарасимко емлет на великого государя ясаку с осени на весну по половине, а на другую половину торгует сам своими товарами; а брат де ево Андрюшка, ходя по юртам, иноземцов грабит и юрты одирает и всякую беду им чинит и преж великого государя ясаку себе поминки просят и иноземцов бьют без милости батоги и ясыри с них емлют и на откуп их не выдают; и иноземцы де оттого плачут и на них бьют челом; а толмачить де некому; а толма//чи де у них и ясыри свои; а толмачей де с тобою и подьячего нет, никто не толмачит им юкагирем и не пишет; а без тол-

мачей де и без подъячего жить нельзя; а есть де толмач юкагирской Ивашка Носко и он де добр; и о том бы тебе о всем указ учинить. И по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.], как к тебе Семену ся память придет, и тебе б против сей памяти на Алазейке и на Ковыме реках служилыми и торговыми и промысленными людьми по святой испорочной христове евангельской заповеди и иноземцы ясачными юкагири по их вере, по шерти, и к тем обыском велеть сыскным людям всем руки свои проложить и иноземцам знамена свои приложить. А будет с иноземцы доведетца дать очная, и тебе б им очные ставки давать з башлыками. А взять тебе Семену в толмачи Ивашка Носка. А челобитные велеть тебе Семену писать подъячему, в котором зимовье будет подъячей, и тот их сыск привести с собою в Якутской острог и подать стольнику и воеводе Ивану Федоровичу Большому Голенищеву-Кутузову. А на Индигирке б тебе про Андрея Булыгина все ссыкивать для того, что велено про него Андрея ссыкивать Степану Желову. Да посланы к тебе Семену кабалы в государевых деньгах в соболях, и тебе на них по тем кабалам деньги и соболи велеть доплавить тотчас. А будет по коим кабалам взять тебе немочю за их бедностью, и тебе б те кабалы по тому же с собою привести в Якутской. А на кого именем кабала, и тем кабалам под сею памятью роспись. К сей памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] царства Сибирского новой земли, что на великой реке Лене Якутского острогу печать стольник и воевода Иван Федорович Большой Голенищев-Кутузов приложил.

На обороте: Белая память послана с атаманом казачьим с Михайлом Стадухиным.

К. 101, столб. 26 на 2 ставаш.

51. 1663—64 гг. — Доездная память якутского подъячего Семена Аврамова о результатах произведенного им сыска о причинах недобора таможенной десятинной казны на реках Колыме, Индигирке и Алазее и о насилиях, чинимых приказным человеком Константином Дунаем местным ясачным юкагирам.

Лета 7170-го году июля в 25 день по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] и по наказу стольника и воеводы Ивана Федоровича Большова Голенищева-Кутузова, за ево закрепку и великого государя Якутского острогу за печатью, послан я подъячей Семен Аврамов из съезжие избы на Колыму и на Индигирку и на Олазейку реки для великого государя сысского дела про таможенной недобор, почему на тех реках против прежних годов великого государя таможенной десятинной соболиной денежной казны недобор учинился, и пражеж по кабалам великого государя денежные казны и соболиные. Да мне ж Семену, приехав на те реки на Колыму и на Индигирку и на Олазейку, сказать всем иноземцом ясачным людям юкагирем великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] милостивое жалованное слово, чтоб они иноземцы жили под ево великого государя царского высокою рукою безопасно и ничего ни от кого не боялися. А будет им от приказных и от служилых и от торговых людей какое насилувань и обида была, и они б иноземцы о том били челом великому государю и приносили челобитные, и им великого государя указ о том будет. И яз Семен в прошлом во 171-м году на тех реках приехав, и тем всем иноземцом юкагирем великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] милостивое жалованное слово сказывал. И они иноземцы, выслушав великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] жалованное слово и милостивое признание, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу [т.] на ево великого государя к ним иноземцом на жалованном слове и милостивом признание били челом, да на Колыме реке на Нижней ярмонке на Красном песку били челом // великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу [т.] словом, потому что им иноземцом, бояся от башлыков, никто об их нуждах и об обидах великому государю челобитен никто не пишет. А в словесном своем челобитие иноземцы юкагири Локейко Легонин с сыном, да Тимко Ейвын шаман, Путко Велитин, Панинко Молчогов, Милдага Тагалев, Кимкуйка Моганин, Таволга Уелдин, Нерпко Нагамундин, Панега Молошин, Когита Аенчин, Моторка Ермонов, Уल्याта Каву-

лов, Шалоп Олучин, Миринка Анкаргин и во всех ясачных людей место мне Семену сказали, что им иноземцом налога от приказных людей, которые приезжают к ним на Колыму реку. В прошлом де году, а которого году того не упомянут, приехал к ним на Колыму реку приказной сын боярской Костянтин Степанов Дунай да с ним служилый человек Гришка Иванов Тотарин; и Костянтин де зимовал в Нижнем ясачном зимовье, а Гришка Тотарин зимовал в Среднем ясачном зимовье; и Костянтин де Дунай с служилыми людьми в Нижнем зимовье учел на них иноземцов порознь наметывать железные свои товары сильно. пальмишка по полуаршина по 15-ти соболей, а которые пальмишка в 3 чети аршина, и те по 20-ти соболей, а прут железной в 3 чети по 15-ти соболей, топор по 10-ти соболей, а прут железной в поларшина по 10 ж соболей; и после де ево Костянтина с тех мест и по ся места все приказные люди приезжают на Колыму в Нижнее ясачное зимовье и наметывают на них в войском свои железные товары сильно по вся годы; а как де они приходят по вся годы к ясачному зимовью великого государя с ясаком, и как де они заплачат великого государя ясак, и после де того башлык и служилые люди аманатов запрут в баню или в казенку, а их де взобьют на баню и учнут де иметь у них за свои войсковые наметные железные товары в войско соболей, а у ково де у их братья соболей нет, или у кого не достанет, и они де на них за товары в войско по книгам своим соболи правять и быт батоги на смерть и в тех недоносных соболях емлют по ним поруки; а кого с платеж не будет, и у них де в войско емлют сильно жены и дочери и сестры и племянницы, и те жонки из войска // продают промышленным людям на соболи; а которые де приказные люди башлыки вместо служилых людей в полуказачья пускают в ясачное зимовье ис паев промышленных людей, а емлют с них соболей по 20-ти и по 30-ти и по 40-у, и тем де им промышленные люди в ясачном зимовье чинят обиды и насиельства большие и гуще служилых людей, и ходя де по их юртам за свои железные войсковые недоплатные товары за соболи емлют сильно парки и постели и чумы одирают и всяким у них борощем емлют; и оне де иноземцы от башлыков и от служилых людей и от промышленных людей, от полуказачья от их наметных железных товаров погноби до основания; и только великий государь их иноземцов не пожалует, не велит тех войсковых наметных железных товаров отставить, и им иноземцом погнунть до основания и великого государя ясаку отбыть. Да иноземцы ж Тимка Чагиев с товарищи сказали по чему они на год платят великого государя ясаку, и по чему платят служилым людям в войско за войсковые железные наметные товары и промышленным людям по полуказачью, которые накупаютца у приказных людей в ясачное зимовье ис паев вместо служилых людей: Тимка платит великого государя ясаку с родом своим по 2 сорока соболей на год, а в войска служилым людям и полуказачью за наметной железной товар дают по 5-ти сороков соболей на год; Локейка с родом своим ясаку платит по 30-ти соболей на год, а в войско за наметной железной товар по 4 сорока на год; Кимкуй Моганин с родом ясаку платит по 20-ти по 1-му соболу на год, а в войско платит за наметные войсковые железные товары по 5-ти сороков на год; Паулга Уелин платит ясаку с родом своим по 20-ти соболей, а в войско за войсковой железной товар по 100-у по 50 соболей на год; Панега Мальсот ясаку платит с родом по 16-ти соболей, а в войско за товар наметной по 2 сорока на год; Пантой Мальчиганов с родом ясаку платит по 30-ти по 1-му соболу, а в войско за наметной железный товар по 60 соболей на год; Нерпо Левыхин ясаку платит с родом своим по 40-ку соболей, а за наметной // товар в войско за железа по 30-ти соболей на год; Мелетга Ширялов ясаку платит по 40-у соболей, а за наметной товар за железо в войско по 3 сорока соболей на год; Валтя Навалин ясаку платит по 5 соболей, а в войско за наметной железной товар по 30 соболей; Меринка Анкаргин ясаку платит по 3 соболя, а в войско за наметной железной товар по 15 соболей на год; Яюков племянник треть ясаку платит по 40-у соболей, а в войско за наметной железной товар по 50 соболей на год; Кичига Антин ясаку платит по 20-ти соболей, а за наметной железной войсковой товар в войско платит по 70 соболей на год; Таляк Онучин ясаку платит по 15-ти соболей на год, а в войско за наметной железной

товар по 50 соболей на год: Аунча Каин ясаку по 8-ми соболей, а за наметной товар в войско по 30-ти соболей на год; Мотора Ермолин брат ясаку платит по 20-ти соболей на год, а за наметной товар за железо в войско по 30-ти соболей на год. Да Нижнего ясачного зимовья юкагири, которые в ярмонку не были. Среднего зимовья юкагир Келтега сказал, что де платят после великого государя ясаку в войско за наметные войсковые железные товары на всякой год: Пелди по 3 сорока, Мокейка по 2 сорока, Орготейко по 4 сорока, Потайга Кривой по 3 сорока, шаман Тавыча по 6 сороков, шаман шаманов сын Онгота с братом по 3 сорока, Мелгича по 2 сорока, шаман Давычин сын Кемсут по 4 сорока, Камсул другой по 2 сорока соболей, Келенгу по 3 сорока соболей, Языка по сороку соболей, Язык-кин брат Чаптап по сороку соболей, Камкин племянник Капирка по сороку соболей, Язйба с братом по сороку соболей. Среднего ясачного зимовья Аливя с сыном ясаку платит 36 соболей, а за наметной железной товар по сороку соболей. Кинича Алеев ясаку платит 3 соболя, а за наметной железной товар по 20-ти по 5-ми соболей на год. Да в прошлом же во 171-м году июля в 7 день на Нижней ярмонке принес ко мне Семену юкагир Меринко Абылгев пальмышка пол аршина да прут железа чть аршина и бил челом великому государю словом: дали де ему на Нижней ярмонке // из войска войского товару тое пальмышко да прут железа служилой человек Мишка Колесов, а приказывает де зимою за тое пальмышко и за прут железа готовить в войско за пальму 10 соболей, а за прут железа 8 соболей, а у него де Меринка соболей нет; и чтоб де великий государь ево Меринка пожаловал, не велел того железа на него Меринка наметывать. И из Семену у того племянца то железо пальмышко и прут взяв, отдал Мишке Колесову, а ему Мишке для сыску велел Нижнего зимовья принести служилым и промышленным людям, которые были челом в ясачное из откуну из паев именную роспись. И тот Мишка Колесов мне Семену к сыску подал служилым людям и полуказачью имена. И приказной человек Гришка Тотарин за ту роспись, что от великого государя к сыскому делу, бил батоги. Да он же Гришка Тотарин пустил в Нижнее ясачное зимовье из наймов из паев промышленных людей в полуказачье 28 человек, а со всякого человека имел по 30-ти и по 40-ку соболей. А служилых людей, которые с ним Гришкою из Якутского острогу на Колыму от столычника и воеводы от Ивана Федоровича Вольшево Голенищев-Кутузова посланы, и великого государя им служилым людям для той великого государя дальней службы дано им на 2 годы денежное и хлебное жалованье, и он Гришка, приехав на усть Яны, и великого государя кочь со всеми судовыми снастями и служилыми людьми с Ывашком Рябовым да с Янькою Шелковником и с своими запасы оставил на усть Яны, а сам он Гришка для своей бездельной корысти на Колыму пошел нартами. И как служилые люди Ывашко Рябов с товарищи великого государя с кочем и с ево Гришкиными хлебными запасы и со всякою рухлядью на Колыму в Нижнее ясачное зимовье пришли, и он Гришка воровски тех служилых людей, не зная по какому воровскому умыслу, в ясачное зимовье их служилых людей не пустил. И те служилые люди волочатца по берегу и одолажи великими долги, // а великого государя на службы в зимовье нигде не пустил. Да как из Семен ехал с Индигирки нартами, и тот Гришка встретился со мною на Индигирке к Уядину, а под ним 9 собак, а нарта нагружена соболями, а какие соболи и куды он везет и взята ль с них великого государя в таможенные пошлина, того яз не ведаю. Да как из Семен ехал с Нижней ярмонки с ним Гришкою на коче, и тот Гришка пристал в зимовье к промышленным людям. И я Семен стал ссыкивать промышленными людьми великого государя про таможенный недобор, а целовальник Максимко Парфентьев учал вынимать у тех промышленных людей десятую, и тот Гришка говорил мне Семену, безделье де делашь, и хотел кочем отвалить и меня покинуть на берегу. Да тот же Гришка на Средней ярмонке у меня великого государя в долговых деньгах с правезу снимал. И которые ко мне из Якутского острогу указные памяти на мое имя присланы, и те памяти он Гришка в съезжей избе при целовальнике при Максимке Валезине взял. Да тот же Гришка на Колыме и в Верхнем, в Среднем зимовье вместо служилых людей напускал не паев промышленных людей. Да тот же Гришка взял у меня служилого человека Ывашка Дорофеева на Нижней ярмонке и в ево место никого не дал, ково мне для

великого государя дел посылать и уехал в Верхнее зимовье, и мне было Семену для великого государя сыскных дел посылать некого. Да тот же Гришка, умыслив воровски для своей бездельной корысти, чтоб ему иноземцов теснить и грабить, а мне бы их не допрашивать, написал в Среднее зимовье к Ивашку Кузакону в наказную память, что меня в Среднее ясачное зимовье не пущать и никаких великого государя дел не делати. Да как яз Семен пошел с Колымы реки, и мне перед поездом из Нижнего зимовья весть учинилась, что в Нижнем ясачном зимовье служилой человек Ивашко Дорофеев с служилыми людьми, ходя по юртам, иноземцов грабят и чумы емлют, а иные одирают и всякие платья и жонги в войско емлют, и оне де иноземцы ходя плачут и хотят разбрестися врознь. Да он же Гришка из Верхнего ясачного зимовья посылал сына своего Якуньку промышленных // людей по всем зимовьям для своего соболиного долгу великого государя по десятиям таможенные пошлины. Да к нему ж Гришке из Нижнего зимовья промышленных людей паев, которых он Гришка промышленных людей пущал в Нижнее ясачное зимовье в полутакаше из павов, всез мзю Заборцова зимовья к нему Гришке промышленной человек ево Гришкин поученик, а как ево зовут, того яз Семен не упомяну, и соболи, и с тех соболей таможенной ценовальник Максимко Болезин великого государя десятой пошлины не взял и соболей ево Гришкиных не досматривал. А для чего он Максимко с тех соболей десятой не взял, и про то он Максимко скажет. А Среднего зимовья юкагирь Кельтега хотел схать в Якутской острог бити челом великому государю на башлыков об их обидах на Ивашку Кузакон, и он Ивашко того Колтегу не отпустил, и женины за свои товары в зимовье из юрт водил и из войска продавали. А на Олазее реке приказной служилой человек Гарасимко Цыпандин учинился силен, великого государя денег по кабале 100 руб. править на себя не дал. Да тот же Гарасимко в ясачном зимовье при мне сказывал на служилого человека на Гришку Горбуновца великого государева дело при Михаиле Стадучине и письмо свое ему Михайлу своею рукою дал. И то ведает колымской ценовальник Осипко Иванов, как он Гарасимко на него Гришку извещал. А которые промышленные люди на Колыме и на Индигирке реках держат некрещенных ясырей, и те забавы¹ на промысел не ходят, а промышляют рыбу и всю рыбу торгуют с ясачными людьми на соболи. А на Индигирке зашиверы, великого государя ясачные люди юкагири и ламутки, приказного человека Амоса Михайлова хвалят, что им иноземцом от него Амоса никаких обид и налогов нет, добр и приятен, поит и кормит.

К. 201. столб. 28 на 36 сстава; сст. 4—10.

52. 1663—64 гг. — *Челобитная колымских ясачных юкагир Тимки и Тимку Угронролакиевых «во всех своих детей и родников и всех улусных людей место» якутскому воеводе Ивану Волышному Голенищеву-Кутузову о защите их от «грабежа и обид» русских служилых и промышленных людей.*

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] быют челом сироты твои дальные твоей великого государя Сибирские земли Колымы реки Нижнего ясачного зимовья, Нижнего и Верхнего Алюев ясачные юкагири Тимка да Тимкуй Угронролакиев, Панюйко, Пенжа, Моторка Алуца, Путко Кыгыча, Подолча, Мелеча, Табыча, Панюча, Нирпа, Начича Слепой, Поделет. Ялыча Кривой, Алучин сын Вайта, Мокейко Нангольник, Ааню Безродной и во всех своих детей и родников и всех улусных людей место обоих Алюевских юкагирей. В прошлых, государь, годех, как тебе великому государю учали с себя и с своих улусных людей ясак платить, и платили твой великого государя ясак в леготку и не в тягость до 170-го году. А со 170-го году, государь, стали на нас сирот твоих сверх твоего великого государя в Нижнем ясачном зимовье свои товары наметывать в большую цену. хто твоего государева ясаку платит 5 соболей на год, а своих они товаров наметывают на 5 соболей 20 соболей, а хто, государь, платит 10 соболей, и на того, государь, наметывают по 40-у соболей и по 50 соболей // больше, за топор по 8-ми и по 9-ти и по 10-ти соболей, за стволину пищальную по 15-ти соболей и по 20-ти, в поларишина пальмы по 10-ти соболей, а в аршин пальма 20 соболей, матые кушанные

¹ Так в подлиннике.

полицы по соболу полицы, а прутье железное из якорей куют по полуаршину прут, и за то 10 соболей. А как мы сироты твои приедем в Нижнее ясачное зимовье платить твой великого государя ясак, и заплатят весь сполна без недобору, а товарков нашим сиротам твоим не дают. И заплатят твой государев ясак, они служилые и промышленные люди отворят сесние ворота пастеж и всех нас юкагирей пустят в избу ясачную и учнут у нас имати на себя за наметные свои товары соболи и лисицы и пластины соболей и всякую мягкую рухлядь з большою угрозою и з жесточью. А хто все их должное за наметные товары заплатит соболи и всякую рухлядь, и тому и впредь к весне учнут сильно свои товары всякие в неволю наметывать. А у ково соболей и всякой мяхой рухляди нет, и того они быют батоги без милости и в казенку садят. А ропустя, государь, юкагирей по юртам, и за ними пошлют тех людей, у которых милости нет и жестоких въ юрты. В нынешнем, государь, во 172-м году сздили в юрты служилые люди Иван Дорофеев новоставленной в службу да Матвей Блохин да промышленные Филька Севастьянов сын Рыбник, Михайко Тимофеев сын усцылец, Лучка Елисеев сын поняжанин. И у нас, государь, по юртам езда, емлют грабежом сильно своими руками с лабазов постели и зимные кошебные парки и юфтные и ровдуги и с юрт одирают чюмы. А Филип Рыбник и в падохух и в сумах и в мешках бабих у жен наших и у детей всякое гарно пересмотрит, а что полюбится, то и возьмет. И того, государь, с обоих Алюев свезли в Нижнее ясачное зимовье со всяким нашим грабежным животою всякое гарнишка 25-ры санки оленьи, а свезли, государь, на оленях. И дочерей наших сильно емлют, при сыне боярском при Иване Великом у Пенжи взяли дочерь и своей братье продали. Да в прошлом же, государь, во 171-м году летом взяли сильно девки у Паняги. Да в прошлом же 170-м году при сыне боярском при Втором Катаеве наложили в Нижнем же ясачном зимовье сверх твоего великого государева ясаку на Панюйку Малчукова 30 соболей, а сказали въ ясак же. А преж, государь, того платил он Панюйко твоего великого государева ясаку по вся годы по 30-ти по 1-му соболу на год и платил он Панюйко по 2 годы им служилым и промышленным людям по 60 по 1-му соболу на год, а наывають твоим государевым ясаком. И в нынешнем, государь, во 172-м году у ясачного пастежу были они служилые и промышленные люди его (Панюйка батоги и в казенку садить хотели, и он Панюйко молвил, возьмите де у него жену, а не лайте де его Панюйку. И они, государь, служилые и промышленные люди, кои служат тебе государю въ ясачном зимовье, по челобитным говорили, принеси де Панюйко 6 соболей, а впредь де опять плати государев ясак на год по 30-ти по 1-му соболу. А наметного на нем, государь, Панюйке за их товары по вся годы по 70 соболей, а с ним Панюйком промышленников всего 3 человека. И на многих, государь, они ясачные сборщики в Нижнем ясачном зимовье многие всякие свои товары наметывают, на наших отцей и братью на слепых и на хромых и на бедных и на нужных, которые, государь, не могут ничево промышлять. А как, государь, весною на Нижнюю армангу приплывет приказной человек, и заказ всем нам сиротам твоим, носите де приказному человеку к приезду гостинцы соболи добрые. И мы, государь, сироты твои выбираем на промыслу и въ юртах из соболей соболи добрые черные и привозим приказному гостинцы весною на армангу со всякого человека соболя по 2 и по 3 и по соболю. Да он же приказной человек в Нижнем ясачном зимовье для своей бездельной корысти налущивает больше прежнего по 20-ти по 8-ми человек и больши. А большая, государь, половина въ ясачном зимовье промышленных людей, которые, государь, промышленные себя накормить не могут и промышлять и рыбы ловить не умеют, старых и увечных и слепых и хромых и глухих и нужных. А емлют, государь, они приказные от того с них с промышленных и с служивых людей соболей по 20-ти и по 30-ти и по 40-у с человека. А в нынешнем, государь, во 172-м году приказной Григорей Тотарин пустил въ ясачное зимовье жить промышленных людей близко 20-ти человек, а служилых, государь, людей и сына боярского Курбата // Иванова да Петра Офонасева да Юрья Селиверстова с товарищи, которые, государь, пришли с Анадыря с твоею великого государя ясачною соболиною и с костяною рыбью моржевою зубу с казпою, и товарищев своих, которые, государь, с ним Григорьем посланы из Якуцкого острогу, 7-ми человек жить в зимовье не пустил и у ясачного збору им быть не

велел. А нам, государь, от промышленных людей, которые в зимовье у ясачного збору, тягость и налога большая, лютачкою приказных людей и от всех их товарищей в Нижнем ясачном зимовье изгоня великая, стали от их насильства наги и боси, и бедны и нужны, и до основания разорились от больших их наметов и грабежей для того, государь, что по многие годы платили мы сироты твои твой великого государя ясак с великим подобострастьем полной, а за наметной их товар и гостинцы приказным людям сверх твоего великого государя ясаку по вся годы в Нижнее ясачное зимовье платим на год сороков по 50 и по 60 и больше. И от такие, государь, немерные изгони всякое дурно бывает, что и по иным рекам и на Яне. А в прошлом, государь, во 171-м году летом на Колыме на Нижней ярманге мы ж сироты твои тебе великому государю били челом словесно, а сыщику подьячему Семену Абрамову извещали в своих обихдах и в насильствах и изветные и роспросные речи за своими пятны сму Семену подали, а велели подать въ Якуцком остроге в съезжей избе твоим государевым воеводам, чтоб наша изгоня и бедность и грабеж и товарной немерной большей намет ведом был. А по многие, государь, годы про свою изгони и бедность извет и челобитые наше было. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович [т.], пожалуй нас сирот твоих для дальней своей вотчины, не вели, государь, впредь служилим и охочим промышленным людям нас сирот своих обидить и грабить и сильно свои товары наметывать и за свои наметные товары батоги бить и в казенку садить и по юртам ездить и сильно платышко грабить и юрты одирать и с лабазов постели и ровдуги своими руками иметь и жен и детей наших отнимать и всячески нас не вели, государь, изгонять, чтоб нам сиротам твоим от такие великие изгони врозь не разбрестись и какова б дурна не учинить и от того бы государеву ясаку не отбыть и вконец не погинути. Царь государь, смилуйся пожалуй.

На обороте 19 юкагирских «знамен».

К. 203, столб. 5 на 20 страницах; сст. 14—15.

53. 1664—65 гг. — Челобитная колымских юкагир князца Кильтежки Калямина и его улусных людей якутскому воеводе Ивану Большому Голенищеву-Кутузову о защите их от злоупотреблений ясачного сборщика служилого человека Ивана Кузакова «с товарищи».

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу [т.] и государю благверному царевичю и великому князю Алексею Алексеевичу [т.] и государю благоверному царевичю и великому князю Федору Алексеевичу [т.] бьют челом и извещают ясашные ваши великих государей холопы, колымские юкагири, князенька Кильтежка Калямин сын и во всех своих улусных мужиков место на служилого человека на Ивана Федосиева сына Кузакова с товарищи. В прошлом, великия государи, во 172-м году пришли мы холопы ваши в Среднее ясачное зимовье осенью с вашим великих государей ясаком с полным против ясашных книг, и он Иван у нас ваш великих государей ясак принял, и из тех соболой он Иван лучших 20 с соболем соболей себе выбрал, а в тех соболей место он Иван велел нам промышлять соболи въ ясак весною. И я холоп ваш ему говорил, что ты Иван лучшие соболи себе выбрал, а нам велишь в тех место соболей промышлять весною въ ясак великим государем, и весною какие добрые соболи будут, да и взять нам негде. И он Иван нам сказал, нам де Григорей так велел делать. И я холоп ваш весною на ярманге об том вашем великих государей ясаке и об их том воровстве на тово Ивана Кузакова бил челом пятидесятнику Григорью Иванову Тотаринову, что он Иван Кузаков ворует и добрые соболи себе выбирает, а нам в тех место велит весною промышлять в ясак. И он Григорей в том никоторого указу не учинил и нас же 3-х человек бил батоги нещадно, для чеве де ты про такое дело извещал торговым и промышленным людям. И мы холопы ваши били челом вам великим государем на тово Ивана Кузакова об том деле и писали челобитную и послали ту челобитную в Якутской острог в съезжую избу к вашему великих государей к стольнику и воеводе к Ивану Федоровичу Большому Голенищеву Кутузову съезжие избы с подьячим с Семеном Абрамовым. Да он же Иван Кузаков с товарищи наметывает на нас холопей ваших товары, полицы куячные и

пальмы и топоринки и стрелы, за полицу по соболу, пальма, которая в полатишина, соболей по 6 и по 7 соболей, за стрелу по соболу, обушник топорной по 4 соболя и по 5-ти. А которые юкагири не учнут иметь товару, и тех батоги бьет нещадно, и от тех товаров стала изгоя великая и от него Ивана. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович [т.] и государь благоверный царевич и великий князь Алексей Алексеевич [т.] // и государь благоверный царевич и великий князь Федор Алексеевич [т.] пожалуйте, великие государи, нас ясаших своих холопей, велите великия государи нам холопом своим от Григорья Иванова Тотаринова и от Ивана Кузакова с товарищи дать свою царскую оборонь, чтоб нам холопом нашим от их воровства и налог вашего великих государей ясаку не отбыть и вконец не погнубть. Царь государь и государи благоверные царевичи, смилуйтея пожалуйста.

На обороте 1 юкагирское «знамя».

К. 203, столб. 5 на 20 оставал: сст. 16—17.

54. 1666 г. января 10. — Память якутского воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова на реку Колыму приказному Семену Аврамову о рассмотрении жалобы «Анюйского хребта ясачных иноземцов» на служилого человека Василия Бронника и колымских якутов, ограбивших их и увезших их аманатов из нового ясачного зимовья на реке Анюе в старое зимовье на реку Колыму.

Исча 7174-го года генваря в 10 день по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] и государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича [т.] и государя благоверного царевича и великого князя Федора Алексеевича [т.] память на Ковыму реку приказному Семену Аврамову. В ныншнем во 174-м году ноября в 5 день писал в Якутской острог к стольнику и воеводе к Ивану Федоровичу Большому Голенищеву-Кутузову с Анюя реки служилой человек Ивашко Хворой и прислал челобитную за знамены Анюйсково хребта ясачных иноземцом князца Таблейка да Ниникейка на служилого человека на Ваську Бронника да на промышленного человека на Фильку Рыбника. А в челобитной их написано: в прошлом де во 172-м году поймал их вверху Анюя реки на Анюйском хребте служилой человек Ивашко Хворой и вывез на Ковыму реку и хотел он Ивашко итти с ними по Омолону реке; и они де били челом великим государем, чтоб их великие государи пожаловали, не везли по Омолону реке везти для того, что та река от них удалела, а поставит бы зимовье на камню по Анюе реке; и он Ивашко по их челобитной зимовье поставил на смену, где бы им приходил великих государей с ясаком; а ясаку принесли они 16 соболей да наполники, а в них 10 пластин; и как учили родники их приезжать к ясачному зимовью великих государей с ясаком, и они били челом великим государем, чтоб их из оманатов переменить, а в их места посадить в аманаты детей и племянников их; и он де Таблейко посадил в свое место жену свою, а он Ниникейко племянника своего; а они де учнут родников своих призывать; и отпусти их тот Ивашко Хворой давал им великих государей подарки, котлы и топоры и пальмы и олово и полицы кушанные; и как учили родники их к ним копца, братья и племянники и зятя, и зять его Локта послал великих государей ясаку в ясачное зимовье приказному Ивашку Хворому 2 соболя, да с родного его брата сын Шабла послал соболя, а с достальным ясаком, собравшись с родниками своими, хотели они быть к ясачному зимовью; // и в прошлом де во 173-м году пришли с Ковымы реки они Васька Бронник и Филька Рыбник с иноземцами с колымскими мужиками и их разорили до основанья, и что им великих государей жалованья подарков дал Ивашко Хворой, котлы и топоры и пальмы и полицы кушанные, и те подарки у них они Васька и Филька отняли; а что им давал тот Ивашко, взяв великих государей ясак, отписи и те отписи они Васька и Филька у них взяли и тем отписям не поверили и родников их розвели на Ковыму реку; и чтоб великие государи пожаловали их Таблейка и Ниникейка, велели родников их, которые сядят на Ковыме реке в аманатах, поставить с ними с очей на очь и везти на Ковыме реке на Нижней ярмонке тебе Семену расспросить, что те аманаты родники их подлинно, и великих государей ясак платит хотят с ними на Анюйском хребте; а Ковыма река от них удалела и ходит великих государей

с ясаком не вмоць; а в разоренье Васьки Бронника и Фильки Рыбника, что великие государи укажут. И как к тебе ся память придет, и тебе б Ваське Броннику дать тем аманатом с родниками очная ставка. И будет подлинно родники их, и хотят ясак платить на каменю на Аносе в зимовье с ними, и тебе б тех аманатов с Ковымского зимовья отдать служилому человеку пятидесятинику казачью Ваське Бурлаку и в том с ним росписатца. А будет те аманаты не родники их, и им великих государей ясак платить на Ковые феке. А против их Таблейкова и Ниникейкова челобитья сыскать ясачными иноземцами по их вере по шерти, как их Васька Бронник с товарищи грабили: хто что в сыску скажут, и велеть те их речи написать на росписи и к той росписи велеть им знамсна свои приложить и дать им Таблейку и Ниникейку с Филькою Рыбником очная ставка. И тот сыск прислать в Якуцкой острог с кем пригоже и велел тот сыск подать в съезжей избе стольнику и воеводе Ивану Федоровичу Большому Голенищеву-Кутузову.

К. 202, столб. 10 на 95 сставал; сст. 82—84.

55. 1670 г. февраля... — Из дела о сборе ясака казачьим пятидесятиником Семеном Епишевым с якутов 9-ти волостей.

I. — 178-го году ¹ ясашные зборщики Якутцкого острогу: пятидесятник казачей Сенька Епишев да толмач Пашко Скребыкин, дозакз Ондрюшко да Стенька Летвиновы пред окольничим и воеводою пред князем Иваном Петровичем Борятинским да пред дьяком Стефаном Янчиковым сказали: в нынешнем де во 178-м году ездили де оне Сенька с товарищи из Якутцкого по указу великого государя на Сигу реку и на Ковое озеро в Якутские уезды, в Бегунскую и в Намскую и в Атамайскую и в Одейскую и во Одугейскую и в Бояназейскую и во Катиргытцкую и в Чачуюскую и в Мегинскую волости для великого государя ясачного и поминочного соболиного и лисья збору. Велено им, Сеньке с товарищи, тех волостей со князцов и с лутчих якутов и съ их с улусных людей собрать великого государя ясак и поминки спола на нынешний на 178-й год и на прошлые годы без чедобору. И Сенька Епишев с товарищи, приехав к ним князем и к лутчим якутом и к их улусным людям, говорили, чтоб великого государя ясак и поминки всякой с себя дал спола на нынешний на 178-й год и на прошлые годы. И князцы и многие ясачные якуты дали великого государя ясаков с себя на 178-й год и на прошлые годы по невелику соболей и лисиц. И хто что дал ясаков, и тот ясак с них взят и писан в роспись, и та роспись подана великого государя с казною в съезжей избе. А в достальных своих недоплатных ясаках тех волостей князцы и всякие якуты сказали им ясачному зборщику пятидесятинику Сеньке Епишеву с товарищи и дали сказки за своими знамены. А в сказках их пишут: //

II. — Бегунской волости ясачные якуты князец Чегунай Изнев да дети дво... Далее следует перечень якутов по волостям... сказали по своей вере и по шерти за своими знамены ясачному зборщику Якутцкого острогу пятидесятинику казачью Семену Епишеву с товарищи: есть де на нас взять великого государя недоплатные ясаки на 178-й год и на прошлые годы; и ныне де им, сказали, дать пецова, ша соболиные де промыслы в нынешнем во 178 году многие не ездили за конную скудостью, и многие у себя коней и иного скота не оказали, сказались многие бедны. А которые де из них якуты и ездили на соболиные промыслы соболей промышлять на великого государя ясаков в нынешнем во 178-м году, и те де якуты соболей не добыли, а сказали, что де соболи и всякой зверь в их якутских угодьях выловили в прошлых годах русские промышленные люди. //

III. — В нынешнем же во 178-м году февраля ж в... день Бегунские волости ясачной якут Чигупай Изелов дал великого государя ясаку с себя 5 соболей на нынешний на 178-й год, а оклад ему 17 соболей, а на прошлые годы стоят на нем ясаки многие. И ясачной зборщик пятидесятник Сенька Епишев с товарищи ему Чегуну говорил и просил великого государя дастальной ясаку на 178-й год и на прошлые годы. И он Чегунай, опричи тех 5-ти соболей, иных не дал, а сказал, что де у него соболей нет, на соболиной промысел не ездил, что де у него Чегуная коней нет, а купить де великаго государя на ясак соболи не на что, кобыл и

¹ В подлиннике оставлено место для месяца и числа.

коров, у себя сказал немнога, только 2 конишка да кобылу да 5 коровенок, а которой де был скотишко, коней и кобылы и коровы, и те сказал в прошлых годах распроданы великого государя на ясаки, // и стал де от того беден. И бил челом великому государю он Чегунай словесно, а ясачному зборщику Сеньке Елишеву говорил, чтоб великий государь велел про ево Чегунаев скот, коней и кобылы и коровы осмотреть и сверх досмотру сыскать окольными ясачными якуты, которые про ево Чегунаев скот знают, колька у него всякого скота есть, и те их речи велеть записать и подать в связей избе. И тово ж число ясачной зборщик Сенька Епишев с товарищи по ево Чегунаеву словесному челобитью сыскавал окольными ясачными якуты разных волостей про ево Чегунаев [скот]. И хто что сказал, и те их речи писаны ниже сего за их знамены.

Модутские волости якуты, Кокйи да Темерей Бычканы да Кулуттай Текесев, лучшие люди сказали по своей шерти, что де у Чегунай Езилова большого скота нет, только сказали у него 2 конишка да кобылу да 5 коровенок, а иного скота у него Чегунай не сказали.

На обороте 4 якутских «знамени».

К. 206, столб. 17 на 185 состав; стр. 137, 141, 145—146.

56. 1671 г. декабря 5. — Роспись алазейским ясачным юкагирам и взимаемому с них ясаку.

Лета 7180-го году декабря в 5 день, по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] и по указной памяти, что прислана на Алазейку реку к приказному пятидесятнику служилому человеку Якову Никитину. А написано в той памяти, что тебе бы Якову на Алазее реке алазейских ясачных юкагирей по указной памяти ясачных людей, и хто имяны у них подрослей, и по чему хто платит, [переписать]. И по той указной памяти на Алазее реке приказной пятидесятник Яков Никитин тех алазейских ясачных юкагирей переписал, в коем роду хто имяны и сколько платят которой род, и тому ся роспись: Калвине роду сын Калвин Левойко, а в том Калвине роду платежных людей старых и молодых 24 человека, а платят великому государю ясаку по приправошным книгам 60 собoley; Манзитина роду племянник Мутундучей с родом и с улусными людьми, а в том роду 30 без одново человека, а по приправошным книгам на том роду взяти 2 сорока 12 собoley, и тово роду многие лучшие лю[ди] и улусные примери, а которые тово роду остальные платят 60 собoley, а против тех приправошных книг за те умершие родники платить не могут, а подросток и захребетников у них нет; род Ничи Шаманова брат ево Кчекондий с братьями и с родом и с улусными людьми, а в том роду // 32 человека, а с тово роду по приправошным книгам емлуца 78 собoley; род Леуты шамана, сын ево Конда, а в том роду шаманове 4 мужыка, а в приправошных книгах в прежние годы тот шаман с своим родом платил 27 собoley, а роду e[го] было 15 человек, и тот шаман своим родом пример, а оставших только 4 человека; род Тантанонин, Тантанонины дети Епта да Чемой с родом и с улусными людьми платят по приправошным книгам 33 собoley; род Лямземин, дети ево Кинегой да Кынтыгий с улусными людьми ясаку платят по приправошным книгам 17 собoley; а тово Леуты шамана, которой выше сего писан, сын ево Конда четверыми людьми платит 7 собoley; род князца Онгаты Падитин брат, и тово роду Падитин Консинеико с родом по приправошным книгам платит ясаку 12 собoley; Мымыков сын Непко по приправошным книгам платит 2 собoley; Чебука с родом платит по приправошным книгам 20 собoley, а в том Чебукине роду 10 человек; Ойсиково роду, что выше сего писан, Подитина сына 6 человек.

На обороте 9 юкагирских «знамен».

К. 209, столб. 4 на 65 состав; стр. 31—32.

57. 1678 г. ранее июня 26. — Челобитная казака Клина Улединкова с товарищами якутскому воеводе Фоме Вибикову о непосылке на реку Маю пятидесятника казачьего Ивана Бурлака до расследования дела о его злоупотреблениях.

Государю царю и великому князю Федору Алексеевичу [т.] бьет челом холопни твои казачишка Клишко Улединков, Ивашко Феоктистов, Ивашко Шелков-

ник, Федька Еланчинец, Ивашко Силин, Ярко Гундышев, Сергушка Игнатьев, Моська Демидов, Герасимко Федотов, Мишка Залесов, Петрушка Иванов, Ивашко Дмитриев. В прошлом, великий государь, во 185-м году по твоему великого государя указу посылал был на твою великого государя службу в Майское зимовье для твоего государева ясачного збору приказным человеком пятидесятник казачей Иван Бурлак. И будучи в Майском зимовье он Иван збирал на прошлого твоего государева воеводу на Андрея Барнешлеву у ясачных иноземцов соболи. И собрав он Иван те соболи и привез в Якутской, отдал ему Андрею Барнешлеву. Да он же Иван, будучи в том же Майском зимовье, посылал казаков Кондратя Берсенева да Ивана Безсонова по изменников Маймаканского роду по Дедену Каняркева да по брата ево Обшулю и по родников их. И после тех казаков Кондратя Берсенева выпустил аманатов Ларкагирского роду Акарабчановы семьи Любишки Ильчанова да Маймаканского роду Табылы, а тот Любишка и Табыла были в убойстве, как убили пятидесятника казачья Ивана Иевлева и казаков, а под тех аманатов иных аманатов не взял. И в прошлом же, великий государь, во 185-м году того выпущенного аманата Любишки Ильчанова брат ево сродной Секлига Антеулев, видя такую простоту, убил на промыслу торгового человека Петра Хозова и запас ево разграбили от ево Ивана Бурлака выпускку. Милосердый государь царь и великий князь Федор Алексеевич [т.], пожалуй нас холопей своих вели, великий государь, про то убийство сыскать и допросить казаков, которые были с ним Иваном Бурлаком в Майском зимовье и которые промышленные люди были на той Мае реке с Петром Хозовым, а не вели, великий государь, ево Ивана на Маю посылать для своего государева ясачного збору до своего великого государя указу. А допросные речи и сю нашу холопей твоих челобитную вели, великий государь, послать к тебе великому государю в Москве. Царь государь, смилуйся пожалуй.

На обороте: К сей челобитной вместо казаков Клинка Уледникова, Ивашка Фескитистова, Ивашки Шелковника, Фетьки Еланчица по их вельню казак Ивашко Горин руку приложил. К сей челобитной вместо казаков Герасимка Федотова, Петрушки Верхоты, Моськи Демидова по их вельню подъячей Ивашко Павчев руку приложил. К сей челобитной вместо казаков Мишки Залесова, Герасимка Гундышева, Сергушки Игнатьева по их вельню и за себя Ивашко Дмитриев руку приложил.

Помета: 186-го июня в 26 день взять у Ивана Бурлака скаска про те соболи и сыскать против челобития и выписать из дела.

К. 213, столб. 11 на 22 оставая; стр. 22.

58. 1679 г. марта 17. — Отписка пятидесятника Евдокима Козицына якутскому воеводе Фоме Вибикову о принятии Нижнеянского ясачного зимовья от служилого человека Якова Шелковника, о сборе «обыскных речей» о Якове Шелковнике, о сборе ясака с юкагир и о намерении «каменных» юкагир избивать казаков. С приложением «росписного списка».

1. — Великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичу из Нижнего Яньского зимовья ясачной зборщик пятидесятник Евдокимко Козицын служилыми людьми челом бьют. В нынешнем во 187-м году марта по 17 день у нас в Яньском зимовье по се число дал бог все здорово. А аз из Житан переехал с Лены с усть Сиктаку на Ягу и с усть Яны сь юкагирами через гору служилым человеком с Ивашком Корякиным. А пришел в Яньское зимовье генваря в п[ять] на десят числе и по наказной памяти принял у служилого человек[а] Якова Шелковника то Янойское ясное зимовье. И сколько заехал [ко]заков и в казенке аманатов налицо, и в казенном анбаре [великого] государя всякие казны налицо, и то описано в росписном списке и [моя]ню порось статьями, а тот росписной список послан пот сею отпискою за Яковлевою рукою. Да мне ж указано про нево Якова сыскать, что он Яков, будучи на приказе, служилым людям и ясачным иноземцам юкагирем какие обиды и налоги какие не чинил ли и для своей бездельные користи ничем не приметовался ли. И аз про нево Якова обыскивал и служилых людей опрашивал и у ноземцов ясачных юкагирей опрашивал. И служилые люди и ясачные юкагири во обыску что

сказали, и яз их скаски записавал порезь статьями за рукам[и], а юкагирские скаски за их знаменами. А те обыскные их р[осписи] посланы пот сею же отпискою. А нынешней на 187-й год собрали мы в[еликого] государя ясаку с прежних юкагирей всех 3 сорока 3 соболя, в т[ом] числе 73 соболя в косках, да в том же числе 13 соболей поротых, да в том же числе 32 соболя в переводе во отписк[х] и те отписи посланы подо отпискою пот сею, да за 5 соболей в том же числе 19 лисиц красных. А ясак збираетца с великою нужею, потому что, сказывают иноземцы, что стала наша земля пуста, на Яне и по сторонам рекам и до Индикирки, а по другую сторону и до Яены соболей нет, стало промышлять ясаку соболей негде и неково; а добываем де наш ясак соболя извозом у русских людей. а иные де и каменные юкагири, Якчанга с родом, покупаем де соболя в Житанах у якутов и у тунгусов на последние свои оленешка и на борошнншко у русских людей; а даем де за я[са]шного соболя по 20-ти ролдуги недоростей; а впредь де будет промышлять ясаку незнамо где; и от того де мы оскудели и опешели. Да довелось было взять по ясачным книгам Петайского роду на юкагирех на Ониге с родниками за брата его за ум[е]ршего Шербака ясаку 2 соболя. И тот Онига у ясаку ска[за]л, что де тот Шербак умре во 184-м году после ясачно[го] платежа. И на нынешней на // 187-й год тех дву соболей за Шербака не дал, а сказавал что де была у меня указная память, что было тово Шербакову жену заперском приказному Миките Савину Бочерского роду тунгуса у Мурговы шамана та ево жена Кошека взять и отдать мне с родниками, и дочь ево Белчака и оленя ево Шербаковы, а мне де было ево Шербаков ясак 2 соболя платить вечно; и ныне де тое бабы и дочери и оленя не отдали, а владеет де тем чужого роду мужик. И яз у тово Ониги взял скаску за их знаменами и ту указную память и послал пот сею отпискою в город. А ево Онигин брат родно[й] большей Шандай хотел итти в город бити челом об указе, а в прошлом де году Якову Шолковнику дал 2 соболя он Онига за него Шербака. А казаков мало, только 7 человек, аманатов много, 7 же человек, а кормитцо, рыбы промышлять, не от ково и аманатов кормить. А про каменных юкагирей про Нутного проноситца весть недобрая, что хотят казаков побить. А яз как приехал в то Янское зимовье и застал у Якова Шелковника собрано было верхоянских якутов 10 человек для обереженья кь ясачному збору. А те якуты зимовали блиско, а ноне де те якуты опять скочевали верх. А сказывали про то омоловские юкагири. А котла аманатов варить вст. А которой котел послан был со мною, и тот котел мал, а вари[ть] стало не в чем. А которые котлы яз причел у [Я]кова Шелковника, и те котлы все худы, варить нельзя. А иные котлы малы. //

На обороте: Великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича [т] воеводе Фоме Ивановичу.

187-го мая в 31 день подал отписку казак Ивашко Колмогор.

II. — 187-го году гевваря в 15 день роспись мне служилому человеку Якову Степанову Шолковнику в том, что отдал яз по указной памяти пятидесятинику казачью Евдокиму Кириллову Янское Нижнее ясачное зимовье: 2 избы с паторошнми под одною кровлею, да по заднею сторону и по переднею стену косой острог да казенной анбар, да служилых людей для письма Ивашка Курмашева, рядовых служилых казаков Ивашка Колмогора, Сеньку Прокопьева, Ивашку Кобелева, Ромашку Никитина, Ивашка Тимофеева, Савку Иванова, да в казенке аманатов юкагирских омоловских юкагирей Тутолокова сына Иркичу, хромовских юкагирей Темлету Нерпина, да с каменных юкагирей Якчангина сына Немдылеку да Гусельникова сына Шочела, да каменных же юкагирей князя Нутного племянника Шелючотова сына, да того ж роду Ягарнабина сына Туегу, да каменных же юкагирей Петайского роду Онигина сына Мелту; да великого государя казны: иноземских подарков полторы тысячи одежку синева да того ж одежку полтораста одекуй. да 11 мотов неводново прядена, а в моту по 4 четвертухи, да 25 саж. неводных сетей новых, 2 котла старых красные меди, да зеленой меди котел старой худой, варить в них нельзя, красной меди в тех котлах весом 15 ф., а зеленой той меди 8 ф., да красной же меди 2 котла новых весом 12 ф., да зеленой же меди в 2-х котлах весом пол 9-та ф., держанных, напарья да теслу, долото да свердело да 2 пещни да 3-я ломоная, 3 ф. пороху, 2 чети да фунт свинцу, да пишаль

глаткою з замком умершего казака Юшки Ондарева, да замок у казенки висячей, да 7 мереж езовых держаных мерою по 8-ми саж. печатных худых, да 40 саж. бечевы старых, да карбас большой однодеревой да струг небольшой однодеревой, оба старые худые, 2 соболя ясачных в ясках, да ясачные книги приправочные, которыхъ ему даны из города, и по чему яз Яков брал великого государя ясак на 186-й год. И в том яз Яков с ним Евдокимом во всем росписались и росписной список дал за своею рукою.

На обороте: К сему росписно[му] списку вместо Якова Шолковника по его велению казак Ивашка Тимофеев руку приложил.

К. 214, столб. 1 на 56 сставая; сставы 1—3.

59. 1679 г. ранее мая 30. — Отписка сына боярского Льва Трифонова якутскому воеводе Фоме Бибикову о недоборе ясак с зашиверских ламутов из-за насилие, причиненных им казаком Сергеем Брусениным и целовальником Никифором Бобровским.

Государя царя и великого князя Федора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивансвичю Индигирки реки Зашиверского острожку приказной сын боярской Левка Трифанов челом бьет. В нынешнем, государь, во 187-м году пришли с промыслу Зашиверского острожку ясачные ламутские мужики Кукитирского роду Вострой да Зельянского роду Борутка...¹ они ламутские мужики мне Левке в Зашиверском ясачном зимовье, как они Вострой и Борутка, идя с промыслу, и пришли на Ковыму реку в ясачное Верхнее зимовье для своих убойных голов и погрешных животных бити челом великому государю на ковымских юкагирей, и в то время тут были казак Сергей Брусенин да целовальник Микифор Бобровской. И казак де Сергей Брусенин засадил де его Вострово в казенку и угрозами и приметами, которые были соболи платить в ясак великому государю на нынешней на 187-й год 3 соболя, и те де, государь, соболи взял к себе он Сергей; и взяв соболи, из казенки выпустил де; а торговой человек Никифор Бобровской после де выпуску Сергиева опять посадил де меня Вострово в казенку и вымучил у меня соболя однацю ценою в 30 руб. И взяв того соболя, он Никифор из казенки выпустил и мне де Вострому про того соболя сказывать никому не велел. И как де, государь, меня Вострово сажали в казенку и мучили казак Сергей Брусенин да целовальник Никифор Бобровской и про то де знают ковымские казаки Верхнее зимовья. И тот, государь, Вострой с товарищи пришел в Зашиверской острожек ко мне Левке апреля в 19 день, а я[саку] великого государя ничего не принесли на нынешней [187-й] год. И о том как ты государь укажешь.

На обороте: Государя царя и великого князя Федора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичю.

187-го мая в 30 день подал отписку казак Ивашко Гурьев.

К. 214, столб. 2 на 31 сставе; сст. 10.

60. 1680 г. не ранее сентября 18. — Челобитная ясачных тунгусов Бирянского рода Бузиказарта с товарищами о возвращении им жен, детей и оленей, отнятых у них якутскими служилыми людьми Даниилом Михайловым и Никитой Кырнай «с товарищи».

Список с челобитной.

Царю государю и великому князю Федору Алексеевичу [т.] бьют челом сироты твои с Селинги реки ясачные тунгусы Бирянского роду Бузиказарта, Елиси, Чолтыга, Гочодка, Чанжега, Конюкочия, Каюкан. Жалоба, великий государь, нам сиротам твоим Якуцкого острогу на служилых людей на Даниила Михайлова да на толмача Никиту Кырнай с товарищи. В нынешнем, государь, во 189 году сентября в 18 день ходили мы сироты твои с Селинги реки на Уд реку для ради кормли и звериного промыслу. И он Данило из зимовья посылал на нас сирот твоих войною толмача Никиту Кырнай с товарищи в 30-ти человеках. А толмач Никита, пришед к нам с казаками разгромил и пограбил, жен и детей наших в полон себе взял и человека убил до смерти. И мы сироты твои ему Никите

¹ Конец строки оборван.

с товарищи в ясажном платеже отписи казали, и он тем отписям не поверил и отписи себе взял. А у ково нас сирот твоих взяты жены и дети и чаго животов наших и оленей взяли, и тому под сею челобитною роспись. И мы сироты твои от того их убойства и грабежу обвиняли, и тебе великому государю ясаку промышлять не на чем, стали нужны и бедны, и в ясажном зборе впредь тебе великому государю учинитца поруха большая и недобор. Да он же Никита с товарищи под жен и под детей наших просит у нас выкупу большева, а нам сиротам твоим жен и детей своих выкупить нечем, потому что мы сироты твои пограблены и разорены до основания. Милосердый государь царь и великий князь Федор Алексеевич [т.], пожалуй нас сирот своих вели, государь, ему Данилу с товарищи жены и дети и оленя наши и против росписи животышка наши отдать, чтоб нам сиротам твоим в том их насильстве и грабежу от ясачного платежу не отбыть и вконец не погинуть, и ясак тебе великому государю вечно платить в Селенгинском зимовье. Царь государь, смилуйся пожалуй.

К. 216, столб. 5 на 44 сставах; сст. 1. Современный список.

61. 1680 г. октября 26. — Наказная память ясачному сборщику Ивану Бурлаку якутского воеводы Ивана Приклонского о сборе ясака, задержании и приводе в Якутский острог казака Ивана Фомина, отправленного на добычу слюды по рекам Алдану и Тонторе.

Лета 7189-го октября в 26 день по государеву цареву и великого князя Федора Алексеевича [т.] указу память в Тонторское зимовье ясачному сборщику пятидесятнику казачью Ивану Бурлаку. В прошлом во 188-м году по указу великого государя послан ты Иван для ясачного збору в Тонторское зимовье и посланы с тобою приправочные книги за рукою стольника Ивана Бибикова, и по наказной памяти велено тебе собрать великого государя ясак на нынешний на 180-й и на прошлые годы весь сполна. А будучи тебе Ивану великого государя у ясачного збору никакие поноворки, посулов и поминков сь ясачных иноземцев от того не имать и для своих прихотей и бездельной корысти кь ясачным иноземцам не приметыватца, налог и обид не чинити, и над служилыми людьми во всем надсматривать, чтоб они служилые люди ясачным иноземцам налог и обид ни чинили. Да в прошлом во 187 году в приказной избе перед воеводою перед Фокою Бибиковым казак Ивашко Фомин сказал словесно, что есть вверх по Алдану и по Тонторе слуда, а он де Ивашко был на учюге и слышал от тунгусов и чтоб великий государь ево Ивашка пожаловал, велел ево Ивашка отпустить вверх по Алдану и по Тонторе для слуды и дать ему двух тунгусов в вожжи, которые ему про ту слуду сказывали, чтоб ево Ивашку тое слуды добыть и привезть вь Якуцкой, а он де Ивашко и ныне живет с тунгусами и торгует у тунгусов соболи и иную всякую мяхкую, а слуду добыл ли или нет и того вь Якуцком не ведомо. И как к тебе ся память придет, и ты б по указу великого // государя собрал великого государя ясак на нынешней 189-й год по окладу и на прошлые годы весь сполна. А казака Ивашка Фомина привезть на весне с собою вь Якуцкой. А что у него каких пожитков и мяхкие рухляди, и те ево пожитки, запечатав своею печатью, привезть на весне с собою вь Якуцкой. А буде ты Иван великого государя ясаку против приправочных книг весь сполна не зберешь и того Ивашка Фомина не сыщешь, или и сыщешь, а в Якуцкой та весне не привезешь и для своей бездельной корысти отпустишь и про то сыщетца допряма, и для своих прихотей и бездельной корысти учнешь кь ясачным иноземцам приметыватца, иалого и обиды чинити, и над служилыми людьми не учнешь надсматривать, а Ивашка Фомина не сыщешь, или и сыщешь, а на весне вь Якуцкой не привездешь и для своей бездельной корысти отпустишь, а иноземцом какую обиду и налоги учинишь и в том на тебя будут челобитники, и за то тебе по указу великого государя быть в жестоком наказанье в опале и в разоренье, и недоборной ясак стольник и воевода Иван Васильевич Приклонской велит доправить на тебе Иване безо всякие пощады.

На обороте: Такова память послана в столице за печатью Бутальского зимовья сь ясачным сборщиком с казаком с Аверкием Григорьевым, а ему велено послать в Тонторское зимовье с тунгусами.

К. 215, столб. 31 на 194 сставах; сст. 18—19.

62. 1680 г. октября... — Наказная память якутского воеводы Ивана Приклонского сыну боярскому Юрию Крыженовскому с товарищами о несении караула в Якутском остроге по случаю привоза якутами ясака.

Лета 7189-го октября в... день по государеву цареву и великого князя Федора Алексеевича [т.] указу и по приказу стольника и воеводы Ивана Васильевича Приклонского память Якутского острогу сыну боярскому Юрию Крыженовскому да казаком Фролку Акиле, Митьке Попову. Быть им на карауле в день и в ночь Якутского посаду на Нижнем конце для того, как в нынешнем во 189-м г[оду] псудят из ясачных волостей якутские князцы и улусные их люди великого государя сь ясаком и с поминки, и что для продажи привезут харчевого на продажу, зайцов и всяких птиц и зверей, и им тех ясачных людей великого государя сь ясаком и с поминки, с мяхкою рухлядью, с собольми и с лисицами и с харчевым, приводить в острог к приказной избе и объявить стольнику и воеводе Ивану Васильевичу Приклонскому, и стольник и воевода Иван Васильевич Приклонской великого государя ясак и поминки велит взять. А взяв ясак, велит им харчевое продать на базаре служилым и всяким людем по их якутской и руских людей меж себя уговорной цене. А однолично б им ясачным людем, // идучи из ясачных волостей, к толмачю и на жилецкие дворы великого государя сь ясаком ставитца не велеть. А того смотреть и беречь яакренко, чтоб тайно у них мяхой рухляди всякие люди не покупали. А которые руские люди каких чинов не буди учнут сь ясачными людьми на дороге торговать или якуты, которые живут в Якутском остроге, у руских всяких чинов людей учнут ясачных людей на дороге встречать, или учнут у них собольми какую мяхкую рухлядь переменять от руских людей подсылкою, или учнут какие нибудь люди к ним ясачным людем подходить, и тех всех имая приводить в приказную избу. А будет вашим небереженьем хто ясачных людей учнут ставитца у толмачей на дворах или на жилецких дворах где нибудь или чем торговать учнут, на дороге едучи, не заплатя великого государя ясаку, а вы тех людей имать и приводить в приказную избу не учнете и того стольнику и воеводе Ивану Васильевичу Приклонскому не объявите, а после про // то сыщется, и вам и тем людем, хто ясачного человека сь ясаком на двор стоять пустит, или хто преж государева ясаку мяхкую рухлядь купит, и за то быть от великого государя в великой пени и в смертной казни безо всякие пощады. А стояти б вам для береженья середи посаду и на крайних дворах, от которых бы дворов было караулить усторожливю и видеть бы мочно, откуда дорогами якуты к острогу приезжают.

Под тектом приписано: Октября в... день такова ж память дана на Верхней конец сыну боярскому Сарзину Крупетцкому.

К. 215, столб. 31 на 194 сставах; сст. 20—22.

63. 1680—81 гг. — Челобитная пеших тунгусов из Охотского острожка об освобождении их из тюрьмы и от «правежа» за неплатеж ясака.

...днем мы хо[лопы твои стоим на пра[в]еже, а ночью седим в казенки и на[м холопом твоим] того недоплатного ясаку больши того, что платили, взять негде. А в прежние годы мы холопи твои платили тебе великому государю ясак с себя и с родников своих, а тот мы ясак соболи покупали у оленных тунгусов, а на них мы холопи твои оленных тунгусов промышляли рыбей корм, и за те соболи им тот корм давали. И з нынешнем же, великий государь, во 189 году оленные тунгусы многих родов в Охотской острожке с ясачным платежем не бывали, и нам холопом твоим того твоего государева недоплатного ясаку на тот свой рыбей корм иначе купить не у кого, а самим промышлять не на чем, оленей нет. А на Ламе в Охотском острошке шатость и пазена учинилась у оленных тунгусов во 185 году, как был на приказе сын боярский Юрье Крыженовской. И будучи он Юрье на приказе в Охотском, оленных и нас холопей твоих пеших тунгусов сажил в казенку для своей бездельной корысти. И велел он Юрье нам холопом твоим и оленным тунгусам к себе приносить соболи добрые и лисицы черные преж твоего государева ясачного платежа. И мы холопи твои и оленные тунгусы ис козенки выпунались, видячи ево Юрьеву обиду, и за угрозами приносили к нему Юрью соболи добрые и лисицы черные.

И он Юрье у нас холопей твоих и у оленных тунгусов соболи и лисицы черные к себе имал, а плохие соболи велел он Юрье нам холопом твоим и оленным тунгусом приносить тебе великому государю в ясак. И мы плохие соболи приносили тебе великому государю в ясак. И в прошлом во 186-м году послан был из Якутцкого на Ламу приказной сын боярской Петр Ярышкин к нему Юрью на перемену. И оленные тунгусы тебе великому государю изменили и на Ураке реке 30 человек служилых людей побили, которые шли с ним с сыном боярским с Петром Ярышкиным, от его сына боярского Юрья Креженовского обиды и налоги. И мы холопы твои оленные и пешие тунгусы били челом тебе великому государю на него Юрья в тех своих обидах и налогах. И против нашего холопей твоих челобитья про него Юрья прежние приказные сын боярской Петр Ярышкин да десятник казачей Филипп Щербачков съезжались и допрашивали у оленных и у нас холопей твоих пеших тунгусов, и против тех сысков и допросов из Якутцкого твоего великого государя указу никакого к нам холопам твоим не бывало. И в прошлом же, государь, во 188 году годниканские и горбиканские и иных многих родов оленные тунгусы тебе великому государю изменили и на Юдоме реке твоего государева стольника Данила Фомича Бибикова и служилых людей 39 человек побили, и твою великого государя ясачную сборную соболиную казну взяли и по себе разделили, и в Охотцкой острожке с твоим государевым съясачным плателем в нынешнем во 189 году не приходили, для его же сына боярского Юрья Креженовского обид и налог. И нам холопом твоим твоего великого государя недоплатного ясаку соболей купить на свой рыбой корм не у кого и взять негде. Милосердный государь, царь и великий князь Федор Алексеевич [т.], пожалуй нас холопей своих вели, великий государь, нас холопей своих в том своем великого государя недоплатном ясаке с праведку спустить, чтоб нам холопом твоим в том твоим великого государя недоплатном ясаке, стоячи на праведке и в казешке сидячи, томною голодною смертью не помереть и твоего б великого государя ясаку впредь не отбыть. Царь государь смилуйся.

На обороте сохранившейся части челобитной 47 тунгусских «знамен».

К. 216, столб. 4 на 10 сставах; сст. 1. Начало оборвано.

64. 1681 г. января 14. — *Изветная челобитная средневилюйских ясачных якутов Бакучки Одуреева и Тебиечки Селбукова якутскому воеводе Ивану Приклонскому о вымогательствах ясачного сборщика Захара Шикеева.*

189-го генваря в 14 день извещали в приказной избе стольнику и воеводе Ивану Васильевичу Приклонскому Вилюйского Среднего зимовья ясачные якуты Бакучко Одурев да Тебиечко Селбуков, сказали словесно: в нынешнем во 189-м году Вилюйского де Среднего зимовья ясачной сборщик сын боярской Захар Шикеев наматывает на них всякой товар сильно, бисер и одекуй по 12-ти и по 13-ти прядок, и велит де приносить за тот бисер по сороку горносталей, да он же де отная преж ясаку у него Баки лисицу сиводущатую да лисицу красную; и многие де якуты и тунгусы, слыша от него такие наметные товары и обиду и налог, великого государя съясачным плателем к зимовью не идут; и чтоб великий государь пожаловал, велел извет записать. Якутские речи толмачил толмач Михайло Удин.

На обороте 2 якутских «знамен».

К. 215, столб. 2 на 194 сставах; сст. 67.

65. 1681 г. не ранее ноября 4. — *Отписка сына боярского Захара Шикеева якутскому воеводе Ивану Приклонскому о затруднениях в сборе ясака из-за ухода якутов и тунгусов с Оленки вследствие голода и отсутствия зверя на промыслах.*

Государя царя и великого князя Федора Алексеевича [т.] стольнику и воеводе Ивану Васильевичу Приклонскому сын боярской Захарко Шикеев челом бьет. В нынешнем во 190-м году великого государя по указу велено мне быть в Жиганском зимовье, а велено собрать мне на великого государя с якутов и с тунгусов ясак. И на нынешней 190-й год ноября с 4-го числа стал собирать ясак на великого государя, и платят ясак якуты с великою нужею, иные якуты с Оленка реки сошли в Среднее в Вилюйское зимовье, а иные на Анабору реку, а иные

в Жиганы на Красное пришли, а иные безвестно сошли, да казачьи дети и посадские люди сошли на Анабору реку. А хто имьяны казачьи дети и посадские люди и якуты сошли в Среднее Вилюйское зимовье и на Анабору реку, под сею отпискою роспись. А сошли с Оленка реки многие якуты в Жиганы и Красному песку по первому пути снежному з женами и з детьми, и многие от голоду мало не померли, а посадской человек Исаак умер от голоду. А потому с Оленка реки сошли якуты, что большей голод на Оленку реки, прошлой весны и осени единого зверя не промыслили якуты не убили, и с тех мер и нагы и голодные якуты. Да и на Красном песку в Жиганех якутов оленские якуты обьели, а к весне и здесь будет голодно, да и в ясаку спона большая учинилась, оттого что зверя на промыслу не стало. Как Жиганы стали такового не бывало году, потому что на всех местах зверь нигде через реку Оленек не шел. А и шол зверь от моря блиско берегу Оленского судом божиим да пошел на Хету реку, а тое реки Хеты вершина от Енисея реки. А которого дня казак Киприян отдал мне память про беглую дочь якута Сомогочка Толконова именем Куннечку, и аз, исполняя указ великаго государя и твое воеводское повеленье, того же дня 23-го сентеврия послал 3-х казаков по тое беглую якуцкую девку в Оленское зимовье к сыну боярскому Артемию Крупецкому, которую те казаки привели в Жиганское зимовье в 5-й день октоврия и за приставом ныне у казака Киприяна та девка живет. А тое девку и роспросные речи даст бог на весне в Якуцкой в избе в съезжей по указу великаго государя и по твоему воевоцкому веленью аз поставить готов. А на Анабору по ясаку к беглым людям ясачным и по оброчным деньги к посадским людям послал я казака Киприяна с великою пужею, потому что на Оленке реке подвод людям перемены нет, а пустынею 3 месеца добрым путем назад и вперед ити надобе, а все одними подводами, людьми и собаками ити без переменно, как то бог справит Киприяна. А кроме его нельзя иного // послать было, потому что он там бывал прежних годов. И по указу великаго государя приказал ему Киприяну, чтоб тех ясачных и посадских людей с Анагоры реки в Жиганы высылать на житье, или чтоб они ясак и оброки с Анаборы реки без посылки сами высылали ежегод в пору с осени, потому что дальний путь к ним переходить и на подводы велми тяжело. А отпущены с отпискою якуты Бетунской волости Курагеа Толыков да Бакчигирь Аделуев, да Чело Андреев, которые здесь у родников своих в гостях были, а ясаку у них не взято здесь, потому что в городе платят, дома их и з жены и дети в Бетунской волости живут.

На обороте: Государя царя и великаго князя Феодора Алексеевича [т.] стольнику и воеводе Ивану Васильевичу Приклонскому.

190-го генваря в 18 день подал отписку Бетунские волости Ябудак шаман Себудеев.

К. 216, столб. 2 на 60 сстават; стр. 5—6.

66. 1682 г. января 23. — *Отписка сына боярского Захара Шикеева якутскому воеводе Ивану Приклонскому о неудачном сборе ясака с жиганских тунгусов и якутов из-за отсутствия зверя на реке Оленке и о злоупотреблениях ясачного сборщика Артемия Крупецкого.*

Государя царя и великаго князя Феодора Алексеевича [т.] стольнику и воеводе Ивану Васильевичу Приклонскому Якуцкою острогу сынчишко боярский Захарко Шикеев челом бьет. По указу великаго государя и по твоему воевоцкому приказу в Жиганском зимовье съ якутов и съ тунгусов ясачных с великою пужею ясак великаго государя собираю, а потому с нужею, что прошлых годов зверем оленем якуты ясак окупали, а ныне на Оленке реке ни единого зверя не упромышляли. И по се число, по 23 день генваря, в Жиганех в зборе ясаку великаго государя соборей ясачных с переводными соборыми да с ли[си]цами сиводущатыми девятма, за соборы взятыми, 2 сорока без 8-ми соборей да лисиц красных с переводными 400, в том же числе 10 лисиц сиводущатых за красные лисицы взяты да особно дал бог чернобурую лисицу, взята в ясак за собора да за лисицу красную. А достальной ясак, сколько мне бог даст помощи, с великим раденьем добирать буду. А с Анаборы реки казак Киприян Юдин 3 месеца для ясаку послан, еще не бывал, також с Оленка реки казаки к досталь-

ным якутам по ясак посланы, не бывали ж еще. А что по указу великого государя ты государев воевода велел мне беглую девку Куннейку у сына боярского Артемья Крупецкого сыскав взять и на весне в город привезть с собою, и я указу государев и твое воевоцкое повеление исполняя еще в осень сыскал и ныне у меня за приставом живет, о чем я преж сего с осени съ якутом Куржегою к тебе государеву воеводе писал. Да по указу ж великого государя и по твоей воевоцкой памяти велено мне другую беглую девку якуцкую, именем Томтоку племянницу Нелекову да с нею белых якутов Дагура да Метте сыскать. И та другая девка Томтока у того ж Артемья Крупецкого объявилась в зимовье Оленском. И я по указу государеву и по твоему воевоцкому велению посылал с памятью своею казака Ивана Алексеева Залесова. И он Артемей указу великого государя и веленья твоего воевоцкого не убоаясь и оные в не во что поставил, той девки казаку не отдал, а тую девку очима своими тот казак подле ево сидящую видел. Да того ж казака в ту ж пору по указу государеву посылал я в то ж Оленское зимовье по Ебилика ясадного мужика. А тот Ебилик стоит в окладе в 3-х соболях в коцах, и он по тому же безстрашию к платежу ясачному не опустил, а сказал, что тот Ебилик не плачивал де еще ясаку. А поверил он Артемей плутовским словам Ебиликовым, а не указу государеву, да с тем же казаком Иваном прислал ко мне своего зимовья своего подьячева Артемья Григорьева досмотреть в книге приправочной, подлинно ли тот Ебилик в книге стоит. И я, радея ясачному збору, хож не довелось, тому подьячему в книгах Ебилика // указал и с тем же подьячим того казака Ивана по того ж Ебилика съ Ильина острова вдругие послал в зимовье Оленское. И он Артемей Крупецкой еще воле государьской непокорным умом своим сего Ебилика к платежу не дал. Да он же Артемей великую помешку въ ясачном зборе и налогу людям ясачным делал подводами и иными обидами, потому что преж сего не бывало, на Муну реку къ якутам и к тунгусам столбовским, которые исconi в Жиганех ясак платят, двоих казаков Артемья Григорьева да Ивана Гурьева посылал, которые многие людям обиды делали и беляки и подводы по 10-ти собак имали, у иных якутов собак и вовсе взяли, у якута Ситея танкайского. А скоро мне весть о тех двоих казаках дошла, и я тотчас на Муну за ними десятиника казачья Ивана Игнатьева с тремя казаками послал, которые тым двом в свой аршин не дал мерить и назад с Муны их воротили. Наконец, той же Артемей Крупецкой, злой ко мне умысл свой исполняя, к досадам досаду прилагая, ноября в 24 день с четвертка на пятницу в самой полночи всех казаков Проконья Иванова, Фому Витошнова, Ивана Гурьева, Артемья Григорьева, Афонася Хмелинина, Ивана Берсенева с собою взяв, а ни единого казака при аманатах и при казне государеве не оставил, только жен казачьих оставил, на Ильин остров, где я с казаками ясак збирал, на меня въ юрте Быгневой спящего нашол и сам себе позгнетивши огонь мало меня сонного не убил, в том моих и ево полчан з роспросу на суде ширейши при моем челобитье тебе государеву воеводе будет. Да в то ж время он Артемей отнял у меня ясачного якута Акиника и Дербика, он же Куннерекова, а взял того якута к себе в зимовье. Да в нынешнем во 190-м году пошли из Жиган в Якуцкой казак Семен Годнев да казачей сын Фока Савин да Жиганского зимовья ясачной якут Имы Одерган, а взяли на них великого государя ясачных переводных соболей и лисиц красных на нынешней 190-й год, и тому году сею отпискою роспись, что на ком переводных соболей и лисиц красных взять.

На обороте: Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] стольнику и воеводе Ивану Васильевичу Приклонскому.

190-го февраля в 25 день подал казак Сенька Годнев.

К. 216, столб. 2 на 60 оставая; сст. 22—23.

67. 1682 г. марта 2. — Наказная память якутского воеводы Ивана Приклонского в Средневилюйское зимовье сыну боярскому Федору Козыревскому о недопущении им злоупотреблений при сборе ясака и о покупке железа у «иноземцев».

Лета 7190-го марта в 2 день по государеву цареву и великого князя Феодора Алексеевича [т.] указу память на Вилюй в Среднее зимовье приказщику сыну боярскому Федору Козыревскому. В нынешнем во 190-м году февраля в 21 день

писал ты в Якутской к стольнику и воеводе Ивану Васильевичу Приклонскому, а в отписке в твоей написано: собрал де ты в Вилюйском Среднем зимовье с ясачных людей великого государя ясак по приправочным книгам февраля по 8 число с великою нужею 55 соболей да 350 лисиц красных, а достальной ясак збираешь ты с великою ж нужею, потому что иноземцы не в промыслу, а иные пужны и пешие люди, промышлять им не на чем, а иные многие ж тунгусы с Оленка к тебе в зимовье с ясаком не бывали, потому что де они оголодали; а на прошлые годы на ясачных людех против приправочных книг ясаку взять тебе никоими ж мерами невозможно. Да ты ж писал о железе, что велено тебе купить на государев товар пудов 15 и больше, и ты де // о железе всем иноземцам заказывал, и они де тебе сказывали, что де у них железа немного, потому что де они продают меж себя на ясак. Да ты же писал, что извещал тебе якут Эчинейко Тимирсев на неясачных якутов, которые живут круг озера Тысагатчи, и ты против ево извету посылал с ним Эчинейком сына своего да казака Мишку Анофреова, и те де неясачные якуты учинились сильны и изветчика Эчинейка хотели сколоть, а их бранили. Да тебе ж подал челобитную Ордучко шаман да Турачко Натакин на зятя своего на Быгичейка Имеканова, что де он убил жену свою, а их сестру. и ты де ево Быгичейка допрашивал, и в вопросе тебе он Быгичейко сказал, что де он убил жену свою, а их сестру, для того, что де она бегала и дуровала. Да ты ж писал о бумаге писчей, что де у тебя ныне бумаги недостало. И как к тебе си память придет, и тебе б по указу великого государя собрать великого государя ясак против приправочных книг на нынешней на 190-й год и на прошлые годы без недобору весь сполна, не так бы тебе учинить, как в прошлых годах, при прежних восводах будучи, ясачные зборщики в Вилюйском в Среднем зимовье воровали, збирали великого // государя ясак с ясачных людей не против приправочных книг, а от того себе имали посулы и поминки великия, а иные ясачные зборщики ясачных людей с ясаком, с соболями и с лисицами, преж государева ясачного збору пушали к себе в избу для воровства и для перемены, а с переменными худыми соболями отпускали от себя в ясачную избу, и в том воровстве учинили великого государя в ясаке великого недобор и в оценке недоценку великую ж и ясачных людей разоряли и налоги и обиды им чинили. А по указу великого государя и по грамотам, каковы присланы в Якутской в прошлом во 189-м и в нынешнем во 190-м годах, будет которые ясачные зборщики и служилые всяких чинов люди, будучи в волостях и в зимовьях, объявляца в каких воровствах или учнут ясачных людей грабить и налоги им чинить и всячески к ним приметыватца для своих бездельных прихотей, и тем людям по сыску велено чинить им наказание и животы их иметь на великого государя все без остатку, а самих ихсылать в Доурские остроги и верстать их в меньшие чины. А буде ты Федор великого государя ясак против приправочных книг на нынешней на 190-й год и на прошлые годы весь спол[на] не зберешь, а оттого себе учнешь иметь посулы и поминки или учнешь также воровать, как воровали прежние ясачные зборщики, а про то будут на тебя изветчики казаки и якуты, и по извету и по сыску будет на тебя впрям доведут, и тебе по указу великого государя за то быть в жестоком наказанье и в сыске и животы твои все возмут на великого государя без остатку да на тебе ж стольник и воевода Иван Васильевич Приклонской недоборной ясак велит доправить безо всякие ж пощады. // А железу купить тебе великого государя на товары одноконечно против прежних указных памятей и с прибылью. не так бы тебе учинить, что железа для городского дела не купить, и купя железу привезь с собою в Якутской. А якута Быгичейка, которой убил жену свою, против челобитья якутов Ордучка шамана да Турачка Катакина, сковав привести ево с собою в Якутской и объявить в приказной избе перед стольником и воеводою перед Иваном Васильевичем Приклонским. А что ты против извету якута Эчинейка посылал сына своего и казака по неясачных якутов на озеро Тысагатчи и изветчика Эчинейка хотели те якуты сколоть и учинились сильны, и по скаске в Якутском якута Эрсюнка Одукеева, что де то озеро близко от Якутского, ездю 4 дни, а от тебя то озеро далеко, ездю неделя, и тебе б на то озеро Тысагатчи казаков не посылать, а посланы будут из Якутского на то озеро по тех неясачных якутов ясачные зборщики, которые ездят в Кангалаской волости в ясачной збор;

да и в прошлых годах прежние ясачные зборщики на то озеро в ясачной збор езживали по вся годы. Да к тебе ж послано с казаком с Микиткою Стрельниковым для письма десть бумаги писчей.

К. 216, столб. 1 на 7 сстават; сст. 1—4.

68. 1682 г. марта 6. — *Наказная память якутского воеводы Ивана Приклонского в Жиганское зимовье сыну боярскому Захару Шикееву о недопущении им злоупотреблений при сборе ясак.*

Лета 7190-го марта в 6 день по государеву цареву и великого князя Феодора Алексеевича [т.] указу память в Жиганское зимовье ясачному зборщику сыну боярскому Захарью Шикееву. В нынешнем во 190-м году февраля в 25 день писал ты в Якуцкой к стольнику и воеводе Ивану Васильевичу Приклонскому, а в отписке твоей написано: собираешь ты великого государя ясак в Жиганех с ясачных людей с великою нужею и собрано у тебя генваря по 23 число соболей и лисиц сиводущатых и красных, и с тем что в переводе, 72 соболя, лисица чернобурая да 390 лисиц красных. Да ты ж писал, вынял де ты против указные памяти у сына боярского у Артемья Крупецкого беглую девку Куннейку, а другой де беглой девки, Томтаса, по твоей посылке казаку Ивашку Залесову не отдал. Да в нынешнем же во 190-м году ведомо учинилось в Якуцком стольнику и воеводе Ивану Васильевичу Приклонскому, что будучи ты Захарей в Жиганском зимовье, преж великого государя ясачного платежа ясачных же людей к себе в избы пушаешь с ясаком для обмена и от себя в ясачное зимовье с сыном своим тех иноземцов посылаешь и в ясачных книгах велишь ясак записывать сыну своему мимо казака Ларьки Мартемьянова, которому велено быть с тобою у ясачного збору для письма, и служилых людей к якутам для покупки кормовой не отпускаешь и служилым ж людям и ясачным иноземцом чинишь налоги и обиды великие для своей бездельной корысти. // А по указу великого государя и по грамотам, каковы присланы в Якуцкой в прошлом во 189-м и в нынешнем во 190-м годах, будет которые ясачные зборщики и служилые и всяких чинов люди, будучи в волостях и в зимовьях, объявляти в каких воровствах, или учнут ясачных людей грабить и налоги и обиды им чинить и всячески к ним // приметыватца для своих бездельных прихотей, и тем людям по сыску велено чинить наказные и животы их имать на великого государя все без остатку, а самих их ссылат в Даурские остроги и верстать детей боярских в казачью службу, а казаков в пашню. И как к тебе ся память придет, и тебе б по указу великого государя собрать великого государя ясак против приправочных книг на нынешней на 190-й год, и на...

К. 216, столб. 1 на 7 сстават; сст. 5—7. Конец утрачен.

69. 1682 г. ноября 15. — *Наказная память якутского воеводы Ивана Приклонского казакам Дмитрию Павлову и Леонтию Григорьеву о посылке их на острова Еловый и Таловый для переписи якутов, уклоняющихся от уплаты ясак.*

Лета 7191 ноября в 15 день по государеву цареву и великого князя Феодора Алексеевича [т.] указу память казаком Митьке Павлову и Левке Григорьеву. Ехати ему на Еловой и на Таловой острова и от города вверх и вниз по Аласу и по Марке речки для того, что в прошлых годах и в нынешнем во 191 году многие ясачные якуты из разных волостей пришли жить под город и, живучи под городом, у русских людей и у якутов ског крадут и на соболиной промысел не ездят и великого государя ясаку не платят. А пришли те якуты из волостей жить под город, чтоб им великого государя ясаку [в] волостях ясачным зборщиком не платить и быть бы им в избылых. И им Митьке и Левке по указу великого государя на тех островах и около города вверх и вниз по Алас и по Марку речки тех якутов всех описать имянно, хто имяны и которой волости и у кого у русских людей живут и живогину пасут, и хто имяны якуты сами собою живут и которой волости и где те якуты преж сего живали, и то все написать на росписи имянно и по росписной росписи тех якутов великого государя сь ясаком приводить в приказную избу и объявлять стольнику и воеводе Ивану Васильевичу Приклонскому.

К. 216, столб. 19 на 63 сстават; сст. 16.

70. 1682 г. ранее декабря 15. — Челобитная ясачных якутов Ясальской вол. Чалдачка Дардыева и Деючки Тусюкова якутскому воеводе Ивану Приклонскому о поручении пятидесятнику казачьему Сергею Брусенкину произвести расследование «о изгони и обидат», чинимых им в Вертоянском зимовье ясачным сборщиком Андреем Амосовым «с товарищми».

Царю государю и великому князю Федору Алексеевичу [т.] бьют челом холопи твои Верхнего Янского зимовья ясачные якуты Ясальской волости Чалдачко Дардыев да Деючко Тусюков и вместо родников своих ясальских якутов на ясачных сборщиков на пятидесятника казачья на Андрея Амосова с товарищи. В нынешнем, великий государь, во 191 году, будучи оне Андрей с товарищи в Вертоянском зимовье, чинили нам холопам твоим и родникам нашим изгони и обиды и нас холопей твоих и родников наших грабили. А грабежем взяли у меня холопа твоего Деючка корову да у родников наших у Ивана взяли кобылу да корову да у Багуя шамана взяли корову ж да кобылу, у Быганя Кутерева да у Нюгая Одурева, у Тереня Битонюкова по корове да по кобыле с человека, да у Нюмня да у Сергуя взяли по кобыле да по корове с человека, да у холопа их у Скуляка Тимиреева лошадь. Да оне ж Андрей с товарищи били и увечили брата нашего Амукаю ослепем и пинками и переломили у него правую руку и голову проломали. И от того их бою тот брат наш Амукай лежит в конце живота и твоего великого государя ясаку промышлять не может, а твоего великого государя ясаку оклад на брата нашем Амукае по 4 соболи на год. И впредь они Андрей с товарищи похваляютца на нас холопей твоих и на родников наших боем и увечьем для своей бездельной корысти. Милосердый государь царь и великий князь Федор Алексеевич [т.], пожалуй нас холопей своих вели, великий государь, про тое их Андрееву изгони и грабеж сыскать, идучи с Ковьмы реки, пятидесятнику казачью Сергею Брусенкину, а для осмотра того битого брата нашего Амукаю вели, великий государь, прислать из Якутцкого острогу служилого человека. Царь государь смилуйся.

Помета: 191-го декабря в 15 день против сего челобитья послать память к Сергею Брусенину и велеть про то розыска[ть], про налоги и про грабеж и про побию, а казакка послать ныне из Якутцкого и велеть того битова досмотрить.

К. 216, столб. 19 на 63 составя; сст. 21.

71. 1684 г. декабря. — Наказная память якутского воеводы Матвея Кровкова в Олекминский острог пятидесятнику казачьему Федору Красноярову о сборе ясак с тунгусов и якутов и о розыске двух лошадей, потерянных промышленными людьми Иваном Корьяком «с товарищми».

Лета 7193-го декабря в... день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] память в Олекминской острожек пятидесятнику казачью Федору Красноярову. В нынешнем во 193-м году ноября в 30 день писал ты въ Якутцкой генералу и воеводе Матвею Осиповичу Кровкову, [а] в отписке твоей написано: собрал де ты в Олекминском сь ясачных якутов и тунгусов великих государей ясаку 3 сорока соболей, 10 лисиц красных, а достальной ясак збираешь с великою нуждою, потому что ясачные якуты и тунгусы у ясачного платажу тебе сказали, в нынешнем де во 193-м году лешей соболиной промысел им не издался и зверя де в лесах не стало, а иные якуты и тунгусы с промыслу не бывали. И как к тебе ся память придет, и тебе б по указу великих государей сь ясачных людей собрать великих государей ясак против приправочных // книг весь сполна, а ясачным инопземцом налог и обид не чинить и ни в чем к ним для своей бездельной корысти не приметыватца. А будет ты Федор против приправочных книг сь ясачных людей великих государей ясак весь сполна не зберешь, и по указу великих государей тот недоборной ясак генерал и воевода Матвей Осипович Кровков велит доправить на тебе Федоре безо всякие пощады. А что ты Федор писал в отписке своей, будто ты великих государей ясак збираешь с великою нуждою и инопземцы не в промыслу, и то ты пишешь не делом, не радея великим государем о сборе ясачной казны, а им ясачным инопземцом въ ясаке норовишь. А въ Якутцком про то ведомо, что олекминские инопземцы все в промыслу и великих государей ясак платить по окладом своим

сполна мочно. А из Якутцкого уезду из волостей в Олекминской приезжают ясачные люди и у олекминских ясачных людей покупают соболи. // Да в нынешнем же во 193-м году октября в... день писал ты в Якутской генералу и воеводе Матвею Осиповичу Кровкову и прислал из Олекминского острошку промышленных людей Ивашка Коряку с товарищи трех человек и послал с ними государевы подводных 6 лошадей, а проводника якута за теми лошадьми не дал, а послал с ни[м] Ивашком, что они якутского языку не знают, и государевы подводные 2 лошади они Ивашко на дороге утерали. И тебе б Федору про те подводные государевы лошади ссыкивать и, ссыкак те лошади, прислать в Якутской, и о том тебе писать генералу и воеводе Матвею Осиповичу Кровкову тотчас безо всякого мотчания. А буде ты Федор тех лошадей не сыщешь, и те лошади генерал и воевода Матвей Осипович Кровков велит доправить на тебе Федоре безо всякие пощады.

К. 217, столб. 39 на 41 ставе; сст. 39—41.

72. 1687 г. августа 31. — Доездная память подъячего Алексея Халдеева с товарищами о сборе ясак с ясачных якутов шести волостей. С приложением 2 росписей и 14 сказок.

I. — Лета 7195-го августа в 31 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] и по отпуску генерала и воеводы Матвея Осиповича Кровкова и по наказной памяти посланы были зимним путем для великих государей ясачного збору в Борогонскую и в Успенскую и в Чиритейскую и в Чумецкую и в Дубчинскую и в Боягантайскую волости к ясачным якутам приказные избы подъячей Алексей Халдеев, для письма казак Сенька Олисов, для толмачества казак Стенька Замятнин, для розыски рядовые казаки Демка Гуляев, приказные избы подъячего Михайла Ушницкого сын Осип, Данилко Костемин, Митька Попов, Петрушка Картов, Ивашко Борисов Серебренников, Мишка Ната, Сенька Степанов. А велено в тех волостях с ясачных якутов збирать великих государей ясак и поминки, и воевоцкие и дьячьи поминки ж на нынешней на 195-й год, которые якуты в Якутском платили ясак не сполна, а иные и полных окладов не платили и на прошлые годы доимки не платили ж. И по указу великих государей и по наказной памяти они Алексей с товарищи в те волости для ясачного збору ездили зимним и вешним путем при генерале и воеводе при Матвее Осиповиче Кровкове, и великих государей ясак и поминки, и воевоцкие и дьячьи поминки ж по выписке из ясачных окладных книг, что на ком // довелось по окладу из доимки взять, збирали, а с кого имяны и сколько великих государей ясаку и поминков на нынешней на 195-й год по окладу и на прошлые годы доимки платили, и кто сколько мяхлой рухляди добыл, и сколько что взято, и тому под сею памятью роспись. Да в тех же волостях многие ясачные люди в нынешнем во 195-м году великих государей ясаку и поминков не доплатили, а сказали им Алексею с товарищи: не доплатили де они великих государей ясаку и поминков на нынешней на 195-й год для того, что многие якуты из них бедны и нужны и бескотны, а иным лешие соболиные и лисичные промыслы не издались, погому что соболи и лисицы выпромышлялись все, и многие якуты у них скотом опали, стали бедны и соболей промышлять не на чем. А хто имяны великих государей ясаку и поминков, и воевоцких и дьячьих поминков же на нынешней на 195-й год по окладу и на прошлые годы из доимки не доплатили, и которые якуты сошли из тех волостей в иные места, а иные померли, и тому под сею доездною памятью роспись.

II. — Роспись якутам, которые якуты на нынешней на 195-й год по окладу и на прошлые годы из доимки великих государей ясаку и поминков и воевоцких и дьячьих поминков же за бедностью не доплатили. *Далее следует перечень якутов Борогонской, Успенской, Чиритейской, Чуметской, Дубчинской и Боягантайской волостей.*

III. — Роспись сошлым и нессыльным якутам. *Далее следует перечень якутов Борогонской, Успенской, Чиритейской, Чуметской и Боягантайской волостей.*

IV — 195-го августа в 21 день перед ясачным зборщиком перед Алексеем Халдеевым сказали по своей вере и по шерти Борогонской волости якуты князец Чюка да брат его Удугуй Капчиновы, Тюсюней Октов, Тосень Ноктов, Мылай

Каратюсюков, Каптса Теков, Нокуй Телекуев, Молтоно Кулутгасв, Быртык да Эгиней Отюнеевы: той же Борогонской волости якуты Сагсий Чапчик, Тонак Кырыкиев, Дюрюни Быктаров, Юку Суптуев, Тюмйер Толкоев и Теткуев, он же Килекнюков, Чоку Кулнеев, Калдал Курев, Качигирь Калжиров, Удунча Агаев, Тосюк Бычиков, Казай Козайков умерли в прошлых годах, Москогол Отконов умер в прошлом по 194-м году, а после их жен и детей и скота и никаких животных не осталось, и великих государей ясаку впредь за них платить некому, а после Москогала скота и никаких животных не осталось, осталась жена бездетна, и та стара; Юку Туляжов и Булбудаков он же умер в прошлых годах. //

V. — 195-го году января в 20 день сказали Багантайской волости якуты Теренек Бакчигиоров, Картак да Дуюк Эчинеевы, Батулинской волости Кучан Тимук, Борогонской волости Бойдон Буюков, Баягантайской волости Москогол Бакчигиоров по своей вере и по шерти в правду: Баягантайской волости якут Быкыр Когонеев в нынешнем по 195-м году осенью умер, а после его осталась жена да сын Чомчон, а скота и живота у него никаких не осталось.

VI. — Того ж числа сказали той же волости якуты Очей Елтюгин, Кантака Когонеев, Торонек да Москогол Бакчигиоровы, Куртак да Дуюк Эчинеевы, Батулинской волости Кучан Тимук, Борогонской волости Бойдон Буюков по своей вере и по шерти в правду: Бороганские волости якут Накук Тюбяков в прошлом по 192-м году умер, а после его жены и скота не осталось, остались 2 сына Огоннук да Кутугуна.

VII. — 195-го февраля в 1 день перед ясачным эборщиком перед Алексеем Халдеевым Чириптейской волости якуты Бычина Селепаев, Тохтой Тосарбаев, Инелтя Капталаков, Балта Арсунеев, Дюрай Ондрусов да Успетцкой волости Бадон Амуров, Бетунской волости Огкон Бурдуев сказали по своей вере и по шерти: Чириптейской волости якуты Ланга Тюсенева да сын его Кудачар да Савуй Очюнеев в прошлых годах померли, а после их жен и детей и скота и никаких животных не осталось и великих государей ясаку после их платить некому, осталась после Ланти Тюсенева жена, и та стара и немочна и работы никакой работать не может. //

VIII. — 195-го году февраля в 1 день перед ясачным эборщиком перед Алексеем Халдеевым Чириптейской волости якуты Бычина Селепаев, Инелтя Капталаков, Балта Арсунеев, Дюрей Ондресев, Тохтотой Сарбаев сказали по своей вере и по шерти: Чометцкие волости якут Тюмекан Селбуев умер в прошлых годах, а после его жены и детей и скота и живота не осталось и ясаку за него платить некому.

IX. — Того ж числа той же волости те ж якуты сказали в правду по своей вере и по шерти: Дубчинские волости якут Коптюк Изчик, он же Кустеков, Тононов холон, в прошлых годах умер, а после его жены и детей и скота и живота не осталось и ясаку за него платить некому.

X. — Того ж числа той же волости те ж якуты сказали в правду по своей вере и по шерти той же Дубчинской волости про якута про Осонта Елокова: тот же Осонг в прошлых годах умер, а после его жены и детей и скота и живота не осталось и ясаку за него платить некому.

XI. — Того ж числа те ж якуты сказали в правду по своей вере и по шерти: той же Дубчинской волости якут Накаттай Барчибаев в прошлых годах умер, а после его жены и детей и скота и живота не осталось и ясаку за него платить некому.

XII. — Того ж числа те ж якуты сказали по своей вере и по шерти: Дубчинские волости якуты Тюлдук Иногокой, он же Увай Тугураев, Тюсен Илюкин, он же Дурсев, Марчирга Осюргуев, Боркон Нимукуев Иотконов, он же Сыкин холон Тевнее Бычигин, Курженай Тюляков Итарчиев, он же Куседей Камуков, Торек Салбаканов, Трек Акыйянов, Кучюкан Туюков, Куллеров Дегелянов, Быкыр Дурсев, Толуйка Отконов, Этенин и Тюсюк, он же Ондек Татуров, Толукан Качиков, Чичюка Отоболчиев в прошлых годах умерли, а жен и детей и скота и живота у них не осталось и ясаку за них платить некому.

XIII. — 195-м году февраля в 6 день перед ясачным эборщиком перед Алексеем Халдеевым ровных волостей якуты Успетцкие волости Бадон да Лахай Амуровы, Терек Кычаков, Дексилей да Олчок Быкеевы, Окос Евакин, Гутарча Кабайка-

нов, Чириптейские волости Давай шаман Игнасьв, Бычина Салакаев, Кокуйской волости Кынтай Тюбсин, Сыдыбылья Быдаков сказали по своей вере и по шерти: Чирипчейские волости якут Ондрюшка Елчесев в прошлом во 191-м году умер и после его жены и скота и никаких животных не осталось, а они де Бадон с товарищи про то ведают подлинно. //

XIV. — 195-го году февраля в 17 день Богоронской волости якуты Молтона Колуттаев, Теберен да Тюсюн да Тюсней Кабаковы да Теренек Екуев сказали по своей вере и по шерти: Богоронские волости якут Торо Отконов в прошлом во 194-м году летом умер, а жены и детей и скота и живота не осталось и впредь за него великих государей ясаку платить некому. //

XV — 195-го году февраля в 21 день Богоронской волости перед ясачным сборщиком перед Алексеем Халдеевым Богоронской волости якуты Тере Омукаев. Каптас Теков, Девенек Догурин, Булгуй Кулунтаев сказали по своей вере и по шерти: Богоронские волости якут Торбос Одуреев в прошлых годах умер, а после его жены и детей и скота и никаких животных не осталось и великих государей ясаку за него платить некому. //

XVI. — 195-го году августа в 17 день перед ясачным сборщиком перед Алексеем Халдеевым сказали Успенской волости якуты Бадон Амуров, Дексильей Буянтуев, Оегой Букеев: что де тот Бади́р Онкуров умер в прошлом во 193-м году, а после его жены и детей и скота ничего не осталось и ясаку за него впредь платить некому. //

А подьяческие и толмаческие рук у доездной памяти нет для того, ездят они в тех волостях для великих государей ясачного збору со мною Алешкою. И в нынешнем во 195-м году в разных месяцах и числах они Сенька Олисов и толмач Стенька Замятнин посланы великих государей на службы, ныне их в Якутском нет, а они люди грамотные, рук за них в их место приложить некому. Доездную память писал Алешка Халдеев.

На обороте 116 якутских «знамен».

К. 221, столб. 3 на 112 ставая; стр. 22—24, 27, 36—44.

73. 1687 г. августа... — Доездная память сотника казачьего Даниила Михайлова о сборе ясака, воеводских и дьячих поминков с якутов 12 волостей. С приложением 3-х росписей.

I. — Лета 7195-го августа в... день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] и по отпуску генерала и всеводы Матвея Осиповича Кровкова и по наказной памяти посланы были зимним путем для великих государей ясачного збору в Намскую и в Бетунскую и в Одейскую и в Катыйрщюй и в Модучкой и в Атамайской и в Олутейской и в Бояназейской и в Чачюйской и в 3 волости, в Тагускую и в Олескую и в Собоницкую волости, к ясачным якутам приказным сотник казачей Данило Михайлов, для письма Куземка Ушнитцкой, для толмачества казак Матюшка Панов, для росписки рядовые казаки Ондрюшка Пермяков, Ивашко Сургутцкой, Ивашко Софренсеев, Игнашко Свепов, Кирилко Давыдов, Кирилко Ярофеев, новокрещен Ивашко Кулутко. А велено в тех волостях с ясачных якутов збирать великих государей ясам и поминки и воеводские и дьячьи поминки ж на нынешней на 195-й год, которые якуты в Якутском платили ясак не сполна, а иные и полных окладов не платили и на прошлые годы доимки не платили ж. И по указам великих государей и по наказной памяти они Данило с товарищи в те волости для ясачного збору ездили зимним и летним путем при генерале и всеводе при Матвее Осиповиче Кровкове и великих государей ясак и поминки и воеводские и дьячьи поминки ж по выписке из ясачных окладных книг, что на ком довелось по окладу и доимки взяти. збирали. И с кого имьяны и сколько великих государей ясаку и поминков // на нынешней на 195-й год по окладу и на прошлые годы доимки платили, и кто сколько мяжкой рухляди добыл и сколько что взято, и тому под сею доезною памятью роспись. Да в тех же волостях многия ясачные люди в нынешнем во 195-м году великих государей ясаку и поминков не доплатили, а сказали им Данило с товарищи, не доплатили де они великих государей ясаку и поминков на нынешней на 195-й год для того, что многие якуты из них бедны и нужны

и бескоюны, а иным лучшие соболиные и лисичьи промыслы не издались, потому что соболи и лисицы выпромышлялись все, и многие якуты у них стали бедны и соболей промыслать не на чем. А хто имяны великих государей ясаку и поминков, и воевоцких и дьячбых поминков же на нынешней на 195-й год по окладу и на прошлые годы из доимки не доплатили, и которые якуты сошли ис тех волостей в иные места, а иные померли, и тому под сего доездную памятью роспись.

II. — Роспись якутам, которые якуты на нынешней на 195-й год по окладу и на прошлые годы из доимки великих государей ясаку и поминков, и воевоцких и дьячбых поминков же за бедностью не доплатили. *Далее следует перечень якутов Намской, Бетунской, Одейской, Катерицкой, Модутской, Атамайской, Оудзейской, Вояназейской и Чачуйской волостей...* А недоплатили де те якуты великих государей ясаку за бедностью, платить им нечем, а иные якуты бедны и нужны и скота у них нет и великих государей ясаку за бедностью платить им нечем, а иные якуты не доплатили для того, что им лешие соболиные и лисичьи промыслы не издались и соболей и лисиц добыть с полной платаж не могли. //

III. — Роспись сошлым и несобольным якутам. *Далее следуют перечень якутов Намской, Бетунской, Одейской, Вояназейской, Чачуйской, Тагуцкой, Олеской и Собоницкой волостей.*

IV. — Роспись мертвым якутам, которые в нынешнем во 195-м году и в прошлых годах померли. *Далее следует перечень якутов Намской, Бетунской, Катерицкой, Модутской, Атамайской и Вояназейской волостей.*

К. 221, столб. 3 на 112 оставая; сст. 1—20.

74. 1678 г. декабря 13—22.—Дело о невзимании с верхневильюйского ясачного тунгуса Парунки Ананцева недоимки за его умершего отца.

I. — Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу и великой государыне благоверной царевне и великой княжне Софии Алексеевне [т.] бьет челом холоп ваш Верхневильюйского зимовья Фуглядского роду тынгус Парунка Ананцев. В прошлых, великие государи, годов отец мой Ананий платил вашего великих государей ясаку по 5-ти соболей на год. И для старости отца моего ис тех 5-ти соболей убавлено из окладу отца моего соболей и положен тот ясак соболей на меня холопа вашего платить за того отца моего Ананья. И я холоп ваш того соболя платил, подмогаячи отцу своему многое время, а отец мой платил после убавки 4 соболей. И в прошлом, государи, во 195-м году на Вилкус у Верхнего зимовья судом бога праведного отец мой умер, а после его смерти животов и статков у него не осталось. А ныне, великие государи, правят на мне холопе вашем вашего великих государей отца моего полного окладу ясаку 5-ти соболей и в том деле задержан я в Якутском остроге и сижу за короулом. А холопеченко я бедной и безродной. А про тое смерть отца моего и про статки ведают прошлой прикажиц Третьяк Смирнягин да казаки Аверкей Григорьев да Емельян Кардит. Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна [т.], пожалуйте меня холопа своего, велите, государи, ево Третьяка с товарищи про смерть отца моего и про статки допросить и по допросу свой великих государей указ учинить, потому что отец мой умер после ясачного платежа. Цари государи, смилуйтесь.

На обороте 1 тунгусское «знамя».

Помета: 196-го декабря в 13 день выписать, умерших тунгусов оклады их ясашные на детей их розвычитают ли, и о смерти и о пожитках отца ево челобитчикова взять у ясачных зборщиков у Третьяка Смирнягина с товарищи скаска.

II. — И против сего челобиться выписано.

Виллюйского Верхнего зимовья в ясачной книге 195 году ясачного зборщика сотника казачьего Третьяка Смирнягина написано: Фуглятцкого роду тунгус Ананий да сын ево Парус платили государева ясаку по 4 соболей на год, а по окладу своему не доплатили одного соболя. А в нынешнем во 196-м году он Парус в якутской в приказной избе платил великих государей ясаку в оклад отца своего Ананья поevity своего одного соболя. А у ясачного платежа он Парус сказал: отец де ево Ананий в прошлом во 195-м году после ясачного платежа умер. ему

де Паруску только ясаку по окладу отца своего Ананья платить нечего, потому что он человек бедной.

И по помете на челобитной стольника и воеводы Петра Петровича Зиновьева велено взять у прежних ясачных сборщиков у Третьяка Смирнягина с товарищи про того умершего тунгуса Ананья и про статки скаска.

III. — И декабря в... день сотник Третьяк Смирнягин с товарищи в приказной избе подали скаску за руками, а в скаске пишет: // 196-го году декабря в 17 день в Якутском остроге в приказной избе перед стольником и воеводою перед Петром Петровичем Зиновьевым сотник казачей Третьяк Смирнягин да казаки Оверка Григорьев да Омелка Иванов сказали по святой евангельской непорочной заповеди господней еже ей ей: в прошлом во 195-м году по указу великих государей посланы были мы великих государей на службу на Вилпой в Верхнее зимовье; и в тех верховилинских волостях Футлацкого роду тунгус Аникей умер после ясачного платежа, а после его смерти живота его или статков или без-ясачных детей осталось ли что или нет, и мы сами про то не ведаем, а про то ведаем, что остался у него один сын Парун и жил собою, а ясаку платил в отцов оклад по соболу. Скаску писал площадной Ивашко Попов. //

На обороте: К сей скаске вместо Третьяка Васильева и Омельяна Иванова по их велению и за себя яз Аверка Григорьев руку приложил.

Помета: 196-го декабря в 17 день взять к делу и к прежнему челобитью.

IV. — А в прошлых годах при прежних воеводах за умерших тунгусов великих государей ясаку на детях и на родичах не правиливали и из окладу выкладывали, для того что тунгусы и якутские люди кочевые, а скота и животных никаких не бывает. И великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу и великой государыне благоверной царевне и великой княжне Софии Алексеевне [т.] тунгус Паруско бьет челом, чтоб великие государи пожаловали его, велели про тот умершего отца его Ананейков ясачной оклад своей государев указ учинить.

V. — 196-го декабря в 22 день по указу великих государей на тунгусе на Паруске ясачной оклад великих государей за умершего отца его править на нем не велеть и из окладу велеть выложить, а быть ему Паруске в своем ясаке, и из приказу свободить.

На обороте: Справил Мишка Ушницкий.

К. 222, столб. 2 на 92 оставая; сст. 36—39.

75. 1688 г. января... Проект наказной памяти якутского воеводы Петра Зиновьева о сборе ясака в ясачных волостях на реках Амге и Тате.

Лета 7196-го января в... день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великой государыни благоверной царевны и великой княжны Софии Алексеевны [т.] и по приказу стольника и воеводы Петра Петровича Зиновьева память...¹ Ехати ему из Якутского острогу с служилыми людьми в ясачные волости на Амгу и на Тату в Батурускую и в Сылянскую и в Скороульскую и в Батулипскую и в Магаскую и на Ламу в Бааянтайскую и в Бигдедскую и в Одейскую для великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великой государыни благоверной царевны и великой княжны Софии Алексеевны [т.] ясачного и поминочного збору с прежних ясачных якутов и для прииску и приводу под их великих государей царскую высокую руку вновь неясачных якутов. И приехав в те ясачные волости, сказати якутским князцом и улусным якутом, чтоб они якутские князцы и улусные якуты великих государей с ясачным и с поминочным с полным платежом // на нынешней на 196-й год и на прошлые годы с недоплатным ясаком, на ком что на них по выписке из ясачных книг донять, ехали в Якутской острог. А буде они якутские князцы и лутчие якуты и улусные их люди великих государей с ясаком и с поминками сами в Якутской острог не поедут, и тебе с тех якутов имать великих государей ясак и поминки на нынеш-

¹ В данном документе, являющемся только «проектом», во всех случаях вместо имени оставлены пробелы, которые обозначаются в настоящем издании многоточием без особых уже оговорок в примечаниях.

ней на 196-й год сполна без недобору, на ком что довелось взять по выписке из ясачных книг. А как учнут великих государей в ясак соболи приносить, и тебе те соболи ворочать, имать у них великих государей в ясак и в поминки соболи добрые, целые, с пухтики и с хвосты, а плелых и прелых и дражных и битых и худых и подчеркиваемых соболей и недособолей в ясак и в поминки не имать, потому что в прошлых годах при прежних ж воеводах в Якутской острог якуты в платеж такие худые соболи приваживали и за худобой великих государей в ясак и в поминки не иманы, а отдаваны им якутом назад. А для того те соболи пороты, чтоб тех худых соболей якуты впредь великих государей в ясак и в поминки не привозили, и тех соболей в ясак и в поминки не имать, чтоб перед прошлыми годами великих государей в ясаке и в поминках в нынешнем во 196-м году в цене недоценки не было. А которые якуты соболей великих государей в ясак не упромышляли и за бедностью учнут оне приносить великих государей в ясак за соболи лисицы черночеревые и сиводушагие и красные, и тебе б имать по самой нужде, для их бедности и у которых скота нет, за соболя по лисице черночеревой и по лисице сиводушатай и за соболя ж по 2 лисицы красных, а худых лисиц за соболи не имать. А великих государей в ясак и в поминках у ково что взято будет, давать якутским князцом и улусным якутом отписи за своєю рукою и за печатью впредь для спору. А подьячему от письма от отписей отнюдь у якутов ничего имать не велеть, и велеть писать отписи при себе. И приехав в ясачные волости сказать якутским князцом и лутчим улусным якутам, чтоб они с тобою и служилыми людьми отпустили для ясачного збору и береженья и послушанья ясачных якутов сколько человек приноже поочередно, и велеть им тем якутом с собою и с служилыми людьми у ясачного збору быти вместе, чтоб ясачному збору недобору не было, и тебе и служилым людям от ясачных людей, также и ясачным людям от служилых людей, налог и обид не было и лишнего б с них иноземцов не збирали и не переменили. А которая мяхкая рухлядь с ясачных людей в зборе будет, и тебе и служилым людям и якутским князцом и лутчим людям печатать своими печатями и отпускать за тою зборною ясачною казною служилых людей с их улусными выборными людьми вместе, чтоб тоя ясачные мяхкие рухляди, дорожю едучи, служилые люди не переменили. А буде у ясачных людей сверх ясаку в промыслу будут соболи и лисицы, и те соболи и лисицы у ясачных людей принимать // в ясачной платеж в предбудущие годы. А збирать великих государей ясак и поминки с великим раденьем неоплошно, чтоб великих государей ясак и поминки збирать на нынешней на 196-й год по выписке из ясачных книг сполна без недобору, и на прошлые годы из доимки взять с кого что мочно, и вновь неясачных якутов и подростков и захребетников приискивать, и якутским князцом и лутчим улусным якутом про то сказывать, чтоб они у себя в ясачных волостях неясачных улусных людей и подростков и детей и братья и племянников не тайли и про то сказывали и великих государей ясак с них платили. А ково ты с служилыми людьми вновь приищешь, и с тех якутов имать великих государей ясак по их мочи, кому что вновь платить будет мочно, чтобы тебе с служилыми людьми тем великим государем служба своя и раденье объявити. А которые будут якутские князцы и улусные якуты в прошлых годах и в нынешнем во 196-м году померли, а после их жены и дети и братья и племянники остались, и у тех жен и у детей тех умерших якутов животы и скот всякой что осталось, и кто после тех людей животы их и скот взяли, дети или братья или сродичи или жены, переписывать на росписи имянно, и с тех людей по тому же за тех умерших якутов великих государей ясак и поминки, и воеводские и дьячьи поминки ж на нынешней на 196-й год по окладу сполна, и на прошлые годы из доимки. взять на ком что мочно. А живых якутов мертвыми отнюдь не писать, и про то подлинно // сыскивать якутскими князцами и улусными людьми, что выпрям ли те якуты померли. И будет выпрям померли, а после их жен и детей и скота не осталось, и тех якутских князцов и улусных людей речи велеть написать на росписи имянно и к тем речам велеть им знамена свои приложити. А будет которые якуты учнут бить челом великим государем друг на друга в бьюках своих ценою в 5-ти руб., и тебе в таких исках им якутам суд давать и с суда указ чинить в правду безволочитно, потому что по указу великих

государей и по грамоте по их иноземскому челобитью в дальних ясачных волостях и в зимовьях ясачным зборщиком велено иноземцов судити по их иноземскому челобитью не в больших исковых делах, в дву или в 3-х или в 5-ти руб., вместе с их иноземскими князья и с улусными людьми, а без них тебе... и в малых делах не судити, чтоб ясачным якутом от вас убытков и обид и налог не было. А с челобитья со всякого человека пошлин великих государей в казну имать по 8-ми алт. по 2 д. И те судные дела за иноземскими знаменны и за своею рукою и деньги привести в Якутской острог и подать в приказной избе стольнику и воеводе Петру Петровичу Зиновьеву. А будет иску больше 5-ти руб., а дале 5-ти лет, и в таких делах, и в убийственных делах же, росправы и суда им якутом в волостях отнюдь не давати. Да тебе ж приказывать всем // ясачным людям, чтоб они ясачные люди великим государем служили и прямили и к воровству ни к какому не приставали. А будет в своей братии почать какую измену и злой умысл, и они б ясачные люди про таких людей в Якутском остроге извещали в приказной избе стольнику и воеводе Петру Петровичу Зиновьеву. А будет которые якуты против выписки из ясачных книг в платеже в нынешнем во 196-м году не объявятца, и про тех якутов спрашивать и сыскивать якутскими князья и лутчими людьми и улусными их якуты по их вере по шерги, где те люди ныне живут. А что они якутские князья и лутчие якуты про них скажут, и то писать в доездной росписи имянно, чтоб про то было ведомо и всякое б имя было очищено, чтоб без очистки ни один человек не был. И которых якутов в нынешнем во 196-м году не сыщешь, и за тех якутов стольник и всевода Петр Петрович Зиновьев великих государей ясак и поминки на нынешней на 196-й год по окладу велит доправить на тебе... с служилыми людьми, да вам же быть в жестоком наказанье безо всякие пощады, чтоб на то смотря иные ясачные зборщики всех якутов сыскивали безо всякие поморочки. И собрать тебе... с служилыми людьми великих государей ясак и поминки, и всеобщие и дятчи поминки ж на нынешней на 196-й год сполна, и описать мертвых и несыскных якутов на роспись, и приехав в Якутской острог с тою великих государей с ясачною и с поминочною казною явитца и доездную роспись за своими руками подать в приказной избе стольнику и воеводе Петру Петровичу // Зиновьеву. А буде ты с служилыми людьми великих государей ясак и поминки на нынешней на 196-й год по окладу сполна не зберете, или учнете великих государей в ясак и в поминки имать соболы плохие и внешие и недособолы и плелые, прелые и драные и подчерниваемые, и вновь неясачных якутов и подростков и захребетников приискивать не учнете, а учнете от того себе посулы и поминки имать, а после про то сыщется, и тебе... с служилыми людьми по указу великих государей за то быть в жестоком торговом наказанье безо всякие пощады. А будет которые якутские князья и лутчие улусные якуты великих государей ясаку и поминков на нынешней на 196-й год по окладу сполна платить не учнут, и тех якутов с служилыми людьми присылать в Якутской острог. А которые якуты на нынешней на 196-й год по окладу сполна ясак заплачат, а останцыа на них по выписке из окладных ясачных книг только на прошлые годы одна доимка, и у тех якутов в той доимочной рухляди буде объявятца платежные отписи прежних ясачных зборщиков за руками, великих государей в ясаке на прошлые годы, и те платежные отписи имать у них у ясачных иноземцов, и те отписи и в достальной доимочной рухляди тех якутов высылать же в Якутской острог и отписи велеть подать и якутов велеть объявить в приказной избе стольнику и воеводе Петру Петровичу Зиновьеву. А буде которые якуты учинятца сильные и непослушны, великих государей ясаку и поминков платить не учнут, и тебе... с служилыми людьми тем якутским князем и улусным лутчим якутом говорить, чтоб они великим государем были послушны и великих государей ясак и поминки платили по прежнему. А буде они якутские князья и улусные лутчие якуты уговору их не послушают и учнут тебе и служилым людям какое безчестие и непослушание чинить, или какую обиду учинят, и тех ясачных людей велеть князем и лутчим людям сыскивать, не укрывая и не наравя никому, отсылать в Якутской не дожидаясь о том присылщиков служилых людей. А буде князья и лутчие люди непослушников, или хто тебе и служилым людям учинят какую обиду и наложи или безчестие, сыскивать и в город

отсылать не учнут, а учнут их укрывать, или они сами князцы или улусные лутчие якуты о ясачном зборе радеть не учнут, и тебе и служилым людям какие обиды и безчестие учинят, и тебе о том о всем писать в Якутской острог стольнику и воеводе Петру Петровичу Зиновьеву, а по указу великих государей тем князюм и ясачным якутам за то быть в жестоком наказанье и в казни. А однолично тебе... с товарищи, не собрав ясаку сполна, в Якутской не ездить, и ясачным людям нают и насильства никакова не чинить и никаких девок и робят и баб у ясачных людей не покупать и не подговаривать и в Якутской не вывозить. А хто будет купит или отымет или подговорит у ясачных людей девуку или малое, а про то сыщется, или у ково вынут, и таким людям великих государей указ в Якутском будет. Да тебе ж... // с служилыми людьми, будучи в тех ясачных волостях, великих государей казною не корыстовацца и своих никаких лисиц вместо соболой не класть, и соболой себе ясачных не имать и не переменять, и преж великих государей ясаку не торговать. А буде которые иноземцы великих государей ясак, соболой и лисиц не упромыслили и порук по них в волостях не будет, и тех иноземцов присылать в Якутской острог стольнику и воеводе Петру Петровичу Зиновьеву, а буде по них поруки будут, и их в Якутской не высылать, а худых лисиц отнюдь не имать. А езда тебе... имать в подводы лошади, какие станут якуты давать. А которые якуты великих государей ясак в Якутском платили сполна, и у тех якутов подвод не имать для того, чтоб им якутом впрядь великих государей с ясаком было повадно приезжать в Якутской и платить великих государей ясак сполна. А которые якуты великих государей ясак не платили, или которые платили да не сполна, и у тех якутов имать подводы, и на тех подводах ездить смирно, как ездятца, а не скакать и не мучить и в подводы лошадей добрых не имать. А под казну великих государей имать лошади или быки, каковы дадут на том и ехать. Да тебе ж... по выписке из ясачных книг на которых якутах на прошлые годы есть многая доимка, а вам ясачным сборщикам платить не учнут, и у тех якутов скот их досматривать и сторонних якутов про них расспрашивать, сколько у них скота есть, и что объявитца скота нятица и то описывать на роспись, у ково сколько // порознь какова скота, да к той описной росписи тем самим и сторонним якутам велеть знамена свои приложить, да ту роспись за их якутскими знаменами и за своими руками привести в Якутской острог и подать в приказной избе стольнику и воеводе Петру Петровичу Зиновьеву, а тех якутов в доимке прошлых годов высылать в Якутской острог. Да тебе ж... проводить, хто в нынешнем во 196-м году из Якутского острогу в те ясачные волости служилые люди и новокрещенные якуты или каких нибудь чинов люди с какими товары преж великих государей ясачного збору приезжали, хто имяны, и у ково что у якутов какие рухляди купили соболой и лисиц, и тебе то все писать на роспись имянно. Да к той росписи тем якутом велеть знамена свои приложить да ту роспись привести с собою в Якутской и подать в приказной избе стольнику и воеводе Петру Петровичу Зиновьеву. А буде ты... сыскивать не учнешь, наравя кому для своей бездельной корысти, и тех людей, которые торговали, укрывать, а от того себе посулы и поминки имать, а после про то про все сыщется подлинно, и тебе... за то по указу великих государей быть в жестоком наказанье безо всякие пошады. А будучи тебе в тех ясачных волостях делать не так, как в прошлых годах при прежних воеводах ясачные сборщики, которые были посланы для // великих государей ясачного збору, и они в тех волостях воровали, великих государей ясак соболой и лисицы у ясачных якутов збирали, и истех ясачных соболой и лисиц они ясачные сборщики соболой и лисицы себе крали, и отписи за своими руками в тех соболях и в лисицах им якутам многим давали, а иным якутом отписей в тех краденых соболях и в лисицах им якутам многим не давали и в лисицах они ясачные сборщики им якутам отписи давали и в которых не давали, и тех соболой и лисиц в Якутской великих государей в казну они не объявляли, а в Якутском в приказной избе такие отписи сысканы и воровство их по тем отписям в Якутском объявилось. В прошлых же годов ясачные сборщики, будучи в тех волостях, с ясачных якутов великих государей ясак збирали не против выписи из ясачных книг, на которых якутах довелось взять ясаку по окладу

соболей по 30-ти и по 20-ти и по 15-ти и по 10-ти и по 5-ти, и они ясачные зборщики имали с них только соболей по 5-ти и по 4 и по 3 и по 2 и по соболу, а на иных за соболя в полы по лисице красной, а от достальнотого ясаку от поноворки имали у тех якутов собольми и лисицами и быками и коровами и кобылами и лошадыми, а в доездных своих памятах тех якутов очищали, что будто те якуты скудны и бедны и скота и никаких животных у них нет, и то знатно, // что они ясачные зборщики воровали, имали от ясачной поноворки себе посулы великие, а великих государей в ясаке учинили великой недобор. А только б те ясачные зборщики от ясачной поноворки своим воровством себе посулов не имали, и в ясачном бы сборе была прибыль и недобору бы не было. Да ясачные ж зборщики в тех волостях воровали, на которых якутах довелось было взяти великих государей ясаку на настоящей год по соболу и по 2 и по лисице и по 2, и они ясачные зборщики с тех якутов великих государей ясаку с них не имали, а от той ясачной поноворки имали с них посулы ж, а в доездных памятах таких якутов очищали, что будто тех якутов не сыскали. Да ясачные зборщики в волостях по челобитью ясачных якутов и по словесному челобитью суды судили сверх указу 5-ти рублей в больших исках, рублей по 10-ти и по 15-ти и по 20-ти для своих бездельных прихотей, и тех судных дел в Якутской не привозили и пошлин великих государей в казну с тех челобитен не отдаывали, а ясачным якутам в том чинили убытки великие. А буде ты... будучи в тех волостях, с ясачных людей великих государей ясак учнешь збирать не против великих государей указу и наказу и выписки из ясачных книг оплошно, и суды судить не против указу ж великих государей, и во всем великим государем радеть не учнешь, или учнешь также воровать, как воровали прежние ясачные зборщики, великих государей ясачные соболы и лисицы крали себе // и от ясачной поноворки имали с ясачных якутов посулы великие и всякие дела делали не по указу великих государей и наказу, каковы им были даваны в Якутском в приказной избе, а сыщелца про то до пряма, или такие ж очиски воровские объявляца у тебя в доездных памятах, и тебе... с служилыми людьми по указу великих государей за то быть в опале и в разоренье и в жестоком наказанье безо всякие пощады, и животы ваши возмунт на великих государей все без остатку, да на тебе ж и на служилых людех, по указу великих государей, стольник и воевода Петр Петрович Зиновьев недоборной ясак велит доправить безо всякие пощады. Да тебе ж... с служилыми людьми, езда в ясачных волостях для великих государей ясачного збору, у ясачных людей отнюдь лошадей добрых и худых себе не отнимати и своими лошадыми на их лошади не меняцца и не покупать для того, что в прошлом во 190-м году, будучи ясачные зборщики в волостях, у якутов лошади добрые отнимали сильно, а вместо тех добрых лошадей давали им иноземцам свои худые лошади сильно же, и том ясачным якутом чинили налоги великие, и по челобитью и по сыску тем ясачным зборщиком за то их плутовство и насильство учинено наказанье. А буде ты... с служилыми людьми, езда в волостях, учнешь у ясачных якутов лошади добрые или худые сильно отнимать // или лошадыми меняцца на свои худые лошади, а про то будет на тебя. с товарищи от якутов челобитье и извет, и против челобитья и извету будет сыщелца впрямь, и тебе... с товарищи по указу великих государей за то быть в жестоком наказанье, да на тебе ж. с товарищи стольник и воевода Петр Петрович Зиновьев исцов иск велит доправить втрое. Да в прошлых годах, будучи в Охотском острошке, прежние ясачные зборщики дети боярские Петр Ярышкин, Юрье Крыженковской воровали, преж великих государей ясачного збору у ясачных людей ясачные соболы добрые и лисицы черные имали себе, и для воровства и перемены мимо ясачные избы ясачных людей с ясачными собольми пущали к себе в избы, и у себя в избых соболы добрые выбирая себе имали, и вместо тех добрых соболей давали иноземцам свои худые соболы и с теми переменными худыми собольми отсылали от себя в ясачную избу. и в том воровстве учинили великих государей в казне великой недобор и в оценке недоценку великую ж, и ясачных людей разоряли и грабили и налоги и обиды им чинили великие ж. И от того разоренья и грабежу и налог и обид охотские ясачные тупусы многих служилых людей побили и сами великим государем изменили. И то их Петрово и Юрьево воровство в Якутском в приказной

избе ссысано. И по указу великих государей и по сыску за то их воровство учинено им наказанье, биты на козле кнутом и в провотку, и животы их все взяты на великих государей, а они Петр и Юрье сосланы в сыску в Даурские остроги в пешую казачью службу и ни х каким великих государей делам послать их не велено. Да в прошлом во 190-м году ведомо учинилось в Якутском в приказной избе стольнику и воеводе Ивану Приклонскому, что в прошлых же годах, будучи в ясачных волостях и в зимовьях, прежние ясачные зборщики служилые люди воровали, великих государей ясачным сбором не радели и збирали великих государей ясак с ясачных людей не против выписки из ясачных книг для своей бездельной корысти, а от того себе имали посулы и поминки великие. А иные ясачные ж зборщики воровали, с ясачных людей в ясаке соболи и лисицы красные имали и в тех ясаках давали им ясачным людям отписи и тех соболей и лисиц в ясачные книги не записывали и в Якутском великих государей в казну не отдаывали, имали себе. И то их воровство ссысано и по тем отписям на тех ясачных зборщиках соболи и лисицы великих государей в казну доправлено. А иные ясачные ж зборщики ясачных людей с ясаком с соболями и с лисицами преж великих государей ясачного платежу пушчали к себе в избы для воровства и для перемены, а с худыми переменными соболями отсылали от себя в ясачную избу, и тем воровством учинили великих государей в казне великой недобор и в оценке // недоценку великую ж, и ясачных людей разоряли и грабили и обиды и налоги им чинили великие ж. И в том их разоренье били челом великим государем на Моску якутские князцы Кангалаской волости князец Мазары Бозеков с товарищи. А по указу великих государей и по грамотам, каковы присланы в Якутской в прошлых во 189-м и во 190-м годах, и по челобитью князца Мазары Бозекова с товарищи, буде которые ясачные зборщики и служилые и всяких чинлов люди, будучи волостях и в зимовьях, объявлятца в каких воровствах, или учнут ясачных людей грабить и налоги и обиды им чинить и всячески к ним приметьятца для своих бездельных трихотей, и тех людей по сыску в больших делах велено казнить смертью безо всякие пощады и животы их имать все на великих государей без остатку, а в малых делах велено чинить наказанье, бить на козле кнутом и в провотку и животы их имать на великих государей все ж без остатку, а самих их ссылати в Даурские остроги и верстать детей боярских и сотников и атаманов и пятидесятников в казаки, а казаков в папню. И приехав тебе... в те волости собрать великих государей ясак против выписки из ясачных книг на 196-й год и на прошлые годы с великим радением без недобору весь сполна, и от ясачной поноворки посулов и поминков себе не имать и ясачным людям обид и налог и разоренья не чинить и для своей бездельной корысти ни в чем к ним не приметьватца, делать по сему // наказу, как про все статьи писано выше сего в правду. А буде ты по сему наказу великих государей ясак, и против выписки из ясачных книг на 196-й год по окладу, и на прошлые годы из доимки, всего сполна не сберешь, и от того себе учнешь имать посулы и поминки, или ясачных людей разорять и грабить и обид и налоги им чинить, или учнешь в ясачном сборе так же воровать, как воровали прежние ясачные зборщики Петр Ярышкин, Юрье Крыжевновской и иные приказные ж люди, а про то будут на тебя... изветчики казаки и ясачные якуты, и против извету по сыску будет впрямь сыщется, что ты так учинил, и тебе... по указу великих государей в больших делах быть в смертной казни безо всякие пощады и животы твои все возьмут на великих государей без остатку, а в малых делах по сыску же быть в жестоком наказанье безо всякие пощады и в сыске и животы твои все по тому же возьмут на великих государей без остатку ж. Да в прошлом во 193-м году били челом великим государем, а в Якутском в приказной избе генералу и воеводе Матвею Кровкову подали челобитную розных волостей якутские князцы Кангалаской волости Мазары Бозсков, Мегинской волости Чюгун Бодоев, Намские волости Букей Ники, Борогойские волости Чюнакат Числов, а в челобитной их написано: в прошлом де в 193-м году бьют челом великим государем, а в Якутском // в приказной избе подают челобитные родники их, розных волостей якуты, друг на друга в сыске своих. И ищут всяких дел судом лет за 10 и за 15 и больше; и тем родники их и иных волостей якуты свою братью сродичей своих и иных волостей якутов же убьичат и продают;

и чтоб великие государи пожаловали их Мазару с товарищи, велели въ Якутцком в приказной избе генералу и воеводе Матвею Кровкову меж ими и родников их суд давать и расправа чинить во всяких делах лет за 10 и за 15 и за 20 и больши им и родникам их якутам отказывать и суда ни в чем им не давать, чтоб те их родники и они впредь друг друга ни в чем не убычили. А которые их челобитны, и родников их, и против челобитен были судные дела не вершены и мировые челобитные, и о том бы великие государи по своему милостивому рассмотрению указ учинили и заказ крепкой, чтоб в Якутцком и в розных ясачных волостях ясачные зборщики теми старыми делами и челобитием родников их и их не убычили и не разоряли. И по указу великих государей, приехав тебе . . . в те волости, сказать всем якутом и князюм и улусным лутчим людям, чтоб они во всяких своих исках били челом великим государем и подавали челобитные друг на друга с сего числа назад лет за 5 и за 6, [в] волостях, в якуту в 5-ти рублях, а больши 5-ти рублев в исках суда отнюдь не давать, а больши // 5-ти лет за 10 и за 15 и за 20 лет и больши отнюдь суда не давать и челобитен у них не принимать. А будет которые якуты учнут бити челом великим государем в убойственных делах и подавать челобитные, и тех якутов, исцов и ответчиков, присылать в Якутцкой тотчас безо всякого мотчання с нарочными посыльщиками, а самому тебе в убойственных делах суда отнюдь не давать. Да тебе жь . . . с служилыми людьми, езда в волостях, ясачных людей ничем не избоблять и налог и обид не чинити, и батогами и своими руками отнюдь не бити, и въ ясачной недоплате на правель отнюдь не ставить. А будет которые ясачные иноземцы не в доплатных ясках порук по себе не дадут, и тех иноземцов присылать в Якутцкой. И у ясачных людей лошадей и кобыл и быков и коров засильством и якутлею и меню отнюдь не имать, и женок и девок и робят у ясачных людей не покупать же и не подтоваривать никакими мерами. Да тебе жь . . . с служилыми людьми въ ясачные волости заповедного литья, вина и табаку, с собою не возити и съ ясачными людьми не торговати. А будет которые иноземцы в каких государьских делах и в бьзветах объявятца, и тебе б тех якутов присылать въ Якутцкой, а самому тебе в таких государьских делах и в бьзветах таким иноземцам указу отнюдь не чинити. А будь ты . . . мимо сего государева указу про все статьи, что писано выше сего, учинишь, и за то тебе . . . с служилыми // людьми от великих государей быть в опале и в разоренье и в смертной казни безо всякие пощады. Да в прошлом во 194-м году прислана въ Якутцкой великих государей грамота к генералу и воеводе Матвею Кровкову, а в той великих государей грамоте написано, велено в Якутцком и в ясачных волостях съ ясачных якутов, которые нужны и бедны и ясаку не упромышляли, за лисицу красную имать по рублю деньгами. И приехав тебе . . . в волости, съ ясачных якутов имать великих государей за ясак за лисицы красные по рублю деньгами за лисицу, которые нужны и бедны и в ясак лисиц не упромышляли. И те зборные деньги, что ты зберешь съ ясачных якутов, привести в Якутцкой великих государей с оболиною и с лисичною казною вместе, а приехав в Якутцкой, явитца в приказной избе стольнику и воеводе Петру Петровичу Зиновьеву.

К. 222, столб. 2 на 92 сставах; сст. 53—72.

Б. Эксплоатация естественных богатств.

76. 1645 г. сентября 14. — Отписка целовальника Гаврилы Григорьева якутскому воеводе Василию Пушнину с товарищами о положении дел в устькутской соляной варнице и о призыве «охочих» людей для службы в Верхотенском остроге.

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси воеводам Василию Никитичу, Кирилу Осиповичу, дьяку Петру Григорьевичу Гаврилко Григорьев челом бьет. Да что перевезен с берегу к соле государев хлебной анбар, и в тот анбар будет соли варить до рождества христова, а больше не будет. А что была соль государева в анбаре прошлого целовальника принято у него у Васьки Шукина 690 пуд, и та соль розошлася вся. И анбарышко опросталось мало и некорысно и не мшное, всего выйдет солей 40. А что были у соли 2 анбарышка старых и в те анбары клали соль, и у тех анбарышков матицы солью надломилло;

и буде класти в тот анбарышко, которой опростался, и без анбара не минути жс будет без ыного. Да что приказали приказные люди Олексий Бедарев, Томило Ильин служилому Онофрейку Степанову на усть Куты беречь промышленного человека запас в дощанике Васьки Портняги, и он Васька пришел на усть Куты с торговым человеком с Андреем Балахшиным и тот запас взял весь по вашему воеводскому приказу. А все соли выварено сентября по 14 число 4865 кадей 3 чети. Да прислана память, велено по государеву указу кликать на усть Куты охочих промышленных людей на государеву службу в Верхотенской острог. И мы кликали и призывали на службу и записался всего 1 человек Ивашко Ларионов с колем и с оружием, покручник Овдея Маркова Сверчкова, а иные думают и поговаривают только де можем знатца и мы де и в те поры запишемся.

На обороте: Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа России воеводам Василию Никитичю, Кирилу Осиповичю, диаку Петру Григорьевичю.

154-го сентября в 18 день.

Помета: Писать к государю отписки сколько той соли по се число выварено, а цена положена большая и по той цене мало купят, а торговые и промышленные люди многия с собою из Енисейского острогу привозят, и та соль залеживается.

К. 190, столб. 28 на 27 остават, сст. 4.

77. 1645 г. сентября 28. — Наказная память якутского воеводы Василия Пушкина с товарищами промышленному человеку Демке Пахоруку, выбранному в целовальники к устькутской соляной варнице вместо Гаврилы Григорьева.

Лета 7154-го сентября в 28 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по приказу воевод Василия Никитича Пушкина да Кирилы Осиповича Супонева да диака Петра Стеншина память Пепежского волоку промышленному человеку Демке Титову сыну Пахоруку. Итить им с Ленского волоку к соли на усть Куты реки и, пришед к соли, быть ему Демке по выбору торговых и промышленных людей на усть Куты реки у государева соляного варнишного дела в целовальниках, прежнего целовальника на Гаврилково место Григорьева. И ево Гаврилка с ево сиденья, как он почал на государя соль варить да по то число, как он Демка на ево место приедет, по приходным и по расходным соляным книгам в приходе и в расходе счесть. Сколько у него Гаврилка при ево сиденье той соляной вари сад с цренов было, и по сколько пуд по весу ис сады той соли выходило, и сколько той он соли в Якутской острог и в ыные острошки на государевы расходы служилым людем в государеву жалованья и на которой год по окладу дано, и за тем в остатке. И что у него той соли в котором году продано, и по чему за пуд денег взято, и тех денег в государеву казну в Якутской острог или где инде и по какому указу и на какие расходы отдано, и что у него Гаврилка ныне за продажною солью денег за расходы налицо и той соли за всякими расходы по счету надобе налицо ж. А счотчи, ему достальная соль перевес[ить] в пуды и поревеса принять у него Гаврилка в приход по весу налицо в пуды ж. И чеве будет той соли против приходу не достанет, или что сверх будет приходу перейдет, счотчи, про то в правду написать у себя счотной список, да о том отписать, и тот счотной список и соляные деньги, которые за расходом ныне налицо, прислать на Илим к воеводам к Василию Никитичю Пушкину с товарищи. А самому ему Демке, будучи у того государева соляного варнишного дела, из соляного озера // государеву соль на государеве варнице в црене варить с великим раденьем неоплошно, чтоб та соль в црене в вываре в государеве казне была прибыльна. И на лаварном и соляном и на арыжьи, которые у того государева варничного соленого дела с ним Демкою будут, смотреть и беречь того накрепко, чтоб они ту соль вываривали и на мере в вываре ставили против прежнего, и убыли и хитрости той государеве со[ли] никакой не чинили. А как соль после вывару в црене сядет, и ему тое соль с црену примать в государевы анбары в шуды, и всякая варя с црену той соли у себя в книги записывать в правду, сколько ее пуд во всякой варе с црену в саду будет.

А были ему Демке у той государевы соли безотходно, да и того смотреть ж и беречь накрепко ж, // чтоб никто ис того соляного озера соляного росолу не имали и соли на се[б]я и на продажу мимо государевы соляной варницы не варили. И самому ему тою государевою солью не користоватца и хитрости не чинить, а счотчи того целовальника и написав счотной список за своею рукою и приходные и расходные книги ч ево приему десятинного и выдельного хлеба приходные и расходные книги и ево Гаврилка прислать на Илим, и велеть счотной список и книги подать и целовальнику Гаврилку явитца в съезжей избе воеводам Василию Никитичю Пушкину да Кирилу Осиповичю Сушонову да дьяку Петру Стенишину. А однолично б ему Демке тем государевым соляным варничным делом порадеть. государеву соль варить и во всем государю учинить прибыль и целовальника Гаврилка счесть вправду. А будет он Демка государевым делом радеть не учнет и государеву соль своим нерадением учнет варить неприбыльну и государеву соляному делу во всем учинит поруху и прежнего целовальника Гаврилка сочтет не в правду, а опосле про то сыщется подлинно, и ему за то по государеву указу быть в большом наказанье бес пощады, и за государеву соль, в чом он своим нерадением учинит в вываре убыль, на нем Демке доправят вдвое. Да ему ж Демке по государеву указу быть на усть Куты реки и на Орленге у государева десятинного хлеба, которые служилие паемные на государевых десятинах пашут, и у выдельного хлеба, у которых на заимках сверх тех государевых десятин их собиная пашня распахана и хлеб насеян. и у той их пахоты быть у выделу. И о том им дана наказная память за приписью дьяка Петра Стенишина с казачьим десятником, кому тот десятинной и выдельной хлеб приказан, с Осипком Боярщиною с товарищи.

К. 190, столб. 28 на 27 сставаж; сст. 21—23.

78. 1645 г. не ранее октября 12. — *Отписка целовальника устькутской соляной варницы Демки Пахорука якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами о невозможности справиться со всеми возложенными на него разнообразными «службами».*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василию Никитичю, Кирилу Осиповичю, дьяку Петру Григорьевичю целовальник Демка Титов Пахорук челом бьет. Послан я на усть Куты к соляной варе и к выдельному десятинному хлебу и велено прежде ходить за выдельным государевым десятинным хлебом. И пришел я к соли октября в 10 день повечеру, и целовальник Гаврило Григорьев того вечеру соль с цырена принял к себе в анбар, а впредь варить соли солловаром не велел и варницу поставил, а отказал мне Демке: ты де мне послан в перемну и ты де тот соляной промысел ведай, а я де впредь отнудь не принимаюсь. И варница стояла сутки без промыслу. И я Демка впредь тое варницы не поставил, солловаром соль варить велел октября в 12 день, и што бот даст в вываре соли, и тос соль я учну класть в свой анбар, а всего де в тот анбар войдет 30 варь, а больши не войдет того, и после того государева варница станет, потому што соли сыпать негде. А у прошлого целовальника у Гаврилка Григорьева соли анбар не полощ, а мне в тот анбар соли сыпать нельзе до перевесу соляного. И я Демка ныне у государева соляного приему с цырену соль принимаю ночью, а днем живу у государева выдельного десятинного хлеба на усть Куты. А переходу от соли до усть Куты версты з 2 и больши. Да по государеву указу и по вашей наказной памяти велено мне [с] служилыми людьми, с десятником с Осипом Боярщиной с товарищи, ходить для государева выдельного десятинного хлеба вверх по Лене на Орленгу и на Тутуру. Мне Демке от соляного приему, што соль принимаю по вся ночи, и с усть Куты от выдельного/го десятинного хлеба иттить нельзе. А ходить с усть Куты на Орленгу и на Тутуру недель 6 и больши. В наказе же написано ходить мне [с] служилыми людьми по государев яск по тунгусом. И мне по всем государевым службам ходить невозможно и государевы варницы и хлебного умолоту на усть Куты поставить не умить. И вы воеводы Василей Никитич, Кирило Осипович, Петр Григорьевич о том Орленском и о Тутурском и о ясашном ходу указ учините.

К. 190, столб. 25 на 17 сставаж; сст. 13.

79. 1645 г. октября 17. — *Память якутской приказной избы казначейму десятинику Осипу Боярщине и целовальнику устькутской соляной варницы Демке Паторукку с подтверждением обязательности поездки их на Орленгу и Тутуру для сбора государева выделного десятинного хлеба.*

154-го октября в 17 день память на усть Куты служилому человеку десятинику казначейму Осипку Боярщине, к соляной варнице целовальнику Демке Пахорукку. В нынешнем во 154-м году октября в 15 день к воеводам к Василью Никитичу Пушкину да к Кириллу Осиповичу Супоневу да к дяку к Петру Стеньшину писали вы от соли, что по наказу велено вам идти на Орленгу и на Тутуру для хлебного выделу и для государева ясажного збору. И тебе де. Демке. для ясажного збору от государевы соляной варницы и от выделу идти нельзя. А которово ты числа пришел к соли и целовальник де Гаврилко Григорьев, приняв соль с цырену, соли солотваром варить не велел, и варница стояла без вари сутки. И ты де соль варить почал. А железа де у вас на цыренную починку и на гвозди нет, издержали чюжова железа 9 фунтов. И как к вам ся память придет, и вам бы на Орленгу и на Тутуру к пашенным крестьяном к Офоньке Долтому и к Оверкейку Елизарьеву для государева хлебного и десятинного выделу и перемеру идти тотчас. А велеть бы вам после себя, до приходу Демкина, соль варить целовальнику Гаврилку Григорьеву безо всякого ослушанья и ту ево соль, что он сварит, сыпать велеть в ево анбар, где у него соли албар не доварен. А по ясак бы тебе с служилыми людьми с Осипком Боярщиною не ходить. А как ты Осипко ясак учнешь приприсотить и тебе б Демке тот ясак у него принимая за своими печатными держать в государеве казне. А что целовальник Гаврилко, как ты пришел к соли, варницу покняи соли не варил сутки и за то ему по государеву указу быть в наказанье, да к тебе послано железа для цыренной поделки пуд, да заемного железа что отдать займов 10 фунтов, да у того ж железа фунт в лишке.

К 190, столб. 25 на 17 ставая; сст. 13.

80. 1647 г. января 30. — *Отписка якутского воеводы Василия Пушкина с товарищами в Сибирский приказ о недоброкачественном железе, данном в Тобольске воеводой кн. Григорьем Куракинм, о наличии в Якутском остроге у «иноземцев» якутов железа местной выделки и о присылке в Якутский острог железного дела мастеров-плавильщиков.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси холопи твои Васька Пушкин, Кирилло Супонев, Петрушка Стеньшин челом быют. По указу отца твоего государева блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси, велено нам холопом твоим, идучи на ево государеву службу на великую реку Лену, взять в Тобольску у воевод у князя Григорья Куракина с товарищи на всякие ево государевы расходы 50 пуд железа доброва да 10 пуд укладу. И в Тобольску, государь, воеводы князь Григорей Куракин с товарищи нам холопом твоим на всякие твои государевы расходы 50 пуд железа дали самово худово, а укладу, государь, нам холопом твоим пичево и не дали. И то, государь, железо, что дано нам холопом твоим в Тобольску па ленские расходы на твою государеву соляную варницу на цренное дело, и пашенным ссыльным черкасом на сопишки и на косы и на серпы, и на судовое дело в скобы и в тесовую кровлю судов к сощам в тяжные большие гвоздья к твоей государеве соляной варнице ни в што не пригодилося, потому что, государь, железо в критцах самое худое же такое, в какое дело из него кузнецы и станут делать и ево в утар идет большн половины; а что из него и зделают, и то черство ж и кропко и ломаетца, не держит и малого подъему. И мы, государь, на Ленском волоку на цренную поделку и на гвозди и пашенным черкасом к соппитом железу, и на наверх уклад, покупали у торговых людей, и ныне покупали самую большую дороною ценою в неметцких яторях пуд по 3 руб., а судовые скобы и прибойные тесовые и к судам же к сощам тяжные гвоздья и большн того, а укладу гривенку покупали по 4 гривны, а пуд иметца в 16 руб., потому что у торговых людей на Лену реку в привозе железа и укладу бывает мало. // А как, государь, мы холопи твои приехали на великую реку Лену в Якутской острог, и у иноземцев якутов их якутское дело железо есть самое доброе, а плавят де, государь,

они то железо ис камня не по многу, не на большое дело, на свои якутские палымы, вместо сабель делают и ножи, а большое у них никакого железного дела нет ж и многово железа плавить не умеют. А русских, государь, плавильщиков и кузнецов добрых, хто б то железо в крицы плавить умел, на Лене реке нет; а которые, государь, 2 человека куанцов присланы на Лену с стольники с Петром Головиным с товарищи и те, государь, куз/нецы железа плавить и кузнечного доброво и цренного и оружейного дела делать не умеют ж. И только ты, государь, укажешь послать на великую реку Лену в Якутской острог добрых железного дела мастеров плавильщиков, и того, государь, железа на всякие твои государевы ленские розходы наделать будет мощно, потому что, государь, на Лене под Якутским острогом такова камени, ис которого железо делают, много, и в том тебе государю и сверх твоих государевых розходов будет прибыль немалая. И о том что ты, государь, нам холопом своим укажешь.

На обороте: 155-го генваря в 30 день такова отписки послана к государю к Москве, до Ленского волоку с ленскими служилыми людьми с Ывашком Авдеевым с товарищи, а с Ленского волоку с письменным головой с Еналеем Бахтеяровым.

К. 192, столб. 11 на 53 ставая; сст. 10—12.

81. 1646 г. марта 29 — апреля 30. — Из дела якутской приказной избы об установлении новых расценок на устькутскую соль в виду конкуренции с нею на местном рынке более дешевой соли, привозимой из Енисейского острога.

... И воеводы Василий Никитич Пушкин с товарищи торговых людей, которые в нынешнем во 154-м году пришли на Ленской волок, перед собою допрашивали. Для чего они ныне государевы соли на усть Куты не покупают, и из Енисейского острогу с собою соль привозят ли, и по чему в Енисейском остроге они пуд соли покупали, и провозу с пуда до Ленского волоку давали. Торговые люди, которые к нынешнему ко 154-му году выбраны в целовальники в таможенно и в съезжую избу, Михалко Кондаков, Тихонко Васильев сын Колупаев, да торговые ж люди Михалко Емельянов сын Лалетин, Ивашко Нифантьев, Васька Кондратьев, Микитка Дмитриев сын Котельников, Федька Офонасьев сын Ходутин устюжана, Ондриушка Акинфеев сын Балакшин, Дениско Офонасьев, Титко Проккопьев Соли Вычегодской, Прынька Григорьев, Ортопка Романов, Ивашко Трофимов москвичи, Корнилко Емельянов сын казанец, Ивашко Иванов ярославец, Мартышко Никитин сын Соли Камской, Филька Тимофеев сын пежемец, Богдашко Леонтьев, Гришка Яковлев сын Росторгуев, Тренька Назаров сын Чермной колмогорцы, Федька Дементьев сын Соли Вычегодской в допросе сказали: потому де они ныне на Ленском волоку государевы соли не купят, что де ей положена цена дорогая, а они соль из Енисейского острогу привезли с собою, а покупали в Енисейском остроге дешевой ценою, за пуд давали по гривне, а провозу им становилось с хлебных запасов и с русских товаров и с соли с пуда до Ленского волоку по 4 алтына, и всего им пуд соли и с провозом из Енисейского острогу до Ленского волоку ставился по 7-ми алт. по 2 д., а дорожке той цены 7-ми алт. 2-х денег пуд соли им не ставился.

Да в нынешнем во 154-м году марта же в 29 день прежней уольской целовальник Гаврилко Григорьев подал роспись, а в росписи ево пишет. // Роспись, как в нынешнем во 153-м году целовальник Гаврилко Григорьев делал новый цырен, в чем на государя соль варить, и что в тот цырен железа и укладу пошло. Из Якутского прислано 150 полиц железных больших и малых, а весу в них 16 пуд с полупудом. Ноября в 23 день стали ковать кузнецы цыренное дело, дано на цыренное дело ральников, что принято у Осипа Елезова, весом 7 пуд. 35 ф., а полиц бито ис тех ральников 31 полица, а весу в тех полицах 5 пуд 5 ф. Да якорь роскован в цыренное же дело весом пуд 15 ф., а полиц ис того якоря выбито 8 полиц, а весом в тех полицах 38 ф. Да выдано старово железа, что принято у прошлого целовальника у Васьки Щукина, отдано в цыренное же дело 4 пуда 30 ф., ис того железа выковано 11 полица, а весу в тех полицах 2 пуда 15 ф., а те полицы биты большие ис того железа па лесни и на кузни. Да в цыренное же дело роскован якорь весом пуд 37 ф., ковано ис того якоря к тому же

цырену 8 ножек да 4 гнезда дуг, а весу в тех ношках и в дугах пуд 15 ф., да тут же отдано без весу старого цырену 4 ношки да 2 гнезда дуг. Отдано в дело к тому же цырену старой цырен кроме порубней 8 пуд весом, а из дела вышло 4 пуда, а ковано из того железа порубни длина 8 арш., а досталь пошло тово железа на гвоздье и на кинжи. Да старого цырену порубни без весу положены к тому же новому цырену длиною 8 арш. Да ис тово ж железа скован мслот досильной, да переплавлявали из горну таржевину, родилось пуд железа, а пошло то железо в гвозди и в кинжи. Дано на цыренные снасти на бротки и на наски 4 ф. укладу, что принял у старого целовальника. И всего железа укладу в цыренное дело пошло 42 пуда 36 гривенок, опричь того, что положено в тот же цырен без весу порубни да 4 ношки да 2 гнезда дуг. А цырен стали кузнецы шивать декабрю в 3 день, а цырен сковали генваря в 14 день. А полиц в него пошло 196 полиц, а гвоздья в цырен пошло 1908 гвоздей, а кинжей пошло 500, осталось от цырена 4 полицы. А соль начали варить генваря с 15 числа. //

И воеводы Василей Никитичь Пункин с товарищи, выслушав той росписи, велели тот варничной завод по той ево росписи сметить, во што та варница и црен при нем Гаврилке стал, а железу за пуд цену положить против нынешней волоковой торговои цены, и про иной варничной всякой завод выписать из росходных книг положить в смету же.

А по той прежнего усольского целовальника Гаврилка Григорьева росписи написано. В прошлом во 153-м году делал у соли новой цырен, а вышло железа и укладу 42 пуда 36 гривенок, и только положить тому железу цена против нынешней волоковой цены железа пуд по 2 руб., укладу гривенку по 2 гривны, и цена тому железу и укладу 86 руб. 20 алт. опричь того, что без весу приложено.

Да в нынешнем же во 154-м году выписано на Ленском волоку из росходных книг прошлого 153-го году сына боярского Олексея Бедарева с целовальники.

В росходных книгах 153-го году в розных числах купувано к государевой к соляной варницы: лошадь 15 руб., сани 2 руб., шлюя да гужи 20 алт., безмен железной 20 алт., топор 10 алт., железа сковородного на 2 руб. на 18 алт. на 2 д., кузнечном найму: 8 руб. 13 алт. 2 д. да им же за уголье 4 руб. Да по росходным же книгам подварку да дроворубом 75 руб. Да в наказной памяти, какова сыскана на Ленском волоку от стольника и воеводы от Петра Головина к сыну боярскому к Олексею Бедареву, написано найму солонвару 30 руб. денег. Да по росходным же книгам устукотного целовальника прошлого же 153-го году, и 8 тем что солонвару дано круп и толокна, всем им солонвару и подварку и дроворубом годового найму 111 пуд муки и круп и толокна. И только положить цена тому хлебу по нынешней волоковой цены по 13 алт. по 2 д. пуд, итого 44 руб. 13 алт. 2 д. Да по росходным усольским книгам от анбары от переставки 3 руб. Да от соляные поставки на лошадь 2 руб. 25 алт. И всего в прошлом во 153-м году у соляной варницы на цыренное дело вышло в расход ценою железа и всякие покупки, и что солонвару и подварку и дроворубом в наем денег и хлеба по денежной цене на год вышло, 275 руб. 6 алт. 4 д. А по выварным приходным книгам усольского целовальника Гаврилка Григорьева генваря с 15-го числа да октября по 12 число 5419 кадей пудовых без чети.

Да по 2-м отпискам целовальника Демки Пахорука, как он Демка почал варить октября с 12 числа, как он Демка целой год доварил и простойные дни наварил февраля по 24 число, в тот же во 153-й год, генваря по 15 число нынешнего 154-го году в вываре соли 2513 пуд. // И обоего у обеих целовальников соли в году в приходе 7932 пуда без чети. И только то розложить та соль к смете, во что цыренное дело стало в прошлом во 153-м году, и того иметца 7898 пуд без чети соли по 7 д. да 34 пуда по 7 д. с полуденьюю. А в нынешнем во 154-м году к тому ж государеву соляному цырену на починку государева кричного железа пуд 23 гривенки да сковорода весом 6 гривенок да купленного железа пуд 10 гривенок. И только государево железо положить в цену против покупочного, и железу всему цена 5 руб. 31 алт. 4 д., кузнечная снасть 4 руб. с полутиною, кузнечом от дела и за уголье 2 руб. 6 алт. 4 д. Да солонвару и подварку и дроворубом найму против прежнего денег дано 105 руб. да хлеба то ж число 111 пуд. И только положить та ж цена, по чему хлеб купят, и тому хлебу цена 44 руб. 13 алт. 2 д.

И всего в нынешнем во 154-м году апреля по число, в расход вышло к той же государевы соленой варницы на цыренную починку и солонвару и подварку и дроворубом 162 руб. 1 алт. 4 д., да новой соляной анбар поставили служилыми людьми. И только будет в нынешнем во 154-м году в вываре в приходе соли против того ж прошлого 153-го году то ж число 7932 пуда без чети, и будет в цене: 6566 пуд без чети соли пуд по 4 д., а 1366 пуд соли пуд по 4 д. с полуньего. //

154-го апреля в 30 день воеводы Василий Никитич Пушкин да Кирило Осипович Супонев да дьяк Петр Стенин сей выписки и усолского целовальника Гаврилка Григорьева роспросных речей и скаски служилых людей и торговых людей Михалка Кондакова да Тихонка Колупаева с товарищи роспросных же речей слушев приговорили. Государеву соль, которая ныне на усть Куты реки наварена в прошлом во 153-м и в нынешнем во 154-м году октября по 12 число по приходным книгам усолского целовальника Гаврилка Григорьева за расходом и за продажею 5036 пуд соли быть в государеве в казенном анбаре до ево государева указа. А что у того ж целовальника у Гаврилка Григорьева по ево приходным книгам в ево сиденье с того числа, как учел он государеву соль варить, да по то число, как на ево Гаврилково место октября по 12 число нынешнего 154-го году в перемену прислан новой целовальник Демка Пахорук и по ево Демкину переовсу против тех ево Гаврилковых приходных книг не достало паницю ево вари 347-ми пуд 25-ти гривенок, и в той недостаточной соли ево Гаврилка приговорили на поруки дать до государева указу. А о той недостаточной соли по ево Гаврилкову челобитью, что де у него та соль утекла, писати о том к государю к Москве. А ему Гаврилку за тою порукою до государева указу быть в Якутском остроге без съезду. А по скаске того усолского целовальника, что та государева многая соль залежалась и сверх расходу не продана потому, как де по указной памяти столбника Петра Головина указано продавать по 4 гривны пуд и той де соли торговых и промысленных людей никто и не купят, а кушают ли мало, и потому та соль и залежалась. А которая государева соль у нынешнего целовальника у Демки Пахорука выварена октября с 12 числа и впредь учнут варить, и ту государеву соль воеводы Василий Никитич Пушкин да Кирило Осипович Супонев да дьяк Петр Стенин приговорили по роспросу торговых людей впредь продавать перед прежним с убавкою, по полуполтине пуд, потому что по скаске торговых людей Михалка Кондакова да Тихонка Колупаева с товарищи в Енисейском они соль покупают пуд по гривне, а провозу от той соли с быными своими товары и хлебными запасы дают они от Енисейского острогу до Ленского волоку по 4 алт., и всего им покупной соли пуд из Енисейского на Ленской волок становитца в 7 алт. в 2 д., а больше де того не становитца. А у Соли де той государственой соли до сех мест цена положена была дорога, по 4 гривны пуд, потому де они той государственой соли за волоком у той государственой варницы и не покупали, а, покупая, возили с собою из Енисейского острогу. И сверх тех торговых людей скаски, той государственой соли приложено по алтыну к пуду. Да и потому воеводы Василий Никитич Пушкин с товарищи приговорили ту государеву соль торговым и всяким людям продавать по полуполтине пуд, как тот прежний целовальник Гаврил Григорьев учел ту государеву соль варить и смечено во што та государева варница и варничной завод на новой цырен со всяким варничным заводом в прошлом во 153-м году в 200 в 70 в 5 руб. в 6 алт. в 4 д. А выварено соли в ево Гаврилкове сиденье и с тем, что он же Гаврилко при новом целовальнике в год и простойные дни наваривал 7898 пуд без чети по 7-ми денег пуд, а 34 пуда по полусосьмы деньги пуд. // А в нынешнем во 154-м году к той же государственой соляной варнице, к старому заводу и к цырену на починку и в наем солонваром, вышло 162 руб. 1 алт. 4 д., да в нынешнем же во 154-м году вновь поставлен анбар служилыми людьми без найму. И только будет в нынешнем во 154-м году в вываре в приход соли против прошлого 153-го году то ж число, и та государева соль будет в цене и дешевле того, 6566 пуд без чети по 4 д. пуд., а 1366 пуд по полу-5-ты д. пуд. А торговым и промысленным людям велели воеводы Василий Никитич Пушкин с товарищи сказать, чтоб они вперед с нынешнего числа из Енисейского острогу на Ленской волок с собою соли не привозили для того, чтоб

они на Ленском волоку и на усть Куты реки покупали государеву соль по полу-полтины пуд, а будет которые торговые и промышленные люди учнут сверх заказу из Енисейского острогу соль с собою привозить, и ту у них соль велят имать на государя в его государеву казну, и им торговым и промышленным людям велят покупать ту ж государеву соль по той же указной цене.

К. 191, столб. 14 на 13 оставая; стр. 59—65. Начало дела, где приводится „счетный список“ целовальника Гаврила Григорьева и вопрос его, опущено.

82. 1658 г. после сентября 1. — Отписка якутского воеводы Михаила Лодыженского в Сибирский приказ об отсылке в Москву добытой местными промышленниками на реке Анадыре кости «моржевого зуба», с приложением подробной «респиси» этой кости.

1. — Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу [т.] холоп твой Мишка Лодыженской челом бьет. В прошлом во 166-м году августа в 31 день прислана ко мне холопу твоему твоя государева грамота за приписью дьяка Григория Протопопова, а в той твоей великого государя грамоте написано: писали мы холопы твои, я Мишка да дьяк Федор Тонков, к тебе великому государю, что в прошлом де во 164-м году писали к нам холопам твоим с новоспринской с Анадыря реки охочие служилые люди Сенька Дежнев да Юшко Селиверстов, что они на усть тое Анадыря реки на взморье упромышляли моржевого зуба: Сенька Дежнев с товарищи 239 пуд., Юшко 50 пуд., а по весу де в розных статьях того зуба в 3-х и в 4-х и в 5-ти и в 6-ти и в 7-ми и в 8-ми и в 10-ти и в 12-ти и в 13-ти и в 16-ти костях по пуду. И для образца Сенька Дежнев прислал к нам холопом твоим пуд кости во 6-ти зубах. И мы холопы твои тое кость, оцеля в Якутском, послали к тебе великому государю к Москве. А якутская цена той кости 60 руб. А на новую на Анадырь реку послали мы холопы твои для промыслу рыба зубу якутских служилых людей сотника Амоса Михайлова да казаков Федьку Кайгорода с товарищи 30 человек, дав для промыслу того рыба зубу железные спицы и иной рыба зубу всякой промышленной завод. А велели им служилым людям рыбным зубом упромышлять на тебя великого государя изполу, а з другой половины, которая им служилым людям достанетца, платить им в твою // государеву казну 10-я пошлина рыбным ж зубом. А у охочих служилых людей у Сеньки Дежнева да у Юшки Селиверстова с товарищи, из их промыслов, велели мы холопы твои сотнику Амосу Михайлову взять на тебя великого государя 100 пуд, по 50 пуд с ватаги, да сверх того з достальной кости, что они у всех в промыслах и налицо объявитца, взять на тебя ж великого государя 10-ю рыбным ж зубом; а взяв, прислать в Якутской. И по твоему великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] указу велено у служилых и у всяких охочих людей, которые учнут на Лене и на иных реках на взморье упромышлять кость рыбой зуб, и с того промыслу велено имать на тебя великого государя половину, а другую половину отделять им, да с той их половины имать на тебя ж великого государя 10-ую. А что за 10-ую останетца и то велено нам холопом твоим кость имать на тебя ж великого государя в цену и давали им из твоей государевы казны за большую кость по 15-ти и по 20-ти руб. за пуд, а за меньшую кость по 12-ти руб. за пуд. Да ту кость велено нам холопом твоим в Якутском ценить торговым людям торговую прямую ценою, а оцеля ту кость, и той кости ценовые росписи присылать и о том писать к тебе к великому государю к Москве. И я холоп твой Мишка по той твоей великого государя грамоте велел на встрече у служилых и у торговых и у промышленных и у всяких людей в Жиганех сыну боярскому Андрею Булыгину да целовальнику Ларьке Ламе кость рыба зубу перевесить и переписать на роспись. у ково сколько по имянном пуд объявитца. И по отписке, великий государь, и по росписи сына боярского Андрея Булыгина да целовальника Ларьки Ламы и по приему в Якутском остроге объявился у служилого человека у Микит/ки Семенова да у охочих у промышленных людей у Ортюшки Осипова, у Онтонка Андреева да у Васьки Бугра да у торгового человека у Описимка Костромнина 135 пуд 9 гривенок, да всякой мелочной кости в оттирках и в черенке и во всякой мелочи 2 пуда 11 гривенок. Да у них же по их обещанью с Анадыря в Якутской острог в Спасскую казну пуд 16 гривенок, да на повое место в Жиганы в часовню в Спа-

скую же казну 14 гривенок, обоего пуд 30 гривенок кости. И за ту, государь, кость против твоего великого государя указу я холоп твой для церковной скудости дал из твоей государевы казны денег 25 руб. 6 алт. 4 д., да по иным, государь, городом к церквам божим по розным престолом кости ж 2 пуда 21 гривенка с полугривенкою. А у кого сколько пуд похоть, и тому великий государь под сею отпискою подклеена роспись за моего холопа твоего Мишкиною рукою. А ис той, великий государь, кости рыба зубу по твоему государеву указу у Микитки с товарищи на тебя великого государя половины и новой 10-й не выделено, и в Якутском остроге та их кость не ценена, потому что они били челом тебе великому государю, торговой и промышленные люди Онисимко Костромин с товарищи, а мне холопу твоему в приказе подали челобитную за своими руками, чтоб ты, государь, их пожаловал, велел ту их кость всю послать к себе государю к Москве без выделу половинного и 10-ые новые. И я холоп твой ту их кость рыба зубу и челобитную их за руками послал к тебе великому государю к Москве для того, что мне холопу твоему указано в Якутском остроге дать ис твоей государевы казны деньги, а в Якутском, государь, остроге в твоей государеве казне денег нет и дать нечево. А в которой, государь, безмен кость вешана по приему целовальников Ивашка Самойлова да Бориска Васильева, и тот, государь, безмен за твоею великого государя Якутского острогу печатью послал я холоп твой к тебе великому государю к Москве для отдачи с ними целовальнички с Ивашком да с Бориском. А что, государь, на служилом человеке на Микитке Семенове да на торговом человеке на Онисимке Костромине с товарищи твоих государевых таможенных пошлын, и тем, государь, пошлынам под сею отпискою роспись за рукою таможенного головы Андрея Курдюкова послана к тебе великому государю к Москве под сею отпискою. //

II. — Роспись кости рыба зубу, что взята на государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.].

У служилого человека у Микитки Семенова: пятерной кости 8 пуд, шестерной кости 8 пуд, семерной кости 3 пуда, осмерной кости 1 пуд, десятерной кости 7 пуд, пуд, а в нем 11 костей, 2 кости весом 6 гривенок да мелочной кости черенья 17 гривенок; всего 28 пуд 23 гривенки. Да у него ж Микитки в Якутском остроге в Спасскую казну 3 кости весом 16 гривенок, и за ту Спасскую кость в Якутском остроге из государевы казны деньги даны; в Устюжской уезд на Красной бор в Спасскую казну 2 кости весом 18 гривенок; в Енисейской острог на гостин двор в Спасскую казну кость весом полсеми гривенки.

У охочего у промышленного человека у Ортюшки Осипова: пуд, а в нем 5 костей, шестерной кости 3 пуда, семерной кости 2 пуда, осмерной кости 3 пуда, 5 костей весом 25 гривенок; всего 9 пуд 25 гривенок. Да у него ж Ортюшки в Якутской острог в Спасскую казну пуд, а в нем 7 костей, и за ту Спасскую кость в Якутском остроге из государевы казны деньги даны.

У промышленного человека у Онтонка Андреева: пуд, а в нем 5 костей, шестерной кости 2 пуда, семерной кости 3 пуда, осмерной кости 2 пуда, девятерной кости 2 пуда, десятерной кости 2 пуда, 2 пуда, а в них по 11 костей в пуде, 2 кости весом 5 гривенок; и всего 14 пуд 5 гривенок. Да у него ж Онтонка на Пенегу в Верколу Артему Веркольскому в казну кость весом 8 гривенок; на Пенегу на Красную гору богородице в казну кость весом 5 гривенок.

У Васьки Бугра: четверной кости 2 пуда, пятерной кости 9 пуд, шестерной кости 12 пуд, семерной кости 12 пуд, 3 кости весом 18 гривенок. Да у него ж Васьки мелочной кости черенья кости рыба зубу 16 гривенок; и всего 35 пуд 34 гривенок. Да у него ж Васьки в Важеской уезд на Шиленгу в Никольскую казну 2 кости, весом 13 гривенок; на Соловки соловецким чюдотворцом в казну кость весом 6 гривенок.

У промышленного человека у Стеньки Петрова Каканина: пятерной кости 4 пуда, осмерной кости 2 пуда, 6 костей весом 38 гривенок, да кость весом 7 гривенок.

У промышленного человека у Кузьки Иванова Култычева: пятерной кости 7 пуд, шестерной кости 6 пуд, семерной кости 4 пуда, осмерной кости 3 пуда, // пуд, а в нем 9 костей; и всего 21 пуд. Да у него ж Кузьки на Тюмень к Илье про-

року 2 кости весом 12 гривенок, да на Тюмень же Алексею человеку божью в казну кость весом 8 гривенок.

У торгового человека у Онисимка Костромина пуд, а в нем 4 кости, пятерной кости 11 пуд, шестерной кости 3 пуда, семерной кости 4 пуда, 4 кости весом 30 гривенок, да всякой мелочной кости оттирков и обломков и в череные и во всякой мелочи пуд 18 гривенок: и всего 21 пуд 8 гривенок. Да у него ж Онисимка в Троицкой монастырь Сергею Радунезжскому чюдотворцу в казну 4 кости весом 36 гривенок.

Да промышленные ж люди Васька Бугор да Кузька Иванов да Онтонко Андреев приложили на новос место в Жиганы в часовню спасу нерукотворенному образу да покрову пречистые богородицы 4 кости весом 14 гривенок. И за ту кость в Якутском остроге из государевы казны деньги даны.

К. 184, столб. 2 на 89 оставая; стр. 40—45.

83. 1658—59 гг. — Отписка якутского воеводы Михаила Лодыженского в Сибирский приказ о переписи «рыбьего» зуба сыном боярским Андреем Булыгиным в Жиганском зимовье. С приложением списка с духовной умершего соликамского жителя Михаила Захарова и росписи «рыбьего зуба».

I. — Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу [т.] холоп твой Мишка Лодыженской челом бьет. В нынешнем, государь, во 167-м году по твоему великому государю указу я холоп твой Мишка велел в Жиганском зимовье сыну боярскому Ондрею Булыгину да целовальнику Ларьке Ламе у всяких чинов людей кость рыба зубу записать на роспись. И по той, государь, росписи у сына боярского у Ондрея Булыгина да у целовальника у Ларьки Ламы написано: объявил торговой человек Онисимко Костромин умершего Мишки Захарова кости рыба зубу 17 пуд 2 гривенки, и я холоп твой ту кость взял на тебя великого государя и послал с сыном боярским с Костиантином Дунаем по приему целовальников Ивашка Самойлова да Бориска Васильева; да и он же, государь, Онисимко Костромин подал мне холопу твоему тог умершего Мишки Захарова изустную память за ево Мишкиною рукою; и я холоп твой ту сво Мишкину подлинную изустную память, подклея под сею отпискою, послал к тебе к великому государю к Москве с сыном боярским с Костиантином Дунаем. //

II. — Список с духовной слово в слово. Се аз Михайло Захаров сын соликамской жилец з Городища пишу себе изустную память целым умом и разумом на Анадыре реке в ясячном зимовье, сего свету отхода. И будет мне где бог смерти случит в походах или где ни буде, и что живота моего останцца кости рыба зубу 20 пуд целой кости да обломков и черенья тесаново с пуд 5 натрусок рыба зубу, а на ту кость записи наемные 2 записи в 400 в 10 руб. на промышленных людей, одна до Колымы, а другая до Ленского, и колько живем на Анадыре и с торгу что достанецца кости и соболей и с промыслу своею кости, а соболей своим промыслом упробышляю, и тот промысел им весь; да 2 же записи наемные на пол 3 пуда, а проводить до Колымы. А наем по тем записям дан весь сполна. А что кому будет дать, и тому будет роспись моя же рука. Да в коробе в колотках кабалы на промышленных людей на колько сот рублей, и тому будет роспись же. Да закладная на ясыря, якутскую женку иньянем Быгия, во 6-ти сороках в 10-ти соболях, пицаль винтовка добрая да пицаль гладкая добрая, пицаленко гладкое, псалтырь следованьем московская печать, шуба соболья и пластинная с мешицей, шубенко лупчатое и побочное соболье покрыто зипуном вишневым, зипун вишневой. А что порошу стрельново и свинцу и мелково борошно, сетям неводным и пушальницам и прядену, штанам и рубахам, вершкам шапочным, свзам и топорам и ножам всякому заводу, и долгу и слободе кабальному и безкабальному, и что прибудет и убудет, и тому будет роспись моя же рука. А что останецца, и тот мой живот разделить в 4 монастыря: Троице живоначальной и Сергию чюдотворцу архимариту и келарю сже о христе з братиею, а оне бы положили ис тово моего живота Спасу к Соле Камской на Пыскор в монастырь 20 руб., в Соловецкой монастырь 20 руб., // Кирилу и Афанасию в монастырь 15 руб., Николе в Нуру в Чердынь 5 руб., Боргию на Городище 5 руб., Богородице наложу у Соли Камской 5 руб., да икона сменить Екатерины христовы

мученицы и поставить в церковь в монастырь Сергию чюдотворцу. А ся изустаня память довести до монастыря торговому человеку Анисиму Костромину и живот мой. Я ясыря моего продать, а что за нее возьмут, и тот живот отдать в монастырь же. А что долгов моих будет кабалных и безкабалных, и то заплатить и похоронить и псалтырь говорить нанеть. А как ся изустаня память дойдет до архимарита и до всей братии, им бы пожаловать записать имена отца моего Захара и матерь мою Анну да еще промышленного человека Кирила Чердынца и мое Мишкино имя в литию и в сенаник по грешной моей души, и по тем монастырем имена наши записать. А что останетца кабал, и те кабалы вывести ж. А будет Онисим не приметца, и та изустаня взять в казну государю, а Онисиму отпись взять и список списать, а тот список и отпись свести к Троице Сергию в монастырь. А роду и племени в мой живот никому не вступатца, потому что роду нет ближнего, одна у меня мати жива осталась. И будет та моя мати жива, и та моя мати взяти в монастырь к Троице Сергию в монастырь. Где ся изустаня выляжет, тут по ней на мой живот суд и правей. А хто за нею станет, тот истец. А изустаню память писал на Анандыре реке в ясачном зимовье промышленного человек на себя Мишка Захаров своею рукою лета 7161-го году марта в 25 день.

161-го году апреля в 3 день роспись Мишки Захарова, что осталось кабал в колотке: кабала на служилых на Гаврила Фролова да на Дмитрия Васильева да на Фадее Васильева Тобольского города жильца, займов служилого человека Семена Дежнева в дву сороках соболях, и даная на нее туто же. *Далее следует перечисление 27-ми кабал, из коих 3 на деньги — всего на 32 руб. 50 коп. и остальные на соболя — всего 685 соболей.*

III.—Роспись кости рыбаь зубу, что взята на государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] по наказной памяти стольника и воеводы Михаила Семеновича Лодыженского в Жиганском зимовье приказной сын боярской Андрей Булыгин да целовальник Ларивон Петров Лама. *Далее следует роспись, приведенная выше, в конце предыдущего документа.*

К. 184, столб. 2 на 89 остается; стр. 51—63.

84. 1669 г. июня 12. — Сказка письменного головы Ефима Козинского о нахождении им в Зашиверском зимовье в горе «каменя хрустало», с приложением сказок ясачных юказир о том же.

I. — 177-го июня в 12 день в Якутском остроге в съезжей избе окольниковому и воеводе князю Ивану Петровичу Борятинскому да дьяку Степану Елчукову письменной голова Еуфим Козинской сказал: по указу великого-государя посылан был он Еуфим из Якутского за море на Индигирку и на Алазейку и на Колыму реки для сыскных дел и для государева ясачного збору, и как де он Еуфим пришел на Индигирку реку в Зашиверское зимовье, и против Зашиверского зимовья в горе нашел он Еуфим каменя хрустало. И того каменя хрустало набрал он Еуфим 5 ф. с полу-фунтом и привез в Якутской острог, а больши де того каменя хрустало ему Еуфиму брать было нельзя, потому что закинуло снегом. Да про тот же камень хрусталь он Еуфим Индигирки реки ясачных иноземцов Зашиверного и Подшиверного зимовей допрашивал, где бы его сыскать мочно. И они иноземцы ему Еуфиму подали скаски за своими знамены, и те скаски он Еуфим привез в Якутской острог.

Да подал каменя хрустало, а по весу того хрустало 5 ф. с полу-фунтом. Да он же Еуфим подал иноземские скаски за своею рукою и за их иноземскими знамены, а в них пишет:

II. — 177-го году апреля в 7 день на Индигирке реке в Зашиверском острожке письменному голове стряпчему Еуфиму Ивановичу Козинскому Подшиверского Индигирского ясачного зимовья ясачной юкажир Надуча Набугин сказал: ходил де он Надуча с Индигирки ис под Шиверского зимовья с родниками своими ходил де он Надуча с Индигирки ис Подшиверского зимовья с родниками своими И на той де речке в каменю, в утесах и в ручьях не в одном месте, видел белово каменя хрустало. А та речка от стенового каменя, который камень залет х Колыме реке, пала та речка от того стенового каменя устьем в Ожегину реку, а Ожегина река пала устьем в Колыму реку пониже Верхнего ясачного зимовья. А про тот

белой камень хрусталь ведают и родники его подшиверские юкагири, которые с ним были на той речке.

Зельянкурского роду ясачного Зашиверского острожку лутчей ламутцкой мужик Торочанко Чяжигин про камень про хрусталь допрашиван и в допросе сказал: видал де он Торочанко в каменю, в утесах и по ручьям местами, белой камень хрусталь, а окроме де тово белово камени хрустоля иново никакова цветново каменья он Торочанко не видал.

Уятанского роду ясачного Зашиверского острожку лутчие ламутцкие мужики Бажега Медвежья Парка, Чандруга Доклапиев с родниками допрашиван, а в допросе он Бажега со всеми своими родниками сказали: видали де они в каменю, в утесах и по ручьям местами, белой камень хрусталь, а окроме де тово белово камени хрустоля иново никакова цветново каменья он Бажега с родниками не видал.

Подшиверского ясачного зимовья Шоробовского роду ясачные лутчие юкагири Бурнашко Велково, Петеля Пелевин, Орани Бегунов с родниками допрашиван, а в допросе он Бурнашко со всеми своими родниками сказали: видали де они в каменю, в утесах и по ручьям местами, белой камень хрусталь, а окроме де тово белово камени хрустоля иново никакова цветново каменья он Бурнашко с родниками не видал.

На обороте 7 юкагирских «знамен».

К. 202, столб. 8 на 63 сставах; сст. 46—48.

85. 1669 г. июня 14. — Сказка казачьего десятника Ивана Ермолина о местонахождении жемчуга «у Таина камени» в районе реки Чондона.

177-го июня в 14 день в Якуцком остроге в съезжей избе окольниковому и воеводе князю Ивану Петровичу Борятинскому да дьяку Степану Елчукову десятник казачей Ивашко Ермолин сказал: был де он на Чондоне реке у моря для приску новых землиц и неясачных юкагирей, и на море у Таина камени на острове жемчуг родитца, и того де жемчугу набрали в раковинах коряки и дали ему Ивашку 18 золотников с полу-золотником, а сказывали де ему Ивашку те иноземцы коряки, что в том месте раковин з жемчугом много. А для того де он Ивашко жемчугу мало промыслил, что вскоре те иноземцы коряки ево Ивашка с товарищи збили, а людей де с ним Ивашком было только 50 человек, и те де все оголодали и з голоду померли. Да подал жемчуг, а по весу того жемчугу 3 золотника крупного да 15 золотников с полу-золотником мелкого.

К сей своей скаски Ивашко Ермолин руку приложил.

К. 202, столб. 8 на 63 сставах; сст. 41.

86. 1669 г. не ранее июня 15. — Память в денежный стол подьячему Михаилу Ушницкому по отписке сына боярского Матвея Сосновского о посылке из Охотского острожка драгоценных «камешков» и о присылке в Охотск товаров и бумаги.

Память в денежной стол к подьячему к Михаилу Ушницкому. В нынешнем во 177-м году июня в 15 день писал с Охоты реки сын боярский Матвей Сосновской, а в отписке ево написано: в нынешнем во 177-м году послал он Матвей с пятидесятиком казачьим с Федором Яковлевым 39 камешков, да 2 камешка за руками запечатаны в мешечке, камешек з бела взят у тунгуса Еляти. А которые товары посланы иноземцом на подарки и те де товары все в роходе, и вперед ко 178-му году надобно в Охотцкой товар и писчая бумага сколько пригоже.

К. 202, столб. 8 на 63 сставах; сст. 45.

87. 1669 г. июня 24. — Сказка казака Якутского острога Степана Шербакова и тунгусов Ишаки и Паргауля о нахождении серебряной руды на устье реки Амура и об обмене плавленного серебра на соболей.

177-го июня в 24 день в Якуцком остроге в съезжей избе окольниковому и воеводе князю Ивану Петровичу Борятинскому да дьяку Степану Елчукову Якутского острогу казак Степьяк Ондреев сын Шербаков сказал словесно: слышал де он Степьяк про серебряную руду Тутурского зимовья от ясачных тунгусов от

Ишаки да от Паргауля, а они де Ишаки и Паргауль слышали от отцов своих и от братьев впрямь и сами видали, что де серебряная руда есть на усть Амура реки, и отцы де их серебряную руду и серебро принашивали к себе; а как де то место называют, где то серебро родитца, того де они не упомнят. А плавят де ис тое серебряной руды серебро иноземцы ж Кувы да Лонки да Голонки да Натки, а те люди живут на усть Амура реки по обе стороны. и те люди им, тунгусам, плавленное серебро продают на соболи и на лисицы. А приносят де то серебро им тунгусам в прутье и в кольцах и слитками. А итти де морем кочами от Тугурского ясачного зимовья до тех мест, где та серебряная руда родитца, до устья Амура реки, где в море втекла та Амур река, скорым ходом месяц, а тихим ходом два месяца. А те де тунгусы, которые сказывали ему Стеньке, ныне в Якутском в аманатех.

И того ж числа Тугурского зимовья аманаты Ишаки да Паргауль допрашиваны, где они вдают серебряную руду. И тунгусы Ишаки да Паргауль сказали: сами де они не видали, где серебряная руда есть, а слышали де они от отцов своих и от братьев и от родников своих, что серебряная руда есть на усть Амура реки, а плавят де ис тое серебряной руды серебро // иноземцы ж разных родов — Кувы да Лонки да Голдики да Натки и иных разных родов, а те де люди живут на усть Амура реки по обе стороны. Да они ж слышали от брата своего от Гургокты, что де он сам видал и бывал, где то серебро родитца, и он де Гургокта серебро плавленное с того места принашивал к себе. И отцы де их и родники у тех иноземцев же у Кувы и у Ленок и у Гольдик, и у Натк покупают на соболи и на лисицы серебро слитками и прутьями и кольцами и крутами, а круги де большие и малые носят они на грудях, а кольца на шее. А итти де до тех мест, где то серебро родитца, морем в судах скорым ходом месяц, а тихим ходом полтора месяца или два месяца. А будет великий государь укажет промыслить для опыту тое серебряной руды, и они де тое серебряной руды промысла принесут.

На обороте 2 тунгусских «знамени».

К. 202, столб. 8 на 63 состав; стр. 49—50.

88. 1669 г. не ранее июля 21. — *Выпись из отписки сына боярского Матвея Сосновского из Охотского городка о нахождении им под камнем Муткеем «яра осынного» и о попылке в Якутский острог камень, взятого с этого яра, и жемчугу.*

Из розрядного стола выписано в денежной стол. В нынешнем во 177-м году июля в 21 день писал в Якутской острог к околыничему и воеводе князю Ивану Петровичу Борятинскому да дьяку Степану Елчукову из Охотского городка сын боярский Матвей Сосновской: в нынешнем де во 177-м году осенью прислана из Якутского острогу указная память за печатью великого государя на усть Горбии к нему Матвею, а велено на Улье реке и по иным местам брать камень, какое камень в прошлом во 176-м году прислал из Охотского пятидесятник казачей Федор Яковлев, и много доброго узорочного искать и жемчуг доброй и незаморной промыслить. И по указу великого государя, сыскав тунгуса Кавлячка, и с ним тунгусом и с служилыми людьми ходил он Матвей весною, как земля растаяла, камень искать. И на Улье реке камень никакова доброго нет, а нашел де он камень за Кухтым рекою, возле моря, против реки Урокана устья, на левой стороне, идучи на Иню реку, под камнем Муткеем яр осынной, и в том яру набрал он с служилыми людьми и с ясачными тунгусами 8200 камней, а весом 30 ф. невступно, да 50 камней в кожухах. И то камень, запечатав в ровдужной мешек, послал он Матвей в Якутской острог с служилыми людьми с Мочкою Никитиным с товарищи. И буде то камень годно и впредь иметь на великого государя, и в том яру мочно брать сколько надобно. Да с ними ж // Мочкой с товарищи послал жемчугу за печатью в ровдужном мешечке, а промышляют тот жемчуг ясачные тунгусы в море под камнем Муткеем на мысах на оранцах на упалой малой реке; а доброго и незаморного жемчугу Охотского городка ясачные тунгусы и служилые люди находить не могут. А в Охоте и в Кухтые реках раковин жемчужных нет. А на Тоуй и на Олу реки посланы служилые люди Костька Дмитриев да Стенька Жемчужник для жемчужного промыслу, а на Остров-

ную Мишка толмач с товарищем, и с Тоуя реки и с Островные те служилые люди не бывали. Да ко 178-му году в Охотской городок прислать великого государя товаров ясачным тунгусам на подарки и писчие бумаги на расход.

К. 202, столб. 8 на 63 состав; стр. 52—53.

89. 1669 г. ранее августа 2. — Отписка приказного человека Охотского городка *Матвея Сосновского якутскому воеводе князю Ивану Борятинскому об убийстве на Тоуе реке русских служилых людей, посланных туда «для проводывания коряков и камня и для иного доброго узорочья» и о посылке в Якутск собранных ясачных соболей, жемчуга, камня и руды.*

Великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] окольничему и воеводе князю Ивану Петровичу Охотского городка приказной Матюшка Сосновской челом бьет. В нынешнем во 177-м году послан из Охотского городка на Тоуй и на Олу служилой человек Костыка Дмитриев с товарищи для недоборного ясаку и жемчужного промыслу и для проводыванья коряков и камня и для иного доброго узорочья, и он Костыка Дмитриев и Ловка Андреев на Тоуе убиты, да с ним же Костыкою был послан служилой человек Стенька Чарков и он Стенька с ним же убит. И Тоуя реки ясачные иноземцы Инчанского роду Окун с товарищи принес в Охотский городок ево Костыкина сбору, за ево печатью, 16 соболей в козках, да Охотского городкабору моего Матюшкина з Годилянского роду з Гируля 3 соболя, да Анчанского роду с Арчикана 2 соболя. Да с Тоуя реки Тобарского роду Дурутка принес камень блое светлос, да руды новедомо какие, да 7 камешков, что дал на Туву реке Костыке Дмитриеву Инчанского роду Иркандей, да Тоуя реки и Ини жемчугу послано в мешечке в ровдужье за печатью, а лутче того жемчугу в море нет, а в реках нет же, и из моря не выметывается. А служилой человек Мишка толмач с Островной не бывал, да 2 раковины послано. Да в Охотском городке Тоуя реки Инчанского роду Окун с товарищи в роспросе сказали про убийство, и их сказка послана под сию отпискою, и соболя ясачные и жемчуг и камень и руда послано в Якутский острог в съезжую избу служилыми людьми с Ывашком Мокрошубовым да с Ывашком Онтипиным. А как Мишка толмач будет с Островной, и я пошло в Якутский.

На обороте: Великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] окольничему и воеводе князю Ивану Петровичу Борятинскому.

177-го году августа в 2 день подал отписку Якутского острогу казак Ивашко Мокрошубов.

Помета: 177-го августа в 2 день принять соболя и камень и жемчуг.

К. 202, столб. 8 на 63 состав; стр. 54.

90. 1684 г. августа. — Наказная память якутского воеводы *Матвея Кровкова в Верхнеиллюйское зимовье приказному сыну боярскому Ивану Крыженевскому о проводывании золотой, серебряной, медной, оловянной, свинцовой и железной руды, серы и селитры.*

Мега 7192-го году августа в... день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] и по приказу генерала и воеводы Матвея Осиповича Кровкова память в Верхнеиллюйское зимовье приказному сыну боярскому Ивану Крыженевскому. В прошлом во 190-м году июня в 23 день в грамоте блаженные памяти великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] писано в Якутский к стольнику и воеводе Ивану Приклонскому, велено в Якутском, в зимовьях и в уездех, в посылках сыскивать и проводывать золотой и серебряной, медной и оловянной и сви[н]цовой и железной руд и серы горючей и селитренной земли. И как ты, Иван, будешь в Верхнеиллюйском зимовье, и тебе б по указу великих государей сыскивать и проводывать с великим раденьем неоплошно серебряной и золотой, медной и оловянной и свинцовой и железной и иных руд, и серы горючей и селитренной земли и соли. А по сыску, что объявится каких руд и селитры, и ис тех руд учина опыты и описав имянно, и соль сыскав, прислать в Якутский острог или с собою привезть и объявить в приказной избе генералу и воеводе Матвею Осиповичу Кровкову. А однолично б тебе Ивану того дела в наряденье и в оплошку

не ставить. А буде ты, Иван, с товарищи своим нерадением и оплошкой золотой и серебряной и медной и оловяной и свинцовой и железной руд и селитры и серы горючей или соли сыскивать не учнешь, // а после тебя иной приказщик, хто на твое место будет, мимо тебя тех руд и соль сыщет и въ Якутцой привезет, и тебе Ивану за то быть от великих государей в жестоком наказанье безо всякие пощады, да на тебе ж по указу великих государей генерал и воевода Матвей Осипович Крайков велит взять великих государей в казну пеню без пощады ж.

На обороте: Такову память Иван Крыжановский взял. По его велению сын его Петр Крыжановский руку приложил.

К. 217, столб. 39 на 41 сставе; сст. 24—25.

В. Земельная колонизация Якутии. Торговые и промышленные люди. Ссылные. Отношение к туземному населению.

91. 1639—40 гг. — Челобитная ленского казака Богдана Сорокоумова о привлечении к суду енисейского казака Кузьмы Губушева, взявшего его корову у батулинского ясачного якута Козелы.

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии бьет челом холоп твой государев ленской казак Богдашко Ортемьев Сорокоумов. Жалоба, государь, мне на енисейского казака на Козьму Прокопьева Губушева. В нынешнем, государь, во 148-м году на Тате реке у батулинского ясачного якута у Козелы взял мою корову купленную стельную не ведомо за что и тое, государь, моей коровы не отдает и по ся места. цена той коровы 10 руб. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня холопа своего вели, государь, на того Кузьму в моем иску дать свой царской суд и управу. Царь государь, смилуйся пожалуй.

К. 187, столб. 7 на 35 сставах; сст. 20.

92. 1639—40 гг. — Челобитная ленского казака Михаила Коновалова о привлечении к суду бетунского ясачного якута Косика Сытыкина, не возвратившего ему жеребца.

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии бьет челом холоп твой государев Ленского острогу казак Мишка Савин Коновалов. Жалоба, государь, мне на бетунского ясачного якута на Косику Сытыкина сына. В нынешнем, государь, во 148-м году зимою отдал тому Косике жеребца кормить, а тот жеребец шерстью сер. И того жеребца тот Косика мне холопу твоему и по ся мест не отдает не ведомо за что. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня холопа своего вели, государь, на того Косику в моем иску дать свой царской суд и управу. Царь государь, омилуйся пожалуй.

К. 187, столб. 7 на 35 сставах; сст. 21.

93. 1640 г. не ранее августа 8. — Челобитная ясачного якута Батуруской волости Юрга Гадарова о привлечении к суду гулящего человека Ивана Рябова, укравшего у него коня и аркан.

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии бьет челом сирота твой государев Ленского острогу Батуруской волости ясачной якут Юрга Гадаров сын. Жалоба, государь, мне на гулящего человека на Ивана Степанова Рябова. В нынешнем, государь, во 148-м году августа в 7 день украл у меня Юрга тот Иван аркан волосяной новой цена 10 алт. Да он же, государь, Иван августа в 8 день из острогу, не спрося, взял коня моего шерстью бела и з седлом, потегомо куды съехал и учинил мне сироте твоему в страдную пору простой. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, на того Ивана в моем иску дать свой царской суд и управу. Царь государь, смилуйся пожалуй.

К. 187, столб. 7 на 35 сставах; сст. 4.

94. 1640 г. — Челобитная ясачного якута Катилинской волости Себе Даванова о привлечении к суду служилого человека Павла Леонтьева, захватившего у него кобылу.

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом сирота твой государев Ленского острогу Катыйлинской волости ясачной якут Себе Давазов сын. Жалоба, государь, мне на гулящего человека на Семена Иванова Мотору. В прошлым, государь, во 147-м году по[шел] на государеву службу на Вилую реку енисейск[ой] служилый человек Павел Левонтьев оставил мне беречь кобылу. И в нынешнем, государь, во 148-м году весною перед поезд [мно]гих кобыл назвался тот Мотора его [Пав]ловым братом и тос кобылу от меня сироты твоего взял к себе. А теперь, государь, тот Мотора тое кобылу назад не отдает не ведомо за что. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, на того Мотору в моем иску, в той кобыле, дать свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся пожалуй.

К. 187, столб. 7 на 35 оставая; стр. 35.

95. 1641 г. мая 7—11. — *Дело об отводе торгового человеку Ивану Сверчкову земли под двор, пашню и сенные покосы на реке Лене и об условиях владения ею.*

I. — 149-го году мая в 7 день бил челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии торговой человек вологодско[го] и великопермского архиепискупа Варлама крестьянин Ивашко Сверчков, а на устье Куты реки стольником и восводам Петру Петровичю Головину да Матвею Богдановичю Глебову да диаку Еуфимью Филатову подал челобитную, а в челобитной ево пишет. // Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом сирота твой торговой человек вологодского и великопермского архиепископа Варлама крестьянин Ивашко Сверчков. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, дать место под двор и под пашню и под сенные покосы и под скотиной выпас на Лене реке, плувучи на низ по Лене реке на правой руке на лугу выше заимки пашни торгового человека Ерофейка Павлова на лугу, где годно место под пашню и под сенные покосы. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 149-го мая в 7 день по уговору ево взять поручная запись, что ему пашня пахать на Лене реке 10 лет. А с первого году ему давать государю ото всей своей пахоты десять десятины в поле, а в дву по тому же. А семена имать ржаные и яровые государевы. А как 10 лет отойдет, и ему всей своей пахоты половину, засеяв ржи и яри, отдать на государя. А пашенной свой завод, сохи и сошники и дворовое строенье, после 10-ти лет вольно ему продать. А в ту 10 лет с тех десятых десятин жать и измолотить и в житницу выспать ему Ивашку. //

II. — Се аз Ерофейка Павлов сын Хабаров торговой человек, ленской киренской жилец Пантелей Яковлев сын устюженин, ленской пашенной крестьянин Дмитрий Тихонов сын Плехот, Семен Петров сын Сапожниковы вьмитин, Архип Стефанов сын каргополец, Евсей Олексеев чаранец, Моисей Васильев сын важенин, Сава Мокеев сын мезенец, Павел Тарасов сын, Дмитрий Олексеев сын каргопольцы, промышленные люди, поручились есми по торговом человеке, вологодского и великопермского архиепископа Варлама по крестьянине по Ивашке Никонове Сверчкова в том. Пахати ему Ивану за нашу порукою пашня людьми своими и наемщиками на Лене реке, плувучи на низ на правой стороне на лугу выше заимки торгового человека Ерофейка Павлова, 10 лет. А с первого году ему Ивашку давать государю ото всей своей пахоты десять десятины в поле, а в дву по тому же. А на те десять десятины семена имать ржаные и яровые государевы. И в ту 10 лет пахать ему Ивашку пашню людьми своими и наемщиками же безпереводно, и государевы десять десятины сеять в пору и жать и измолотить и в житницу выспать ему Ивашку в пору. А в те ему 10 лет вольно в сибирские и в руские города ездити, и пашни без себя не заложить, пахать людьми же или наемщиками до урочных лет ежегод. Да ему ж Ивашку на той своей пашне двор устроить и во дворе избу и онбар поставити и гумно делать и овин поставити и на ухоботе мекиницу зделать. А как 10 лет отойдет, и ему Ивашку всей своей пахоты половина засеять ржи и яри и отдать на государя, а пашенной свой завод, лошади и сохи и сошники, после 10-ти лет вольно ему продать, а двор и всякое дворовое строенье отказать на государя. А будет он Ивашко за нашу порукою при себе и без себя до урочных 10-ти лет на // Лене реке выше заимки пашни торгового человека Еро-

фейка Павлова на лугу не учнет в 10 лет пашни пахать и на государя и на себя своими наемщиками, и с первого году не учнет государю ото всей своей пахоты десятины десятины сеять в поле, а в дву по тому ж, или государевы десятины десятины не в пору учнет сесть и хлеб не в пору с поля прятать, или тот государев хлеб своим небережением зжав и обомлота погноит, или двора и во дворе избы и онбара не поставит и на государев хлеб онбара не поставит же и гумна не зделает, или овина не поставит и на ухоботье мекшиницы не устроит, и как 10 лет отойдет и он двора и избы и дворового строенья не откажет на государя, и на нас на поручниках государя царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Руси пения, что государь укажет в ту 10 лет против сво Ивашкова уговору пашня и дворовая строенья. А который нас поручников будет в лицах, на том государева пения и пашня в ту 10 лет и дворовая строенья и порука вся сполна. На то послуш торговый человек Иван Стефанов сын Морошкин Соли Бычегоцкой. Поручную писал енисейской служивой человек десятник казачей Мишка Кожевников лета 7149-го мая в 11 день.

На обороте 10 рукоприкладств.

Помета: 149-го мая в 15 день запись вклеить к делу и записать в приход. К. 189, столб. 10 на 53 сставах; сст. 25—28.

96. 1641 г. августа 7. — Дело о разрешении торговому человеку Василию Дрягину вывезти к «Русе», купленного им якутского «малого».

I. — Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Руси бьет челом сирота твой государев торговой человек Васья Леонтьев Дрягин. В нынешнем, государь, во 149-м году купил я сирота у служивого человека у Леонтья Тимофеева Губаря в Ленском остроге якутсково малова именем Первущку и купчую на тово малова взял. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня сироту своего поволь, государь, тово мне якутсково малова с собою вывезть к Русе. Царь государь, смилуйся пожалуй.

II. — 149-го августа в 7 день стольника и воеводы Петр Петрович Головин да Матвей Богданович Глебов да дьяк Ворфоломей Филатов роспрашивали якутсково малово, что у Василья Дрягина живет, как его зовут и отец у него и мать ныне живы ль и роду его и племени есть ли, и где тот малой взят на погрома. И малой якутской сказался, зовут де его Тюкпос, а по руски именем Первущка, Баатурусского роду, отца де у меня и матери и братья и родных нет никого, а продал де меня Василью служивой человек Левка Губарь в нынешнем во 149-м году зямоу, а дал де за меня 10 руб., а к себе де я в улус не хочю идти, потому что де у меня ни отца ни матери ни брата нет, а хочю де я жить ныне у Василья Дрягина.

Помета: 149-го августа в 8 день челобитную приклеить к роспросным речам, а малово отдать Василью Дрягину.

И тот малой отдан до указу Василью Дрягину.

К. 189, столб. 3 на 92 сставах; сст. 12.

97. 1641 г. августа 7. — Дело о крещении и отпуске на волю якутки Маленек, принадлежавшей енисейскому казаку Ивану Метлеку.

I. — Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Руси бьет челом сирота твойа государева якутская женка Маленек. Жалоба мне, государь, на гулящево человека на Шестово Онофреева сына в том: была яз сирота твойа куплена у енисейского казака у Ивана Тимофеева сына Метска, и держал меня сироту твою он Метлек за жены место, и прижил со мною двое детей, и в нынешнем, государь, во 149-м году послан был он Иван на твою государеву службу для твоего государева ясашиново збору, а меня сироту твою оставил до себя у тово Шестово, а приказывал ему Шестому он Иван тако: бог по душу его Иванову пошлет на государеве службе, и ему Шестому велел меня отпустить на свою волю и з детьми; да со мною ж он Иван оставил корову дойную, да быка 3-х годовово, да кобылу; и тем яз скотом Ивановым платила долги Ивановы по кабалам; и судом божим на государеве службе Ивана иноземцы убили, а тот Шестак меня сироту твою от себя не отпускает и детей моих у себя держит, а хочет меня сироту твою государеву и з детьми с моими поработать неведомо за что. Милосердый госу-

дарь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй, государь, меня сироту свою, вели государь меня и с детьми с моими учинить свободну, и вели, государь, мне сироте твоей в своей православной крестьянской вере быть и замуж итти в Якутском остроге за тобольского служилого человека за Микиту Семенова сына Лобана, чтобы мне сироте твоей у того Шестова и с детьми своими напрасно не порабощенной быть и в Якутском остроге волочася меж двор голодною смертию не помереть. Царь государь, смилуйся пожалуй. //

Помета: 149-го августа в 7 день прогнй сей челобитной проспситься.

II. — И стольники и воеводы Петр Петрович Головин с товарищи, выслушав челобитную, тое жонку спрашивал, которого улусу и как ее зовут, и отец у нее и мать ныне живы, и братья и родники есть ли, и ¹ тех ли людей. И жонка якутская в роспросе сказалась Тагуские волости, зовут де меня Малнеком, взяли де меня енисейской казак Чюрка с товарищи на Алдане тому де ныне 7 лет и продали де меня из войска Метляку, и жила де с ним Метляком и детей с ним прижила дву сынов, а в улус де я к себе не хочу, а хочу де я быть в православной крестьянской вере.

К. 189, столб. 3 на 92 сставз; сст. 14—15.

98. 1641 г. ноября 28. — *Дело о крещении сына енисейского служилого человека Нестора Барабанского, прижитого от якутки.*

Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии бьет челом холоп твой государев енисейской служилой человек Нестерко Дмитриев Барабанской. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй, государь, меня холопа своего вели, государь, в Ленском остроге черному попу Семionу з братею парничка моего, прижитого с якутцкою бабою, окрестить и в православную веру привести. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 150-го ноября в 28 день послать к попам память, а велеть мальчика крестить.

К. 189, столб. 9 на 21 сставе, сст. 1.

99. 1642 г. января 4 — февраля 11. — *Дело о крещении дочери якутки Быгей, прижитой от промышленного человека Пятово Васильева Косово.*

I. — Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии бьет челом твой государева сирота якутская женка Быгей. В нынешнем, государь, во 150-м году сентября в 4 день отдала я сирота твоя письменного головы Енался Бахтеярова жене Марье дочеришку свою девочку Малку дву лет; а отдала я сирота твоя ту свое дочеришко, что мне поит кормить нечем; а та, государь, дочеришко мое русской прижиток. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня сироту свою, вели, государь, тое мое дочеришко окрестить. Царь государь, смилуйся пожалуй. //

Помета: 150-го генваря в 4 день сыскать, русково ль прижитка девочка и челобитье записать.

II. — Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии бьет челом раба твоя письменного головы Енался Бахтеярова жена Марыца. В нынешнем во 150-м году сентября в 4 день отдала мне якутская баба Быгей дочь свою девочку дву лет впроки, а прижитку та девочка у той якутской бабы русково промышленного человека Пятово Васильева Косово, а та якутская баба сошла в якуты, и той, государь, девочке и по ся мест молитва не дана. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня рабу свою, вели, государь, той девочке молитву попом дать и окрестить. Царь государь, смилуйся.

Помета: 150-го генваря в 4 день велеть служивых и промышленных людей поставить в съезжей избе и про тое девочку теми людьми сыскать, русково ль прижитку та девочка или якутско, и хто что в допросе про тое девочку скажет и те их речи записывать на роспись.

III. — И 150-го февраля в 11 день послать к попом память, а велеть девочку крестить, потому что та девочка русского прижитку.

К. 189, столб. 9 на 21 сставе; сст. 8—9.

¹ Одно слово не разобрано.

100. 1642 г. февраля 12—июля 9. — Дело о якутской женке Мынике, купленной ленским попом Василием Яковлевым, сбегавшей от него, затем пойманной и, наконец, пожелавшей креститься.

I. — Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Русии бьет челом твой государев нищий богомолец ленской поп Василище Яковлев. Жалоба, государь, мне Тагильские волости на якута на Аргуня, а отца имени не знаю. В прошлом, государь, во 149-м году ушла у меня купленная якутская моя женка Мыник и та женка объявилась у того якута Аргуней. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня нищего своего богомольца вели, государь, тое мою якутскую женку поставить в Якутском остроге. Царь государь, смилуйся пожалуй. //

Помета: 150-го февраля в 13 день послать память, а велеть якута и женку поставить в Якутском остроге, и вместо памяти дана государева печать служивому человеку Матюшке Кишееву з двумя узолки.

II. — Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Русии бьет челом нищий твой государев богомолец поп Василище Яковлев. В прошлом, государь, во 149-м году купил я нищий твой государев богомолец у промышленного человека у Ивана Исакова зсырь купленную женку именем Мыник, и в том, государь, в прошлом во 149-м году веоною та моя купленная якольская женка ушла, а живет де она на Сите у родника своего у якута именем Утюляка. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй, государь, меня нищаго своего богомольца вели, государь, тое мою купленную якольскую женку у того якута Утюляка сискать и поставить в Ленской острог. Царь государь, смилуйся пожалуй. //

Помета: 150-го февраля в 12 день велеть тое женку сыну боярскому и целовальнику на Сите сискать и роспросить, у кого она у русских людей жила в Якутском остроге и продана ли она попу Василью; и будет скажет, что она жила у русских людей и попу Василью продана, и тое женку прислать в Якутской острог.

И того ж дни пономарь Ивашко про тое женку допрашиван и в роспросе сказал: женку попу Василью продал, а он де купил ту женку у промышленного человека и купчую старую попу Василью отдал.

III. — 150-го февраля в 15 день по челобитной белово попа Василья Яковлева служилый человек Матюшка Кишеев да промышленной человек Ивашко Исаков в Бетунской улус ездили по тагусково якута по Угрунейка. В прошлом де во 149-м году ушла де у него якутская женка купленная именем Мыник, и та де женка живет у того якута у Угрунейка, и служивой человек Матюшка с товарищем привезли тое беслую женку Мыника в съезжую избу, и стольники и воеводы Петр Петрович Головин да Матвей Богданович Глебов да дьяк Еуфимей Филатов тое женку Мыника роспрашивали: у русских людей преж жила ли, и буде жила и кто ее русским людем продал, и долго ли жила у русских людей, и у попа у Василья жила ли, и как от попа отошла. И та женка Мыник в роспросе сказала: роду де Бетунского, а продал де ее русским людем зять ее Тюляк Чапкин сын промышленному человеку Фролку Самойлову, а взял де за нее полтину денег да 10 прядок бисеру белово, а Фролку де ее продал пономарю, а взял де у пономаря 2 руб., а пономарь де ее продал попу Василью, ту ж цену 2 руб. взял; и у попа де пожила немного да веоною де сбегала, а никто меня не подговорил сама де собою сбегала от попа Василья, а снесла де от попа старое женское шубенко да ветошное рубашенко да котипка на ногах снесла, а ныне на себе в роспросе ж сказала верхнюю шубу якутскую мускую да на ногах торбасы чюжие, якута Оргунейка шуба и торбасы, а исподняя де шуба женская ее Мыникова. И после роспросу стольники и воеводы Петр Петрович Головин да Матвей Богданович Глебов да дьяк Еуфимей Филатов тое женку, что от попа бегала, Мыника, отдали ему попу Василью.

IV. — 150-го июля в 9 день била челом государю царю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Русии якунская женка Манюк, а в съезжей избе стольникам и воеводам Петру Петровичу Головину, Матвею Богдановичу Глебову подала челобитную, а в челобитной ее пишет: // Царю государю и великому князю

Михайлу Федоровичю всеа Русии бьет челом твоя государева сирота якутская женка Манюк. В прошлом, государь, во 147-м году продал меня бетунской мужик Беллик промышленному человеку Фролу Семенову, взял за меня котел да бисеру фунт да полтину денег; и тот, государь, Фрол держал меня у себя и продал меня промышленному человеку Ивану Исакову сыну Соколову, а взял за меня рубль денег; а тот Иван Исаков продал меня в прошлом во 149-м году попу Василью, а взял за меня тот Иван у попа 2 руб., и ныне я живу у пона Василья, а в якуты не хочу, а хочу в православную веру християнскую креститься, и живу у Василья попа. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии. пожалуй меня сироту свою вели, государь, меня якутскую женку Мунюка в Ленском остроге окрестити и во православную веру привести. Царь государь, смилуйся. //

V — И того ж числа та женка против челобитья своего допрашивана, креститца она хочет охотою ли, или поневоле, или хто ее научил, и своею ли охотою государю бьет челом о крещенье, и на свою волю в якуты хочет ли она. И та женка в допросе сказала: на свою де я волю итти не хочу, а креститца де я хочу, а у пона жыть не хочет же, а поп де ес купил у промышленного человека у Иванки Исакова; а Ивашко де купил у Фролка, а Фролка де купил у якутов. И против ее роспросных речей послана память попом о крещенье. //

VI. — Список с купчей слово в слово. Се аз Фрол Сомойлов сын зырян вымхтенин промышленной человек продал есми в Ленском остроге промышленному же человеку Ивану Исакову сыну Соколовых женку свою ясырку якутского роду именем Мыник, а взял аз Фрол за тот свой ясырь рубль денег наперед все сполна, а тот мой ясырь нигде ни в закупе ни в закладе. А в снимыке. и в очищенье от купчих и от закладных аз Фрол, во всем окупать и очищать мне Фролу, а убытка не привести никоторого к нему Ивану, в том аз Фрол. На то послух промышленной человек Ондрей Иванов пинешаннин руку приложил. А купчую писал площадью подъячей Пантелей Федоров лета 7149-го году генваря в 18 день. // А позади тишет: Ондрышка Иванов послух руку приложил.

На обороте: К сему списку поп Василей руку приложил.

VII. — Список с купчей слово в слово. Се аз Иван Исаков сын Соколов устюжанин посадской человек продал есми в Ленском остроге священнику Василью Яковлеву ясырь женку якутскую, именем Мыник, что купил аз Иван у промышленного человека у Фрола Самойлова, да прежнюю купчую ему же попу дал. А взял аз Иван за тот свой ясырь у него попа 2 руб. денег у сей купчей наперед все сполна, а та женка нигде ни в закладе ни в закупе ни в каких писмяных крепостях; в снимке и в очищенье аз Иван, а к нему попу убытка в тое женко не привести никоторого, в том аз Иван на ту женку купчую дал. На то послух служилой человек Тимофей Михайлов. А купчую писал в Ленском остроге площадью подъячей Пантелей Федоров лета 7149-го году // февраля в 16 день. А позади пишет: к сей купчей Ивашко Исаков руку приложил. Послух Тимошка Михайлов руку приложил.

На обороте: К сему списку поп Василей руку приложил.

К. 188, столб. 23 на 85 остават; ст. 35—44.

101. 1642 г. сентября 27. — «Явка» ленского казака Саввы Клементьева на промышленного человека Семена Бермяту в невозвращении заложенной ему Саввой «якутской бабы» Натальи.

Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии бьет челом и являет холсп твой государев ленской казак Савка Клементьев. Жалоба мне, государь, на промышленного человека на Семена Давыдова Бермяту в том: в прошлом, государь, во 150-м году заложил я Савка ему Семену якутскую бабу именем Натальицу в полу-14-ти рублех на строк на Покров пресвятой богородицы 151-го году. И я Савка до того строку сентября в 22 день пришел к нему Семену с деньгами тое бабу выкупати, и тот Семен тое бабы на выкуп не выдает, а неведомо где ее дел. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня холопа своего вели, государь, сию явку

принять под Ленским волоком в таможене целовальнику Михайлу Пиминову и по-
блости на время. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 151-го году сентября в 27 день принята явка.

К. 189, столб. 22 на 1 сставе.

**102. 1644—45 гг. — Отписка якутского воеводы Василия Пушкина с товари-
щами в Сибирский приказ о прибытии в Енисейск ссыльных людей, вяземского
казака Максима Гриняева с товарищами, и о пребывании в Енисейске ссыльных
черкас, неустроенных в пашню на реке Лене.**

Государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии холопи
гвои Васька Пушкин, Кирилка Супонев, Петрушка Стеншин челом бьют. В твоей
государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте за
приписью твоего государева дьяка Григорья Протопопова, какову в прошлом во
152-м году июня в 1 день прислал к нам холопом твоим в Тобольску воевода князь
Григорей Куракин с товарищи, написано: по твоему государеву указу велено им
князю Григорью Куракину с товарищи послать ис Тобольска на великую реку
Лену к стольнику и воеводам к Петру Головину с товарищи, за измену, Елизарьева
человека Квашнина Данилка Иванова да вяземского поместного казака Максима
Гриняева с вотчимом ево с Карпом Степановым, а на Лене, государь, велено Петру
Головину с товарищи тех казаков Максима Гриняева с вотчимом ево с Карпом
поверстать в службу, а Елизарьева человека Квашнина Данилка Иванова где
пригоже устроить в пашню; да о том к тебе государю отписать к Москве. И в ны-
нешнем, государь, во 153-м году те ссыльные люди, вяземской поместной казак
Максимио Гриняев с вотчимом с Карпом Степановым да Елизарьев человек
Квашнина Данилко Иванов, ис Тобольска в Енисейской острог присланы. А как,
государь, они будут на Лене, // и Елизарьева человека Квашнина, где будет при-
гоже доведетца устроить в пашню, и что ему против иных ссыльных людей дать
суды и подмоги ис каких доходов и чем ево до тех мест, покамест он учнет хлеб
пахать и на себя хлеба напашет, кормить ис каких запасов, и откуда семенной
хлеб дать, и тово в твоей государеве грамоте не написано. А ссыльных, государь,
людей на Лене рече в пашне не писаны ж. А которые, государь, ссыльные че-
ркасы наперед сего посланы были на великую реку Лену к воеводам к Петру Го-
ловину с товарищи в пашню ж, и по твоему государеву указу по коих мест на
Лену устроят в пашню, до тех мест велено тех черкас кормить твоими государе-
выми запасы, а хлеб семенной дать им велено из Енисейской пахоты. И те, госу-
дарь, черкасы ныне в Енисейском остроге, а по се число на Лене в пашню не
устроены, а твои государевы хлебные запасы, которые ленским служилым людям
и ружинком и оброчником посланы ис Тобольска, и те твои государевы хлебные
запасы в Маковском острожке, а иные в Енисейском остроге. А на Лене и на
Ленском волоку многое не в довозе. И о том нам холопом своим что ты госу-
дарь укажешь.

К. 191, столб. 2 на 43 сставах; ест. 12—13.

**103. 1645 г. января 20. — Отписка якутского воеводы Василия Пушкина с то-
варищами в Сибирский приказ о неприбытии в Енисейск колодников, Марка Семе-
нова с товарищами, и о трудностях устройства на Лене ссыльных людей в пашню
из-за дороговизны и отсутствия на Лене хлеба, лошадей и «всякого пашенного
завода».**

Государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии холопи
твой Васька Пушкин, Кирилко Супонев, Петрушка Стеншин челом бьют. В ны-
нешнем государь во 153-м году декабря в 25 день в твоих государевых царевых
и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии дву грамотах за приписью
твоего государева дьяка Григорья Протопопова писано к нам холопом твоим, по
твоему государеву указу велено послать ис Тобольска воеводам князю Григорью
Куракину с товарищи до Енисейского острогу, а из Енисейского острогу воеводе
и подьячему на великую реку Лену к нам холопом твоим за воровство гулящих
людей Макушку Семенова, Рокитку Иванова, Корнилка Сырцова, Федьку Тимо-
феева, Федьку Обросимова, Ваську Мартынова, Ивашка Мельника Тюринка да

Костромского уезду Данилова крестьянина Супонева Марчка Иванова Дураченка. А на Лене, государь, нам холопом твоим тех колодников Макушку Семенова с товарищи шти человек и Данилова крестьянина Супонева Марчка Дураченка на Ленском волоку или где пригож устроить в пашню против иных таких же ссыльных людей, а Ивашка Мельника поверстать в службу в стрельцы, да о том к тебе государю отписать. // И те, государь, колодники Макушка Семенов с товарищи и Данилов крестьянин Супонев Марчко Дураченко из Тобольска в Енисейской острог генваря по 20 число нынешнего 153-го году не присылаваны. А как, государь, они будут на Лене, и что для твоей государевы пашни нам холопом твоим дать им ссуды и подмоги из каких доходов и чем их до тех мест, покаместа они учнут хлеб на себя пахать и хлеба напашут, кормить из каких запасов, и откуда семянной хлеб дать, и того в твоей государеве грамоте к нам холопом твоим не написано. А на Лене, государь, и на Ленском волоку твоих государевых хлебных запасов мало. А которые из Тобольска в Маковской острог и присланы, и те многие ныне хлебные запасы лежат в Маковском и в Енисейском остроге, а по се, государь, число под Ленской волок не пересыланы. И на Лене и на Ленском волоку никаких ссыльных людей на пашнях нет. И тех ссыльных людей против иных таких же ссыльных людей в пашенные крестьяне чем устроить, к тому примерица не к чему, потому что на Лене и на Ленском волоку покупать лошади и всякой пашенной завод перед иными сибирскими городами дороже в 2 или в 3, да и купить де опрично Енисейского острогу того ничего не добыть. И о том что ты, государь, нам холопом своим укажешь.

На обороте: 153-го генваря в 20 день такова отписка послана до Кецкого острогу с кецким служилым человеком с Федотком Кузьминым Меньшово.

К. 191, столб. 2 на 43 оставил; стр. 14—15.

104. 1645 г. не ранее сентября 9. — Челобитная верхоленского пашенного крестьянина Оверкия Елизарьева о предоставлении ему льготы в виду разграбления его «братскими людьми» и тунгусами.

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Руси бьет челом сирота твоей государеве верхоленской пашенной крестьянин Оверкия Елизарьев. В прошлом, государь, в 152-м году бил челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Руси и подал челобитную [в] Верхоленском острожке петидесятнику Курбату Иванову, чтобы ты, государь, меня сироту своего пожаловал, велел быть верх по Лене реке у речки на усть Тугуры в пашенных крестьянх на льготные годы, и после льготных годов давать тебе государю [с] своей пашни 10-й сноп. И по государеву указу и по наказной грамоте стольников и бояров Петра Петровича Головина, Матфия Богдановича Глебова, дьяка Еуфимия Филатова петидесятник Курбат Иванов велел мне сироте твоему быть в пашенных крестьянх, и пахать верх Лены реки на усть Тугуры пашню велел. И посылал я сирота твой на усть Тугуры реки ржи ко 153-му году 14 десятин своими конями и своими работники и симианы и всяким деревенским заводом; и в прошлом, государь, во 153-м году приезжали ко мне сироте твоему на пашню на усть Тугуры братские люди и тынгусы, и дворничко у меня сироты твоего сожгли, и скотишка у меня кони и коровы отогнали, и всякой деревенской завод взяли, и я сирота твой стал от тех брацких людей разорен совсем до основания, и посеяной хлеб ко 153-му году вызяб весь до тла, и я сирота твой обнищал и одалжал великими неопкупными долги. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси, пожалуй меня сироту своего, вели, государь, мне сироте своему впредь пахать на той займке верх Лены реки у Тугуры на льготу, а о льготе, что ты, государь, укажешь, чтобы мне сироте твоему впредь вконец не починать и твоей государевы пашни не отбывать. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 154-го сентября в 9 день воеводы Василий Никитич Пушкин да Кирило Осипович Супонев по государеву указу велели ему Оверке Елизарьеву вместо льготы для его разорения, и что у него ныне хлеб рожь вызвела, с его пашни, что он к нынешнему ко 154-му году ржи государевыми семенами 16 десятин севал, и с той пахоты с половины сотни десятин десятого снопа не палить, а с другой половины сотни ж десятин, как аже бог даст родитца сверх государева семен-

ного хлеба, что ему дано взаймы, платить десятой против государева указа, а вперед ему в государеве хлебе что с пахоты платить, что государь укажет.

К. 190, столб. 23/а на 28 ставая; сст. 28.

105. 1645 г. сентября 22. — Наказня память якутского воеводы *Василия Пушкина* с товарищами промышленным людям *Алексею Шелонику* и *Ивану Реброву* о назначении их таможенными целовальниками на реку *Оленек*.

Лета 7164-го году сентября в 22 день по государеву цареву и великому князя *Михаила Федоровича* всеа Руси указу память на *Оленек* промышленному человеку *Олешке Никитину Шелонику*, *Ивашку Реброву*. Быти б тебе *Олешке* на *Оленке* реке у государева царева и великого князя *Михаила Федоровича* всеа Руси десятинной соболиной казны и у всякого таможенного збору в целовальниках. А будучи им в тех местех, на *Оленке* и на иных реках збирать государствену царева и великого князя *Михаила Федоровича* всеа Руси таможенная всякая десятинная пошлина с служивых и с торговых и с промышленных и со всяких людей деньгами и мяхкою рухлядью от 9-ти десятого зверя, от лутчих лутчево, от середних среднего, разбираючи ровнаго зверя, с соболей и с лисиц и з бобров и со всякого зверя. И всяким государевым таможенным делом и десятинным збором промышлять с великим радением, неоплщпо, по государеву цареву и великого князя *Михаила Федоровича* всеа Руси крестному целованью и по сей памяти, чтоб тебе целовальнику учинить в государеве в таможенном и в десятинном зборе прибыль, которая б вперед была прочна и стоятельна, а торговым и промышленным и всяким людям не в большую тягость и не в налог. А которые торговые и промышленные люди учнут приезжать для своих торгов и промыслов из *Енисейского острогу* и из иных сибирских городов с своими с рускими с весчими товары и с хлебными запасы с проезжими грамотами за государевыми городовыми печатями, или кто привезет с собою какие чужие товары или хлебные запасы, и целовальнику *Олешке* у торговых и промышленных людей по их проезжим грамотам те их привозные и всякие русские товары и хлебные запасы пересматривать все налицо. Да будет у ково у торговых или у промышленных людей сыщется сверх проезжих грамот, которого города ни есть откуда придет, в лишке каких русских товаров или хлебных // запасов, с которых русских товаров и хлебных запасов в *Якутском остроге* и на *Лене* и в иных сибирских городах государева десятая и отъезжая пошлина не взята, и целовальник[у] *Олешке* те лишние русские товары и хлебные запасы записывать и присылать на великую реку *Лену* в *Якутской острог* в сvezжую избу и тех людей за поруками их и лишние товары, и те их лишние товары и хлебные запасы по государеву указу взяты будут на государя на великой реке *Лене*. А с которых русских товаров или с промышленных заводов и хлебных запасов у торговых и у промышленных людей по проезжим их грамотам государева десятая и отъезжая пошлина не взята для того, как они придут с своих соболиных промыслов, и с них возьмется государева десятая пошлина мяхкою рухлядью, а кто ис тех торговых и ис промышленных людей, не ходя на соболиной промысел, исторгуетца своими рускими товары и хлебными запасы и всякими промышленными заводы на мяхкую рухлядь, и с тех людей государева десятая пошлина иматъ с одного конца, с которого буди конца в приценке больши обявитца русских товаров или хлебных запасов или мяхкой рухляди иматъ десятая мяхкою рухлядью, с которого конца прибыльнее. А как с промышленных с их промыслов промышленную, а с торговых людей перекупную государеву десятую пошлину возьмете, и их торговых и промышленных людей как учнут отпускать с *Оленка* с их мяхкою рухлядью в *Якутской острог*, и у них тое мяхкую рухлядь товары и проезжие памяти им давать на тое мяхкую рухлядь по одной, а не по 2 врознь на одну рухлядь за своею рукою и печатью. И о том писать с *Оленка* реки в *Якутской острог* подлинно против их проезжих грамот, сколько у ково у торгового или у промышленного человека своего промыслу или купленной мяхкой рухляди государевы десятинной пошлины взято, чтоб ниhto тайно и не платя государевы десятой пошлины не выезжали и никакие мяхкие рухляди не вывозили, и тем бы ими не пользовались и в государеве казне убывли и в десятинном зборе недобору не учинити, ниhto б в избытках не был. А тово // ему цело-

вальнику смотреть и беречь накрепко, чтоб торговые и промышленные люди, приезжие и енисейские служивые и посадские люди, мимо того места, где збираетца государева десятая таможенная и всякая пошлина, по волостям и по юртам и по зимовьям рускими своими товары и хлебными запасы ни с какими людьми не торговали. А которые торговые и промышленные люди сядят от таможенного зимовья по дальним зимовьям, и ему целовальнику Олешке ходить по тем верхним и нижним зимовьям Оленским, иметь государева десятая и перекупная и всякая пошлина по государеву указу со всяких людей. А того смотреть и беречь накрепко, чтоб никто ни какими мерами на Оленке реке без годового оброку не был и соболями б, не платя государевы десятой пошлины и перекупной, не торговали и не промышляли. А от зимовья до зимовья иметь под государеву казну подводы промышленных людей. А книги велеть писать промышленным же людям, кому доведетца, ково с такое дело станет. Да будет понадобятца служивые люди на сильных и на непослушников, и служивых людей иметь сколько надобно. А торговые и промышленные люди торговали бы тут, где збираетца государева таможенная пошлина, и те свои русские товары и хлебные запасы и мяхкую рухлядь объявляли на Оленке реке целовальнику Олешке в таможенной избе. И чтоб в той государеве таможенной пошлине истери и порухи не было. А с тех людей с товаров их иметь на государя с продавца порублевые пошлины: Якутского острогу с служивых людей и с пашенных крестьян с рубля по 2 д., а с посадских с енисейских и с торговых и с промышленных и со всяких людей иметь с рубля по алтыну. А которые служивые и промышленные или посадские и торговые люди учнут товары покупать на скуп у всяких людей, и те бы люди те свои товары объявляли ему целовальнику Олешке в таможен. А иметь с тех товаров // на государя перекупная пошлина с рубля по алтыну. А хто каких товаров в таможенной избе не объявит, а проведает про то целовальник, и ему целовальнику Олешке на тех людях иметь протоможье по 2 руб. по 4 алт. по полуторе деньги. А которые енисейские служивые и посадские и торговые и промышленные и всякие люди учнут привозить с Руси и с сибирских городов какие товары на продажу, и те бы люди свои привозные товары объявляли ему целовальнику Олешке, а ему те товары у всяких людей записывать имянно. А пошлины иметь на государя с служивых людей с рубля по 2 д., а с торговых и с промышленных и со всяких людей иметь с рубля по алтыну. А которые промышленные люди придут с промыслов и явятца в таможенной избе с своею мяхкою с промышленною рухлядью, целовальнику Олешке того смотреть и беречь накрепко, у каких людей объявлял в таможенной избе на явке, или где на стороне, лисицы черные и чернобурые оленскою ценою рублей в 10 и в 15 и в 20 и в 30 и в 40 и в 50 и больше, или бобры черные добрые, или соболы одинцы добрые ж, оленскою ценою рублей в 5 или в 6 и в 10 и больше, и ему целовальнику Олешке те лисицы и бобры и соболы записывать, иметь на государя. И тот зверь доброй, соболы и лисицы и бобры, запечатав своею печатью, со отпискою прислать на великую реку Лену в Якутской острог. И тем людям, у ково объявятца какой доброй зверь, давать деньги ис таможенных доходов по цене. А которые люди в таможенной какой пошлине учинятца сильны, и ему целовальнику Олешке на тех сильных и непослушных людей иметь служивых людей и тех непослушников сильных людей смир[ить] накрепко, иметь на них на государя пени по указу, чтоб однолишно в таможенном зборе порухи и недобору не было. Да на тех же сильных и непослушных людей писать по государеву указу с Оленка реки на великую реку Лену в Якутской острог, а их ослушных и сильных людей подавать на крепкие порухи с записыми до государева указу. И как государева таможенная и десятинная и всякая пошлина зберетца, // и тебе целовальнику Олешке с государевою таможенною казною и с книгами быть в Якутской острог и книги десятинные и перекупные привести с собою ж по полной воде весною с первыми людьми двои, одни подать в съезжую избу, а другие в таможеню, чтоб поспела государева казна и книги послать к государю к Москве, а с Оленка реки от государева дела мимо Якутской острог в сибирские и в русские города и к Москве не выезжать. И збирать на государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси таможенная и десятинная и всякая пошлина в правду по государеву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии

крестному целованью, другу не дружить, а недругу не мстить и посулов и поминков ни у ково ни от чего не имать, и своими никакими товарами самим и братьям их безошибочно не торговать, и для посулов и поминков виноватых людей ни в каких статьях не укрывать, и таможенными государевыми никаким сбором не корыстоватца. А которые служивые люди ленского розряду на Оленке реке ныне для государева ясажного збору, и те бы служивые люди мимо государевых товаров своими товары с иноземцы до ясажного збору однолишно с ясажными людьми не торговали. А буде которые служивые люди, ясажные зборщики, после ясажного збору купять у иноземцов что какой мяхкой рухляди, и та их мяхкая рухлядь записывать особою статьею и присылать в Якутской острог за своею печатью, а цену той мяхкой рухляди писать, а хто что даст и у ково именем сколько какие мяхкие рухляди взято будет. А с их служивых людей промыслов имать десятая и перекупная пошлина по тому ж, как и на торговых людех. А однолишно ему целовальнику Олешке, будучи на Оленке реке, государевы таможенные и десятинный збор збирать и всяким таможенным делом промышлять с великим радением, неоплошно, по государеву указу и по сей памяти в правду по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси крестному целованью, на чем он Олешка государю крест целовал, и искать тебе во всем государеве казне прибыль, которая прибыль и впредь государю была прочна и стоятельна, а всяким // бы людям не в большую тягость и не в налог. А торговые б и промышленные люди соболиной своей мяхкой рухляди и денег сверх проезжих грамот тайно не вывозили ж. И того смотреть накрепко да и о том заказ учинить крепкой всем торговым людям и промышленным, чтоб никто с Оленки реки в иные сибирские города мимо Якутского острогу не выходили, чтоб в том не терзалась в Якутском остроге государева пошлина. А которые торговые и промышленные люди учнут на Оленке реке годоваты, и с тех торговых и промышленных имать на государя пошлина по 8 алт. по 2 д. с человека, а явчего по алтыну. А того смотреть и беречь накрепко, чтоб никто торговых людей и промышленных не являсь, и не платя государева оброку и явчего, на Оленке не жили и безошибочно не торговали и лишние товаров и денег и мяхкой всякой рухляди сверх проезжих не вывозили, одноконечно тово смотреть и беречь накрепко. И о том им служивым людям заказ учинить крепкой всем торговым людям и промышленным, чтоб никто на море к острову, где сказывают заморной зуб, не ходили и дороги б туда не прокладывали. И во всем тебе Олешке государю служба своя и радение показывать, чтоб тебе тою своею службою и радением учинить в государеве казне // прибыль, а себя б за то видеть в государеве милости и в жалованье. А буде ты целовальник Олешка учнешь, на Оленке будучи, таможенные всякой пошлины и десятинной мяхкой рухляди збор збирать и таможенным делом промышлять оплошно, или таможенными деньгами и десятинною мяхкою рухлядью учнешь в чем корыстоватца, или кому друзьям своим, торговым и промышленным людям, учнешь в таможенных пошлинах и в десятинной мяхкой рухляди наравить и пошлины с чего отдавать, а от того у них себе посулы и поминки имать, и торговых и промышленных людей и их покручников, которые с соболиных и со всяких звериных промыслов учнут приходить на Оленку, а ты их по именам в десятинные книги всех писать не учнешь, и что у них соболей и лисиц черных и чернобурых и бурых и бобров и всякого зверя на всякого человека в лову будет иманно писать в книги не станешь, и тем его целовальничьим нерадением в том во всем в государеве казне в таможенных доходах и в десятинной мяхкой рухляди недобор будет, или у ясажных зборщиков у служивых людей мяхкие рухляди обыскивать не учнешь, или у торговых и у промышленных и у всяких людей соболиной мяхкой рухляди и денег и что они повезут сверх проезжих грамот также обыскивать и на государя имать не учнешь, и им в том во всем для своей бездельной корысти наравить, и от того у них посулы и поминки себе имать учнешь, или в сибирские города и на Тунгуску и на Исей озеро и в Песиду твоим небрежением пройдет хто торговых и промышленных людей, или иное что учнешь делать не по государеву указу и не по сей памяти, а опосле про то сыщется, и тебе целовальнику Олешке // за то по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу быть в жестоком наказанье и в торговой казне. А однолишно б

тобе целовальнику Олешке ни в которые в сибирские и в русские города торговых и промышленных людей не пропускать и того беречь накрепко, чтоб торговые и промышленные люди с Оленка реки в Пясиду и на Исей озеро и на Нижнюю Тунгуску ниhto не перешел. И тово проводить накрепко, буде которые торговые и промышленные люди похотят итти с Оленка реки в Пясиду и на Исей озеро и на Нижнюю Тунгуску, и ему целовальнику тех торговых людей передавать на крепкие поруки з записями. А промышленных будет, которые похотят итти на Тунгуску и в Пясиду и на Исей озеро, и тех промышленных людей и воташников всех и передовщиков дать на поруки з записью, чтоб ему своей воташникиго товарищев своих на Нижнюю Тунгуску и в Пясиду и на Исей озеро не отпущать для того, чтоб ниhto с Оленка реки в Пясида и на Исей озеро и на Нижнюю Тунгуску, не платя государевы десятые пошлыны, не перешел, чтоб в том их переходе на Лене в Якутском остроге государеве десятинной и перекупной соболиной казне збору поруки не было.

К. 190, столб. 31 на 15 сставаз; сст. 1—5.

106. 1645 г. ранее октября 15. — Отписка десятичника Осита Семенова якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами о неприбытии на устье реки Куты якутской соболиной казны и о присылке распоряжения о выделении государева десятинного хлеба и перемере земли на займах по рекам Орленге и Тутуре.

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василию Никитичю, Кирилу Осиповичю, дьяку Петру Григорьевичю десятичник Осипко Семенов челом бьет. Прислана память на усть Куты к Соле с служилым человеком с Петрушкою Михайловым ленскому пятидесятинику Митьке Вятке. И про государеву казну соболиную вести к Соли не бывало ни от ково, ни от служилых людей, не ведомо она из Якутского пошла, не ведомо не пошла. Да что мне холопу государеву велено у Соли анбары ставить 2, хлсбной и соляной, наймовать из государевы казны, и у Соли промышленных людей нст никого, розошлись по соболинным промыслом и нанять некого. И государево хлебное молоченье за анбары стало, и соли государевы перемривать не во што. А лесу де с нодельных сухих 85 бревен полчетвертых сажен печатных ест у служилого человека у Ивана Пуляева, а в отрубе 6-ти вершков и 5-ти и меньшая статься в четверть, а цены хочет за бревно по алтыну. Да приходили ко мне промышленные люди из зимовой, били челом о суде по кабалам на пашенных и на свою братью в невелике, в рубле и в 2-х. И у меня в наказе не указано, что им промышленным людям и пашенным друг на друга суд давать и я их посылал на Илим. И они говорят, ходит де нам на Илим неделя, и нам свой и промысел потерять. Да велено мне Осипку с товарищи ходить на Орленгу и на Тутуру для государева выделного десятинного хлеба и для земляного десятинного размеру. И мы холопи итти хотели нынеча, и на займах пашенных Офоньки и Оверки нст, рспрошать не у кого, сколько на которой десятина уродилось хлеба. А ходу на те займки недель 5 и 6 и больше, и в те поры ясашной збор долго минетца. А тунгусы ясашные стоят не в одном месте, вынз по Лене реке ниже Таюры и по Куте реке. И буде нонеча ходит на те займки, и ясашной збор станет, кабы тунгусы на лес не подылиси для звериного промыслу. А в трошлых годех государев ясак збирать ходим по гололеди и збираем государев ясак до Николина дни осенного. И вы воеводы Василий Никитичь, Кирило Осиповичь, дьяк Петр Григорьевич о том орленском и тутурском ходу и о анбарах что укажете, и соляной анбар ис какого лесу ставить, сырой лес годитца ли или нет, и о кою пору ходит[ь] на те займки.

На обороте: Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василию Никитичю, Кирилу Осиповичю, дьяку Петру Григорьевичю.

154-го октября 15 день.

К. 190, столб. 25 на 17 сставаз; сст. 12.

107. 1646 г. не позднее июля 3. — Дело о крещении якутской девочки и русского мальчика, принадлежащих черному полу Перфирею.

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом твой государев нищей богомолец черной поп Перфирей. Милосердый госу-

дарь парь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня нищего своего богомольца вели, государь, священником ясырьшка мои окрестить, девочку якутскую купленную, именем Анютку, куплена у служивого человека у Парфенька Григорьева, а молитва ей дана, да паренька дву лет, русской прижиток. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 154-го июля в 3 день воеводы Василий Никитич Пушпкин да Кирило Осипович Супонев велели тое девку крестить для того, что и молитва дана, и о том дать память.

К. 191, столб. 23 на 145 сставах; сст. 3.

108. 1646 г. июля 9—22. — *Дело об отпуске на волю якутки, принадлежащей ленскому служилому человеку Григорию Киселю.*

I. — Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Руси бьет челом холоп твой ленской служилой человек Гришка Васильев. В прошлых, государь, годех был у меня холопа твоего куплен ясыренко в юртах, якутское девчонко имянем Кубык. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня холопа своего поволь, государь, мне ныне то мое ясыренко якутское девчонко отпустить на волю в якутские юрты, а та моя девка ясырь не крещена, и молитва ей не дана. Царь государь, смилуйся пожалуй. //

Помета: 154-го июля в 9 день роспросить ясырька, чьево роду и как взята, на погроме ль или насильством служилые люди взяли, да и служилый людей роспросить же, которые с ним были; а будет есть отписки, и про тое бы отписку приносить.

II. — И июля в 10 день в съезжей избе по челобитной служилого человека Гришки Киселя ясырка допрашивана, которого она роду, на погроме ли или насильством служилые люди взяли. И ясырка в роспросе сказала: Кобоком зовут, Катылинского роду с Янги реки государева ясачного якута Барчиги; а муж де ее был Кыпского роду, Долонцою звали, а ясаку де он с себя платил по 2 соболи; и муж де ее умре тому де есть года с 3, а как де муж ее умре, и после де мужа ее отца ее брат, а ей Кобоку дядя, ясачной якут Черокой продал ее служилому человеку Гришке Киселю, а взял котел да таз медной да пальму да хвост коневей да сеть, и ныне де она хочет замуж за якута.

Да июля ж в 22 день в съезжей избе у роспросу служилой человек Евсейко Павлов сказал: как де он во 152-м году был для ясачного збору на Янге и то де слышал от брата ее Кобокова, а как ево зовут того не помнит, что де тот Гришка Кисель тое бабу Кобока сильно у них взял, а деньги не дал.

К. 191, столб. 23 на 145 сставах; сст. 10—11.

109. 1646 г. июля 22 — ноября 25. — *Дело о крещении якутской «девки», принадлежащей диакону Спиридону.*

I. — Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Руси бьет челом нищей твой государев богомолец диакон Спиридониче. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня богомольца своево вели, государь, купленного моего ясыря якутскую девку якутским именем Тыазал, а руским именем Окулину, окрестить. Царь государь, смилуйся пожалуй. //

Помета: 154-го июля в 22 день роспросить, какая она, не ясачная ль и у ково куплена.

II. — И того же числа Якутского острогу соборной церкви диакон Спиридон против своего челобитья, в допросе сказал: В прошлом во 154-м году мая в 24 день продал ея служивой человек Олешка Лукьянов Якутского острогу соборной церкви черному попу Семиону, и того ж 154-го году июня в 13 день он же черной поп Семион той девке дал молитву, а имя ей нарек Акилина; и того же 154-го году июля в 13 день он же черной поп Семион тое девку именем Аклинку продал мне диакону.

На обороте: К сим допросным речем диакон Спиридон руку приложил.

Помета: 155-го ноября в 25 день память о крещенье духовных дел к приказным попом к Ивану и к Панфиле дана.

К. 191, столб. 23 на 145 сставах; сст. 30—31.

110. 1647 г. февраля 11—19. — Дело о крещении якутской «овски», принадлежащей якутскому казначею пятидесятнику Мартыну Васильеву.

I. — Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии бьет челом холоп твой Якутского острогу пятидесятничшко казначей Мартыно Васильев. В прошлом, государь, во 154-м году купил я холоп твой у якута девку именем Бакаяна для своей работы. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй меня холопа своего для моеи старости и увечья моего вели, государь, мне холопу своему ту купленную работную девку в православную христианскую веру привести, полу молитву дать и крестить. Царь государь, смилуйся.

Помета: 155-го февраля в 11 день роспросить.

II. — И того ж числа в съезжей избе якуцкая девка спрашивана, а в роспросе сказала: Бакаяном зовут, Еюкова дочь; отец де се Еюк жил в Атамайской волости, а ясаку с себя государю не давал, жила в окопах меж якутов; а она де осталась после отца своего мала, и жила в той же Атамайской волости у якута Отконка Чимчина, а продал де ее он якут Отконка пятидесятнику Мартынку Васильеву весною, тому будет ныне 2 года, и креститца де она в православную крестьянскую веру из воли хочет. Речи се толмачил Онтюшка Одинцов.

III. — 155-го февраля в 19 день воеводы Василий Никитич Пушкин да Кирило Осипович Супонев, сей выписки слушев, велели ему тот купленный ясырь крестить, а крестя и в том по нем взять поручную запись, что ему самому блудом с нею не воровать и беззаконно не жить и рабе...¹ невольять, а держать ее для работы у женатых казаков или у промышленных людей, которые с жемани живут.

Помета: Против челобитья и дьячей пометы духовных дел приказным ценом память послана.

К. 191, столб, 23 на 145 остават; сст. 41.

111. 1647 г. августа 28. — Поручная Нехорошего Павлова с товарищами якутской съезжей избы деньщику Василью Булыгину по торговом человеке Иване Сверчкове в непродаже и невывозе им к «Русе» подгородного якута Керчика Онтолова сына.

Се аз Нехорошей Павлов, да яз Безсон Сидоров, Григорей Иванов Тотарин, Иван Никитин Золотухин, Богдан Алексеев Медведикий, Афонасей Иванов Брусенкин, Якутского острогу служилые люди поручилися есми в Якутском остроге съезжие избы деньщику Васье Афонасьеву Булыгину по торговом человеке по Иване Никонове сыне Сверчкове в том, что в нынешнем во 155-м году в Якутском остроге бил челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии, а в съезжей избе воеводам Василью Никитичу Пушкину да Кирилу Осиповичу Супоневу да дьяку Петру Стеншину подал челобитную Накорского роду подгородной якутишко именем Керчик Онтоулов сын о крещении в православную христианскую веру. А окрестя де ему Керчику жить у него Ивана Сверčkova на займке. И ему Ивану Сверчкову за нашу порукою взять его из Якутского острогу вверх по Лене реке на свою займку и держать его у себя на займках, а к Русе его Керчика не вывести и иному никому ни продать ни заложить. А буде он Иван Сверчков за нашу порукою того якута Керчика окрестя не учнет его по Лене реке у себя на займках держать и вывезет его к Русе, или иному кому продаст или заложит, и будет того якута впредь спросят воеводы Василий Никитич Пушкин с товарищи, а у него Ивана в лицах его не будет, к Русе сошлет или продаст иному кому, и на нас на порутчиках государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии пеня, а пеню что государь укажет, и наши порутчиковы головы в его Иванову голову место. А которой нас порутчиков в лицах, на том государева пеня и порука вся сполна. На то послуш торговый человек Федор Федоров сын Анофреевых Усолья Камского. Поручную писал Якутского острогу площадной подьячий Вахромейко Максимов лета 7155-го году августа в 28 день.

На обороте: К сей поручной вместо десятника Нехорошева Павлова и вместо Бесона Сидорова и свое в место по их велению Гришка Иванов руку прило-

¹ Два слова не разобраны.

жил. К сей поручной вместо Ивана Золотухина да Афанасья Брусенкина по их веленью Ивашко Лупанов руку приложил. К сей порушной вместо Богдана Алексеева по его веленью служивой человек Мартынка Иванов руку приложил. Послух Федько Федоров Анофреевых руку приложил.

Помета: Взять к делу.

К. 191, столб. 23 на 145 сставах; сст. 88.

112. 1648 г. августа 19—1649 г. января 15. — Дело о крещении якутской «погромной девки», принадлежащей якутскому служилому человеку Григорию Кривоогорнищину.

I. — Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом холоп твой Якутцкого острогу служилый человек Гришка Яковлев Кривоогорнищын. В прошлом, государь, во 147-м году в старом в Якутцком остроге купил я холоп твой из войска погромную девку имя Лялтой. Милосердый государь царь и великий князь Алексой Михайловичь всеа Русии, пожалуй меня холопа своего вели, государь, в Якутцком остроге ту купленную мою девку в православную христианскую веру привести, молитву дать и крестить. Царь государь, смилюйся.

Помета: 156-го августа в 19 день дать память, велеть крестить.

156-го августа в 20 день память приказным дана.

II. — И 157-го генваря в 15 день по сыюку в Якутцком остроге против челобитья Гришки Кривоогорнищина и по памяти, какова по ево Гришкину челобитью к архиепископским духовных дел праказным помом о крещенье якуцкой девки имя Глойка послана, и после того Гришкина жена Кривоогорнищина новокрещена Ульянка в тое якутцкой девки место, на которую девку о крещенье память послана, крестить попам привела, и крестила иную якуцкую девку Кысыкайку, крещеное ей имя дано Анютка. И за то Гришкина жена Кривоогорнищина Ульянка бита батоги и крещеная девка Анютка отдана ей на время: как ее спросят, и ее поставить в съезжей избе.

К. 191, столб. 23 на 145 сставах; сст. 130—131.

113. 1649. г. не ранее июля 25. — Изветная челобитная якутского сына боярского Воина Богданова, ссыльного Матвея Сосновского и других служилых людей, поданная якутскому воеводе Дмитрию Францбекову о разных злоупотреблениях в Якутском остроге торговых людей и их приказчиков.

Список с челобитной слово в слово. Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьют челом и извещают холопи твои на торговых и на приказчиков и на людей их Якутцкого острогу сын боярский Воинко Богданов да ссыльный Матюшка Сосновский да пятидесятники и десятники и рядовые служилые люди. . . Далее следует 198 имен. Служим мы холопи твои тебе государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии и блаженные памяти отцу твоему государю великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии и прежним государем такоже служили лет по 20-ти и по 30-ти и по 40-ку и по 50-ти и больши всякис твои государевы службы и проведали великую реку: Лену и иные многие захребетные реки, и многих иноземцов розных язьков по многим новым землям под твою царскую высокую руку приводили и на тобя государя ясак с них збираем, и новую землю великую реку Шилку и иные многие великие реки и по Ламе реки ж проведали. И на тех твоих государевых дальбых службах за тобя государя кровь свою проливаем, многих, государь, нас холопей твоих побивают, а иные голодною смертью помирают. А которые, государь, живы остаемся, мы холопи твои на тех же твоих государевых службах многую бедность, голод и нужу терим и всякою нечистою ядью души свои скверним. А подымаемся мы холопы твои на те твои государевы службы, должимся у торговых людей хлебным запасом и служебным всяким заводом в дорогую цену, и кабалы на себя даем вдвое и втрое, а пуд муки емлем по 2 руб. и по 3 и по 4 и по 5-ти руб. и больши, а сукна белово-сермяжного // аршин по 10-ти алт., а обувь, чарки и топоры по рублю и по 40-ку алт., а котлов медных и олова гривенка по полтине и больши, а холсту аршин по 5 алт. и по 2 гривны. И будучи, государь,

мы холопи твои на тех твоих государевых дальних службах, после твоих государевых ясашных зборов, сами из зимовей на лес выволочась, промышленям соболишка своими промыслы. И те, государь, промышленные свои соболишка мы холопи твои привозя в Якуткой острог объявляем в съезжей избе твоим государевым воеводам. А воеводы, государь, нас холопей твоих из съезжей избы отсылают с тою нашею рухлядишкою в таможенную избу. И в таможенной, государь, избе емлют с нас холопей твоих с той нашей рухлядишка десятую лутчие соболи. А которые, государь, торговые люди ездят на великую реку Лену, и которые с Москвы и с быных с русских городов посылают прикащиков и людей со всякими рускими товары и с хлебными запасы, и те, государь, торговые и прикащики и люди их посылают с Ленского Илимского волоку и с Якутского острогу на соболиные промыслы покручеников своих со всякими запоевными товары и хлебными запасы для торгу и промены иноземцы, не отъязая в съезжей избе и в таможнях, без подписных челобитных и без проезжих грамот, и садятся около ясачных зимовей, и ясачных и неясачных людей иноземцов преж твоего государева ясачного збору отговаривают. И те, государь, купленные соболи и всякую рухлядь они торговые объявляют и сказывают в таможнях своего промыслу. И в том, государь, чиница твоей государеве казне в ясачном зборе великой // недобор, а на нас, государь, холопей твоих твои государевы воеводы того недоборного ясаку спрашивают. Да они же, государь, торговые люди выбирают в съезжую избу и в таможни из промышленных и из гулящих людей в целовальники из наймов, а наймуетца 1 человек года по 2 и по 3, а найму, государь, дают человеку на год рублев по 50-ти и по 80-ти и больше. Да в нынешном, государь, во 157-м году, как приехал в Якуткой острог твой государев воевода Дмитрий Андреевич Францбсков да дьяк Осип Степанов, сказывали им торговым против твоего государева наказа, чтоб они торговые и промышленные люди объявлялись, приезжая в Якуткой острог со всякими своими с рускими товары и с [х]лебными запасы и со всякою мяхкою рухлядью, в съезжей избе. И они, государь, торговые люди, которые в нынешном во 157-м году в Якутском остроге таможенные целовальники, гостинной сотни Мелентей Крестьянинов да гостинной же сотни Василий Горбов да торговые же люди Осип да Иван Осколковы с товарищи, в съезжей избе воеводе Дмитрию Андреевичу Францбекову да дьяку Осипу Степанову, твоего государева указу не послушав, в том отказали, что де им торговым людям на отъязку с рускими товары и с мяхкою рухлядью в съезжую избу не бывать и промышленных людей с мяхкою рухлядью не посылывать. Да в нынешнем же, государь, во 157-м году, как мы холопи твои проводили твою государеву новую землю на великую реку Шилку волок вверх по Олекме и по Тутгирю реке и через волок тес протесали, и про то сведав торговые люди, что на Шилку реку путь по Олекме и по Тутгирю проведав, а река новая, собольная и иноземцов тунгусов и дауров, и всякого зверя соболей и лисиц и рысей много, и те, государь, торговые люди Василья Записи прикащик Семен Нерадовской да Осип да Иван Осколковы да Матфей Ворыпаев и иные торговые и промышленные люди с усть Олекмы, не плавая, в Якуткой острог по Олекме и по Тутгирю вверх и за волок на Шилку реку послали прикащиков своих с покрученики судов с 20 и больше для ради своих промыслов и торгов, // потому что, государь, на Шилке реке около князца Лавкая живут многие новые неясашные люди тынгусы и дауры родами, родов их с 50 и больше, а в роду у тунгусских князей человек по 200 и по 300 и больше. Да они же, государь, торговые люди, как приезжают с Руси на Илимской Ленской волок и на Лену, по займам около усть Куты и Чючюйского волоку задалживают всех пашенных крестьян, и у тех пашенных они торговые люди емлют всякие хлебные запасы за долг дешевою ценою, а у иных выкупают тож дешевою ценою. И кутя, государь, те хлебные запасы у всех пашенных крестьян по займам, они торговые привозят в Якуткой острог и, промеж собою зговоряся, продают те хлебные запасы по своей мере дорогою ценою, а нам холопам твоим кроме их торговых купить и должитца не у ково. Да они же, государь, торговые люди и прикащики и люди их у ясачных якутских князев и у их улусных людей увозят тайным обычаем яса их и детей и дочерей безъявочно и без подписных челобитных и без проезжих грамот из Якутского острогу вверх по Лене на займку и на Ленском Илимском

волоке и в Енисейской острог и к Русе, а иные за море на Индигирку и на Ковьму реки для продаж. Да они ж, государь, торговые люди были челом тебе государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси на Москве составным ложным челобитием, будто мы холопи твои провозим из сибирских городов к Русе тайным обычаем обводные соболы и всякую махкую рухлядь. И нам холопьям твоим, по тому их составному ложному челобитию, по твоему государеву указу велено впредь из сибирских городов вывозить к Русе всего и с паями на 50 руб., а больш, государь, того нам холопьям твоим вывозить не указано. А они, государь, торговые и их люди и приказчики провозят // к Русе сами многую рухлядь тайным обычаем головные добрые соболы, а в твою государеву казну десятою платят с соболей и со всякой рухляди соболы плохие хвостовые: [А каковы], государь, соболы в Якутском остроге в десятинном зборе, и те, государь, десятинные соболы и всякая махкая рухлядь объявится у тебя, государя, на Москве, и то будет все знатно. А которые, государь, торговые люди были в прошлых во 153-м и во 154-м и во 155-м и во 156-м и в нынешнем во 157-м году у твоих государевых дел в съезжей избе и в таможенных и у житниц и по ясащным зимовьям для твоих государевых ясащных зборов в целовальниках, и они, государь, торгуют и на промыслы отпускают. Во 154-м году отпускали из таможи таможенной голова Первой Усачев Ивашки Беляши племянника ево Ивашка Иванова вверх по Олекме на соболиной промысел, а тот Ивашко Беляша в прошлом во 153-м году был у твоего государева дела в съезжей избе в целовальниках, Микулки Микулина приказчика ево Левку Моронцова устюжанина отпускал с торгом в Жыганы, а тот Микулка Микулин был в целовальниках во 154-м году в съезжей избе, да и сам тот Первой Усачев ужны свои на промыслы отпускал же. Да во 156-м году отпускал из таможи таможенной целовальник москвитин гостиний сотни Мелентей Крестьянинов на соболиной промысел того ж Ивашки Беляши племянника ево Ивашка Иванова, да преждево таможеннова подьячево Васьки Скобельского дворового человека ево Петрушку Савина с иными промышленными людьми, подставом, вверх по Олекме и по Тугиру реке на Шилку для торгов с новыми иноземцы со всякими заповедными товарами, с откасы и с топоры и колы и з доски с кучными и с пшашки и стрельных железы, // и они, государь, на Шилке упромышлял, кроме торговли, по 3 сорока соболей на ужну. И в нынешнем, государь, во 157-м году торговые же люди, будучи у твоего государева дела в таможе в целовальниках, москвитин гостиний сотни Василий Горбов да торговой человек Иван Осколков, торгуют и на соболиные промыслы отпускают. А твой государев указ во всех сибирских городах и на великой реке Лене, что и воеводам и дьяком и письменным и таможенным головам и целовальником, будучи у твоих государевых всяких дел, не торговати и не промышляти и на промыслы оных ужин не отпускаи и никому ни в чом не норовити. А во всех, государь, сибирских городех и в Мангазее в твоих государевых наказах пишут нам холопьям твоим по ясащным зимовьям, что у торговых и у промышленных людей заповедных товаров, сабель и копей и палем и топоров и кучков и панцирей и пшашков и наручей и ножей и пил и стрельных железец осматривать и обыскивать накрепко, чтоб отнюдь им торговым и промышленным людям с собою не возить и с иноземцы не торговати. А в Якутской, государь, острог нам холопьям твоим, которые посылают по ясащным зимовьям для твоих государевых ясащных зборов, дают наказные памяти. А того, государь, в наказах не пишут о заповедных товарах, чтоб у торговых и у промышленных людей осматривать и обыскивать, потому что, государь, они торговые люди и воеводам послушны и чинятца сильны и во всем отказывают и из таможи ко счету книг помесечно в съезжую избу не носят и отчету в таможенном зборе не дают и в книги лишних товаров, у ково в лишке сверх проезжих грамот объявляются, нороя своей братье не записывают. Да в прошлом же, государь, во 154-м году были челом составным ложным челобитием блаженные памяти отцу твоему государеву великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси в Якутском остроге в съезжей избе твоим государевым воеводам Василию Никитичю Пушкину с товарищи они ж торговые люди Василей Дрягин устюжанин, Григорей да Федор Прокопевы да Иван Степанов лаличи. Иван Борисов Беляша яраславец. Осип Елезов, Иван Емельянов усольцы, Андрей

Косицын колмогорец, Лучка Гундоров устюженин с товарищи о убавке в весу о контаре и о безменах для того, чтоб во всяком в контарном и в безменном весу им торговым людям в их торгах прибыль была. А тот Григорей Прокопьев лалетин был у твоих государевых всяких хлебных запасов у приему и у роздачи на Ленском Илимском волоку во 153-м году в целовальниках и твои государевы воеводы Василий Никитичь Пушкин с товарищи по их составному ложному челобитью контаря и безменов убавили. А тот, государь, контарь и против того контаря безмен был Енисейского острогу таможенных голов Семена Бобровского да Елисея Турунтаева припуску. И убавлено, государь, у наших 'окладов у весу у 20-ти у 5-ти пуд у 9-ти гривенок с четью гривенкою 2 пуда с четью пудом. Мелосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй нас холопей своих вели, государь, сию нашу изветную челобитную в Якутском остроге своему государеву воеводе Дмитрею Андреевичу Францбекову да своему государеву дяку Осипу Степанову принять и послать к тебе государю к Москве под отпискою. И пожалуй, государь, нас холопей своих вели, государь, тот убавленной контарь и безмен сверстать против прежнего. Царь государь, смилуйся пожалуй.

А подлинная челобитная послана ко государю к Москве.

К. 194, столб. 37 на 45 состав; сст. 11—19; современный список. Датирован на основании времени приезда воеводы Францбекова в Якутск.

114. 1652 г. августа 24. — Дело о растрате целовальниками якутской съезжей избы Константином Ивановым и Андреем Дубовым казенных денег.

I. — Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии быют челом сироты твои съезжие избы целовальничийшка Костька Иванов да Ондрюшка Дубов. В нынешнем, государь, во 160-м году сентября с 1-го числа при твоём государеве стольнике и воеводе при Иване Павловиче Акинфове да при дяке при Осипе Степанове были мы сироты твои в съезжей избе у твоей государевы казны в целовальниках у приему и у роздачи вместе. А издержали мы сироты твои из твоей государевы казны, не доложив твоего государева стольника и воеводу Ивана Павловича Акинфова да дяка Осипа Степанова, твоих государевых денег 96 руб. на свои расходы. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй нас сирот своих вели, государь, сию нашу повинную челобитную в Якутском остроге в съезжей избе своему государеву стольнику и воеводе Ивану Павловичу Акинфovu да дяку Осипу Степанову принять и по той нашей челобитной вели, государь, свой царьской указ учинить. Царь государь, смилуйся пожалуй. //

На обороте: К сей челобитной Костька Иванов руку приложил. К сей челобитной вместо целовальника Андрея Яковлева Дубова по его веленью Родька Фомин руку приложил.

Помета: 160-го августа в 24 день взять к делу.

II. — Да целовальник же Ондрюшка Дубов бил челом словесно, чтоб Костьку допросить, где он Костька ту отпись взял. И целовальник Костька сказал, что де та отпись в 62 руб. дачи Ондрюшки Дубова, а давал де те деньги Ондрюшка Дубов, а как де к нему Костьке зашла, того де он Костька не упомнит; да он же де Костька издержал государевых денег на свой расход 15 руб. да дал взаймы подячему Онкудину 5 руб., а иных денег де не упомнит где издержал.

Костька Иванов руку приложил. //

III. — Да целовальник же Костька Иванов бил челом словесно, а оказал, что де у него Костьки серцо болит, и велеть бы ему Костьке призвать преждево отца его духовного попа Степана, чтоб ему Костьке исповедатца. И стольник и воевода Иван Павлович Акинфов да дяк Осип Степанов того ж часу велели к нему Костьке призвать отца его духовного попа Степана, и он Костька попу Степану исповедался. И стольник же и воевода Иван Павлович Акинфов да дяк Осип Степанов перед концом, после исповеди отца его духовного попа Степана, при нем же Степане да при игумене Варламе да съезжие избы при подъячих при Семене Ермолине да при Семене Абрамове да при Онкудине Титове да при Даниле Игумнове да съезжей же избы при целовальниках при Иваншке Помаскине да при Ондрюшке Дубове его Костьку допрашивали, какая у него Костьки болезнь. И це-

ловальник Костыка Иванов в роспросе сказал, что де он Костыка выпил в яйце 2 золотишка сулемы, потому что сам он Костыка беден, пить есть ему Костыке нечево, а в долг никто ни в чем не верит, а сулема де у него Костыки давно была припасеца для того, что у него давно было мыслено опитца. Да он же Костыка сказал, что есть де государевых переводных денег на товарище ево на Ондрюшке Дубове по счетному списку при прежних воеводах при Василье Пушкине с товарищи 8 руб. Да в прошлом де во 158-м году взял у него Костыки государевых денег подъячей Онкудин Титов 40 руб. на хлебную покушку себе, да он же де Онкудин взял государевых же денег у него ж Костыки 5 руб. Да ему ж де Онкудину дал Ондрюшка Дубов государевых же // денег 3 руб., да на нем же де Онкудине за государевы летчины взять за 5 арш. полтретья рубли по полтине за аршин, да на нем же де Онкудине за умершие статки 7 руб., которые проданы ему Онкудину из государевы казны, а в книгах не записаны, а чьи де статки были, того де он Костыка не упомнит. Да он же де Онкудин с ним Костыкою купил быка, а дали за того быка государевых пошлинных денег 10 руб. Да он же де Костыка с ним же Онкудином вместе отнесли к дяку к Осипу Степанову на двор кабаду в государевых деньгах, что он Осип занял в прошлом во 157-м году на Ленском волоку в 19-ти руб., а денег де по той кабале не взято, а на иных де ни на каких людех государевых никаких денег нет, а на ком де что было государевых денег взято, и тому де у него Костыки была написана изустная память, и ту де память взял у него Костыки Ондрюшка Дубов. И целовальник Ондрюшка Дубов сказал: 8 де руб. государевых денег на нем Ондрюшке были, и только де в приходной книге те деньги не написаны, и те деньги на нем Ондрюшке, а изустные де памяти он Ондрюшка у него Костыки не имывал.//

На обороте: Целовальник Ивашко Борисов Помаскин вместо целовальника Ондрея Дубова по ево велению руку приложил.

IV. — А подъячий Онкудин Титов сказал, что де он Онкудин никаких государевых денег и статков у него Костыки из государевы казны не имывал, тем де ево Онкудина он Костыка поклепал напрасно по недружке, а летчину де он Онкудин из государевы казны 5 арш. у него Костыки имал и за то де летчину ему Костыке и деньги он Онкудин платил по полтине за аршин. Да Онкудин же бил челом словесно, как де в нынешнем же во 160-м году генваря в 5 день поезжал из Якутского острогу товарищ ево Костыкин Ондрюшка Дубов для государева ясачного збору в ясачные волости, и в те де поры стольник и воевода Иван Павлович Акинфов да дяк Осип Степанов их целовальников Костыку и Ондрюшку про государевы деньги допрашивали, и они де Костыка и Ондрюшка в те поры ни на ком государевых денег в долгу не сказали и скаску за руками дали. И в том слася Онкудин на их скаску. Да подъячий же Онкудин бил челом, чтоб ево Костыку в том велели пытать, что де он Костыка на нево Онкудина то затеял про государевы деньги. И против ссылки подъячево Онкудина Титова сыскана в сыезжей избе скаска целовальников Костыки Иванова да Ондрюшки Дубова за руками.

На обороте: Подъячий Смейка Абрамов руку приложил. Исачко Вахрамеев руку приложил. К сей своей скаске Онкудинко Титов руку приложил.

К. 198, столб. 5 на 48 сставах, сст. 6—10. Конец дела, в котором приводится опись принадлежащего Константину Иванову имущества, конфискованного после его смерти в казну. и постановление о взыскании части растраты, падавшей на Андрея Дубова — опущен.

115. 1652—53 гг. — *Отписка новоприборного служилого человека Юрия Селиверстова якутскому воеводе Ивану Акинфиеву об убийстве покрывченника Семена Фомина новоприборными служилыми людьми Иваном Абросимовым и Гаврилой Алексеевым, которые «стакався с торговыми людьми» завели на реке Яне «круги и бунты».*

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии стольнику и воеводе Ивану Павловичу Акинфиеву да дяку Осипу Степановичу новоприборной служилой человек Юшко Селиверстов челом бьет. В прошлом во 159-м году послан яз Юшко из Ленского острогу по государеву указу и по наказной памяти воеводы Дмитрея Андреевича Францбекова за государевую ленскую печатью и за дьячею рукою на государеву дальнюю службу с служилыми охо-

чими людьми. И в прошлом во 160-м году июля во втором числе новоприборные служилые люди Ивашко Обросимов да Гаврилко Алексеев на Яне реке, ставаясь с торговыми и с промышленными людьми, и крути и бунты завели, гостя Василия Шорина люди его Семен Иванов да Василий Власов да гостя Василия Записи прикащик Иван Ондриев Широкой да гостя Кирилла Босово атракащик Максим Тимофиев Бушковой да гостинной сотни Павла Денисова человек его Офонасей Григорьев да прикащик его Григорей Юрьев да промышленные Данило Михайло: да Михайло Максимов да Григорей Емельянов с товарищи, всех их 27 человек. Да у него же Семена Иванова на судне шел человек на покROUTE Семейка Фомин, и он Семейка Фомин государево дело сказал на него Семена Иванова, и он его Семейку хотел убить. И тот Семейка у него Семена Иванова убежал ко мне Юшку и велит себя выслать в Якутской острог, и мне было выслать не с кем. И он Семен Иванов наймывал убить того Семейку Фомина моих охочих новоприборных людей Ивашка Обросимова да Гаврилка Алексеева, и им его Семейку убить не дал. И оне Ивашко Обросимов с товарищем своим подозревали того гостя Василия Шорина людей его Семена Иванова с товарищи 27 человек, и пришли ко мне Юшку в балаган и на судно и служилых людей били и изувечили. А иные служилые люди были на рыбной ловле, перемерзли и перезебли, их всех бив и перевязали и по судам врознь развозили, и того Семейку Фомина в балагане убили до смерти. И в та поры живот мой Юшков розграбили и развозили с служилых людей, а живота моего обрали и развозили на 950 руб., а называют тот живот Дмитрея Ондриевича Францбекова, с нас же имел да с торговых и с промышленных людей да тебя де отпущал. И тех служилых людей Кирилл Никитина, Тимошка Ульянова, Федьку Гаврилова, Ивашка Семенова, Оксенко Филатова, Онаньку Григорьева да Евсейку Игнатьева, Якуньку Петрова и на судах били, изувечили навек, сторонниками доспили, и держали связанных дни по 2 // и по 3 и по 5. И как их служилых людей отпусти[ли], и оне два что приволоклись к себе на судно. И по государеву указу кликати охочих служилых людей в службу и осужать стало нечем, опраблен и разбит, а старых служилых людей мало, изувечены навек, и стали наги и босы, а хлебные запасы придерживались, и хол[од]ны и голодны. И от их Семенова наси́лства государева служба стала, итить морем и на остров и кость промышлеть не с кем и нечем. Да после грабежу приходил тот Семен Иванов к новоприборному служилому человеку Тимошке Ульянову, говорил: хотя де вас и всех убьем, ино де нас Василий Григорьевич не велит повисить за вас. И от их наси́лства итти стало некуда, жить до государева указа. А у меня Юшка явлено прибыл государю в казну 50 пуд кости рыба зуба. Да он же Семен Иванов похвалетца, не диковинно де вас убить, много де и воевод по городам убивают, да и от того де ничего не длетца. Да того же году августа в 1 день на Яне реке приходил ко мне промышленной человек Захарко Кирилов и сказывал мне Юшку: говорят де торговые и промышленные люди, только де нас станут служилые люди в том убийстве нас иметь, и мы де вас всех прибьем, что свиней на голову. Да во 160-м году августа 20 день те же служилые люди Ивашко Обросимов да Гаврилко Алексеев да с ними же ставаясь моих же охочих служилых людей Данилко Филипов, Тимошка Ульянов, Оксенко Фитьев все вместе стояли на усть Ковымы реки сухие протоки на обсушке, и меня Юшка хотели убить и загрозили и вымучили всякими угрозами кабалы вымучили и в казенку загнали, и вперед на меня похвалялись всякими недобрými делы. Да у тое же сухие протоки стояли на обсушке, и тот Иван Обросимов да Гаврилко Алексеев и запасы были многие на козлах складены и государевы товары многие, и оне Ивашко да Гаврилко те запасы и товары свозили крадом к торговому человеку Григорью Юрьеву на судно и называют тот запас и товар воеводы Дмитрея Ондриевича Францбекова. Да и на море нашли кочичко плавает разбитое, и в нем нашли смолы да товары во выюках связаны, не ведаю какие, и они и то все свезли на судно к нему же Григорью. И пришедши на Ковыму реку в Нижнем ясячном зимовье в протоке подали челобитную 5 человек моих полчан: Ивашко Семенов, Данилко Филипов, Кирилл Никитин, Онаньку Григорьев, Оксенко Филатов. А в челобитной их написано на моего же Юшкова полчанина Гаврилка Алексеева, что де тот Гаврилко хотел // с государевы службы збежать и

государеву казну хочет покинуть, да прежде де сего служилой же человек Ивашко Обросимов збежал с государевы службы и государеву казну покинул, да у них же в челобитной написано, идучи с Яны реки морем на Ковыму реку государевы хлебные запасы и товары с государева кочья свозили многие к торговому человеку Григорью Юрьеву на кочь, да у них же написано, велено взять у него Гаврила его хлебные запасы и промышленные заводы государю в казну до времени. И я Юшко те запасы и промышленные заводы взял государю в казну, и нынешняго 161-го году, пошед на государеву службу, те его Гаврилковы запасы и промышленные заводы отдал назад для ради его подьему, что ему итти на государеву службу нечем поднятца. А та челобитная подклеена под сею отпискою, да тут же подклеены 2 явки гостя Василья Шорина на людей его Семена Иванова с товарищи на 27 человек, да другая явка на Григорья Юрьева. Да чтобы вам пожаловать, государевым воеводам, не отпущать тех людей Василья Шорина людей его Семена Иванова, да Ивана Ондриева Широкова, да Григорья Юрьева, да промышленных людей, которые писаны в сей отписке, да меня Юшка для ради справки, чтобы мне холопу государеву службы не отбыть и вконец не загинуть.

К. 197, столб. 2 на 57 страницах; сст. 19—21.

116. 1653—54 гг. — Дело об отнятии соболя, палем и избении холопа, принадлежащего ясачному якуту Намской волости Косичке Ивееву служилым человеком Иваном Михайловым.

I. — Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси бьет челом сирота твой Намской волости ясачной якут Косичка Ивеев. Жалоба, государь, мне на служилого человека на Ивана Михайлова. В прошлом, государь, во 161-м году он Иван отнял у меня сироты твоего соболя да 2 пальмы, да он же Иван бил холопа моего кулаками и топтал ногами и изувечил того холопа моего навек. А соболю, государь, цена 2 руб., а пальмам цена 20 алт. Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй меня сироту своего вели, государь, на того Ивана в том моем иску и холопа моего в увечье дать свой царской суд и управу. Царь государь, смилуйся. //

II. — И против сей челобитной служилой человек Ивашко Михайлов в приказной избе ставлен и допрашиван, а в допросе сказал: в прошлом де во 161-м году он Ивашко у исца Косики Ивеева соболя и дву палем не отнимывал и холопа ево Косикина он Ивашко не бивал.

На обороте: К сим допросным речам вместо служилого Ивана Михайлова по его велению служилой человек Богдашка Гаврилов и руку приложил.

К. 196, столб. 4 на 276 страницах; сст. 256—257.

117. 1657 г. апреля 13. — Наказная память якутского воеводы Михаила Лодыженского в Олекминской острожке служилому человеку Михаилу Дехтерю о приказе якутам держать скот подальше от русских пашен и об отводе сенных покосов пашенным крестьянам Богдану Астрахану и Онанью Воробью.

Лета 7165-го апреля в 13 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича [т.] указу память в Олекминской острожке Якутского острогу служилому человеку Мишке Дехтерю. В нынешнем во 165-м году апреля в 11 день писал в Якутской острог к стольнику и воеводе к Михаилу Семеновичу Лодыженскому да к дьяку к Федору Тонкову служилой человек Вахрушка Попов, где де поселились пашенные крестьяне Богдашка Асторохан да Онанша Воробей, и в том де наволосе пахотных мест мало, а сенных покосов много, а с якутами де у них о сенных покосах безпрестани брань, а городьбы де у них у Богдашки с товарищи около пашни нет, а олекминским якутом сенными покосы гораздо нужно, потому что место у них тесное, всего житья от Верхние Черепанихи верст на 10, мало больше по одну сторону реки, и пашенные де многих якутов сенными покосы потеснили, и есть де остров близко якутов за протокою, и того де острова вперед якутом под сенные покосы они пашенные дать не хотят же; да те ж де пашенные крестьяне хотят всегда якутов бить и увечить, а о чем де государю они пашенные на якутов, а якуты на них пашенных побьют челом, и пашенные во всяком челобитье хотят правы быть без сыску, и во всем де на него Вахрушку досаждают

и угрожают. И как к тебе ся память придет, и ты б якутом велел от пашенных крестьян скот держать верстах в 5-ти или в 10-ти для того, чтоб скотом у пашенных крестьян хлеба не погравить. А сенных покосов пашенным дать бы на человека по 3 десятины, а больше того не давать, а достальные сенные покосы все отдашь якутом. И вперед бы якутом от пашенных и от русских людей обиды никакие // не было. А будет хто чем русские люди якутов изобидят, или якуты русских людей, и тебе б про то сыскивать подлинно, а по сыску чинить наказанье, чтоб на то смотря вперед неповадно было иным воровать. А будет русские люди или пашенные крестьяна учинятца сильны и непослушны, и тебе б тех непослушных людей присылать в Якутской острог за крепкими пристава. А будет твоим Мишкиным нерадением якутом от пашенных крестьян или от иных от русских людей какая обида учинитца, а после про то сыщетца допрама, и тебе по государеву указу быть в жестоком наказанье без пощады.

К. 198, столб. 17 на 60 оставах; стр. 1 - 2.

118. 1657 г. мая 18. — Наказная память якутского воеводы Михаила Лодыженского в Олекминский острожек служилому человеку Михаилу Дехтярю о разрешении мальгягарским якутам Дурею Изикееву с братьями жить и сенные покосы косить на старых местах, о защите олекминских якутов от пашенных крестьян Богдана Астрагана «с товарищи» и о приеме хлебных запасов для даурских служилых людей.

Лета 7165-го мая в 18 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича [т.] указу память в Олекминской острожек Якутцкого острогу служилому человеку Мишке Дехтярю. В ныншнем во 165-м году мая в 17 день был челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичу [т.] словесно Мальгягарской волости ясачной якут Дурей Изикеев, а в Якутском остроге в приказной избе стольнику и воеводе Михайлу Семеновичу Лодыженскому да дяку Федору Тонково сказал, что Олекминского острожку меитские якуты Дексильей шаман да Теткуй да Курта да Батур Оргузеовы ему Дурею да брату ево Одурею блиско Олекминского острожку жить не велят и сенных покосов не дают. И как к тебе ся память придет, и ты б тем мальгягарским якутом Дурею з братьями велел жить около Олекминского острожку на старых жилищах и сенные покосы ему Дурею да брату ево Одурею велел косить, где они наперед сего кашпывали, а меитским якутом их ничем обидить не велел. Да в Якутском же острогу стольнику и воеводе Михайлу Семеновичу Лодыженскому да дяку Федору Тонково ведомо учинилось, что Олекминского острожку пашенные крестьяне Богдашко Астрахан с товарищи олекминским якутом налоги многие чинят и сенных их якутских покосов косить и в озерах и на реке рыбы ловить не дают для своей бездельной корысти. И тебе б Мишке олекминских якутов от пашенных крестьян оберегать и обид им никаких чинить не велеть. А будет они пашенные крестьяне вперед учнут олекминским якутом какие хто сколько скажет обиды и насильства чинить, а ты их унимать не учнешь, и тебе и пашенным за то по государеву указу быть в жестоком наказанье бес пощады. Да тебе ж Мишке взять у хлебных приемщиков у Сеньки Епишева с товарищи 50 пуд муки ржаной. А приняв те хлебные запасы блюсти их в Олекминском острожке про запас для приезду даурских служилых людей, которые будут вперед из Даурской земли придут за государевую казною. А займы в Олекминском острожке служилым людям и пашенным крестьяном того не давать и себе не имать и на иные ни на какие расходы не держать. А будет ты Мишка те хлебные запасы кому отдашь займы и себе возьмешь, или на иные какие расходы без указу тот хлеб отдашь, и тот хлеб велят доправить на тебе Мишке вдвое безо всякие пощады.

К. 198, столб. 17 на 60 оставах; стр. 3.

119. 1658 г. июля 26. — Память служилому человеку Безчастному Мошину на Чичюйский волок о понуждении местных пашенных крестьян работать на государственной десятинной пашне.

Лета 7166-го июля в 26 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича [т.] указу память на Чичюйской волок служилому человеку

Безчасному Мошинцову. В нынешнем во 166-м году сентября в 22 день писал ты в Якутской острог к стольнику и воеводе к Михайлу Семеновичу Лодыженскому да к дьяку к Федору Тонкову, что де в прошлом во 165-м году весною Якутского уезду пашенные крестьяне пахали и готовили государевы полудесятины под яровые семена против прежних годов, и яровых де семен прошлых годов на Чичойском волоку в государевых житницах не было, а по отписке де твоей с Ылимского уезду стряпчей и воевода Петр Бунаков на те государевы полудесятины ячменю на семена прислать не указал, и ты де те полудесятины нарежал пашенных крестьян посеять рожью к нынешнему ко 166-му году вместо ярового хлеба, и пашенные де крестьяне тебя не послушали, тех яровых полудесятин вместо ярового хлеба рожью не сеяли, а сказали что де им те яровые полудесятины рожью сеять не в мочь, и били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичу [т.], а тебе подали о том челобитную, и ты тое их челобитную прислал под отпискою к нам в Якутской острог. Да в прошлом де во 163-м году с воровскими казаками с Мишкою Сорокиным из Якутского уезду с розных займок збежали пашенные крестьяне 5 человек, Марчко Михайлов с товарищи, и за тех де беглых крестьян за 3-х человек государеву пашню ржаные десятины и яровые полудесятины указано пахать поручником их, которые по них ручались. И пашенные же де крестьяне Корнишко Алексеев с товарищи, и те их поручники Федька Яковлев с товарищи, тебя не послушали ж, за тех беглых за дву человек, за Стеньку да за Микитку, в прошлом во 165-м году к нынешнему ко 166-му году ржаных десятин под паренину не готовили и не сеяли, и били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичу [т.], а тебе подали о том челобитную они пашенные Федька Яковлев с товарищи, и ты тое их челобитную прислал под отпискою в Якутской острог. // И как к тебе ся память придет, и ты б вперед на государевы полудесятины на семена яровой хлеб купил по тамошней цене государевыми деньгами из таможенных доходов во время дешевою ценою где пригоже, и чтоб та их ¹ пашня не стояла, а по пашенных крестьянех по Федьке Яковлеву с товарищи взял бы еси поручную запись, что им за тех беглых за дву человек пашенных крестьян, за Стеньку да за Микитку, государева пашня ржаные и яровые десятины и полудесятины пахать по их уговору против иных пашенных крестьян, и над ними Федькою с товарищи того смотреть накрепко, чтоб они государеву пашню, их Стенькины и Микиткины паш, пахали с великим радением неоплошно, чтоб государева пашня и их крестьянская пространилась и не запустела. А будет они Федька с товарищи за тех пашенных за дву человек государевы пашни и их крестьянскую учнут пахать оплошно, или учнут каким воровством воровать, и тебе Безчасному меж ними управа чинить смотря по вине, бить батоги нещадно.

К. 184, столб. 3 на 92 страниц; стр. 8—9.

120. 1658 г. августа 3. — Челобитная промышленных людей Ерофея Пиминова и Миклулы Карпова об определении их в число пашенных крестьян на усть Олекмы с обычными льготой и ссудой, и поручная в том по ним разных промышленных и служилых людей.

И. — Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу [т.] бьют челом сироты твои промышленные люди Ярофейко Пиминов, Миклуло Карпов. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович [т.], пожалуй нас сирот своих, вели, государь, нас отпустить к усть Олекме в твою государеву пашню, где поселилися новопашенные Богдан Асторохан с товарищи выше Черепанихи, где пригоже, и всли, государь, земли дать и льготы и скота и хлеба на семена, корму и денег и соли на ссуду, и всякого пашенного заводу, как дано Богдану Асторохану с товарищи. Царь государь смилуйся. //

Помета: 166-го августа в 3 день велеть им в пашне быть и подмота дать против иных таких.

II. — Се яз сын боярской Кирило Терентьев сын Ванюков, да яз пятидесятники Иван Иванов сын Ребров, да яз Олексей Яковлев сын Олень, да яз Иван Ва-

¹ Одно слово не разобрано.

сильев сын Бурлак, да яз десятиники Богдан Алексеев, да яз Семен Иванов сын Брусенкин, да яз служилые люди Олексей Микитин Шолоник, да яз Доментий Федоров Дуров, да яз Михайло Колесов, да яз Семен Костянтинов, да яз Герасим Микитин новокрещен, да яз Иван Борисов сын Пенег, да яз Оксен Торентьев, да яз Иван Семенов промышленной, да яз Данило Скребыкин, да яз Данило салотжник, да яз Сава Семенов, да яз Василий Архипов, да яз торговой человек Федор Иванов Погибин, да яз промышленные люди Кирило Игнатьев Кедровка, да яз Олексей Пантелеймонов Бахарева, да яз Иван Родионов Говор, да яз Первой Кирилов колмогорец, да яз Ярофей Ярыгин Хмелина Обросимов поручились есми в государеву казну по промышленным людем по Микуле Карпове да по Ярофее Пи[ми]нове в том, что с нынешнего 166-го году августа с 3-го числа быти им Микуле да Ярофею за нашею порукою в государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича [т.] на усть Олекмы в острошке во льготной пашне до 169-го году августа до 3-го ж числа; и во 169-м году ко 170-му году засеяти на государя государевыми семенами десятина ржи, а на себя засеяти 2 десятины ржи; да во 170-м году весною засеяти на государя ж на мескотную землю полдесятины ярового хлеба, семена государевы же; и вперед им Микуле да Ярофею пахати на государя по вся годы по десятине ржи да по полудесятине ярового хлеба, а на себя им Микуле да Ярофею пахати хлеба по 4 десятины ржи да по 2 десятины ярового хлеба на человека; а как отойдут льготные годы, и что они сверх указных десятин станут пахать на себя государевы земли сколько десятин, и им с тех десятин давать государю десятой сноп ржаной и яровой; и на пашне //им Микуле да Ярофею для государева хлеба поставити албары и устроити в анбаре закромы. А дано им Микуле да Ярофею для тое государевы новой олекомской пашни на завод, не в отдачу, по коню государевых, да по корове, до по комуту, да [по] топору, по 2 косы, да по двоим сошники, да по 2 серпа на человека, да на емена на корм по 40-ку пуд ржи, да по 20-ти пуд ячмени; да на ссуду на срок взаимы до 169-го году августа до 3-го числа по 5-ти руб. денег, да по 4 пуда соли на человека; и те деньги и соль им Микуле да Ярофею заплатить за нашею порукою в государеву казну на срок, которой выше сего писан. И будучи им Микуле да Ярофею за нашею порукою в государеве пашне зерню и карты не играть и не бражничать и заповедного питья у себя не держать и государевы пашни не запустошить и никаким воровством не воровать и с пашни з государевы не збежжать. А буде они Микула да Ярофей за нашею порукою, взяв государеву жалованье, станут зерню и карты играть и заповедное питье держать или каким воровством воровать, или государевых заемных 10-ти руб. денег и 8-ми пуд соли в государеву казну не заплатят, или з государевы пашни збежат, и на нас на поручниках государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] пеня, а пеню что государь укажет, и наши поручничковы головы в их голову место, и людской хлеб и государевы заемные деньги и соль и скот и всякой деревенской завод и государева пашня и порука вся сполна нерозвигно. На то послух служилой человек Семен Иванов сын Прибылой. А поручную записи писал площадной подьячий Сергушка Брусенкин лета 7166-то году августа в 3 день.

На обороте: К сей поручной вместо отца своего Ивана Иванова по его велению Ондрушка Пермязов руку приложил. *Далее следует еще 10 подписей поручителей.*

К. 184, столб. 3 на 92 состав; стр. 58—69.

121. 1658 г. августа 7. — Челобитная промышленного человека Исака Иванова вятчанина якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому об отводе земли и сенокосов сбежавшего в «Дауры» пашенного крестьянина Никиты Емельянова.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] бьет челом сирота твой промышленной человек Исачко Иванов вятчанин. В прошлом, государь, во 163-м году Якутского уезду с Чичуйского волоку пашенной крестьянин Никита Емельянов с твоей государевы пашни з заимки своей збежал в Дауры и та ево заимка, отводная земля и сенокосы, что лужек за Леною рекою, и по нынешней 166-й год лежит впусте. А после ево Никиты осталось у него ево по-

ставленья избенко маленькое старое, мерою полуторых сажень, да твоя государева лошадь шерстью пегая лет в 15. А та, государь, займка ниже Чичуйского волока плывучи на левой стороне в межах с пашенными крестьяны с Вешпником Емменевым с товарищи на самом верхнем конце. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович [т.], пожалуй меня сироту своего вели, государь, на той займке Никиты Емельянова на ево отводной земли пашенного места и санных покосех, что лужек за Леною рекою, быть в твоей государеве пашне из подмогу мне сироте твоему против иных пашенных крестьян Захара Игнатьева с товарищи. А льготы вели, государь, дать для новой селищбы и дворового строенья на сколько лет ты, государь, пожалуешь. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 166-го августа в 7 день выписать, как давана подмога чичуйским новопашенным крестьяном со 161-го году.

К. 194, столб. 3 на 92 ставая; ст. 64.

122. 1658 г. не ранее сентября 1. — *Счетный список якутской таможенной денежной и соболиной казне за 1653—1658 гг., сбора якутского таможенного головы Андрея Курдюкова.*

Счетной список, что в нынешнем во 167-м году по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича [т.] указу стольник и воевода Михайло Семенович Лодыженской считал в Якутском остроге таможенного голову Андрея Курдюкова с товарищи по ево Ондреевым таможенным приходным денежным и соболиным книгам в приходе и в расходе, что у него Андрея в прошлом во 162 году октября с 9-го числа во 162-м и во 163-м и во 164-м и во 165-м и во 166-м годах сентября по 1 число 167-го году собрано в Якутском остроге всякого государева таможенного збору с торговых и с промышленных людей годового оброку и дьячих пошлин и с русских товаров и с хлебных запасов и с рыбы десятые и записных и весчих и скота пошерстного и рогового и с отпусков отъезжих и посороковых и порублевых и полавочных и избных и печатных пошлин и всякого мелочного таможенного денежного и соболиного збору собрано, и ис того числа денег вышло на таможенные и на всякие расходы, и что мяхлой рухляди и денег принесено в Якутской в приказную избу и отдано в государеву казну, и чего будет денег и соболей недонесено в приказную избу и недодано в государеву казну, или с чего будет государевы таможенные пошлины денег и соболей против государевых таможенных наказов не донято и с чего взято в лишке, и то писано в сем счетном списке порознь по статьям.

Приход и расход деньгам порознь по годом. Во 162-м году // в приходной книге написано: в прошлом во 162-м году таможенного денежного збору принято налицо у таможенного головы у Василия Ростовщикова, что у него собрано в сентябре месяце до приезде в Якутской острог таможенного головы Андрея Курдюкова всяких государевых таможенных денежных доходов 62 руб. 26 алт. 4 д. Збору таможенного головы Андрея Курдюкова. По приходной денежной книге 162-го году октября с 9-го числа да сентября по 1 число 163-го году в Якутском остроге с торговых и с промышленных людей явки по алтыну с человека взято с 489 человек, да из них же оброку по 8 алт. по 2 д. с человека взято с 274 человек; обоего взято оброку и явок 83 руб. 5 алт. 4 д. А с 215 человек взято оброку порознь по 8 алт. по 2 д. с человека, в том числе в Якутском остроге в сентябре в 1-м числе во 162-м ж году до приезде таможенного головы Андрея Курдюкова взято с 13 человек: в Жиганех взято с 47 человек, на Чичуйском волоку в Якутском уезде взято с 21-го человека, в Ылимском остроге и в Верхленском и на Киренге взято с 89 человек, в Енисейском остроге взято с 45 человек. Да по приходной же денежной книге 162-го ж году октября с 20-го числа да сентября по 1 число 163-го году с русских товаров и с хлебных запасов и с рыбы десятые и всякого мелочного таможенного збору взято 127 руб. 18 алт. 4 д. // Да по приходной же денежной книге 162-го ж году октября с 10-го числа да сентября по 1 число 163-го году написано записных и весчих и скота пошерстного и рогового взято 358 руб. 9 алт. 4 д., опричь того, что приписано в той приходной книге в перечню лишку рубль 5 д. Да по приходной же денежной книге 162-го году июля с 11-го числа да сентября по 1 число 163-го году с торговых и с промыш-

ленных людей с отпусков отъезжих и посороковых и порублевых и избных и полавочных пошлин взято 147 руб. 13 алт. 4 д., oprичъ того, что приписано в той приходной книге в перечню лишку 20 алт. 2 д. Да печатных пошлин взято 125 руб. пол-6 д., oprичъ того, что приписано в той приходной // книге в перечню лишку 30 алт. И всего в прошлом по 162-м году октября з 9-го числа да сентября по 1 число 163-го году по таможенным приходным денежным книгам у таможенного головы у Ондreja Курдюкова с товарищи всякого государева таможенного збору с торговых и с промышленных людей годового оброку и явчих пошлин и с русских товаров и с хлебных запасов и с рыбы десяты и записных и весчих и скота пошерстного и рогового и с отпусков отъезжих и посороковых и порублевых и полавочных и избных и печатных пошлин и всякого мелочного таможенного денежного збору собрано 841 руб. 15 алт. 1 д., oprичъ того, что приписано в тех приходных книгах сверх поддennика в перечнях лишку 2 руб. 17 алт. 5 д. // Обоего в приходе по таможенным книгам всяких денежных доходов сентября с 1-го числа 162-го году да сентября ж по 1 число 163-го году 904 руб. 8 алт. 3 д., oprичъ того, что в тех приходных книгах приписано сверх поддennика в перечнях лишку 2 руб. 17 алт. 5 д. // А ис того числа у него ж таможенного головы у Ондreja Курдюкова с товарищи по розходной таможенной книге тех государевых таможенного збору денег на таможенные расходы в таможенно-таможенному коморнику от таможенной избы от сторожи и за дрова и за лучину и за бумагу пишущую и за сало говяжье на свечи, и к тем свечам на свегильна вышло в расход 26 руб. 23 алт. 2 д. А за расходом надобно в Якутском остроге в таможене всякого государева таможенного денежного збору 877 руб. 18 алт. 3 д. И как приложить к тому остатку приписные деньги 2 руб. 17 алт. 5 д. в наличные деньги, и в остатке будет 880 руб. 3 алт. И в Якутском остроге в приказной избе в приходной денежной книге за пометоу дьяка Федора Тонкова написано: в прошлом по 162-м году августа в 31 день Якутского острогу у таможенного головы у Ондreja Курдюкова с товарищи принято в государеву казну ево Ондреева всякого таможенного збору налицо денег 880 руб. 3 алт. //

В прошлом по 163-м году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 164-го году в Якутском остроге с торговых и с промышленных людей явки по алтыну, оброку по 8 алт. по 2 д с человека взято с 234 человек, да явки ж по алтыну с человека взято с 222 человек, всего взято явчего и оброку 72 руб. 6 алт. А оброки взяты с тех з 222 человек порознь по 8 алт. по 2 д с человека, в том числе з 12 человек, которые отъезжали из Якутского острогу на Ленской волок, а оброку и явчие с них взяты в Якутском остроге и писаны выше сего в 234 человеках: в Жиганех со 110 человек, на Чичуйском волоку в Якутском уезде с 13 человек, в Билимском остроге с 56 человек, в Енисейском остроге с 31-го человека. // Да по приходной же таможенной денежной книге 163-го ж году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 164-го году записных и весчих и скота пошерстного и рогового всякого збору взято 384 руб. 9 алт. 2 д., oprичъ того, что приписано в той приходной книге сверх поддennика в перечню лишку 16 алт. 2 д. Да по приходной же таможенной денежной книге 163-го ж году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 164-го году с торговых и с промышленных людей с отпусков отъезжих и посороковых и порублевых и избных и полавочных пошлин взято 145 руб. 28 алт. пол-2 д. и не дописано в той приходной книге в перечень против поддennика 11 руб. 8 алт. 3 д. Да печатных пошлин взято 218 руб. 17 алт. с полуденьгоу и не дописано в той приходной книге в перечень против поддennика 25 руб. 13 алт. 5 д. Всего не дописано в той приходной книге в перечень против поддennика 36 руб. 22 алт. 2 д. И про те деньги у счету столыник и воевода Михайло Семенович Лодыженской таможенного голову Ондreja Кур//дюкова допрашивал, почему у него Ондreja по 163-м году в таможенной денежной книге против поддennика не дописано в перечень и в приказную избу в государеву казну налицо не дал 36 руб. 22 алт. 2 д. И таможенной голова Ондрей Курдюков в вопросе сказал: потому де у него Ондreja те деньги 36 руб. 22 алт. 2 д. в перечень не дописаны,

что де простотою в окладе обложжились и те деньги проронили. И те деньги 36 руб. 22 алт. 2 д. взяти на таможенном голове на Ондрее Курдюкове, потому что не дописаны те деньги в перечень ево Ондреевым нсбереженьем. И всего в прошлом во 163-м году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 164-го году по таможенным приходным денежным книгам у таможенного головы у Ондрея Курдюкова с товарищи всякого государева таможенного збору с торговых и с промышленных людей годового оброку и явчих пошлин и с русских товаров и с хлебных запасов и с рыбы десяты и записных и весчих и скота пошерстного и рогатого и с отпусков отъезжих и посороковых и порублевых и полавочных и избных и печатных пошлин и всякого мелочного таможенного збору собрано 1008 руб. 8 алт. пол-5 д. и с тем что не дописано в приходной книге в перечень против подленика 36 руб. 22 алт. 2 д., опричь того, что приписано в приходной книге в перечню сверх подленика, лишку 16 алт. 2 д. // А ис того числа у него ж таможенного головы у Ондрея Курдюкова с товарищи по росходной таможенной книге тех государевых таможенного збору денег на таможенные росходы в таможенном таможенному коморнику от таможенной избы от сторожи и за дрова и за лучину и за бумагу пишущую и за сало говяжье на свечи и на всякие таможенные росходы вышло в росход 21 руб. 19 алт. 4 д. А за росходом надобно в Якутском остроге в таможене всякого государева таможенного збору 986 руб. 22 алт. пол-3 д. И как приложить к тому остатку приписные деньги 16 алт. 2 д. в наличные деньги, и в остатке будет 97 руб. 5 алт. пол-3 д. И в Якутском остроге в приказной избе в приходной денежной книге за пометою дьяка Федора Тонково написано: в прошлом во 163-м году августа в 31 день Якутского острогу у таможенного головы у Ондрея Курдюкова с товарищи принято в государеву казну ево Ондреева всякого таможенного збору налицо денег 950 руб. 16 алт. пол-3 д.; и не донес он Ондрей в прошлом во 163-м году и в приходной книге против подленика в перечень не дописал и в государеву казну налицо не отдал 36 руб. 22 алт. 2 д., и те деньги взяти на нем Ондрее. //

В прошлом во 164-м году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 165-го году в Якутском остроге с торговых и с промышленных людей явки по алтыну, оброку по 8 алт. по 2 д. с человека взято с 302 человек. Да ис тех же людей с 22 человек взято оброку на прошлые годы да явки ж по алтыну с человека взято с 247 человек, всего взято явчю и оброку 97 руб. 15 алт. 4 д. А оброки взяты с тех с 247 человек порознь по 8 алт. по 2 д. с человека, в том числе с 40 человек, которые отъезжали из Якутского острогу на Ленской волок, а оброку и явчю с них взято в Якутском остроге и писаны выше сего в 302-х человеках: в Житанех с 83-х человек, на Чийойском волоку в Якутском уезде со 16 человек, в Билимском остроге с 89 человек, в Енисейском остроге с 19 человек. // Да по приходной же таможенной денежной книге 164-го ж году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 165-го году с русских товаров и с хлебных запасов и с рыбы десяты и всякого мелочного таможенного збору взято 277 руб. 27 алт. пол-3 д. И не дописано в той приходной книге против подленика в перечень 22 алт. 2 д. Да по приходной же таможенной денежной книге 164-го ж году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 165-го году записных и весчих и скота пошерстного и рогатого всякого збору взято 309 руб. 20 алт. 4 д., опричь того, что приписано в той приходной книге сверх подленика в перечню лишку 6 руб. 20 алт. пол-5 д. Да по приходной же таможенной денежной книге 164-го ж году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 165-го году с торговых и с промышленных людей с отпусков отъезжих и посороковых и порублевых и избных и полавочных по/шлин взято 110 руб. 12 алт. с полуеньгою, и не дописано в той приходной книге против подленика в перечень 2 алт. Да печатных пошлин взято 205 руб. 9 алт. пол-2 д., опричь того, что приписано в той приходной книге сверх подленика в перечень лишку 12 алт. 5 д. И всего в прошлом во 164-м году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 165-го году по таможенным приходным денежным книгам у таможенного головы у Ондрея Курдюкова с товарищи всякого государева таможенного денежного збору с торговых и с промышленных людей годового оброку и явчих пошлин и с русских товаров и с хлебных запасов и с рыбы десяты и записных и весчих и скота пошерстного и рогатого и с отпусков

отъезжих и посороковых и порублевых и полавочных и избных и печатных пошлин и всякого мелочного таможенного денежного збору собрано 1000 руб. 18 алт. пол-3 д., и с тем что не дописано в приходной книге в перечнях против подленика 24 алт. 2 д., oprичъ того, что приписано в приходной книге в перечнях лишку сверх подленика 7 руб. пол-2 д. А ис того числа у него ж таможенного головы у Ондreja Курдюкова с товарищи по розходной таможенной книге тех государевых таможенного збору денег на таможенные росходы в таможенно таможенному коморнику от таможенной избы от сторожки и за дрова и за лучину и за бумагу пищу и за сало говьяжье на свечи и на всякие таможенные росходы вышло в расход 31 руб. 23 алт. 2 д. // А за расходом надобно в Якутском остроге в таможене всякого государева таможенного збору 968 руб. 28 алт. пол-3 д. И как приложить к тому остатку приписные деньги 7 руб. пол-2 д. в наличные деньги, и в остатке будет 975 руб. 28 алт. 4 д. И в Якутском остроге в приказной избе в приходной денежной книге за пометою дьяка Федора Тонково написано: в прошлом во 164-м году августа в 31 день Якутского острогу у таможенного головы у Ондreja Курдюкова с товарищи принято в государствену казну ево Ондреева всякого таможенного збору налицо денег 975 руб. 4 алт. 2 д.; и не донес он Ондрей в прошлом во 164-м году тех денег и в приходной книге против подленика в перечне не дописал и в государствену казну не отдал 24 алт. 2 д. И те деньги взяли на нем Ондрее. //

В прошлом во 165-м году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 166-го году в Якутском остроге по таможенной денежной книге с торговых и с промышленных людей явки по алтыну, оброку по 8 алт. по 2 д. с человека взято с 377 человек. Да явки ж по алтыну ж с человека взято с 232 человек да ис тех же людей взято оброку на прошлые годы с 2-х человек, всего взято явчего и оброку 114 руб. 17 алт. 2 д., oprичъ того, что приписано в той приходной книге в перечню лишку сверх подленика 1 алт. А оброки взяты с тех с 232 человек порознь по 8 алт. по 2 д. с человека, в том числе с 42 человек, которые отъезжали из Якутского острогу на Ленской волок, а оброки и явчие с них взято в Якутском остроге и писаны выше сего в 377 человеках: в Жиганех с 78 человек, на Чичуйском волоку в Якутском уезде с 7 человек, с 2 человек не взято потому, что они поверстаны в государствену казачью службу, на Омоловее реке с 5 человек, на Индигирке реке с 3 человек, в Ылимском остроге с 70 человек, в Енисейском остроге с 25 человек. // Да по приходной же таможенной денежной книге 165-го ж году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 166-го году с русских товаров и с хлебных запасов и с рыбы десятые и всякого мелочного таможенного збору взято 80 руб. 8 алт. Да по приходной же таможенной денежной книге 165-го году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 166-го году записных и весчих и скота пошерстного и рогового всякого таможенного збору взято 286 руб. 17 алт. 2 д., oprичъ того, что приписано в той приходной книге в перечню лишку сверх подленика 4 руб. 6 алт. 4 д. Да по приходной же таможенной денежной книге 165-го ж году сентября с 1-го числа да сентября по 1 число 166-го году с торговых и с промышленных людей с отпусков отъезжих и посороковых и порублевых и избных и полавочных пошлин взято 83 руб. 8 алт. 4 д., oprичъ того, что приписано в той приходной книге сверх подленика в перечень лишку 8 алт. пол-2 д. Да печатных пошлин взято 154 руб. 10 алт. с полуденного, oprичъ того, что приписано в той приходной книге сверх подленика в перечень лишку рубль 13 алт. пол-2 д. // И всего в прошлом во 165-м году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 166-го году по таможенным приходным денежным книгам у таможенного головы у Ондreja Курдюкова с товарищи всякого государева таможенного денежного збору с торговых и с промышленных людей годового оброку и явчих пошлин и с русских товаров и с хлебных запасов и с рыбы десятые и записных и весчих и скота пошерстного и рогового и с отпусков отъезжих и посороковых и порублевых и избных и полавочных пошлин и всякого мелочного таможенного денежного збору собрано 718 руб. 23 алт. с полуденного, oprичъ того, что приписано в приходных книгах в перечнях сверх подленика лишку 5 руб. 29 алт. 1 д. // Да в таможенной денежной отпусковой книге 165-го году ж написано: отпущен из Якутского острогу из таможи на низ по Лене в Жиганы ленских пашенных крестьян приказчик Василей Скоблевской, а с ним

отпущено хлебного запаса и русково всякого товару и масла коровья и полтевого ветчинного мяса Якутского острогу по таможенной оценке на 700 на 80 на 2 руб. на 20 на 6 алт. на 4 д. Да у него ж Василья в отпуске к Ленскому волоку с шурином ево с Михайлом Максимовым Якутского острогу покупки мяхкой рухляди 11 сороков 30 соболей с хвосты, а Якутского острогу таможенная цена 478 руб. 25 алт. И с тех было у него Василья с обои ж отпусков довелось взять в Якутском остроге в таможене денежной государевы пошлины порознь отъезжево и посорокового с соболей всего 7 алт. 5 д. да с человека по алтыну, итого 2 алт. да полавочного за гостин двор 14 алт. 4 д. да избного рубль да печатных пошлин с оценки с рубля по деньге, итovo 5 руб. 10 алт. 4 д. И тех государевых пошлин на нем Василье в Якутском остроге в таможене не взято, потому что в государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича [т.] грамоте, какова ему Василью дана на Москве из Сибирского приказу за государевую печатью и за приписью дьяка Григорья Протопопова, написано: как он Василей придет на Лену, и на Лене в Ылимском уезде деревню свою и в Ылимском же // и в Якутском острогах в их уездах деревенской и вской завод, лошади и рогатый скот и деревенской пахоты хлеб и всякую домовую лишнюю посуду учнет продавать и на мяхкую рухлядь менять, и тое ево продажу и покупку велено записывать в таможене имянно и с той ево продажи и с меновой с мяхкой рухляди никаких государевых пошлин имать не велено; а что с той ево продажи и с покупки и с отпусков каких государевых таможенных и проезжих всяких пошлин взять доведетца, и о том велено писать ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичу [т.] к Москве. А что у него Василья в покупке в Якутском остроге мяхкой рухляди и что было с ней довелось взять государевы десятой пошлины мяхкою рухлядью, и то писано в счетном соболином списке имянно особь статьею во 165-м ж году. // А ис того числа у него ж таможенного головы у Андрея Курдюкова с товарищи по розходной таможенной книге тех государевых таможенного збору денег на таможенные расходы в таможеню таможенному коморнику от таможенной избы от сторожи и за дрова и за лучину и за бумагу пишую и за сало говяжье на свечи и на всякие таможенные расходы вышло в расход 27 руб. 1 алт. 4 д. А за расходом надобно в Якутском остроге в таможене всякого государева таможенного збору 691 руб. 26 алт. пол-3 д. И как приложить к тому остатку приписные деньги 5 руб. 29 алт. 1 д. в наличные деньги, // и в остатке будет 697 руб. 22 алт. пол-2 д. И в Якутском остроге в приказной избе в приходной денежной книге за помощью дьяка Федора Тонково написано: в прошлом во 165-м году Якутского острогу у таможенного головы у Андрея Курдюкова с товарищи принято в государеву казну ево Одреева всякого таможенного збору наличо денег 697 руб. 22 алт. пол-2 д. //

В прошлом во 166-м году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1-е число 167-го году в Якутском остроге с торговых и с промышленных людей явки по алтыну, оброку по 8 алт. по 2 д. с человека взято с 335 человек да явки ж по алтыну с человека взято с 175 человек, всего взято явчего и оброку 99 руб. 1 алт. 4 д. А оброки взяты с тех со 175 человек порознь по 8 алт. по 2 д. с человека, в том числе с 59 человек, которые отъезжали из Якутского острогу на Ленской волок, а оброку и явчю с них взяты в Якутском остроге и писаны выше сего в 335 человек: в Житанех с 50 человек, на Чечуйском волоку в Якутском уезде с 3 человек, на Индигирке реке с 4 человек, в приказной избе с 2 человек, на Ленском волоку с 39 человек, в Енисейском остроге со 18 человек. // Да по приходной же таможенной денежной книге 166-го году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 167-го году с русских товаров и с хлебных запасов и с рыбы десятыя и всякого мелочного таможенного збору взято 66 руб. 18 алт. пол-3 д. Да по приходной же таможенной денежной книге 166-го году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 167-го году записных и весчих и скота пошерстного и рогового всякого збору взято 210 руб. 2 алт. пол-4 д. Да по приходной же таможенной денежной книге 166-го ж году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 167-го году с торговых и с промышленных людей с отпусков отъезжих и посороковых и порублевых и избных и полавочных пошлин взято 71 руб. 27 алт. под-4 д. да печатных пошлин взято 94 руб. 13 алт. с полурублюю. И всего в прошлом во 166-м году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 167-го году по таможенным

приходным денежным книгам у таможенного головы у Ондreja Курдюкова с товарищи всякого государева таможенного денежного збору с торговых и с промышленных людей годового оброку и явчих пошлин и с русских товаров ш с хлебных запасов и с рыбы десятые и записных и весчих и скота пошерстного и розового и с отпусков отъезжих и посороковых и порублевых и полавочных и избуных и печатных пошлин и всякого мелочного таможенного денежного збору собрано 541 руб. 30 алт. // Да в таможенной денежной отпускной книге 166-го ж году написано: отпущен из Якутцкого острогу ис таможи на низ по Лене и морем на Оленек реку для торгу и соболойной мены ленских пашенных крестьян пригашника Василья Степанова сына Скоблевского шурин ево Михайло Максимов сын москвитин да работники его Сидорко Григорьев, Стенька Иванов вымитин, Федька Семенов япанчинец, Данилко Григорьев, Мишка Нифонтов, Вахромейко Федоров, Андриюшка Алексеев, Стенька Иванов делетин, Галахтионко Григорьев, Игнашка Семенов, Ярофейко Осипов, Савка Микитин; а с ним отпущено ево Васильевы деревенской пахоты хлебных запасов и деревенского заводу по таможенной оценке на 2325 руб. на 11 алт. на 4 д. Да у него ж Василья в отпуске к Русе с человеком ево с Кондрашкою Ивановым мяхкой рухляди ево меновных и перекутных 165-го и 166-го годов в Якутском остроге покупки и привозу из Жиганского зимовья 46 сороков 37 соболой с хвосты, 25 сороков 8 пудков собольих, 21 недособоль, 23 лисицы красных, 15 пуд 21 гривенка рыбы кости моржевого зубу. А Якутцкого острогу по таможенной оценке той у него Василья всякой мяхкой рухляди и рыбы кости моржевого зубу на 2384 руб. на 8 алт. на 2 д. И ю тех было у него Василья с обеих отпусков довелось взять в Якутском остроге в таможене денежной государевы пошлины порознь отъезжево с людей и посорокового с соболой рубль 19 алт. да печатных пошлин с оценки с рубля по деньге, итого 23 руб. 18 алт. 2 д., да с людей ево и с работников печатных ж пошлин // с человека по гривне, итого 2 руб. 3 алт. 2 д. И тех государевых пошлин на нем Василье в Якутском остроге в тамсжне не взято, потому что в государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича [т.] грамоте, какова ему Василию дана на Москве из Сибирского приказу за государевою печатью и за приписью дьяка Григорья Протопопова, написано: как он Василий придет на Лену, и на Лене в Ылимском уезде деревню свою и в Ылимском ш в Якутском острогах и в их уездах деревенской всякой завод, лошади и рогатой скот и деревенской пахоты хлеб и всякую домовую лишнюю посуду учнет продавать и на мяхкую рухлядь менять, и тое ево продажу и покушку велено записывать в таможене имянно и с той ево продажи и с мяхюной с мяхкой рухляди никаких государевых пошлин имать не велено; что с тое ево продажи и с покушки и с отпусков каких государевых таможенных и проезжих и всяких пошлин взять с него доведетца, и о том велено писать по государю царю и великому князю Алексею Михайловичу [т.] к Москве. // А ис того числа у него же таможенного головы у Ондreja Курдюкова с товарищи по розходной таможенной книге тех государевых таможенного збору денег на таможенные расходы в таможенно таможенному коморнику от таможенной избы от сторожи и за дрова и за лущину и за бумагу пишущу и за салу говяжье на овечи и на всякие таможенные расходы вышло в расход 22 руб. 11 алт. 4 д. А за расходом надобно в Якутском остроге в таможене всякого государева таможенного збору 519 руб. 18 алт. 2 д. И в Якутском остроге в приказной избе в приходной денежной книге за пометоу дьяка Федора Тонкова написано: в прошлом во 166-м году августа в 31 день Якутцкого острогу у таможенного головы у Ондreja Курдюкова с товарищи принято в государеву казну ево Ондреева всякого таможенного збору шалцо денег 519 руб. 18 алт. 2 д. И всего по сему счетному списку на таможенном голове на Ондрее Курдюкове взяты 37 руб. 13 алт.

Да по сему ж счетному списку по таможенным книгам 162-го и 163-го и 164-го и 165-го году у него ж таможенного головы у Ондreja Курдюкова объявилось сверх подьячника в приходных таможенных в перечнях лишку приписано и в государеву казну в приказную избу отнесено 15 руб. 30 алт. пол-2 д. // И у счету про те лишние деньги стольник и воевода Михайло Семенович Лодыженской таможенного головы Ондreja Курдюкова допрашивал, какие те деньги Ондрей в приказную избу лишние принес. И в допросе он Ондрей сказал: потому де те

деньги в перечнях и в отнесе в государеве казне в Якутском остроге в приказной избе в лишке и объявились, что писано во взятые в мелких перечнях по полуторе деньги и по деньге и по полуденьге, а в Якутском остроге у торговых и у промышленных людей розных денег не бывает, и с них имано за розные деньги и за полуденьги копейками, и те деньги в перечень приписаны и отнесены в приказную избу с тем же таможенным сбором вместе.

На обороте: Справил Онкудинко Титов.

Приход мяхкой рухляди порознь по годом.

В якутской приходной в таможенной десятинной соболиной книге 162-го году написано: таможенного десятинного збору таможенной голова Андрей Курдюков принял у прежнего таможенного ж головы у Василия Ростовщикова, что у него Василия собрано во 162-м году в сентябре месяце до ево Андреева в Якутской острог приезду 2 сорока 18 соболей с хвосты да 3 сорока 10 пупков соболевых. Да во 162-м же году по той же приходной десятинной соболиной книге збору Андрея Курдюкова с товарищи: 162-го ж году декабря со 18-го числа да сентября по 1 число 163-го году в таможенной избе с служилых и с торговых и с промышленных людей собрано по подлиннику 54 сорока 24 соболи с хвосты да 40 сороков 8 пупков соболевых да 12 лисиц красных с лапы и с хвосты да бобр. А в перечню в тех десятинных книгах написано 54 сорока 23 соболи с хвосты да 40 сороков 3 пупка соболевых да 12 лисиц красных да бобр. И против подлинника в перечню не дописано соболя да 5 пупков соболевых. И обоего во 162-м году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 163-го году десятинные мяхкие рухляди в зборе 57 сороков 2 соболи с хвосты да 43 сорока 18 пупков соболевых да 12 лисиц // красных да бобр и с тем, которые соболев да 5 пупков соболевых в таможенной книге в перечню не дописаны. Да в той же в десятинной соболиной книге написано: гостя Василия Записи у прикащика у Лучки Игнатьева довелось взяти государевы десятые пошлины с 5 сороков с хвосты по оценке с 300 руб. з 23-х алт. з 2 д. И с него Лучки в таможене государевы десятой пошлины не взято, потому что гостя Василия ж Записи у прикащика сво у Ермолки Кощодаева взята государева десятая пошлина с русских товаров по оценке со 68 руб. в Сибири на Березове городе в прошлом во 158-м году да з 232 руб. з 23-х алт. з 2 д. в Енисейском остроге в таможене в прошлом во 160-м году, а те соболи покупал он Лучка в Якутском остроге ис того русского товару, с которого товару плачена государева десятая пошлина на Березове и в Енисейском остроге в таможенных в прошлых во 158-м и во 160-м годах по оценке дачьтими сполна. В якутской в приходной книге 162-го году написано: августа в 31 день в приказную избу стольнику и воеводе Михайлу Семеновичу Лодыженскому да дьяку Федору Тонкову объявил таможенной голова Андрей Курдюков с товарищи збору своего и что принял у Василия Ростовщикова 162-го году и в приказную избу в государеву казну принято 57 сороков 1 соболев с хвосты да 43 сорока 13 пупков соболевых да 12 лисиц красных да бобр. // И не донес он Андрей и в государеву казну не отдал соболя да 5 пупков соболевых, которые у него против подлинника в перечню не приложены.

По приходной десятинной книге 163-го году сентября с 1-го число да сентября ж по 1 число 164-го году в Якутском остроге в таможенной избе с служилых и с торговых и с промышленных людей собрано государевы десятинные мяхкие рухляди по подлиннику 43 сорока 34 соболи с хвосты, в том числе 6 соболей без передних лап да 30 соболей без передних и без задней лапы с полухвосты, да 33 сорока 23 лупка да 7 сороков 2 хвоста соболевых, опроче того, что в тех таможенных книгах в перечню сверх подлинника приписано лишку 4 лупка соболевых. Да в той же в десятинной соболиной книге написано: довелось взяти государевы десятые пошлины боярина князя Якова Куденетовича Черкасского у крестьянина ево у Пиминка Федорова Ташлыккова с 5 сороков соболей с хвосты, гостя Кирила Босово у человека ево у Моски Федорова с 15 сороков с 3-х соболей с хвосты по таможенной оценке с 743-х руб. с 3-х алт. с 2 д., у торговых людей у Ивашка Васильева Северова с 59 соболей по оценке со 65 руб. с полтиною, у Ивашка Никитина Тюрина кнешемица с 13 сороков соболей с хвосты по оценке со 648 руб. з 23-х алт. з 2 д. И с них Пиминка // с товарищи в Якутском остроге в таможене

десятой пошлины не взято, потому что Пиминко Ташлыклов соболи покупал в Якутском остроге на привозные свои деньги, которые деньги вышли у него Пиминка ис продажи в Енисейском остроге из русского ис привозного товару, с которого товару плачена у него Пиминка государева десятая пошлина в Енисейском остроге в таможенне по оценке деньгами в прошлом во 161-м году; а у Моски Федорова потому, что плачена у него Моски с русских товаров государева десятая пошлина со 133-х руб. с 3-х алт. с 2 д. в Тобольску в прошлом во 155-м году, да с ним же Москою да с Микиткою Ворышаевым в прошлом во 157-м году пришло к Ленскому волоку по тобольской и енисейской проезжим грамотам 610 руб. денег, а те деньги вышли у них из русских их из привозных товаров в Тобольску и в Енисейском остроге, с которых товаров плачено у них государева десятая пошлина у Митьки Ворышаева в Тобольску, а у него Моски в Енисейском остроге в прошлом во 156-м году; и на те деньги он Моска купил на Ленском волоку мях-кой рухляди соболей, и с тех ево покупочных соболей на Ленском волоку таможенной целовальник Васька Виломаев взял десятую пошлину собольми полную, а тово ему Моска денежного платежу против 610-ти руб. не зачел; и по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича [т.] указу и по памяти из приказные избы стольника и воеводы Михаила Семеновича Лодыженского да дьяка Федора Топково велено ему Моске десятую пошлину, что взял на Ленскому волоку Васька Виломаев // со 610-ти руб. зачест десятую пошлину, которая десятая пшшлина доведетца взять с ыных ево Москиных товаров; и те 15 сороков 3 пупка собольих купил он Моска на те товарные деньги, которые вышли из русских проданных товаров, с которых со 133-х руб. с 3-х алт. с 2 д. плачена государева десятая пошлина в Тобольску в прошлом во 155-м году, и на товарные ж деньги, которые вышли в Якутском остроге ис продажи ис тех из русских товаров, с которых по государеву указу и по памяти из приказные избы ему Моске за илинскую десятую пошлину за 610 руб. зачтено; а у Ивашка Северова потому, что он те соболи покупал в Якутском остроге на те деньги, которые вышли ис товарной и ис хлебной продажи, с которых взята государева десятая пошлина в Якутском в таможенне по оценке деньгами сполна во 163-м же году; а у Ивашка Тюрина потому, что у него Ивашка и у сына ево плачена государева десятая пошлина на Тюмени и в Тобольску и в Енисейском с русских привозных товаров и на Ленском волоку с хлебных запасов в прошлых во 155-м и во 156-м и во 162-м годах государевы десятки пошлины по оценке с 548 руб. с 23-х алт. с 2 д.; да с ним же Ивашком пришло 100 руб. денег, а те деньги вышли у него Ивашка ис продажи ис платежного из русского товару, с которого товару взята государева десятая пошлина на Тюмени и в Тобольску в прошлых во 155-м и во 156-м годах, а на Ленском волоку во 161-м году по оценке деньгами сполна; а те 13 сороков соболей купил он Ивашко в Якутском остроге на те русские товары и на хлебные запасы и на привозные деньги, // с которых товаров и с хлебных запасов и с денег взята десятая пошлина на Тюмени и в Тобольску и в Енисейском и на Ленском волоку в прошлых во 155-м и во 156-м и во 161-м и во 162-м годах. А в якутской в приходной книге 163-го году написано: августа в 31 день в приказную избу стольнику и воеводе Михайлу Семеновичу Лодыженскому да дьяку Федору Топкову объявил таможенной голова Андрей Курдюков с товарищи збору своего 163-го году и в приказную избу в государеву казну принято 43 сорока 34 соболи да 33 сорока 27 пупков да 7 сороков 2 хвоста собольих и с тем, что в том числе принес он Андрей сверх своих книг налицо лишку 4 пупка собольих, которые у него в книгах в перечню были приложены лишние.

По приходной десятинной соболиной книге 164-го году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 165-го году в Якутском остроге в таможенной избе с служилых и с торговых и с промысленных людей собрано государевы десятинные мяхкие рухляди по подлиннику 36 сороков 2 соболи с хвосты да 31 сорок 27 пупков да 28 хвостов собольих да 2 бобра да лисица красная, опроче того, что в тех их книгах в перечню приписано лишку сверх подлинника 12 хвостов собольих. Да в той же в десятинной соболиной книге 164-го ж году написано: гостя Василья Записи у приказщика у Игнашки Васильева сына Протопопова со 11 сороков с 25 соболей с хвосты Якутского острогу по таможенной оценке

с 524-х руб. в Якутском остроге в таможенные государственные десятой // пошлины не взято, потому что он Ивашка те соболы покупал в Якутском остроге на привозные свои деньги, которые деньги вышли в Енисейском остроге и на Красном Яру из продажи из русских их из привозных товаров, с которых товаров у него Ивашки взята государственная десятая пошлина в Енисейском остроге и на Красном Яру в таможенных в прошлом во 162-м году по оценке деньгами сполна. А в якутской в приходной книге 164-го году написано: августа в 31 день в приказную избу стольнику и воеводе Михаилу Семеновичу Лодыженскому да дьяку Федору Тонкову объявил таможенной голова Андрей Курдюков с товарищи обору своего 164-го году и в приказную избу в государственную казну принято 36 сороков 2 соболы с хвосты да 31 сорок 27 пупков да сорок хвостов собольих и с тем, что в том числе принес он Андрей сверх своих книг налицо лишку 12 хвостов собольих, которые у него в его книге сверх подлинника в перечню были приложены лишние.

По приходной десятинной собольной книге 165-го году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 166-го году в Якутском остроге в таможенной избе с служилых и с торговых и с промышленных людей собрано государственные десятинные мяхкие ружьяди 49 сороков 17 соболей с хвосты, в том числе 9 соболей без хвостов, да 16 соболей с одною лапою с полухвосты да 42 сорока 32 пупка да 3 сорока 7 хвостов да 2 шубенка даурские соболы да 5 пластышешек собольих да бобр да выдра да розомака без передних лап. // Да в той же в десятинной собольной книге 165-го ж году написано: довелось было взяты государственные десяты пошлины у торгового человека у Ивашка Власова устюжанина с 44-х соболей по оценке со 68 руб. с полтиною да у промышленных людей у Митрошки Григорьева усолца с 24 соболей с хвосты по оценке с 25 руб. с полтиною да сибирского архиепископа у крестьянина ево у Ортышки Тимофеева с 3-х сороков соболей с хвосты по оценке со 130 руб.; и у них Ивашка с товарищи в Енисейском остроге в таможене государственные десятой пошлины не взято, потому что у Ивашка Власова на Ленском волоку с хлебных запасов в государственные житницы хлебом же и в таможене с припенки деньгами взято в прошлом во 164-м году, а у Митрошки Григорьева плачена государственная десятая пошлина с хлебного запаса и с русского товару и с хмелю на Красном Яру и в Ылимском остроге и с припенки в Якутском остроге в таможене по оценке с 25 руб. с полтиною деньгами сполна; а у Ортышки Тимофеева потому, что он соболы покупал в Якутском остроге на привозные свои деньги, что пришли с ним по илимским проезжей грамоте 130 руб., а с тех у него денег взята государственная десятая пошлина на Ленском волоку в таможене во 165-м году деньгами сполна; а те соболы они Иван с товарищи купили в Якутском остроге на те деньги, что вышли из тех хлебных запасов и из русских товаров и с хмелю, с которых у них государственная десятая пошлина плачена в Якутском остроге и на Красном Яру деньгами и хлебом в прошлых годах. // Да в той же в десятинной в собольной книге 165-го ж году написано: у промышленного человека у Федьки Аверкиева колмогорца с перекупных с 12 сороков соболей с хвосты по оценке с 480 руб. у него Федьки в Якутском остроге в таможене государственные десятой пошлины не взято, потому что ревы десятой пошлины не взято, потому что у Ивашка Власова на Ленском волоку в государственные житницы выдельным хлебом и десятым снопом с 1000 з 200 пуд и в Ылимском остроге и с припенки в Якутском остроге в таможене по оценке а те он Федька соболы купил в Якутском остроге на те хлебные запасы, с которых запасов взята у него Федьки государственная десятая на Ленском волоку в государственные житницы выдельным хлебом десятым снопом. И у счету таможенной голова Андрей Курдюков сказал: потому де он Андрей у промышленного человека у Федьки Аверкиева с тех с 12-ти сороков соболей государственные перекупные десятины не взял, что де у него в Ылимской в проезжей грамоте целовальничков Проккопыя Стрелина да Якимана Симанова написано, что де у того Федьки на Ленском волоку в государственные житницы выдельным хлебом десятым снопом с 1200 пуд по оценке с 480 руб. в прошлых во 159-м и во 160-м и во 162-м годах десятая взята, а те он Федька соболы купил на те хлебные запасы. // Да в той же в таможенной в десятинной собольной книге 165-го ж году написано: в покупке ленских пашенных крестьян у приказщика у Василья Скоблевского в Якутском остроге мяхкой ружьяди 12 сороков 34 соболы с хвосты да 8 сороков пупков собольих, а цена

той рухляди 522 руб. 8 алт. 2 д.; и с той у него покупки довелось было взять на государя за деньги за 52 руб. за 7 алт. за 3 д. государевы десятой пошлины мяхкою ж рухлядью 51 соболь с хвосты да 32 пупка собольих да с 4-х соболей по оценке за деньги ж 4 пупка собольих; и той государевы десятой пошлины на нем Василье в Якутском остроге в таможене не взято, потому что в государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича [т.] грамоте, какова ему Василью дана на Москве из Сибирского приказа за государевою печатью и за приписью дьяка Григорья Протопопова, написано: как он Василей приедет на Лену и на Лене в Ылимском уезде деревню свою и в Ылимском же и в Якутском острогах и в их уездах деревенской и всякой завод, лошади и рогатой скот и деревенской пахоты хлеб и всякую домовую лишнюю посуду учнет продавать и на мяхкую рухлядь менять, и то ево продажу и покупку велено записывать в таможене имянно, и с той ево продажи и с меновой мяхкой рухляди никаких государевых пошлин имать не велено: а что с той ево продажи и с покупки и с отпусков каких государевых таможенных и проезжих всяких пошлин взятьи доведетца и о том велено писать ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичу [т.] к Москве. // А в якутских приходных книгах 165-го году написано: августа в 31 день в приказную избу стольнику и воеводе Михайлу Семеновичу Лодыженскому да дьяку Федору Тонкову объявил таможенной голова Андрей Курдюков с товарищи збору своего 165-го году и в приказную избу в государеву казну принято 49 сороков 17 соболей с хвосты, в том числе 16 соболей без полухвостов, да 9 соболишков без хвостов да 42 сорока 32 пупка да 3 сорока 7 хвостов да 5 пластынишек собольих да 2 шубенка даурские собольи, а в них 32 пластынишка собольих да бобр да выдра да розсомака без передних лап, против приходу сполна.

По приходной десятинной соболиной книге 166-го году сентября с 1-го числа да сентября ж по 1 число 167-го году в Якутском остроге в таможенной избе с служилых и с торговых и с промысленных людей собрано государевы десятинные мяхкие рухляди и по подлиннику 41 сорок 37 соболей с хвосты да 30 сороков 29 пупков да 8 хвостов собольих и с тем что в тех таможенных книгах в перечню против подлинника не дописано 10-ти соболей да пупка соболья. Да в той же в десятинной соболиной книге 166-го ж году написано: у торгового человека у Родьки Григорьева тежемца довелось взятьи государевы десятой пошлины с 15 соболей с хвосты по оценке с 15 руб.; и у него Родьки в Якутском остроге в таможене государевы десятой пошлины не взято, потому что он Родька те соболи купил в Якутском остроге на привозные свои деньги, что вышли из продажи на Ленском волоку // из русских ево из привозных товаров, с которых товаров взята у него государева десятая пошлина в Ылимском остроге в таможене деньгами сполна в прошлом по 161-м году. Да в той же в таможенной в десятинной соболиной книге 166-го ж году написано: в покупке ленских пашенных крестьян у приказчика у Василия Степанова сына Скоблевского в Якутском остроге в покупке мяхкой рухляди 4 сорока 17 соболей с хвосты, а цена той рухляди 186 руб.; и с той мяхкой рухляди в Якутском остроге в таможене государевы десятой пошлины не взято, потому что в государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича [т.] грамоте, какова ему Василью дана на Москве из Сибирского приказа за государевою печатью и за приписью дьяка Григорья Протопопова, написано: как он Василей приедет на Лену и на Лене в Ылимском уезде и в Якутском острогах и в их уездах деревенской и всякой завод и лошади и рогатой скот и деревенской пахоты хлеб и всякую домовую лишнюю посуду учнет продавать и на мяхкую рухлядь менять, и то ево продажу и покупку велено записывать в таможене имянно и с той ево продажи и с меновой с мяхкой рухляди никаких государевых пошлин имать не велено; а что с той ево продажи и с покупки и с отпусков каких государевых таможенных и проезжих всяких пошлин взятьи доведетца, и о том велено писать ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичу [т.] к Москве. // А в якутских в приходных книгах 166-го году написано: августа в 31 день в приказную избу стольнику и воеводе Михайлу Семеновичу Лодыженскому да дьяку Федору Тонкову объявил таможенной голова Андрей Курдюков с товарищи збору своего 166-го году и в приказную избу в государеву казну принято 41 сорок 27 соболей да 30 сороков 28 пупков да

8 хвостов собольих. Да в нынешнем во 167-м году у него же Андрея принято в государеву казну збору прошлого ж 166-го году, что у него в доимке было взятъ, 10 собелей да пупок собелей.

И всего по сему счетному списку на таможенном голове на Андрее Курдюкове взяти по таможенным десятинным собольным книгам, чевю он Андрей против свсих книг не донес и в государеву казну в приказную избу не отдал, во 162-м году 1 соболь с хвостом да 5 пупков собольих. Да по сему ж счетному списку по таможенным десятинным собольным книгам 163-го и 164-го годов у него ж Андрея сверх подлинника в приходных перечнях лишку приписано и в государеву казну в приказную избу отдано 4 пупка да 12 хвостов собольих. И у счету про те лишние пупки и хвосты собольи стольник и воевода Михайло Семелович Лодыженской таможенного голову Андрея Курдюкова допрашивал, какие он Андрей сверх своих зборных книг в государеву казну в приказную избу лишние пупки и хвосты принес. // И таможенной голова Андрей Курдюков в роспросе сказал: потому де те пупки и хвосты собольи сверх подлинников в перечнях и объявились, что де в том обложенось без хитра.

К сей скаске Андрюшко Курдюков руку приложил. Стольник и воевода Михайло Лодыженской руку приложил.

На обороте: Справил подъячей Сенька Ермолин.

К. 184, столб. 6 на 42 ставках; стр. 1—42.

123. 1658—59 гг. — Челобитная торговых и промышленных людей Якова Васильева Даяха с товарищами, поданная на Колыме реке сыну боярскому Ивану Ерастову о невзимании с них «святительских пошлин и подчервных пенных денег» и о присылке к ним из Якутска священника для крещения их жен и детей.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю [т.] быют челом сироты твои государевы торговые и промышленные люди разных городов Якунька Васильев Даяха, Федька Иванов Лалтев соликамской, Ивашко Иванов Виселкин, Семейка Иванов казанец, да промышленные люди Сидорко Еремеев Баллин, Ивашко Гаврилов Шадра, Игнашка Михайлов устюжанин, Олешко Семенов лалетин, Дружника Васильев Калинин, Панфило Титов, Тренька Иванов Рочев, Евсеейко Денисов Пинега, Семейка Денисов, Филька Иванов пиняжанин, Десятко Афонасьев мезенец, Якунька Кондратьев чердынец, Смирняшка Иванов, Тараско Васильев да Райко Терентьев Стадухины, Бориско Григорьев Шелепов, Мишка Микифоров Колобко, Перушка Якимов, Марко Анисимов Ващенин, Фотка Галахтионов кузнец, Ивашко Григорьев Заладей, Петунка Петров Безносой, Бориско Дмитриев, Ивашко Тимофеев банщик, Микитка Григорьев кокшар, Баженко Тимофеев плотник, Калинин Агалитов, Якунька Иванов Нос, Ивашко Цыгга, Якунька Иванов выряин, Максимко Агалитов Непряха, Марко Федоров вычегжанин, Ивалко Федосеев Кузакон, Тимошка Васильев Бахор. В нынешнем, государь, во 167-м году припла из Якутцкого острогу от поповского старосты пола Якова Прокофьева перехожая память к торговому человеку к Михайлу Синицыну на Индигирку и на Алазейку и на Колыму реки и по иным сторонным рекам, а по той памяти велено ему Михайлу с нас сирот твоих имать пресвященново Семюна архиепископа сибирского и тобольского святительские пошлинны и подчервные пенные деньги, которых у нас сирот твоих на Колыме реке погумные юкагирские иноземские девки, и с теми, государь, ясырями прижиты у нас сирот твоих дети, и живут у нас те ясыри и дети не крещены года по 2 и по 3 и больше. А мы, государь, сироты твои не ходим в Якутцкой острог для ради скудости пожитков своих, потому что, государь, мы сироты твои покупаем судовые // места и хлебные запасы и промышленные заводы дорогою ценою и от тех, государь, мы сироты твои от промышленных заводов и от хлебных запасов задолжали великими долга, а в тех, государь, долгах стоим мы сироты твои на Колыме реке на правееже. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович [т.], пожалуй нас сирот своих вели, государь, Якутцкого острогу сыну боярскому Ивану Ерастову челобитную нашу принять и послать в Якутцкой острог, чтоб, государь, нас пожаловал, не велел с нас с сирот твоих святительских пошлин и подчервных пенных денег имать, потому что, государь, ныне мы сироты

твои платим твою государеву новую другую десятую пошлину, с соболей и со всяких наших пожитков. И вели, государь, к нам послать из Якутцкого острогу священника, чтобы у нас сирот твоих ясырей наших и детей в православную веру привести, окрестить и молитвить, а нам б, государь, сиротам твоим молитву дал и те святительские пошлины и подчервные пенные деньги по указу иметь. А не вели, государь, с нас сирот своих тому Михайлу Синицыну на Колыме реке тех святительских пошлин и подчервных пенных денег иметь, потому что, государь, мы сироты твои обнищали и задолжали великими долги. Царь государь, смилуйся пожалуй.

На обороте 5 рукоприкладств.

К. 184, столб. 10 на 52 состав; сст. 16—17.

124. 1659 г. ранее апреля 9. — Челобитная индигирского юкагира Ландыя на торгового человека Ивана Катаева, замучившего сына его Чачу в тундре, наняв его «вожелем» в соболонный промысел, и допросные речи разных лиц по этому делу.

I. — Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу [т.] бьет челом холоп твой ясачной индигирской юкагир Ландый. Жалоба, государь, мне на торгового человека на Ивана Федорова Катаева в том: в ныншнем, государь, во 167-м году зимою ходил сын мой Чеча с ним Иваном да гостей Василья Шорина да Семена Задорина с человеком их з Григорьем Вахромиевым в вожжах в Хромовскую губу на тундру по их соболи на моих на 9-ти оленях. И он Иван в ходу сына моего Чачю на тундре огнем жег и бил ли безвестно его утерил, а ясаку, государь, сын мой Чача тебе государю с себя платил по вся годы по 10-ти соболей, а ныне того ясаку платить некому, а истец сыну моему ты государь. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович [т.], пожалуй меня холопа своего вели, государь, того Ивана в той безвестной утерной голове сына моего Чачи дать на поруки з записью Индигирского острожку приказному человеку Лазарю Савину Аргунову до своего государева указу и об том отписать въ Якутцкой острог к стольнику и воеводе к Михайлу Семеновичу Лодыженскому да к дяку к Федору Тонкову, чтоб мне того ясаку сына Чачи не платить и вконец бы не погнуги. Царь государь, смилуйся. //

На обдоре: Пятно Ландыино.

II. — 167-го году априля в 9 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича [т.] указу и по наказной памяти стольника и воеводы Михайла Семеновича Лодыженского да дяка Федора Тонково на Индигирке реке в ясашном зимовье приказной человек Лазарь Аргунов допрашивал по государеву крестному целованью в правду гостя Василья Шорина прикащика его, лавошново сдельца Олешку Сидорова тотменина, как он Олешка нанимывал ясашново юкагира низовых мужыков Чачю Ландина сына к морю на тундру ходить на Хромовскую губу по живот по свой. //

И в допросе он Олешка сказал по государеву крестному целованью в правду: нанял де я Олешка ево Чачю Ландина сына на дороге от Хромые идучи на Ин[ди]гирку на 9-м днище, а нанимывал де я Олешка ево Чачю при промышленных людех при Семейке Филатове Долгополе да при Ивашке Андриеве да при Петрушке Шукине, а найму де я Олешка рядил ему Чаче от тое дороги 70 соболей да оленя да 2 котла; а как де он Чача пришел на Хромую в ясашное зимовье и хозяйской человек Гришка Варфоломиев да торговой человек Ивашко Федоров Катаев ему Чаче еще найму прибавили 10 соболей, а котлы у соболей оставлены на тундре: один котел весом 8 ф., а другой 5 ф.; а с ним Чачею пошло 10 оле[н]и, а будет которой олень на дороге пропадет, и за те олени ряжено по 7-ми соболей за оленя, а нанимывал де я Олешка по хозяйскому приказу, чтобы де нам хозяйского живота не потерять, а иной де мне никто не говаривал ничево ж.

То[го] же дни на Индигирке реке в ясашном зимовье приказной человек Лазарь Савин сын Аргунов допрашивал промышленного человека Семейку Филатова по государеву крестному целованью в правду, и в допросе он Семейка Филатов сказал по государеву крестному целованью в правду: видал де я Семейка как де он Алексей нанимывал ясашново юкагира Чачю, а Чача де у него нанимывал сам из воли, никто ему не велел и служилых людей тут на дороге не было кроме

наз промысленных людей 3-х человек: меня Семейки да Ивашка Андриева да Петрушки Щукина; а на ряде де у них было ему Чаче найму ряжено 70 соболой да оленя, да будет соболы найдут, ино у соболой 2 котла. //

Того ж дни приказной человек Лазарь Савин сын Аргунов на усть Уяндины реки в ясашином зимовье допра[ши]вал торгового человека Ивашка Федорова Катаева по государеву крестному целованью в правду, и в доп[ро]се он Ивашко сказал по государеву крестному це[лованью] в правду: наaimыали де мы ево Чачю в вожы к морю ходит вожем по жывот по своей по соболи, а наперед ему Чаче найму в задаток дали 20 соболой, а всево найму ему Чаче ряжено 20 сорока соболой, а достальные соболы ряжено ему Чаче добавить как он Чача от моря с собольми придет, а пошел он Чача с нами на 10-ти оленях, и десятого оленя он Чача воротил с дороги з братом пазад; на ряде де у нас с ним Чачею было, которой олень в дороге ходя пристанет под нашим животом или пропадет, или мы сами какова оленя убьем для свое[го] корма и нужы, [и] ему Чаче на нас взять за ево [о]леня по 7-ми соболой; и пазад идучи он Чача от меня Ивашка остался жыве не дошед по Хромой реке Падерина летовья версты с 3 или с 4, а хотел он Чача быть на Хромую реку в ясашиное зимовье, а дорогою де ходя он Чача на ту реку не попал, где наши соболы оставлены, и блудил де он Чача по тундре 7 недель, и по тундре де ходя мы нашли пицаль гладкую Григорья Шорина, а пицаль нашли не у соболой, блиско Елоны реки, а в том между нами была и запись, а запись у нево Чачи. //

Того ж дни допрашиван служилой человек Васька Кузьмин по государеву крестному целованью в правду, как у Хромой реке наймовали ясашиново юагири Чачю итти на тундру соболой искать торговые люди Гришка Шерин да Ивашко Катаев, слышил де яз и видел как он Чача пошел с ними Гришкою да Ивашком, а про служилого человека про Омельку Аргунова он же Васька допрашиван, посылал ли Чечю он Омельку сильно или нет, и тово яз не ведаю. А Гришка Шерин с тундры пришел с парнем в Тюлень в зимовье, а в ясашиное он Гришка пришел один, а Ивашка Катаева покинул на Налиме реке, а Чечю де покинули далече не дошед до лабазов, а пришли де они Гришка и Ивашко без оленей пещи, и как пошли на тундру соболой искать, и они Гришка да Ивашко дали ему Чече на себя запись в оленях, которой олень съедим или которой пропадет, а цены оленям не ведаю. То за мною и речи.

На обороте: К сим допросным речам вместо Олексея Сидорова по ево веленью Ивашко Лупанов руку приложил. К сей скаске вместо Семена Филатова по его веленью Пронька Хрисанфов Дудин руку приложил. К сим речам Ивашко Федоров Катаев руку приложил. К сим речам вместо Василья Козьмина по его веленью Пронька Хрисанфов Дудин руку приложил.

К. 184 столб. 10 на 52 сставая; сст. 43—47.

125. 1659 г. ране ноября 14. — Отписка сына боярского Ивана Ерастова якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому об убийстве на Кольме реке промышленного человека Аксена Терентьева и его ясыря ясачными юагирами Ломокой Коментовым и Чаклякой Апанинным.

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] стольнику и воеводе Михаилу Семеновичу да дьяку Федору Васильевичу сын боярский Ивашко Ерастов челом бьет. В прошлом во 166-м году на Кольме реке ясачные юагири Ломоско Коментов да Чакляка Апанин брат убили промышленного человека Оксена Терентьева и ево ясырь юагирскую бабу именем Емледа, а ево Оксена закололи на реке у езовья на рыбной ловли, а ясырь в зимовье убили и зимовье сожгли, а что соболешек у того Оксена было, и оне взяли и разделили по себе. А про то иноземское убийство объявил на Средней ярманке промышленной человек Тимошка Елисеев Вершина. И яз Ивашко тех убийцов сыскал Ломоска Коментова и по государеву указу ево бил кнутом нещадно для иных иноземцов впредь пристрастки и воровства. И с пытки он Ломоско винулся, убил де того Оксена Чакля Апанин брат, яз де убил Оксена, яз де убил Оксена женку ево некрепеную именем Емледа. И роспрашиван ясачной юагирь Чакля Апанин брат про то убийство промышленного человека Оксена Терентьева. И он Чакляка в том убийстве не

винился, а сказывал, я де с ним Ломоком в том убийстве не был и того Оксена не убил, а был де я в то время на Блудной реке и шлюсь на ясашных юкагирей. И те ныне ясачные юкагири Ломоко и Чакля даны на поруки за добрых лутчих князцов в том убийстве и в прежнем Ломокове воровстве до государева указа и до вашего приказу и до сыску. И в нынешнем 'во 167-м году на Колыме реке на Нижней ярманке торговые и промышленные люди били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичу [т.], а в приказной избе подали челобитную мне Ивашку на ясачного юкагирия на Ломоко Коментова в убийстве промышленного человека Оксена Терентьева и в прежнем ево Ломокове воровстве об указе, чтоб ево юкагирия Ломока в том убийстве и в прежнем ево воровстве вершить. И аз Ивашку из них торговых и у промышленных людей тое их челобитную принял, и без государева указа и без вашего приказу до сыску тому ясачному юкагирию Ломоку в том ево убийстве и в прежнем ево воровстве указу учинить не посмел, и тое челобитную их и ясачных юкагирей Ломока Коментова и Чакли Алакина брата роспросные речи послал к вам в Якутской острог в приказную избу под сею отпискою. И вы что по государеву указу и по вашему приказу тому ясачному юкагирию Ломоку в том убийстве промышленного человека Оксена Терентьева и в прежнем ево Ломокове воровстве укажете.

На обороте: Государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] стольнику и воеводе Михаилу Семеновичу да дьяку Федору Васильевичу.

165-го году ноября в 14 день подал отписку промышленной человек Ивашку Кисельников.

К. 184, столб. 10 на 52 составляет; стр. 8.

126. 1663 г. января 15. — Дело о поимке беглого служилого человека Кондраши, сбежавшего к своему тестю ясачному якуту Кырдыге.

I. — 171-го году генваря в 15 день в съезжей избе стольнику и воеводе Ивану Федоровичу Большому Голенищеву-Кутузову извещал словесно Батулинской волости якут Орюканко Секуев про изменника про Кондрашку, которой в прошлом во 159-м году великому государю изменил, с службы с Май реки сбегал, а в бызете своем он сказал: пришел де тот Кондрашка к тестю своему, а к ево Орюканову холопу Кырдыге на усть Камнуны; и ныне де тот Кондрашка живет у тестя своего у Кырдыги; и чтоб великий государь пожаловал ево Орюканка, для поимки того изменника Кондрашки велел дать служилых людей, а на того изменника Кондрашку воем пойдет он Орюканко.

Помета: Послать 10 человек и в вояж взять Орюканка.

II. — И того ж числа по того изменника по Кондрашку послана память, а в памяти типег. //

Лета 7171-го году генваря в 15 день по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] указу память десятинику казачью Ивашку Кармалину да с ним служилым людям, ехати им из Якутского острогу в Батулинскую волость для того, что ведомо стольнику и воеводе Ивану Федоровичу Большому Голенищеву-Кутузову учинилось, что де изменник Кондрашка живет у Орюканова холопа, а у своего тестя у Кырдыги на усть Камнуны. И приехав в ту в Батулинскую волость, взять с собою в вояж якутов Кулсейка Тымныка да Орюканка Секуева да Батуруской волости якутов Девенка да Молтона Очюевых и ехать с ними для поимки того изменника Кондрашки к Орюканову холопу, а изменника Кондрашкину тестю х Кырдыге на усть Камнуны. И где инде того Кондрашку они Кулсейко, Орюканко и Девенек и Молтонко укажут, и тебе Ивашку над тем изменником Кондрашкою с служилыми людьми и с якуты промышленять, прося у бога милости. А буде за того Кондрашку учнут родники ево битца, и тебе Ивашку по тому ж с ним битца огненным боем. А однолично б тебе Ивашку с служилыми людьми и с якуты великому государю порадеть, изменника Кондрашку поимать. А буде ты Ивашку с служилыми людьми, нарова ему Кондрашке по посулом, не понимаешь, или поймав отпустишь, или прося у бога милости над ним Кондрашкою промышленять, где ево осадить, не станешь, а про то сыщетца допрама, и тебе Ивашку за то от великого государя быть в жестоком наказанье и в смертной казни без пощады. А как для поимки изменника Кон-

драшки // ты Ивашко поедешь, и тебе Ивашку под себя и под служилых людей взять по два коня добрых у якутов у Камоса Гуликанова да у Немняка Очюева да у Ёюка Очюева да у Кушеня Карагина. А хто с ним Ивашком служилых людей послано, и тому под ево памятью роспись. А как милосердый бог поможет подает, и великого государя счастье поспешит, изменника Кондрашку возьмете, и тебе б Ивашку с служилыми людьми вестъ ево Кондрашка с великим береженьем, чтоб он Кондрашка над собою дурна не учинил, на всяком стану стоять усторожливо, чтоб сродники ево Кондрашковы собрався ево не отбили на дороге и вас не побили, на всяких станех денных и ночных быть сторожам крепким. А которых лошадей возьмете у якутов, и вам бы их беречь по гулусом, для своих прихотей никуда не развезжать, самому тебе Ивашку и служилых людей не отпускать от себя и лошади якуцкие отдать якутом в целости. А что у него Кондрашки пожитков ево соборей и шуб соборлых и лисьих и лисиц и скота что возьмешь, и тот весь пожиток ево привезть и скот ево притянуть с ним Кондрашкою в Якутской острог вместе и объявить в съезжей избе стольнику и воеводе Ивану Федоровичу Большому Голенищеву-Кутузову. И однолично б тебе Ивашку, которые якуты на изменника на Кондрашку вожом пойдут, и тебе б у тех якутов, которые в сей памяти писаны выше сего, волю не отымать, промышлять над Кондрашкою по их якутским волям. А будет на бою Кондрашка жив не златца, и тебе ево Кондрашку убить, а убив привезть ево в Якутской острог вперед для якутского соблажения на показ. //

Роспись: Десятник Ивашко Кармалин, толмач Ивашко Михайлов, Данилко Сыров, Володька Филипов, Баженко Лютой, Корнилко Ванюков, Мишка Лифанов, Ивашко Уваров, Оксенко Терентьев, Якелка Мясник.

К. 201, столб. 17 на 34 оставая; сст. 1—5.

127. 1663 г. не ранее марта... — Челобитная промышленных людей Степана Федорова с товарищами, поданная чечуйскому приказному человеку Семену Епишову об освобождении их от постройки судов.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу [т.] быют челом сироты твои государевы промышленные людишка Стенька Федоров, Дениско Микитин верхотур, Осипко Иванов устюжанин, Ивашко Клементьев, Сидорко Трофимов, Пиминко Петров, Архипко Васильев, Левка Андреев, Онтонко Микитин, Софронко Емельянов, Микитка Федоров вычегжанин, Гришка Степанов а все промышленные людишка быют челом. В нынешнем, государь, во 171-м году по твоему государеву указу и по приказу стольника и воеводы Ивана Федоровича Голенищова Большова Кутузова Чичуйского волоку приказной человек Семен Епишов призывал нас сирот твоих государевых промышленных людишек в нынешнем, государь, во 171-м году марта в... день на Чичуйской волок в приказную избу и спрашивал плотников наймовать к судам, делать дощаники на великого государя. И время, государь, стало позднее, промышленные людишка с промыслов приходят поздно, и топоров купить негде. А с осени, государь, промышленные люди все разошлись на соболиные промыслы, плотников нет, нанять некого. А в прошлых, государь, годах при твоих государевых воеводах нас сирот промышленных людишек не спрашивали к твоему государеву делу к дощаникам. Да и ныне, государь, у нас сирот твоих судовых плотников нет. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович [т.], пожалуй нас сирот своих вели, государь, сию нашу челобитную принять Чичуйского волоку приказному человеку Семену Епишову и челобиты нашей записать. Царь государь, смилуйся пожалуй.

К. 202, столб. 5 на 84 оставая; сст. 12.

128. 1675 г. августа 31. — Роспись деньгам, собранных «в острожную поделку» таможенным заставным головой Никоном Вольским с торговых и промышленных людей Якутского острога.

183-го году августа в 31 день роспись, что збирал я в Якутском остроге по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] и по приказу воеводы Андрея Афонасьевича Барнешлеева таможенной заставной голова Никон Матвеев сын Вольского с торговых и с промышленных людей в острож-

ную поделку, с пожиточных людей смотря по пожитком их, а з бедных людей по 8 алт. по 2 д. с человека. А с ково имяны сколько взято, и' то писано ниже сего. Гостиной сотни Андрея Лузина прикащика ево Федосия Акакиева с лавочного сидельца с Ывана Савина взято 5 руб., гостя Остафья Филатова прикащика ево Еремея Иванова с лавочного ево сидельца с Елфима Петрова взято рубль, торгового человека устюжанина Василия Шергина с племянника сво з Григорья Серебриникова взято рубль, с торгового человека с Андрея Ворыпаева да з брата ево Василия взято 3 руб., с торгового человека с Никифора Бобровского взято 16 алт. 4 д., с торгового человека с Петра Хозова с сыном ево Петрушкою взято рубль, с торгового человека // с Сергея Иконяшника с племянником сво Лучкою взято 16 алт. 4 д., с торгового человека с Федора Кочурова да з брата ево Стефана взято рубль, с торгового человека с Перфирья Переломова взято 26 алт. 2 д., с торгового человека с Ывана Пянова взято 16 алт. 4 д., с промышленных людей с Тимошки Карпова взято 17 алт. 2 д., с Фомки Меркурьева взято 13 алт. 2 д., с Тимошки Щетинина взято 14 алт. 2 д., с Федьки Гаврилова взято 9 алт., з Герасимка Федотова взято 13 алт. 2 д., с Ыгнашки Терентьева взято 18 алт. 2 д., с Гаврилка Дмитриева Ситника взято 10 алт., с Митьки Васильева взято 10 алт., с Федьки Иванова взято 10 алт.; с Петрушки Васильева взято 10 алт., с Максимки Акакиева взято 14 алт. 2 д., с Сергушки да с Демки Григорьевых взято 20 алт., с Стеньки Афонасьева взято 11 алт., с Олешки Мешкова взято 14 алт. 2 д., с Гришки да с Федьки Шергинных взято 24 алт., с Федьки Селиных взято 14 алт. 2 д., с Филатка Харламова [взято] 8 алт. 2 д., с Пронки Григорьева Полежаева взято 8 алт. 2 д. // с Федьки Сахатины взято 8 алт. 2 д., с Ывашка Преснецова взято 21 алт. 4 д., с Ивашка Михайлова взято 8 алт. 2 д., с Марчка Иванова взято 8 алт. 2 д., с Ывашка Игнатьева взято 8 алт. 2 д., с Курбачка Михайлова взято 10 алт., с Ивашка Родионова взято 8 алт. 2 д., с Федьки Семенова взято 8 алт. 8 д., с Федьки Панфилова взято 8 алт. 2 д., с Ивашки Карпова взято 8 алт. 2 д., с Ывашка Михайлова взято 10 алт., с Федьки Потапова взято 10 алт., с Ывашка Андреева взято 15 алт., с Коземки Никитина взято 8 алт. 2 д., с Якуньки Григорьева взято 8 алт. 2 д., з Гаврилка Иванова взято 11 алт. 4 д., с Васьки Норицына взято 8 алт. 2 д., с Фомки Никифорова взято 8 алт. 2 д., с Ывашка Гладкова взято 8 алт. 2 д., с Корнилка Богоноса взято 13 алт. 2 д., с Ларки Никифорова взято 11 алт. 4 д., с Ивашка Григорьева взято 8 алт. 2 д., с Ысачка Андреева взято 8 алт. 2 д., с Никифорка Иванова взято 8 алт. 2 д., с Федьки Логинова Шульги взято 14 алт. 2 д., с Ывашка Родионова Галашева взято 8 алт. 2 д., с Савки Анисимова взято 8 алт. 2 д., // с Андрушки Иванова устюжанина взято 8 алт. 2 д., з Дружинки Инкова взято 8 алт. 2 д., с Никитки Савельева взято 8 алт. 2 д., с Якуньки Насанова взято 10 алт., с Лучки Нестерова взято 15 алт., з Герасимка Никитина взято 14 алт. 2 д., с Трифанка Козлова взято 18 алт. 2 д., с Епишки Козлова взято 8 алт. 2 д., с Федора Ключарева взято 11 алт. 4 д., с Ылюшки Чуракова взято 8 алт. 2 д., с Матюшки Тарасова взято 8 алт. 2 д., с Олешки Сергеева взято 18 алт. 2 д., с Максимка Минеева взято 11 алт. 4 д., с Якуньки Самойлова взято 12 алт., с Ларки Дмитриева взято 8 алт. 2 д., с Митшки Васильева взято 11 алт. 2 д., с Петрушки Михайлова взято 16 алт. 2 д., с Лучки Костентинова взято 8 алт. 2 д., с Тимошки Исакова Семеновых взято 8 алт. 2 д., з Бориска Савина взято 8 алт. 2 д., с Васьки Иванова Хабарова взято 8 алт. 2 д., с Ывашка Елифанова взято 8 алт. 2 д., с Стеньки Власова взято 8 алт. 2 д., с Васьки Парфентьева взято 8 алт. 2 д., с Никитки Ильина взято 8 алт. 2 д., с Пашка Павлова взято 8 алт. 2 д., с Якуньки Федорова взято 8 алт. 2 д., с Осыки Давыдова взято 8 алт. 2 д. // с Устюшки Иванова взято 8 алт. 2 д., с Ивашка Иванова взято 8 алт. 2 д., с Васьки Володимирца взято 10 алт., с Ивашка Стефанова взято 8 алт. 2 д., с Дорошки Осипова взято 8 алт. 2 д., с Лучки Трофимова взято 8 алт. 2 д., с Лучки Семенова Друженка взято 8 алт. 2 д., с Максимка Матренинского взято 8 алт. 2 д., с Олешки Ожегова взято 8 алт. 2 д., с Федьки Петрова взято 8 алт. 2 д., з Гришки Никитина взято 8 алт. 2 д., с Тимошки Алексеева взято 8 алт. 2 д., с Петрушки Тимофеева взято 8 алт. 2 д., с Аврамка Патракеева взято 8 алт. 2 д., с Ысачка Моисеева взято 8 алт. 2 д., с Нестерка Федотова взято 8 алт. 2 д., с Сергушки Игнатьева взято 8 алт. 2 д., с Ларьки Иванова взято 8 алт.

2 д., с Бывашка Петрова взято 8 алт. 2 д., с Федьки Максимова взято 8 алт. 2 д., с Ивашка Дмитриева взято 8 алт. 2 д., с Лазарька Дмитриева взято 8 алт. 2 д., с Томилка Михайлова взято 8 алт. 2 д., с Пиминка Матвеева взято 8 алт. 2 д., з Бориска Нарабалдина взято 8 алт. 2 д., с Вахромейка Минина взято 8 алт. 2 д., с Савы Костмина взято 8 алт. 2 д., с Мишки Карпова взято 8 алт. 2 д., с Митьки Михайлова взято 8 алт. 2 д., с Анкидинка Чарошника взято 13 алт. 2 д.

К. 211, столб. 12 на 5 оставая.

129. 1679 г. июля...—Наказная память якутского воеводы Фомы Бибикова чечуйскому таможенному целовальнику Якову Котельникову о сборе «десятой деньги».

Лета 7187-го июля в... день по государеву цареву и великого князя Федора Алексеевича [т.] указу память на Чичуйской волок таможенному целовальнику Якову Котельникову. В нынешнем по 187-м году июня в 12 день в грамоте великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича [т.], какова прислана в Якутской к воеводе к Фоме Ивановичу Бибикову из Сибирского приказу за приписью дьяка Савы Таркова, написано: в прошлом по 186-м году указал великий государь с именитых великого государя людей с Строгоновых и з гостей и з гостинной и з суконой и с черных сотен и слобод и с кадышевцов и з дворцовых и с конюшенных слобод и с патриарших и с монастырских и в городех с посадских и с уездных со всяких чинов, с торговых и с промысленных и с ремесленных людей, с их животов и с промыслов для великого государя службы ратным людям на жалованье взять десятую деньгу, а в сибирских городех с посадских и с уездных и с митрополичьих и с монастырских со всяких чинов, с торговых и с промысленных и с ремесленных людей, с их животов и с промыслов указал великий государь по тому ж десятую деньгу собирать. И как тебе ся память придет и тебе б по указу и по грамо//те окладывать торговых и промысленных и ремесленных и митрополичьих и монастырских людей по животом и по торгом и по промыслом их в правду по святой непорочной евангельской заповеди господней еже ей ей, и взяти скаски за их руками, что у ково животов и торгов и лавок и всяких заводов и промыслов. А взыв скаски обложилися б прямо в правду, помятуочи свои души, и в избыток бы никто не был, и в окладе меж себя никому не норовили. А будет хто торговые всяких чинов люди скажут не правду, а ты Яков те усмотришь, и тебе Якову окладывать розыскав и сверх сказок, смотря по пожиткам и по промыслом. А будет торговые и промысленные и ремесленные и всяких чинов люди про живото свои и про лавки и про всякие свои заводы и промыслы скажут не правду и учнут таить, а ты Яков своим небережньем не усмотришь и в окладе для взятых десятой денги солжешь, а сыщецца про то допрайма, и тем людям за утайку, а тебе Якову за нерадение быть от великого государя в жестоком наказанье безо всякие пощады. А как обложатца, и тебе Якову с тех людей по указу великого государя десятую деньгу по окладным книгам собрать, а на послушниках доправить не замочтав. А как ты Яков те денги с митрополичьих и с монастырских со всяких чинов с торговых и с промысленных и с ремесленных людей зберешь, и тебе Якову те денги, к тем деньгам зделав двои окладные книги за своею рукою, привесть в Я[кут]цкой и подать в приказной избе воеводе Фоме Ивановичу Бибикову.

На обороте: Такову память Иван Крежоновской взял, по его веленью казак Аверка Григорьев руку приложил.

Такову память Сергей Брусенин на Алазейку и на Блудную реку взял и руку приложил.

К. 214, столб. 14 на 147 оставая; сст. 1—2.

130. 1680 г. ранее июля 24.—Отписка с Зырянки реки сына боярского Титка Богомолова якутскому воеводе Фоме Бибикову о «непослушании и бунтае», посланных с ним казаков и об отпуске замененных «наемщиками» казаков Василия Верегина и Семена Паньчина, в виду угрозы убийства их остальными казаками.

Государя царя и великого князя Федора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичу сынишко боярской Титко Богомолов челом бьет. В нынешнем во 188-м году писал из Титка к тебе, государь Фома Иванович, на казаков своих въ

их непослушанье и в смертном убийстве и в бунтах их в самовластных. А в нынешнем же во 188-м году мая в 13 день били челом тебе великому государю казаки Васька Берегин, Сенька Паньшинин, а мне Титку подали челобитную в Ырянке речке, а в челобитной своей пишут, что де на них грозятца казаки, хотят убить до смерти, и из зимовья вон выгнать не смеют, называют их ушниками и кровопивцами, для того что они живут со мною для твоей великого государя казны, и чтобы их велел великий государь отпустить в Якутской острог, а в их место взять наемщиков. И я Титку у них Васьки и Сеньки принял их наемщиков, не хотя их видеть в смертном убийстве, вместо Васьки Берегина юлымской службы наемщика Ивана Щепеткина, Ивашка Васильева, а вместо Сеньки Паньшинина промышленова Митьку Титова, а их Ваську и Сеньку отпустил в Якутской острог для того, что мне их Ваську и Сеньку не в мочь оборонить от их озорничества и смертного убийства. И о том что ты, государь Фома Ивановичь, изволишь.

На обороте: Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичю.

188-го июня в 24 день подал отписку казак Сенька Паншин.

К. 214, столб. 27 на 180; составляет; сст. 35.

131. 1680—81 гг. — *Отписка якутского воеводы Ивана Приклонского в Сибирский приказ о службе ленского сына боярского Ивана Крыжановского.*

Государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю [т.] холоп твой Ивашко Приклонский челом бьет. В твоей великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] грамоте писано ко мне холопу твоему: в прошлом де во 188-м году бил челом тебе великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю [т.] ленской сын боярский Иван Крыжановской: в прошлом де во 163-м году жил он Иван в Польше и взят на бою в Борисове и послан к Москве, а с Москвы послан в Сибирь в Якутской, а в Якутском де велено служить в детех боярских с ево братьею шляхтою, а твоего великого государя жалованья оклад учинен ему малой, денег 10 руб., хлеба 8 четь ржи, овса тож, 3 пуда соли; а в Якутском де служил он Иван тебе великому государю 25 лет; и во 176-м году прислана в Сибирь в Якутской твоя великого государя грамота, велено их вязней взять к Москве и велено им твое великого государя милостивое слово сказать, будет хто из них вязней похочет вечно тебе великому государю служить, и им велено по//давать челобитные; и он Иван, помня кресное делованье и твою великого государя милость, бил челом тебе великому государю в вечное холопство служить по Якутскому; а которые ево братья шляхта били челом тебе великому государю служить в вечное холопство по сибирским городом, и те взысканы твоим государевым жалованьем к окладом их деньгами и хлебом и солью, и годовые оклады учинены большие, а иные де из малых чинов верстаны в дети боярские; а он Иван перед своею братьею оскорблен; и будучи ему в таком дальном безхлебном городе таким малым окладом с женою и с детьми прокормится не возможно; а детей де у него 4 сына, Петрушка 20-ти лет, Васька 14-ти лет, и сын де ево Петрушка послан на твою великого государя службу на Вилюю во 184-м году для твоего великого государя ясачного збору, а в твою великого государя службу не поверстаны; да в прошлых де годах посылан он Иван для твоего великого государя ясачного збору в разные волости и в зимовья, и будучи на твоих великого государя службах в разных ясачных волостях и в зимовьях, собрал твоего великого государя ясаку и поминков и воевоцких и дьячьих поминков же с ясачных людей 64 сорока 35 соболей, // лисицу чернуюбрую, 3 лисицы сиводушчатых, 500 лисиц красных, да вновь прииск[ал] неясачных якутов 61-го человека, а трою великого государя ясаку с них взял 30 соболей, 37 лисиц красных; да в прошлом же во 188-м году били челом тебе великому государю ленские ясачные князцы Мазары Бозеков и все ясачные Верховилийского зимовья якуты, чтоб ему Ивану быть в Верховилийском зимовье приказным человеком для твоего великого государя ясачного соборного збору, а он де Иван служит тебе великому государю многие годы и твою великого государя соборную казну собирает без недобору и служилых людей и их якутов и тунгусов не обидит и не грабит и налог не чинит; и по твоему великого государя указу велено ему Ивану быть в Верховилийском

зимовье приказным человеком до твоего великого государя указу, и по чему он в том Верховилийском зимовье служилых людей ведать и твой великого государя ясак збирать сь ясачных людей дать ему Ивану в Якутском наказ; да детям его Петру да Василию велеть твою великого государя службу служить по Якутскому в детех боярских, а твоего великого государя жалованья оклады имь учинены на Москве из выбылого умершего ленского сына боярского из Ондреева окладу // Булыгина: Петру денег 7 руб., хлеба 6 чети ржи, овса тож, 2 пуда с четью соли, а Василию денег 6 руб., хлеба 5 чети ржи, овса тож, 2 пуда соли; и с теми з денежными и с хлебными и с соляными оклады велено их написать в окладные мянные книги и твою великого государя службу служить в Якутском и твое великого государя денежное и хлебное и соляное жалованье давать им по вся годы по окладом их з детьми боярскими вряд. И в прошлом, великий государь, во 170-м году по твоему великого государя указу и по грамоте послан он Иван в Якутской с своею братьею с польскими людьми, а велено ему в Якутском быть в детех боярских, и он Иван с своею братьею в Якутской во 170-м году не бывал, а жил он Иван в Енисейску по своей воли в посаде и женат был в Енисейску у посадцкого человека на дочери. И во 174-м году он Иван с тестем своим с Савкою казанцом в Якутской приехал и писался енисейским посадцим человеком, и в том же во 174-м году он Иван в Якутском с тестем своим с Савкою откупил квасцу и баню и держал за собою на откупу два годы. И во 176-м году по твоему великого государя указу и по грамоте, что он Иван бил челом тебе великому государю в вечное холопство служить // по Якутскому, и приверстан в дети боярские. И во 177-м году послан он Иван для ясачного збору на Маю в Верхнее зимовье, и собрал он Иван твоего великого государя ясаку 9 сороков 5 соболей, а не добрал он Иван твоего великого государя ясаку сь ясачных тунгусов, которые были у ясачного платажу, 3-х сороков 7-ми соболей; да во 178-м году он же Иван послан был в Жиганское зимовье для ясачного збору и собрал твоего великого государя ясаку 9 сороков 33 соболей, а не добрал он Иван в том зимовье на ясачных тунгусах и якутах твоего великого государя ясаку на 178-ой и на прошлые годы дву сороков 26-ти соболей да 24-х лисиц красных; да во 181-м году он же Иван послан был зимним путем из Якутского для ясачного збору в ясачные в разные волости в Борогонскую и в Дубчинскую и в Услетцкую и в Чириптейскую и приискал вновь якугов 30 человек, а взял он Иван с тех новоприсланных якутов твоего великого государя ясаку 2 соболей 28 лисиц красных, а не добрал в тех волостях он Иван сь ясачных якутов, с которых якутов он Иван твой великого государя // ясак имал, oprичь тех, которых он Иван сыскать не мог, на 181-й и на прошлые годы 27 сороков 8 соболей, за 6 соболей вполы 6 лисиц красных по окладу, 11 лисиц сиводущатых, 414 лисиц красных; да во 182-м году послан был он же Иван на Виллой в Верхнее зимовье для ясачного збору и собрал твоего великого государя ясаку 15 сороков 25 соболей, 50 лисиц красных, а не добрал он Иван в том Виллийском зимовье твоего великого государя ясаку на ясачных тунгусах и якутах 3 сорока 18 соболей, 10 лисиц красных; да во 184-м году послан был он же Иван в Олекминской острожек для ясачного збору и собрал он Иван твоего великого государя ясаку 8 сороков 15 соболей, а не добрал он Иван в том Олекминском острожке твоего великого государя ясаку на ясачных тунгусах и якутах 3 сорока 32 соболей; и будучи он Иван в том в Олекминском острожке, вино на себя курил. Да во 187-м году послан был он же Иван на Виллой в Среднее зимовье и собрал твоего великого // государя ясаку 4 сорока соболей, 338 лисиц красных, а не добрал он Иван твоего великого государя ясаку в том Виллийском в Среднем зимовье на ясачных тунгусах и якутах на 187-й и на прошлые годы 12 сороков 26 соболей, лисица сиводущатая, 532 лисицы красных. И будучи он Иван в том Виллийском зимовьи, вино на себя курил же; и всего он Иван в тех волостях и в зимовьях не добрал твоего великого государя ясаку и поминков 52 сорока 37 соболей, за 6 соболей вполы 6 лисиц красных по окладу, 12 лисиц сиводущатых, 980 лисиц красных. Да он же Иван во 186-м году, будучи на Чичийском волоку на приказе, на воеводу на Фому Вибикова и на себя вино курил, и ныне, будучи в Якутском с твоею великого государя з денежною казною, на Чичийском вино курил же. И за те его Ивановы винныя куренья по твоему великого государя указу

выдел я холоп твой на нем Иване доправить пени 40 руб. И я холоп твой по твоему великого государя указу и по грамоте ево Ивана на Вилую в Верхнее зимовье для твоего великого государя // ясачного збору не отпустил для того, что он Иван бил челом тебе великому государю на Москве ложно и сказал, что де он служит тебе великому государю по Якутскому 25 лет и собрал твой великого государя ясак с прибылью, и сына своего Василия сказал 14-ти лет; а он Иван в Якутском служит тебе великому государю 13 лет и в твоём великого государя ясаке учинил великий недобор и сын ево Васыка 7-ми лет, а не 14-ти лет и служить тебе великому государю службы сыну ево Васыке за малыми летами некому. Да и для того ево Ивана я холоп твой не отпустил, что он Иван, будучи на твоих великого государя службах, во многих местах вина курил. И о том ево Иванову ложном челобитии и в верстанье сына ево Васыки что ты, великий государь царь и великий князь Фёдор Алексеевич [т.], мне холопу овоему укажешь.

К. 215, столб. 18 на 88 ставая; сст. 54—60.

132. 1681 г.—Роспись «ясрыю», живущему у русских людей в Анадыр. острожке.

Роспись ясырям, которые живут в Анадырском острожке у всяких чинов людей, погромные и непогромные, и ясачных и неясачных юкагирей, и то писано в сей росписе имянно.

У сына боярского у Родиона Кобелева ясырь крещеная Корятцкого роду именем Софица, да 2 парня Чюхотцкого роду, в том числе один крещеной именем Куземка, а некрещеному имя Маньякса. У старца Федосея Корятцкого роду девка некрещеная Манька, да Чюхочья роду Матрешка некрещеная ж, да Корятцкого ж роду девка Белянка, да крещеной малой Дениско — крепосные погромные, да с ним же живут промышленных людей дети крещеные Лупа да Оничка да сестра их Оришка, а чьи они дети, того он Федосей сказал не ведаст, а ведаст де про то мать их, умершего промышленного человека Онаньки Максимова жена венчанная Харитинка, а сын ее Андрюшка. У десятника казачья у Ивана Потапова 3 ясыря Корятцкого роду да 2 парня крещеные, а имяна тем ясырям — Обросинья да Анница да Окулинка, а ребятам имена Милка да Гришка. // У казаков: у Ивашка Андреева ясырь Омотцкого роду крещеная именем Каптелинка; у Назарка Максимова ясырь Чюванского роду крещеная Анисьица, купленная не крепосная; у Васыки Игнатьева жена венчанная Чюванского роду Домница, а была де она прежде сего у казака у Данилка Хренова, и отдал де ее Домницу за него Василия замуж он Данилко; у Давыдка Павлова жена Корятцкого роду крещеная именем Паросковьица; у Васыки Сухарева ясырь Корятцкого роду, да парень погромные; у Сидорка Иванова ясырь Чюхочья роду погромная, живет в работницах; у Офонасья Андреева ясырь Корятцкого роду некрещеная. У промышленных людей: у Мороза Малафеева жена венчанная крещеная Анаульского роду именем Устиньца, а была де она неясачных юкагирей; у Фомы Семенова жена венчанная Анаульского роду крещеная именем Устыньница погромная; у Панька Лаврентьева ясырь Ходынского роду крещеная именем Настасьица; у Максима Турсука ясырь Чюванского роду крещеная именем Анница; у Кирилка Степанова жена венчанная крещеная именем Феклица Анаульского роду неясачных юкагирей; // у Ивашка Фомина жена венчанная крещеная именем Катеринка Чюхочья роду; у Ветошки Кирилова ясырь Ходынского роду именем Феклица, а живет де она Феклица у него Ветошки волею, а она де Феклица крещена; у Савки Васильева ясырь некрещеная именем Лесочки Ходынского роду, умершего казака Михайла. а чей сын того не упомянат — ясырь крещеная именем Татьяница; казачья ясырь Гаврилка Важеннина крещеная именем Марьица ясачных юкагирей Нижнего Колымского зимовья; у Проньки Голово ясырь Корятцкого роду некрещеная Етвага: Чюванского роду ясырь умершего казака Микитки Кондратьева крещеная куплета, а живет де она ныне на воле, а прежде сего де жила она по крепосте у казака у Давытка Павлова; Олешки Платонова мать крещеная ясырь именем Василиска Анаульского роду ясачных юкагирей; у Заледея 2 ясыря некрещеные Корятцкого роду погромные; у Пашка Леонтьева ясырь некрещеная Чюванского роду; Чюванского роду ясырь вольная крещеная именем Палапка.

К. 215, столб. 15а на 15 ставая; сст. 8—11. Документ датирован по смежным документам в столбце.

133. 1683 г. марта 26. — Грамота из Сибирского приказа якутскому воеводе Матвею Кровкову о запрещении сечь и жечь леса под пашни «в соболиных угодьях».

От царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] в Сибирь в Якутской генералу нашему и воеводе Матвею Осиповичу Кровкову. Ведомо нам, великим государем, учинилось, что в сибирских городех, где промышляют соболи и всякого зверя, и в тех соболиных угодьях леса секут и жгут под пашни и от того соболь и всякий зверь бежит в даль. И мы, великия государи, в тех соболиных угодьях лесов сечь и жечь не указали, а в Сибири степных мест много и пашнею проняться можно и опричь лесов. И как к тебе ся наша великих государей грамота придет, и ты б против сего нашего великих государей указу учинил о том заказ крепкой под смертною казнью, чтоб отнюдь в соболиных угодьях лесов не секли и не жгли, чтоб от того зверь не выводился и в даль не бежал. А Якутского уезду в остроги и слободы к прикащикам о том ты б от себя послал памяти, чтоб они чинили о том против сего же нашего великих государей указу с великим радением. Писан на Москве лета 7191 марта в 26 день.

На подлинном пишет тако: справил Филатко Никитин.

ИАИ. Архив Гамеля. Собр. якутских столбцов.

134. 1684 г. ранее апреля 23. — Отписка илимского воеводы Ильи Змеева якутскому воеводе Матвею Кровкову о переводе пашенного крестьянина Якима Семенова, поселенного между реками Леной и Ангарой «в кочевьях братских людей», согласно царским грамотам, запрещающим селить русских пашенных людей в «иноземские кочевья».

Господину Матвею Осиповичу Ильи Змеев челом бьет. В нынешнем, господине, во 192-м году апреля в 10 день били челом великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу [т.], а в Ылимском остроге в приказной избе подали мне челобитную Верхотенского острогу ясацные братские люди Заякайко Бурлаев, Фетька Камнагадаев с товарищи 100 человек, а в челобитной их, господине, написано: в нынешнем де во 192-м году Бирюльской волости приказщик якутский сын боярский Левонтей Трифанов поселил в пашню на их братской земле, между Леною и Ангарой реками в мысу, в их братских кочевьях тутурского пашенного крестьянина Якимка Семенова и отвел де под пашню земли ему Якимку братских людей кочевья. А в указе великих государей и в грамотах писано во многих к прежним илимским воеводам и ко мне, господине, что в иноземских кочевьях пашнями русских // людей селить не велено. И ныне я, господине, того пашенного крестьянина Якимка Семенова с той братской земли против указу великих государей и грамот сослать велел, чтоб братским людям от того никакой наложи не учинилось и ясачному б збору недобору не было. И тебе б, господине, о том, чтоб в братских кочевьях пашенных крестьян не селить, учинить по указу великих государей.

На обороте: Господину Матвею Осиповичу.

192-го году апреля в 23 день подал отписку илимской десятник Микифор Карсаков.

Помета: 192-го году апреля 23 день против сей отписки описать по указу великих государей и по грамоте, которые крестьяне после отписки от Ылимского к Якутскому, тех указано свести.

К. 217, столб. 20 на 41 ставе; стр. 30.

135. 1686 г. августа 25. — Память якутского воеводы Матвея Кровкова в Жиганское и Оленское зимовья пятидесятнику казачьему Андрею Амосову о поимке и отсылке в Якутский острог беглых дворовых людей казака Максима Мухомлева и договоривших их якутов.

Лета 7194 году августа в 25 день, по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] и по приказу генерала и воеводы Матвея Осиповича Кровкова память в Жиганское и в Оленское зимовья приказнику пятидесятнику казачьему Андрею Амосову. В нынешнем во 194-м году августа в 23 день бил челом великим государям царем и великим князем Иоанну

Алексеевичю, Петру Алексеевичю [т.], а в Якутском в приказной избе генералу и воеводе Матвею Осиповичю Кровкову подал челобитную казак Максимко Мухомилев, а в челобитной ево написано: в нынешнем де во 194-м году подговорили де у него Максимка Батуруской волости якуты Куржета Алакина да Коринского роду Сырку дворовых ево людей Гаврилла Микитина да Мишку Степанова, а подговоря де их увезли с собою в Житаны; а те де ево люди украли у него Максимка и увезли 10 лисиц красных да волчей санаяк, 3 топора, 2 котла да 2 ножа да ношебное платье, 2 санаяка оленьих, 2 шубы ушкальных под ровдутами, а того ево сноснова живота на 20 руб.; // и чтоб великие государи ево Максимка пожаловали, велели в Якутском из приказной избы послать память по ним Куржагу с товарищи и по тех ево дворовых людей, и выслать въ Якутской острог. И как к тебе ся память приидет, и тебе б Андрею по указу великих государей в тех в Житанском и Оленском зимовьях велеть сыскать тех ево беглых дворовых людей Гаврилла да Мишку и подговорщиков Куржагу да Сырку, а сыскав, выслать за [к]репкой порукой или за приставом в Якутской острог с кем прикоже, или с собою привести, и велеть объявить в приказной избе генералу и воеводе Матвею Осиповичю Кровкову. А буде ты Андрей тех ево дворовых людей [с] сносным животом и подговорщиков Куржагу с товарищи в Жиганском и во Оленском зимовьях сыскав для своей бездельной корысти въ Якутской острог за поруками или за приставом не выплешь, или с собою не привезешь, и про то сыщетца допряма, а его Максимово в том деле на тебя будет челобитье, и тот ево исцов иск и с убыткми будет доправлен на тебе Андрее безо всякие пощады. А в сводных подговорных говолах что великие государи укажут.

Помета: Того же месяца в 25 день дана память, пошлени взято 8 алт. 2 д.

К. 218, столб. 9 на 52 сставах; сст. 51—52.

136. 1686 г. ранее сентября 1. — Отписка тобольского воеводы Алексея Головина якутскому воеводе Матвею Кравкову о посылке ему новых мер, которыми необходимо мерить десятинный, оброчный, выделной и «всякой» хлеб в Якутске и уезде.

Господину Матвею Осиповичю Алексею Головин челом бьет. В нынешнем во 194-м году в грамоте великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] писано ко мне в Тоболеск с товарищи: по их великих государей указу присланы в Тоболеск их великих государей меры медные, заорленные, осмина да четвертак. А в Тоболеску указали великие государи с тех медных мер зделать меры деревянные таковы ж слово в слово, и на верхние и на нижние края положить обручи железные и прикрепить х краям, и положить на тех мерах печати изнутри и сверху и подписать, что мера московская таможенная. И велено послать те деревянные меры ис Тобольска в Томской и в Енисейск и во все сибирские города и в слободы. А в городех и в слободах указали великие государи десятинной и оброчной и выделной всякой хлеб принимать и в расход давать в те новые заорленные меры, сметаясь против прежних мер, // сколько в те старые меры принимано в приход и в расход давно весом, наперед себе описать ту дацю число против нынешней московской меры четвертьми, а не пудами, и чтоб перед прежними мерами ничего в приходе недомеру, а в раздаче переходе, также и недодачи не было. И во всех городех и в слободах на торгах велеть хлеб всякой покупать и продавать в те ж меры, а прежние меры отставить, чтоб во всех сибирских городех и в слободах всякой хлеб покупали и продавали в ту одну московскую меру, а в старые меры не покупали и не продавали. И о том велено ис Тобольска во все сибирские города и в слободы писать с великим подкреплением. И по указу великих государей и грамоте зделаны в Тоболеску 2 меры деревянные против московских 8-ми пудных медных мер слово в слово, и на верхние и на нижние края наложены // обручи железные и х краям прикреплены, и печати изнутри и сверху положены и подписаны, что мера московская таможенная и посланы те меры ис Тобольска к тебе на Лену в Якутской с якутскими с сыном боярским з Григорьем Махначевским с товарищи. И как они на Лену в Якутской приедут, а меры привезут, и тебе б велеть у них те меры принять и о мерех и о посылке в уезды учинить по указу великих государей.

На обороте малая черновосковская печать.

На обороте. Господину Матвею Осиповичю.

195-го августа в 4 день подал отписку сын боярской Григорей Моханаческоий.

Пометы: Записать в книгу. 195-го году августа в 4 день велеть сделать 20 мер осминных да тож пудавых и в Якутской отослать в таможену и во все волости, и велеть кличь прокликать, чтобы продавали и покупали в те меры, а не в старые меры.

К. 221, столб. 7 на 76 оставая; сст. 52—54.

137. 1688 г. января 25. — *Память якутского воеводы Петра Зиновьева на Амгу приказчику Сарзину Крупецкому о посылке к нему ссыльного Василия Лебедева в качестве «пищика и деньщика».*

Лета 7196-го генваря в 25 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великой государыни благоверной царевны и великой княжны Софии Алексеевны [т.] и по приказу столыника и воеводы Петра Петровича Зиновьева память на Амгу приказчику сыну боярскому Сарзину Крупецкому. В нынешнем во 196-м году генваря в 24 день был челом великим государем, а в Якутском в приказной избе стольнику и воеводе Петру Петровичу Зиновьеву подал челобитную ссыльной человек Васька Лебедев, а в челобитной ево написано: по указу де великих государей послан он Васька на Амгу и велено ему быть на Амге до указу великих государей, и ныне де он Васька, будучи на Амге, помирает голодною смертию; а кормица де ему Ваське нечим, для того что пашенное житие ему не за обычей и иноземского де языка не умест же; и чтоб великие государи пожаловали ево Ваську, велели быть на Амге великих государей у дел в подьячишках и в деньщиках. И как к тебе ся память придет, и тебе б по указу великих государей велеть быть ему Ваське с собою в судной избе у всяких великих государей дел пищиком // и деньщиком, а от челобитен у иноземцов велеть иметь пищу по гривне с челобитной, а у пашенных крестьян велеть иметь с челобитной пищево по полугривне, а от деньничества за езд иметь велеть по 2 алт. по 2 д. на день, а пожелзного иметь велеть по полугривне с человека. А буде ты Сарзин ему Ваське с собою в судной избе у всяких великих государей дел пищиком и деньщиком быть не велишь для своей бездельной корысти, и за то по указу великих государей быть тебе Сарзину в жестоком наказанье безо всякие пощады.

Такова память послана на Амгу к приказчику к Сарзину Крупецкому с челобитником с Ваською Лебедевым.

К. 222, столб. 2 на 92 оставая; 42—43.

138. 1688 г. декабря 9 — 1689 г. апреля 9. — *Дело о грабежах и насилиях казаков Михаила Гребенщика и Владимира Атласова в якутских волостях.*

I. — Великим государем царем и великим князем Иоа[нну] Алексеевичю Петру Алексеевичю и великой государыне[е] благоверной царевне и великой княжне Софии Алексеевне [т.] бьет челом и являет холоп ваш Силянской волости якут Копточко Сырганов на казаков на Михаила Гребенщика да на Володимира Атласова да Борогонской волости на якута на Турчека Бачюкова. В нынешнем, государи, во 197-м году приезжали оне Михайло с товарищи ко мне холопу вашему и к родникам моим в юрты и отца моего и братьей и родников моих били и увечили и мучили и назад руки вязали, и к деревью и к перекладам везали, для своей бездельной корысти, да он же Турчек связанного брата моего родного Быгынея да Акчигира бил и увечил и против сердца ногами топтал и тем боем изувечили; да оне ж грабежом взяли у отца моего лисицу красную, 10 алтын денег, 2 ровдуги да косу да пальму да 2 коровы стельные, да у родника моего у Ондечка отняли лисицу красную да ровдугу да аршин крашенины да топор да 2 горносталя; а те лисицы пр[и]пасе]ны были вам великим государем [в] казну. Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна [т.], пожалуйста меня хо-

лопа своего велите, государи, в приказной избе челобитье мое и явку записать. Цари государи, смилуйтесь. //

На обороте 1 якутское «знамя».

Помета: 197-го декабря в 9 день записать челобитье в книгу и дать суд.

II. — 197-го декабря в 28 день били челом великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу и великой государыне царевне и великой княжне Софии Алексеевне [т.] а в Якутском в приказной избе стольнику и воеводе Петру Петровичу Зиновьеву Батуруской волости якуты Сетей Немнязов, Летия да Букучея Молотыни да Бюко Някин словесно, а в словесном своем челобитье сказали: в нынешнем де во 197-м году приезжали из Якутского казаки Мишка Гребенщик, Володька Отласов к ним Сетее с товарищи в юрту и у родника ево именем Угуй грабежем взяли лисицу красную да 20 горносталей да половинку сухатинную, да у скормленника ево Сетсева у Сыртски отняли полтину денег да пальму, белебцы якутские, да у Мекчика пальму да у Виллойка 7 горносталей да 10 белок, да у него ж Виллойка голову деревом прошибли до крови, и у жены ево Виллойковой именем Убайка 20 белок да половинку сухую, да // у холопа ево отняли узду да седло да пальму и ево били, и у холопки ево именем Учнияка лисицу красную; и тот живот взяли они Мишка и Володька себе; и чтоб великие государи пожаловали ево Сетее с товарищи, велели словесное их челобитье записать.

На обороте 3 якутских «знамени».

III. — Да челобитчики ж Сетей с товарищи и Баркулак сказали: езда де с Володькою казак Мишка Гребенщик, и якутского де языку не знают, и он де Мишка при нем Володьке смирен, а Володька де Отласов бьет их и мучит и грабежем сильно отнимает; да иные де якуты из волостей многие будут челобитчики в их обидах и в грабежах.

Помета: 197-го января в 3 день по указу великих государей по челобитью иноземскому казаком Володьке и Мишке за воровство их // и за озарничество и за бой и за увечья и за разоренья учинить наказанья: Володьку бить кнутом на козле нещадно, а Мишку бить батоги, потому что он иноземского языку не знает. И взяты по ним поручную запись, что выредь им не воровать и не озарничать. А для подлинного свидетельства послать память к ясачным сборщикам, велеть про грабеж и про все розыскать. А по сыску иску на них не править. //

IV. — Лета 1797-го февраля в 16 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великой государыни благоверной царевны и великой княжны Софии Алексеевны [т.] память на Амту и на Тату ясачному сборщику сыну боярскому Леонтию Трифонову. В нынешнем во 197-м году декабря в 28 день били челом великим государем, а в Якутском в приказной избе стольнику и воеводе Петру Петровичу Зиновьеву Батуруской волости якуты Сетей Немнязов, Летия да Букучея Молоты да Бюко Някин да Скоорульской волости якут Баркулак Книтин словесно, а в словесном своем челобитье сказали: в нынешнем во 197-м году приезжали к нам в волости из Якутского для высылки в Якутской с ясачным платежом казаки Володька Отласов да Мишка Гребенщик, и езду в волостях по Амте и по Тате ясачных многих иноземцев били и увечили и мучили и назад руки вязали, а у иных и головы испроломали, и насильством и грабежем скот и всякой живот езды грабили и отнимали и вымучивали; и чтоб великие государи их Сетей с товарищи пожаловали, // велели словесное челобитье записать и повальным обыском сыскать. И как к тебе ся память придет, и тебе б Леонтию, езда для ясачного збору, на Амте и на Тате в волостях сыскать большим повальным обыском тех волостей всеми якутами против их челобитья про все статьи имянно по имянно, и в которой волосте ково они Володька и Мишка били и увечили и мучили, и у которых якутов головы проломали и назад руки вязали, и у ково скот и живот грабили и отнимали. Да что тебе в сыску тех волостей якуты скажут, и тебе бы те их речи написать на росписи имянно и велеть к тем речам обыскным людям знамена свои приложить. И приехав в Якутской, за своими руками и за прозванными знаменами подать в приказной избе стольнику и воеводе Петру Петровичу Зиновьеву.

V. — 197-го году марта в 1 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великой благоверной царевны и великой княжны Софии Алексеевны [т.] и по приказу стольника и воеводы Петра Петровича Зинovieва прислано из Якутского города указная память ясачному зборщику сыну боярскому Леонтию Трифанову и велено ему Леонтию на Амге и на Тате в розных волостях всеми якутами сыскать против челобитья Батур[у]ской волости якутов Сетей Немнякова с товарищи про казаков про Волотьку Отласова да про Мишку Гребенщика, про бой и обиды и налоги и грабительства их. И я Леонтей против той указной памяти про них Волотьку и Мишку на Амге и на Тате Батурускою и Батулинскою и Скороульскою волостями большим повальным обыском сыскивал всеми якутами, которые были в домах своих налицо. А хто что в сыску сказали и которой волости и то писано в сем сыску ниже сего порознь статьями. А половина Батулинской волости и Игидейскою и Сылянскою и Баянтайскою и Магаскою и Одейскою волостями ж якутами, которые живут внизу Таты и Амги и на Алдане, не сыскивал, потому что я Леонтей прежь той указной памяти в тех волостях был и ясак збирал.

А ту сыскную память привез и подал денщик Семейка Игелтин марта в 1 день всрх Таты речки у якута у Девенка Очеева в юрте.

Помета: 197-го апреля в 9 день взять к отпуску и сыску, выписать на перепись.

VI. — Батуруской волости князца Немняка Очеева дети Сетей да Либи в сыску сказали: в нынешнем де во 197-м году осенью, езда на Тате в Батуруской волосте для высылки ясачных якутов с ясачным плательцем в город, казаки Волотька Отласов, Мишка Гребенщик их Сетей и Либи не били и не увечили и не мучили и руки назад не вязали и скота и живота никакого насильством не грабили, а били оне Волотька и Мишка кулаками холопа его Сертеку Быркигина и отняли у него насильством полтину денег да белебы кобыли да пальму, да Либина сына у Быркиной жены у Челы взяли насильством 5 горностаей да 14 белок, а самое ее не били и не мучили; да оне ж Волотька и Мишка Бутурусской волости якута у Гуйи Гуденина жену ево Чекоя и невестку и сына ево Булчуя и дочь ево Кобокая били и увечили и глаза подбили кулаками и плетями и руки назад вязали и кверху к матице вязали против чювалу и вымучили у них и взяли насильством лилицу красную да 20 горностаей да половинку, четверы торбосы половинчтые, в том числе двой торбосы кобыльи камысные да двой маандары муской да женской шуб; да иных де якутов многих били и увечили и насильством пожитки их имали; а сами оне того не видали, а слышали про то у сторонних якутов.

Деденек Очеев да дети ево Беркой да Кайтун да Оконь да Очнек да Бадон да Ондок да Одожчот Иргенев да Беркой Нерняков да Улейей да Нокос Осотосовы да Алчак Сабуктов, Бултедак Орчин в сыску сказали по шерте: в нынешнем де во 197-м году, будучи на Тате в Бутуруской волости, казаки Волотька Отласов, Мишка Гребенщик их Деденека с товарищи и жен и детей и холопей их не бивали и не мучивали и назад рук не вязали и скота и никакого живота насильством не имывали, а иных староних якутов били и увечили и руки назад вязали и всякую мелочь пожитки их насильством имали; и про то оне слышали у сторонних якутов, а сами того не видали. //

Букачия Молтонин в сыску сказал: в нынешнем де во 197-м году, будучи на Тате, казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик били и увечили кулаками без него Букачия жену ево Байка и отняли насильством седло да узду якутския да половинку сохатинную да 20 белок; а больше де того ему никакова дурна не чинили.

Тасын шаман Молтонин сказал в сыску по шерте: будучи де на Тате, казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик без него Тасына и жены ево Амыкая отняли 10 горностаей да 30 белок и били де деревом холопа ево Булукана; а опрячь де того никакова дурна не чинили.

Чабда Сабуктов в сыску сказал по своей вере по шерте: били де ево Чабдука казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик кулаками и взяли де насильством у него Чабди пальму железную да маандары штые якутской женской шубы; а иного де ему никакова дурна и насилия не чинили.

Иктей Геюкин, Кунней Курчюгесев, Бахчиная да Тертюк Тюляковы, Саргы да Котет Девукины, Быгыж Чокин в сыску сказали по своей вере по шерте: в нынешнем де во 197-м, будучи на Амге, казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик их Ихтейка с товарищи не бивали и не мучивали и руки назад не вязывали и скота и никакова живота насильством и грабжеем не имывали; а иных де якутов били и увечили и насильством всякую мелочь имали и руки назад вязали; и про то де они слышали от ыных якутов, а сами не видали.

Угуя Гусянин в сыску сказал по своей вере по шерте: будучи де на Амге, казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик для высылки с ясачным платжеем без него Угуи жену ево Чоноя да сына ево Булгуя да невестку ево Эркака били и увечили // и руки назад и к юртенной к матке вязали; а грабжеем и насильством взяли лисицу красную, 20 горностаей, половинку лоснянну твердую да лоскут лисей да торбасы кобылды да мандары шитые якутской муской шубы.

Куртай Тюляков в сыску сказал по своей вере по шерте: будучи де на Амге, казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик били де ево Куртая и мучили и руки назад вязали и насильством взяли 8 горностаей да торбасы половинчатые; а больше де того ему никакова насилия не чинили.

Боко Някин в сыску сказал: будучи де на Амге, казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик без него Бока у холопа ево у Соба отняли лисицу красную: а больше де того никакова им дурна не чинили.

Тюсюн Тогураев, Куржагал да Сартак Онековы сказали: казаки де Волотька Отласов да Мишка Гребенщик, будучи на Амге, били и увечили племянника их Дертү Тогераева и голову у него плетовищем проломил Волотька Отласов, и без него Дертү у жены ево соболя отнял он же Волотька; и того соболя, как голову проломил, и в то время отдал назад; а больше де того никакова им дурна не чинили.

Килян Едеев в сыску сказал: будучи де на Тате, казак Волотька Отласов бил и увечил мать ево Эменнику и пнул ногою под бок и переломил ребро; а насильством де ничего не взял.

Чоку Даванин сказал в сыску: будучи де на Амге казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик отняли у него Чоки соболя доброго, а хотели де за того соболя дать 2 лисицы красных, и тех де лисиц ему не даывали; опричь де того ему Чоку и детям и холопам ево никакова насилия и обиды не чинили и не мучили. //

Аткушеней да Ванил Мазары да Ванил Ирька, Торев Суларчоков, Сетей да Молдак Аткушеневы, Дюгдюля Мазарин, Теко шаман, Отоюн Быки да Сатак Тековы, Тевильгу Отоюн, Сельбуй Еюков, Чюгели Месеев, Тосен Пунеев, Далбарай Отоюн, Девенек Отоюн в сыску сказали по своей вере по шерте: в нынешнем де во 197-м году, будучи на Амге, казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик никаких обид и налог и насилия не чинили и никоими делы не мучили и руки назад не вязывали и голов не проламывали и грабительством скота и никакой мяхкох рухляди и мелочи не имывали; а то де они Аткушеней с товарищи от сторонних якутов слышали, что де оне Волотька и Мишка многих якутов, которые живут вниз Амги и Таты и на Алдане, били и мучили и руки назад вязали и грабительством горнастали и лисицы и белки и всякую мелочь имали; а сами де они того не видали, потому что живут в дальном расстоянии.

Чомок да Девенек Партуевы, Катан да Кочюдай Едеевы, Бегальник да Иля Тонесевы, Балды да Дескилей Тороневы, Тебиней Одергин, Москогол Биркиннин, Мичиги Яосулов, Тики Булгуаков, Держени Ноков, Кушней Карагин, Тебие Милгив да сын ево Аржай, Девенек Теганил, Кобуй да Бакай да Булгуй да Курегес Кушекеевы, Чибьки Сумнаков, Тюммель Чемоков, Тутарча да Токунай да Москоголь да Чоюк да Кирагай Быркинины, Борчок Чоков, Маган Атыр Быгчей да Очбек Маган Атыровы, Делгерей Талгалыров в сыску сказали по своей вере по шерте, что сказали Иктей Геюкин с товарищи. //

Селбуй Камосов, Булгуй да Девенек Камосовы, Котей да Батук Омолдоновы, Текала Котетов, Катат да Сырган Котетовы, Эрчик Елесев, Эрчука да Ирчик Живышовы, Гилек да Гок да Тогоито Ондреевы, Эгинец Селбуев в сыску сказали по своей вере по шерте, что сказали Аткушеней да Ванил с товарищи.

Багулинской волости Лыба Тимуков, Очнек Кулнеев, Лятя Тымкия, Марта да Кулняй да Куреюга Эрюкановы, Бырга да Кутагар Лебины, Быркыга Кутугунин, Тения да Тебиа Чокчогоревы, Котоен Сооужов в сыску сказали по своей вере по шерте, что сказали Батуруской волости якуты выше сего Иктей Геюкин с товарищи.

Тыбык Кумасев сказал в сыску: будучи де на Тате, казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик взяли у него насильством 20 горносталей; а больши де того никаких обид и налог не чинили.

Скороульской волости Куреяк Чокчогоров, Теко шаман Илтиканов, Коттол да Вахромей Куреяковы, Оргузей Лытйев, Бага шаман, Тенку да Тосем Сымины, Ортек Тохтотоев, Каптака Орбеков в сыску сказали по своей вере по шерте: в нынешнем де во 197-м году, будучи на Амге, казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик их Куреяка с товарищи не бивали и не мучивали и руки назад не везали и никакова скота и живота насильством не имывали; а иных де якутов родников их той же Скороульской волости били и мучили и насильством всякой живот и борошен имали. //

Сергуй Лытйев, Дедко Ниракаев да Окодей Ниракаев в сыску сказали по своей вере по шерте: будучи де на Амге, казаки Волотька Отласов, Мишка Гребенщик ево Сергуя, а их Дедея да Окодеевых племянников, Бултуя да Кагачю да Боркока били и увечили: а иных обид и налог и никакова грабительства им не чинили.

Тетку Лытйев в сыску сказал: будучи де на Амге, казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик взяли у него Тетку насильством 10 горносталей да 10 товушканин; а опричь де того никакова ему насилия и грабежу не учинили.

Баркулак шаман Книгил в сыску сказал: будучи де на Амге, казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик ево Баркулака никакими делы не бивали и не граблывали; а били де и увечили сына ево Бадука да племянника ево Эгиней Теткуева и руки де им назад вязали и отняли де у него Эгиней лисицу сиводущатую да 20 горносталей, шапку якутцкую мускую росомачью да шалку ж женскую горносталю, двои торбасы половинчатые; а иных де ево Баркулаковых детей Гырбану да Бакаля да Байгу да Эку никакова им насилия и обид не учинили.

Баяк шаман Эрбеков в сыску сказал по своей вере по шерте: будучи де на Амге, казаки Волотька Отласов да Мишка Гребенщик отняли насильством своим у певески ево у Сюрэка 5 горносталей; а опричь де того никакова насилия и обид не чинили. //

У сего сыску якутские речи толмачил казак Евсей Аргунов. По ево велеанию Васька Гурьев руку приложил.

На обороте 128 якутских «знамен».

К. 223, столб. 5 на 26 составя; плохой сохранности; сст. 1—2, 9—10, 14—15, 17, 19—26.

III. ТУЗЕМНОЕ НАСЕЛЕНИЕ.

А. Внутренний строй туземного населения.

139. 1638—39 гг. Челобитная ленских ясачных якутов князца Меник Тюбек Модункарина сына с «родниками и улусными людьми» о привлечении к суду маданских и буяназейских якутских князцов Тюнкигура «с братьею и улусными людьми», убивших у них людей и унавших скот.

Царю государю и великому князю Михаилу Федорович[ую] всеа Русии бьет челом сироты твои государевы ленские же ясачные якуты тагусы Ковейского о... князец Меник Тюбек Модункарин сын и в д[етей] своих и родников и улусных людей место. Жало[ба] нам на якуцких маданских мужиков и бу[яназейских] на Тюнкигура, на Бокуя, на Егенея, на... на Челчюкая, на Мойлока з братьею, на Куре... на Начю и на их улусных людей. В нынешнем во 147-м году приходили те князцы с своими людьми и с атамайцами Алту и з братьями войною, и убили наших дву человек Болда[шку] да Толукая. А Болдашко платил твоего [государеву] ясаку в Ленской острожке по 10... на год. Да отогнали у нас 200 кон[ей] и [жз]был да 40 коров и животишка наш[и] все пограбили и розорили до основан[ья], и твоего государеву ясаку промышлять вперед [не]чем, от их разоренья вконец погибли. Милосердый [государь] царь и великий князь Михайло Федорович[ь] всеа Русии, пожалуй нас сирот своих ве[ли] дать свой царьской суд и управу на тех ма[данских] и буяназейских якуцких мужиков на Тун[кигура] и на Едея и с их улусными людьми в погроме в убитых головах и в скоте [и] в конех и в хоровых и в животех. А о своем[е] государеве ясаке, что ты государь укажешь. Царь государь, смилуйся пожалуй.

На обороте 1 якутское «знамя».

К. 187, столб. 2 на 1 оставе; ветхий. Многоточиями в данном документе отмечены обрванные части текста.

140. 1638—39 гг. Челобитная казачьего десятника Осипа Семенова о возвращении коня, взятого ясачными якутами «Кушемеевыми родниками».

Царю государю и великому князю Ми[хайлу] [Федоровичу] всеа Русии бьет челом холоп твой [Ленского] острогу десятник казачей Оска Сем[е]нов. [В нынешнем], государь, во 147-м году из Ленского острогу [послан я холоп твой] на твою государеву службу на Амгу реку, ушел у меня холопа твоего конь именем Бремко, а перстью по якутски кереш, безвестно, ухо пр[авое] пластано, а ноздри маленько распороты. [А ныне], государь, [конь] мой объявился на Тате реке [у] ясачных якутов у Кушемеевых родников. М[илосердый] государь царь и великий князь Михайло Федорович[ь] всеа Русии, пожалуй меня холопа своего ве[ли], государь, тем Кушемеевым родником того моего коня отдать. Царь государь, смилуйся пожалуй.

К. 187, столб. 7 на 35 оставая; сст. 29; ветхий.

141. 1639—40 гг. Челобитная ясачного якута Тюреня Кологуева сына о привлечении к суду ясачных якутов Успецкой волости, укравших у него коня.

Царю государю и великому князю Михаилу [Федоровичу] всеа Русии бьет челом твой [государев] ясачной якут Тюрней Кологу[ев сын]. [Жалоба] мне, государь, да ясачных же якутов Успецкой волости, а имена их, государь, я сирота твой

не ведаю. В нынешнем, государь, в 148 году украли у меня сироты твоего коня сив[ого] добраво, на котором коне я сирота твой [те]бе великому государю ясак промышлял [по] вся годы. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, про того коня моего сыскати у них успехов и сыскав отдати мне сироте. Царь государь, смилуйся пожалуй.

К. 187, столб. 7 на 35 сставах; сст. 19.

142. 1639—40 гг. — Челобитная ясачного якута Батуруской волости Караги Бадурова сына о привлечении к суду подгородного якута Носка Оргуinea и мегинского ясачного якута Откона Турчинаева сына, укравших у него лошадей.

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом сирота твой государев Ленского острогу Батуруской волости ясачной якут Карага Бадуров сын. Жалоба, государь, мне на подгородного якута на Носка Оргуinea да на мегинского ясачного ж якута на Отк[она] Турчинаева сына. В нынешнем, государь, во 14[8] году осенью украли тот Носко Оргуinea да Откон 3 коня да кобылу неведомо за что. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня сироту своего, вели, государь, на тех якутов на Носка Оргуinea да на Откона в моем искуд дать свой царской суд и управу. Царь государь, смилуйся пожалуй.

На обороте 1 якутское «знамя».

К. 187, столб. 7 на 35 сставах; сст.

143. 1639—40 гг. — Челобитная ясачного якута Батулинской волости Барчигира Борсоева сына о посылке служилых людей в Батурускую волость к князю Давану Лойчерекову с детьми, укравшими лошадей и невозерзационными взятый калым.

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом твой государев сирота Батулинской волости ясачной якут Барчигир Борсоев сын. Жалоба, государь, мне Батуруской волости на князца Давану Лойчерекова сына и на его детей на Кузenea, на Чена, на Отена, на Мазenea, на Билтея, на Ожругу Оюна. В нынешнем, государь, во 148-м году осенью крадом отогнали те Давани дети у меня Барчигира 10 кобыл да 7 лошадей, и те Даванины дети тех кобыл и лошадей не отдают не ведо[мо] за что. Да у нево Давани сосватал Барчигир за сына своего Треку дочь [его] Даванину и калыму ему Даванею Барчигир дал 10 кобыл, и он Даваня кобыл взял, а дочери своей за сына моего Треку не дал. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, в тое Батурускую волость отпустить служилых людей к тому Дав[анию] и к детям его, чтоб они мне сир[оте] твоему те мои кобылы и кони краденые и калым отдали. Царь государь, смилуйся пожалуй.

На обороте 1 якутское «знамя».

К. 187, столб. 7 на 35 сставах; сст. 23.

144. 1639—40 гг. — Челобитная ясачного якута Бетунской волости Логуйки Сынакова сына о посылке ленских служилых людей за лошадьми, украденными у него ясачными якутами Батуруской волости Даваневыми братьями и родниками.

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом твой государев сирота Бетунской волости ясачной якут Логуйко Сынаков сын. Жалоба, государь, мне Батуруской волости на Даваниных братья и родников на Май Боготова да на Ату Кузenea на Чоку на Милгия. В нынешнем, государь, во 148-м году те Дав[анины] братья и родники крадом отогнали у меня Логуйка 6 кобыл да ко[ня] и то ся мест не отдают тех кобыл и коня. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, отпустить из Ленского острожку служивых людей к тем якутом и те мои Логуйковы кобылы и коня отдать. А буде не отдадут, вели, государь, взять собою вместе в Ленской острожек. Государь, смилуйся.

На обороте 3 якутских «знамени».

К. 187, столб. 7 на 35 сставах; сст. 22.

145. 1640 г. ранее июня 26. — Челобитная ясацкого якута Намской волости Чигинайки Тюбякова сына о привлечении к суду ясацких якутов Одейской волости Олдека «с товарищи», ограбивших братьев челобитчика и убивших при этом «улусного мужика».

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом сирота твой государев Намской волости ясацкой якут Чигинайко Тюбяков сын. Жалоба, государь, [мне] Одейской волости на ясацких же якут[ов] на Олдека да на Толка Каресевых детей с товарищи. В нынешнем, государь, во 148-м году июня в 12 день поехал, государь, брат мой Акия Тюбяков же сын вверх по Лене реке в Кангалаской уезд и з женишком своим и с улусным мужиком Кузагалком. И доехали, государь, они до Килдима. И наехали те одейские мужики коп[бем] скололи до смерти, а за братом моим Аки[сэм] погнались и неведомо того брата моего убили, неведомо жив. Да брата ж моего Буялная взяли его жену да 4 коня да 5 кобыл. 4 з жеребенки и 5-я без жеребенка. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, на тех одейских мужиков на Олдека с товарищи в тех убитых головах и в их насилиестве в грабежу дать свой царской суд и управу. Царь государь, смилуйся пожалуй.

На обороте 1 якутское «знамя».

Помета: 148-го году июня в 26 день в новом Ленском острожке в съезжей избе пред атаманом Осипом Галкиным явили мир Намской волости Чигинайко да Акия Тюбяковы дети с одейцами с Карешем и с его детьми с Олнеком и с Олдеком: мир записан в съезжей избе.

К. 187, столб. 7 на 35 сставая; сст. 8.

146. 1640 г. не ранее июля... — Челобитная ясацких якутов Бетунской волости Дыгичи и Толноутовых детей о привлечении к суду ясацких якутов Одугейской волости Куннеса и Треки Чачуевых детей «с родники своими», отогнавших у них скот.

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом сироты твои государевы Ленского острогу Бетунской волости ясацкие якуты Дыгича да Толноутовы дети. Жалоба государь нам Одугейской волости на ясацких якутов на Куннеса да на Треку Чачуевых детей. В нынешнем государь во 148-м году в месяце июле приезжали те братья Дыгича да Томко с своими родники войною и отогнали у нас скота рогатого коров больших и малых 23 скотины не ведомо за что. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа [Русии], пожалуй нас сирот своих, вели нам на того Куннеса да на [Треку в том] [на]шем иску дать свой царской суд и управу. Царь государь, смилуйся пожалуй.

К. 187, столб. 7 на 35 сставая; сст. 34.

147. 1640 г. августа 13—25. Дело об ограблении ясацких якутов Мегинской волости Барчика Чесова сына и Трека Декиева сына ясацкими якутами Батуруской волости Каптаном и Ирगेом «с товарищи».

1. — Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом сироты твои государевы Ленского острогу Мегинской волости ясацкие якуты Барчик Чесов сын да Трек Декиев сын. Жалоба, государь, нам на ясацких же якутов Батур[уской] [в]олости на Каптана да на Иргена да на Девенка [Очсевых] детей с товарищи. В прошлом во 147-м году летом тот Капт[ан] с товарищи отгнали у меня сироты твоего Барчика войною 21 кор[ову], а у меня сироты твоего Трека, во 148-м году зимою, тот же Каптан Очсев сын своею братею и родники отгнали у меня 30 коров войною. Да в нынешнем же, государь, во 148-м году [авгу]ста в 14 день ездилы мы с [ироты] твои Барчик да Трек к тем [тун]гусам потоворить для своего [скота, чтоб] нам отдали, и оне Немьяк з б[ратьями] Очсевы дети встретили и нас сирот твоих пограбили и кони и пальмы и сааки по[грабили] неведомо за что. Милосердый [государь царь] и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй нас сирот твоих вели, государь, на того Каптана Очсева

сына з братьею и с товарищи в нашем иску дать свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся.

На обороте 2 якутских «знамени».

II. — Лета 7148-го году августа в 25 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу память Ленского острогу служилым людем Богдашку Ортемыеву Сорокоумову, Левке Тимофееву Губарю, Семейке Иванову Дежневу. Ехати ему из Ленского острогу на Тату и на Амгу к батуруским якутом к Немнячку да к Каптагайку Очевым детем з братьею по челобитию ясачных якутов Мегинской волости Бырчика Чекова да Тречки Декиева, а в челобитной их написано: в прошлом де во 147-м году летом тот Каптака с товарищи отняли де у Бырчика, приезжали войною, 21 корову; да в нынешнем де во 148-м году зимою у Тречки отняли войною тот же Каптак з братьею 30 коров; да в нынешнем же во 148-м году [авг]уста в 14 день ездили де они Бырчик да Тречка к тем к батурусам поговорить для своего скота, чтоб им отдали тот их отоненной скот, коровы, и он де Немнячка з братьею встретили их на дороге и били де их и ограбили, кони и палмы и саадаки поимали. И вам бы служилым людем Богдашку Сорокоумову с товарищи, приехав к тем к Очевым детем к Каптагайку с братьями, и про тот скот у них опросать, и сторонними якуты диспряма доспро[сит]и; и в грабежу буде они не запрутца, и что и сторонние якуты скажут буде их на доро[ге] грабили, и вам бы служилым людем по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси [указу] розвести их без спору и без драки, тот скот взять, скот и грабжиной живот у Немнячка з братьею, и отдать Бырчику и Тречке. А будет учиница у них у Немнячка з братьями меж ими спор з Бырчиком и с Тречкою в том скоте и в грабжином животе, и их Немнячка з братьями и Бырчика и Тречку срочить их в Ленской острог с собою тотчас, не мешкая. А самим им служилым людем, ездечи дорогово, у иноземцов ничево не покупати и с ними ничем не торговати и иноземцом обид и насильства не чинити и никоторова дурна не творити и к ним никак ни в чем напрасно не приметы-ватца.

К сей памяти атаман Осип Галкин печать свою приложил.

К. 187, столб. 7 на 35 *оставая*; сст. 33; *ветгий*. К. 187, столб. 6 на 30 *оставая*; сст. 29 — 30.

148. 1640 г. не ранее августа... — *Челобитная ясачного якута Батуруской волости Кушенека Карагина сына о привлечении к суду подгородных ясачных якутов Оргуня Носика с товарищами, укравших у него скот.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьет челом сирота твой государев Батуруской волости ясачной якут Кушенек Карагин сын. Жалоба, государь, мне на под[город]ных ясачных якутов на Оргуня Но[сика], да на брата его тоена да на Оргуня Бызынина сына да на ясачных же мегинских ясачных якутов на Откана Турчицаева сына Бырдака Дардакаева да на Чюгуна Онокова сына. В нынешнем, государь, во 148-м году августа... ночью украли у меня сироты [твоего] тот Носко с товарищи... да 2 кобылы неведомо [за что]. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Руси, пожалуй меня сироту своего вели, государь, на тех якутов на Оргуня Носика с товарищи в моем иску дать овой царской суд и управу. Царь государь, смилуйся пожалуй.

К. 187, столб. 7 на 35 *оставая*; сст. 5; *ветгий*.

149. 1640 г. — *Челобитная тунгусского аманата Ло. Умтерина сына о составлении новых ясачных книг жиганским ясачным тунгусам, разоренным и побитым неясашными тунгусами «изменниками».*

Царю государю и великому князю Михаилу Фе[дор]овичю всеа Руси бьет челом твой государев сирот[а] жиганских ясачных тунгусов аманат Ло... Умтерин сын. В прошлых, государь, годех и [в нынешнем] в 148-м году платили мы сироты тв[ои] [великому государю] ясак с 70 со... [чело]век по 5-ти сороков по 30 [со]болей по окладу, каков на нас о[клад] [поло]жен по твоему государеву указу. И в нынешн[ем], государь, в 148-м году весною на звери[ном] [про]мыслу приходили на нас сирот твоих великие государевы изменники неясашные тунгусы, кото-

рые тебе великому государю не[по]корны и непос[лушны], и ясаку с себя тебе великому государю не [пла]тят, оленские тунгусы и чингигири и в...ри и о [ро]чаны, и нас сирот твоих на зверовые по[били] 25 человек лутчих людей, от[били] подростков и женок. И впредь, государь, нам сиротам твоим те твои государевы изменники угрожают смертным убоиством. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй нас сирот своих вели, государь, своим служилым людям, которые будут по твоему государеву указу с нас сирот твоих тебе государю ясаку брати на 149 год, и наши имена вновь в книги переписати, которые буде ныне живы и не побиты. А тех, государь, побитых людей имена из книги выписать потому, чтобы нам, государь, сиротам твоим от их, государь, насильства оленских тунгусов в твоём государеве в недобром ясаке вконец не погинути и от тебя бы, государя, не быть в пене и в казне. А в их, государь, убойстве и в насильстве что ты, государь, укажешь. Царь государь, смилуйся пожалуй.

На обороте 3 тунгусских «знамени».

К. 187, столб. 7 на 35 ставая; сст. 13. Многозначиями в данном документе отмечены оборванные части текста.

150. 1640 г. — Челобитная ясачного якута Бегунской волости Б. Маданова о привлечении к суду успецкого якутского князца Амура Каскова и его улусных людей за угон лошадей.

Царю государю и великому князю Михайлу [Федоровичу] всеа Руси бьет челом сирота твой [государев] ясачной якут Бегунской волости Б... к Маданов. Жалоба, государь, мне на опецкого якутского князца на Амура Каскова сына и на его улусных людей. В нынешнем, государь, во 148-м году весною приезжал он Амур ко мне в улус с своими улусными людьми и отогнал у меня 22 кобылы да 3 коня езжалых и держит у себя и по ся мест. И я, государь, сирота твой вконец погиб от него Амура с товарищи, и твоего государева ясаку промышлять стало не на чем. Милосердый [государь] царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня сироту [своего] вели, государь, дажь свой царской суд и управу на того Амуда и на его улусны[х] людей в тех моих кобылах и конех. чтоб мне сироте твоему вконец не пог[инуть] от их насильства и грабежу и твоего государева ясаку б не отбыть. Царь государь, смилуйся пожалуй.

К. 187, столб. 7 на 35 ставая; сст. 17; ветгий.

151. 1640—41 гг. — Челобитная ясачного якута Батуруской волости Юрга Гадарова сына о привлечении к суду якутов той же волости Омолдона Гуликанова «с товарищи» за угон лошадей.

Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Руси бьет челом сирота твой государев Ленского острогу Батуруской волости ясачной якут Юрга Гадаров сын. Жалоба, государь, мне Батуруской же волости на Омолдона Гуликанова сына с товарищи. В прошлом, государь, во 148-м году зимою приезжал тот Омолдон с товарищи ко мне Юрге в улус войною, отогнали они Омолдон с товарищи у [меня] сироты твоего 56 кобыл больш[их] [и] малых не ведомо за что. Милосердый [государь] царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня сироту твоего вели, государь, на [того] Омолдона с товарищи в том моем иску дажь свой царской суд и управу. Царь государь, смилуйся по[жалуй].

На обороте 1 якутское «знамя».

К. 187, столб. 7 на 35 ставая; сст. 21; ветгий.

152. 1640—41 гг. — Челобитная ясачного якута Одейской волости Онкочек Бочекова сына о привлечении к суду якута той же волости Тунуя Сергутова сына и якута Бегунской волости Обаку, укравших у него корову и теленка и нанесших ему побой.

Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Руси бьет челом сирота твой государев ясачной якут Одейской волости Онкочек Бочеков сын. Жалоба, государь, мне той же волости Одейские на Тунуя Сергутова сына да Бегунские волости на Обаку, ево имени не ведаю. В прошлом, государь, во 148 октября в... день украл тот Тунуй да Обаку корову дойную, а укравши

убили да и съели ту корову. [А я] сирота к тем Туную и к Обаку приходил то[е корову] выпрошать, и они меня сироту били и увечили на с[мер]ть. Да в нынешнем же, государь, во 149-м году осенью тое [же] волости Корешев внук Одекос сын Мелгира да и Жита Анагуев сын украли теленка дву годов не ведомо за что. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, на то[то] Туную с товарищи дати свой царьской суд и управу, чтобы мне сироте в их насильстве вконец не погинути и твоего бы государева ясаку не отбывать. Царь государь, смилуйся пожалуй.

К. 187, столб. 7 на 35 оставая; сст. 24.

153. 1653 г. декабря 15. — Дело о возвращении якуту Одейской волости Носкокуру Дегесеву отнятой у него «девки холопки».

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом сирота твой Одейской волости якут Носкокур Дегесев. Жалоба, государь, мне Батыльской волости на якута Боргулда Инырдина. В прошлом, государь, во 158-м году он Боргулда отнял у меня сироты твоего девку холопку, и тою девкою и по се число владеет. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, в том моем иску на него Боргулда дать свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 162-го декабря в 15 день суд был, и в ответе женка сказала, что ей Носко племянник, а Носко сказал то ж, что он ей племянник, и по тем речам та женка отдана мужу Боргулде.

К. 196, столб. 4 на 276 оставая; сст. 24.

154. 1653 г. декабря 16. — Дело о возвращении якуту Бетунской волости Чучгурке Аникиеву его беглого холопа.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом сирота твой Бетунской волости ясашной якут Чучгурко Аникиев. В прошлом, государь, во 160-м году збежал у меня сироты твоего холоп мой Курдюгас, и ныне я сирота твой про того моего холопа проведал, что он живет Бетунской волости у якута Тюлсмеля. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй меня сироту своего холоп, государь, мне того моего холопа Курдюгаса к себе взять. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 162-го декабря в 16 день суд был, и по суду истцу отказано, потому что истец сказал, бывал де того ответчика отец дядя его холоп, и велено ответчику быть в ясаке, и вновь на нем лишица взята.

К. 196, столб. 4 на 276 оставая; сст. 29.

155. 1654 г. января 20. — Дело о возвращении калыма якуту Чириптейской волости Сергую Батусеву сыну якутом Намской волости Толкой Торочеевым сыном.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом твой государев сирота ясашной якут Сергуй Батусев сын Чириптейской волости. Жалоба, государь, мне Намской волости на Толка Торочеева сына. В прошлом, государь, во 159-м году зимою зговорил я Сергуйко у него Толка женитца на сестре его Санае, а калыму ему дал 2 коня, да кобылу, да быка, да корову, да вареново мяса 2 скотины, да убитого мяса 2 скотины же, да нога кобылья, да 15 стерледей, да таймень. И в том же, государь, во 159-м году весною та его Толкоева сестра Санаа у него Толкоя в юртах умерла, а живогом моим тот Толкой скотом владеет и по се время. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, на того Толка в том дать свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся.

Помета: 162-го генваря в 20 день ответчик в ответе запырался и шерть взял себе, а шерть де дана в скоте опричь вареного, и по шерти прав ответчик, а вареном отказано.

К. 196, столб. 4 на 276 оставая; сст. 70.

156. 1654 г. января 27. — Дело о нанесении ран и конокрадстве якутом Мегинской волости Девагой Бычеевым по жалобе на него якута Батуруской волости Боейки Юргина.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси бьет челом сирота твой государев Батуруской волости ясашной якут Едейко Юргин. Жалоба, государь, мне Мегинской волости на якута на Девалу Бычеева. В прошлом, государь, во 160-м году резал тот Девега ножом брата моего родного Булгу-дака, и тот мой брат от тех ево Девутиных ножевых ран и по се время лежит присмерги, да он же Девуга украл у племянника моего коня доброво. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй меня сироту своего вели, государь, на того Девегу дать свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся.

Помета: 162-го генваря в 27 день ответчик в ответе сказал, что исцова брата ножом резал за то, что он исцов брат у него ответчика отнимал насильством огниво, а коня де бзял не кражко, и за того коня дал племяннику исцову иную лошадь, а за резанье брата исцова дал он ответчик исцову брату 2 скотины; а истец сказал то же, что и ответчик. И по сем речам ответчику отдать исцову лошадь племяннику ево исцову, а которая лошадь ответчикова дана была за ту лошадь и ту лошадь отдать ответчику, а в резанье исцу отказать, потому что они за то резанье взяли 2 скотины наперед сего.

К. 196, столб. 4 на 276 оставая; сст. 90.

157. 1654 г. февраля 2. — Дело о возвращении якуту Мегинской волости Чугунке Бодоеву сыну его жены, задержанной ее отцом, якутом Кангалаской волости Тореи Оттуевым сыном.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси бьет челом сирота твой Мегинской волости ясашной якут Чугунко Бодоев сын. Жалоба, государь, мне Кангалаской волости на ясачного якута на Тореи Оттуева сына. В нынешнем, государь, во 162-м году зимою отпустил я сирота твой жену свою Мутуя к нему Торе к теспо своему в гости, и он Торе ту мою жену, а свою дочь, мне сироте твоему не отдает неведомо за что, а цену, государь, за ту ево дочь ему Торе я сирота твой дал всю сполна: 11 кобыл да 10 коров, 7 лошадей, 2 быка да 10 скотин битого мяса вареного. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй меня сироту своего вели, государь, на того Торе в том моем иску в женишке моей дать свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся.

Помета: 162-го февраля в 2 день суд был. Ответчик сказал, что он дочь свою задержал у себя за ее немочью, а ныне де он тое дочь свою зятю своему привез отдать, и та жонка отдана истцу.

К. 196, столб. 4 на 276 оставая; сст. 106.

158. 1654 г. февраля 19. — Дело о присвоении служилым человеком Федотом Усом жены якута Намской волости Косика Ивеева.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси бьет челом сирота твой Намской волости ясашной якут Косика Ивеев. Жалоба, государь, мне на служилого человека на Федота Уса. В прошлом, государь, во 150-м году женился я сирота твой у тагускова якута у Собока на дочери ево Мойлоке, а дал я сирота твой за нее Мойлока калы[м] по своей якутской вере, 2 лошади, да 3 кобылы добрых бережих, да 2 быка, да 3 коровы стельных добрых, да 3 скотины вареного мяса, да туюк большо[й] масла коровья. И жила, государь, у меня сироты твоего та Мойлок с того со 150-го году по 158-й год 9 лет. И в прошлом, государь, во 158-м году отпустил я сирота твой тое жену свою Мойлока в гости к брату ее к Тюсюку Собокову. И в том же, государь, во 158-м году послал тот Тюсюк тое жену мою Мойлока, а свою сестру, из Тагус ко мне сироте твоему в Якутской острог на судне с ясажными зборщики с служилыми людьми с Титом Спиридоновым, и служилые люди, Тит с товарищи, тоей моей жены мне сироте твоему не отдали, а ныне та моя жена Мойлок объявилась у него Федота замужем. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси,

пожалуй меня сироту своего вели, государь, на него Федота в том моем иску дать свой царьской суд и управу и по суду свой царьской указ утигнить, чтоб мне сироте твоему от той обиды и насилуваньа твоего государева ясаку не отбыть и вконец не погинути. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 162-го февраля в 19 день ответчик сказал, что он тое женку у якутского служилого человека у Спирьки Маркелова взял за себя, а у Спирьки была она купленная. А женка в роспросе сказала, что она за Косикой замужем была, и тому де ныне 4 годы тот муж ес Косина ходил на промысл, а ее оставливал у брата ее у Тусюка, и как де брат ее Тусюк умер и якут де Курдайко Тагуской волости отдал ее якутскому служилому человеку Олешке Анисимову, а взял за нее у него Олешки котел в ведро да. ¹ а Олешка ее взяв привез в Якутцк и у Олешки жила она не крещена года с 2, а Олешка продал ее якутскому ж служилому человеку Тимошке Павлову, а взял за нее у Тимошки 10 руб., а Тимошка продал Спирьке рыбнику, а что взял за нее Тимошка того она не ведает, и крестя ее Спирька выдал замуж за Федотка Уса. А истец сказал, что тое женку тагуский якут с ¹ послали с служилыми людьми к нему иску.

К. 196, столб. 4 на 276 сставах; сст. 122.

159. 1654 г. февраля 25. — Дело о бегстве жены якута Мегинской волости *Кытаначки Нултукаева*.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом сирота твой Мегинской волости ясачной якут Кытаначко Нултукаев. Жалоба, государь, мне той же волости на якута на Делгерея Торева. В прошлом, государь, во 161-м году збежала у меня сироты твоего женишко мое имянем Делбек. И в нынешнем, государь, во 162-м году та моя жена объявилась у него Делгере. И в нынешнем же, государь, во 162-м году он Делгере выдал ту мою жену за иного якута за Елтека неведомо за что. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, на него Делгере в той моей женишке дать свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся.

Помета: 162-го февраля в 25 день суд был. Ответчик сказал, что та женка пожила у него добровольно и вышла замуж за якута ж Дибгенской волости за Ендюка Быппа, а калыму де он за ту женку не имывал, а истец де тое женку покинул тому ныне лет с 15. А истец сказал, что от него збежала года с 3. А якут, которой тое женку за себя взял, сказал, что он тое жонку взял с воли. А женка сказала, что она за ним исцом не бывала. И по тем речам исцу в той женке отказать.

К. 196, столб. 4 на 276 сставах; сст. 143.

160. 1654 г. марта 6. — Отписка средневилуйского ясачного сборщика *Нвана Кармалина* с товарищами якутскому воеводе *Михайлу Лодыженскому* о неудачном сборе ясака с тунгусов, о смертности среди них и о разгроме князя *Тимирейки Батырева «наискими мужиками»*.

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии стольнику и воеводе Михайлу Семеновичю Ладыженскому да дьяку Федору Васильевичю Тонкову Среднева Вилуйского зимовья ясачной сборщик Ивалтка Кармалин с товарищи челом бьет. В нынешнем, государь, во 162-м году по марта 6 число ево государским шаштем собрано ево государева ясаку с якутов 108 соболей да 8 лисиц, а с тунгусов собрано 74 соболя. А в достальних, государь Михайла Семенович, Федор Васильевич, утrophали сроку, вскоре взять негди. А с тунгусов, государь, больше не веделом будет, не веделом нет, потому что сказывают соболей нет, промыслы были худы. А тунгусы, государь, судом божием мрут, по се число сказывают померло 20 человек. А отписку, государь Михайло Семенович, Федор Васильевич, послал я с осени по первому пути з Бесоном Григорьевым по челобитию князя Тимирейка Батырева, что приезжали к нему розгромом намыские мужики Тойбоков сын Мелчек с товарищи и звали ево Тимирея промить киргидайских мужиков, и он Тимирей не поехал, и оне ево Тимирея хотели убить,

¹ Два слова не разобраны.

а людей сво до полусмерти убили и иных ясашных мужиков били и грабили, и отгонили у нево Тимирея 10 лошадей, а тот Бесон з дороги не ведомо за что варатился назад в город, к вам государевым воеводом не поскал, а отдал отписку Томбокою Намского улусу. А вы, государи Михайло Семенович, Федор Васильевич, пишете к нам кручиную, и мы, государь, над собою никакя простуги не ведаем, апричь безпрестанной волокиты // для ясачного збору. А за прошлые, государь, годы ясаку не можем выходить, безпрестанно ходим, не единова соболя, ко[то]рые мужики изъезны, и на тех недо[платы] нст, а которые не изъезные мужики, сказывают и плачутца, что п[о] прошлые годы взять нехди. Да слышали мы, государь, и сказывают нам якуты, что на усть Вилюя учинилось не[х]орошо, аманата отбили Туну[я] аманата отец. И мы, государь, слышали и чиним вам государем ведомо, Михайло Семенович и Федор Васильевич. Да летась, государь, приезжали бегунския мужики [с Охо]ты, приезжали Селбук Тюмюк Немюро с товарищи 30 человек, и Тимирея громили и убили ясашнова якута Кудая, а ясаку за нево стало дать некому, асталось баба з 2-мя рябяты, а живота ничево не осталось, отгромили тещиция мужики.

На обороте: Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии стольнику и воеводе Михайлу Семеновичу Ладыженскому да дьяку Федору Васильевичу Тонкову.

162-го марта в 18 день подал Мегинской волости якут Сетерко Тантанов

Помета: Отписку вклеить в столп.

К 196, столб. 4 на 276 сставах: сст. 169.

161. 1654 г. марта 21. — Дело о бегстве холопки якута Модутской волости Бычина Модасва сына.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом сирота твой Модутской волости ясачной якут Бычина Модасв сын. Жалоба, государь, мне Одейской волости на ясачного якута на Силнегеса Колюева сына. В прошлом, государь, во 161-м году жил он Силнегес у меня сироты твоего в работниках, и подговоря он Силнегес холопку мою якутскую жошку именем Отонейка с собою увел да и по ся мест держит у себя. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, на того Силнегеса в том моем иску дати свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся.

Помета: 162-го марта в 21 день суд был. Ответчик в женке не запирался, и та женка отдана ответчику ж, потому что он исцу за тое женку хочет работать.

К. 196, столб. 4 на 27 сставах: сст. 169.

162. 1654 г. июня 16. — Дело о захвате якутом Намской волости Арчеюм Качиковым сыном у якута Модутской волости Тохтогойка Камуева сына принадлежащих ему холопов и промысловых рыбных снастей.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом сирота твой Модутской волости ясачной якут Тохтогойка Камуев сын. Жалоба, государь, мне Намской волости на ясачного якута на Арчею Качикова сына.

В нынешнем, государь, во 162-м году в месяце июне с рыбного промыслу увез он Арчина сильно в нсвою холопа моего именем Салдакая и з женою и з сыном. Да он же Арчина увез с озера 60 морд да 4 сети волосяные да рыбы сухой тунса з 2 больших. И я сирота твой для тех своих холопей и для морд и сетей посылал к нему Арчине якута Мотму, и он Арчина того Мотму бив на смерть и лошадь мою добрую из под того Мотмы сильно отнял неведомо за что. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй меня сироту своего вели, государь, на того Арчину в том моем иску дати свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 162-го июня в 16 день ответчик во всем не запирался и холопа совсем отдал. Да он же сказал, что лошадь застрелили. И за тое лошадь велеть отдать лошадь, а мясо отдать ответчику.

К. 196, столб. 4 на 276 сставах: сст. 236.

163. 1654 г. июля 9. — Дело о неплатеже за «якутскую овку», купленную якутом Коготкина улуса кузнецом Окочутой у служилого человека Семена Чухчерима.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси бьет челом холоп твой Енисейского острогу служилый человек Семейка Васильев сын Чохчерим. Жалоба, государь, мне холопу твоему Коготкина улусу на ясащного якута Окочюта кузнеца. В прошлом, государь, во 160-м году продал я холоп твой ему Окочюту ясыря своего якутскую девуку, а за того своего ясыря взяти мне холопу твоему на нем Окочюте недоплаты скотину быка, а цена тому быку 12 руб. да 10 палем железных, а цена тем пальмам 5 руб. И по се число тот Окочют мне холопу твоему за того моего ясыря по уговорной цене за быка и за пальмы тех денег не платит неведомо за что. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй меня холопа своего вели, государь, дати мне холопу твоему свой царьской суд и управу в моем иску на того Окочюта. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 162-го июля в 9 день ответчик в ыску не запирается.

К. 196, столб. 4 на 276 составл, сст. 241.

164. 1654 г. июля 29. — Дело об отнятии сенных покосов и нанесении побоев холопам якута Мегинской волости Девуна холопам якута той же волости Нокоч Чермокова.

I. — Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси бьет челом сирота твой Мегинской волости ясащной якут Нокочо Чермоков. Жалоба, государь, мне Мегинской волости на Девуниных холопов на Домолта Карелкуева да на Енекая Богучева да на Чюдара Някыева. В нынешнем, государь, во 162-м году июля в 23 день они Домолто с товарищи отняли у меня сироты твоего холопа моего Курдюгея Ембонова и пальмами ево в 3-х местах голову просекли и правую руку прокололи. А те, государь, луги мои, а кошу на тех лугах лет з 10. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй меня сироту своего вели, государь, на тех Девуниных холопов на Домолта с товарищи в том их отъеме в сенных покосах и в бою и в увече холопа моего дати свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся пожалуй. //

Помета: 162-го июля в 29 день ответчик сказал, что он сек лица пальмою за то, что истец его ответчика на огонь пихнул и руку у него ожег. И по тем речам ответчику учинено наказанье, бит кнутом он на козле.

II. — Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси бьет челом сирота твой Мегинской волости ясащной якут Девуни Онкудеев сын. Жалоба, государь, мне Мегинской же волости на ясащных якутов на Нокочо да на Корючея Чермоковых детей. В нынешнем, государь, во 162-м году в месяце июле пришед их Корючиевы да Нокочовы холопи Гуржечес с товарищи холопей моих сироты твоего Девуниных Некана да дяди моего родного Орла холопа Сутуя на сенных покосах били и увечили и тех моих холопей нарочным делом звали на огонь, у Анекона руку правую сожгли, а Сутуя правую ногу, отнималочи насильством отца моего Онкудея да дяди моего Орла сенные покосы неведомо за что. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй меня сироту своего вели, государь, на тех братеников на Нокочо да на Корючея и на их холопей в том моем иску в насильстве их и в бою и увече дати свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: Подклеить под исцово челобитье, потому что указ помечен на исцовой челобитной.

К. 196, столб. 4 на 276 составл; сст. 246—247.

165. После 1654 г. сентября 1. — Дело об отобрании скота и холопов у ясащной якутки Бетунской волости Бытыкыйки Тавукаевой родственниками ее умершего мужа и о обращении ее сына Дачина в холопство.

I. — Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси бьет челом сирота твоя Бетунской волости Бьяновская женишко Ончокова Бытыкайко Тавукаева дочь. Жалоба, государь, мне Бетунской же волости на ясащ-

ного якута на Тюсенья Ончокова сына да на сына ево Даку. В прошлом, государь, во 162-м году весною взял он Тюсень у меня сироты твоей сильно статков покойного мужа моего Быяна 3 кобылы добрых, а сын ево Даку отнял у меня сироты твоя сильно грабежом статков же мужа моего 12 коров, 4 лошади, 3 кобылы бережных, 2 быка больших, шестеро телят сететков. Да у меня ж сироты твоей было куплено на твой государев яsak 9 соболей, 3 лисицы красных, и те соболи и лисицы грабежом взял у меня сироты твоей он же Даку, и меня сироту твою хотел убить на смерть, да и сына моего Дачину себе похолодил, а жену того сына моего, а мою невестку Мычайка он Даку взял себе в жены место, и холопа моего Сынгырь взял к себе ж в холопство, да платышка нашего и статков поимал он Даку у меня сироты твоей 2 шубы женские, 4 горбосы, рукавицы волчьи, 2 малахая белья, 20 горнистелей, 20 белок. А преж, государь, того, как муж мой Быян умер воспою, и в та поры статков мужа моего он же Даку взял у меня сироты твоей 2 кобылы добрых да 2 коровы взял у меня ж лутчих он Даку и отдал матери своей Кучюку не ведемо почему. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй меня сироту свою вели, государь, на того Тюсенья да на сына ево Даку в том моем иску дати свой царьской суд и управу. Царь государь, смилуйся. //

II. — И против сей челобитной Тюсенья Ончокова жена, Адакуева мать, Кучюку сказала, что де муж се Тюсень взял Быянова скота Ончокова после ево Быяна лошадь да кобылу. Да сын де ево Даку взял того ж Быянова скота 3 лошади да 3 кобылы да 12 коров да 9 соболей да 3 лисицы красных, и те де соболи и лисицы у сына ево Даку дома и ныне есть. Да она де Кучюку взяла 2 коровы. А муж де ево и сын поехали на соболиной промысел. А Быянова жена Бытыкыйко сказала: сын де ево Даку взял мужа ево Быянова скота живых 4 лошади да 3 кобылы да 12 коров да 2 скотины битого мяса да 9 соболей да 3 лисицы красных, да он же де Даку взял лошадь да кобылу да 2 коровы и отдал он матери своей Кучюку, да он же Даку взял холопа их именем Сынгырю Бадпарьева сына; да муж ево Тюсень взял 3 кобылы; да он же де Даку взял сына се Дачину и жену де того сына ево, а ево невестку, именем Мычайка к себе в холопство, а за ту де невестку Мычайка муж се Быян, как жив был, отцу ево дал 6 лошадей да 6 кобыл да 5 коров да 4 скотины битого мяса. Даку Тюсеньев против челобитной распространял, а в роспросе сказал: как де муж се Быян умер, и он де Даку взял после ево скота, пстому что ему Быян был ему дядя родной, 2 лошади да 3 кобылы да 2 быка больших да 12 коров, в том числе 2 теленка, 9 соболей, а 2 лисицы тот Быян дал сам, как он жив был, и сына де Быянова взял он Даку по свойству, а не в холопы и тот де сын Быянов с лошадь упал и ушибся и умер, а невестки де ево он Даку не имывал, а живет де та ево невестка у отца своего у Эчиней Барчигирова, а Быян де за тое ево невестку // дал отцу ево Эчинею калмыку 4 лошади да 4 кобылы да 4 коровы, а отец де ево дал Быяну 2 шубы волчьи да шубу рысю да 35 соболей. Да того ж де Быянова скота взяли родники ево Дергина Ончоков кобылу да холоп Дергинин Тенька Бадпарьев взял кобылу, Очей Дергинин кобылу, Ондрюшка Дергинин 2 кобылы бережных, Отюней Камуков кобылу бережкую, да Акон Камыков кобылу бережкую, да Мазары Камыков корову, да Чеев Ончоков 2 кобылы, да отец де ево Дакуев Тюсян взял 2 кобылы.

К. 198, столб. 6 на 143 строках; стр. 2—4.

166. 1664 г. не ранее июля. — Челобитная ясачных якутских князцов и улусных людей разных волостей, поданная якутскому воеводе Ивану Большому Голенищеву-Кутузову о невизмании с них недоимки за прошлые годы в течение одного года потому, что они «обнищали и обедняли и по дворам в холопство изапродались», распродав русским людям свой скот, жен и детей.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу [т.] и государю благоверному царевичу и великому князю Алексею Алексеевичу [т.] и государю благоверному царевичу и великому князю Федору Алексеевичу [т.] бьют челом сироты ваши дальней вашей государевы вотчины Сибирской укаранны ясачные якуты розных волостей: Кангалаской волости князцы Калтейко Откураев, да Вычико Касимов, Батуруской волости князцы Омолдонко да Тимучко Гуликановы дети,

Немаячко Очеев, Нюрюптейской волости князец Тетко Киринеев, Мегинской волости князец Муканко Буружан, Бетунской волости князцы Чегунейко Изиллов да Аконко Камылков, Намской волости князец Ничка Мымыков, Чюметцкой волости Кулутко Сатаканов, Атамайской волости Тюсенко да Отконко Чемчины и все улусные люди. В нынешнем, государю, во 172-м году июля в . день прислана в Якутцкой острогу к вашему государеву стольнику и воеводе Ивану Федоровичю Большому Голенищеву-Кутузову ваша великих государей грамота, велено на нас сиротах ваших за прошлые годы ваш великих государей ясак и поминки собирать в один год без доимки сполна, чтоб на прошлые годы доимки не было. И по вашему государеву указу и по грамоте стольник и воевода Иван Федорович Большой Голенищев-Кутузов за прошлые годы ваш великих государей ясак и поминки на нас сиротах ваших хочет править. А мы сироты ваши платим ваш великих государей ясак погодно оклады большис, а сверх годовых окладов тот ваш великих государей ясак и поминки за прошлые годы уплачиваем, сколько хто из нас может добыть и упробылять, или как хто может промыслить, с великим попеченьем сами же даем, чтоб на нас сиротах ваших доимки не было. И многие из нас сирот ваших, збывая с себя за прошлые годы вашево государева ясаку и поминков доимку, общищали и обедняли и по дворам в холопство иззапродалися и вконец погибли и разорилися, что было скотишку, то испродали, и детей своих и жен и родников служилым людем потому ж изпродали и иззакабалили в некупные долги, убегаячи тово, как бы мочно вашево государева ясаку доимку и поминки на прошлые годы заплатить. А хто из нас сирот ваших позавезнее и позаводнее, и мы сироты ваши ездим по всякую осень из своих улусов и от своего кочевья и жилищ по дальним сторонам и местом вашево государева ясаку промыслять и, не хотя родников своих и боконов видеть на правезе и в конечном разоренье, даем им в ссуду корм и скот и лошадей ездить на промысел вашего государева погодно и на прошлые годы ясаку и поминков, чтоб оне промыслили и головы свои оплачивали, и от той ссуды мы сироты ваши по тому ж бедняем и нищаем и в конечном разоренье приходим. И только бы, государь, // не раденье вам государем и служба и праведнос рассмотрение вашево государева стольника и воеводы Ивана Федоровича Большого Голенищева-Кутузова, и за нашу братью за многих ясачных недостаточных якутов только бы он в вашем государеве ясаке и поминках не оплачивал и не окупал, и нам бы сиротам вашим и достать вконец погинути и разоритца. А конечно, государь, он стольник и воевода Иван Федорович Большой Голенищев-Кутузов, помня ваш праведной великих государей указ, не хотя вашей государевы вотчины Якутские земли нашево сирот ваших жьтыишка разорить, в вашей государеве казне великую прибыль чынит и прочно вашу государеву вотчину строит. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович [т.] и государь благоверной царевич и великий князь Алексей Алексеевич [т.] и государь благоверный царевич и великий князь Федор Алексеевич [т.]. пожалуйте нас сирот своих не велите, великие государи, своей вотчины Якутские земли нас сирот своих разорить и вконец погубить и за прошлые годы вашего государева ясаку и поминков в один год доимку сполна править, а велите, государи, на нас и впредь, по праведному рассмотренью, ту доимку иметь так ж погодно, как и преж сево издавна мы сироты ваши оплачиваемся, чтоб нам сиротам вашим, от тово непомерно правезу вашево государева ясаку и поминков за прошлые годы доимки в один год, вконец не погинути [и не] разоритца, и вечно бы вашево государева ясаку не отбыть, и за то от вас великих [государей] в опале и в смертной казни не быть. И о сих наших нуждах велите, великие государи, из Якутцкого острогу отписать и под отпискою сию нашу за нашими знаменами челобитную послать к вам великим государем к Москве. Царь государь и государи благоверные царевичи, смилуйтеся.

К. 202, столб. 4 на 5 составя: стр. 1—2.

167. 1672 г. ноября 11. — Орывок из росписи индигирским ламутам, «пошедшим в ясачной платеж».

181-го году ноября в 11 день по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] и по памяти Якуцкого острогу воеводы князя

Якова Петровича Волконского на Индигирку реку в Зашиверский острожек прислана ко мне казачью пятидесятнику Федьке Яковлеву память, а в той памяти написано: велено мне на Индигирки реки в Зашиверском остроге переписать ясашных людей хто имяны, и у них подростков и детей и братью и племянников, которые поспели в ясачной платеж, и по чему то платит ясаку, и тое переписную роспись велено мне прислати за свою рукою въ Якуцкой острог. И я Федька на Индигирки реки в Зашиверском острожке сыскивал и допрашивал, сколько у вас улусов и в улусах юрт и ясашных людей и хто имяны и сколько подростков и детей и братьей и племянников, которые поспели въ ясачной платеж, и по чему хто платит имяны ясаку. И в сыску Зельянского роду ламутские ясашные мужики Торочановы дети Богдашка да Губа з братьями и с родниками сказали: платим де мы великого государя ясаку на год по 50 по 7-ми соболей, а в роду де нас всех и с подростками 33 человека, а имян у нас многим межу собою нет и не живет, а улусами и юртами нас описать нельзя, потому что мы ходим въ юрте человека по 4 и по 3 и по 2 и по 1-му, а не улусами, и то по разным местам, друг друга не ведаем и не знаем, хто куда ходит, а сходимся годом в одно время не надолго съ ясачным платежом к Зашиверскому острогу, и то не вместе же и не вдруг; а как заплатим великого государя ясак и опять врознь разоидемся по человеку и по 2 в разные ж в дальние места для соболиного промыслу; а городков и волостей мы не знаем. Того ж Зельянского роду ламутской ясашной мужик Шелыга с родниками своими сказали: платим де мы великого государя ясаку по 40-у соболей на год, а в роду де нас и с подростками в ясачном платеже 20 человек.

Далсе следует перечень плательщиков ясака и его размер по отдельным родам. К. 209, столб. 4 на 65 оставая; сст. 15; сст. 16—24 опущены.

168. 1675 г. ноября 30. — *Купчая на Минакую Селбезинову дочь, проданную ее мужем, ясачным якутом Атамайской волости Ноней Иваковым ясачному якуту Мегинской волости Курдяге Тотоеву.*

Список с подлинной купчей ^с слово в слово.

Се аз Атамайской волости ясашной якут Ноня Иваков продал есми на Вилую Среднего Вилуйского зимовья Мегинской волости ясачному якуту Курдяге Тотоеву жену свою именем Минакая Селбезинову дочь, а взял есми за тое свою жену лошадь добрую да 2 коровы степных. И впредь мне Ноне тое своей жены не отыскивать. Ни родникам моим и никому на сторону не продана и не заложена. А буде хто станет вступатца по какому вымыслу, и мне Ноне тое бабу очищать своим животом, а Курдяге убытка не привести никакова. А сию купчую писал Среднего Вилуйского зимовья ясачного збору подьячий Клим Аврамов лета 7184-го месяца ноября в 30 день.

А позади подлинной купчей написал лук с стрелою и подписано знамя Нонино. А сей список писал по Федькину Отгюряка вельню Сарзин Крупецкий, а подлинную купчую он Федька к себе взял.

На обороте: К сему списку вместо казака Федьки Отгюряка по его вельню казак Афонька Жаков руку приложил, а подлинную купчую он Федька к себе взял.

К. 215, столб. 4 на 215 оставая; сст. 85; современный список.

169. 1678—79 гг. — *Челобитная зашиверских ясачных ламутов, поданная сыну боярскому Леонтию Трифанову об отпуске их с правеза и о предоставлении отсрочки во взносе ясака до будущего года.*

Царю государю и великому князю Федору Алексеевичу [т.] бьют челом холопи твои Индигирки реки Зашиверского острожку ясачные ламутские мужики разных родов: Куронашка, да Каменко, да Шелнашка, да Губка Торочанов, да Короткой, да Куликанко, да Базинко, да Ковырка, да Пашкрашка Косых з братьями и с родничиками своими. В прошлом, великий государь, во 186-м году убили у нас холопей твоих на соболином промысле на Ковыме реке ковымские ясачные юкагири и неясачные Ченога с товарищи вместе родников наших до смерти, а жен и детей их они Ченога с товарищи взяли себе в полон, а достальных у нас холопей твоих олени и всякой живот пограбили, и потому мы холопи твои на нынеш-

ней на 1[87]-й год ити не посмели. И прежней приказной десятник казачей Микита Савин ити нам на промысел не велел и говорил он Микита таковы: пойдете на промысел, и [вас] ковымские юагири побьют всех. И велел нам он Микита, не ходя на промысел, дож[и]датца указу о тех убитых родниках наших. А мы холопы твои посланы в город бити челом тебе великому государю о тех убитых родниках своих родника ж своего Чашу, и с указом мы холопы твои того Чашу дожидались, не ходя на промысел, и, от того смертного убойства бояся, на прежние свои соборинные промышлица промышлять не ходили. И в том мы холопы твои перед тобою великим государем виноваты, а в вине нашей волен ты, великий государь. Милосердый государь царь и великий князь Феодор Алексеевич [т.], пожалуй нас холопей своих вели, великий государь, в Зашиверском острошке сыну боярскому Леоптию Трифанову нынешнего 187-го [о]ду в недоборном ясаке с правяжу спустить и по нас холопей своих вели, великий государь, крепкие поруки собрать и глутчих мужиков в казенку посадить, что тот недоборный ясак заплатить нам холопом твоим впредь во 188 году. А сию нашу челобитную принять и приняв послать под отпискою въ Якутской острог и подать воеводе Фоме Ивановичу Бибикову. Царь государь, смилуйся пожалуй.

К. 215 столб. 7 на 31 сставе; сст. 5.

170. 1680 г. ранее декабря 15. — Челобитная ясачного якута Мегинской волости Кумаса Гучина на ясачного якута той же волости Велгу Мучюктина, невыполняющего договор о взносе ясака за Кумаса, выдавшего под этим условием за него замуж сестру свою Кучюя.

Царю государю и великому князю Феодору Алексеевичу [т.] бьет челом холоп твой ясашной якут Мегинской волости Кумаско Гучин. Жалоба, государь, мне холопу твоему на ясашного якута той же волости на Велгу Мучюктина. В прошлых, великий государь, годех он Велгу взял у меня холопа твоего за себя сестру мою Кучюя, а хотел за меня холопа твоего и за брата моего за Мыгая тебе великому государю ясаку вечно платить по 3 соболи на год. А ныне он Велгу сошел жить в Олекминской острожек, а твоего великого государя ясаку за нас холопей твоих не платит со 185-го году и по нынешний по 189-й год. Милосердый государь царь и великий князь Феодор Алексеевич [т.], пожалуй меня холопа своего вели, великий государь, из Олекминского острожку того Велга выслать въ Якутской острог, послать память с казаком Степаном Лаврентьевым, и в том свой великого государя указ учинить. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 189-го декабря в 15 день послать паметь в Олекомской острожек и велеть того якута выслать въ Якутской.

К. 215, столб. 31 на 196 сставах; сст. 37.

171. 1681 г. ранее января 27. — Челобитная ясачного якута Чачуйской волости Такхотая Оголлюрева о взыскании с детей умершего якута Ярканской волости Оргуса причитающегося с Такхотая ясака, согласно заключенного с отцом из договора.

Царю государю и великому князю Феодору Алексеевичу [т.] бьет челом холоп твой ясашной якут Чачуйской волости Такхотайко Оголлюрев. Жалоба, великий государь, мне холопу твоему Вилуйского Верхнего зимовья Ярканской волости на ясашных якутов на Оргуса Чечякова да на Москогола Ирчикаева. В прошлом, государь, во 182-м году тот Оргусь да Москогол убили отца моего до смерти Угулюря, и в том в убийстве отца своего мы холопы твои с нима Оргуссмь и Москогомол не ходя в суд помирились, а на миру договорясь дали они Оргусь да Москогол на себя запись, что им Оргусю да Москогуду платить за того отца моего Угулюря твоего великого государя ясаку по 3 соболи на год, в том числе Оргусю платить 2 соболи, а Москогуду платить одного соболя. И в прошлом, государь, во 184-м году тот Оргусь умер, а остались после его два сына Оенок да Сириши, а скот и живот и ясену взяли после смерти отца своего они Оенок да Сириши и того твоего великого государя ясаку против той своей мировой записи за того отца моего не платят, и тот твой государев ясак ныне за того отца моего просят на мне холопе твоём. Милосердый государь царь и великий князь Феодор Алексее-

вичь [т], пожалуй меня холопа своего вели, государь, тот свой великого государя ясак против их мировой записи платить детям ево Оргусевым Оленку да Сирыне да Моксогоду и послать о том на Вилую приказному человеку Матфею Ярыгину память. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 189-го генваря в 27 день выписать, и от том послать память на Вилую и велеть на них взять ясак сполна на нынешней на 189-й год и на прошлые годы, а будет у них спор о чем учинитца и их привести в город.

К. 215, столб. 31 на 196 оставая; сст. 77.

172. 1682 г. марта 6—7. — *Дело о бегстве холопов ясачного якута Мегинской волости Иденгички Дексиева.*

I. — Царю государю и великому князю Феодору Алексеевичу [т.] бьет челом холоп твой Мегинской волости ясачной якут Иденгичко Дексиев. В прошлом, великий государь, во 186-м году збежали от меня холопа твоего холопи мои Курдюжеско да Кутерко Санныни дети, да Гунутко Кахтынь, да Курдюжескова жена Кебеско Кахтыня дочь и ныне они живут в Жыганех. Милосердый государь царь и великий князь Феодор Алексеевич [т.], пожалуй меня холопа своего вели, великий государь, тех моих беглых холопей сыскать в Жыганех и привести в Якутской острог казаку Семену Годневу в нынешнем во 190-м году. Царь государь, смилуйся.

Помета: 190-го марта в 6 день против сего челобитья дать память казаку Сеньке Годневу и велеть тех холопей ево сыскать и привести в Якутской и явitics.

II. — Пета 7190-го марта в 7 день по государеву цареву и великого князя Феодора Алексеевича [т.] указу память казаку Сеньке Годневу. В нынешнем во 190-м году марта в 6 день бил челом великому государю, а в Якутском в приказной избе стольнику и воеводе Ивану Васильевичу Приклонскому подал челобитную Мегинской волости ясачный якут Иденгичко Дексин, а в челобитной ево написано: в прошлом де во 186-м году збежали на низ в Жиганы от него Иденгичка ево холопи Курдюжеско да Кутерко Санныни дети, да Гунутко Кахтин, да Курдюжескова жена Кебеско Кахтина дочь и те де ево холопи ныне живут на низу в Жиганех, и чтоб великий государь пожаловал ево Иденгичка, велел послать память, чтоб тех ево Иденгичных холопей сыскав прислать в Якутской. И по указу великого государя, приехав тебе в Жиганы, сыскать против ево Иденгичкова челобитья тех ево холопей, сыскав за поруками выслать в Якутской и объявить их в приказной избе стольнику и воеводе Ивану Васильевичу Приклонскому, а будет по них порук [не будет] и тебе б привести их с собою в Якутской [и объявить в приказной избе].

К. 216, столб. 1 на 171 оставая; сст. 1—2.

173. 1682 г. марта 7. — *Память якутского воеводы Ивана Приклонского казаку Семену Годневу о поимке беглых холопов ясачного якута Борогонской волости Одочки Торонеева.*

Пета 7190-го марта в 7 день по государеву цареву и великого князя Феодора Алексеевича [т.] указу память казаку Сеньке Годневу. В прошлом во 180-м году февраля в 5 день бил челом великому государю, а в Якутском в приказной избе стольнику и воеводе Ивану Васильевичу Приклонскому Борогонской волости якут Одочко Торонеев подал челобитную, а в челобитной ево написано: в прошлом де во 187-м году збежали от него Одочка в Жиганы холопи ево Кою шаман с двумя детьми Тонкол да Кабута, и чтоб великий государь пожаловал, велел тех холопей его в Жиганех сыскать и сыскав их выслать в Якутской. И по указу великого государя, приехав тебе в Жиганы, сыскать против ево Одочкова челобитья тех ево холопей, а сыскав за поруками выслать в Якутской и объявить их в приказной избе стольнику и воеводе Ивану Васильевичу Приклонскому. А будет по них порук не будет и тебе б привести их с собою в Якутской и объявить в приказной избе.

К. 216, столб. 1 на 171 оставая; сст. 3.

174. 1685—86 гг. — *Челобитная ясачного якута Нюронтейской волости Булгуйки Тейкова якутскому воеводе Матвею Кровкову о привлечении к суду яса-*

ных якутов Кангалаской волости Байги Мемина и Сыдыбала Ергузеева, украсивших у челобитчика скот.

Царем государем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу [т.] бьет челом холоп ваш Юрюптейской волости ясачной якут Булгуйчо Тейкуо. Жалоба, государи, мне холопу вашему Кангалаской волости на ясачных якутов на Байгу Мемина да на Сыдыбала Ергузеева. В нынешнем, государи, во 194-м году украл он Байга у меня холопа вашего быка доброго да кобылу, а Сыдыбал украл у меня холопа вашего копя казака Микиты Кармалина, а та ево Микитина лошадь дана была мне в пастьбу, цена лошади 10 руб., быку 3 руб., кобыле 5 руб. Да он же Сыдыбал меня бил и увечил и к дереву вязал. Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [т.], пожалуйте меня холопа своего велите, государи, на тех якутов в том моем иску дать мне свой царский суд и управу. Цари государи, смилуйтесь.

На обороте 1 якутское «знамя».

К. 218, столб. 11 на 160 сстава; сст. 20.

175. 1686 г. февраля 25. — «Доезд» Ивана Лыткина якутскому воеводе Матвею Кровкову о бегстве пойманных холопов кангалаского ясачного якута Уктачки Оенокова.

В прошлом во 193 году июля в 27 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [т.] и по приказу генерала и воеводы Матвея Осиповича Кровкова дана память, великих государей за печатью, Ивану Лыткину по челобитью Кангалаской волости якута Уктачка Оенокова, а велено ему сыскать в Житанех и на Оленке ево Уктачкиных беглых холопей Сахарка Бултекеева да детей ево Сылрысытка да Кутеря и з женою ево Намычейком. И я Иван того Сахара и жану ево нашел и отдал в Житанях исцу Укте, а он Укта отдал ево на поруки, мимо меня Ивана, ясачным иноземцам; а детей ево Сахаровых Сылгысу и Кутеря вез я Иван с ним Уктою вместе в город и оне з дороги убежали, а в погоню итти было мне Ивану за ними не в мочь. Доезд писал площадной Микита Федоров 194 году февраля в 25 день.

На обороте: К сему доезду Иваншко Лыткин руку приложил.

Помета: Взять к челобитью.

К. 219, столб. 2 на 52 сстава; сст. 30.

176. 1687 г. марта... — «Сказка» казака Михаила Жиркова о желании заложной ему якутки Нелчаки креститься.

193-го году марта в... день в Якутском остроге в приказной избе перед генералом и воеводою перед Матвеем Осиповичем Кровковым казак Мишка Жирков сказал по святой непорочной свангельской заповеди господни, еже есть ей ей. В прошлом во 193-м году Лунинской волости якут Курчеге Селбуков заложил мне жену свою якутскую девуку именем Нелчака в 3-х лошадях да в 3-х кобылах да в 4-х коровах, и за тот скот тое жены своей мне поступился в работу. И ныне та женка хочет креститься волею. А впрядь о той женке от того мужа ее и от иных родников ево челобиться на меня [Ми] хайла не будет. Скаску писал Микитка Безносой.

На обороте: К сей скаске Мишка Жирков руку приложил.

К. 221, столб. 3 на 181 сстава; сст. 167.

177. 1687 г. декабря 31. — Наказная память якутского воеводы Петра Зиновьева на Вилюй в Среднее зимовье казaku Максиму Мухомлеву о сборе ясака без «попороки иноземцам», о произведении следствия об ограблении ясачных якутов Атамайской волости вилюйскими туңгусами и о взятии и присылке в Якутск «пущих из них заводчиков в аманатах».

Лета 1796-го году декабря в 31 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великой государыни благоверной царевны и великой княжны Софии Алексеевны [т.] и по приказу стольника и воеводы Петра Петровича Зиновьева память на Вилюй в Среднее зимовье казaku Максиму Мухомлеву. В нынешнем во 196-м году декабря в 24 день писал ты в Якутской к стольнику и воеводе Петру Петровичу Зиновьеву, а в от-

писке твоей написано: на Вилюе де в Среднем зимовье у тебя Максима великих государей ясаку в зборе нет, потому что де тунгусы свою дуростью пограбили Атамайской волости якутов, отняли кони и кобылы и коровы, и на собольиные промыслы не пошли; а которые тунгусы на промыслы и пошли небольшие люди, и те Атамайской волости якутов, отняли кони и кобылы и коровы, и на собольиные промыслы, что де те тунгусы живут в Якутском в Матягарской волости у Налая да у Бигека шамана и с ясаком к зимовью идти не хотят, а на соболи покупают скот; а якуты на собольиные промыслы не ездят, а платят великих государей ясак за соболи лисицами красными и сидущатыми; и о том бы тебе прислать великих государей указ. И как к тебе ся память придет, и тебе б по указу великих государей и по наказу и против приправочных книг великих государей ясак с ясачных людей собирать с великим раденьем неоплошно, и от ясачной поноворки с вынощцов посулов и поминков не имать, и обид и налогов и разоренья им не чинить и ни в чем не приметыватца. А которые тунгусы и якуты в ясак соболей не упростиляли, и тебе б имать с них великих государей ясак за собольиное число, за соболя по лисице сидущатой да за соболя по 2 лисицы красных добрых. А буде ты Максим против приправочных книг на ясачных людех великих государей ясаку сполна не зберешь и от ясачной поноворки учнешь имать // посулы и поминки и ясачных людей разорять и грабить и обиды и налоги чинить, и тебе Максиму по указу великих государей за то быть в жестоком наказанье и в разоренье, и недоборной ясак по указу великих государей стольник и воевода Петр Петрович Зиновьев велит доправить на тебе ж Максиме безо всякие пощады. Да тебе ж Максиму розыскать ясачными иноземцы, буде есть челобитые от якутов Атамайской волости Вилюйского Среднего зимовья на тунгусов в грабежу в конях и в кобылах и в коровах. И будет по розыску те тунгусы объявятца в воровстве в грабежу, и великих государей ясаку по окладом своим сполна не платили, и тебе б Максиму лучших заводчиков, одного или дву человек, взять в амаматы и держать их в ясаке и до вершенья судебного дела. И тот сыск за иноземскими знаменами и за своею рукою прислать в Якутской с нарочным посыльщиком и о том отписать и сыск и отписку велеть подать в приказной избе стольнику и воеводе Петру Петровичу Зиновьеву. А про тунгусов Вилюйского Среднего зимовья Калтакульского роду, о которых ты писал и роспись под отпискою прислал, что те тунгусы живут в Якутском уезде в Матягарской волости, и по тех тунгусов послан из Якуцкого нарочной посыльщик. И будет те тунгусы объявятца, и ему велено их с ясаком привести в Якутской. И что с них великих государей ясаку в Якутском возьметца или они в сыску не объявятца, и о том к тебе из Якуцкого великих государей указ послан будет с ездоками впрядь.

К. 222, столб. 2 на 92 оставая; стр. 29—30.

178. 1688 г. января не ранее 17. — Дело об освобождении ясачного якутского князя Намской волости Бюкея Никина от лишней подводной повинности.

I. — Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу и великой государыне благоверной царевне и великой княжне Софии Алексеевне [т.] бьет челом холоп ваш Намской волости князец Бюкей Кожекин. В прошлых, государи, годах холопы мои сошли от меня холопа вашего и ныне живут на Амге: Кызылык шаман да братья сво Боконек да Буксанк Дакмевы. А ясачные зборщики, и со служб едучи, емлют у тех моих холопей конные подводы и в том чинятца им налога, а лошади и скотишко мое у тех моих холопей, а ваш великих государей ясак за тех своих холопей плачу я холоп ваш в Якутском по вся годы, и под ясачными зборщиками и подо всякими служилыми людьми для ваших великих государей дел гоняю конские гоньбы. Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна [т.], пожалуйте меня холопа своего велите, государи, из приказной избы память дать за вашу великих государей печатью и послать на Амгу об тех подводах, чтоб с меня холопа вашего лишней гоньбы не было, чтоб тем моим холопам впрядь вашего великих государей ясаку не отбывать. Цари государи, смилуйтесь. //

На обороте 1 якутское «знамя».

Помета: Выписать из прежних примеров, а буде прежних примеров нет, послать против челобития сего память на Амгу, не велеть с холопей ево подвод иметь потому, что с его челобитчика емлют подводы в ево волости.

II. — Лета 1796-го генваря в. день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великой государыни благоверной царевны и великой княжны Софии Алексеевны [т] память амгинскому приказному сыну боярскому Сарзину Крупецкому и впрямь хто по нем будут приказным людям. В нынешнем по 196-м году генваря в 17 день бил челом великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу и великой государыне благоверной царевне и великой княжне Софии Алексеевне [т.], а в Якутском в приказной избе стольнику и воеводу Петру Петровичу Зиновьеву подал челобитную Намские волости Якутской князец Бскей Никлин, а в челобитной ево написано: з прошлых де годов послал он Букей жить на Амгу холопей своих Кызылыка шамана да братьей ево Боконека да Букайка Дакыевых со скотом своим близ соболиного промыслу, и ныне де те ево холопы живут на Амге, а ясачные зборщики, и со служеб идучи служилые люди, емлют у тех ево холопей конные подводы и те де ево Букаевы подводные лошади засаживают и в том де им чинитца налога и соболиному промыслу помешка и беспромыслица великая, а под ясачными зборщиками и подо всякими служилыми людьми для всяких великих государей дел топлет он Бексей конские подводы у себя в Намской волости; и чтоб великие государи пожаловали ево Букей велели о том послать на Амгу память, чтоб ему личным подвод против своей братьи ясачных людей в 2-х местах не гоняти. И как к тебе ся память придет, и тебе б Сарзину и по тебе впрямь хто будут // приказные люди и ясачным зборщиком и служилым людям, которые приходя со служеб по указу великих государей Намские волости князца Бекей Никлина у холопей ево, которые живут на Амге, у Кызылыка шамана и у братьей ево с товарищи конных подвод отнюдь не иметь. Да и амгинским приказным людям, едучи с Амги в Якутской для всяких государевых дел, у тех ево Букеевых холопей подвод по тому ж отнюдь не иметь для того, что он Букей по указу великих государей подводы гоняет в своей Намской волости для государевых дел с своею братею вместе. А будет хто у ево Букеевых холопей чрез сей великих государей указ возьмет подводы, и тем людям от великих государей быть в наказанье. Да на тех людех по указу великих государей стольник и воевода Петр Петрович Зиновьев за подводы велел доправить прогоны втрое безо всякие пощады. А прочитал сию память амгинским приказным людям и ясачным зборщиком и всяким служилым людям, отдавать князца Букей Никлина холопам ево Кызылыку шаману с товарищи.

К. 222, столб. 2 на 92 состав: сст. 46—48.

179. 1688 г. ранее января 28. — *Челобитная якута Юсальского рода Бодойки Дардыева верхоянскому пятидесятинику казачьему Никите Тютину о привлечении к суду шаманов Коней Мокоева и Таркая Багыева, «испортивших» его хына Ерсюкая.*

Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу и великой государыне благоверной царевне и великой княжне Софии Алексеевне [т.] бьет челом холоп ваш Юсальского роду якут Бодойко Дардыев. Жалоба, государи, мне холопу вашему Байдутцкого роду на якута на Коней шамана Мокоева. В прошлом, государи, во 195-м году испортил он Коней сына моего Ерсюкая вместе с Таркаем шаманом Багыевым. И ныне те шаманы живут в Верхоянском зимовье. Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна [т.], пожалуйте меня холопа своего велите, государи, на тех шаманов в том моем иску дать царьской суд в Верхоянском приказу пятидесятинику казачью Миките Тютину. Цари государи, смилуйтесь.

На обороте 1 якутское «зима».

Помета: 196-го года генваря в 28 день против сего челобития послать память, велеть ответчиков высылать к ответу в Якутской.

К. 222, столб. 2 на 92 состав: сст. 44.

Б. Формы сопротивления туземного населения колониальной политике

180. 1639—40 г. — Отписка якутского таможенного целовальника Юрия Семиверстова якутскому таможенному голове Дружине Трубникову о непосылке на Олекму собольной казны из-за «шатости» в Якутской земле.

I. — Господину Дружине Фокичу Юшко Селиверстов челом бьет. В нынешнем, господине, во 148-м году писал ты ко мне, что прислать из Ленского острожка к тебе в Олекменской острожек государева десятинная собольная казна и книги. И я, господине, послать к тебе на Олекму государеву собольную казну послать не посмел, потому что в Якутской земле есть шатость, а якутские и тунгусские люди многие заворовали и многих русских промышленных людей на собольных промыслах побили. А пришлется, господине, та государева десятинная собольная казна и книги в нынешнем же во 148-м году, аже как скроетца лет, по первой полтой воде с первыми ходаками. Да ты ж, господине, писал ко мне о служивом человеке о Оверке Са/вине, что будто я отпустил из Ленского острожка в Енисейской острог; а я его отпустил в Олекменской острожек к тебе с отписками, а Томила Ильяна отпустил на Алдан для государева дела; а не для бездельной корысти.

К. 187, столб. 10 на 18 оставая; стр. 1—2.

181. 1641 г. ранее мая 6. — Челобитная торгового человека Ивана Сверчкова на тунгусов Зверозулова рода, ограбивших на собольных промыслах его «покрученников».

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом сирота твой торговой человек вологодского и великопермского архиепископа Варлаама крестьянин Ивашко Сверчков. Жалоба, государь, мне на тунгусов на Зверозуловых детей и родников и на его улоуных людей на Гаданка да на Галеминка с товарищи. В нынешнем, государь, во 149-м году зимою на собольном промыслу пограбили те тунгусы покрученников моих 16 человек, Микифорка Иванова да Стеньку Микулина с товарищи, взяли у них 16 пуд муки ржаной цена 24 руб., да 2 котла медные, да топор, да лук цена 6 руб.; да они же тунгусы 8 станов кулемника опустошили и изломали и собольщика поимали не кулемника. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня сироту своего зелья, государь, дать моей царской суд и управу на тех тунгусов в том моем грабежу. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Помета: 149-го мая в 6 день послать память и толмача, а велеть Зверозуловых родников, которые грабили, привести на Куту.

К. 189, столб. 2 на 25 оставая; стр. 24.

182. 1645 г. не ранее мая. — Изветная челобитная ходивших в поход против «братских людей» служилых и промышленных людей на пятидесятника Курбата Иванова в неправильном руководстве походом.

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом холопы твои государевы Ленского острогу служивые люди Олешка Яковлев, Семейка Павлов, Гришка Ангрышев, Онофрейко Стефанов, Енисейского острогу Девишка Прохоров да сироты твои государевы Никиты Ивановича Романова крестьянин Ивашко Павлов да торговых людей покрученники и промышленные людишка десятиники Лучка Иванов, Васыка Ермолин, Баженко Иванов, Мишка Шабакон, Рудачко Давыдов, Нехорошко Иванов, Ивашко Корнилов, Ивашко Малафеев, Жданко Савин, Ефимко Филипов и во всех рядовых место 120-ти человек. В нынешнем, государь, во 153-м году писал из Верхотурского острогу на Ленской волок пятидесятник Курбат Иванов приказному сыну боярскому Алексею Бедареву, что де в нынешнем же в 153-м году ясачные люди брать тебе государю изменили и Брайской острог обсадили, лошади отогнали и пашенновою крестьянина Оверку Елизарьева розгромили, и русских 5 человек убили, и скот его отогнали же, и чтоб Алексей Бедарев тебе государю порадет, прислал вопных служилых и

промышленных людей, чтоб Верховенской острог от иноземцев уберечь и их бы отогнать. И с Ленского волоку приказной сын боярской Алексей Бодарев тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Руси прямил, радуя собрав ленских и енисейских служилых и торговых и промышленных людей на Илимском волоку в съезжую избе и ту ево Курбатову отписку вычитал. И мы, государь, слыша про ту ясажных людей измену, и собы//брось, государь, служивых ленских и енисейских 7 человек да торговых и промышленных людей и с наемщиками 113 человек, без твоего государева денежного и хлебного жалованья, а ставали нам холопом и сиротам твоим подъемы в оружьи в пищах и в лугах и в саблях и в копьях и в воинской одеже и в конской сбруи, и в хлебных и в харчевых подъемах на всякого человека по 20-ти руб. и больши, и прибавя мы холопи и сироты твои на Ленском волоку итти на тех изменников на брацких людей, и били челом тебе государю, а по твоему государеву указу приказному сыну боярскому Алексею Бодареву словесным челобитием, чтоб с нами послал приказным ис служивых людей Алексея Яковлева, потому что в прежних в верховенских службах от Курбата нашей братье охочим людям была изгоня. И по нашему челобитию сын боярской тово служивого Алексея с нами на ту твою государеву службу на изменников послал приказным. И в пынешнем, государь, во 153-м году в великой пост пришли в Верховенской острог на благовещеник день, а в Верховенской острог сын боярской Алексей Бодарев к пятидесятнику Курбату и к служивым людям писал, чтоб итти за изменниками за брацкими людьми с нами холопами и сиротами твоими вместе, и Курбат у нас холопей твоих и сирот стал прошать тебе государю челобитные, чтоб нам холопом и сиротам твоим ево Курбата во всем слушать; и мы холопи и сироты твои сказали ему Курбату, что нас прибирал на Ленском волоку сын боярской против ево отписки, // и челобитных у нас не спрашивал, и по твоему государеву указу ево Курбата и служивого Алексея во всем слушали и без челобитных. И мы холопи и сироты твои таковы челобитные ему не подали, и он Курбат после того твоей государеве службе не учал радеть, и нерадеши Курбатово и служивых людей Мишки Сорокина да Фетьки Краснояра: сказали они нам холопом и сиротам твоим Мишка Сорокин, Фетька Краснояр: али де вы пришли по коровы; а Курбат говорил: ныне де как нибудь в поход итти, а не итти де не уметь, потому что де писали. И служивые Мишка Сорокин, Фетька Краснояр говорили Курбату: как де хошь, ты де с ними поиди в поход, а писал де ты отписки с нами не спрашивали, а мы де с тобою не идем в поход. И марта в 23 день пятидесятник Курбат служивыми с 20-ю человек с нами вместе пошли что нехотя, с собою взяли в вожжи из Верховенского тынгуса, а имаяи ему не ведаем, а сказывал тот тынгус, что де он знает брацких изменников где кочуют. И отшел он Курбат всего от острогу верст с 5 и тово тынгуса без войсково от себя отпустил, и мы, государь, холопы и сироты твои ходили в поход от Верховенского острогу в поле 8 дней без вожжа и тех брацких изменников не сыскали, потому что вожей не было, а вожжами были сами верховенские казаки. И в том, государь, в походе мы холопи и сироты твои мало з голоду не померли, и в походе ходя говорил служивой Мишка Сорокин да Гришка Березовской: не рады де мы той службе; да Мишка Сорокин говорил Фетьке Краснояру: стой де ты Фетька крепко в стремени, не наша де служба; и воротились назад в Верховенской острог, и всего ходу было 14 // дней. И из Верховенского острогу он Курбат и Алексей оба вместе посылали из Верховенского острогу вверх по Лене реке в тынгуские юрты и поимали в тех юртах тынгусково князя Можоулева сына Окулина и привели ево в Верховенской острог; на другой день после поимки тово Окулина отец его пришел князец Можоуль и тот Курбат тово князя розпрашивал у себя в анбаре с толмачем с Фетькою Степановым да служивыми людьми с Мишкою Сорокиным с Фетькою Краснояром без Алексея и безо всего войска и не в съезжей избе, и после роспросу он Курбат тово князя Можоуля отпустил в юрты, и ходил тот Можоуль 4 дни не ведомо куды. И пришел тот Можоуль в острог с родом своим, и он Курбат при нас холопах и сиротах твоих тово Можоуля в дурторяд роспрашивал да и про то им всем сказал, что на которых брацких изменников в поход итти, и после скаски Можоулева брата и племянника и весь род ево по юртам роспустил. И после той скаски жил тот Курбат в Верховенском остроге 8 дней, и всего

житья было 12 дней. И апреля в 27 день пошел Курбат своими служилыми людьми и с нами холопы и сироты твоими, а вожем взяли тово князца Можоула, и вели ево из Верхоленьского острогу 6 дней, а в 7-й день пришли под улус рано и тех брацких изменников людей в вид, и скот их и юрты видели, и сам он Курбат им изменником со всеми людьми оказался. И служивой Юшко Луккинов ясаул говорил Курбату: не горазно де ты Курбат идешь по чистому месту на улус смотря: и он Курбат учал ево бранить: нишкни де детина, не твоя де то, когда де худо делается, тогда де говори, а тебе де завтра будут ба//тоги; и тут же под улусом стоя говорили Мишка Сорокин, Фетька Краснояр: счастливы де промышленные собаки, не ушли де братские люди, и скоты де ходит много. И тово дни нам на тех изменников налушатца не велел, и мы ему всем войским говорили, чтоб прося у бога милости на тех изменников налушатца. И он Курбат говорил, что де им ути некуда, токо де уйдут тоже де мне говорите. И назавтрие с утра пришли на те юрты, и те изменники брацкие люди в ночи убежали, и то, государь, учинилось ево Курбатовым нерадением и оплошкою. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй нас холопей и сирот своих, чтоб нам сиротам твоим от тебя государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии за тое службу за нерадение пятидесятника Курбата и служивого Мишкино и Федыкино в пенс не быть. Царь государь, смилуйся пожалуй.

К. 184, столб. 1 на 340 сставах; сст. 178—182.

183. 1645 г. ранее мая 19. — Отписка приказного сына боярского Алексея Бедарева из Илимского острога якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами о полученных из Верхоленьска вестях о восстании «братских людей».

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василию Никитичю, Кирилу Осиповичу, дяку Петру Григорьевичю сын боярский Алешка Бедарев, пятидесятник Тимокло Ильин, служивой Гришка Иванов челом быт. В нынешнем го 153 году апреля в 13 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу указали вы государеву ясауну соболю казну и хлебных запасов в Якутской не отпущать, и что в зборе государевы ясаунные соболяне казны с ылимских и с кутцких тынгусов на нынешней на 153 год ясаку и поминочных и покупочных 18 сороков 3 соболи, 7 бобров да выдра, да недоборного ясаку и поминочных соболей за прошлой за 152-й год с верхолимских и с кутцких с тынгусов 2 сороки, 11 соболей, 2 бобра, 2 выдры, 2 недособоли, за 150-й год поминочной соболи, и тое ясауну казну и деньги перепечатали и за печатями ясауну казну в мешках сложили на Илим в онбар, и корсбы с книгами и со всякими приказными делами поставлены в том же казенном онбаре, и караул к онбару приставили. А что хлебных запасов присыльных из Енисейского острогу, и выдельного хлеба что // взято с ылимских пашенных, и те хлебные запасы все перевозжены за волок. И на усть Муки делано судов под хлебные запасы 6 лодей, мерою лодья по 8-ми саж. печатных с аршином, а порубни приведены вышнюю по красному гвоздю в аршин, и деланы лоды по большой воде. А ленских востей никаких нет, потому что зимним путем люди не бывали. И февраля в 8 день писал из Верхоленьского пятидесятник Курбат, что братские люди отложжились и ясаку государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии на нынешней на 153-й год не дали, и Братской де острог обегзи браты кругом, и он Курбат сидит служивыми людьми в осаде, и кони у братских служивых людей все отогнали, и на Тутуру к пашенному Оверке братские люди приезжали и работников 5 человек побили, а 6-во ясыря братцково, кони и коровы отогнали и пашенные заводы, косы и серпы и сопники, развезли и двор сожгли, и хотят де братские люди быть на усть Куты и дороги залечь и служивых и торговых и промышленных с усть Куты не хотят пропускать на Лену. И к усть Куте де по хлебные запасы посылать служивых мало, всего пол-30 человек, и порохов де мало, у лутчово де служилого по фунту пороху, а казенного де пороху ничего нет; и писал о прибавке служивых людей. И с волоку на прибавку посылать служивых мало, некое; и противю ево Курбатовы отписки прибрано на Ленском волоку из промышленных охотчих людей 120 человек, // и марта в 2 день с теми охотчими людьми послан служивой Алешка Олень к пятидесятнику Курбату на подсобу.

На обороте: Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василью Никитичю, Кирилу Осиповичю, дяку Петру Григорьевичю.

Маия в 19 день подал отписку печатника Федора Федоровича крестьяннин Андрюшка Осколков.

К. 164, столб. 1 на 304 оставая; стр. 138—140.

184. 1645 г. мая 31. — *Отписку подъячего Василия Шпилякина из Енисейского острога якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами об отсутствии в Енисейском остроге достаточного количества служилых людей для провожания воевод под Ленский волок.*

Лета 7153-го маия в 31 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу ленским воеводам Василью Никитичю Пушкину да Кирилу Осиповичю Супоневу да дяку Петру Стешищину. В нынешнем во 153-м году маия в 20 день в памяти к подъячему к Василью Шпилякину за твоєю Петровую приписью написано: в нынешнем во 153-м году в государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте, какова прислана об ленском отпуску в Енисейской острог к воеводе к Осипу Опичкову, написано: велено в Енисейском остроге ленским воеводам Василью Никитичю Пушкину с товарищи взять с собою для провожання под Ленской волок енисейских служилых людей и для воеводской перемены прежнего большы, а прислано к вам енисейских служилых людей 60 человек. Да в нынешнем же во 153-м году маия в 19 день писал к вам с Ленского волоку Якуцкого острогу сын боярской Алексей Бедарев и служилые люди Томилко Ильин с товарищи, что в нынешнем же де во 153-м году февраля в 3 день писал к нему Олесию из Верхоненского острогу Курбатко Иванов, что от государя брацкие люди своровав отложилися, и ясаку государю на нынешней па 153-й год не дали, и Брацкой острог облегли кругом, и оп Курбатко сидит с служилыми людьми в осаде, и лошади и животину у них служилых людей те брацкие люди все отогнали, и на Тутуру к пашенному к Оверке брацкие люди приезжали и работников 5-ти человек убили, и ево Оверкина ясыря и лошадей и коровы отогнали, и пашенной завод, косы и серпы и сошники, понмали и двор его сожгли. А хотят де те брацкие люди быть на Ленской волок на усть Куты // и дорочи залечи, и служилых и торговых и промышленных людей с усть Куты на Лену пропускать не хотят, и побивать, а по хлебные де запасы послать на усть Куты неково, всего де в Верхоненском Брацком острожке служилых людей 25 человек, и зелья и свинцу у них нет, и чтоб прислать к вам по нынешним востям для воеводской перемены и для провожання под Ленской волок в прибавку к енисейским служилым людям ко пятидесяти человеком енисейских служилых людей, чтоб перед прежним было большы, с оружьем, и дав им служилым людям на запас зелья и свинец и им имяную роспись, тотчас, чтоб ленским воеводам Василью Никитичю Пушкину с товарищи з государевою ленскою и со всякою казною и з государевыми хлебными запасы под Ленской волок поспеть и от иноземцов государевых служилых людей, которые в Верхоненском острожке, выручить и на Ленском волоку быти безстрашно. И в прошлом во 152-м году из Енисейского острогу послано на государеву службу на Байкал 20 человек, в Брацкую землицу для государева ясачного збору 36 человек, за государевую соболиною казною к Москве 6 человек, в Верхоненской острог с волоку бежали 2 человека, да на Москве ж в прежних посылках 20 человек, да в нынешнем во 153-м году по службам у государевых пашин да у поль 3 человека, в Маковском 3 человека, на Сымской заставе 12 человек, в Чадобче 4 человека, да для государева ясачного збору послать в Брацкую землицу 36 человек, за государевую ж соболиною казною послать 6 человек, в таможене человек з государевыми хлебными запасы, для провожання под Ленской волок послано 60 человек. Да марта в 15 день посланы к вам на съезжей двор енисейские служилые люди Васька Бутор с тона/рищи 20 человек, 3 человека из Енисейского бежали, 3 человека у хлебново выделу, 2 человека в нынешнем во 153-м году убиты; и за государевыми службами в Енисейском остроге для городовых и отъезжих караулов оставляетца служилых людей только человек з 26. И послать под Ленской волок большы того неково, и свинцу в Енисейском остроге в государеве казне нет; и о том писано в Томской город и ис Томского в

Енисейской острог свинцу и по се число не присылавали. А только будет и тех достальных служилых людей под Ленской с вами послать, и Енисейской острог без караулов будет пуст.

На обороте: Приписал Василий Шпилюкин. Справил подъячий Федыка Федотов. 153-го июня в 1 день подал подъячий Богданко Савельев.

К. 184, столб. 1 на 304 составл; сст. 155—157.

185. 1645 г. ранее июля 4. — Отписка пятидесятника Верхотурского Братского острожка Курбата Иванова якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами с подробным описанием своей службы за последние три года, в частности о взаимоотношениях и вооруженной борьбе с восстающими «братскими людьми».

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси воеводам Василию Никитичю, Кирилу Осиповичю, диаку Петру Григорьевичю Верхотурского Братского острожку пятидесятничиско Курбатко Иванов челом бьет. В прошлом во 150-м году августа в 24 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по наказной памяти стольников и воевод Петра Петровича Головина да Матвея Богдановича Глебова велено мне из Якутского острогу ехать в Верхотурской в Братской острожек на перемену к пятидесятнику к Мартыну Васильеву. И приехав мне в Верхотурской в Братской острог взять у него Мартына острог, и острожные ключи, и пушку, и пушешные зелье, и ядра, и аманата братского Чевдока Коржунова сына, и всякие государевы дела, и наказ за государевую лесскую печатью и за дьячьею Елфимовою рукою, и иманной список служилым людям, и государевы хлебные запасы, и государевы товары иноземцом на подарки олово и медь и сукна, и с ним Мартыном во всем росписався, ево Мартына отпустить в Якутской острог. И будучи мне Верхотурском в Братском острожке збирать на государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси ясак с тынгусов с розных родов и с братских князей и с их улусных людей, а которые братские люди преж государю ясаку с себя не давали и своих улусных с людей и тех братских неясашных князей и их улусных людей велено призывать ласкою и приветом под государеву царскую высокую руку. А которые братские князцы и их улусные люди учинятца государю сильны и непокорны и ясаку с себя давать не станут, и на тех братских людей велено по государеву указу и по наказной памяти стольников и воевод Петра Петровича Головина с товарищи ходит войною, чтоб тех братских князцов и их улусных людей смирит и привесть под государеву царскую высокую руку в прямое холопство лавски неотступно. Да в прошлом же во 151-м году зимним путем велено мне, дождавсь с Ылимсково волоку пятидесятника Василия Горомыкина с войским, и итти с ним с Васильем вместе на братских людей на икиреж, которые братские люди при Мартыне Васильеве, как выпущен аманат Куржун, а в его место взят сын ево в оманаты, // и с ним Куржуном отпустил Мартын 6 человек служилых людей, и те братские люди икиреж служилых людей побили и в государеве ясаке отказали, и тех изменников велено по государеву указу восвать. И во 151-м году марта в 24 день с Ылимсково волоку пришел пятидесятник Василий Горомыкин служилыми людьми и с охочими с промышленными 30-ю человеки, да со мною служилых людей 14 человек, а в остроге оставил 7 человек, поделав лыжи и нарты с великою нужею и прося у бога милости со всеми служилыми людьми, пев молебны в Верхотурском в Братском острожке спасу и пречистой богородицы и Николе чудотворцу, и после молебного пения собравсь 74-ми человеки и урядясь крепкими сторожками, пехотою на лыжах и на нартах, последним зимним путем поплы с великою нужею и взяли с собою в вожжи тынгуского князца Нонора. И апреля в 2 день, на самое светлое воскресение христово, на утренней зоре, божиею милостию и государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси счастьем и благоверного царевича князя Алексея Михайловича счастьем бог поручил, тех государевых изменников погромили и князца Бобока взяли ранена, и скота и ясырь взяли, и с тех юрт сошли версты з 2 со всеми служилыми людьми здорово и укрепяся засеку засекли. И на 3-ей день те братские люди стали к нам приезжати, учили с нами пословать, чтоб де государь нас впредь воевать не велел, а мы де почнем государю ясак давать, а вы дайте де нам ясырь на выкуп. И оне братц-

кие люди одну женку выкупа. И в 11-й день братские люди икирежи и бунгудан на утреней зоре, собрався большими людьми сот 6, кругом считали обошли и почали по нас из за щитов стрелять. И мы, прося у бога милости, с теми братскими людьми поставили бой. И из с не большими людьми вышли из засеки и стали по щитам стрелять, а иные служилые стали из засеки стрелять. И божиею милостию и государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси счастьем у них братских людей щиты отбили и тех братских людей на приступе и на побеге многих побили, а иных многих переранили и копья и луки и саадаки // и шелома многие з голов отбили. И они братские люди с того бою побежали, друг друга не зведали, а служилые люди бились на тех боях з братскими людьми не сцадя лица своего, а хто на том бою ранен и хто мужика убил, или хто коня под мужиком подстрелил, и то писано имянно в Якутцкой острог к стольником и воеводам к Петру Петровичу Головину с товарищи. И отошли в острог все здравы. Да в прошлом же во 151-м году послал я на усть Куты служилых людей десятника Семейку Скороходова, Семейку черкашенина с товарищи для государя жалованья хлебново и денежново и соляных окладов, и велел им по государеву указу прибрать на усть Куты охочих промышленных и гулящих людей на государеву службу на Байкал и на Ламу; и те служилые люди Семейка Скороходов с товарищи кликали охочих не промышленных и из гулящих людей на государеву службу на Байкал и прибрали 48 человек. И те ж служилые люди Верхотенского Братцково острожку тобольские и березовские и енисейские дожились у торговых людей хлебными запасы и оружие покупали и порох и свинец дорогою ценою, должая великими долгами и подымали тех промышленных и гулящих людей на государеву службу на Байкал: рублев по 50 и по 60 ставился подъем служилым людям, oprичо своею подъему. А из на подъем тем промышленным и гулящим охочим людям коней и быков и коров в десятером да 10 пшчалей, 30 фунтов пороку, свинцу 30 фунтов да им же давал хлебных запасов, и всею моею подъему охочим служилым людям на 200 на 40 руб. на 20 на 1 алт. И пошел на государеву службу из Братцково острожку на Байкал июня в 21 день, а служилых людей со мною пошло 26 человек да охочих промышленных и гулящих людей 48 человек, и всех людей пошло со мною 74 человека, а в войти с собою взял тынгусово князца Можеуля. И божиею милостию и государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси счастьем пришли край Ламы и на Байкал июля в 2 день со всеми служилыми людьми и велел делать край Ламы суды и к братским людям к неясашным послал служилого человека Федьку Мещерякова с тынгу // ским князцом с Можеулем, чтоб те братские люди пришли под государеву царскую высокую руку и принесли бы государев ясак с себя и своих улусных людей. И они братские люди князец Обогаидей государю ясак посулил, почали миритца, ясак де мы государю дадим на осень. И мы на тех братских людей войною не пошли и поделав суды переехали на Ольхон остров. И братские люди государю стали непокорны и поставили с нами бой, учали драться, сели в осаде в каменю. И божиею милостию и государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси счастьем тех братских людей на драке многих побили, а иных взяли живьем и ясырь и скота коней и коров взяли. И после бою братские люди почали миритца, почали государю ясак сулить. И которых братских людей взяли живьем, отпустили з женами и з детьми на государеве имя и больше того их не воевали. А в оманаты доброво мужика небыло, потому что лутчие мужики розбежались. И на Ламе оставил 6 человек служилых людей, десятника Семейку Скороходова с товарищи да 30 человек промышленных охочих людей, и дал им вояжа и аманата тынгусово князца Киндигирского роду имяннем Юногу и велел ити вверх по Ламе на реку на Ангару и велел им поставит зимовье и збирать государев ясак с тынгусов на 152-й год. И судом божием те служилые люди побиты, а промышленные люди 12 человек зимою вышли в Верхотенской острог, а 2 человека по Ламе Ангарою и Енисеем выплыли з государевою казною в Енисейской острог: промышленной человек Левка ялчечин да Максимко зыряч. что те служилые люди собрали государевой казны с новых землиц на Байкале и Ангаре з тынгусов Киндигирского роду. А пришел з Байкалу служилыми людьми и с промышленными во 152-м году сентября в 4 день и написав чертеж

Байкалу и в Байкал падучим рекам и земляцам, распросные речи тынгусов и братских людей про Мугал и про Китайское государство и про иные земли и па Байкале где мочно быть острогу, обо всем писал в Якутской острог к стольником и воеводам к Петру Петровичу с товарищи и о прибавошных людех, чтоб прислал человек 100 или больше, чтоб на Байкале поставить острог. А на 152-й год государева хлебново и денежново и соляново жалованья мне и служилым людем не дано, и служили мы без государева жалованья 9 месяц, нужу и голод // терпели, что скотишка бог подаровал на государственой службе на Байкале дуппи свои сквернили, мясо ели сповал оприч говеней, а в говсино с мукою сосну мешали да сли. Да в прошлом же во 152-м году посылал вверх по Куленге реке к тынгусом для государева ясашиново збору 3-х человек служилых людей: Мишку Артемьева, Мишку Сорокина, Проньку Задубина и вел[ел] им посылать тынгуса к братским людем к готелам князю Тоглою, чтоб те братские люди князец Тоглой и своими улусными людьми пришли под государеву царьскую высокую руку и ясак бы с себя государю дали. И те братские люди в государеве ясаке отказали: придут де служилые люди к нам по ясаку, и мы де служилых людей побьем, а вас де тынгусов в котле сварим. И я на тех братских людей велел по государеву указу на Илимском волоку прибрать служилым промышленных охочих людей. И служилые люди прибрали человек с 30. И на тех братских людей ходило со мною служилых людей и промышленных 50 без дву человек. И божиею милостию и государьским счастьем тех братских людей князца Тоглоя улус юрт с 40 погромили, ясырю и скота взяли и князца Тоглоя на бою взяли живцом, посадили в аманаты, а у него князца Тоглоя убили 3-х сынов, а 3 сына остались, и его улусу и родников осталось человек 100 и больше. И государю ясак дать хотели. И после того стали приезжать в острог и ясырю у служилых людей весь повыкупили. И иных улусов икирежи и бунгудайские князцы Торым и Нярай приезжали в острог и шерть на том дали, что им быть братским людем под государевую царьскую высокую рукою в прямом холопстве навеки пестопустно и государю ясак давать по вся годы беспосредно. И государевым их жалованьем дарили оловом, и напоили и накормили государевым довольно. И по совету служилыми людьми, что имать ли их в аманаты или нынече не имать и почали говорить: statt де имать тех в аманаты, а иных будет в острог не призвать, а они увидят государеву ласку, на то де смотря станут ездить в острог и иные. А те братские люди икирежи и бунгудан на то положили, что де мы на осель, лутчие люди, приедем сами в острог з государевую казною. И мы на то положили, как будут в острог з государевую казною и тогда лутчих людей возьмем в оманаты, а сверх государева и своим дарили оловом и поили и кормили и отпустили. И во прошлом во 152-м году августа // в 7 день збежал из острошка в Браты братской выходец Зоркойтико, а с собою свел братцкую женку да 4 коня, а после его в 4-й день збежал мой детинца новокрещеной Ивашко, тот же Зоркойтико подговорил. А того мы от них не чаяли, что им збежать, потому что была от них служба и раденье. Мы от них стали беречься, что от таких бывает государеву делу поруха немалая. А служилых людей в остроге мало всего 26 человек, а орды прилегли большие и землицы открываютца. И в нынешнем во 153-м году сентября в 22 день присажал Верхоненской в Братцкой острог бунгудайской князец Чекодей и привез ко мне грамотку с Ангары с усть Осы реки от атамана от Василья Колесникова, а в грамотке пишеть, что де я ставлю за Ангарию против Осы реки острог и приезжал де ко мне братцкой князец Чекодей, а сказывал де мне, что де я государю своими улусными людьми ясак даю Верхоненской в Братцкой острог. И яз к нему Василью сентября в 25 день писал отписку и послал к нему дву человек служилых людей Мишку Сорокина да Пахомка Левонтьева с тем же с братским князцом с Чекодем, а в отписке писал, чтоб он Василей по сю сторону Енисею и по сторонним рекам по Осе и по Укиче братских людей не воевал, что те братские люди на том шерть дали, что сулили государю ясак Верхоненской острог, и некоторые б им обиды и тесноты не чинили. потому что все ко одному праведному государю идет. Октября в 3 день приехали в Верхоненской острог служилые люди от Василья Колесникова Мишка Сорокин да Пахомко Левонтьев и привезли отписку, а в отписке пишеть. По государеву цареву и великого князя Михаила Фе-

доровича всеа Русии указу и по наказной памяти велено де мне государеву холопу итти из Енисейского острошку для ради прииску новых землиц и для соболиново ясащного збору вновь Тынгуской рекою и Ангараю вверх на Байкал озеро и на Ламу и велено де мне по государеву указу на Ангаре реке повыше Осы реки острог поставить, иноземцов немирных тынгусов и братцких людей под государеву царскую высокую руку приводить и ясак имать. А буди которые братцкие люди учинятца сильны и ясаку государю давать не учнут, и мне велено на тех непослушников ходит войною и тех непослушных людей воевать, как господь помочи подаст. И аз де выше Осы реки уюгово места не нашел, где острог поставить, лесов нет. И аз де сплыл пониже Осы реки и приискал де под острог уюжнее место и острог де я поставил за Ангараю, пониже Осы реки. И [по] государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу острог де я поставил. И приезжали де ко мне из улусов братцкие князцы Быкозеев сын и Муруй и балагайцы Абанганей и Кургасей и праведному де государю ясаку те братцкие люди своих улусов дали, а достальной де ясак на осень посулили. И аз де тех князей и улусных людей взяв государев ясак и их по государеву указу привел к шерте. И те служилые люди Мишка Сорокин да Пахомка Левонтьев в роспросе сказали: ехали де мы от Василья Колесникова мимо братцких улусов и братцкие де люди до нас гораздо добры и говорят так, что де мы государю ясак рады давать Верхоленском остроге. И, отступя он, Василей, служилых людей, почал воевать тех братцких людей, которые сулили государю ясак в Верхоленской острог, князца Чекодся и его улусных людей разорили, жены и дети их воевали и скот отгонили. И те братцкие люди с Осы и с Укичи реки разбежались от ево Васильева погрому по Ангаре реке и по сторонним рекам и оттого тыне стало в государеве ясаке убыль и те братцкие люди ныне потому государева ясаку не дали, что стали розвоеваны. И те братцкие люди, скопясь всею землею, и пришел под острог, и коней у служилых людей отгонили, и в другояд пришли под острожек // января 11 день, скопясь всеми людьми, и острог осадили и сена прижгли. И от тех же братцких людей лехкие люди пришли на Тутуру и Оверку пашенного розорили и русских людей 5 человек убили и скот отгонили и пашенный завод весь розвезли и хлебные запасы россыпали и сена прижгли, а тот Оверка был в остроге. А стояли братцкие люди под острогом 10 ден и с тынгусами приказывают: станем де мы ходить весною во усть Куты и русских людей побивать. И аз писал на Илимской волок к сыны боярскому к Олексю Бедареву и послал дву человек служилых людей Пахомка Левонтьева да Олешку Иванова, чтоб прибранили из гулящих охочих людей итти на братцких людей войною, или б на прибавку прислал служилых людей, с кем бы сидеть в острошке. И Олексей Бедарев прибрал охочих промышленных людей 100 человек и прислал в Верхоленской острог с енисейским служилым человеком с Олексеем с Оленем и ему дал наказную память. И как Олексей пришел с ратными охочими людьми в Верхоленской Братцкой острожек и аз с ним с Олексеем ходил на речку на Угичю, а та речка пала в Енисей, и на Угиче братцких людей нет, сошли рано безвесно, и ходил 2 недели пехотою с великою нужею и пришел Верхоленской острожек, взяв тынгусово князца Можеуля и ропрошав накрепку, где бы можно на братцких людей притти безвесно, и князец Можеул стал говорить: и толере де братцкие люди все живут в скопе и везде де у них по дорогам караулы, пойдем де мы край Ламы на кориллов и на багулинцов, живут де там братцкие люди безвесно, а сына ево Можеулсва Окунью посадил в острошке. И как пришли на край Ламы и схватили дву мужиков тынгуских и Алятцково роду Мидальву и их стали роспрашивать, и где живут братцкие люди корилцы и багулинцы, и их взяли с собою. И вечером улусы и братцких людей подомотрели сами и изготовились // на утро на удар, и к братцким людям ночью весть пала, а скот и живот весь увезли и изпометали избы с войлоки, и мы за ними пешии шли день до вечера. И почали промышленные люди говорить: нам де за конными людьми пешим не угодить. И с Ламы пришли в острог и мы мало не померли голодною смертию. И Олексей, поделав плоты, и с промышленными людьми поплыл та ния, а мы остались в острошке опять безлюдно. Да в нынешнем же во 153-м году апреля в 17 день писали ко мне с Ылимсково волоку пятидесятник Томило Ильин да Григорей Иванов, что велено мне быть на Илимской волок з государеву казною с ясащною и

с десятинною соболиною казною и со всем збором, и с прежним с ценовальником дожидатца на Илимском волоку воевод Василия Никитича Пушкина да Кирилла // Осиповича Супонова да диака Петра Стеншина. И аз с первыми людьми затем не поспел съехать, что ходили в 2 похода, и государевы ясашины книги не справлены и отписок не успел написать, а ясак дают по вдару. Да я ж послал маяя в 8 день служилого человека Мишку Сорокина с тынгусом с Можеулем к братцким людям в Икирежи для государева недоборного ясаку и велел ему Мишке говорить, что они братцкие люди икиреж и бунгадак и юринны и батуллинцы к государю ясак сулили и своих улусных людей и на том дали шерть, что государю ясак давать по вся годы безперсводно, и государевы им подарки даваны, поили и кормили довольно, и они братцкие люди все то позабыли на чем дали шерть государю и государеву хлеб и соль позабыли. И что они братцкие люди собрався у служилых людей кони отогнали и в другоряд пришед острог осаждали и сеча обожгли и на Тутуре государевых людей громили и нынечи на вас государь посылал многих служилых людей и велел вас за то воевать и жен ваших и детей в полон иметь. И служилые люди были зимою и ходили пехотою и ваш караул взял. И вы ушли от служилых людей. И буди не будут дутчие люди в острог и не принесут государю вины своей, и по государеву указу пошлют на них воеводы Василий Никитин да Кирило Осипович да диака Петр Стеншин с двю сторон больших воинских людей с вогненным боем коньми, и Братцково острогу и с Ылиму, и вам будет не уйти и в Муалы, и ему тынгусу все то наговоря толмачем. И маяя в 21 день прискал в Верхоленской в Братцкой острог, а с ним приехали 2 мужика братцкие улусные имянем Егудей да Хам да привезли государева недоборного ясаку с Ыкирежской и з бунгадаев 18 соболей, 2 ожерелья соболями пластинные да ожерелье пластинное поминощное мне Курбатку для государьсково величества. И то писано все в яса//шные книги. И в роспросе Мишка Сорокин сказал: братцкие де люди икиреж и бунгадак то говорят, под острогом де мы не были, и коней де у казаков не отгонили, и сен не жгли, и на Тутуру не ходили, приходили де братцкие люди из за Ынисей князец Моюлоч со своими людьми да с ним де приходили готельи князеца Тоглоя дети своими людьми, которой де у вас сидит в оманатах, да и летом де хотят ходить, как де трава вырастет, под острог и до усть Куты де хотят воевать. А мы де за тем в острог ехать не смсем, что де вы на нас на всех думаете. А государю де мы ясак станем давать да и в острог ездить станем. И тех братцких людей напоая и накормя государевым довольно и государевы подарки им дал и им братцким людям толмачем то ж наговорил[и], чтоб братцкие люди государю все ясак давали и в острог бы ездили попрежнему, не блюдысь ничево. А будет выпредь государю ясаку не станут давать, и по государеву указу пошлют на них воеводы Василией Никитич Пушкин да Кирило Осипович Супонов да диака Петр Стеншин многих воинских людей с вогненным боем коньми, и их братцких людей отпустили. Да мне ж и служилым людям государева жалованья пороку и свинцу не давано на 151-й год и на 152-й год и на нынешней на 153-й год, покупали порох и свинец дорогою ценою на государеву службу. И промышленных и гулящих подымали собою, должася великими долгами. Да на 152-й год и на нынешней на 153-й // год круп и толокна не дано из государевы казны, помираем голодною смертию. А службишка наша перед праведным государем много: в 4 годы нашею службишкою государевой казны с новой земли в Верхоленском Братцком острожке собрано государевой ясашной и поминощной казны и десятинной 100 сороков прямою нашею ко государю службишкою, и многие землицы ростворяютца, и за то нас своя братья не могут навидеть, наносят всякими небылыми статьями к столннику и воеводам к Петру Григорьевичу и вам государевым воеводам к Василию Никитичю, Кирилу Осиповичю, дяку Петру Григорьевичю. А которые иноземцы тынгусы и братцкие люди приносили ко мне для государьского величества соболи и лисицы, и аз клал в государеву казну и писал в ясашины книги имянно порознь статьями, хто что принесет, а сам теми соболями и лисицами не пользовался. А прежде сего нашей братье от того зипуны были. А еще в Верхоленском в Братцком острошке прибыль государю mocno учинить, да и вам службу вековешную да и детям вашим, человек со 100 служилых людей, да к тому сколько промышленных приберетса, осень походить. А и то место близко, где на Ламе государев ясак собран на Ангаре реке. А в свое

место оставил Верхотенском острошке на время служилого человека Якуньку Куклина да с ним служилых людей 14 человек и велел им Якуньке Куклину с товарищи жить в острошке бережно и аманатов беречь накрепко и из острогу вон не выходить, днем и ночью жить с крепкими сторожами. Да для письма оставлен у государева дела служилой человек Пронька Задубин. Да я ж написал великой реке Лене и в нес падушчим рекам и Байкалу и в Байкал падушчим рекам и иным сторонним рекам и в них падушчим рекам чертеж. А тем служилым людем Якуньке Куклину да Проньке Задубину государева хлебного и денежного жалованья не дано и соляных окладов. Печать у отписки и у государевых ясашных соболей зверь шнорог да древо.

На обороте: Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василию Никитичю, Кирилу Осиповичю, дяку Петру Григорьевичю. 153-го июля в 4 день подали служилые люди Ивашко Чуралов да Федька Мещеряк.

Помета: Отписать на Ленской волок х Курбатку с товарищи, что ио обоим ево отпискам, чтоб он государеву соболиную ясачную и поминочную и десятинную казну порознь готовил и ясачные книги за своею рукою отдал на Ленском волоку сыну боярскому Олексею Бедареву и служилым людем Томилку Ильину да Гришке Татарину и таможенным целовальником всю налицо, и в том у них взять ему отпись, а отдать ему государеву соболиную казну и взять себе и служилым людем на ныспший на 153-й год, будет им не додано, государева денежное и хлебное жалованья, велеть ему Курбатку с товарищи ехать тотчас в Верхотенской острог в том же судне, в котором приехал. А с тою государевою казною на волоку оставить служилого Трофимка Сидорова да целовальника, который у збору был Ортемка Епанчинокого. А что он Курбатку писал к воеводам к Василию Никитичю Пушкину с товарищи про братские вести и про былых ратных людей, и про то ныне ведомо. И он бы Курбатко с теми ж с служилыми людьми шол под Братцкой острог наспех днем и ночью, а приехав в Братцкой острог, будет мочно, посылал к братским людем, которые государю послушны и аманат их есть, с возжем и с тсмачем служилого человека, и велел у их недоборной ясак просить и уговаривать ласкою и приветом, чтоб они своего аманата в том не подали, и государев ясак дали, и вперед платили. И велеть у их тому служилому человеку и толмачю и возку у них проведать, придобря ипых братьов хотя чем и невеликим, подаря тех лучих, какова на государевых служилых людей дурно[го]ль заводу и под острог Братцкой и по Лене до усть Кулы реки их войною походу, а проведав подлинно ль, да о том он Курбатко на Ленской волок отписал тотчас подлинно проведав с служилыми людьми, а посылал бы с отписки человек дву или как пригоже, и о том к нему в те поры обо всем государев указ будет. Да и чертеж бы он Курбатко свой за своею рукою оставил у сына боярского ж у Олексея Бедарева с товарищи, и против чертежу роспись за своею ж рукою, а к росписи отписал бы имянно, сколько до которого места от Братцкого Верхотенского острогу и до падушчих речек ходу, и какие по ним люди иноземцы, и где в которых местах сколько каких родов сколько живут, и где мочно острог поставить, и многими ль воинскими людьми мочно их под государеву высокую руку привести, и чаять ли в том государю в ясачном зборе прибыли, чтоб которая государю прибыль была прочна и стоятельна.

К. 184, столб. 1 на 304 оставая; сст. 192—203.

186. 1645 г. июля 20—26. — *Отписка пятидесятника Курбата Иванова якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами об осаде Верхотенского острожка восставшими «братскими людьми» и тулгусами и о необходимости прислать на выручку служилых людей, порога и свиней.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василию Никитичю, Кирилу Осиповичю, дяку Петру Григорьевичю ленского розряду пятидесятничко Курбатко Иванов челом беге. В нынешнем во 153-м году июля в 20 день прибежали из Верхотенского Брацково острошку 2 человека служилые наскоре Ивашко Юрьев, Олешка Офонасьев и сказали: братские де люди приехали под острог и кони и коровы отогнали и Братцко[ий] острог обсадили, а мы

де прокрались в лотке ночью, а сказывают, вся де земля братцкая и тунгусы отложились, а тово де мы не ведаем, кон братцкие люди и коево роду под острог приходили; а пришли под острог братцкие люди на завтрое Прокопьева дни; и служилые де люди седат запершися и в кукях в остроге, а сказывают те служилые люди, невеликими де людьми в острог проти не мощно, всех де на дороге побюют, по обе де стороны острог обсадили и вниз на пашни ехать наровятца. А по государеву указу и по наказной памяти стольника и воеводы Петра Петровича Головина и по вашему наказу велено нам холопом государевым дать твое государево хлебное и денежное жалованье, дать не мешкая ни часу. И я холоп государев, пришед на Илимской волок, били челом государю и приказным людям Алексию Бедареву и Томилу Ильину и Григорью Ивалову, и они нам государева хлебное и денежное жалованья не дали и задержали неведомо зачѣм, и мы на них в мире являли и в таможенную избу ценовальником и писмяную явку подали, что они приказные люди задержали для ради своей бездельные стат[ьи]. А и нынча вам государевым воеводам Василию Никитичю, Кирилу Осиповичю, дьяку Петру Григорьевичю указать, как натеми братцкими люд[ьми] промышлять, а без служилых людей промышлять // некем, надобе в остроге на меньшую статью служ[илых] людей 100 человек жильцов. А я государева пороку и св[инцу] дожидался. И как придет порох и свинец с Семейкой Марковым, и я пороку тотчас, не мешкая, а за собою вести нажидая, а пошел невеликими людьми, пока[ме]ста мощно итти, или бы вам прислать насcore лежких люд[ей], чтобы проти в острог. А как придет порох и свинец, и служилые люди били челом, и я дал им [по] фунту для ради проходу. И и впредь без запасного поро[ху] и св[инцу] в остроге быть не мощно пудов без трех, [потому], что орды приложили кругом большис. А они же служ[илые] люди сказывали, а на том де месяцу братцкие люди . . . [бу]дем, а на другом де месяцу будем на Тутуру усть Куты, а им служилым людям сказыва[ли] на Тутуре Оверины работники, а им тунгусы сказывали. А служилые люди того ж числа . . . июля в 20 день. А что был аманат в остро[ге] тельского роду Тоголо, и он пропал. А служилые люд[и] посланы Ивашко Юрьев, Якунька Кузнец, Фетька Мещеряк.

На обороте: Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василию Никитичю, Кирилу Осиповичю, дьяку Петру Григорьевичю. 153-го июля в 26 день подали служилые люди Федька Краснояр с товарищи. К. 184, столб. 1 на 304 оставая; сст. 216—217. Правый край нижней части столбца истлел.

187. 1645—46 гг. — «Статейная речь» якутского воеводы Петра Головина аманатам «братцких людей» Булюю и Чекару о пребывании всего братского народа в вечном холопстве царю Михаилу Федоровичю, под угрозой, в противном случае, полного разгрома.

Выписано в статейную речь, говорить братцких людей Икирежского улусу аманатом Булюю да синугайскому мужику Чекару. Булуй, братцкой мужик! Как по государеву указу стольники и воеводы Петр Головин с товарищи пришли сюда на Ленской волок и посылали на вас непослушных братцких людей государевых служилых людей и вы в улусех своих с теми з государевыми людьми дрались. И божиею милостию, государским счастьем служилые люди ваши улусы погромили и взяли родника вашево лутчево мужика Куржума и к усть Куты к воеводам к Петру Головину с товарищи ево Куржума привели, и он Куржум государю бил челом перед воеводы, великому государю шертовал на том, что ему Куржуму быть с своими со всеми Икирежскими роды и с улусными людьми под государево царьскою высокою рукою в вечном холопстве на веки неотступным, и ясак с себя давать и иных братцких князей и улусных людей под ево государеву царьскую высокую руку в вечное холопство приывать, и во всем великому государю хотел служить и прямить и радеть; и после шерги за то ему Куржуму стольники и воевода Петр Головин с товарищи государева жалованья дали однорядку, и поили и кормили, и тот Куржум бил челом государю, чтоб ево государь пожаловал, велел отпустить в ево улусы, а в ево Куржумово место взять в аманаты сына ево тебя Чевдока. И стольники Петр Головин с товарищи по ево Куржумову челобитию в ево место сына ево тебя Чевдока взять, а ево отпустить в улусы велел, и

тот Куржум своровал, сына своего тебя Чевдока отпустился, и выманил из Верхоленского острогу государевых служилых людей Мартынка Кислюкваса да толмача Гарилика новокрещенов[а] с товарищи шти человек для того, что будто ево улусных людей, для государевых же братцких людей ясаку, переписать, приветчи во свои улусы, побил до смерти. Да после того как на Ангару посланы государевы служилые и промышленные люди Семейка Скороходов с товарищи 30 человек, и вы своровали же, и тех государевых служилых и промышленных побили 18 человек, а того ныне побюю у вас у кирежей в вашем улусе на погроме сыскан государев пансегрь; да к вам же после того посланы 2 человека: толмач Федька да Данышко, и тот Куржум своровал же, тех служилых людей побить хотел же и к ним к юртам приступал. И после того как во 152-м году, тому ныне 2 года, государевы служилые люди пятидесятник Курбатко Ива[нов] с служилыми людьми ходили на государевых непослушных же братцких людей на мужика на Тотлоя, и вы после того погрому, ты Булуй да Бу[чюк] да Онгоев брат Дачиш да Болгадайского роду мужик Торым з бр[а]том с своим с Наераем, и государю прямою шерг свою дали на том, что было всем вам братцким людям быть под ево государевою царьскою высокою рукою в прямом холопстве без измены навеки неотступным, и ясак с себя и со всего роду своего и с своих улусных людей платити сам большой, полной по вся годы безпереводно; и после того ты Булуй и брат тв[ой] Бора и те все братцкие мужики после оной с[воя] шерги своровали ж, государю изменили ж, ясак поне-много даючи по своей воли, и под Братцкой острог приходили зимою двояды, а в третьей летом, и что было у служилых людей коней и коров и иного скоту и то все отогнали ж без остатку и сена пожгли, и пыше у вас того отгонного скоту в ваших улусех служилые люди опознали много, и то ваше воровство ж. Да вы ж братцкие люди приходили на Тутуру и пашенного Оверку разорили и рукоих работников людей 5 человек до смерти побили и кони и скот отогнали и пашенный завод развели и хлебные запасы розсыпали и сена прижгли; а в прошлом году все вы братцкие люди и кирежи, великому государю изменя, и в ясаке отказали и ясаку с себя платить не учили, и за то по государеву указу воеводы Василия Никитича Нушкин с товарищи, как приход на Илимской волок, посылали на вас сына боярского Алексея Бедрева не з большими с служилыми людьми, а велено за вашу измену вас войною пострастить с пощадою, чтоб вы впредь в своих изменах государю добили челом и вину свою принесли и были под ево государевою царьскою высокою рукою попрежнему в прямом холопстве навеки неотступны и покорны и не до конца разорены; и того сына боярского с служилыми людьми вы же братцкие // люди, пошед на государеву землю на Ортенгу и на усть Куты на пашенных войною большими своими людьми и на государевой земле на Лене реке повые Орленги у речек у Ботов стретяся дрались и государевых людей 5 человек до смерти убили; а как после того из Верхоленского острогу сын боярский Алексей с служилыми людьми на ваши улусы ходил, и ваши ж кирежские улусы громил с пощадою, и людей ваших до смерти не побивал, а которых ваших жон и детей и брата твоего Бурину жену и детей взял, и тот ясырь служилые люди на выкуп вам отдали, а брата твоего Бурину жену и дети вам отдали без выкупа. Да ты ж Булуй, как ныне в Верхоленской в острог приезжал, и которые с собою привел были коней добрых выкупать достальной ясырь, и ты те лошади назад отослал, а после вас из под острожка кони и скот весь, за тобою аманатом пришед, ваши ж братцкие люди весь отогнали, и то ваша измена ж. И довелось было вы по государеву указу за ту свою за многую измену разоренья большево, а ты Булуй и брат твой Бура довелись и смертною казни, повесить, для того, что тому всему дурному делу в измене заводчики, и иных братцких людей научали вы Булуй и брат твой Бура. И ныне государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси пожаловал, казнить тебя з братом смертною казнию и той вашей вины и своим государевым служилым людям отомстить не велел, а велел вам быть под своею государевою царьскою высокою рукою в прямом в вечном холопстве навеки неотступным, и пожаловал государь брату твоему Буре своим с улусными людьми и иным братцким, которые емо государю в винах своих добыт челом, велел жить на своих прежних юртах. И только вашей вперед измены не будет, и государь разорить вас своим государевым служилым людям не велел, а на том ты Булуй и ты мужик Чо-

кор ныне великому государю дайте свою прямую шерть, чтоб тебе и брату твоему Буре и тебе мужику Чокору и иным вайшей братье и племянником и всем улусным людям быть под ево государевою царьскою высокою рукою в прямом холопстве без измены навеки неотступным, и ясак с себя государю давать по вся годы беспеременно полною с себя и со всех своих улусных людей, и быть бы вам з государевыми служилыми людьми задин, и на непослушных иных братских людей, которые государю чинятся непослушны и государю противяща, служилыми людьми войною ходить задин же, и самим бы вам на государевых служилых и на пашенных людей впрядь войною не приходити и иных братских немирных людей войною подводем не подводить и никакие измены не чинить; а в аманатах тебе в Верхотенском в Братском острожке быть з братом переменяючи погодно; а как вы в аманатах будете, и вас учнут государевым жалованьем кормить довольно. А будет бы воры вперед государю измените и государеву ясаку с себя давать по вся годы полного не учнете, и под острожек и на пашенных крестьян войною приходити учнете, и за ту вашу измену по государеву указу ево государевы воеводы Васильей Никитичъ Пушкин с товарищи пошлют на вас и на ваши улусы многих государевых ратных людей с огненным боем, и велят за ту вашу измену самих вас и ваших жон и детей и улусных людей, и не токмо вас и скот ваш побивать и разорять и юрты ваши огнем пожигать без пощады, а в полон имать и на выкуп отдавать не велят, а которых и возмрут, и тех вашу братью велят вешать и смертию казнить, так же что и якутам изменником было, и то будет вам ваше разоренье самим от себя.

К. 190, столб. 20 на 3 остават: сст. 1—2. Напечатан по копии XVIII века в III т. Дополн. Акт. Ист. стр. 31.

188. 1646 г. ранее апреля 25. — Челобитная служилых людей Верхотенского Братского острожка Алексея Бедарева и Курбата Иванова с товарищами об увеличении числа служилых людей в Верхотенском острожке и лучшем их вооружении в целях окончательного покорения «братских людей».

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом холопи твои леньсково розряду Верхотенского острожку служилые людишка сын боярской Алешка Бедарев да пятидесятник Курбатко Иванов, десятиники и рядовые Пашко Малахов с товарищи и во всех товарищев своих место. По твоему государеву указу и по наказной памяти твоих государевых воевод Васильей Никитича Пушкина с товарищи послызаны, государь, были мы холопи твои. да с памй ж из гулящих из охочих людей, на твоих государевых изменников и непослушников на братских людей, которые преж сего были под твоею государевою царьскою высокою рукою и ясак с себя платили, и после того, измена тебе государю, и ясаку с себя платить не учали, и вымания нашу братью из острожку к себе в улусы, а иных, которые посланы для ясачного збору, на смерть побивали. и под Верхотенской острожек в один год прожды войною приходили, и что было у нас служилых людей конишек и скотишку, и то все в те приходы без остатку отогнали. И божиею, государь, милостию и твоим государевым счастьем в нынешнем походе мы холопи твои тех твоих государевых изменников войною дву родов Икережей и Синугаев войною смирили, и ясаку на тебя государя 13 сороков и аманатов взяли. И те, государь, брацкие люди и за теми своими аманаты в своей правде, что им быть пот твоею государевою царьскою высокою рукою, в том не стоят и аманатов преж сего отступались, и ныне тех своих аманатов выдадут после того, как, государь, мы холопи твои из Верхотенского острожку с теми их аманаты припили на Илимской волок к твоим государевым воеводам, и без нас под острожек изгоном приходили, и наш погромной скот кони и коровы опять назад отогнали. И в том твоим государеве в Братском Верхотенском острожке за безлюдством быть от них невозможно, только не твоими государевыми ратными людьми и войною и впрядь их ничем не смирить. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичъ всеа Русии, пожалуй нас холопей своих, зели, государь, на тех своих государевых изменников и непослушников послать с нами своих государевых служилых и из охочих из гулящих // людей, чтоб тех твоих государевых изменников и непослушников, которые тебе государю чинятца непослушны, войною умирить и

под твою государеву царскую высокую руку привести и укрепить, и от такова их непослушного воровства и измены унять. И пожалуй, государь, нас холопей своих, вели, государь, впредь в том в Верхотенском Брацком острожке своих государевых служилых людей устроить против Красноярского острогу 200 человек конных, и те кони мощно взять у тех же непослушных брацких людей войною. И пожалуй, государь, нас холопей своих, вели на тех служилых людей с Москвы своего государева оружья прислать 200 карабинов да 200 пансырей да на пеших охотчих людей 300 мушкетов, потому что, государь, брацкие мужики воинские многие конные, бывають на боях в кузках и в наручах и в пищаках, а мы, государь, холопи твои людишка неадежные, пансырей у нас нет и с своих худых пищаленок их брацких куяков не пробиваем, а у ково есть у нас нарочитые пищали, те их и пробивают, а ис худых ничево им не учинить. А тот, государь, Верхотенской острожек тебе праведному государю впредь годен, и как твои государевы немалые служилые люди человек з 200 в нем будет, и тех твоих государевых непослушников брацких мужиков войною смирить и под твоею государевою высокою рукою укрепить мощно. А живут те все брацкие люди около того Верхотенского острожка днищах в 3-х и в 4-х и в 5-ти, а самые дальные и Лама озеро всего в 7-ми днищах. И в ясачном зборе тебе государю впредь прибыль будет многая и с Лены из Якуцкого острогу через Илимской Ленской волок твоей государеве ленской соболонной казне впредь будет провадить, и на Лену твоим государевым воеводам и служилым и торговым и промышленным людям с своими торги и назад им с своею с мяскою рухлядь в русские города выходить будет, и под тем острожком на Куленге речке и от острожку вниз до соли до усть Куты по урочищам на Тутуре и на Орленге и на иных речках твоих государевых пашен[ны]х устроая, за остереганьем тех твоих государевых служилых людей, бестрашно жить будет мощно ж, и твоя государева дальная вотчина Ленская земля, только тех брацких людей по всему государеву указу войною смирить, распространить, потому что опрично тех брацких воинских людей во всей Ленской земли и до моря Большого Окияна и в иных дальных реках к тебе государю иных таких супротивных воинских людей нет. Царь государь, смилуйся. //

На обороте: К сей челобитной поп Памфил Иоссеv вместо сына боярского Алексия Бедарева по его вельенью руку приложил. К сей челобитной пятидесятник Курбатко Иванов руку приложил. К сей челобитной вместо десятичника Павла Малафиева по его вельенью служылый Иваншко Офонасьев руку приложил.

154-го апреля в 25 день подали на Муке реке воеводам Василью Никитичю Пушкину с товарищи сын боярский Олексей Бедарев да пятидесятник Курбатко Иванов и во всех товарищей своих мест.

Помета: Взять к делу в столы, а ис сей челобитной к государю к Москве в отписку писать.

К. 191, столб. 13 на 28 оставая; стр. 1—3.

189. 1646 г. после апреля 25. — Отписка якутского воеводы Василия Пушкина с товарищами в Сибирский приказ о походах сына боярского Алексея Бедарева и пятидесятника Курбата Иванова против «братских людей», о переговорах с последними в целях их умирения и о необходимости усиления местных служилых людей в целях дальнейшего освоения края.

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои Васька Пушкин, Кирилко Супонев, Петрушка Стеншин челом бьют. В нынешнем, государь, во 154-м году сентября в 18 день писали к тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии к Москве мы холопи твои с ленскими служилыми людьми, с Трофимком Федоровым с товарищи, по отписке из Верхотенского Брацкого острожку пятидесятника Курбатка Иванова, что в прошлом, государь, во 153-м году брацкие люди, которые были под твоею государевою царскою высокою рукою от розгрому атамана Васьки Колесникова с товарищи тебе государю изменили и ясаку с себя платить не учали, и преж того твоих государевых служилых людей, вымая из острожку в свои улусы, а иных, которые посыланы были для твоего государева ясачного збору, и на Ламе Семейку Скороходова с товарищи побии, и под Верхотенской Брацкой острожек войною не

по одно время приходили, и кони и коровы у служилых людей тгоня и пашенного крестьянина Оверку Елизарова роззоряли и работников ево русских людей 5 человек побили, и сена прижгли, и хлеб розсыпали, пашенной завод розвезли. И после того, государь, как мы холопи твои о той брацких людей измине писали к тебе государю к Москве, те ж брацкие люди, приход под тот же под Верхоленской Брацкой острожек со многим собраньем, и служилых людей в острожке осаждали, и достальной скот кони и коровы отгонили, и сена прижгли. А оборонится, государь, было в Верхоленском острожке им служилым людем от тех брацких людей за безлюдством некем, потому что в том Брацком острожке их служилых людей было всего и с целовальником 27 человек, а нам, государь, холопом твоим с Ленского Илимского волоку на прибавку к тем служилым людем в Верхоленской Брацкой острог вскоре послать было неково ж, потому, которые, государь, служилые люди ис Тобольска 50 человек с нами холопи твоими на твою государеву службу на Лену посланы и в Енисейском остроге для твоего государева сыского дела 20 человек взяты, и те, государь, все служилые люди шли с хлебными запасы, которые их же тобольских служилых людей оклады и пашенных черкас двухгодовой месячные кормы из Енисейского острогу отпущены, и на Илеме реке у Верхнего порогу замерзли с теми запасы, а мы, государь, холопи твои в своих судах людishками своими шли на Ленской волок для поспешенья поскорее. И писал, государь, к нам холопом твоим на Илимской Ленской волок из Верхоленской Брацкой острожку тот же пятидесятник Курбатко Иванов, что брацкие де люди, видя их безлюдство, // идут на тях с Лены реки на Орленгу, где было поселилися вновь пашенной Офонька Долгой, и на усть Куты реки, где твои государевы наемные служилые люди падут на тебя государя 15 десятин и соляная варница, в которой на тебя государя соль варят, их раззорять, и с Блимского Ленского волоку дорогу отымать, и нас холопей твоих на Лену не пропустить. И мы, государь, холопи твои на Ленском Илимском волоку на твою государеву службу в Верхоленской Брацкой острог на брацких людей войною в поход велели сыну боярскому Алексею Бедареву прибирать к себе в полк ис промышленных и из гулящих людей. И собралось, государь, на Ленском волоку на твою государеву службу на брацких людей с сыном боярским с Алексеем Бедаревым приезжих сибирских городов и промышленных и гулящих людей по росписи 82 человека, да к тем же новоприборным людем в прибавку дали к тому сыну боярскому Алексею Бедареву ленских и тобольских служилых людей, которые немногие люди с нами пришли, а иные, государь, к нам холопом твоим с отписками навстречу из Якуцкого острогу пришли, всего 31-во человека. Да мы ж, государь, холопи твои для безлюдства ж дали своих людishок: я Кирилко 4-х человек, а я Петрушка 5-ти человек и всего, государь, служилых и наших холопей твоих Кирилковых и Петрушкиных людishек и гулящих охочих людей было с сыном боярским 123 человека, и дав им для твоей государевы службы из твоей государевы казны по фунту зелья, свинцу то ж, да вперед на запас дали сыну боярскому Алексею Бедареву на иных новоприборных охочих людей, которые прибегутся вновь на усть Куты и на Орленге, пол пуда зелья, свинцу то ж, потому что, государь, у тех гулящих охочих людей своео зелья и свинцу не было, и за тем было на твою государеву службу итить не хотели, в том числе было служилых и наших людishек и охочих человек с 50 конных. И тому сыну боярскому Алексею Бедареву дав наказную память, отпустили, государь, мы холопи твои с ним тех твоих государевых служилых и гулящих охочих людей на твою государеву службу по первому знимему пути октября в 6 день ныншняго ж 154-го году. А велели, государь, по твоей наказной памяти тому сыну боярскому Алексею Бедареву с теми служилыми людьми в Верхоленской Брацкой острог на прибавку к верхоленским брацким служилым людем итить с Ленского волоку с великим поспешеньем, днем и ночью, не мешкая нигде ни часу, с великим береженьем, учиня перед собою яраул и дневные и ночные крепкие караулы, чтоб над ними брацкие люди на переходе, пришед безвечно, какова дурпа не учинили. А из Верхоленского, государь, Брацкого острожку тому сыну боярскому Алексею Бедареву да с ним пятидесятнику Курбатку Иванову, взяв из твоей государевы казны, которые тут есть, куяки // с наручи и пеломы, и с теми со всеми служилыми и с новоприборными охочими людьми, оставя в Верхоленском острожке для

обереженья от брацких людей немногих людей сколько можно, велели им просить у бога милости итить войною на тех твоих государевых изменников на брацких людей и пад ними промышлять, сколько милосердый бог помочи подаст. И как, государь, сын боярской Олексей Бедарев с служилыми и с новоприборными людьми пришли на усть Куты реки, и октября в 20 день встретились с ним с Олексеем и с служилыми и новоприборными людьми ленские служилые люди, которые, государь, посланы были из Якуцкого острогу в провожатые за твою государевую ленскую соболиною казною до Ленского волоку 49 человек, и сказали им, что де твоя государева ленская соболиная казна до усть Куты замерзла, не дошед за 10 ден, а до Ленского Илимского волоку за пол третьи недели, против Чичюйского волоку на займке пашенного крестьянина Панфилка Яковлева. И встретясь, государь, они с теми служилыми людьми того же числа и разошлись. сын боярской Олексей Бедарев с служилыми и с новоприборными охочими людьми пошли на твою государеву службу в Верхоленской Брацкой острожке, а те ленские служилые люди пошли, государь, на Илимской Ленской волок к нам холопом твоим. И в нынешнем же, государь, во 154-м году ноября в 29 день на Ленской Илимской волок писал к нам ис походу сын боярской Олексей Бедарев, что октября ж де в 31 день с усть Куты к Верхоленскому острожку на полудороге, в урочищах выше Орленги у речек Ботов, в тесных местах, встретили их воинские брацкие многие люди, человек с 500 и больше, и у них с ними бой был, дрались с ними с полудни до вечера, и божиею милостию и твоим государевым счастьем от тех брацких многих людей они служилые малые люди устояли. А на том бою убили у них брацких людей 3-х человек добрых брацких мужиков, в том числе одново брацкого лутчево мужика убили Которского роду, наездника, который к ним в наезде напускал с людьми на всех 3 напуска, князца Магалчюкова брата Баатыря и, убив сво, у них взяли со всем в куяке с наручи и в шиняке и с саадаком, а иных де, государь, многих брацких людей и под ними коней исперсранили. А у них де, государь, служилых людей на том бою из охочих вольных людей убито 5 человек да 2 человека // ранены, потому что де, государь, те служилые и охочие люди были безоружны, пансырей и куяков у них ни у ково не было, и с того де, государь, бою те брацкие люди, как у них того наездника мужика убили, побежали, а сказывали де, государь, им сыну боярскому и служилым людям тунгусы, которые пришли к ним навстречу после того бою на другой день, Чидеука да Дорына, бежали де мимо их тунгусов брацкие люди и сказывали им, что пошли де было они на Орленгу и на усть Куты к соли твоих государевых всяких русских людей побивать, и пашенных крестьян розорять, и деревни пустошить, и хлеб и сена жечь, Контотурского роду князец Мукунчак, а с ним многих родов люди Болочного роду да князца Тоная дети, которой взят был в аманаты и сидел в Верхоленском Брацком острожке да тут и пропал, да Сукичи и Сосы князец, да Батул да Дюгудей с людьми своими, да Бакушурские люди с верх Улы, да с Оки реки Икянжаские люди, а было де, государь, тех брацких людей в собране больше 500 человек. И только б, государь, мы холопы твои на Лене реке собрав охочих новоприборных людей с сыном боярским с Олексеем Бедаревым в нынешнем во 154-м году по первому зимнему пути в Верхоленской Брацкой острожке не послали, и твои государевы служилые люди с теми брацкими людьми не встретились, и те б, государь, брацкие люди на Орленге промышленных людей всех, которые в те поры тут были, а на промыслы не разошлись, человек с 40 и больше, и на усть Куты твоих государевых служилых и пашенных, которые на тебя государя 5 человек с работными людьми твою государеву пашню 15 десятин пахали, и варничного усылы целовальника, и служилых людей, которым тут 3-м человеком было приказано, и работных людей, солоvara и подарка, и дроворубов и промышленных же людей, которые в то время тут были, всех бы побили и деревни роззорили и твой бы Бедарев хлеб пожгли. Да и над твоею б государевую соболиною казною, которая к тебе государю из Якуцкого послана и ниже усть Куты за 10 днищей замерзла, от тех же брацких людей де чайт было дурна большого, потому что от усть Куты вниз Лены, где та твоя государева соболиная казна была в заморозе, недалече и обойти было с тою твоею государевую соболиною казною мимо того усть Якуцкого места к нам на Ленской волок иною дорогою отнюдь некуда и негде, а у той твоей

государевы соболониой казны служилых людей, которые за тою твоею государевою соболониой казною из Якуцкого острогу посланы в провожатых до Москвы с Митькою Вяткою с товарищи и с целоватынники, всего было человек 40. А как, государь, с тою твоею государевою соболониой казною тот Митька Вятка с служилыми людьми пришли к нам холопом твоим // на Ленской Илимской волок, и мы, государь, холопи твои того Митьку Вятку расспрашивали, для чего он Митька от твоей государевы соболониой казны служилых людей, которые с ним из Якуцкого острогу посланы были до Ленского волоку в провожатых, их от себя отпустил и к нам на Ленской Илимской волок наперед себя задолго прислал, и кем было ему от тех твоих государевых изменников от брацких людей в остереганье быть, и тот Митька Вятка нам холопом твоим в роспросе сказал, что де ему в Якуцком остроге столько и воевода Петр Головин в наказной памяти велел написали, будет где их на Лене реке с тою твоею государевою соболониой казною заморозь застанет, и ему Вятке велел за хлебною скудостью тех провожатых служилых людей, которые посланы с Ленского волоку, отпустить наперед себя на Ленской Илимской волок. А у них де служилых людей с собою зелья и свинцу было мало, у иных и не было, потому что де им в Якуцком остроге твоего государе[ва] зелья и свинцу не дано. А как, государь, на твою государеву службу[у] после того брацкого бою сын боярской Олексей Бедарев с служилыми людьми в Верхотенской Брацкой острожке пришли ноября в 8 день, и из Верхотенского, государь, острожку на твоих государевых брацких людей войною ходили 2 похода, и всего, государь, они в Верхотенском Брацком острожке жили и в походы на брацких людей войною ходили, и как из Верхотенского Брацкого острожку назад к нам на Илимской на Ленской волок пришли марта по 19 число, 18 недель. И о тех, государь, они своих походах писали к нам холопом твоим. И как тот сын боярской Олексей Бедарев и пятидесятник Курбатко Иванов с служилыми людьми на Илимской Ленской волок пришли. И в послужном походном своем списке и в роспросе перед нами холопи твоими сказали, как де, государь, они служилые люди сын боярской Олексей Бедарев и пятидесятник Курбатко Иванов со всеми служилыми и с поволприборными и охочими людьми, опречь тех, которые оставлены были в острожке, подиод на брацкие улусы, которые тебе государю изменили, в твоём государеве ясаке отказали и войною под острог приходили Икережского роду, и в тех де, государь, икережских юртах в первом походе взяли 30 баб, в том числе одна икережского князца Бурина жена, да 15 робенков, да 11 куяков, 8 шеломов, 7-ры наручи, да твоей государевы казны пансырь, да доскутье пансырное, что побиты на Ламе твои государевы служилые люди Семейка Скороходов с товарищи, да в тех же де, государь, юртах выпили пищальную натруску казачью, да киот образную, да пашенного Озерки Елизарова ральник, да рубашку холщевую; и многий де, государь, отгонной скот // у тех брацких людей Верхотенского Брацкого острожку служилые люди опознавали. И декабря, государь, в 31 день приехали того Икережского роду от Буры князца в Верхотенской острог ясачные два тунгуса да с ними брацкой мужик и были челом тебе государю, чтобы ты их, государь, пожаловал, велел жену ево Бурину и иной ясирь отдать на выкуп, и привезли тебе великому государю от него Буры и тово Икережского роду с сыных брацких людей, з Буруа да з Доргия да з Жалка и сь их улусных людей, которых они служилые люди промили. твоего государева ясаку 10 сороков, ожерелье брацкое соболье шито, в нем 4 пластины, лисиченку красная. Да как они служилые люди из Верхотенского ж Брацкого острожку ходили в другой поход на брацких людей Сипутайского роду, и божиею милостию и твоим государским счастьем в том другом походе того Сипутайского роду брацких людей погромили и многих на бою побили, и после, государь, того погрому тех брацких людей с князца Чоргицона и сь его улусных людей взяли на тебя государя ясаку 77 соболей, 2 недесо[боля], да 4 ожерелья брацких. Февраля де, государь, в 20 [день] приехали в острог Икережского роду Булуй Бурин брат да Кунчюк да Бунгудайского роду Пиромовых улусов меньшого брата сын Поронхой, а с собою привез тебе государю ясаку 33 соболы, 2 копчюшника, да з Бунгудайского роду Содок прислал тебе государю ясаку с своих улусных людей 30 соболей да сдирок лисиченка красного. И они, государь, сын боярской Олексей Бедарев и пятидесятник Курбатко

Иванов икирежского князца Буры жену я[сырку] к нему отпустили без выкупу, а иной ясырь давали на выкуп на лошади и на скот, а тех мужиков взяли все в аманаты. А к нам холопом твоим на Илим привезли дву аманатов, икирежского князца Буры брата Мулуя да сипугайского мужика, которого взяли на погроме, Чакура; в Верхоленском де, государь, Бращком острожке оставили в аманатех Икирежского роду Бунчюка да Сипугайского роду Доргодонова сына Уртегу // да Бунгудайского роду Поронхоя. А тот, государь, они ясак, что з брацких людей погрома и с пих на тебя государя взяли, 13 сороков 20 соболей, 2 недособой, 5 ожерелей брацких собольих, 2 кошлощичка, лисиченко красное с лалы без хвоста да одирок лисиченка крас[ного] привезли к нам же на волок, и пришлем к тебе государю мы холопи твои из Якуцкого острогу с биным твоим государевым нынешняго 154-го году ясачным збором вместе. И марта ж, государь, в 22 день писал к нам холопам твоим из Верхоленского Брацкоу острожку казачей десятник Васыка Бутор: как де сын боярский [с] служилыми людьми и с аманаты из Верхоленского острожку пошли к нам на Илимский волок, и февраля в 28 день, приход под острог ночного порою, брацкие люди те же Икережские и Сипугайские и Бунгадайского роду человек с 70 и их попранные кони и скот, что были у них на погроме взяты и на ясырь выкуплены были, отогнали весь к себе назад. И мы, государь, холопи твои тем брацким мужиком, которые привезены в аманатех, Икирежского роду Булуя да Сипугайского роду мужыку Чокуру, написав ис прежних верхоленских отписок пятидесятника Курбатка Иванова, и ево Курбатка и иных служилых людей про их измены спрося и тому учиня письмо, в съезжей избе перед собою те все измены выговорили, как по твоему государеву указу стольники и воеводы Петр Головин с товарищи во 149-м году посылал на них брацких людей твоих государевых [служилых] людей и в их улусех лучшево их братцково мужика Куржума на бою взяли, и он Куржум тебе государю перед Петром Головиным с товарищи шертовал, что ему Куржуму быть [с] своими Икирежскими роды с улусными людьми под твоею государевою царскою высокою рукою в вечном холопстве навеки неотступным, и ясак с себя тебе государю давать, и иных брацких князей и улусных людей под твою государеву царскую высокую руку приводить, и во всем тебе государю он Куржум хотел служить и прямить и радеть. И как после того тот Куржум, дав в аманаты сына своего Чевдока, тебе государю изменил, приехав от Петра Головина в Верхоленской острог, твоих государевых служилых людей Максимка Кислокваса да толмача Гаврилка с товарищи шти человек, вымана из острогу для того, что будто его улусных людей для твоего государева ясаку переписать, приветчи в свои улусы, побил до смерти и того сына своего в аманатех отступился. И как, государь, к нему приходили ево Куржума уговаривать из Верхоленского острожку твои государевы служилые люди толмач Федька Степанов да Данилко Скробыкин, и тот Куржум того Федьку да Данилка хотел до смерти по[б]ить же, и тот Федька да Данилко, видя над собою от того Куржума смертельное убийство, как их уч[ал] уже вязать, и они того Куржума да друтого мужыка Шугожуна в их юртах от себя ножи зарезали, и то он Куржум пропал за свою неправду. И после того как на Ангару реку посылаемы твои же государевы служилые и промышленные люди Семейка Скороходов с товарищи и они своровали ж, ис тех служилых и промышленных людей 18 человек до смерти побили жь, а того, государь, побою у них икирежск[ий] въ их улусе в нынешнем погроме сыскан твой государев пансырь. И после того во 152-м году, тому ныне два года, как твои государевы служилые люди пятидесятник Курбатко Иванов с служилыми людьми ходили на твоих государевых непослушных брацких людей, на мужика на Чоглоя, и после того погрому они Булуй да Булчюк да Овгоев брат да Инчин да Бонгадайского роду мужык Торым с братом своим с Наераем, приехав в Верхоленской острог, тебе государю шерть свою дали на том, что было им брацким людям с своими улусными мужыки быть под твоею государевою царскою высокою рукою в прямом холопстве без измены навеки неотступным и ясак с себя и со всего роду своего улусных мужиков платить полной по вся годы беспереводно. Он Булуй и брат ево Бура и их улусные брацкие мужыки после той своей шерти своровали ж, тебе государю изменили, ясак понемногу даючи по своей воли, и во 153-м году под Братцкой острог приходили зимою войною

двожды, в октябре о Дмитресвской суботе, да генваря в 1-м числе, а в третие летом июля в 9-м числе, и что было у служилых коней и коров и иного скоту, то все отогнали без остатку ж, и сена пожгли. И того отгонного скоту въ их улусех в нынешнем же погрома служилые люди опознали много, и то их воровство ж. Да они ж братские люди приходили в урочище на Тутуру реку и пашенного, которой было тут поселился вновь, Оверку розорали и русских у него работных людей 5 человек до смер//ги побили, и кони и скот отогнали, и пашенной завод розвели, и хлебные запасы розсыпали, и сена прижгли. Да в прошлом же во 153-м году все они брацкие люди икирежи, тебе великому государю изменя, и в ясаке отказали и ясаку с себя платить не учили, и за то по твоему государеву указу мы холопи твои, как пришел на Илимской волок, посылали на них сына боярского Олексея Бедарева не з большими служилыми людьми, а велено их за имену войною пострасти с пощадою, чтоб они вперед в своих винах тебе государю добили челом, и вину свою принесли, и были б под твоею государевою царскою высокою рукою попрежнему в прямом холопстве навеки неотступны и покорны, и не dokonча разорены. И того сына боярского с служилыми людьми они ж братские люди, пошед на твою государеву землю на Орленгу и на усть Куты на пашенных войною большими своими людьми, на твоей государеве земле на Лене реке в урочищах, повыше Орленги, у речек Богов встретяся, дрались и твоих государевых служилых людей 5-ти человек убили. А как после того из Верхотенского острожку сын боярской Алексей Бедарев с служилыми людьми на их улусы ходили, и их икирежские улусы громали с пощадою и людей до смерти не побивали, а которых их жен и детей и брата ево Бурина жену взяли, и тот ясырь служивые люди на выкуп им отдали, а брата ево Бурина жену отдали им без выкупу. Да он же Булуй, как в Верхотенской острог прискал, и которые было с собою привел коней добрых выкупать достальной ясырь, и он те лошади назад отослал. А после их ис под острожка кони и скот весь, за ними ж аманаты пришед, их же братские люди весь отогнали, и то их измена ж. И довелись было они по твоему государеву указу за ту их за многую измену разорения большово, а он Булуй и брат ево Бура довелись и смертной казни, повесить, для того что // тому всему дурному делу в измене заводчики и иных братских людей научали он Булуй и брат ево Бура. И как, государь, мы холопи твои тем аманатом ту измену выговорили, и те аманаты, икирежской мужик Булуй и синугайской мужик Чокур, били челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси, чтоб ты, государь, их пожаловал, те их вины велел отдать и казнить их смертною казнию не велел, и своим государевым служилым людям их улусы воевать и розорять не велел же и пожаловал бы ты, государь, их, велел отпустить в Верхотенской Братцкой острожек. А они де братские мужыки с своими улусными людьми под твою государеву царскую высокую руку быть рады и ясак с себя тебе великому государю платить учнут по вся годы. И чтоб де ты их, государь, и в том пожаловал, которого году они соболей в твоей государев ясак на свой скот купить не добудут, и за тот свой ясак ты, государь, велел бы у них имать конями и скотом, потому что они люди степные и сами-соболыми не промышляют, а покупают соболы на свой скот у тунгусов. А которые де буде иных улусов и родов братские люди утнятца тебе государю непослушны, и они де с твоими государевыми служилыми людьми на тех непослушных братцких людей учнут стоять заводин. И под твоих государевых служилых людей с своих улусов кони и вожей давать учнут и отгонные кони и скот, что без них будет их улусов братские люди отогнали, ссысав весь, притнав, велат отдать в Верхотенском Братцком острожке служилым людям. И мы, государь, холопи твои тем братцким аманатом Булуду и Чоктуру твое государеве жалованное слово сказали: только будут они выпрямь тебе государю в тех своих винах с своими улусными людьми добьют челом и шине на том дадут тебе великому государю свою прямую шерть, что им впреред быть под твоею государевою царскою высокою рукою // в прямом холопстве без измены навеки неотступном, и ясак с себя полной по вся годы платить учнут безперевод[но], и ты государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси их пожалуешь, прежние их изменные вины отдать им велишь и казнить их ныне смертною казнию не велишь. И на том тебе великому государю перед нами

холопи твоими те аманаты шерть с собе дали. Да били челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси твои государевы // служилые люди, которые ходили па тех братцких людей войною в поход, сын боярской Алексей Бедарев да Верховленского Братцкого острожка пятидесятник Курбатко Иванов, десятички и рядовые Павлик Малафеев и во всех товарищей своих Верховленского Братцкого острожку служилых людей места, а нам, государь, холопом твоим в съезжей избе подали челобитную, а в челобитной их написано: *Далее следует изложение челобитной А. Бедарева и К. Иванова от 1646 г. ранее апреля 25, напечатанной выше под № 188.* И мы, государь, холопи твои велели в тот Верховленской Братцкой острожек х тем, которые в том Верховленском острожке отпавлены с сыном боярским с Олексеем Бедаревым, и с пятидесятником с Курбатком Ивановым посланы, и в том в Верховленском в Братцком острожке для оберегання учинить всех 50 человек. Да ему ж сыну боярскому Олексю Бедареву и пятидесятнику Курбатку Иванову ныне на усть Муки реки из гулящих охочих людей на братцких непослушных людей велеть прибирать из гулящих охочих людей, а сколько будет, государь, человек приберетца, и того сына боярского Олекся Бедарева и пятидесятника Курбатка Иванова с теми братцкими аманатами да с ними ж служилых из гулящих охочих новоприборных людей, как нынешней весны 154-го году, выпловя Мукою и Купною и Сегою рекою на Лену, пошлем, государь, мы, холопи твои их [в] Верховленской Братцкой острог тотчас и пад непослушными твоими государевыми изменники братцкими людьми, опричь тех, которые будут под твоею государевою царскою высокою рукою, прося у бога милости, велим промышлять и войною их смирать, сколько милосердый бог помочи подаст. А опрично, государь, // тех служилых 50 человек к ним в прибавку послать бы, государь, нам холопам твоим иных неково, потому что, по роспросу тех же твоих государевых служилых людей, на Лене ныне в Якутском остроге твоих государевых служилых людей немного, и по твоим государевым службам для ясачного збору вперед рассылать будет неково, в которые де в дальные места посылавались человек по 30-ти, и в тех ныне местах всего человек по 10-ти, а в иных и в самых дальных местах человек по 15-ти и по 20-ти, а в иные места за безлюдством и ленских воевод Петра Головинна с товарищи меж их рознью и не посланы. А иные служилые люди тебе государю били челом, а к нам холопом твоим приносили челобитные, чтоб их пожаловали, велел их отпустить на твою государеву службу в иные в дальные места на Собачью и на море и иные старонные дальные реки для приску и привода под твою государеву высокую руку и ясачного збору иных новых немирных землиц; и тех твоих государевых служилых людей, что ныне на Лене и в Якутском остроге, впредь будет мало для новых немирных землиц иноземцев, где ныне проведаны и впредь проведаются для приску и под твою государеву царскую высокую руку привода и для ясачного збору рассылать будет неково. А которые гулящие охочие люди на твоих государевых непослушных людей без твоего государева жалованья прибираютца не погрому и быют челом тебе государю о оружие и о зелье и о свинцу, и нам, государь, холопом твоим твоего государева ружья им давать нечего, потому что твоего государева запасного разного ружья, карабинов и мушкетов, на Лене и в Якутском остроге и в Верховленском Братцком острожке и на Илимском Ленском волоку в твоей государеве казне нет, и о том ружье к тебе государю мы холопи твои наперед сего писали ж, и о том, государь царь и великий князь Михаилу Федоровичю всеа Руси, нам холопом своим что ты, государь, укажешь.

К. 191, столб. 13 на 28 сставах: сст. 3—18. Датирован по предыдущему документу (см. № 188).

190. 1678—79 гг. — *Челобитная алазейских ясачных юкагир якутскому воеводе Фоме Вибикову осылке к ним служилых людей для защиты от «немирных и неясачных чюкоч».*

Царю государю и великому князю Федору Алексеевичю [т.] быют челом холопи твои алазейские ясачные юкагиры лутчие люди и улусные розных родов: Калдин племянник Пилкича да Калдин же друтой племянник Невгачий, Молзатина роду Иманзюрина Мугулдута Домакин, да Иникича шомана роду Калыма да

шаман Емунзеган, Талокины дети Унка да Шельги, Падитина роду Топорко, Лям-земина роду Первучька Чебукин сын, Милоше Леутин сын Конда. В прошлом, великий государь, во 184-м году немирные и неясаш[ные] иноземцы чюкоч[и] побили наших многих лучших людей и улусных и жен и детей в полон взыали и оленешек отгонили, приходя в наши ясачные промыслишцы. И мы холопи твои стали без оленешек и без ясачных промыслов. А топерь мы холопи твои ходим на соболиные ясачные дальные промыслища, боячися тех чюкоч[и] и иных посторонних орд. А в нынешнем во 187-м году сказывают, что на Индигирке реке за Шывером и на Колыме от ламутов и от каменных мужиков великие шатости, и къ ясашным зимовьям съ ясаком не приходят. А мы холопи твои от твоей великого государя милости не отбеглем и съ ясаком къ ясачному зимовью приходим колько нас есть вежевых, и всяк свое поголовье по окладу [пла]тит. А топерь у нас ясачной соболиной промысел съ великою нужею нашей ради нужи и бедности, потому что мы холопи твои обнищали и обисротали. А в нашей земле соболей промышлять негде, судом болыим соболя не стало, только мы что упромышляем у моря на гундре и на озерах зверей диких оленей, и с тех оленей постель и кедростей и ровдуг и мяс оленьих продадим руским людем на соболя, и теми соболями тебе великому государю ясак платим. А в прошлом, великий государь, во 186-м году был у нас в Алазейском ясачном зимовье приказной человек пятидесятник казачей Петр Аксентьев и на нас ясаку за прошлые годы и за умерших спрашивал съ великою натугою и с налоги. И мы от него Петра и от его налоги оскудали. Милосердый государь царь и великий князь Феодер Алексеевич [т.], пожалуй нас холопей своих вели, великий // государь, послать из Якуцкого острогу из съезжые избы воеводе Фоме Ивановичу Бибикову служивых людей на посбк к нам на Алазею и для обороны от немирных и неясашных людей чюкоч для нашей от них обиды и для наших родников, что они чюкоч[и] наших сродич и улусных людей побили, и нам бы обиды и убойс[т]во их отомстить. Царь государь, смилуйся пожалуй.

На обороте 12 юкагирских «знамен».

К. 214, столб. 2 на 31 оставе; сст. 20—21.

191. 1679 г. апреля 17. — *Отписка приказного сына боярского Зашиверского острожка Льва Трифонова якутскому воеводе Фоме Бибикову о сборе ясака на рке Индигирке с ясачных ламутов и юкагир и о «шатости» ламутских «мужиков».*

Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичу Индигирки реки Зашиверского остроппу приказной сын боярской Левка Трифанов челом бьет. В прошлом во 186-м году по государеву указу и по наказной памяти послан я Левка на Индигирку реку в Зашиверской острожек и в Середнее Подшиверское и в Нижнее Уяндинское зимовья приказным человеком на перемену казаку Ивану Гурьеву для збору великого государя ясаку с прежних ясачных людей с ламутов и съ юкагирей. И я Левка собрал в Зашиверском острожке на нынешней на 187-й год с прежних ясачных ламутов и съ юкагирей 5 сороков соболей, а в Середнем Подшиверском ясачном зимовье собрал 2 сорока соболей, да в Нижнем Уяндинском ясачном зимовье собрал 4 сорока соболей. [Соби]рал я Левка тое великого государя казну без приправочных книг. В нынешнем же, государь, во 187-м году Зашиверского остроппу ясашные ламутские мужики и юкагири на промысел ясаку промышлять не ходили, а иные многие мужики в Зашиверской острожке съ ясашным платажом не приходили, а сказывают про тех ясашных ламутских мужиков и юкагирей, что они ходят с ламскими мужиками с бязменниками вместе; и мне Левке на тех на непослушных мужиков казакос послать не от ково, потому что малолюдство. И те, государь, ламутские мужики изменники прикочевали и живут около Зашиверского остроппу и по русской дороге, и я Левка живу в осаде с велик[им] береженьем, а великого государя казну, которая в зборе на нынешней на 187-й год, въ Якуцкой острог к тебе воеводе Фоме Ивановичу послать не посмел, потому что опасаяся от воровских ламских мужиков, чтоб над великого государя казною поруки не учинили и над казакми. А послал я Левка из Зашиверского остроппу въ Якуцкой острог для

ведомости казаков 4-х человек, Ивашка Гурьева. Ваську Трифанова, Ефрема Мосиева, Ивашка Андреева, да послан в Якутской острог ноября в . день казак Авсрка Аврамов с отписками через камень для приправошных книг, потому что прежней приказной десятичней казачей Никита Савин приправошных книг не оставил, увез с собою, и мне Левке ясаку великого государя с прежних ясашных мужиков збирать было не по чему на нынешней на 187-й год. Да в нынешнем же, государь, во 187-м году были челом великому государю пришлое верхоанские ясашные якуты розных волостей, чтоб с них взять ясак против прежних отписей в Зашиверском острожке, и я Левка против их прежних отписей собрал с них 36 лисиц // красных да один соболь, а именная роспись, государь, послана подклея под сею отпискою. А что мне Левке дано было из Якутского острогу в Зашиверской острожек и в Подшиверской и в Уядинской зимовья великого государя казны, сетей и прядена неводного, на ламутской и на юкагирской обиходы для аманатного корму, и олова в блюдах и котлы и бисер и бумаги писчие, все разошлось, и о том тебе, государь Фома Иванович, пишу для ведомости. А иноземские челобитные подклея посланы под сею отпискою и против тех челобитен у иноземцов подаваны казаку Сергию Брусенину, а присланы, государь, были ко мне из Якутского острогу подписные челобитные и памяти на казаков для кабалных дел, на Гришку Посникова на Илошку Бубякина, и их я, государь, нынечи не послал, потому что малолюдство и казакам осуждене и в земле шатость. Да в нынешнем же, государь, во 187-м году извещ[ал] [мне] ламутской мужик Кукитирского роду Эреченко Дсленкуев ми[е] [и] [ка]закам на казака на Гришку Батова, что он Гришка говорил ему Эреченку, что в нынешнем во 187-м году ясаку платить и в Зашиверской острожек ему и родникам сво не велел, и те речи толмачила жена его Гришкина по его Гришкину велению, а нынечи государь он Гришка из Зашиверского переведен в Уядинское зимовье, чтоб впрядь от него Гришки в иноземцах чмутье не было и великого государя во ясаке застой не чинил, и об том Гришке как ты, государь, укажешь. А послана, государь, отписка апреля в 17 день, и дал бог здорово Зашиверской острожек и великого государя казна и служилые люди и аманаты. А служилых людей казаков в Зашиверском острожке мало, всего 16 человек, — прикажи, государь, послать в прибавку служилых людей, чтоб за малолюдством не потерять казна великого государя и выручить, государь, Зашиверской острожек. А в ламутских мужиках шатость и измена по скаске зашиверских мужиков ламутов и юкагирей, что многие зашиверские ламутские мужики в прошлом году были на Ламе, к острожку приступали с ламаскими мужиками с изменниками вместе. И те, государь, кои были у приступу к Зашиверскому острожку по се число не бывали и ясаку великого государя не прислали и ходят они с изменниками вместе близ Зашиверского острожку. О том обо всем как ты, государь, укажешь.

На обороте: Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичю.

187-го мая в 30 день подал отписку казак Ивашко Гурьев.

К. 214, столб. 2 на 91 сставе; сст. 3—4.

192. 1679 г. ранее мая 30. — Отписка приказного колымского десятичника Семена Сорокоумова якутскому воеводе Фоме Вибикову об уклонении ясачных юкагир, тунгусов и чукчей от уплаты ясака и обнаруженной у них «измены и шатости».

Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] Якутского острогу воеводе Фоме Ивановичю Ковымы реки приказной человек казачей десятичничко Сенька Сорокоумов челом бьет. В прошлом во 186-м году по указу великого государя, послан яз на Ковыму реку для ясашного собо[линого] збору с прежних ясашных юкагирей, а велено мне принять у служилого человека у Елеськи Осипова великого государя аманатов и служилых людей и рыбны[е] их аманатские кормы и всякие великого государя товары и ясашные зимовья. И в нынешнем во 187-м году, приехав яз на Ковыму реку, у него Елеськи ясашные зимовья и великого государя аманатов и служилых людей и всякие великого государя товары и рыбные ам[анатские] кормы принял и во всем с ним росписался. Да в н[ынешнем] же

во 187-м году на Ковыме реки во всех 3-х зим[овьях] собрал яз великого государя ясашной соболиной казны ...¹ налцать сороков 33 соболи. А с Верх[не]во ясажного Ковымского зимовья ясашные юкагири, которые живут на каменю, Накича Слепой да Гегтия Синезуб да Глухой с товарищи кь ясажному зимовью сь ясашным платежем к аманатам своим не приходили, а довелось на тех ясашных юкагирей взяти ясаку 2 сорока соболей, и на нынешней на 187-й год тот ясак стал на них в заст[ое] и в не[удоборе]. А в прошлом во 186-м году, как те яс[ашин]ые юкагири, которые живут на каменю, На[кича] с товарищи, заплатя ясак, и попили от Верхнево ясажного зимовья на камень, и у служилых людей рыбные кормы озорничеством своим пограбили весь без остатку, и служилые люди мало з голоду не померли. И про тех мне каменных юкагирей, про Накичу с товарищи, сказывали Середнево Ковымского зимовья ясашные юкагири, что тот Накича с товарищи живут на Омолоне реки, и яз для них и недоборной ясаку послал с Ковымы реки служилых людей 4-х человек, Елеську Осипова с товарищи, да с ними ж пошел целовальник, торговый человек Никифор Бобровской. // Да в нынешнем же во 187-м году великого государя с ясашною соболиною казною, что яз собрал на Ковыме реки во всех 3-х зимовьях, приходил яз на Индигирку реку в Зашиверской острожек для ради отпуску вь Якуцкой острог, и в земли от ламуцких мужиков тунгусов шатость стала большая и измена, и на Ковыме реки от юкагирей потому же меж ими шатость. А за малолюдством, что служилых людей мало, послать великого государя ясашной соболиной ковымские казны для убойства и измены, и государевы б казны идучи дорогою вь Якуцкой острог какие порухи и грабежу от ламуцких мужиков тунгусов не учинилось, не посмел. А в Нижнем ясажном зимовье и по се число служилые люди живут взаперте от неясашных людей от чюхоч и от ясашных ю[ка]гирей за безлюдством, не дадут им рыбного корму добыть и по дрова сходить. А служилых людей в Нижнем ясажном зимовье Ковымском только 10 человек, а преж сего бывало в том зимовье человек по 30-ти и больше, а в Верхнем Ковымском ясажном зимовье служилых людей 8 человек. а в Середнем 3 человека, и во всех 3-х зимовьях служилые люди живут многие годы, лет по 10-ти и по 15-ти, а иные и больше, и живучи обдолжали великими долга[ми], а отпустить их вь Якуцкой острог за малол[юдством] стало не от ково. А в прошлом во 186-м году ко[вымские] служилые люди отпущены были из Якуцкого острогу со мною Сенькою морем на коче на Ковыму реку, и те служилые люди и по се число ни на которой реки не объявились и на Ковыму реку не бывали. И о том, как ты воевода Фома Иванович укажешь. А с отписками послал яз вь Якуцкой острог служилых людей Оську Трофимова да Ваську Аргунова, да по памятем 2-х человек, Федьку Пивнева да Никишту Семснова.

На обороте: Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] Якуцкого острогу воеводе Фоме Ивановичу Бибикову.

187-го мая в 30 день подал отписку Оська Трофимов казак.

К. 214, столб. 2 на 31 сставе; сст. 1—2.

193. 1679 г. ранее мая 30. — Отписка алазейского приказного человека Никиты Тютиня якутскому воеводе Фоме Бибикову о сборе ясака с ясачных юкагир и об обнаружении среди «ламутских людей» «великой смуты».

Великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичю Алазеи реки приказной человек десятник казачей Микитка Родионов сын Тютин челом бьет. В прошлом во 186-м году по указу великого государя поставан я Микитка на Алазею реку в приказные люди на перемену казаку Осипу Иванову сыну ярославцу для ясажного збору с прежних ясашных юкагирей, и я Микитка собрал великого государя ясаку на нынешней 187-й год налицо 3 сорока 34 соболя да в переводе в долгу по отписям 47 соболей, и той великого государя ясашной зборной соболиной казны и книг через камсь в Якуткой острог послать не посмел, потому что с Колымы реки и с Индигирки реки не послали ж, потому что в вылоземцах, в ламутцких людех, смута велика; и стоят де ламутцкие люди на переходе на дороге и хотят де русских людей побивать. И тое

¹ Начало слова оборвано.

великого государя зборную ясашую соболиную казну я Микитка привозил на Индигирку реку в Запиверской острожек. А казаков у нас на Алазее реке мало, и великого государя ясаку сь ясаших людей збирать не из за ково, а к тому кь ясашому збору надобе бы казаков человек с 15 и больше, потому что иноземцы, видячи малолюдство, не слушают, иные мужики и на промыслы не ходят. И я Микитка, приехав на Алазее, и их ясаших юкагирей осенью на соболиной промысел высылал, иные юкагири на промысел ходили, а иные и не ходили, а ясаку недобрано на нынешней на 187-й год против прошлого 186-го году 38-ми соболей. И в тех в недобраных ясаших соболях я Микитка держал ясаших юкагирей на правеее долгое время, и они юкагири подали мне свои речи и челобитные за своими пятнами, и те челобитные посланы с казаком с Осыкою ярославцом за своею печатью в листы. Да взяти на казаках великого государя в казну переводного ясаку: на Осылке ярославце по отписе 12 соболей, да на Якуньке Тотарине по отписе 8 соболей, да на Никифорке Аврамове по отписе 4 соболя, и те казаки посланы в Якуцкой острог с отписками, а отписи на них остались у меня Микитки.

На обороте: Великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичю Бибикову.

157-го мая в 30 день подал отписку казак Осыка ярославец.

K. 214, столб. 2 на 31 оставе; стр. 13.

194. 1679 г. июня 14. — *Допросные речи оленных тунгусов Бугачи с товарищами в ясачной избе Охотского острожка о побойце на реке Ураке и осаде Охотского острожка оленными тунгусами.*

187-го году июня в 14 день казаки Кондрашка Берсеев с товарищи, сыскав на Улбее реке Уятанского роду непослушников оленных тунгусов Моктигу Тавиканка да Шамаулка да Бугачу, привели в Охочкой острожек, которые тунгусы в прошлом во 186-м году на Ураке реке с оленными ж тунгусами Годишняковского роду с Некрунком шаманом да с ево Некрунковыми родниками побили служилых людей казаков и к Охочкому острожку на приступ приходили. И в ясачной избе приказной Филип Андреев тех приводных тунгусов допрашивал, для чего оне непослушники великого государя служилых людей побили и ево товарную великого государя казну взяли и к Охочкому острожку на приступ приходили. И в допросе оне тунгусы Тавиканко да Шамаулко сказали: мы де на Ураке реке с годниками на казачье побойце не были и на приступ к острожку не приходили. А Бугача в допросе сказал: я де Бугача и с сынами своими родниками на Ураке реке с годниками на казачье побойце был и к Охочкому острожку на приступ приходил, а на Ураке реке на казачье побойце взял де я Бугача топор русской да пулек свинцовых да иконново окладу венец серебряной маленькой да доска замочная пшальная. А родники де наши Уятанского роду на Ураке реке были на побойце казачье: Докланиев брат Бурулгучан с сыном и с родниками да Очяя с братом и с родниками да Гургулий с братом с Коколдою и с Коколденными детьми, и к Охочкому острожку на приступ оне приходили ж со многими своими родниками, а с ясаком де мы во 186-м году не приходили, затем мы де Тавиканко да Шамаулко начались в Охочком острожке казаки все побиты. А в нынешнем во 187-м году сь ясаком не приходили потому, что Уятанского роду оленные тунгусы Тарега с родниками послал ясаку немного соболей с Ыкиротки с пешим тунгусом Ачганского роду с Авчиканком, а сами не пошли, и мы де на них же смотря и не приходили сь ясаком. А ныне де родники наши живут в дальних своих жилищах, а с ясаком в нынешнем во 187-м году не будут, и в ыной год только соболей не добудут, и оне де с ясаком не будут же. Да в нынешнем во 187-м году весною сказывал нам на Ине реке Непляровского роду пешей тунгус // Купеканко и всодинские тунгусы сказывали нам: что де вы стоите на Ине, будут де по вас казаки из Охочково острожку; и мы по их тунгуским скаскам и пошли в гору в дальние свои жилища. А что Бугача в сказке своей сказал, что взял на побойце казачье замочную пшальную доску да иконново окладу венец и пульки свинцовые сысканы у него Бугачи в юрте и серебряново веща иконново три обрезоча, и то поличное принесли казаки Кондрашка Берсеев с товарищи в ясачную избу.

К сям допросным речем вместо толмачей Ивашки Уварова да Кондрашки Берсенева по их велению казак Ивашко Федоров руку приложили.

На обороте 3 тунгусских «знамени».

К. 214, столб. 1 на 56 оставая; сст. 49—50.

195. 1679 г. июня 15. — *Отписка из Охотского острожка казака Филимона Щербакова якутскому воеводе Фоме Бибикову об уклонении оленных тунгусов от уплаты ясака.*

Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичу казак Филька Щербаков челом бьет. В нынешнем во 187-м году посылал я Филька ясачново пешево тунгуса Ачганского роду Тавиканка Чеголкина на лешей соболиной промысел промыслиять на великого государя ясак. А пришед он Тавиканко с соболиново промыслу в Охоцкой острожек у ясачново платежу сказал: ходил де я Тавиканко на Иню реку для ясачново соболиново промыслу и говорил ясачным же оленным тунгусам Уяганского роду Тарега с родниками, чтоб де он Тарега с родниками и с ынными оленными родами шли б в Охоцкой острожек съ ясачным платежем и аманатов бы переменили. И Тарега де с родниками ему Тавиканку во всем отказали: ясаку де у нас нет и итти де нам в Охоцкой острожек не по што, и в ыной де год мы Тарега с родниками на удачу де будем ли. А ево де Тавиканка за то хотели убить, что он Тавиканко звал их в Охоцкой острожек: а только де мы будем надобны, и без тебя де Тавиканка пошплот по нас и казаков. Да Уяганского роду ясачной оленной тунгус Амша у ясачново платежу сказал: в нынешнем де во 187-м году ходил он Амша на Иню реку и на иные сторонние реки для ясачново соболиново промыслу и говорил де он Амша ясачным же оленным тунгусам Тарега с родниками, чтоб шли в Охоцкой острожек съ ясаком, и ему де Амше он Тарега с родниками отказали, ясаку де у нас нет и итти нам в Охоцкой острожек не по што, а и в ыной де год только соболей не добудем и мы в Охоцкой острожек не будем же. А ему де Амше он Тарега с родниками впряд ходить к себе и звать в Охоцкой острожек съ ясаком не велели и угрожали де ему Амше смертным убивством: а только де мы уяганы в Охоцкой острожек надобны, пошплот де по нас и казаков. И я Филька в Охоцкой острожке оленных ясачных тунгусов Уяганского роду Тарегу с родниками и Долганского роду оленных же тунгусов призвать не мог никоими мерами, а вызывалют оне тунгусы к себе служилых людей. Да Ачганского роду тунгус Тавиканко Чеголкин сказал: в нынешнем де во 187-м году осенью до ясачного платежу с Ыни реки Уягирского роду ясачной тунгус Чилчимлянко ходил на Тоуй реку къ яса/чным к пешим тунгусам и говорил де им он Чилчимлянко: хотят де из Охоцково острожку казаки итти на вас в поход и громить вас всех тоуйских тунгусов. А от тоуйских де от пеших тунгусов услышали те речи оленные тунгусы Долганского роду, что де хотят быть казаки на Тоуй реку ясачных тунгусов громить, и оне де оленные тунгусы долганы с Тоуя реки пошли в дальные свои жилища, бояся от служилых людей погрому. И он Чилчимлянко такие затейные речи тоуйским ясачным пешим тунгусам воровски солгал. А по скаске тунгуса Тавиканка Чеголкина он Чилчимлянко в Охоцком острожке посажен в аманацкую казенку, и о том, что ты воевода Фома Иванович укажешь. Да в нынешнем же во 187-м году посылал я Филька из Охоцково острожка ясачново оленново тунгуса Уяганского роду Сорочанкова родника Докланийка сыскивать родников ево Докланийковых оленных же тунгусов, а сыскав ему звати их в Охоцкой острожек съ ясаком и аманатов бы переменили. И он Докланийко родников своих, уяганских тунгусов Киванийка да Буднюю з братьями 7 человек, сыскал верх Иню реки и звал де их в Охоцкой острожек съ ясаком и аманатов бы переменили. И оне де Киванийко з братьями ему Докланийку отказали: ясаку де у нас нет и итти нам в Охоцкой острожек не пошто и в аманагах де седесть у нас некому, а и в ыной де год только мы ясаку не промыслим, и мы де в Охоцкой острожек не будем. И я Филька те их тунгуские скаски, подклея под сею отпискою, послал въ Якуцкой острог к тебе воеводе Фоме Ивановичу июня в 15 день. И о том, что ты

На обороте: Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичю.

187-го году июля в 15 день подал десятник Ивашко Ортемьев.

К. 214, столб. 1 на 56 оставая; сст. 43—44.

196. 1679 г. ранее июля 15. — *Отписка казака Фильмона Щербакова якутскому воеводе Фоме Вибикову о мероприятиях в Охотском острожке против оленных тунгусов Уяганского рода, поднявших восстание и отказавшихся платить ясак.*

Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичю казак Филька Щербаков челом бьет. В нынешнем во 187-м году июня в 4 день посылал я Филька из Охотского острожка на Иню реку служилых людей Кондрашку Берсенева с товарищи 30 человек на непослушников и на изменников Уяганского роду на оленных тунгусов на Мокитигу Тавиканка да на Шамаулка да на Бугачю с родниками, и велел их непослушников ему Кондрашке с товарищи тех изменников смирить ратным боем и, переимав дутчих людей, привести в Охотской острожек, потому что те непослушники и изменники в прошлом во 186-м году на Ураке реке с оленными ж тунгусами Годниканского роду с Некрунком шаманом да с ево Некруновыми родниками служилых людей казаков побили и к Охотскому острожку на приступ приходили и ясаку не платили, и в нынешнем во 187-м году окладов своих ясаку не платили ж и в ясаке и в аманатах отказали. И божиею милостию и великого государя счастьем он Кондрашка Берсенева с казаками тех непослушников и изменников сыскав смирил ратным боем и переимав их Мокитигу Тавиканка да Шамаулка да Бугачю привели в Охотской острожек. И я Филька в ясачной избе тех приводных тунгусов допрашивал, для чего оне в прошлом во 186 году на Ураке реке служилых людей побили и ясаку не платили и на нынешней на 187 год ясаку не платили ж и в Охотской острожек не приходили. И хто что в допросе сказал и те их допросные речи, за их тунгусскими знаменами, и за толмаческими руками, подклея под сею отпискою, послал я Филька в Якуцкой острог к тебе воеводе Фоме Ивановичю, а оне непослушники в Охотском острожке посажены в аманатскую казенку. И о том, что ты воевода Фома Ивановичь укажешь.

На обороте: Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичю.

187-го году июля в 15 день подал десятник Ивашко Ортемьев.

К. 214, столб. 1 на 56 оставая; сст. 48.

197. 1679 г. ранее июля 15. — *Отписка казака Фильмона Щербакова якутскому воеводе Фоме Вибикову о взятии в Охотском острожке ясака с пеших тунгусов лисицами вместо соборей и об опасении нападения со стороны оленных тунгусов.*

Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичю казак Филька Щербаков челом бьет. В нынешнем во 187-м году в Охотском острожке по указу великого государя и по наказной памяти Якуцкого острогу съезжие избы великого государя за печатью от тебя воеводы Фомы Ивановича, и по приправочным ясачным книгам прошлого 186 году, за пометою воеводы Андрея Афонасевича Барнешлева, что принял книги я Филька у сына боярского у Петра Ярыпкинна, и собрал на великого государя ясаку с иноземцов с ясачных тунгусов на нынешней на 187-й год, и на прошлые годы, всего 19 сороков 5 соборей с пушки и с хвосты да 13 лисиц чернобурых и бурых с лапы и с хвосты, в том числе лисица без хвоста. А те лисицы взяты за ясачные за 30 за 7 соборей да за 2 сорока за 16 соборей. Собраю с пеших с ясачных тунгусов 192 лисицы красных с лапы и с хвосты, в том числе 27 лисиц сиводушчатых с лапы и с хвосты, да 3 лисицы сиводушчатые ж с лапы без хвостов, да 28 лисиц красных с лапы без хвостов. А за хвосты лисьи имал я Филька у ясачных у пеших тунгусов деньги по полутривне за хвост, потому что взяти было им пешим ясачным тунгусам соборей в ясак негде, для того что в нынешнем во 187-м году ясачные оленные тунгусы годниканцы и килары и торбиканцы и уяганы и иных родов оленные тунгусы в Охотской острожек с ясаком не бывали. А которые оленные тунгусы в Охотской острожек и при-

ходились с ясаком немногие люди, и те оленные тунгусы и своих окладов ясаку спална не заплатали. А сами оне пешие тунгусы на собольины промыслы не ходят, а соболи на ясак покупают у оленных тунгусов, а ныне им купить было собелей не у ково. И оне пешие тунгусы всех родов били челом великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичу [т.], а в ясачной избе мне Фильке подали челобитную за своими знаменами, чтоб великий государь их пеших тунгусов пожаловал, велел иметь в свою великого государя казну в ясак на нынешней на 187-й год в оклады их вместо собелей лисицы красные, за соболь по // 2 лисицы красных. И я Филька по указу великого государя и против их тунгусово челобитья вместо собелей в ясак лисицы красные и сиводушчатые принимал, за соболь по 2 лисицы с лапы и с хвосты. А больша того против приправочных ясачных окладных книг по окладом ясаку сполна собрать было не ского, потому что оленные тунгусы многие роды в Охотской острожек не бывали же и в ясаке отказали. А что ясачные пешие тунгусы били челом великому государю, а мне Фильке подали челобитную за своими знаменами, и тое их челобитную, подклея под сею же отпискою, послал я Филька в Якуцкой острог к тебе воеводе Фоме Ивановичю. А что собрано на великого государя ясаку собелей и лисиц чернобурых и бурых и сиводушчатых и красных, и тое великого государя казны в нынешнем во 187-м году послать в Якуцкой острог не смел, потому что многие оленные тунгусы стоят на дороге вверх Ураку реки и на Юдомском волоку и какова бы дурна великого государя пад казною не утинили и над служильными людьми. А в прежние годы на тех урочищах никакие тунгусы не ставвали и стоять на тех урочищах не у чеве.

На обороте: Государя царя и великого князя Феодора Алексеевича [т.] воеводе Фоме Ивановичю.

187-го году июля в 15 день подал десятник Ивашко Ортемьев.

К. 214, столб. 1 на 58 состав; стр. 51—52.

198. 1686 г. марта 4. — Указ царей Ивана и Петра Алексеевичей якутскому воеводе Матвею Кровкову о запрещении местным сибирским воеводам применять к тунгусам смертную казнь без указа государей, а ясачным сборщикам налагать на тунгусов какие либо наказания.

От царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича [г.] в Сибирь в Якуцкой генералу нашему и воеводе Матфею Осиповичю Кравкову. В прошлом во 191-м году писал к нам великим государем из Мангазей стольник наш и воевода Михайло Беклемішев: в прошлом же де во 191-м году мангазейские есейские ясачные тунгусы изменили и ясачных сборщиков мангазейских служилых людей Илюшку Рябова с товарищи 13 человек побили, а одного человека в полон взяли. А в прошлом во 193-м году февраля в 3 день писал к нам великим государем из Якуцкой стольник наш и воевода Иван Приклонской: Туруханского де уезду есейские тунгусы Гагилейко с родниками своими // пришли к нему в Якуцкой и подали скаску за своими знаменами, что они, от налог и от обид есейских приказчиков и служилых людей, убили ясачных сборщиков Илюшку Рябова с товарищи 13 человек и аманатов своих 8 человек взяли, и в том де они перед нами великими государя виноваты, а наш де великих государей ясак они Гагилейко и с родники их платить будут, попрежнему, своим окладом в Якуцком. Да в Якуцком же мангазейской стрелец Терешка Крылов, которого на убийстве взяли в полон Есейского зимовья изменники ясачные тунгусы, в роспросе сказал: в прошлом де во 191-м году посланы де они были из Мангазеи в Есейское зимовье для ясачного збору, приказчик Илюшка Рябой и служилые люди Тимошка Переломов, Осыка Щербаков, Петрушка Кобыльников с товарищи 14 человек, и он де Илюшка // с служильными людьми учал чинить есейским ясачным тунгусом обиды и налоги великие и бить батоги нещадно для своих пожитков, и угрожал всем повешеньем, и велел де тем есейским тунгусом преж ясаку приносить к себе соболи добрые. Да он же де Илюшка Рябой, будучи за ясачным збором в Есейском зимовье, велел ему Терешке поставить виселецу и за то де его Терешку бил батоги, что он Терешка виселицы не поставил, и хотел де он Илюшка вешать тех есейских тунгусов. И увидев де те есейские тунгусы, Гагилейко с родниками своими, Илюшку Рябова с товарищи побили, а его Терешку взяли к себе в полон.

А в нынешнем во 194-м году генваря в 3 день к нам великим государем писал из Мангазеи стольник наш и воевода Иван Полтев: буде де впредь те есейские тунгусы из Якуцкого в Мангазею присланы не будут, и Мангазейского де уезду иных // зимовей на то смотря учинят над ясачными зборщиками убойства, и о том бы ему наш великих государей указ учинить. И мы великие государи указали тем есейским ясачным тунгусом быть в Якуцком, куды они перешли, а ясак платить по прежнему окладу, по чему они платили в Мангазее. А впредь никому и воеводам тех тунгусов без нашего великих государей указу не казнить и не вешать, а ясачным зборщиком наказанье не чинить. А чинить наказанье воеводам смотря по винам их, хто чего доведетца. И как к тебе ся наша великих государей грамота придет, и ты б чинил по сему нашему великих государей указу. Писан на Москве лета 7194-го марта в 4 день.

Па обороте: В Сибирь в Якуцкой генералу нашему и воеводе Матвею Осиповичю Кравкову.

195-го году июня в 25 день подал Степан Ружников, прикащик гостинной сотни Ивана да Алексея Ушаковых.

К. 220, столб. 18 на 4 сставах.

199. 1686 г. июня 5. — Допросные речи сына боярского Архипа Лыткина о восстании учурских тунгусов и о разгроме ими Тонторского зимовья.

Июня в 5 день в приказной избе перед генералом и воеводою перед Матвеем Осиповичем Кровковым сын боярский Архип Лыткин роспрашиван, а в роспросе сказал: в нынешнем де во 194-м году генваря в 25 день послал он Архип ис Тонторского зимовья в Якуцкой с отпискою казаков Федьку Замятнина, Оську Гурьева для того, что иноземцы учинились ослушны и с ясачным платежем к ясачному зимовью и под аманатов не пошли, и казаки де Федька и Оська пошли в Якуцкой, и отошед от зимовья 2 дни на дороге того ж зимовья ясачные иноземцы их убили, а про убийство ему, Архипу, в зимовье вести не было. И после де посылки служилых людей, на завтра, пришли к нему в зимовье албазинские служилые и промышленные люди Ганьки Фролова товарищи 16 человек, Тимошка Вершинин с товарищи, и жили де у него Архипа в зимовье 8 дней и стали // ему Архипу говорить об отпуске в Якуцкой для хлебной скудости, потому что в зимовье хлебом скудно, и он де Архип албазинских служилых и промышленных людей Тимошку Вершинина с товарищи 15 человек из зимовья отпустил в Якуцкой, а с ними де послал он Архип с отпискою и вожем казака Фадюшку Ванюкова. И отошед де от зимовья Фадюшко с промышленными людьми днище, и учюрские де ж тунгусы промышленных людей казака Фадюшку Ванюкова побили, и про то де убийство ему Архипу вести не было ж. И после того убийства в 4-й день те ж убийцы тунгусы пришли к зимовью тайным обычаем в полуденную пору в обед, а он Архип с казаками в то время обедали, и у сеней запор отперли и вшед в сени двери избные отворили и почали де по нем Архите и по служилых людех стрелять из луков, и ево Архипа ранили стрелою повыше плеча да 2-мя стрелами в правой бок повыше поясницы да в левую руку по мышце, а казака Васку Мельника убили до смерти, да казака ж Малюшку Васильева ранили стрелою в левую руку в ладонь, а толмача Бориска Конашева ранили стрелою ж в левой бок, Гараньку Федотова ранили пальмою в левую руку, Ивашку Юрьева ранили в груди. И как де по них стреляли и в те поры с надворья // против казенки, где сидели аманаты, вырубили 2 бревна и аманатов своих взяли, а покамест против казенки с надворья стену рубили и в то ж время тунгусы с надворья из сеней избные двери лесом завалили и на двор ево Архипа и казаков из избы не выпустили, покамест аманатов своих взяли. А борошнисько де их и животишко и хлебные запасы пограбили все без остатку. А как они Архип с казаками справились и, вырубя избные двери, из зимовья с оружием выметались, и одново аманата и великих государей ясачную зборную казну у тунгусов отбили, и узнали де на тунгусах руское платье побитых служилых и промышленных людей, которые пошли в Якуцкой. И после де зимовейного приступа в 3-й день пришли отбитого аманата родники и принесли недоплатные ясачные 5 соболей. И отошед далече, с служилыми людьми ис крепких мест перекликались и говорили: на нас де не досадуите

и во всех де тунгуских зимовьях у нас у всех тунгусов один умысел и одна дума и убойство будет, а богдойские де воинские люди Албазинской острог взяли и из острогу тунгуских аманатов всех распустили и ясак де платят те тунгусы богдойскому царю повольно, и за ясачной де платеж дают им богдойские люди подарки большие, камки и китайки и табак.

На обороте: К сям допросным речам вместо отца своего Архипа Исакова по ево веленью сын ево Мишка Лыткин руку приложил.

К. 220, столб. 12 на 58 состав; стр. 1—3.

200. 1686—87 гг. — Челобитная учурских тунгусов Лалыгирского рода якутскому воеводе Матвею Кровкову об отпуске их из Якутска на старые места, в виду неучастия в «изменном деле» своих родственников.

Царем государем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу [т.] бьют челом холопы вапши Учюрского зимовья ясачные тунгусы Лалыгирского роду Биркыгачко Дюслянов да Манмыгачко Самокачадно да Яличка да Мудачилко Удугин да Мелченичко да Моторко Дюшланов и з братьями своими Удучка с Кучанком да с Телбугачкою. В прошлом, государи, в 194-м году на Учюре в ясачном зимовье родники наши того ж Лалыгирского Учюрского зимовья ясачные тунгусы вам великим государем изменили и многих русских людей побили, а иных служилых людей в зимовье ранили и аманатов отбили, а отчего у них воровство и измена учинилась и мы про то не ведаем, потому что в то время мы холопы вапши с теми своими родниками нашими вместе не были, а были вверх Алдану реки на соболином промыслу в дальних местах, а что бог дал упромышляти соболей и те соболи послали с теми своими родниками в Учюрское зимовье заплатить ваш великих государей ясак, свои оклады на 194-й год. А сами мы холопы вапши остались в тех дальних местах на Алданских вершинах для своей безоленьной скудости и к Учюрскому зимовью с теми родниками своими не пошли, и после измены их с теми родниками своими не видалися и на всякое воровство и на измену с ними не советовали. А про тое их родников наших измену сказал нам холопам нашим, сошедшим на соболином промыслу, Верховилпойского зимовья ясачной якут Болдетцкого роду Кусага Тургин, и мы холопы вапши слышачи от него Гусаги тех родников своих воровство и измену, помнячи вашу великих государей к себе великую милость и не хотя // были впрעד за то их родников воровство от вашей великих государей в опале, пришли в Якутской уезд в Кангаласкую волость к князю Мазаре Бозекову. А от Мазары Бозекова, приехав из Якутского острогу, городской толмачь Михайло Удин подозвал нас холопей ваших под вашу великих государей высокую руку, а до ево Михайлова призыву жили мы холопы вапши у него Мазары и в город ехать не смели, слышачи родников своих измену и чаючи за тое их измену от вас великих государей опалы. А послыша от него Михайла призыв, приехали мы с ним Михайлом в Якутской и принесли с себя ваш великих государей ясак по окладом своим на нынешней на 195-й год по своей мочи и аманата с себя привели. А отчего та измена у родников наших учинилась, от изгони ли, или от какие обиды прикащиков и служилых людей, и про то скажут те наши родники, и в обидах будут бити челом вам великим государем сами собою. Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [т.] пожалуйте нас холопей своих, велите государи в Якутском остроге в приказной избе вашему великих государей генералу и воеводе Матвею Осиповичу Кровкову ваш великих государей ясак и аманата нашего с нас взять и нас отпустить на старинные наши места и на жилища для прииску и призыву родников своих, и не велите, государи, ратных людей за теми родниками нашими из Якутского посылать; подзовем и приведем тех изменников родников своих сами собою и приведем в Якутской острог. А толмачил у сей челобитной казак Микитка Федоров. Цари государи, смилуйтесь.

На обороте 9 тунгусских «знамен».

К 220, столб. 52 на 58 состав; стр. 35—36.

201. 1687 г. октября 8. — Челобитная казака Ивана Дехтерева о пожаловании в таможенные подьячие за заслуги по усмирению «изменников» майских и ламских тунгусов и за «многие другие его службы».

Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу и великой государыне благоверной царевне и великой княжне Софии Алексеевне [т.] бьет челом холоп ваш казак Ивашко Силин. Служил я холоп ваш отцу вашему государскому блаженные памяти великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу [т.] и брату вашему государскому блаженным памяти великому государю царю и великому князю Федору Алексеевичу [т.] и вам великим государем со 176-го и по нынешней по 196-й год по годовым и по двоюгодовым службам пишщиком и толмачишком и рядовым казаком, везде вам великим государем во всем радел и ясак збирал с прибылью без недобору. И во 186-м году Маймакальского роду Майского зимовья изменник Момотка из Майского зимовья из казенки ушел, и во 187-м году ваш государской стольник и воевода Фома Бибииков послал меня холопа вашего в Майское зимовье толмачишк-см, и я холоп ваш, будучи на Мае, того изменника Момотку к ясачному зимовью призвал и ясак с них собрал и сына его Момоткина Ваську в аманаты взял и привез в город. Да во 188-м году ламские тунгусы вам великим государем изменили и вашего государского стольника Данилу Бибиикова убили и многих служилых людей побили и вашу государскую соболиную казну разграбили и Охотской острожек обсадили, хотя в Охотском достальных служилых людей убить, а вашу государскую казну взять и [аманатов] распустить. И ваш государской стольник Иван Бибииков послал на Ламу на выручку сына боярского Левонтея Трифанова и меня холопа вашего с ним же послал, // и пришед на Ламу Охотской острожек выручили и ваш великих государей ясак собрали. А за достальными изменниками в походы ходили, и в том походе я холоп ваш с теми изменниками бился, нещадя лица своего, и на том бою я холоп ваш ранен в лице, пониже левого глаза. Да я же холоп ваш посылан был к вам великим государем к Москве с вашей великих государей соболиною казною и был с проездом полтретья годы. А нигде у ваших великих государей пожиточных дел, кроме нужных служб, я холоп ваш не бывал, и от великих служб я холоп ваш обнищал и одолжал великими долгами. Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна [т.], пожалуйте меня холопа своего за мою многую службу за кровь и за рану, ведите, государи, быть у своих государских таможенных дел в таможене подьячим. Цари и государи смилуйтесь.

К сей челобитной Ивашка Силин Дехтерев руку приложил.

Помета: 196-го октября в 8 день выписать.

К. 221, столб. 1 на 76 сставах; сст. 41—42.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН ¹.

Ааню Безродный, юкагир, 109.
 Абанганей, бурят, 226.
 Абрамов, см. Аврамов.
 Авдеев Иван, служ. чел., 92, 140.
 Авдеев Матвей, чел. якутского
 М. Б. Глебова, 46.
 Аверкиев Федор, пром. чел., 182.
 Аврамов Аверьян, казак, 239.
 Аврамов Клим, подьячий, 213.
 Аврамов Никифор, казак, 242.
 Аврамов Семен, подьячий, 6, 42, 61, 105—109,
 111, 112, 167, 168.
 Авчиканок, тунгус, 242.
 Агапитов Калина, пром. чел., 184.
 Агапитов Никита, торг. чел., 24, 31, 64.
 Агруней, см. Аргуней.
 Адамко Кильбанов, юкагир, 98.
 Адырчей, тунгус, 23.
 Акакиев Максим, пром. чел., 189.
 Акакиев Федосий, приказчик торг.
 стинной сотни А. Лузина, 188.
 Акинк, якут, 122.
 Акила Фрол, казак, 119.
 Акилина, попадьи, 31.
 Акинфов Иван Павлович, якутский воев., 52,
 54, 167, 168.
 Акия Тюбяков, якут, 204.
 Акон (Оконко, Оконь) Камыков, якут, 198,
 211; якутский князец, 212.
 Аксентьев Петр, пятидес., 69, 239.
 Акулина (Окулина)-Тыазыл, якутка, 162.
 Актигир, якут, 196.
 Алексеев Андрей, работник, 179.
 Алексеев Богдан, дес., 30, 164, 173.
 Алексеев Гаврил, служ. чел., 100, 169, 170.
 Алексеев Евсей, пром. чел., 151.
 Алексеев Ермак, служ. чел., 37; целов., 28, 29.
 Алексеев Корнишко, паш. кр., 172.
 Алексеев Пятко, служ. чел., 101.
 Алексеев Тимофей, пром. чел., 189.
 Алексей Алексеевич, царевич, 66, 67, 68, 101,
 111, 112, 211, 212,
 Алексей Михайлович, царь, 10, 11, 18, 51—56,
 62—68, 72, 97—99, 101, 102, 104—106, 109,
 111, 112, 114, 139, 143—146, 149, 163,
 166—168, 170—174, 178, 179, 184—188,
 206—212, 223, 247.
 Алива Никрадзе, юкагирский князец, 98, 108.
 Алим Ирипов, юкагир, 98.
 Алту, якут, 201.
 Алуча, юкагир, 109.
 Алчак Сабуков, якут, 198.

Аминев Прокопий, торг. чел., 59, 62.
 Амосов Андрей, печатник, 44.
 Амосов Андрей, пятидес., 88, 125, 194, 195.
 Амукай, якут, 125.
 Амур Касков сын, якутский князец, 203, 205,
 Амша, тунгус, 243.
 Амыкай, якутка, 198.
 Ананий, тунгус, 129, 130.
 Ангрышев Григорий, служ. чел., 219.
 Андреев Антон, пром. чел., 143—145.
 Андреев Афанасий, казак, 193.
 Андреев Иван, казак, 193, 239.
 Андреев Иван, пром. чел., 185, 189.
 Андреев Исаа, пром. чел., 189.
 Андреев Левка, служ. чел., 149.
 Андреев Панфил, чел. якутского воев. М. Ло-
 дыженского, 62.
 Андреев Савва, служ. чел., 5, 6.
 Андреев Филипп, прик., 242.
 Андреев Юрий, казак, 117.
 Андреев Левка, пром. чел., 188.
 Анекон (Некан), холоп акута Девунн, 210.
 Анисимов Оксен, дес., 9.
 Анисимов, тунгус, 130.
 Анисимов Алексей, служ. чел., 208.
 Анисимов Савва, пром. чел., 189.
 Анисимов Тимофей, служ. чел., 34.
 Анисья, ясырка, 193.
 Аничков (Оничков) Осип, енсейский
 17, 222.
 Анна, дьяконица, 30.
 Анна, крещеная ясырка, 193.
 Анофреев Михаил, казак, 122.
 Анофревых Федор Федоров сын, торг.
 163, 164.
 Анофриев Матвей, торг. чел., 43.
 Антип, кузнец, 95.
 Антипин Иван, служ. чел., 149.
 Антонов Алексей, рядовой, 104.
 Антонов Василий, торг. чел., 33, 37.
 Анютка, якутка, 162.
 Анютка-Кысыкайка, якутка, 164.
 Арапов Алексей, казак, 14.
 Аргамаков Никифор, пятидес., 104.
 Аргуней (Оргуней, Угруней, Агруней), якут, 154.
 Аргуней (Оргуней) Чегунаев сын, шаман, 10.
 Аргунов Василий, служ. чел., 241.
 Аргунов Евсей, казак, 200.
 Аргунов Лазарь Савин, прик. чел., 57, 185, 186.
 Аргунов Омелька, служ. чел., 186.
 Арефь в Богдан, служ. чел., 101.
 Аржай, якут, 199.

¹ Принятые сокращения: воев. — воевода; дес. — десятник; кн. — князь; кр. — крестянин; паш. — паденный; прик. — приказный; пром. — промышленный; пятидес. — пятидесятник; рп. — рукоприкладчик; служ. — служилый; см. — смотри; тамож. — таможенный; торг. — торговый; туз. — туземец; целов. — целовальник; чел. — человек.

- Артемов Григорий, служ. чел., 54.
 Артемов Иван, дес., 243—245.
 Артемов Любим, дес., 91.
 Артемов Михаил, служ. чел., 225.
 Архип Степанов сын, каргополец, 151.
 Архива (Хортица) Баатур, тунгусский князец, 17.
 Арченка Качиков сын, якут, 209.
 Арчикан, коряк, 149.
 Асторохан, см. Астороханец.
 Астороханец (Асторохан, Астороханец) Богдан, служ. чел., 26—28, 30, 39, 41, 42, 44, 45, 47; паш. кр., 170—172.
 Ата Кузней, якут, 202.
 Аткушей, якут, 199.
 Атласов (Отласов) Владимир, казак, 196—200.
 Аунча Каян, юкагир, 108.
 Афанасий, паш. кр., 139, 161.
 Афанасьев Алексей, служ. чел., 228.
 Афанасьев Денис, торг. чел., 140.
 Афанасьев Десятко, пром. чел., 184.
 Афанасьев Иван, служ. чел., 232.
 Афанасьев Клементий, служ. чел., 8.
 Афанасьев Курбат, пятидес., 17.
 Афанасьев Петр, служ. чел., 110.
 Афанасьев Степан, пром. чел., 189.
 Баатыр Магалчуков брат, бурятский князец, 234.
 Бага, якут, шаман, 200.
 Багуй, якут, шаман, 125.
 Бадир Онкуров, якут, 128.
 Бадон, якут, 128, 198.
 Бадон Амуров, якут, 127, 128.
 Бадук, якут, 200.
 Бажега Медвежья Парка, ламут, 147.
 Базинко, ламут, 213.
 Байга Мемин, якут, 200, 216.
 Байка, якут, 198.
 Бака, см. Бакучко.
 Бакай Кушкеев, якут, 199, 200.
 Бакаяна Еюкова дочь, якутка, 168.
 Бакучко (Бака) Одуреев, якут, 119.
 Бакчигирь Дедеев, якут, 121.
 Бакшенга (Башенга), тунгус, 93.
 Бакшенга Афанасий, пром. чел., 69.
 Балакшин Андрей Акинфов сын, торг. чел., 137, 140.
 Балаш Первушка Яковлев сын, служ. чел., 36.
 Балга Арсенов, якут, 127.
 Балды Торонев, якут, 199.
 Валезин Бажен, торг. чел. гостинной сотни, 55.
 Валин Сидор Еремеев сын, пром. чел., 184.
 Барабанский Нестер Дмитриев сын, служ. чел., 153.
 Бараников Федор, дес., 5; наплечный стер, 45.
 Баранов (Боранов) Иван, служ. чел., 21.
 Бараскан Иван, 56.
 Баркулак Книгин (Книгил), якут, 197; шаман, 200.
 Барнешлев (Барнешлеев) Андрей Афанасьевич, якутский воев., 115, 189, 244.
 Барту, тунгус, 53.
 Варчыга, якут, 162.
 Варчигирь Борсоов сын, якут, 202.
 Барчик (Бырчик) Чеков сын, якут, 204, 205.
 Барятинский Иван Петрович, кн., якутский воев., 71, 113, 146—149.
 Батов Григорий, казак, 240.
 Батук Омодовов, якут, 199.
 Батур Оргузеев, якут, 171.
 Бахарев Алексей Пантелеймонов сын, пром. чел., 173.
 Бахор Тимофей Васильев, пром. чел., 184.
 Бахтеяров Еналей, письменный голова, 12, 32, 43, 44, 140, 153.
 Бахтин Теляков, якут, 199.
 Башенга, см. Бакшенга.
 Баяк Эрбеков, якут, шаман, 200.
 Бегальник Тонесев, якут, 199.
 Бедарев Алексей, сын боярский, 11, 14, 15, 18, 23, 27—30, 34—36, 47—49, 95, 137, 141, 219—222, 226, 228—235, 237, 238.
 Ведунай, тунгусский беглый аманат, 94.
 Безносой Никита, 216.
 Безносой Петуныка Петров, пром. чел., 184.
 Безродный Ааню, юкагир, 109.
 Безосов Иван, казак, 115.
 Бекей, см. Бюкей.
 Беклеминев Михаил, мангазейский воев., 245.
 Белкоч, тунгусский князец, 2.
 Беллик, якут, 155.
 Белый Харька, сторож тюремный, 65.
 Белянка, ясирка, 193.
 Беляша Иван Борисов, торг. чел., 166.
 Бердонов Тренька, пром. чел., 48.
 Березовский Григорий, служ. чел., 220.
 Беркой, якут, 198.
 Беркой Нерняков, якут, 198.
 Берматя Семен Давидов сын, пром. чел., 155.
 Берсенов Иван, казак, 122.
 Берсенов Кондратий, казак, 115; служ. 242, 244.
 Бестасной, ссыльный чел., 60.
 Вибиков Данил Фомич, столыник, 120, 248.
 Вибиков Иван, столыник, 118, 248.
 Вибиков Фома Иванович, якутский воев., 70—72, 115—117, 190—192, 214, 239—245, 248.
 Бигек, шаман, 217.
 Билгей, якут, 202.
 Влохин Матвей, служ. чел., 110.
 Вобок, бурятский князец, 223.
 Бобровский Никифор, торг. чел., 117, 189, 241.
 Бобровский Семен, тамож. голова, 167.
 Богданов Воин, сын боярский, 38, 41, 164.
 Богдашка Торотанов сын, ламут, 213.
 Богомолов Тит, сын боярский, 190, 191.
 Богонос Корнил, пром. чел., 189.
 Богородицкой Василий Кириллов, служ. „37.
 Бодойко Дардыев, якут, 218.
 Боечко Аня, юкагир, 56.
 Бозекой, князец, 10.
 Войдой Буюков, якут, 127.
 Войдон, князец, 10.
 Боко Някин, см. Буюко Някин.
 Боконек Дакыев, якут, 217, 218.
 Бокуй, см. Буюк.
 Болдашка, якут, 201.
 Болезин Максим, тамож. целов., 56, 108, 109.
 Бора, см. Бура.
 Боранов, см. Баранов.
 Боргула Инырдин, якут, 206.
 Борисов Петр, казак, 89.
 Борисов Степан, целов., 3, 28, 29.
 Борсок, якут, 200.
 Борсок Чокос, якут, 199.
 Борсок Намуков, якут, 127.
 Бородин Иван, дьяк, 63, 64.
 Боротка, ламут, 117.
 Босиков (Босых) Иван Еремеев, торг. чел., 12, 43.
 Босов Кирилл, гость, 60, 169, 180.
 Босых, см. Босиков.

- Боярщина Осип, дес., 138, 139.
 Бронни Василий, служ. чел., 112, 113.
 Брусення Сергей, казак, 117, 190, 240.
 Брусенки Афанасий Иванов сын, служ. чел., 163, 164.
 Брусенки Семен Иванов сын, 65, 173.
 Брусенки Сергей, площадной подьячий, 173.
 Брусенки Сергей, пятидес., 125.
 Бубянки Илья, казак, 240.
 Бугача, тунгус, 242, 243.
 Бугор Василий, служ. чел., 59, 143—145; дес., 222, 236.
 Бугров Василий, охочий чел., 48, 49.
 Будыня, тунгус, 243.
 Бузиказарта, тунгус, 117.
 Буйносов-Ростовский Алексей Иванович, кн., тобольский воев., 104.
 Буканик Дакыев, холоп якутского князя Бюкея, 217, 218.
 Букачня Молтонни, якут, 198.
 Букей, см. Бюкей.
 Букуй (Бокуй), якут, 24, 201.
 Булгадак Орчин, якут, 198.
 Булгудак, якут, 207.
 Булгуй Камосов, якут, 199, 200.
 Булгуй Кулунтаев, якут, 128.
 Булгуй Кушекеев, якут, 199.
 Булгуйко Тейков, якут, 216.
 Булуй (Буруй) Бурин брат, бурятский аманат, 11, 229, 230, 235—237.
 Вулукай, холоп якута Тасына, 198.
 Булчуй, якут, 198.
 Булчук (Бунчук), бурятский аманат, 235, 236.
 Булыгин Андрей, сын боярский, 67, 100, 102—106, 143, 145, 146, 192.
 Бузак Петр, вликий воев., 103, 172.
 Буря (Бора), бурятский князец, 11, 230, 235—237.
 Буруак Василий, пятидес., прик. чел., 48, 49, 57, 68, 113.
 Буруак Иван Васильев сын, пятидес., 115, 118, 173.
 Бурнашко Велково, юкагир, 147.
 Буруй, см. Булуй.
 Бурулгучан Доклакиев брат, тунгус, 242.
 Бусурманов Алексеи, 105.
 Бузюк, бурят, 230.
 Бушковский Максим Тимофеев сын, приказчик, 169.
 Буялнай, якут, 203.
 Быганей Кутерев, якут, 125.
 Быгей, якутка, 153.
 Быгия, якутка, 145.
 Быгичейка Имеканов, якут, 123.
 Быгыней, якут, 196.
 Быкыр Дуреев, якут, 127.
 Быкыр Когонеев, якут, 127.
 Былгив, тунгус, 53.
 Вырга Лебин, якут, 200.
 Быркыча Кутугунни, якут, 200.
 Выркагачко Дюслинов, тунгус, 247.
 Быртык Отонеев, якут, 127.
 Бырчик, см. Барчик.
 Бытык Чокни, якут, 199.
 Бытыккайа Тавакуева дочь, якутка, 211.
 Бычйна Молаев сын, якут, 209.
 Бычйна Салакаев (Селенаев), якут, 127.
 Бьяя, якут, 211.
 Бюкей (Бекей, Букей) Кожекин (Никин), якутский князец, 135, 217, 218.
 Бюко (Бюко) Някин, якут, 197, 199.
 Бюкучея Молтонни, якут, 197.
 Важенни Гаврил, казак, 193.
 Важенни Пронька, пятидес., 4.
 Валтя Наваалин, юкагир, 107.
 Ванил Ирыка, якут, 199.
 Ванил Мазары, якут, 199.
 Ванюков Иван, торг. чел., 23.
 Ванюков Кирилл Терентьев, сын боярский, 1, 2, 28, 56, 57, 59, 172.
 Ванюков Корнил, служ. чел., 64, 188.
 Ванюков Фадей, казак, 246.
 Варпаев, см. Ворпаев.
 Варлам, — архиепископ вологодский и великопермский, 151, 219.
 Варлам, игумен, 167.
 Варфоломиев, см. Вахромиев.
 Васив, тунгусский князец, 92.
 Василий, поп, 154, 155.
 Василаса, асырка, 193.
 Васильев Архин, пром. чел., 188.
 Васильев Борис, торг. чел., 102, 144, 145.
 Васильев Григорий, служ. чел., 38, 162.
 Васильев Дмитрий, пром. чел., 146, 189.
 Васильев Иван, служ. чел., 93, 191.
 Васильев Левка, пром. чел., 17.
 Васильев Марк, новопашенный кр., 105.
 Васильев Мартын, пятидес., 49, 51, 53, 163, 223.
 Васильев Михаил, пром. чел., 189.
 Васильев Осыка, казак, 17.
 Васильев Петр, торг. чел., 46, 189.
 Васильев Савва, пром. чел., 193.
 Васильев Семен, торг. чел., 55.
 Васка Момоткин сын, якутский аманат, 248.
 Вахрамеев Исак, рп., 168.
 Вахромей Куреяков, якут, 200.
 Вахромиев (Варфоломиев) Григорий, хозяйский чел., 185.
 Ващенко Марк Анисимов, пром. чел., 184.
 Велга Мучюктан, якут, 214.
 Велкой Иван, сын боярский, 57, 58.
 Верекин Никифор Логинович, енисейский воев., 92, 93.
 Верегин Василий, казак, 191.
 Верхотур Семен, охочий чел., 48.
 Вершина Тимофей Елсеев, пром. чел., 186.
 Вершинин Тимофей, служ. чел., 246.
 Ветошка Федот, служ. чел., 58, 100.
 Визгунов Фома, ясаичный сборщик, 25, 37.
 Виллой Василий, служ. чел., 42.
 Виллюйко, якут, 197.
 Винокуров Афанасий, караульщик, 4.
 Виселкин Иван Иванов, 184.
 Витюшнов Фома, казак, 122.
 Власов Василий, чел. гостя В. Шорина, 169.
 Власов Иван, торг. чел., 182.
 Власов Степан, пром. чел., 189.
 Власьев Василий, сын боярский, 37, 46.
 Власьев Иван, служ. чел., 2.
 Внифатьев Кирилл, служ. чел., 35.
 Волков Торышка, дес., 4.
 Волковский Яков Петрович, кн., якутский воев., 71.
 Володимерец Василий, пром. чел., 189.
 Волынкин Епифан, торг. чел., 33.
 Вольский Никон Матвеев сын, тамош., 188.
 Воробей Апанья, паш. кр., 170.
 Ворыпаев Андрей, торг. чел., 189.
 Ворыпаев Василий, торг. чел., 189.
 Ворыпаев Дмитрий, торг. чел., 181.
 Ворыпаев (Варапаев) Матвей, торг. чел., 39, 40, 44, 165.
 Ворыпаев Никита, торг. чел., 67, 181.

Вострой, ламут, 117.
Вострой Степан, охочий чел., 48.
Выломаев Василий, тамож. целов., 181.
Вычко Касимов, якутский князец, 211.
Ваземский Яков, енисейский воев., 91.
Вятка Дмитрий, пятидес., 44, 161, 234, 235.
Габышев (Губушев) Кузьма Прокофьев, толмач, казак, 24, 28, 56, 150.
Гаврило, толмач, 229, 236.
Гаврилов Богдан, служ. чел., 170.
Гаврилов Козьма, прик. чел., 55.
Гаврилов Федор, служ. чел., 169; пром. чел., 189.
Гагилейко, тунгус, 245.
Гаданко, тунгус, 219.
Газейко, тунгусский аманат, шаман, 19, 20.
Галадейко, тунгусский аманат, 19.
Галахтионов Фотий, кузнец, 184.
Галапов Иван Родионов, пром. чел., 189.
Галеминко, тунгус, 219.
Галкин Иван, сын боярский, 12, 43, 78.
Галкин Никифор, казачий атаман, 11, 13.
Галкин Осип, казачий атаман, 1, 21, 22, 24, 28, 93, 204, 205.
Гигрия Синезуб, юкагир, 240.
Гилек Андреев, якут, 139.
Гируль, коряк, 149.
Гладков Иван, пром. чел., 189.
Глебов Матвей Богданович, якутский воев., 2—10, 12, 18, 22, 24, 26—32, 34, 36, 42—47, 95, 151, 152, 154, 223.
Глойка, см. Лагола.
Глухой Накычин брат, юкагир, 70, 240.
Гогунин Семен, торг. чел., 26.
Гогунин Степан, торг. чел., 29, 47.
Годнев Семен, казак, 122, 215.
Гок Андреев, якут, 199.
Голенищев — Кутузов Иван Федорович Большой, якутский воев., 63, 65—69, 106, 108, 111—113, 187, 188, 212.
Готичин Алексей Андреевич, к тобольский воев., 72.
Головин Алексей Петрович, тобольский воев., 91, 195.
Головин Иван Петрович, сын якутского воев. П. П. Головина, 37, 38, 45.
Головин Петр Петрович, якутский воев., 2—10, 12—14, 16—18, 20—47, 58, 95, 140—142, 151—154, 223, 224, 229, 235, 236, 238.
Голой Пронька, пром. чел., 193.
Голой Федор, служ. чел., 101.
Горбов Василий, целов., 165, 166.
Гордича, тунгус, 104.
Горелый Андрей, прик. чел., 56, 57, 68.
Горни Иван, казак, 115.
Горомыкин Василий, пятидес., 223.
Гочолка, тунгус, 117.
Гребенщик Михаил, казак, 196—200.
Григорий, пром. чел., кр., 62.
Григорьев Аверьян, казак, 118, 129, 130, 190.
Григорьев Артемий, казак, 122.
Григорьев Афанасий, хозяйский 169.
Григорьев Бессон, 208, 209.
Григорьев Василий, служ. чел., 54.
Григорьев Гаврил, целов., 136—142.
Григорьев Галактион, работник, 179.
Григорьев Данило, работник, 179.
Григорьев Демида, пром. чел., 189.
Григорьев Иван, служ. чел., 2.
Григорьев Лавр, служ. чел., 41.
Григорьев Лев, казак, 124.
Григорьев Максим, целов., 49.

Григорьев Митрофан, пром. чел., 182.
Григорьев Никита, пром. чел., 184.
Григорьев Онашка, служ. чел., 169.
Григорьев Парфен, служ. чел., 42, 162.
Григорьев Пронька, торг. чел., 140.
Григорьев Родион, торг. чел., 22; дес., 183.
Григорьев Сергей, пром. чел., 189.
Григорьев Сидор, пром. чел., 68.
Григорьев Сидор, работник, 179.
Григорьев Яков, пром. чел., 189.
Гриняев Максим, поместный казак, 156.
Гробов Мина, дяк, 72.
Грязка, толмач, 4.
Губа Горочанов сын, ламут, 213.
Губарь Лев Тимофеев, служ. чел., 152, 205.
Губушев, см. Габышев.
Гуйя Гуденин, якут, 198.
Гуляев Демка, рядовой казак, 126.
Гундоров (Гундырев) Лука, торг. чел., 35, 39, 40, 167.
Гундырев, см. Гундоров.
Гундышев Ярко, казак, 115.
Гунутко Кахтыль, холоп якута Иденгички, 215.
Гурокты, тунгус, 148.
Гургулий, тунгус, 242.
Гуржегес, холоп якута Нокоч, 210.
Гурьев Василий, рп., 200.
Гурьев Иван, казак, 117, 122, 239, 240.
Гурьев Осия, казак, 246.
Гусельников сын Шочела, юкагир, 116.
Гутарча Кабайканов, якут, 127.
Гушко, тунгус, 8.
Гырбана, якут, 200.
Давай Игнатьев, якут, шаман, 127.
Даваян Лойчереков сын, якутский князец, 202.
Давыдов Кирилл, казак, 128.
Давыдов Осия, пром. чел., 189.
Давыдов Рудачко, пром. чел., дес., 219.
Дагур, якут, 122.
Дачина, бурят, 230.
Даку, якут, 211.
Далбарай Отюян, якут, 199.
Данил, толмач, 230.
Данило, сапожник, 173.
Данилов Григорий, служ. чел., 101.
Дачива, якут, 211.
Девага Бычьев, якут, 207.
Девенек Догурин, якут, 128.
Девенек Камосов, якут, 199.
Девенек (Деденек) Огеев сын, якут, 187, 198, 204.
Девенек Отюян, якут, 199.
Девенек Партуев, якут, 199.
Девенек Теганил, якут, 199.
Девень Батасов сын, якут, 21.
Девуни Онкудеев сын, якут, 210.
Дедко Ниракаев, якут, 200.
Дедена Капяркиев, тунгус, 115.
Деденек, см. Девенек.
Дежнев Семен Иванов, охочий служ. чел., 100, 101, 142, 146, 205.
Дексильей, якут, шаман, 171.
Дексильей Буянтгев (Быкеев), якут, 127, 128.
Дембек, якутка, 208.
Делгелей Талгалыров, якут, 199.
Делгерей Торев, якут, 208.
Деметьев Первущка, толмач, 149.
Демидов Мойсей, казак, 115.
Демьянов Григорий, сын боярский, 22, 27, 41.
Денск, ясир, 193.
Денисов Павел, торг. чел. гостинной сотни, 169.

Денисов Савва, служ. чел., 34.
 Денисов Семейка, пром. чел., 184.
 Дервик, якут, 122.
 Дерга Тогераев, якут, 199.
 Дерчени Ноков, якут, 199.
 Дерчени Оячков, якут, 211.
 Дескилей Торонеев, якут, 199.
 Дехтерев Иван Силин, казак, 247, 248.
 Дехтерь Михаил, служ. чел., 170, 171.
 Деючко Тосюков, якут, 125.
 Дига, тунгус, 54.
 Дмитриев Борис, пром. чел., 184.
 Дмитриев Вятка, служ. чел., 30.
 Дмитриев Иван, пром. чел., 115, 189.
 Дмитриев Константин, служ. чел., 149, 184.
 Дмитриев Лазарь, пром., чел., 189.
 Дмитриев Ларсон, пром. чел., 189.
 Дмитриев Алексеев сын, пром. чел., 151.
 Догонча, якут, 162.
 Докланийко, тунгус, 243.
 Докуй, якут, 58, 59.
 Долгой Афанасий, паш. кр., 233.
 Долгопол Семейко Фидатов, пром. чел., 185.
 Домолт Карелкуев, холоп якута Девуши, 210.
 Доргий, бурят, 235.
 Доронин Роман, служ. чел., 101.
 Дорофеев Афанасий, служ. чел., 101.
 Дорофеев Иван, целов., служ. чел., 56, 108—110.
 Друженко Лука Семенов, пром. чел., 189.
 Дружинин Лука, служ. чел., 7.
 Дрыгин Василий Левонтиев, торг. чел., 152, 166.
 Дубов Андрей, целов., 58, 167, 168.
 Дудей, аманат, 94.
 Дудин Пронька Хрисанфов, рп., 186.
 Дунай Константин Степанов, сын боярский, 56, 93, 94, 100, 107, 145.
 Дураков Петр, казак, 91.
 Дураченко Марк Иванов, кр., 157.
 Дуреев, см. Тосен Илюкин.
 Дурей Изикеев, якут, 171.
 Дуrows Дементий Федоров, служ. , 58, 173.
 Дурутка, коряк, 149.
 Дуок Эчюнеев, якут, 127.
 Дыгынча, якут, 204.
 Дюдюля Мазария, якут, 199.
 Дюрай Ондрусов, якут, 127.
 Дяхка Яков Максимов, торг. чел., 184.
 Ёбилан, якут, 122.
 Евдокимов Илья, рп., 13.
 Евдокимов Любим, дворецкий, 60—62.
 Еременев Вешняк, паш. кр., 174.
 Евсеев Трифон, сын боярский, 60—62.
 Егений, якут, 201.
 Егиря Синезубов, юкагир, 70.
 Егудей, якут, 227.
 Егупка Колямин, князец, 98, 99.
 Едейко, якут, 60, 61.
 Едейко Юргин, якут, 207.
 Едемский Втор, торг. чел., 23.
 Езенка, тунгус, 19.
 Ельдага, тунгус, шаман, 55.
 Елсезов Осип, торг. чел., 140, 166.
 Елизаров (Елизарьев) Оверьян, паш. кр., 50, 159, 157, 161, 219, 221, 222, 226, 230, 232, 235, 236.
 Елизарьев Иван, торг. чел., 13.
 Елисеев Иев, целов., 28, 31.
 Елисеев Лука, пром. чел., 110.
 Елион, тунгус, 117.
 Елжата, тунгус, 147.
 Елтяк, якут, 208.

Елчесев Андрей, якут, 128.
 Елчуков Степан, дяк, 146—148.
 Ельдага, тунгус, 55.
 Емельянов Григорий, пром. чел., 169.
 Емельянов Иван, торг. чел., 40, 166.
 Емельянов Никита, паш. кр., 173, 174.
 Емельянов Софрон, пром. чел., 188.
 Емельянов Фома, служ. чел., : 8.
 Емледа, юкагирка, 186.
 Емүзеган, юкагир, шаман, 238.
 Ендега, тунгус, 19.
 Ендок Бын, якут, 208.
 Енекай Бопуев, холоп якута Девуши, 210.
 Енок Очюев, якут, 187.
 Епанчинцев Федор, казак, 115.
 Епанчинский Артем, целов., 228.
 Епифанов Иван, пром. чел., 189.
 Епифеев Семен, пятидес., 114, 115; прик. чел., 104, 105, 188; хлебный приемщик, 171.
 Епта, юкагир, 114.
 Еврастов Иван, сын боярский, 64, 184, 186, 187.
 Еремиев Иван, торг. чел. гостини сотни, 43, 62.
 Еренечко Деленкуев, ламут, 240.
 Ермо, туз., 64.
 Ермолин Василий, пром. чел., 219.
 Ермолин Иван, служ. чел., 69, 147.
 Ермолин Илья, дес., 2.
 Ермолин Семен, подьячий, 13, 16, 167, 184.
 Ерсюкай, якут, 218.
 Ётвага, асырка, 19.
 Буфимиев Дорофей, служ. чел., 30.
 Бюк, якутский князец, 10, 38, 163.

Жаков Афанасий, казак, 213.
 Жаяк, бурят, 235.
 Жеглов Петр, рядовой, 104.
 Жеглов Степан, служ. чел., 106.
 Жемчужник (Жемчужник) Степан, служ. чел. 148.
 Жига Анатуев сын, якут, 206.
 Жирков Михаил, казак, 216.

Заварза (Заварзин) Киттеги (Килтеги) Бобогунов брат, юкагир, 70.
 Завьялов Иван, дес., ясачный сборщик, 3, 4, 7, 8.
 Задорин Семен, гость, 185.
 Задубин Пронька, служ. чел., 225, 227, 228.
 Залесов Иван Алексеев, казак, 122, 124.
 Залесов Михаил, казак, 115.
 Заладей Иван Григорьев, пром. чел., 184, 193.
 Заматынин Степан, толмач, 126, 128.
 Заматынин Федор, казак, 246.
 Записин Афанасий, торг. чел., 39, 40, 44.
 Записин Михаил, торг. чел., 43.
 Запись Василий, гость, 165, 169, 180, 181.
 Захаров Михаил, пром. чел., 145.
 Заякайко Бураев, бурят, 194.
 Зверовул, тунгусский князец, 2—8.
 Зелев Карп, пром. чел., 28.
 Зиновьев Петр Петрович, якутский воев., 90, 91, 130, 132—134, 136, 196—198, 216—218.
 Змеов (Змеов) Илья, илимский воев., 76, 77, 84, 194.
 Золотухин Иван Никитин, служ. л., 163, 164.
 Зоркотойко, бурят, 225.
 Зулша, тунгус, 54.

Иван, новокрещенный, 223.
 Иван, поп, 162.
 Иван Алексеевич, царь, 72—73, 77, 79, 84, 86, 87, 125, 126, 128—130, 149, 194—198, 216—218, 245, 247, 248.

- Иван Васильевич, царь, 40.
Иванай, якут, 125.
Иванов Алексей, служ. чел., 226.
Иванов Андрей, дес., пром. чел., 10, 31, 155, 189.
Иванов Архип, зять сына боярского, 56.
Иванов Бажен, дес., 229.
Иванов Борис, торг. чел., важенни, 28.
Иванов Василий, служ. чел., 93, 94.
Иванов Гаврила, пром. чел., 189.
Иванов Григорий, прик. чел., 18, 163, 226, 229.
Иванов Григорий, служ. чел., 221.
Иванов Данил, пром. чел., 105, 156.
Иванов Денис, служ. чел., 95, 101.
Иванов Емельян, казак, 91, 130.
Иванов Еремей, приказчик, 189.
Иванов Иван, торг. чел., 140, 166, 189.
Иванов Исаак, паш. кр., 105.
Иванов Исаак, пром. чел., 173.
Иванов Калина, пром. чел., 38.
Иванов Кермашка (Кормашка), служ. 92, 93.
Иванов Кондратий, 179.
Иванов Константин, целов., 167, 168.
Иванов Кузьма, служ. чел., 7, 145.
Иванов Курбат, сын боярский, пятидес., 15, 17, 29, 48, 49, 51—53, 110, 219—223, 228, 229, 248, 249, 251—253, 255—258.
Иванов Лармон, пром. чел., 189.
Иванов Лука, рядовой, 104, 219.
Иванов Марк, пром. чел., 189.
Иванов Мартын, служ. чел., 164.
Иванов Михаил, см. Мотора Михаил.
Иванов Нехорошко, дес., 219.
Иванов Никифор, служ. чел., 21.
Иванов Никифор, покрученик, 219.
Иванов Осип, пром. чел., 188.
Иванов Осип, ярославец, 241, 242.
Иванов Осип, целов., 109.
Иванов Петр, казак, 115.
Иванов Постник, служ. чел., 21, 22.
Иванов Проконий, казак, 122.
Иванов Пятунка, торг. чел., 28.
Иванов Рокитка, гулящий чел., 156.
Иванов Савин, рядовой, 116.
Иванов Семен, чел. гостя В. Шорина, 169, 170, 184.
Иванов Сидор, казак, 193.
Иванов Смирняшка, пром. чел., 184.
Иванов Софтор, чел. якутского воев. М. Лодыженского, 60, 62.
Иванов Степан, работник, 179.
Иванов Устия, пром. чел., 189.
Иванов Федор, пром. чел., 189.
Иванов Федор, дяк Сибирского приказа, 64.
Иванов Филипп, пром. чел., 184.
Иванов Шалам, пятидес., 21, 28, 33.
Иванов Яков, пром. чел., 184.
Ивачов Иван, подъячий, 115.
Ивашка, новокрещеный остояк, 26, 27, 47.
Игелтин Семейка, деньщик, 198.
Игеля, тунгус, 19.
Игнатьев Василий, казак, 193.
Игнатьев Добрыня, служ. чел., 5, 6, 30.
Игнатьев Евсей, служ. чел., 169.
Игнатьев Захар, паш. кр., 105, 174.
Игнатьев Иван, дес., 122.
Игнатьев Иван, пром. чел., 189.
Игнатьев Лука, приказчик, 180.
Игнатьев Сергей, казак, 115.
Игнатьев Сергей, пром. чел., 189.
Игумнов Данил, подъячий, 167.
Иденгачко Декснев (Дескин), якут, 215.
Идьялга, тунгус, 53.
Идя Тонесев, якут, 199.
Иевлев Иван, пятидес., 115.
Иерпо Левыхин, юкагир, 107.
Иковник Сергей, торг. чел., 189.
Иктей Геюкин, якут, 199, 200.
Илимча, юкагир, 98.
Ильин Никита, пром. чел., 189.
Ильин Томилко, пятидес., 14, 15, 18, 137, 219, 221, 222, 226, 228, 229.
Ильняя, тунгус, 53.
Инетля Капталакоч, якут, 127.
Иникч, юкагир, шаман, 238.
Инка, тунгус, аманат, 19.
Инок Дружина, пром. чел., 189.
Иосеев Памфил, поп, 232.
Ирген Очеев сын, якут, 204.
Иркандей, коряк, 149.
Ирканча Туголоков сын, юкагир, 116.
Иркыней, тунгус, 69.
Ирчак Живынов, якут, 199.
Исаак, посадский чел., 121.
Исаков Иван, пром. чел., 154.
Истомин Савин, служ. чел., 4.
Ичу, юкагир, 98.
Ишакка, тунгус, 148.
Кабуга, холоп якута Одочки, 215.
Кавлачка, тунгус, 148.
Кагак Нельзин, юкагир, 98.
Кагача, якут, 200.
Кадай Козайков, якут, 127.
Кайгород Федор, казак, 143.
Кайтун, якут, 198.
Каканин Степан Петров, пром. чел., 144.
Какуй, тунгус, 19.
Калатай, якут, 24.
Калвин Левойко, юкагир, 114.
Калтейко Огкураев, якутский князец, 211.
Калдал Курев, якут, 127.
Калининных Дружина Васильев, пром. чел., 184.
Калыпка Милуев, юкагир, 98.
Калыма, юкагир, 238.
Камади Волчихин, см. Кеманди Волчухин.
Каменко, ламут, 213.
Камеул (Кемеул), юкагир, 108.
Камнагадаев Федор, бурат, 194.
Камос Гуликанов, якут, 187.
Камык, якутский князец, 23.
Канирка, юкагир, 108.
Кантака Котонеев, якут, 127.
Каптагай, см. Каптан Очеев сын.
Каптак, см. Каптан Очеев сын.
Каптак Орбеков, якут, 200.
Каптан (Каптагай, Каптак) Очеев сын, якут 204, 205.
Каптас Текос, якут, 127, 128.
Каптелина, ясрык, 193.
Карабельщик, см. Корабельщик.
Карага Бадуров сын, якут, 202.
Каргуль, тунгусский князец, 94.
Каргополец Дружина, целов., 53.
Кардат Емельян, казак, 129.
Кареш, якут, 203.
Кармалин Иван, дес., 187, 189.
Кармалин Иван, ясачный сборщик, 208.
Кармалин Никита, казак, 216.
Карпов Иван, пром. чел., 89.
Карпов Миклула, пром. чел., 172, 173.
Карпов Михаил, пром. чел., 190.
Карпов Петр, казак, 126.
Карпов Тимофей, пром. чел., 189.

- Карсаков Никифор, дес., 194.
 Катаев Втор Федоров, сын боярский, служ. чел., 25, 28, 42, 43, 69, 110.
 Катаев Иван, служ. чел., 56, 59.
 Катаев Иван Федоров, торг. чел., 185, 186.
 Катан Едеев, якут, 199.
 Катан Котетов, якут, 199.
 Катромин Анисим, трудник Троицкого монастыря, 99.
 Качин Никифор, казак, 13.
 Квашнин Елизарий, 156.
 Кебеско Кахтына дочь, холопка якута Иденгички, 215.
 Кедрувка Кирилл Игнатьев, пром. чел., 173.
 Келангу, юкагир, 108.
 Келчего, юкагир, 108, 109.
 Кеманди (Каманди) Волчухин (Волчихин), юкагир, 70.
 Кемеул (Камеул) Давычин сын, юкагир, шаман, 108.
 Керчик Онтоулов сын, якут, 163.
 Киваннийко, тунгус, 243.
 Келян Едеев, якут, 199.
 Кальма Пенемга Мынечев, юкагир, 98.
 Кальтига Калыамин сын, юкагирский князец, 93, 99, 111.
 Кимкуйка Моганин, юкагир, 106, 107.
 Кимкуйко Маганюев, юкагир, 56.
 Кинегой, юкагир, 114.
 Кинича Алаев, юкагирский князец, 98—100.
 Кинича Алеев, юкагир, 108.
 Киприан, казак, 121.
 Кирагай Быркинин, якут, 199.
 Кирилов Ветошка, пром. чел., 193.
 Кирилов Евдоким, пятидес., 25, 116, 117.
 Кирилов Захар, пром. чел., 169.
 Кирилов Иван, служ. чел., 31.
 Кирилов Первой, пром. чел., 173.
 Киселев Ерофей, служ. чел., 1, 28.
 Кисель Григорий, служ. чел., 162.
 Кисельников Иван, пром. чел., 187.
 Кислоквас Максим, служ. чел., 236.
 Кислоквас Мартын, служ. чел., 229.
 Кичига Антин, юкагир, 107.
 Кишеев Матвей, служ. чел., 154.
 Кишнева Матвей, служ. чел., 21.
 Клементьев Иван, пром. чел., 188.
 Клементьев Савви, казак, 155.
 Клеунов Василий Давыдов, тамож. целов., 56.
 Ключарев Федор, пром. чел., 189.
 Кобелев Иван, рядовой, 116.
 Кобелев Родион, сын боярский, 193.
 Кобок, см. Кубык.
 Кобокбай, якутка, 198.
 Кобуй Кушекеев, якут, 199.
 Кобыла Кондратий, дес., 62.
 Кобыльников Петр, служ. чел., 245.
 Ковырка, ламут, 213.
 Когита Аенчин, юкагир, 107.
 Кожевников Михаил, дес., 2, 152.
 Кожин Иван, пятидес., 99.
 Козай Козайков, якут, 127.
 Козела, якут, 150.
 Козинской Ефим Иванович, письменный голова, 146.
 Козида Данил, служ. чел., 33.
 Козицын Евдоким, пятидес., 115.
 Козлов Епифан, пром. чел., 189.
 Козлов Степан, пром. чел., 20.
 Козлов Трифон, пром. чел., 189.
 Козыревский Федор, сын боярский, 122, 123.
 Козьма Гаврилович, прик. чел., 55.
 Козьмин Василий, служ. чел., 186.
 Кокый, якут, 114.
 Коколда, тунгус, 242.
 Кокорин Максим, торг. чел., 39.
 Кокорин Яков, торг. чел., 39, 40, 44.
 Кокоулин (Коулин) Севастьян Гаврилов, казак, 10.
 Кокшар Тренька, служ. чел., 21.
 Колесников Василий, атаман, 17, 225, 226, 232.
 Колесов Михаил, пятидес., 68, 70, 108, 173.
 Колмогор Иван, казак, 116.
 Колобоко Михаил Никифоров, пром. чел., 184.
 Коломлетин Богдан, посадский чел., 71.
 Колупаев Тихон Васильев сын, торг. чел., 140, 142.
 Конашев Борис, толмач, 246.
 Конда, юкагир, 114.
 Кондаков Михаил, торг. чел., 62, 142.
 Кондратий, служ. чел., «именник», 187, 188.
 Кондратьев Василий, торг. чел., 140.
 Кондратьев Казаринко, служ. чел., 2.
 Кондратьев Никита, казак, 193.
 Кондратьев Пахом, служ. чел., 101.
 Кондратьев Потап, служ. чел., 19.
 Кондратьев Фоме, дес., 65.
 Кондратьев Яков, пром. чел., 184.
 Коней Мокоев, якут, шаман, 218.
 Конюхин Каюкан, тунгус, 117.
 Коновалов Михаил Савин, казак, 150.
 Коновалов Яков Никифоров, рп., 10.
 Коноплин Афанасий Герасимов, торг. чел., 59, 62.
 Коноплин Герасим, торг. чел., 59.
 Константи, толмач, 54.
 Константинов Григорий, пром. чел., 20.
 Константинов Лука, пром. чел., 189.
 Константинов Омель, служ. чел., 33.
 Константинов Семен, служ. чел., 173.
 Константинов Тренька, казак, 14.
 Кондаков Михаил, торг. чел., 140.
 Копточко Сырганов, якут, 197.
 Коптюк Изчик, он же Кустеков, якут, 127.
 Корабельщик (Карабелщик) Семен, торг. чел., 23.
 Корабель Демка, торг. чел., 44.
 Корасев Потап, рядовой, 104.
 Корзинков Лука, торг. чел., 46.
 Коркун Алексей Леонтьев, пятидес., 7, 30, 33, 34.
 Корнин Емельянов сын, торг. чел., 140.
 Корнилов Иван, пром. чел., 219.
 Коронин Иван Семенов, торг. чел., 23, 28, 30.
 Коростел Данил, тюремный сторож, 65.
 Короткой, ламут, 213.
 Корсаков Игнатий Степанович, мангазейский воев., 55.
 Коршун, см. Куршун Бурлаев.
 Корючей Чермоков сын, якут, 210.
 Корьяка Иван, пром. чел., 126.
 Корьякин Иван, служ. чел., 115.
 Косика Ивеев, якут, 170, 207, 208.
 Косика Сытыкин сын, якут, 150.
 Коспыин Андрей, торг. чел., 167.
 Косой Пятый Васильев, пром. чел., 153.
 Костемин Данил, казак, 126.
 Костемин Савва, пром. чел., 190.
 Костентин, см. Константинов.
 Костромин Анисим, торг. чел., 143—146.
 Котей Омолдонов, якут, 199.
 Котельников Никита Дмитриев сын, торг. чел., 140.
 Котельников Яков, тамож. целов., 190.

- Котет Девукин, якут, 199.
 Котков Марчко, дес. и толмач, 98.
 Котоен Сосуков, якут, 200.
 Коттол Кураяков, якут, 200.
 Коулин, см. Кокоулин.
 Кочень Петр, пром. чел., 102.
 Кочуров (Кочуров) Федор, торг. чел., 189.
 Кочуйдай Едеев, якут, 199.
 Кошека, жена тунгусского шамана, 116.
 Копкодаев Ермолан, приказчик, 180.
 Кою, холоп якута Одочки, шаман, 215.
 Краснояр Федор, служ. чел., 5, 6, 220, 221, 229.
 Краснояров Федор, пятидес., 125.
 Креженовский, см. Крыжановский.
 Крестянинов Мелентий, тамож. целов., 165, 166.
 Кривогоричный Григорий Яковлев, служ., 61, 92, 164.
 Кривой Мартын, 36.
 Кривой Алучин сын Вальта, юкагир, 109.
 Кривой Петр Новоселов, целов., 37.
 Криворог Мотдов, юкагир, 98.
 Кровков Матвей Осипович, якутский воев., 72—87, 125, 126, 128, 135, 136, 149, 194—196, 216, 245—247.
 Кругетский (Крупещкий) Артемий, сын боярский, 88, 121, 122, 124.
 Кругетский Сарзин, сын боярский, 119, 196, 213, 218.
 Кручинко, юкагир, 68.
 Крыжановский Василий, 192, 193.
 Крыжановский (Креженовский, Крыженовский) Иван, сын боярский, 149, 191—193.
 Крыжановский Петр, сын боярский, 91, 149, 192.
 Крыжановский (Креженовский, Крыженовский) Юрий, сын боярский, 119, 120, 134, 135.
 Крылов Терентий, стрелец, 245.
 Кубык (Кобок), якутка, 162.
 Кудай, якут, 209.
 Кудачар, якут, 127.
 Кузагалко, якут, 203.
 Кузаков Иван Тимофеев сын, пром. чел., 99, 184.
 Кузаков Иван Федосиев сын, служ. чел., 111, 112.
 Кузень, якут, 202.
 Кузнец Яков, служ. чел., 229.
 Кузнецов Иван Иванов, приказчик, 43.
 Кузьмин Иван, служ. чел., 186.
 Кулкин Яков, служ. чел., 227, 228.
 Куликанко, ламут, 213.
 Куликов Филипп, служ. чел., 105.
 Кулнейко Тимнык, якут, 187.
 Кулняй Эрюканов, якут, 200.
 Кулла, тунгусский князец, 9.
 Култышев Кузьма Иванов, пром. чел., 144.
 Кулутко Иван, повокрещенный, 128.
 Кулутко Сатаканов, якутский князец, 212.
 Кулуттай Текесев, якут, 114.
 Кумаско Гучин, якут, 214.
 Кунеканко, тунгус, 242.
 Кунечко Эрюканов, якут, 88.
 Кунейка, см. Кунечка.
 Куннес Гачюев сын, якут, 204.
 Кунечка, якутка, 121, 122, 124.
 Кунчок, бурят, 235.
 Куракин Григорий, кн., тобольский воев., 139, 156.
 Кургасей, бурят, 226.
 Курдайко, якут, 208.
 Курдогас, холоп якута Иденгички, 215.
 Курдогас, холоп якута Чюгурки, 206.
 Курдогей Ембонов, холоп якута Нокочин, 210.
 Курдюков Андрей, тамож. голова, 61, 62, 100, 144, 176—184.
 Курдыга Тотоев, якут, 213.
 Курегес Кушекеев, якут, 199.
 Курекога Эрюканов, якут, 200.
 Куресак Чокчогоров, якут, 200.
 Куржагал Онеков, якут, 199.
 Курженай (Куржега) Тюляков Итарчиев, он ж. Кусеней Камуков, якут, 121, 122, 127.
 Куржум (Куржун), бурят, 9, 229, 230, 23.
 Курмашев Иван, служ. чел., 116.
 Куропатка, ламут, 213.
 Курочкин Василий, торг. чел., 19, 20, 46, 100.
 Курта, якут, 171.
 Куртай Тюляков, якут, 199.
 Куртак Эгюнеев, якут, 127.
 Курчага Селбуков, якут, 216.
 Куршуа (Коршун) Вудлаев, бурятский князец, 9.
 Кусага Тургин, якут, 247.
 Кусеней Камуков, см. Курженай Тюляков Итарчиев.
 Кустекос, см. Коптюк Изчик.
 Кутагар Лебин, якут, 200.
 Кутерко Саннин, холоп якута Иденгички, 215.
 Кутера, холоп якута Уктачки, 216.
 Кутугуна, якут, 127.
 Кучан Тимуков, якут, 127.
 Кучанко, тунгус, 247.
 Кучой, якут, 214.
 Кучок, якутка, 211.
 Кучюкан Тууюков, якут, 217.
 Кушай Тыркин, якут, 87.
 Кушеней Карагин, якут, 187, 199.
 Кучевский, юкагир, 114.
 Кыгачанко Нуутукаев, якут, 208.
 Кыгича, юкагир, 109.
 Кызылык, шаман, холоп якутского князца Бюека, 217, 218.
 Кынгай Тюбени, якут, 128.
 Кынтагий, юкагир, 114.
 Кырдыга, холоп якута Орюкана, 187.
 Кырнай Никита, толмач, 117, 118.
 Кысыкайка — Аюутка, якутка, 164.
 Лабута, ламут, 69.
 Лавкай, даурский князец, 165.
 Лаврентьев Павел, пром. чел., 193.
 Лаврентьев Степан, казак, 214.
 Лаглой (Глойка), якутка, 164.
 Лагунов Григорий, служ. чел., 101.
 Ладзыженский, см. Лодыженский.
 Лакай Амуров, якут, 127.
 Лакейко Леондуев, юкагир, 56.
 Лалетия Михаил Емельянов сын, торг. чел., 140.
 Лама Ларион Петров, целов., 143, 145, 146.
 Ланта Тосенев, якут, 127.
 Ландый, юкагир, 185.
 Лаптев Федор Иванов, соликамец, 184.
 Ларионов Иван, пром. чел., 137.
 Лебедев Василий, ссыльный, 196.
 Лебедев Дорофей, казак, 91.
 Левка, пром. чел., 224.
 Лекочи, асырка, 193.
 Леницов Богдан, служ. чел., 37.
 Леонтьев Богдан, торг. чел., 140.
 Леонтьев Михаил, пром. чел., 28.
 Леонтьев Павел, служ. чел., 151, 193.
 Леонтьев Нахом, служ. чел., 225, 226.
 Летвинов Андрей, казак, 113.
 Летвинов Степан, казак, 113.
 Летнев (Лятнев) Григорий Иванов, толмач, 10.

- Летия Молтоини, якут, 197.
 Леута, юкагид, шаман, 114.
 Либи, якут, 198.
 Липа Иван Ларонов, охочий чел., 48.
 Лифанов Михаил, служ. чел., 188.
 Лобан Никита Семенов сын, служ. чел., 23, 153.
 Лобашков Петр, торг. чел., 149.
 Логуй, якутский князец, 21.
 Логуйко Сынаков сын, якут, 202.
 Лодыженский (Ладзыженский) Михаил Семенович, якутский боев., 56—65, 69, 99, 101, 102, 143—146, 170—172, 174, 175, 179—187, 208, 209.
 Локейко Легонин, юкагир, 106, 107.
 Локта, туз., 112.
 Ломоско (Ломока) Коментов (Комельдов), юкагир, 98, 186, 187.
 Лопата Калгатов, юкагир, 98.
 Лопиков Кузьма, сын боярский, 29, 67.
 Луза Василий, пристав, 52.
 Лузин Андрей, торг. чел. гостинной сотни, 188.
 Лукьянов Алексей, служ. чел., 162.
 Лукьянов Ерофей, служ. чел., 5—7.
 Лукьянов Юшко, служ. чел., 220.
 Лупанов Иван, рп., 164, 186.
 Лыба Тимукон, якут, 200.
 Лыков Алексей Федорович, кн., 12, 13.
 Лыткин Архип, сын боярский, 87, 246.
 Лыткин Иван, служ. чел., 216.
 Лыткин Михаил, рп., 246.
 Львов Леонтий, сын боярский, 91.
 Львов Федор, пром. чел., 48.
 Любим, целов., 56.
 Любимка Ильчанов, аманат, 115.
 Лютый Важен, служ. чел., 188.
 Лятев, см. Лятев.
 Ляття Тымкин, якут, 200.
 Ляузен, ламут, 68.
- Маган Атыр Бычей, якут, 199.
 Мадавов, якут, 203.
 Мазары Воезов, якутский князец, 135, 136, 191, 247.
 Мазары Камыков, якут, 211.
 Мазеней, якут, 202.
 Май Боготов, якут, 202.
 Макаров Иван, дьячий чел., 29, 34, 37, 46.
 Максим, зырян, 224.
 Максимов Анавья, пром. чел., 193.
 Максимов Вахромей, площадной подъячий Якутского острога, 163.
 Максимов Вахромей, дес., 1.
 Максимов Михаил, пром. чел., 169.
 Максимов Назар, казак, 193.
 Максимов Федор, пром. чел., 189.
 Малафеев Иван, пром. чел., 219.
 Малафеев Мороз, пром. чел., 193.
 Малафиев Павел, дес., 232, 237.
 Малахов Никита Агаптов сын, торг. чел., 62.
 Малахов Павел, дес., 231.
 Малечко Кеков, юкагир, 56.
 Малка, якутка, 153.
 Малнек, якутка, 152, 153.
 Малта Эрюканов, якут, 88.
 Манныгачко Самокачадино, тунгус, 247.
 Мантечко Енмась, юкагир, 56.
 Манякса, ясирка, 193.
 Маркелов Спиридон, служ. чел., 208.
 Марков Лармон, 59.
 Марков Семен, служ. чел., 229.
 Марта Эрюканов, якут, 200.
 Мартемьянов Голятка, пром. чел., 41.
- Мартемьянов Лармон, прик. чел., казак, 102, 124.
 Мартын Никитин сын, торг. чел., 140.
 Мартынов Василий, гулящий чел., 156.
 Мартынов Флпн, 38.
 Марфа, жена служ. чел., 28.
 Марчирга Осюргев, якут, 127.
 Марья, жена письменного головы, 153.
 Марья, ясирка, 193.
 Матвеев Антон, пром. чел., 19.
 Матвеев Давыд, служ. чел., 27, 28, 31, 33, 39, 41, 42, 44, 45, 47.
 Матвеев Пимен, пром. чел., 189.
 Матвеев Федор, служ. чел., 84.
 Матвеев Федот, служ. чел., 64.
 Матрена, ясирка, 193.
 Матренинский Максим, пром. чел., 189.
 Медвечик Афанасий, служ. чел., 51.
 Медвежкой Богдан Алексеев, служ. чел., 163.
 Мекчек Тойбоков сын, туз., 208.
 Мекчик, якут, 197.
 Мелгирия Одекос сын, якут, 206.
 Мелгича, юкагир, 108.
 Мелетта Ширялов, юкагир, 107.
 Мелеча, юкагир, 109.
 Мелта Онигин сын, юкагир, 116.
 Мелченичко, тунгус, 247.
 Мельник Василий, казак, 246.
 Мендуга, тунгус, 19.
 Меник Юбек Молдункари сын, тунгусский князец, 201.
 Меньшый Федот Кузьмин, служ. чел., 157.
 Мерника Анкарчин, юкагир, 107.
 Мерник Абылтеев, юкагир, 108.
 Меркурьев Фома, пром. чел., 189.
 Месчеряков Федор, служ. чел., 224.
 Метияк Иван Тимофеев сын, казак, 21, 152, 153.
 Метте, якут, 122.
 Мешков Алексей, пром. чел., 189.
 Мешеряк Федор, служ. чел., 228, 229.
 Мидальвы, туз., 226.
 Микитин, см. Никитин.
 Микшифов, см. Никшифов.
 Микшулин Антон, служ. чел., 101.
 Микшулин Микша, целов., 166.
 Микшулин Степан, пром. чел., 219.
 Милгий, якут, 202.
 Милоше Ле, тин сын Конда, юкагир, 238.
 Милгяга Тагалев, юкагир, 106.
 Минеев Максим, пром. чел., 189.
 Минника Селбенинова дочь, якутка, 213.
 Минин Вахромей, пром. чел., 189.
 Минчачко, тунгус, 4.
 Мирника Анкартин, юкагир, 107.
 Миронов Пятунка, пром. чел., 68.
 Мито, чукотский князец, 64.
 Михаил, толмач, 149.
 Михаил Захаров сын, пром. чел., 145, 146.
 Михаил Максимов сын, 178, 179.
 Михаил Федорович, царь, 1—3, 7—11, 13, 14, 16—19, 30, 40, 43, 47, 48, 51, 92—96, 136—139, 150—162, 164, 166, 201—206, 219, 221—226, 228—232, 237, 238.
 Михайлов Амос, служ. чел., 20, 67, 109, 143.
 Михайлов Афанасий, служ. чел., 28.
 Михайлов Василий, служ. чел., 93.
 Михайлов Данил, служ. чел., сотник, 117, 128; пром. чел., 169.
 Михайлов Дмитрий, пром. чел., 190.
 Михайлов Иван, пром. чел., 6, 22, 24, 28, 189.
 Михайлов Иван, толмач, служ. чел., 170, 188.
 Михайлов Игнатий, пром. чел., 184.
 Михайлов Курбат, пром. чел., 189.

- Михайлов Марк, паш. кр., 172.
 Михайлов Петр, пром. чел., 189; служ. чел., 161.
 Михайлов Тимофей, служ. чел., 10, 155.
 Михайлов Томило, пром. чел., 189.
 Михайлов Федор, толмач, 2.
 Михалевский Евстафий, сын боярский, 22.
 Михалевский Федор, толмач, 8, 39, 45.
 Михей Тимофеев сын, пром. чел., 110.
 Мичиги Ясоулов, якут, 199.
 Моголчок, бурятский князец, 227.
 Можеул, тунгусский князец, 224, 226.
 Мойлок, якут, 271.
 Мойлока, якутка, 207.
 Моисеев Исаа, пром. чел., 189.
 Моисеев Нестовор, служ. чел., 101.
 Моисей Васильев сын, важный, пром. чел., 151.
 Мокейко Наугольчик, юкагир, 108, 109.
 Мокрошубов Иван, служ. чел., 149.
 Мокрошубов Пантелеймон, служ. чел., 42, 43.
 Моксогол Бакчигиров, якут, 127.
 Моктига Тавиканко, тунгус, 242, 244.
 Молдак Атушенев, якут, 199.
 Молтона Очюев, якут, 187.
 Молтона Колугтаев (Колугтаев), якут, 127, 128.
 Момотка, тунгус, 248.
 Моронцов Левко, приказчик, 166.
 Морозин Иван Стефанов сын, торг. чел., 152.
 Мосиев Ефрем, казак, 239.
 Москогол Быркинин, якут, 199.
 Москогол Ирчикаев, якут, 214, 215.
 Москогол Отконов, якут, 127.
 Мотафья Павел Иванов, служ. карауль-
 щик, 4.
 Мотме, якут, 209.
 Мотора, тунгус, 53.
 Мотора Ермолия брат (Ермонов), юкагир, 107,
 108.
 Мотора Михаил, он же Иванов Михаил, служ.
 чел., 5, 6.
 Мотора Семен Иванов сын, гулящий чел., 151.
 Моторка, сын якутского князца Откурая, 24.
 Моторка Ирипов, юкагир, 98.
 Моторко Дюшланов, тунгус, 247.
 Мотохов Василий, тамок. голова, 60.
 Мохначевский Григорий, сын боярский, 195, 196.
 Мочахния Кузьма, сын боярский, 91.
 Мошняпов Бесчасной, служ. чел., 172.
 Мугулдуга Домакин, юкагир, 238.
 Мугундучей, юкагир, 114.
 Мудачика Удугин, тунгус, 247.
 Мужуй (Мужуйко) тунгусский князец, 9, 92.
 Муканю Буружан, якутский князец, 212.
 Мукунчак, бурятский князец, 234.
 Мургов, тунгус, шаман, 116.
 Муруй, бурятский князец, 226.
 Мутуй, якутка, 207.
 Мухоплев Максим, казак, 71, 195, 216, 217.
 Мыгай, якут, 214.
 Мыгай Каратыюков, якут, 127.
 Мымок, якутский князец, 21, 22, 30.
 Мыник (Манюк), якутка, 154, 155.
 Мычайка, якутка, 211.
 Мясин Кондратий, толмач, 9.
 Нагиба Иван, служ. чел., 59.
 Нагиба Поспал Иванов, служ. чел., 50.
 Надуча Набугин, юкагир, 146.
 Наерай, бурятский князец, 225, 230, 236.
 Накаттай Барчикаев, якут, 127.
 Накича Слепой, юкагир, 241.
 Накук Тюбаков, якут, 127.
 Палай, тунгус, шаман, 217.
 Намдамедко, юкагир, 98.
 Намычейко, холопка якута Уктачки, 216.
 Нарабалдин Борис, пром. чел., 190.
 Насанов Яков, пром. чел., 189.
 Настасья, ясирка, 193.
 Ната Михаил, казак, 126.
 Наталия, жена казенного кузнеца, 28.
 Натальица, якутка, 155.
 Нача, якут, 201.
 Начича Слепой, юкагир, 109.
 Небо, сын юкагирского князца Аливы, 98.
 Невгачий, юкагир, 238.
 Некая (Анекон), холоп якута Девуни, 210.
 Некрунко, тунгус, 87, 88; шаман, 242, 244.
 Нелчака, якутка, 216.
 Немайачко (Немняк, Немьяк) Очеев, якутский
 князец, 187, 198, 204, 205, 212.
 Немдылека Якчангин сын, юкагир, 116.
 Непко Мымыков сын, юкагир, 114.
 Непряха Максим Агапихов, пром. чел., 184.
 Нерадовский Семен, приказчик, 165.
 Нерпо Нагамундин, юкагир, 107.
 Нестеров Оука, пром. чел., 189.
 Нефедьев Василий Ермолаевич, 51—53.
 Ника (Ничка) Мымоков сын, якутский князец,
 21, 28, 30, 58, 212.
 Никитин Аверьян, охочий чел., 48.
 Никитин Антон, пром. чел., 189.
 Никитин Гаврил, дворовый чел., 195.
 Никитин Герасим, пром. чел., 189.
 Никитин Герасим, новокрещен, 173.
 Никитин Григорий, пром. чел., 189.
 Никитин Денис, пром. чел., 188.
 Никитин Иван, служ. чел., 5, 6.
 Никитин Кирилл, служ. чел., 102, 169.
 Никитин Кузьма, пром. чел., 189.
 Никитин Макар, служ. чел., 3, 51.
 Никитин Мокей, служ. чел., 148.
 Никитин Роман, рядовой, 116.
 Никитин Савин, работник, 179.
 Никитин Тимофей, служ. чел., 98.
 Никитин Фотий, рядовой, 104.
 Никитин Яков, пятидес., 114.
 Никифоров Трофим, торг. чел., важный, 12, 13.
 Никифоров Фома, пром. чел., 189.
 Ницкейко, князец, 112, 113.
 Нириулка, тунгус, шаман, 2, 3.
 Нирипа, юкагир, 109.
 Нирипица Левыков, юкагир, 56.
 Нифонтов Михаил, работник, 179.
 Нифонтьев Иван, торг. чел., 140.
 Нича Шаманов, юкагир, 114.
 Ничка Мымыков, см. Ника Мымоков.
 Ногой Одуреев, якут, 125.
 Нокко Осотосов, якут, 198.
 Нокочо Чермоков, якут, 210.
 Нокуй Телекуев, якут, 126.
 Нонор, тунгусский князец, 223.
 Ноня Иваков, якут, 213.
 Норяцын Василий, пром. чел., 189.
 Норка (Норкин) Иван Тарасов, торг. чел., 12, 13.
 Норкин, см. Норка.
 Нос Яков Иванов, пром. чел., 184.
 Носка Оргуней, якут, 202.
 Носко Иван, толмач, 106.
 Носкокур Дегесев, якут, 206.
 Нужа Яков, казак, 7, 8.
 Нутной, юкагирский князец, 116.
 Юмний, якут, 125.
 Обака, якут, 205, 206.
 Обогондей, бурятский князец, 224.

- Обрамов, см. Аврамов.
 Обросимов Иван, новоприборный служ. чел., 169, 170.
 Обросимов Федор, гуляющий чел., 156.
 Обросимов Хмелина, пром. чел., 173.
 Обросинья, ясырка, 193.
 Озухов Лаврентий, илинский воев., 66.
 Обухов Петр, торг. чел., 35.
 Обшуля, туз., 115.
 Овдеев, см. Авдеев.
 Овдокимов, см. Евдокимов.
 Овчинников Иван, рп., 4.
 Овьян Онин брат, тунгус, 95.
 Огонюк, якут, 127.
 Одицов Огюшка, толмач, 163.
 Одотчот Иргенев, якут, 198.
 Одошко Торонев, якут, 215.
 Одурей, якут, 171.
 Оегой Букеев, якут, 128.
 Оенек, якут, 214, 215.
 Ожегов Алексей, пром. чел., 189.
 Ожюрга Оюн, якут, 202.
 Окодей Ниракаев, якут, 200.
 Оконко Камыков, см. Акон.
 Оконь, см. Акон.
 Окос Евакин, якут, 127.
 Окочют, якут, кузнец, 210.
 Оксентьев, см. Аксентьев.
 Окуа, коряк, 149.
 Окуния (Окулин), сын тунгусского князя Можеула, 220, 226.
 Олдек (Олнек), см. Ондек.
 Олексеев, см. Алексеев.
 Олень Алексей Ердюкимов, казак, 51.
 Олень Алексей Яковлев, пятидес., 7, 11, 29, 56, 58, 172, 221, 226.
 Олисов Семен, казак, 126, 128.
 Олферов Тимофей, служ. чел., 93.
 Олримв Исак, служ. чел., 92.
 Олчок Быкеев, якут, 127.
 Омельянов, см. Емельянов.
 Омолодн Гуликанов сын, якутский князец, 203, 205, 211.
 Омуча, аманат, 94.
 Онгата, юкагирский князец, 114.
 Онгога, юкагир, шаман, 108.
 Ондек (Онек, Ондечко, Олдек), якут, 196, 198, 204.
 Ондеев, см. Андреев.
 Ондреянов, см. Андреев.
 Ондрюшка Дергиния, якут, 211.
 Онига, юкагир, 116.
 Онило, аманат, 95.
 Онисимов, см. Аписимов.
 Оничков, см. Аничков.
 Онка, тунгус, 4.
 Онковул, тунгус, 55.
 Ончокек Вочекос сын, якут, 205.
 Онкудин, подъячий, 167.
 Оносов Гаврил, служ. чел., 2.
 Оночко Торев, якут, 70.
 Антонов, см. Антонов.
 Онтупо Кандаков, юкагир, 98.
 Орани Бегунов, юкагир, 147.
 Ортотейко, юкагир, 108.
 Ортугзей Лыгнев, якут, 200.
 Оргуней, см. Аргунай.
 Оргуусь Чечяков, якут, 214.
 Ордучко, якут, шаман, 123.
 Орел, якут, 210.
 Ортек Тохтотоев, якут, 200.
 Орюканко Секуев, см. Эрюканко Секуев.
 Осипов Артёмий, пром. чел., 102, 143, 144.
 Осипов Дорофей, пром. чел., 189.
 Осипов Елесёка, служ. чел., 240, 241.
 Осипов Ерофей, работник, 179.
 Осипов Иван, чел. сына боярского П. Ходырева, 24, 28, 93.
 Осипов Неустрой, кр., 12, 13.
 Осипов Яков, торг. чел., 26, 29.
 Осолоков Андрей, торг. чел. гостинной сотни, 12.
 Осолоков Андрей, кр., 221.
 Осолоков Иван, торг. чел., 40, 44, 165, 166.
 Осолоков Осип, торг. чел., 165.
 Осон Турчинаев сын, якут, 202.
 Осонга Блоков, якут, 127.
 Огана, якут, 202.
 Откон Бердугев, якут, 127.
 Отконко Чемчин, якутский князец, 212.
 Откур, якут, : 8.
 Откурай, якутский князец, 24, 38.
 Отласов, см. Атласов.
 Оттуй, якут, 38.
 Оттюряк Федор, казак, 213.
 Отюня Быки, якут, 199.
 Отюней К муков, якут, 211.
 Офимина, жена сына боярского В. Богданова, 38.
 Офонасий, см. Афанасий.
 Офонасьев, см. Афонасьев.
 Очей, якут, : 8.
 Очей Дергиния, якут, 211.
 Очей Елтыгина, якут, 127.
 Очнек, якут, 198.
 Очнек Кулнеев, якут, 200.
 Очнек Маган Атыров, якут, 199.
 Очия, тунгус, 242.
 Ошурков Василий, служ. чел., 64.
 Ошепков Лука, целов., 57.
 Ошепной Андрей, рп., 105.
 Павел Тарасов сын, пром. чел., каргополец, 151.
 Павлов Давыл, казак, 197.
 Павлов Дмитрий, казак, 124.
 Павлов Евсений, служ. чел., 162.
 Павлов Иван, кр., 219.
 Павлов Нехорошко, служ. чел., 37—39, 163.
 Павлов Павел, пром. чел., 189.
 Павлов Панафил, служ. чел., 3.
 Павлов Семен, служ. чел., 219.
 Павлов Тимофей, служ. чел., 208.
 Павлов Устин, служ. чел., казак, 7, 8.
 Падитин Консинейко, юкагир, 114.
 Палайда Милуев, кузнец, туз., 98.
 Палашка, ясырка, 193.
 Палипын Осип, дьяк, 72.
 Панега Молошин (Мальсот), юкагир, 107.
 Паняико, см. Панюко.
 Панко, тунгус, 55.
 Панков Устин, служ. чел., 4.
 Панкрашка Косых, ламут, 213.
 Панов Митвей, толмач, 128.
 Пантелеев Исак, торг. чел., 23.
 Пантелеев Парфен, служ. чел., 34.
 Пантелей Яковлев сын, киренский жидец, устюжанян, 151.
 Пантой Мальчиғанов, юкагир, 107.
 Панфил, поп, 162.
 Панфилов Устин, пятидес., 88.
 Панфилов Федор, пром. чел., 189.
 Панчинин Семен, казак, 191.
 Панюко (Паняико) Малчыков (Молчогов), юкагир, 106, 1 9, 110.
 Панюча, юкагир, 109.

- Паргауль, тунгус, 148.
 Парунко (Парус) Аналиев, тунгус, 129, 130.
 Парус, см. Парунка Аналиев.
 Парфенов Андрей, служ. чел., 30, 104.
 Парфенов (Парфеньев) Яков, служ. чел., 65.
 Парфентьев Василий, пром. чел., 18.
 Парфентьев Максим, тамож. целов., 100, 108.
 Парфеньев Максим, приказчик, 55.
 Парфеньев Яков, см. Парфенов Яков.
 Патракеев Абрам, пром. чел., 159.
 Паула Уелин, юкагир, 107.
 Паутов Петр, служ. чел., 62.
 Пахорук Деметий Титов сын, пром. чел., 137, 138, 139, 141, 142.
 Пелдет, юкагир, 109.
 Пелди, юкагир, 108.
 Пеледу Калметов, юкагир, 98.
 Пенег Иван Борисов сын, служ. чел., 173.
 Пенечкин Леонтий Васильев, пром. чел., 17.
 Пенка, юкагир, 109.
 Перучька Чебукин сы, юкагир, 238.
 Перушка, якут, 149, 152.
 Перелетин Иван, мельник, 104, 105.
 Переломов Перфирий, торг. чел., 189.
 Переломов Тимофей, служ. чел., 245.
 Пермяков Андрей, казак, 128.
 Перфирей, черный поп, 30, 161.
 Перфирьев Максим, сотник, 16, 17.
 Перфирьев Степан, служ. чел., 64.
 Петелка, тунгус, 3, 8.
 Петеля Пелевина, юкагир, 147.
 Петр Алексеевич, царь, 72—75, 77, 79, 84, 86, 87, 125, 126, 128—150, 149, 194—198, 216—218, 245, 247, 248.
 Петров Андрей, чел. якутского воев. М. Лодыженского, 62.
 Петров Василий, служ. чел., 95.
 Петров Дмитрий, бронный и кузнечный мастер, 71.
 Петров Елфим, лавочный сиделец, 189.
 Петров Иван, пром. чел., 30, 189.
 Петров Пямен, пром. чел., 188.
 Петров Федор, пром. чел., 189.
 Петров Юшко, служ. чел., 21.
 Петров Яков, служ. чел., 169.
 Пезунов Иван Моисеев, тамож. целов., торг. чел., 31.
 Пивнев Федор, 241.
 Пилкича, юкагир, 238.
 Пильников Иван, сын боярский, 7, 27, 30, 32, 35, 41.
 Пиминцов Ерофей, пром. чел., 172, 173.
 Пиминцов Михаил, целов., 156.
 Пинега Евсеевич Денисов, пром. чел., 184.
 Писалов Аксен, служ. чел., 27—29.
 Платка, служ. чел., 100.
 Платонов Алексей, 193.
 Плехан Семен, подьячий, 13, 16.
 Плехот Дмитрий Тихонов сын, паш. кр., 151.
 Погобин Федор Иванов, торг. чел., 173.
 Подгача, юкагир, 109.
 Поздып Федор Михайлов, служ. чел., 93, 94.
 Полежаев Провля Григорьев, пром. чел., 189.
 Полтев Иван, мангазейский воев., 245.
 Помаскин Иван Борисов, целов., 167, 168.
 Попов Вахромей, рядовой, 104, 170, 171.
 Попов Дмитрий, казак, 119, 126.
 Попов Иван, рядовой, 104.
 Порохной, бурят, 235.
 Портняга Василий, пром. чел., 137.
 Починков Григорий, казак, 240.
 Поссехов Иван Прокопьев, пром. чел., 98.
 Потапко Кривой, юкагир, 108.
 Потапов Федор, пром. чел., 189.
 Почечукин Андрей, служ. чел., 27, 28, 31, 32, 36—39, 41, 42, 44, 45, 47.
 Поярков Василий, письменный голова, 13, 23, 26, 27, 31, 40, 46, 47.
 Преснецов Иван, пром. чел., 189.
 Прибылой Семен Иванов сын, служ. чел., 54, 173.
 Приклонский Иван Васильевич, якутский воев., 72, 73, 77, 85—87, 90, 118—124, 135, 149, 191, 213, 245.
 Прозоровский, Семен Васильевич, кн., 60.
 Прокопьев Григорий, торг. чел., 166, 167.
 Прокопьев Друганко, дес., 104.
 Прокопьев Матвей, посадский чел., 91.
 Прокопьев Семен, рядовой, 116.
 Прокопьев Тит, торг. чел., 140.
 Прокопьев Федор, торг. чел., 166.
 Прокофьев Яков, поп, 184.
 Протопопов Григорий, дяк Сибирского приказа, 6, 64, 99, 142, 156, 178, 179, 183.
 Протопопов Игнатий Васильев сын, приказчик, 181, 182.
 Прохоров Деятка, служ. чел., 219.
 Прыков Иван, сын боярский, 46.
 Пуляев Иван, служ. чел., 100, 161.
 Путко Веднтин, юкагир, 106, 109.
 Пушляк Василий Никитич, якутский воев., 11—18, 47, 48, 51, 58, 136—142, 156, 157, 161—163, 166, 167, 221—223, 226—232.
 Пущин Григорий Федоров сын, прик. чел., сын боярский, 70.
 Пущин Федор, сын боярский, 58, 59.
 Пьянов Иван, торг. чел., 189.
 Ребров Иван Иванов, пятидес., 18, 56, 158 172.
 Решнин Борис Александрович, кн., боярин, 62.
 Решнин Иван Борисович, кн., боярин, 73, 77, 84.
 Реткин Иван, пятидес., 38.
 Родионов Иван, пром. чел., 41; служ. чел., 189.
 Родюков Семен, пятидес., 5, 6.
 Романов Артемий, торг. чел., 140.
 Романов Никита Иванович, боярин, 219.
 Романов Никифор, служ. чел., 93.
 Ростовщиков Василий, якутский тамож. голова, 174, 180.
 Росторгуев Григорий Яковлев сын, торг. чел., 140.
 Рочев Тренья Иванов, пром. чел., 184.
 Ртищев Максим, енисейский воев., 103.
 Рудный Иван, сысльный черкас, 50.
 Ружников Степан, приказчик, 88, 246.
 Рыбачин Филипп Севастьянов сын, пром. чел., 110, 112, 113.
 Рыбов Иван Степанов, гулящий чел., 150.
 Рыбов Иван, служ. чел., 28, 108.
 Рыбов Илья, служ. чел., 245.
 Рязанов Лавр Дмитриев, важенник, гулящий чел., рп., 13.
 Сабаккин Степан, енисейский воев., 88.
 Сабанка Григорий, караульщик, 4.
 Сава Моисеев сын, пром. чел., 151.
 Савельев Богдан, подьячий, 222.
 Савельев Никита, пром. чел., 189.
 Савин Борис, пром. чел., 189.
 Савин Ждан, дес., 219.
 Савин Иван, лавочный сиделец, 189.
 Савин Никита, прик. чел., 116; дес., 214, 239.
 Савин Оверьян, служ. чел., 219.
 Савин Петр, дворовый чел., 166.

- Савка, посадский чел., 192.
 Савуй Очонеев, якут, 127.
 Салгый Чапчик, якут, 127.
 Сазанко, пром. чел., 4.
 Салдакай, холоп якута Тохтогойка, 209.
 Самойлов Иван, торг. чел., 102, 144, 145.
 Самойлов Фрол, пром. чел., 154, 155.
 Самойлов Яков, пром. чел., 189.
 Самсон, торг. чел., 25.
 Самсыгин Алексей, караульщик, 4.
 Санай, якутка, 206.
 Сапожников Семен Петров сын, вымитин, 151.
 Сараячин Василий, пром. чел., 20.
 Саргы Девукин, якут, 199.
 Сартак Онеков, якут, 199.
 Сатак Тековы, якут, 199.
 Сахарка Булгекеев, холоп якута Ужтачки, 216.
 Сахатина Федор, пром. чел., 189.
 Сахей, якутский князец, 21.
 Севлов Иван, казак, 101, 128.
 Сверчков Авдей Марков, 157.
 Сверчков Иван Никонов, паш. кр., 12, 151, 219.
 Светешников Надеж, торг. чел., 24.
 Себе Даванов сын, якут, 151.
 Севастьянов Филии, охочий служ. чел., 64.
 Северов Иван Васильев, торг. чел., 180, 181.
 Сегерко Тананов, якут, 209.
 Седой Петр, 54.
 Секлига Антеулев, туз., 115.
 Селбук, якут, 21.
 Селбук Тюмюк Немуро, туз., 209.
 Селиверстов Юрий, служ. чел., 56, 101, 110, 143, 168.
 Селиверстов Юрий, тамок. целов. 1, 2, 31, 33, 219.
 Селиных Федор, пром. чел., 189.
 Сельбуй Еюков, якут, 199.
 Сельбуй Камосов, якут, 199.
 Семейка, черкашенин, 224.
 Семенов Алексей, пром. чел., 184.
 Семенов Аянсим, торг. чел., 89, 90.
 Семенов Вливар, служ. чел., 65.
 Семенов Иван, служ. чел., 169, 173.
 Семенов Иван, целов., 28, 31, 35.
 Семенов Игнат, работник, 179.
 Семенов Макушка, гулящий чел., колодник, 156, 157.
 Семенов Ник служ. чел., 100, 102, 143, 144, 241.
 Семенов Осип, дес., 161.
 Семенов Осня, служ. чел., 28, 201.
 Семенов Федор, пром. чел., 189.
 Семенов Федор, работник, 179.
 Семенов Фома, пром. чел., 193.
 Семенов Фрол, пром. чел., 155.
 Семенов Яким, паш. кр., 194.
 Семеновых Тимофей Исаков, пром. чел., 189.
 Семенов, архиепископ спбский и тобольский, 184.
 Семюн, черный поп, 24, 32, 38, 153.
 Сергеев Алексей, пром. чел., 189.
 Сергун, якутский князец, 21—23, 30.
 Сергуй Батуев сын, якут, 206.
 Сергуй Лытнев, якут, 200.
 Сергуй Тетнуев, якут, 70.
 Сергучев Иван, казак, 91.
 Серебрянников Иван Борисов, казак, 126.
 Серебрянников Григорий, торг. чел., 189.
 Сертека Баркигин, холоп якутского князца Немьяка, 198.
 Сетей, якут, 198.
 Сетей Аткушенев, якут, 199.
 Сетей Немьяков, якут, 197.
 Сидоров Алексей, лавочный сиделец, 185, 186.
 Сидоров Бессон, дес., 2, 3, 163.
 Сидоров Кузьма, служ. чел., 24.
 Сидоров Трофим, толмач, 18.
 Сидоров Трофим, служ. чел., 228.
 Сидоров Харька, пром. чел., 93.
 Силля Иван, казак, 115.
 Силнегес Колмоев сын, якут, 209.
 Симанов Яким, целов., 182.
 Симонов Павел, дьяк, 86.
 Синицын Михаил, подьячий, 43.
 Синицын Михаил, торг. чел., 184, 185.
 Сиряня, якут, 214, 215.
 Ситей, якут, 122.
 Ситник Гаврил Дмитриев, пром. чел., 189.
 Скобельский Василий, тамок. подьячий, 166.
 Скоблевский Василий Степанов сын, подьячий, приказчик, 26, 58, 177—179, 182, 183.
 Скороходов (Скороход) Семен, казак, 17, 49.
 Скороходов Семен, десятник, 224, 229, 232, 235, 236.
 Скребыкин, см. Скребыкин.
 Скребыкин Павел, толмач, 113.
 Скребыкин (Скребыкин) Данил, служ. 48, 49, 173, 236.
 Скуняк Тимиреев, холоп якута Нюмья, 125.
 Смирягин Третьяк, приказчик, 129, 130.
 Соба, холоп якута Бока, 109.
 Собок, якут, 207.
 Соболев Клим, служ. чел., 58.
 Содок, бурят, 2, 5.
 Соколов Иван Исаков сын, пром. чел., 155.
 Сокоумов, см. Сорокоумов.
 Сокуй, тунгусский князец, 93.
 Сомогочко Толконов, якут, 121.
 Сопяка Кильбанов, юкагир, 98.
 Сорокин Антип, служ. чел., 51.
 Сорокин Иван, служ. чел., 53—55.
 Сорокин Михаил, казак, 172.
 Сорокин Михаил, служ. чел., 220, 221, 225—227.
 Сорокоумов (Сокоумов) Богдан Ортемыев, служ. чел., 150, 205.
 Сорокоумов Семен, дес., 240.
 Сорочанко, тунгус, 243.
 Сосновский Матвей, ссыльный, 164.
 Сосновский Матвей, сын боярский, 59, 147—149.
 Софронеев Иван, казак, 128.
 Софья, ясирка, 193.
 Софья Алексеевна, царевна, 129, 130, 196, 197, 198, 216—218, 247, 248.
 Спиридон, дьякон, 30—32, 38, 162.
 Спиридон, рыбак, 208.
 Спиридонов Тит, служ. чел., 207.
 Срыгин Матвей, сын боярский, 70.
 Стадухин Михаил, сборщик ясака, 37, 109.
 Стадухин Райко Геронтьев, пром. чел., 184.
 Стадухин Тарас Васильев, пром. чел., 184.
 Стевлян Петр Григорьевич, дьяк, 11, 13—18, 47, 48, 51, 136—139, 142, 156, 161—163, 221—223, 229, 232, 233.
 Степанов Григорий, пром. чел., 188.
 Степанов Дунарк, служ. чел., 91.
 Степанов Емельян, паш. кр., 105.
 Степанов Иван, пром. торг. чел., 30, 106, 189.
 Степанов Карп, ссыльный, 156.
 Степанов Киприл, пром. чел., 193.
 Степанов Михаил, дворовый чел., 195.
 Степанов Онуфрий, служ. чел., 136.
 Степанов Осип, дьяк, 51, 53, 54, 98, 165, 167, 168.

- Степанов Павел, служ. чел., 101.
 Степанов Семен, казак, 126.
 Степанов Сергей, пром. чел., 20.
 Степанов Федор, толмач, 236.
 Стофан, поп., 1, 2, 167.
 Стефанов Константин, служ. чел., 24.
 Стефанов Константин, сын боярский, 64.
 Стефанов Онуфрий, служ. чел., 219.
 Стрекаловский Семен, торг. чел., 22.
 Стрелани Прокопий, целов., 182.
 Стрельников Никита, казак, 124.
 Строгоновы, именитые люди, 190.
 Суздавец Кузьма, служ. чел., 53, 55.
 Сумкин Иван, целов., 13.
 Супонев Данил, помещик Костромского у., 157.
 Супонев Кирил Осипович, якутский воев., 11, 13—18, 47, 48, 51, 1:6—1:9, 142, 156, 157, 161—163, 221—223, 226—229, 232, 233.
 Сургутской Иван, казак, 128.
 Суслик Степан, чел. якутского воев. М. Лодыженского, 62.
 Сутуй, холоп якута Орла, 210.
 Сухарев Василий, казак, 193.
 Сыдыбал Ергусеев, якут, 216.
 Сыкра, якут, 195.
 Сылыгза Вадпарьев сын, холоп якутки Ку-чюки, 211.
 Сыдырыстыка, холоп якута Уктачки, 216.
 Сырган Котетов, якут, 199.
 Сырцов Корнил, гулящий чел., 156.
 Сюржак, якут, 200.
 Сыртека, якут, 197.
 Сятага, тунгус, 53.
 Табаков Иван, служ. чел., 28, 29, 31, 41.
 Табейка, князец, 112, 113.
 Табурия Трофим, торг. чел., 55.
 Табурики Григорий, служ. чел., 97.
 Табыла, туз., 115.
 Табыча, юкагир, 109.
 Тавиканко Челолкин, тунгус, 243.
 Таволга Уелдин, юкагир, 106.
 Табыча, юкагир, шаман, 108.
 Тайшин Федор, тамож. и заставный голо-ва, 149.
 Тактотайко Оголмюров, якут, 214.
 Талинка Ойтов, сытник, юкагир, 98.
 Талик Онучин, юкагир, 107.
 Тарасов Матвей, пром. чел., 189.
 Тарега, тунгус, 242, 243.
 Таркай Багнев, якут, шаман, 218.
 Тарков Савва, дьяк Сибирского приказа, 71, 190.
 Тасын Молтония, якут, шаман, 198.
 Татарин Григорий, см. Тогтрин.
 Татьяна, ясырка, 193.
 Ташлыкков Имен Федоров, кр., 180, 181.
 Тварогов Иван, торг. чел., 56.
 Теберен Казак, якут, 128.
 Тебие Мелгнев, якут, 199.
 Тебичко Селбуков, якут, 120.
 Тебиней, егун, якут, 191.
 Тебня Чокчогорев, якут, 200.
 Тевильгу Огюш, якут, 199.
 Тевнее Вычигин, якут, 127.
 Теденек Бакчигиров, якут, 127.
 Текали Котетов, якут, 191.
 Теко Илтика-ов, якут, шаман, 199, 200.
 Телубагачко, тунгус, 247.
 Теленок Втор, охотнич. чел., 48.
 Телишин Максим, служ. чел., 18—20.
 Тельный Иван, служ. чел., толмач, 21, 27, 28, 30, 36—39, 41, 42, 44, 45, 47.
 Темерей Бычкани, якут, 114.
 Темлста Нерпин, юкагир, 116.
 Тенны Чокчогорев, якут, 200.
 Тенку Сымин, якут, 200.
 Тенька Вадпарьев, холоп якута Дергина, 211.
 Тере Омукоев, якут, 128.
 Терек Кычаков, якут, 127.
 Тереней Витюнюков, якут, 125.
 Теренек Екуев, якут, 128.
 Терентьев Андрей, рядовой, 104.
 Терентьев Игнат, пром. чел., 189.
 Терентьев Матвей, чел. казачьего атамана О. Галкина, 24, 28.
 Терентьев Оксен, служ. чел., 173, 186, 187, 188.
 Тертюк Тюляков, якут, 199.
 Тетко Кирикеев, якутский князец, 212.
 Тетку Лытнев, якут, 200.
 Теткуй, якут, 171.
 Тики Булгудаков, якут, 199.
 Тимирейка Батырев, тунгусский князец, 208, 209.
 Тимка (Тимкуй) Угронролакнев, юкагир, 109.
 Тимка Чагиев, юкагир, 107.
 Тимко Ейвы, юкагир, шаман, 106.
 Тимкуй, юкагирский князец, 64.
 Тимофеев Артемий, кр., 182.
 Тимофеев Важен, плотник, 184.
 Тимофеев Василий, служ. чел., 92.
 Тимофеев Елизар, 24.
 Тимофеев Иван, рядовой, 116; пром. чел., 184.
 Тимофеев Петр, пром. чел., 189.
 Тимофеев Федор, гулящий чел., 156.
 Тимушко Гуляканов сын, якутский князец, 211.
 Тимюк, юкагир, 67.
 Титов Григорий, служ. чел., 28.
 Титов Дмитрий, пром. чел., 191.
 Титов Онукин, подьячий, 167, 168, 180.
 Титов Панфил, пром. чел., 184.
 Тогаай, бурятский князец, 225, 227, 229, 230.
 Тогонто Одреев, якут, 199.
 Токунай Выркинин, якут, 199.
 Толбузин Лармон, служ. чел., 66.
 Толк Торочев сын, якут, 206.
 Толстой Михаил, верхотурский воев., 72.
 Толстоухов Лев, торг. чел., 26, 29, 47.
 Толуйка Отконов, якут, 127.
 Толукай, якут, 201.
 Толукай Качиков, якут, 127.
 Томбокой, туз., 209.
 Томенни Григорий, служ. чел., 54.
 Томтаса (Томтона), беглая якутка, 122, 124.
 Тонай, бурятский князец, 234.
 Тонак Кырыжиев, якут, 127.
 Тонков, см. Тонково.
 Тонково (Тонков) Федор Васильевич, дьяк, 62—65, 99, 101, 143, 170—172, 175—183, 185—187, 208, 209.
 Тонкол, холоп якута Обочки, 215.
 Топорко, юкагир, 238.
 Топбос Одуреес, якут, 128.
 Торев Суларчиков, якут, 199.
 Торек Салбакинов, якут, 127.
 Тори Отгуев сын, якут, 207.
 Торо Отконов, якут, 128.
 Торонек Бакчигиров, якут, 127.
 Торочавко Чажигин, юкагир, 147.
 Торым, бурятский князец, 225, 230, 236.
 Тосем Сымин, якут, 200.
 Тосен Тунеев, якут, 199.
 Тосень Ноктов, якут, 126.

Тотария (Тотарианов) Григорий Иванов, служ. чел., прик. тел., 14, 15, 98—100, 104, 107—112, 228.
 Тотарин Яков, как, 242.
 Тотаринов, см. Тотарин.
 Тохтогойко Камуев сын, якут, 209.
 Тохтоготой Сартаев, якут, 127.
 Трек Акыйянов, якут, 127.
 Трек (Тречка) Дехиев сын, якут, 203, 204.
 Трека, князец, 10.
 Трека Барчигиров, якут, 202.
 Трека Чачоев сын, якут, 203.
 Тренька, якутский князец, 23.
 Третьяк, зырян, 56, 57.
 Третьяк Лисица, юкагир, аманат, 70.
 Трифанов Василий, казак, 239.
 Трифионов Лев (Леонтий) сын боярский, 117, 194, 197, 198, 214, 239, 240, 248.
 Тропа Тимофей Титов, служ. чел., 30.
 Трофимов Василий, служ. чел., 3, 5.
 Трофимов Иван, торг. чел., 140.
 Трофимов Лука, пром. чел., 189.
 Трофимов Осия, казак, 241.
 Трофимов Сидор, пром. чел., 188.
 Трубецкой Алексе : Никитич, кн., боярин, 64.
 Трубников Дружина Фомич, тамож. голова, 1, 2, 219.
 Тугарча Быркинин, якут, 199.
 Туега Ягнарнабин сын, юкагир, 116.
 Тунгур, якут, 201.
 Тунуй, аманат, 209.
 Тунуй Сергutow сын, якут, 205, 206.
 Турачко Натакин (Катакин), туз., 123.
 Туркин Кузьма Сидоров, толмач, 24, 28.
 Турсук Максим, пром. чел., 193.
 Турунтаев Елисей, тамож. голова, 167.
 Турчек Бачюков, якут, 196.
 Тууна, тунгус, 54.
 Тыааыл-Окулина, якутка, 162.
 Тыбык Кумасев, якут, 200.
 Тукпос, якут, 152.
 Толлук Иногородий, он же Увай Тугураев, якут, 127.
 Тюлсмель, якут, 206.
 Тюляк, см. Утюляк.
 Тюмекан Селбуев, якут, 127.
 Тюммель Чемоков, якут, 199.
 Тюнкигур (Тункигур), якут, 201.
 Тюрепей Кологуев, якут, 201.
 Тюрин Иван Никитин, торг. чел., 180, 181.
 Тюрин Илюкин, он же Дуреев, якут, 127.
 Тюсений Кабаков, якут, 128.
 Тюсений Октов, якут, 126.
 Тюсенько Чемчин, якутский князец, 212.
 Тюсень Оячюков сын, якут, 211.
 Тюсюк Вычкинов, якут, 127.
 Тюсюк Сабоков, якут, 207, 208.
 Тюсюн Кабаков, якут, 128.
 Тюсюн Тогураев, якут, 199.
 Тютин Никита Роднонов сын, дес., 149, 241, 242; пятидес., 218.
 Убанка, якут, 197.
 Увай Тугураев, см. Тюлук Иногородий.
 Уваров Иван, толмач, 188, 242.
 Угруней, см. Аргуней.
 Угуй, якут, 197.
 Угулюрь, якут, 214.
 Угуя Гусынин, якут, 199.
 Удия Михаил, городской толмач, 120, 247.
 Удуга, тунгус, 54.
 Удугуй Капчинов, якут, 126.

Удунча Агаев, якут, 127.
 Удучка, тунгус, 247.
 Уктачка Оноков, якут, 216.
 Уледников (Уледиников) Клим, казак, 114, 115.
 Улестей Осотосов, якут, 198.
 Ульяна, новокрещеная, 164.
 Ульянов Тимофей, служ. чел., 169.
 Ульята Кавулов, юкагир, 107.
 Унка Тапокин сын, юкагир, 2: 8.
 Ураско Иван Никитин, служ. чел., 95.
 Уртега Доргодонов сын, бурят, 235.
 Ус Алексей, служ. чел., 21.
 Ус Федот, служ. чел., 207, 208.
 Усачов Первой, тамож. голова, 166.
 Усачов Петр, тамож. голова, 46.
 Устьянец Охряпок, служ. чел., 2.
 Утюлак (Тюляк) Чапин сын, якут, 154.
 Ушаков Алексей, торг. чел. гостинои сотни, 88, 89, 246.
 Ушаков Иван, торг. чел. гостинои сотни, 88, 89, 249.
 Ушинтский Кузьма, 128.
 Ушинтский Михаил, подьячий, 126, 130, 147.
 Федор, повар, 32.
 Федор, толмач, 230.
 Федор Алексеевич, царевич, 67, 68, 111, 112, 211, 212; царь 68—71, 114—122, 124, 125, 149, 150, 190, 191, 193, 213—215, 238—245, 247.
 Федор Вахрамеев, работник, 179.
 Федор Дементьев сын, торг. чел., 140.
 Федор Иванович, царь, 40.
 Федоров Григорий, служ. чел., 3.
 Федоров Иван, служ. чел., болховитин, 34, 101.
 Федоров Иван, казак, 242.
 Федоров Левка, плотник, 44.
 Федоров Марк, пром. чел., 184.
 Федоров Моисей, чел. гостя Босого, 180, 181.
 Федоров Никита, пром. чел., 188.
 Федоров Никита, казак, 247.
 Федоров Никита, площадной подьячий, 216.
 Федоров Осия, служ. чел., 30.
 Федоров Пантелей, площадной подьячий, 155.
 Федоров Панфил, казак, 14.
 Федоров Спиридон, служ. чел., 39.
 Федоров Степан, пром. чел., 188.
 Федоров Трофим, служ. чел., 232.
 Федоров Федор, подьячий, 222.
 Федоров Яков, пром. чел., 181.
 Федосей, старец, 193.
 Федотов Герасим, пром. чел., 115, 189; казак, 246.
 Федотов Нестер, пром. чел., 189.
 Фекла, асырка, 193.
 Феоктистов Иван, казак, 114—115.
 Филатов Евфимий Варфоломеевич, дяк, 2—10, 12, 18, 23, 27, 29, 30, 52, 36, 43, 44, 46, 47, 95, 151, 152, 154.
 Филатов Нефед, служ. чел., 30.
 Филатов Оксен, служ. чел., 169.
 Филатов Семен, пром. чел., 185, 186.
 Филатев Остафий, гость, 189.
 Филин Тимофеев сын, торг. чел., 140.
 Филипов Владимир, служ. чел., 188.
 Филипов Елфим, дес., 219.
 Фитев Оксен, охотный служ. чел., 163.
 Фомин Иван, пром. чел., казак, 118, 193.
 Фомин Родион, рп., 167.
 Фомин Семен, покрученик, 169.
 Фоменин Семен, служ. чел., 101.
 Францбеков Дмитрий Андреевич, якутский воен., 51, 53, 58, 98, 165, 167—169.

Фрол Самойлов сын, пром. чел., 155.
Фролов Алексей, служ. чел., 21.
Фролов Антип, казенный кузнец, 6, 22, 28.
Фролов Гаврил, служ. чел., 146, 246.
Фролов Левка, служ. чел., 101.

Хабаров Василий Иванович, пром. чел., 189.
Хабаров Брофей Павлов, торг. чел., 53, 151.
Халдеев Алексей, подъячий, асачный сборщик, 126—128.
Хам, бурят, 227.
Харитина, жена промышленника, 193.
Харламов Богдан, служ. чел., 64.
Харламов Филат, пром. чел., 189.
Хворой Иван, служ. чел., 112.
Хвостов Иван, сын боярский, 69.
Хлепетин Иван, казак, 89.
Хлыгин Лука, приказчик, 60.
Хмелинин Афанасий, казак, 122.
Ходутин Максим, торг. чел., 60.
Ходутин Федор Афанасьев сын, торг. чел., 140.
Ходырев Парфен, сын боярский, 1, 2, 10, 24, 28, 31, 44, 78, 92, 93.
Хозов Петр, торг. чел., 59, 115, 189.
Холкин Михаил, 62.
Хортица Ваатур, тунгусский князец, 17.
Хренов Данил, казак, 193.
Худербин Григорий, целов., 13.

Цынга Иван, пром. чел., 184.
Цыпадин Герасим, пятидес., 57, 58, 70, 91, 105, 109.

Чабда Сабукон, якут, 198.
Чаевский Василий, чел. якутского воев. М. Лодыженского, 62.
Чаевский Дмитрий, чел. якутского воев. М. Лодыженского, 62.
Чаклака (Чакия, Чаля) Апанни (Апакин) брат, юкагир, 186, 187.
Чакор, см. Чокор.
Чалдачко Дардыев, якут, 125.
Чалкич, тунгусский князец, 2.
Чандруга Дакланиев, ламут, 147.
Чанжега, тунгус, 117.
Чалтан Язикин брат, юкагир, 108.
Чарашуя, тунгус, 54.
Чарков Степан, служ. чел., 149.
Чарошник Анкидин, пром. чел., 190.
Чача, см. Чеча.
Чалпа, юкагир, 214.
Чебука, юкагир, 114.
Чевдок Куржумов (Коржунов) сын, бурят, аманат, 223, 229, 236.
Чегунай Изнев (Изюлов, Изелов, Изюлов), якутский князец, 113, 114, 212.
Ченен Очтеков, якут, 211.
Чека (Чока) Калымин, юкагирский князец, 98, 99.
Чекодей, бурятский князец, 225, 226.
Чекор, см. Чокор.
Чекол, якут, 198.
Чела, якут, 198.
Челчюкай, якут, 201.
Чемой, юкагир, 114.
Чена, якут, 202.
Ченога, юкагир, 213.
Чердынец Кирилл, пром. чел., 146.
Черевковец Филипп, 36.
Черепан Терентий, тамож. целов., 68.
Черкасский Яков Куденетович, кн., 180.
Черкашанин Семен, служ. чел., 3.

Черма Аливин, юкагирский князец, 99.
Чермной Тренка Назаров сын, торг. чел., 140.
Черной Иван, охотчий чел., 48.
Черокой, якут, 162.
Чеча (Чача) Ландин сын, юкагир, 185, 186.
Чыбыки Сумнаков, якут, 199.
Чивили Индерков, юкагир, 98.
Чигинайко Тобыяков, якут, 204.
Чигунай Изелов (Изюлов), см. Чегунай.
Чилчимляно, тунгус, 243.
Чимчин Отков, якут, 163.
Чистяков Дружина, служ. чел., 20, 95—97.
Читальница Алексей Федосиев, дес., 4, 37.
Чичюка Отобалчиев, якут, 127.
Чоглой, туз., 236.
Чока, якут, 202.
Чока, см. Чека.
Чоко Андреев, якут, 121.
Чокор, см. Чокор.
Чоку Даванин, якут, 199.
Чоку Кулишев, якут, 127.
Чокур (Чокор, Чекор, Чакур), бурят, 229, 230, 235—237.
Чолдыга, тунгус, 117.
Чомок Паргуев, якут, 199.
Чоноя, якут, 199.
Чордгон, бурятский князец, 235.
Чоюк Быркинин, якут, 199.
Чураков Илья, пром. чел., 189.
Чюбага, тунгус, 104, 105.
Чютели Месеев, якут, 199.
Чюгуя (Чугунко) Бодаев, якутский зец, 135, 207.
Чюдар Накыев, холоп якута Девуня, 210.
Чюка Калчинов, якутский князец, 126.
Чюкля Мыннчев, юкагир, 98.
Чюмалда, тунгус, 3.
Чюнакат Числов, якутский князец, 135.
Чуралов Иван, служ. чел., 228.
Чюрка, казак, 153.
Чюфарист Семен Тимофеев, дес., 10, 28, 93, 94, 104.
Чюхчеров Семен, дес., 93.
Чюхчерин Семен Васильев сын, служ. чел., 210.
Чючтурко Анжеев, якут, 206.
Чючко Тугулимов, юкагир, 55.

Шабакон Михаил, охотчий чел., 48, 219.
Шабла, туз., 112.
Шадра Иван Гаврилов, пром. чел., 184.
Шадра Михаил, охотчий чел., 48, 49.
Шайдур Федор, служ. чел., 57.
Шалин Епифаний, охотчий чел., 48.
Шалконов, см. Шелканов.
Шалоп Олуня, юкагир, 107.
Шамзулко, тунгус, 242, 244.
Шанга (Шанта) Левка, служ. чел., 57, 58.
Шанга Синезубов, юкагир, 70.
Шандай, юкагир, 116.
Шанта, см. Шанга.
Шаршавин, см. Шершавин.
Шахов Воин, сын боярский, 22.
Шелесов Борис Григорьев, пром. чел., 184.
Шелканов (Шалконов) Ларион, посадский чел., 91.
Шелковник Иван, казак, 114, 115.
Шелковник (Шолковник, Шелковников) Семен, целов., 4, 33, 34, 43.
Шелковник (Шолковник) Яков, служ. 108, 115—117.
Шелкопников, см. Шелковник.
Шелнашка, ламут, 213.

Шеловник (Шолоник) Алексей Никитин, пром. чел., 20, 158—161, 173.
 Шелыга, ламут, 213.
 Шелыга Шаманов, юкагир, 468.
 Шелыги Тапокин сын, юкагир, 238.
 Шербак, юкагир, 116.
 Шербаков Филип, дес., 120.
 Шергин Василий, торг. чел., 189.
 Шергин Григорий, пром. чел., 189.
 Шергин Федор, пром. чел., 189.
 Шерин, см. Шорин.
 Шершавин (Шаршавин) Осип Иванов, мезенец, 12, 13.
 Шершавин (Шаршавин) Савин Иванов, мезенец, 12, 13.
 Шестак, см. Шестой.
 Шестой (Шестак) Онофреев сын, гулящий чел., 152, 153.
 Шикеев Захар, сын боярский, 120, 121, 124.
 Ширкунца, тунгусский князец, 93.
 Широков (Широкой, Широкой) Иван Андреев, приказчик, толмач, 25, 169, 170.
 Широга Рымакин сын, тунгус, аманат, 19.
 Шолковник, см. Шелковник.
 Шоловик, см. Шеловник.
 Шорин Василий, гость, 169, 170, 185.
 Шорин (Шерин) Григорий, торг. чел., 186.
 Шпилюкин Василий, подьячий, 222.
 Шубин Анкудин, приказчик, 26, 29.
 Шубин Василий, казак, 14.
 Шугожун, бурат, 236.
 Шульга Федор Логинов, пром. чел., 189.
 Шумилов Ларион, казак, 21, 94.
 Широкой, см. Широков.

Шепеткин Иван, наемщик, 191.
 Шербак Калгинов, юкагир, 98.
 Шербак Нельзин, юкагир, 98.
 Шербаков Осия, служ. чел., 245.
 Шербаков Степан Андреев сын, казак, 147, 148.
 Шербаков Филип, пятидес., 91.
 Шербаков Филип, казак, 243—245.
 Шербатов Константин Осипович, кн., енисейский воев., 73, 88.
 Шербачко Волотолганов, юкагир, 68.
 Шетинин Тимофей, пром. чел., 189.
 Шукан Василий, целов., 136, 140.
 Шукан Ивак, служ. чел., 56, 57.
 Шукан Петр, пром. чел., 185.

Эгиней, якут, 200.
 Эгиней Ортюнеев, якут, 127.
 Эгинец Селбуев, якут, 199.

Эку, якут, 200.
 Эменника, якутка, 199.
 Эркака, якут, 199.
 Эркуча Живынов, якут, 199.
 Эрсюнка Одуреев, якут, 123.
 Эрчик Едеев, якут, 199.
 Эрюкаво (Орюканко) Секуов, якут, 87, 88, 187.
 Этенни (Тюсюк), он же Ондек Татуров, якут, 127.
 Эчиней Барчигиров, якут, 211.
 Эчинейко Тимиреев, якут, 123.

Юдин Киприан, казак, 121.
 Юкак Иван Павлов, служ. чел., 36.
 Юку Суптуев, якут, 127.
 Юку Туляков, он же Булбудаков, якут, 127.
 Юнога, тунгусский князец, 224.
 Юрга Гадаров сын, якут, 150, 203, 205.
 Юргин, якутский князец, 60.
 Юрьев Григорий, торг. чел. 169, 170.
 Юрьев Иван, казак, 246.
 Юрьев Иван, служ. чел., 228, 229.
 Юрьев Юрий подьячий, 22, 25, 28, 34, 40.

Ябудак Себулдеев, якут, шаман, 121.
 Язига, юкагир, 108.
 Язика, юкагир, 108.
 Якимов Первой, пром. чел., 184.
 Яков, кузнец, 58.
 Яковлев Алексей, служ. чел., 219, 220.
 Яковлев Василий, поп, 154.
 Яковлев Кирилл, енисейский воев., 71.
 Яковлев Панфил, паш. кр., 234.
 Яковлев Федор, пятидес., 147, 148, 213.
 Яковлев Федор, паш. кр. 172.
 Якон Качин, тунгусский князец, 17.
 Якоулко, якут, 45.
 Якчанга, юкагир, 116.
 Якшин Тимофей, чел. Е. П. Хабарова, 33.
 Яличка, тунгус, 247.
 Ялыча Кривой, юкагир, 109.
 Янчиков Стефан, дыак, 113.
 Япанчинец Артемий, целов., 18.
 Ярославцев Тимофей, служ. чел., 30.
 Ярофеев Кирилл, казак, 128.
 Ярофеев Михаил, торг. чел. гостинной сотни, 43.
 Ярыгин Ерофей, пром. чел., 173.
 Ярыгин Матвей, сотник, 59, 62, 64.
 Ярыгин Матвей, прик. чел., 215.
 Ярышкин Петр, сын боярский, 70, 120, 134, 135, 244.
 Ячменев Иван Савин, служ. чел., 64.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ¹.

Алазейка (Олазейка) р., 69, 100, 105, 106, 114, 146, 184, 196.
 Алазейское зпм., см. Зимовья.
 Алазая (Олазел) р., 56, 57, 109, 149, 239, 246.
 Алас р., 124.
 Албаанский остр., 246.
 Алдан р., 58, 75, 81, 88, 93, 94, 100, 118, 153, 198, 199, 219, 247.
 Ама р., 1, 22, 60, 61, 130, 196—201, 205, 217, 218.

Амур р., 65, 148. См. также Лама р.
 Авабара (Анабар, Авабора) р., 19, 54, 55, 120, 121.
 Анадырский (Онадырский) остр., 193.
 Анадырь р., 66, 100—102, 110, 143, 145, 146.
 Ангара р., 194, 224—227, 229, 236.
 Ангара Верхняя р., 17.
 Анюя р., 110, 112, 113.
 Аняйский хребет, 112.
 Атамайская (Атаманская) вол., см. Волости.

¹ Принятые сокращения: вол. — волость; гор. — город; дер. — деревня; — зимо-; оз. — озеро; остр. — острог, острожек; р. — река; с. — село; у. — уезд.

Багаантайская вол., см. Волости.
 Байкал оз., 17, 222, 224, 225, 227.
 Баргазина р., см. Баргузин р.
 Баргузин (Баргазина р.), 17.
 Батомское зим., см. Зимовья.
 Батулинская вол., см. Волости.
 Батуруская вол., см. Волости.
 Багантайская вол., см. Волости.
 Березов гор., 180.
 Березовый Яр, 51.
 Бетунская вол., см. Волости.
 Бетунской улус, 154.
 Бирилюка р., 88.
 Бирильская вол., см. Волости.
 Блудная р., 186, 190.
 Бордонская вол., см. Волости.
 Борисов гор., 191.
 Бороговская вол., см. Волости.
 Боты реки, 230, 234, 237.
 Боягантайская вол., см. Волости.
 Бояназевская вол., см. Волости.
 Братская (Брацкая) земля, 222.
 Братский (Брацкий) остр., 15, 17, 18, 48—50, 219, 221—226, 228, 230, 232, 233, 236.
 Братский (Брацкий) Верхолениский остр., см. Верхолениский Братский остр.
 Браты, 225.
 Бутальское зим., см. Зимовья.

Важенский у., см. Важский у.
 Важский (Важенский, Важеский) у., 12, 144.
 Верхнее Виллюйское (Верхневиллюйское) зим., см. Зимовья.
 Верхнее Кодымское (Ковымское) зим., см. Зимовья.
 Верхнее, на р. Мае, зим., см. Зимовья.
 Верхнее, на р. Янге, зим., см. Зимовья.
 Верхнее Янское зим., см. Зимовья.
 Верхний Аюй, 109.
 Верхний конец (в Якутском посаде), 119.
 Верхний порог, на р. Илиме, 233.
 Верховиллюйское зим., см. Зимовья.
 Верхолениский остр., 11, 15, 17, 18, 49—52, 76, 77, 88, 137, 157, 174, 194, 219—226, 229—232, 234, 236—238.
 Верхолениский Братский остр., 51, 103, 227, 228, 234—238.
 Верхотурский волок, 103.
 Верхотурье, 72, 103.
 Верхоянское (Верхнее Янское) зим., см. Зимовья.
 Виллюй р., 25, 45, 61, 75, 100, 122, 119, 130, 151, 193, 209, 213, 215—217.
 Виллюйское Верхнее зим., см. Зимовья.
 Виллюйское Среднее (Середино) зим., см. Зимовья.
 Витим р., 13, 17, 80.
 Вольголецкий у., 12.
 Волости:

Атаманская (Атаманская), 113, 128, 129, 163, 212, 213, 217.
 Батулинская, 87, 127, 187, 198, 200, 202.
 Батуруская, 150, 150, 187, 195, 197, 198, 200, 202, 203, 205, 207.
 Батыльская, 206.
 Багантайская (Боягантайская, Багаантайская), 126, 137, 150, 198.
 Бетунская, 23, 113, 121, 128, 129, 202, 203, 205, 206, 210—212.
 Бирильская, 89, 194.
 Бордонская, 23.
 Бороговская, 21, 126—128, 135, 192, 196, 215.
 Бояназевская, 113, 128, 129.

Дибгенская, 208.
 Дубчинская, 126, 127, 192.
 Жиганская, 59.
 Идигейская (Бидигейская), 130, 198.
 Илгинская (Бильгинская), 89.
 Кангалаская, 122, 135, 207, 211, 216, 247.
 Катылинская, 150.
 Катырицкая, 112, 128, 129.
 Кокуская, 127.
 Криволутская, 91.
 Ладавинская, 3.
 Лучинская, 216.
 Магаская, 150, 198.
 Малягарская (Малягарская), 70, 171, 217.
 Мегинская, 19, 113, 135, 204, 205, 207—210, 212—215.
 Мешпкая, 70.
 Модуцкая, 114, 128, 129, 129.
 Налягцкая, 2, 3.
 Намская, 21, 24, 113, 128, 129, 135, 170, 204, 206, 207, 209, 212, 217, 218.
 Нюрютейская, 213, 216.
 Одейская, 21, 22, 24, 113, 128—130, 198, 204, 205, 206, 209.
 Одугейская, 113, 128, 129, 204.
 Олеская, 128, 129.
 Орленская, 89.
 Ситцкие (Сидцкие) волости, 21, 22.
 Скороульская, 150, 197, 198, 200.
 Собонинская, 128, 129.
 Сыланская (Сыланская), 69, 130, 196, 198.
 Тагильская, 154.
 Тагульская (Тагуская), 128, 129, 153, 208.
 Тутурская, 89.
 Успенская (Успетцкая), 126—128, 192, 201.
 Чачуйская (Чачуйская), 113, 128, 129, 214.
 Чиритейская (Чирипчейская), 126—128, 192, 206.
 Чумецкая, 126, 212.
 Якутская, 69.
 Ярканская, 214.
 Ясальская, 125.

Городище, 145.

Даурская земля, 171.
 Даурские (Доурские) остроги, 123, 124, 135.
 Дауры, 59, 72, 173.
 Доурские, см. Даурские остроги.
 Дубчинская вол., см. Волости.

Еловой остров, 124.
 Еловь р., 168.
 Емокон р., 88.
 Енисей р., 98, 121, 224—227.
 Енисейск (Енясейский остр.), 11, 12, 14—17, 26, 33, 34, 41, 51, 64, 71—73, 76, 78, 80, 88, 89, 91, 103, 140, 142—144, 156—158, 165, 167, 175—178, 180—182, 192, 195, 210, 219, 221, 222, 224, 225, 233.
 Енисейский остр., см. Енисейск.
 Енисейский у., 73.
 Есей оз., см. Есей ба.
 Есейское зим., см. Зимовья.
 Еюков луг., 52.

Жиганское зим., см. Зимовья.
 Жиганы (Жыганы), см. Жиганское зим.

Зашиверский остр., 67—69, 117, 147, 213, 214, 239—241.

Зимовья:
 Алазейское, 149, 239.
 Батомское, 91.

Бутальское, 100, 118.
Верхнее, на р. Мае, 192. (См. еще Майское).
Верхнее, на р. Янге, 57.
Верхоянское (Верхнее Янское), 100, 125, 218.
Виллюйское Верхнее (Верхневиллюйское, Верховиллюйское), 58, 91, 129, 130, 149, 191, 193, 214, 247.
Виллюйское Среднее (Середню), 58, 91, 120—122, 192, 208, 213, 216, 217.
Бейское, 245.
Жиганское (Жиганы, Жыганы), 20, 25, 31, 58, 61, 69, 91, 100, 115, 116, 120—122, 124, 143, 145, 174, 179, 192, 194, 195, 215, 216.
Заборцово, 109.
Зашиверское, 146.
Индигирское, 100.
Колымское (Ковымское), 87, 113.
Колымское (Ковымское) Верхнее, 69, 70, 108, 109, 117, 147, 240, 241.
Колымское (Ковымское) Среднее, 69, 98, 107—109, 111, 241.
Колымское (Ковымское) Нижнее, 56, 69, 107—111, 169, 193, 241.
Курейное, 104, 105.
Лалыгирское Учюрское, 247.
Майское, 58, 91, 115, 248. (См. еще Верхнее, на р. Мае).
Олекминское, 58.
Оленское, 58, 91, 122, 159, 194, 195.
Подшиверское (Подшиверное), 146, 147.
Подшиверское Среднее, 239.
Столбовское, 58.
Тобольское, 100.
Тонторское, 118, 246.
Тугурское (Тугурское), 147, 148.
Туруханское, 104.
Тюлень, 186.
Учюрское Лалыгирское, 247.
Уядинское, 68, 108, 240.
Уядинское Нижнее, 239.
Чаринское, 91, 100.
Шиверское, 146.
Янское, 59.
Янское Верхнее, 126.
Янское (Янойское) Нижнее, 100, 115, 116.
Зия р., 49, 65.
Зырянка (Зырянская) р., 5, 191.
Игирма р., 98.
Идигейская вол., см. Волости.
Икренский улус, 229.
Илга р., 88.
Илим р., 4, 5, 7, 8, 15, 92, 95, 98, 138, 161, 221, 227, 233, 235.
Илимский (Билимский) волок, 7, 8, 18, 66, 71, 167, 219, 223, 225, 226, 229, 230, 236, 237.
Илимский Ленский волок, 165, 232—238. См. также Ленский волок.
Илимский (Билимский) остр., 51, 53, 66, 71, 72, 76, 77, 103, 174, 175, 178, 179, 182, 183, 194.
Илимский (Билимский) у., 172, 178, 179, 183.
Ильгинская (Бильгинская) вол., см. Волости.
Ильин остров, 121.
Ина (Была) р., 242—244.
Индигирка (Бидигирка, Индигирская) р., 41, 56, 57, 59, 67, —69, 100, 106, 108, 109, 116, 117, 146, 165, 177, 178, 184, 213, 238, 239, 241.
Индигирский остр., 185.
Индигирское зим., см. Зимовья.

Иня р., 148.
Иргинский (Биргинский) остр., 66.
Иртиц р., см. Иртыш р.
Иртыш (Иртыш) р., 103.
Исей (Бей) оз., 54, 55, 160, 161.
Камнуна р., 187.
Камское Усолжье, 163.
Кангалаская вол., см. Волости.
Кангалаский у., 204.
Кангаласы, 22.
Катылинская вол., см. Волости.
Катырицкая вол., см. Волости.
Кета р., 98.
Кетский (Кецкий) остр., 41, 103, 157.
Килдям, 203.
Киренга р., 3, 12, 13, 33, 92, 174.
Китайское государство, 224.
Ковая оз., 113.
Ковым, см. Колыма р.
Ковыма, см. Колыма р.
Ковымское зим., см. Колымское зим.
Ковья р., 22.
Коготин улус, 210.
Кокуйская вол., см. Волости.
Колыма (Ковым, Ковыма) р., 37, 45, 56, 64, 65, 69, 70, 98—100, 106, 108, 110—113, 117, 125, 145—147, 165, 169, 170, 184—187, 213, 239—241.
Колымское зим., см. Зимовья.
Костромской у., 157.
Красная гора, на Пенеге, 144.
Красное, см. Красный Песок.
Красноярский остр., 41.
Красный Бор, в Устюж. у., 144.
Красный Песок, 107.
Красный Яр, 181, 182.
Криволуцкая вол., см. Волости.
Кузнецова слобода, 12.
Кукич р., 55.
Куленга р., 48—50, 225, 232.
Купа р., 103, 228, 238.
Курейное зим., см. Зимовья.
Кута р., 2, 3, 7—9, 15, 49, 50, 92, 93, 103, 137—142, 151, 161, 165, 219, 221, 222, 224, 226, 227, 229, 230, 232, 233, 234, 237.
Кутцов остр., 18.
Кухтый р., 148.
Ладаинская вол., см. Волости.
Лалыгирское Учюрское зим., см. Зимовья.
Лама оз., 232.
Лама р., 9, 49, 88, 119, 120, 130, 164, 224—227, 235, 240, 248. См. также Амур.
Ламский хребет, 9.
Лена р., 2, 3, 7, 9, 11—15, 17, 18, 26, 3, 2—34, 44, 45, 48, 49, 59, 51, 63, 71—74, 76—81, 84, 85, 87—89, 92, 93, 95, 100, 102, 103, 105, 106, 115, 116, 139, 140, 151, 156—159, 161, 163—166, 173, 174, 177—179, 183, 194, 195, 204, 220—222, 227, 228, 230, 232—235, 237, 238.
Ленская земля, 82, 232.
Ленские волости, 88.
Ленский волок, 2—5, 8, 11—16, 19, 34, 35, 43, 45, 46, 73, 76, 77, 84, 92, 93, 95, 103, 137, 139—143, 156, 157, 168, 175—178, 181—183, 219—222, 228, 229, 235.
Ленский Илимский волок, см. Илимский Ленский волок.
Ленский остр., 1, 2, 10, 13, 78, 81, 82, 93, 94, 145, 150, 152—155, 168, 201—205, 219. См. также Якутский остр.

Магаская вол., см. Волости.
 Майское зим., см. Зимовья.
 Маковский остр., 73, 103, 156, 157, 222.
 Маковский волок, 73.
 Мальягарская вол., см. Волости.
 Мама р., 13.
 Мангазея, 19, 254.
 Марка р., 124.
 Мартышка р., 54.
 Мая р., 61, 93, 94, 100, 115, 187, 102, 248.
 Мегинская вол., см. Волости.
 Мезень р., 12.
 Мезинская вол., см. Волости.
 Модуцкая вол., см. Волости.
 Москва гор., 12, 13, 34, 35, 44, 59, 61, 62, 64, 65, 72, 73, 76—79, 81—84, 99, 100, 102—104, 115, 135, 140, 142—145, 156, 159, 165—167, 178, 179, 181, 183, 191—194, 222, 231, 232, 234, 240, 248.
 Мугал, 224.
 Мука р., 5, 15, 29, 35, 95, 103, 221, 232, 238.
 Муна р., 122.
 Муткей камень, 148.
 Налым р., 186.
 Налаятская вол., см. Волости.
 Намская вол., см. Волости.
 Намский улус, 209.
 Нарым, 103.
 Нарымский остр., 41.
 Некука р., 53.
 Нерчинский остр., 66.
 Нижегородский у., 12.
 Нижнее Колымское зим., см. Зимовья.
 Нижнее Янское зим., см. Зимовья.
 Нижний Аюй р., 109.
 Нижний конец (в Якутском посаде), 119.
 Нижняя Тунгуска р., 161.
 Нижняя ярмарка, 106, 108, 110—112, 187.
 Обь р., 103.
 Олейская вол., см. Волости.
 Олутейская вол., см. Волости.
 Ожегина р., 146.
 Ола р., 148, 149.
 Олазейка р., см. Алазейка р.
 Олазея р., см. Алазея р.
 Олекма р., 61, 70, 100, 165, 166, 172, 173, 219.
 Олекминский остр., 1, 79, 100, 125, 126, 170, 171, 192, 214, 219.
 Олекминское зим., см. Зимовья.
 Оленек (Оленка, Оленька) р., 18—20, 23, 41, 55, 120, 121, 158—161, 179, 216.
 Оленка р., см. Оленек р.
 Оленские реки, 55.
 Оленское зим., см. Зимовья.
 Оленька р., см. Оленек р.
 Олеская вол., см. Волости.
 Олхон остров, 17, 224.
 Омолова губа, 9.
 Омолова р., 100, 177.
 Омон р., 112.
 Овандырский остр., см. Анадырский остр.
 Орленга р., 18, 138, 139, 161, 230, 233, 234, 237.
 Орленская вол., см. Волости.
 Оса р., 225, 226.
 Острвная р., 148, 149.
 Охота р., 66, 100, 101, 147, 209.
 Охотпкий остр., 88, 119, 134, 147—149, 242—245, 248.

Иавлов Перевоз, Нижегородск. у., 12.
 Падерино летовье, 186.
 Пегая орда, 31, 46.
 Пелелуй р., 89.
 Пенегга, 144.
 Пенезский волок, 138.
 Песида (Пясида), 160, 161.
 Пиромовы улусы, 235.
 Подивьяская четь, Важского у., 12.
 Подшивверное (Подшивверское) зим., см. Зимовья.
 Подшивверский остр., 240.
 Польша, 191.
 Пыскор, 145.
 Пясида, см. Песида.
 Русь, 20, 26, 34, 45, 58—60, 62, 63, 80, 81, 84, 163, 165, 166, 179.
 Святой Нос, 101.
 Селынта р., 117.
 Середино зим., см. Виллюйское Среднее зим.
 Середняя ярмарка, 108, 186.
 Сета р., 238.
 Сибирская земля, см. Сибирь.
 Сибирская укрaina, 211.
 Сибирское государство, см. Сибирь.
 Сибирское царство, см. Сибирь.
 Сибирь (Сибирская земля, Сибирское государство, Сибирское царство), 40, 46, 58, 63, 72, 77, 81, 82, 84, 106, 109, 180, 191, 194, 245, 246, 248.
 Сидички (Ситички) волости, см. Волости.
 Сиктак р., 115.
 Сита р., 21—23, 113, 154.
 Ситички (Сидички) волости, см. Волости.
 Скороульская вол., см. Волости.
 Собаницкая вол., см. Волости.
 Собачья р., 25, 33, 35, 37, 45, 56—59, 61, 63, 237.
 Соловецкий (Соловетский, Соловки) монастырь, 144, 145.
 Соловки, см. Соловецкий монастырь.
 Соль Вычегодская, 140, 152.
 Соль Камская, 140, 145.
 Среднее Виллюйское зим., см. Зимовья.
 Среднее (Середнее) Колымское зим., см. Зимовья.
 Столбовское зим., см. Зимовья.
 Столбы, 95, 97.
 Сургут (Сургутской) гор., 41, 60, 103.
 Сылянская вол., см. Волости.
 Сымская застава, 222.
 Табуга урочище, 12.
 Тагильская вол., см. Волости.
 Тагуйская (Тагуская) вол., см. Волости.
 Тагусы, 207.
 Тазовский гор., 19.
 Таин камень, 147.
 Таловой остров, 124.
 Тата р., 1, 23, 60, 61, 430, 150, 197—201, 205.
 Таяра р., 161.
 Теленбинский остр., 66.
 Тобольск (Тоболеск, Тобольский) гор., 45, 41, 72, 73, 76, 81, 86, 91, 103, 104, 139, 146, 156, 157, 181, 195, 233.
 Тобольское зим., см. Зимовья.
 Томский гор., 41, 72, 195, 222.
 Тонтора р., 181.
 Тонторское зим., см. Зимовья.
 Топецкая вол., Важского у., 12.
 Тоу р., 100, 148, 149, 243.
 Троецкий, см. Троицкий монастырь.
 Троицкая треть, Вологодского у., 12.
 Троицкий (Троецкий) монастырь, 101.

Тува р., 149.
 Тугирское зим., см. Зимовья.
 Тугарь р., 165, 166.
 Тугурское зим., см. Тугирское зим.
 Тунгуска р., 104, 105, 160, 161, 225.
 Тунгуска Нижняя р., 161.
 Туриной остр., 103.
 Турука р., 3, 7, 9.
 Туруханский у., 245.
 Туруханское зим., см. Зимовья.
 Турыга р., 98.
 Тутура р., 9, 18, 49—51, 178, 189, 157, 161, 221, 222, 226, 227, 229, 230, 232, 236.
 Тугурская вол., см. Волости.
 Тынгуска р., см. Тунгуска р.
 Тысагасчи (Тысагачи) оз., 123.
 Тюленье зим., см. Зимовья.
 Тюмень гор., 103, 104, 144, 145, 181.

Уд р., 117.
 Укича р., 225, 226.
 Улбня р., 242.
 Улья р., 148.
 Урака р., 242, 244, 245.
 Урокан р., 148.
 Усолье Камское, 163.
 Успецкая (Успетцкая) вол., см. Волости.
 Усть — Куты, см. Кута р.
 Устюжский у., 143.
 Учур р., 247.
 Учюрское зим., см. Зимовья.
 Уядина р., 186.
 Уядинское зим., см. Зимовья.

Хатаанга р., 55.
 Хети р., 121.
 Хромая р., 186.
 Хромовская губа, 185.

Чаринское зим., см. Зимовья.
 Чачюйская вол., см. Волости.
 Челбанов камень, 105.
 Чердынь, 145.
 Черепаниха Верхняя р., 170, 172.
 Чечюйский волок, см. Чичюйский волок.
 Чирптейская (Чирптейская) вол., см. Волости.
 Чичюй р., 12, 13.

Чичюйский (Чечюйский) волок, 60, 76, 77, 87, 89, 100, 104, 105, 165, 171—178, 188, 190, 234
 Чона р., 75.
 Чондон р., 147.
 Чумецкая вол., см. Волости.

Шаманский порог, 98.
 Шиверское зим., см. Зимовья.
 Шиверы (Шивер), 57, 239.
 Шиланга р., в Вайском у., 144.
 Шилка р., 164—166.
 Шивер, см. Шиверы.

Ыдыгейская вол., см. Идигейская вол.
 Ыжиротка, 242.
 Ылимский волок, см. Илимский волок.
 Ылимский остр., см. Илимский остр.
 Ылимский у., см. Илимский у.
 Ыльгинская вол., см. Ильгинская
 Ындигирка р., см. Индигирка р.
 Ындигирская р., см. Индигирка р.
 Ыня р., см. Ина р.
 Ыргинский остр., см. Иргинский остр.

Юдома р., 120.
 Юдомский волок, 245.

Якутская (Якутцкая) вол., см. Волости.
 Якутская (Якутцкая) земля, 29, 58, 212, 219.
 Якутский (Якутский, Якуцкий) остр., 10, 12—17, 19, 20, 22, 23, 26, 31—37, 40—46, 49, 51, 53, 56—73, 75—81, 96, 97, 99—102, 104—106, 108—111, 112, 115, 117—126, 128, 130—137, 139, 140, 143—149, 153, 154, 158—172, 174—185, 187, 188, 191—198, 207, 208, 213—216, 218, 221—224, 232—236, 238—242, 244—247. См. также Левский остр.
 Якутский (Якутский) у., 66, 87, 89, 99, 113, 126, 172—178, 194, 217, 247.
 Яна р., 69, 100, 105, 108, 111, 116, 169, 170.
 Янга р., 25, 33, 35, 37, 41, 45, 57, 58, 162.
 Янское зим., см. Янское Нижнее зим.
 Янская р., 35.
 Янское зим., см. Зимовья.
 Янское Верхнее зим., см. Зимовья.
 Янское Нижнее зим., см. Зимовья.
 Яра р., 98.
 Ясальская вол., см. Волости.

УКАЗАТЕЛЬ ПЛЕМЕН И РОДОВ.

Богдойские люди, 65, 246.
 Богдонские люди, см. Богдойские люди.
 Братские люди, 9—11, 17, 47—53, 102—103, 167, 194, 219—236.
 Аляткий род, 226.
 Бакушурские люди, 234.
 Балагайцы, 226.
 Батулинцы, 226, 227.
 Болгадайский род, см. Бунгадайский род.
 Боллоцкий род, 234.
 Вонгадайский род, см. Бунгадайский род.
 Бунгадай, см. Бунгадайский род.
 Бунгадайский род, 224, 225, 227, 230, 235, 236.
 Бунгадак, см. Бунгадайский род.
 Готелы, 225, 237.
 Икережский род, см. Икережский род.
 Икняжские люди, см. Икережский род.
 Икереж, см. Икережский род.

Икирежи, см. Икережский род.
 Икережский род, 223, 225, 227, 229, 230, 231, 234, 235, 236, 237.
 Икережский улус, см. Икережский род.
 Икережи, см. Икережский род.
 Контотурский род, 234.
 Коральцы, см. Корняцы.
 Корняцы, 226, 227.
 Котгорский род, 234.
 Сипуган, см. Сипугайский род.
 Сипугайский род, 229, 231, 235, 236.
 Сипугайский улус, см. Сипугайский род.
 Ыкережи, см. Икережский род.
 Голдники, 148.
 Голонки, 148.
 Дауры, 165.
 Коряки, 65, 147, 149, 193.
 Коряцкий род, см. Коряки.

Коряцкий род, см. Коряки.
 Кувы, см. Кувы.
 Кувы, 148.
 Ламутки, см. Ламуты.
 Ламутские люди, см. Ламуты.
 Ламуты—68, 69, 109, 117, 147, 212, 213, 239, 240, 241.
 Анчанский род—149.
 Зельянкурский род, см. Зельянский род.
 Зельянский род, 117, 147, 213.
 Инчанский род, 149.
 Кукигирский род, 117, 240.
 Тобарский род, 149.
 Уаганский род, 147.
 Лонки, 148
 Мунгалские люди, см. Мунгалы.
 Мунгалы, 66, 102, 225.
 Натки, 148.
 Табутдукские люди, 66.
 Табутдукские люди, см. Табутдукские люди.
 Тунгусские люди, см. Тунгусы.
 Тунгусы, 2—5, 7—9, 13, 16—20, 25, 35, 44, 45, 51—55, 66, 87, 92—101, 103—105, 116—123, 125, 129, 130, 134, 138, 148, 149, 157, 161, 165, 191, 192, 203—205, 208, 216, 217, 219—221, 223, 225—229, 234, 235, 237, 240—248.
 Анадырский род, см. Вонадырский род.
 Андризин род, 19.
 Ачганский род, 242, 243.
 Бирянский род, 117.
 Бочерский род, 116.
 Ванадирский род, см. Вонадырский род.
 Вонадырский род, 53—55.
 Воединские тунгусы, 242.
 Галаннев род, 19.
 Гаснев род, 19.
 Годниканский род, 120, 149, 242, 244.
 Горбианский род, 120, 244.
 Долганский род, 213.
 Калтакульский род, 217.
 Канцыгирцы, см. Киндигирский род.
 Каратунский род, 19.
 Кылары, 244.
 Киндигирский род, 9, 224.
 Кындыгирцы, см. Киндигирский род.
 Лалкагирский род, 115.
 Лалыгирский род, 247.
 Маймакальский род, см. Маймаканский род.
 Маймаканский род, 115, 248.
 Маугирский род, 104, 105.
 Негларовский род, 242.
 Немнин род, 19.
 Оцаны (Очанский род), 205¹.
 Уаганский род, 242—244.

Уагирский род, 242.
 Фуглацкий род, см. Фугляцкий род.
 Фугляцкий род, см. Фугляцкий род.
 Фугляцкий род, 129—130.
 Чагинский род, 17.
 Чилкагирские тунгусы, 9.
 Чингири, 205.
 Шамагирский род, 92, 93, 95.
 Шаньянский род, 19.
 Тунгусские люди, см. Тунгусы.
 Тунгусы, см. Тунгусы.
 Ходынский род, см. Ходыницы.
 Ходыницы, 65.
 Чюванский род, см. Чюванцы.
 Чюванцы, 70, 193.
 Чюкчи, 64, 65, 69, 193, 238—241.
 Чюкчи, см. Чюкчи.
 Чюхотский род, см. Чюкчи.
 Чюхотский род, см. Чюкчи.
 Чюкчи, см. Чюкчи.
 Юагирцы, 26, 35, 56, 57, 64, 67—70, 87, 98—100, 105—106, 108—112, 114—117, 130, 146, 147, 184, 185, 186, 187, 193, 213, 214, 238—242.
 Анаульский род, 193.
 Иникина шамана род, 238.
 Кальвин род, 114.
 Леуты шамана род, 114.
 Лимземин род, 114, 239.
 Манэтин род, 114.
 Молзатин род, 238.
 Ници Шаманова род, 114.
 Ойсинов род, 114.
 Омотский род, 193.
 Ойготы князя род, 114.
 Падитин род, 239.
 Петайский род, 116.
 Тантапонин род, 114.
 Чебукин род, 114.
 Шоробовский род, 147.
 Якутские люди, см. Якуты.
 Якутские люди, см. Якуты.
 Якуты, 1, 10, 13, 21—24, 27—29, 32, 34—36, 38, 59, 41, 45—47, 57—61, 63, 69, 70, 75, 87, 93—100, 103, 112—114, 116, 119—126, 139, 165, 170, 171, 187, 188, 191, 192, 194, 195, 197—205, 208—213, 216, 217, 219, 231, 240.
 Баагурусский род, 152.
 Байдукский род, 218.
 Болдетский род, 247.
 Каринский род, 195.
 Катлынский род, 162.
 Кыпский род, 162.
 Накорский род, 163.
 Юсальский род, 218.

¹ В тексте по ошибке напечатано „о[р]очаны.“

ОГЛАВЛЕНИЕ

И. М. Троицкий. — Некоторые проблемы истории Якутии XVII в.
Археографическое введение

III
XXXI

I. Военная колонизация Якутии. Система острогов. Администрация.

1. 1639—40 гг. — Челобитная енисейских служилых людей Ерофея Киселева и Кирилла Вапюкова об отпуске их «на службу» на реки Тату и Амгу 1
2. 1640 г. не ранее марта 1. — Отписка якутского таможенного целовальника Юрия Селдверстова якутскому таможенному голове Дружине Трубникову об отказе енисейского сына боярского Парфена Ходырева дать переписать и запечатать имеющуюся у него мягкую рухлядь и о подготовке на то же служилых людей 1
3. 1640 г. после апреля 3. — Челобитная тунгусского толмача Федора Михайлова об освобождении его из под караула в Ленском острожке 1
4. 1640 г. октября 18 — 1641 г. января 24. — Дело якутской съезжей избы о тунгусском князце Звероуде, взятом в аманаты, бежавшем затем из якутской караульной избы и вновь захваченном после погони 2
5. 1641 г. марта 30. — Оказка толмача Кондратия Мясина о сборе ясака с вновь приисланных «иноземцов», живущих между верховьями рек Ламы и Киренги 8
6. 1641 г. мая 14. — Запись подтвердительных речей «братского» князца Куршуна Бурлаева на усть Куты реки о шerti его царю Михаилу Федоровичу в вечное холопство 9
7. 1641 г. мая 22. — Распросные речи тунгусского князца Мужуя о намерении «братских людей» платить ясак 9
8. 1641 г. сентября 28. — Доездная память ленских служилых людей Семена Чупариста с товарищами о поездке их к богдонским князцам Бойдону и Треке и к шаману Оргуну Чегунаеву сыну 10
9. 1642—45 гг. — Образец шерстной записи «братских» князцов 10
10. 1645 г. января 30—31. Распросные речи казачьего атамана Никифора Галкина и торгового человека Ивана Тарасова Норкина с товарищами о нежелании якутского воеводы Петра Головина отправить в Москву государеву соболонную казну с едущими туда торговыми и промышленными людьми, о заключении Головинным в тюрьму своих товарищей в многих торговых, промышленных и служилых людей, обвиняемых им в «государеве изменном деле», и об убийствах «иноземцами» русских промышленных людей на промыслах по рекам Яне и Витиму 11
11. 1645 г. февраля 5. — Память якутского воеводы Василия Пушкина с товарищами ленским таможенным целовальникам Ивану Сумкину и Григорию Худербину о назначении подьячего Семена Ермолина в таможенную Ленского волока и о правилах сбора и хранения таможенной казны 13
12. 1645 г. февраля 5. — Наказная память якутского воеводы Василия Пушкина с товарищами пятидесятнику Томиле Ильицу и казаку Григорию Тотарину о посылке их на Ленский волок для веданья «всякими государевыми делами» и о постройке судов для перевозки Василия Пушкина с товарищами, служилыми людьми и хлебными запасами в Якутский острог 14
13. 1645 г. февраля 5. — Наказная память якутского воеводы Василия Пушкина с товарищами подьячему Семену Ермолину о посылке его на Ленский волок для хранения мягкой рухляди и сбора таможенных пошлин совместно с ленскими таможенными целовальниками. 16
14. 1645 г. мая 7—13. — Распросные речи сотника стрелцкого Максима Перфирьева и промышленного человека Леоптия Пенечкина об убийстве тобольского казака Семена Скорохода «с товарищи» на Байкале байкальскими тунгусами 16
15. 1645 г. июня 25. — Отписка пятидесятника Курбата Иванова якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами о сдаче на Илимском волоке ясачной соболонной казны Томиле Ильицу и Григорию Иванову, о необходимости увеличения гарнизона Верхленского острога для искоренения «братских людей», часть которых хочет платить ясак и о высокой урожайности верхленских пашенных земель 17
16. 1645 г. сентября 22. — Наказная память якутского воеводы Василия Пушкина на Оленек служилым людям Максиму Телицу и Ивану Реброву по разным вопросам управления местным краем и о воспрепятствовании мангазейским служилым людям собирать вторичный ясак и брать аманатов с олонецких тунгусов 18
17. 1645 г. не ранее ноября 21. — Мирская челобитная царю Михаилу Федоровичу торговых и промышленных людей о насилиях якутского воеводы Петра Головина 20

18. 1646 г. после июля 3. — Отписка пятидесятника Курбата Иванова и Даниила Скробыкина якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами о постройке нового острога на устье реки Куленги, о необходимости увеличить гарнизон Верхоянского острога, об устройстве в пашню сыльных черкесов и о состоянии хлебных посевов по реке Тутуре 47
19. 1648 г. октября 12. — Наказная память якутского воеводы Дмитрия Францбекова Василию Нефедьеву и пятидесятнику Курбату Иванову о посылке их в Верхоянский острог на смену пятидесятнику Мартыну Васильеву, об укреплении «всякими крепостями» Верхоянского острога и о приведении в «ясачное холопство» непокорных «братских людей» 51
20. 1653 г. после мая 5. — Отписка приказного человека Оленского ясачного зимовья Кузьмы Суздаляца якутскому воеводе Ивану Акинфову о разгрома ясачных оленских тунгусов, учиненном магазейским служилым человеком Иваном Сорокиным совместно с магазейскими вонядырскими тунгусами и о междоусобицах между названными тунгусскими родами. К отписке приложены челобитная оленских тунгусов на Ивана Сорокина и отписка последнего Кузьме Суздаляцу 53
21. 1653 г. июня 4. — Изветная челобитная нижнеколымских юкагир Чюкчи Тугулимова с товарищами, поданная колымскому приказному человеку Ивану Реброву о сожжении служилым человеком Юрием Силвертсовым «с полчаны» принадлежащих челобитчикам «лобазов», «промышленного завода» и леса на острове реки Колымы 55
22. 1658 г. не ранее сентября 20. — Сказка торгового человека Никиты Малахова о незаконных торговых оборотах, злоупотреблениях и насилиях якутского воеводы Михаила Лодыженского 56
23. 1658 г. — Ценовая роспись мяткой рухляди, полученной якутским воеводой Михаилом Лодыженским и дьяком Федором Тонково «в почесть» от служилых, торговых и промышленных людей 62
24. 1658—59 гг. — Отписка вновь назначенного якутского воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова в Сибирский приказ о расспросе приехавшего из Якутска в Енисейск сотника Матвея Ярыгина с товарищами о сменяемом якутском воеводе Михаиле Лодыженском и дьяке Федоре Тонково и об отсылке в Сибирский приказ их допросных речей 63
25. 1659 г. ранее ноября 14. — Отписка сына боярского Ивана Ерастова из Колымского зимовья якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому о «воровстве» выпущенного из аманатов якутского князя Мити и о необходимости иметь в Колымском зимовье запасы пороха и свинца 64
26. 1661 г. не ранее июля 8. — Отписка якутского воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова в Сибирский приказ о привозе амурскими служилыми людьми Яковом Парфеньевым с товарищами ясака, собранного ими на реке Зие с «бодгонских людей» 65
27. 1663 г. июня 3. — Наказная память якутского воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова тюремным ценовальникам Семену Врусеньяну и Фоме Кондратьеву о правах содержания «тюремных сидельцов» 65
28. 1664 г. не ранее мая 26. — Отписка якутского воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова в Сибирский приказ о желании нерчинских, иргенских и телебюйских тунгусов перейти в русское подданство и о невозможности усилить гарнизоны местных острожков на за подсылки хлеба из Илимского острога 66
29. 1665 г. июля 21. — Наказная память якутского воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова сыну боярскому Кузьме Лошакову о посылке его в Зашиверский острог на смену сыну боярскому Андрею Булыгину и о расследовании злоупотреблений последнего 66
30. 1678 г. не позже августа 4. — Челобитная казачьего десятника Михаила Колесова о зачислении его в пятидесятники за его «службы, за кровь и за раны» 68
31. 1679 г. не позже марта 6. — Челобитная ясачных якутов Менцой и Мальягарской волостей Сергушки Теттуева и Оночки Торева «с родниками» о расследовании злоупотреблений олекинского приказного человека Григория Пушина 70
32. 1679—80 гг. — Челобитная верхнеколымских ясачных юкагир Глухого Накычгина брата с товарищами якутскому воеводе Фоме Бибикову о снятии с них асака за освобожденного за их порукою из аманатов юкагира Третьякова брата Лисицына, ушедшего со своими «родниками» к пясчаным юкагирам 70
33. 1680 г. не ранее февраля 26. — Отписка якутского воеводы Фомы Бибикова енисейскому воеводе кн. Ивану Барятинскому о присылке из Енисейска денег и плотников для постройки нового острога в Якутске 71
34. 1681 г. не ранее марта 4. — Отписка якутского воеводы Ивана Бибикова енисейскому воеводе кн. Ивану Барятинскому о присылке из Енисейска кузнецких и бронных мастеров 71
35. 1683 г. января 30. — Наказ генералу Матвею Осиповичу Кровкову о назначении его якутским воеводой 71
36. 1684 г. не ранее мая 16. — Отписка якутского воеводы Матвея Кровкова в Сибирский приказ о «пробытии» в Якутск и о приятии дел от бывшего якутского воеводы Ивана Приклонского и об обнаружении большой «недомки» в ясачной казне, хлебных и соляных запасах 86
37. 1684 г. июля . — Наказная память якутского воеводы Матвея Кровкова сыну боярскому Архиму Лыткину о порядке застройки слобод вокруг нового рода Якутска 87

38. 1687—88 гг. — Отписка якутского воеводы Матвея Кровкова в Сибирский приказ о ликвидации «намены» якутов Ватулинской вол. Эрвюка Секуева «с товарищи», о стоимости собранной им магкой рухляди и моржевого зуба, о заключении подрядов на поставку хлеба в Якутск и о постройке нового Якутского острога.

87

39. 1690 г. не ранее сентября 1. — Отрывок приходо-расходной росписи «ружейной и товарной казны» Якутского острога за 1687—1690 гг.

90

II. Формы и методы колониальной эксплуатации.

А. Сбор ясака.

40. 1639 г. после февраля 12. — Отписка сына боярского Парфена Ходырева енисейскому воеводе Никифору Веревкину о сборе ясака с тунгусов, живущих в низовьях реки Лены, и об отказе десятника казачьего Семена Чухтерина «с товарищи» сдать в государеву казну «промышленных» имн собoley.

92

41. 1640 г. сентября 24. — Наказная память казачьего атамана Осипа Галкина служилым людям Семену Чухтерину с товарищами о посылке их на Алдан и на Маю для сбора ясака, о запрещении торговать с «иноземцами» государевыми товарам и о защите русских торговых и промышленных людей на промыслах.

93

42. 1641 г. не ранее марта 21. — Отписка сына боярского Алексея Бедарева якутскому воеводе Петру Головину с товарищами об обмене 4 собoley на муку у шаматирских тунгусов и об отправке их в Илимский острог.

43. 1645 г. сентября 22. — Наказная память якутского воеводы Василия Пушкина служилым людям Дружинке Чистякову с товарищами о посылке их в Столбовское зимовье для сбора ясака и «прискивания» новых неясачных якутов и тунгусов.

95

44. 1648 г. сентября 23. — Наказная память якутского воеводы Дмитрия Францковского десятнику Марку Каткову и толмачу Тимофею Никитину об отправке их вниз по реке Илимю для сбора ясака и «приску» неясачных людей.

97

45. 1657—58 гг. Изветная челобитная колымских юкагир князю Егупки, Килитиги и Чека Каламинных и их улусных людей якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому о соборах и насилиях служилого человека Григория Татарникова.

98

46. 1658—59 гг. — Отписка якутского воеводы Михаила Лодыженского в Сибирский приказ о сборе ясака и поминков с якутов, тунгусов и юкагир.

99

47. 1658—59 гг. — Ценовая роспись якутской ясачной, поминочной, десятинной «и явой всякой» магкой рухляди и кости «рыбья зубу».

100

48. 1659 г. июня 29. — Наказная память якутского воеводы Михаила Лодыженского сыну боярскому Андрею Булыгину с товарищами о посылке их в Москву с государевой собольиной казной, о мерах «бережения» ее в пути и своевременной доставке в Москву.

102

49. 1663 г. апреля 24. — Дело об освобождении из судной кабы ясачных тунгусов Маугирского рода Гордиги и Чубаги.

104

50. 1663 г. июля 31. — Наказная память якутского воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова подьячему Семену Аврамову о расследовании злоупотреблений «балдыка» Алексея Васурманова и Андрея Булыгина.

106

51. 1663—64 гг. — Доездная память якутского подьячего Семена Аврамова о результатах произведенного им сыска о причинах недобора таможенной десятинной казны на реках Колыме, Индигирке и Алазее и о насилиях, чиняемых приказным человеком Константином Дунаем местным ясачным юкагирам.

106

52. 1663—64 гг. — Челобитная колымских ясачных юкагир Тимки и Тимкуя Угроп-ролакцевых «во всех своих детей и родников и всех улусных людей место» якутскому воеводе Ивану Большому Голенищеву-Кутузову о защите их от «грабежа и обид» русских служилых и промышленных людей.

109

53. 1664—65 гг. — Челобитная колымских юкагир князя Килтежги Калымина и его улусных людей якутскому воеводе Ивану Большому Голенищеву-Кутузову о защите их от злоупотреблений ясачного сборщика служилого человека Ивана Кузавкова «с товарищи».

111

54. 1666 г. января 10. — Память якутского воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова на реку Колыму приказанному Семену Аврамову о рассмотрении жалобы «Анюйского хребта ясачных иноземцев» на служилого человека Василия Бронника и колымских якутов, ограбивших их и увезших их аманатов из нового ясачного зимовья на реке Анюе в старое зимовье на реку Колыму.

112

55. 1670 г. февраля. — Из дела о сборе ясака казачьим пятидесятником Семеном Епишевым с якутов 9-ти волостей.

113

56. 1671 г. декабря 5. — Роспись алазейским ясачным юкагирам и взимаемому с них ясаку.

114

57. 1678 г. ранее июня 26. — Челобитная казака Климма Улединкова с товарищами якутскому воеводе Фоме Вибикову о непосылке на реку Маю пятидесятника казачьего Ивана Бурлака до расследования дела о его злоупотреблениях.

114

58. 1679 г. марта 17. — Отписка пятидесятника Евдокима Козницына якутскому воеводе Фоме Вибикову о принятии Нижнеяского ясачного зимовья от служилого человека Якова Шелковника, о сборе «обычных речей» о Якове Шелковнике, о сборе ясака с юкагир и о намерении «каменных» юкагир избивать казаков. С приложенным «росписного списка».

116

59. 1679 г. ранее мая 30. — Отписка сына боярского Льва Трифонова якутскому воеводе Фоме Бибикову о недоборе ясака с зашиверских ламутов из-за насилий, причиненных им казаком Сергеем Брусениным и цесовальником Никитином Бобровским . . .
60. 1680 г. не ранее сентября 18. — Челобитная ясачных тунгусов Бирянского рода Бузикарета с товарищами о возвращении им жен, детей и оленей, отнятых у них якутскими служилыми людьми Даниилом Михайловым и Никитой Кырмаем «с товарищами» . . .
61. 1680 г. октября 26. — Наказная память ясачному сборщику Ивану Бурлаку якутского воеводы Ивана Приклонского о сборе ясака и о задержании и приводе в Якутский острог казака Ивана Фомина, отправленного на добычу слюды по рекам Алдану и Тонторе . . .
62. 1680 г. октября . . . — Наказная память якутского воеводы Ивана Приклонского сыну боярскому Юрию Крыженковскому с товарищами о песении караула в Якутском остроге по случаю привоза якутами ясака . . .
63. 1680—81 гг. — Челобитная пеших тунгусов из Охотского острожка об освобождении их из тюрьмы и от «правежа» за неплатеж ясака . . .
64. 1681 г. января 14. — Известная челобитная средневилюйских ясачных якутов Бажучи Олудеева и Тебичи Селбукова якутскому воеводе Ивану Приклонскому о вымогательствах ясачного сборщика Захара Шикеева . . .
65. 1681 г. не ранее ноября 4. — Отписка сына боярского Захара Шикеева якутскому воеводе Ивану Приклонскому о затруднениях в сборе ясака из-за ухода якутов и тунгусов с Оленки вследствие голода и отсутствия зверя на промыслах . . .
66. 1682 г. января 23. — Отписка сына боярского Захара Шикеева якутскому воеводе Ивану Приклонскому о неудачном сборе ясака с жиганских тунгусов и якутов из-за отсутствия зверя на реке Оленке и о злоупотреблениях ясачного сборщика Артемия Крупенского . . .
67. 1682 г. марта 2. — Наказная память якутского воеводы Ивана Приклонского в Средневилюйское зимовье сыну боярскому Федору Козыревскому о недопущении им злоупотреблений при сборе ясака и о покупке железа у «иноземцев» . . .
68. 1682 г. марта 6. — Наказная память якутского воеводы Ивана Приклонского в Жиганское зимовье сыну боярскому Захару Шикееву о недопущении им злоупотреблений при сборе ясака . . .
69. 1682 г. ноября 15. — Наказная память якутского воеводы Ивана Приклонского казакам Дмитрию Павлову и Леонтию Григорьеву о посылке их на острова Еловый и Таловый для перелова якутов, уклоняющихся от уплаты ясака . . .
70. 1682 г. ранее декабря 15. — Челобитная ясачных якутов Ясальской волости Чалдачка Дардычева и Деучки Тисюкова якутскому воеводе Ивану Приклонскому о поручении пятидесятнику казачему Сергею Брусенину произвести расследование «о изгони и обидах», чинимых им в Верхоянском зимовье ясачным сборщиком Андреем Амосовым «с товарищами» . . .
71. 1684 г. декабря . . . — Наказная память якутского воеводы Матвея Кровкова в Олекминский острог пятидесятнику казачему Федору Краснопольцу о сборе ясака с тунгусов и якутов и о розыске двух лошадей, потерянных промышленными людьми Иваном Коряком «с товарищами» . . .
72. 1687 г. августа 31. — Доездная память подъячего Алексея Халдеева с товарищами о сборе ясака с ясачных якутов шести волостей. С приложением 2 росписей и 14 сказок . . .
73. 1687 г. августа . . . — Доездная память сотника казачьего Даниила Михайлова о сборе ясака, воеводских и дьяческих поминков с якутов 12 волостей. С приложением 3-х росписей . . .
74. 1687 г. декабря 12—22. — Дело о невинности с верхневилюйского ясачного тунгуса Парунки Аманцева недоимки за его умершего отца . . .
75. 1688 г. января . . . Проект наказной памяти якутского воеводы Петра Зиновьева о сборе ясака в ясачных волостях на реках Амге и Тате . . .

Б. Эксплоатация естественных богатств.

76. 1645 г. сентября 14. — Отписка цесовальника Гаврилы Григорьева якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами о положении дел в устькутской соляной варнице и о призыве «охочих» людей для службы в Верхоянском остроге . . .
77. 1645 г. сентября 28. — Наказная память якутского воеводы Василия Пушкина с товарищами промышленному человеку Демке Пахоруку, выбранному в цесовальники в устькутской соляной варнице вместо Гаврилы Григорьева . . .
78. 1645 г. не ранее октября 12. — Отписка цесовальника устькутской соляной варницы Демки Пахорука якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами о невозможности справиться со всеми возложенными на него разнообразными «службами» . . .
79. 1645 г. октября 17. — Память якутской приказной избы казачьему десятнику Осипу Боярщину и цесовальнику устькутской соляной варницы Демке Пахоруку с подтверждением обязательности доездки их на Орленгу и Тутуру для сбора государева выделного десятинного Хлебца . . .
80. 1647 г. января 30. — Отписка якутского воеводы Василия Пушкина с товарищами в Сибирский приказ о недоброкачественном железе, данном в Тобольске воеводой кн. Григорием Куракиным, о наличии в Якутском остроге у «иноземцев» якутов железа местной выделки и о присылке в Якутский острог железного дема мастеров-плавильщиков . . .

81. 1646 г. марта 29 — апреля 30. — Из дела якутской приказной палаты об установлении новых расценок на устькутскую соль в виду конкуренции с нею на местном рынке более дешевой соли, привозимой из Енисейского острога 140
82. 1658 г. после сентября 1. — Отписка якутского воеводы Михаила Лодыженского в Сибирский приказ об отсылке в Москву добытой местными промышленниками на реке Анадире кости «моржевого зуба», с приложением подробной «росписи» этой кости 148
83. 1658—59 гг. — Отписка якутского воеводы Михаила Лодыженского в Сибирский приказ о переписи «рыбного зуба» сыном боярским Андреем Булыгиным в Жиганском зимовье. С приложением списка с духовной умершего солянского жильца Михаила Захарова и росписи «рыбного зуба» 145
84. 1669 г. июня 12. — Сказка письменного головы Ефима Козинского о нахождении им в Зашиверском зимовье в горе «каменя хрустального», с приложением сказок ясачных юкагир о том же 146
85. 1669 г. июня 14. — Сказка казачьего десятника Ивана Ермолина о местонахождении жемчуга «у Таяна камени» в районе реки Чендона 147
86. 1669 г. не ранее июня 15. — Память в денежный стол подьячему Михаилу Ушницкому по отписке сына боярского Матвея Сосновского о посылке из Охотского острога драгоценных «камышков» и о присылке в Охотск товаров и бумаги 147
87. 1669 г. июня 24. — Сказка казака Якутского острога Степана Щербакова и тунгусов Ишакши и Паргуаля о нахождении серебряной руды на устье реки Амура и об обмене плавленного серебра на соборы 147
88. 1669 г. не ранее июля 21. — Выпись из отписки сына боярского Матвея Сосновского из Охотского городка о нахождении им под камнем Муткем «яра осыпного» и о посылке в Якутский острог камня, взятого с этого яра, и жемчугу 148
89. 1669 г. ранее августа 2. — Отписка приказного человека Охотского городка Матвея Сосновского якутскому воеводе князю Ивану Борятинскому об убийстве на Тоуе реки русских служилых людей, посланных туда «для проводывания коряков и камня и для иного доброго узорочья» и о посылке в Якутск собранных ясачных соборей, жемчуга, камня и руды 149
90. 1684 г. августа. . . — Наказная память якутского воеводы Матвея Кровкова в Верхневильское зимовье приказному сыну боярскому Ивану Кривошеинскому о проводывании золотой, серебряной, медной, оловянной, свинцовой и железной руды, серы и селитры 149
- В. Земельная колонизация Якутии. Торговые и промышленные люди. Ссы**
Отношение к туземному населению.
91. 1639—40 гг. — Челобитная ленского казака Богдана Сорокоумова о привлечении к суду енисейского казака Кузьмы Губушева, взявшего его корову у батюлинского ясачного якута Козелы 150
92. 1639—40 гг. — Челобитная ленского казака Михаила Копыталова о привлечении к суду батюлинского ясачного якута Косипа Сытыкина, не возвратившего ему жеребца 150
93. 1640 г. не ранее августа 8. — Челобитная ясачного якута Батурусской волости Юргы Гадарова о привлечении к суду гулящего человека Ивана Рябова, укравшего у него коня и аркан 150
94. 1640 г. — Челобитная ясачного якута Каталинской волости Себе Давалова о привлечении к суду служилого человека Павла Леонтьева, захватившего у него кобылу 150
95. 1641 г. мая 7—11. — Дело об отводе торговому человеку Ивану Свечкову земли под двор, пашню и сennie покосы на реке Лене и об условиях владения ею 151
96. 1641 г. августа 7. — Дело о разрешении торговому человеку Василию Дрягину вывезти к «Русе», купленного им якутского «малого» 152
97. 1641 г. августа 7. — Дело о крещении и отпуске на волю якутки Маллек, принадлежавшей енисейскому казаку Ивану Метлеку 152
98. 1641 г. ноября 28. — Дело о крещении сына енисейского служилого человека Нестора Барабанского, прижитого от якутки 153
99. 1642 г. января 4—февраля 11. — Дело о крещении дочери якутки Быгей, прижитой от промышленного человека Пятова Васильева Косово 153
100. 1642 г. февраля 12—июля 9. — Дело о якутской женке Мыник, купленной ленским попом Василием Яковлевым, сбжавшей от него, затем пойманной и, наконец, пожалованной креститься 154
101. 1642 г. сентября 27. — «Явка» ленского казака Саввы Клементьева на промышленного человека Семена Вермягу в невозвращении заложенной ему Саввой «якутской бабы» Натальи 155
102. 1644—45 гг. — Отписка якутского воеводы Василия Пушкина с товарищами в Сибирский приказ о прибытии в Енисейск сыльных людей, взяемого казака Максима Гриппева с товарищами, и о пребывании в Енисейске сыльных черек, не устроенных в пашню на реке Лене 156
103. 1645 г. января 20. — Отписка якутского воеводы Василия Пушкина с товарищами в Сибирский приказ о неприбытии в Енисейск колодников, Марка Семснова с товарищами, и о трудностях устройства на Лене сыльных людей в пашню из-за дороговизны и отсутствия на Лене хлеба, лошадей и «всякого пашенного завода» 156

104. 1645 г. не ранее сентября 9. — Челобитная верхоленского пашенного крестьянина Оверкия Елизарьева о предоставлении ему льготы в виду разграбления его «братскими людьми» и тунгусами 157
105. 1645 г. сентября 22. — Наказная память якутского воеводы Василия Пушкина с товарищами промышленным людям Алексею Шелонику и Ивану Реброву о назначении их таможенными ценовальниками на реку Оленек 166
106. 1645 г. ранее октября 15. — Отписка десятичника Осипа Семенова якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами о неприбытии на устье реки Куты якутской собольиной казны и о присылке распоряжения о выделении государева десятинного хлеба и семере амыч на зимках по рекам Орменге и Тутуре 161
107. 1646 г. не позднее июля 3. — Дело о крещении якутской девочкы и русского мальчика, принадлежащих черному поту Перфирию 161
108. 1646 г. июля 9—22. — Дело об отпуске на волю якуты, принадлежащей лейскому служилому человеку Григорию Кисею 162
109. 1646 г. июля 22—ноября 25. — Дело о крещении якутской «девкы», принадлежащей диакону Спиридону 162
110. 1647 г. февраля 11—19. — Дело о крещении якутской «девкы», принадлежащей якутскому казначею пятидесятинику Мартыну Васильеву 163
111. 1647 г. августа 28. — Поручная Нехорошего Павлова с товарищами якутской съезжей избы денежку Василию Булыгину по торговому человеку Иване Сверчкове в непродаже и в невыезде им к «Русе» подгородного якута Керчика Онтогулова сына 163
112. 1648 г. августа 19—1649 г. января 16. — Дело о крещении якутской «погромной девкы», принадлежащей якутскому служилому человеку Григорию Кривоногичу 164
113. 1649 г. не ранее июля 25. — Изветная челобитная якутского сына боярского Вонна Богданова, сыльного Матвея Основского и других служилых людей, поданная якутскому воеводе Дмитрию Францбекову о разных злоупотреблениях в Якутском остроге торговых людей и их приказчиков 164
114. 1652 г. августа 24. — Дело о растрате ценовальниками якутской съезжей избы Константином Ивановым и Андреем Дубовым казенных денег 167
115. 1652—53 гг. — Отписка новоприборного служилого человека Юрия Селиверстова якутскому воеводе Ивану Акинфиеву об убийстве покручника Семена Фомина новоприборными служилыми людьми Иваном Абросимовым и Гаврилой Алексеевым, которые «стакався с торговыми людьми» завели на реке Яне «круги и буты» 168
116. 1653—54 гг. — Дело об отнятии соболя, лалем и избивании холопа, принадлежащего ясачному якуту Намской волости Косичке Ивееву служилым человеком Иваном Михайловым 170
117. 1657 г. апреля 13. — Наказная память якутского воеводы Михаила Лодыженского в Олекминской острожке служилому человеку Михаилу Дехтеру о приказе якутам держать скот подальше от русских пашен и об отводе сенных покосов пашенным крестьянам Богдану Астрахану и Онанью Воробью 170
118. 1657 г. мая 18. — Наказная память якутского воеводы Михаила Лодыженского в Олекминский острожек служилому человеку Михаилу Дехтеру о разрешении мальтарским якутам Дурею Извееву с братьями жить и сенные покосы косить на старых местах, о защите олекминских якутов от пашенных крестьян Богдана Астрахана «с товарищи» и о приеме хлебных запасов для даурских служилых людей 171
119. 1658 г. июля 26. — Память служилому человеку Беззастому Мошницову на Чичийский волок о понуждении местных пашенных крестьян работать на «государевой десятинной пашне» 171
120. 1658 г. августа 3. — Челобитная промышленных людей Ерофея Пимлянова и Миккулы Карпова об определении их в число пашенных крестьян на усть Олекму с обычными льготой и судой, и поручая в том по ним разных промышленных и служилых людей 172
121. 1658 г. августа 7. — Челобитная промышленного человека Исква Иванова вятчанина якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому об отводе земли и сенных покосов сбежавшего в «Дауры» пашенного крестьянина Никиты Емельянова 178
122. 1658 г. не ранее сентября 1. — Счетный список якутской таможенной денежной и собольиной казне за 1653—1658 гг., сбора якутского таможенного головы Андрея Курдюкова 174
123. 1658—59 гг. — Челобитная торговых и промышленных людей Якова Васильева Дятка с товарищами, поданная на Колыме реке сыну боярскому Ивану Ерастову о незынании с них «святительских пошлин и подчервных пенных денег» и о присылке к ним из Якутска священника для нащипания их жен и детей 184
124. 1659 г. ранее апреля 9. — Челобитная индигирского юагирца Ландыя на торгового человека Ивана Катеева, замучившего сына его Чачу в тундре, наняв его «вожем» в собольиный промысел, и допросные речи разных лиц по этому делу 185
125. 1659 г. ранее ноября 14. — Отписка сына боярского Ивана Ерастова якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому об убийстве на Колыме реке промышленного человека Аксена Терентьева и его ясыря ясачными юагирцами Ломовой Коментовым и Чаклакой Апанниным 186
126. 1663 г. января 16. — Дело о поимке беглого служилого человека Кондратия, сбежавшего к своему тестю, ясачному якуту Кырдыге 187
127. 1663 г. не ранее марта. — Челобитная промышленных людей Степана Федорова с товарищами, поданная чечускому приказному человеку Семену Елишеву об освобождении их от постройки судов 188

128. 1675 г. августа 31. — Роспись деньгам, собранным «в острожную» поделку таможен-
ным заставным головой Никоном Вольским с торговых и промышленных людей Якут-
ского острога. 188
129. 1679 г. июля... — Наказная память якутского воеводы Фомы Бибикова чету-
окому тамоченному целовальнику Якову Котельникову о сборе «десятой деньги» 190
130. 1680 г. ранее июля 24. — Отписка с Зырянки реки сына боярского Тита Богомо-
лова якутскому воеводе Фоме Бибикову о «непослушании и бунтах» посланных с ним ка-
заков и об отпуске замененных «наемщиками» казаков Ваенлия Верегина и Семёна Пань-
шина, в виду угрозы убийства их остальными казаками 190
131. 1680—81 гг. — Отписка якутского воеводы Ивана Приклопского в Сибирский при-
каз о службе лентского сына боярского Ивана Крыжановского 191
132. 1681 г. — Роспись «ясырю», живущему у русских людей в Анадырском острожке. 193
133. 1683 г. марта 26. — Грамота из Сибирского приказа якутскому воеводе Ма-
твею Кровкову о запрещении сечь и жечь леса под напшти «в соболиных угодьях» 194
134. 1684 г. ранее апреля 23. — Отписка илдьмского воеводы Ильи Змеева якутскому вое-
воде Матвею Кровкову о переводе лашенного крестьянина Якима Семёнова, поселенного
между реками Леной и Ангарой «в кочевьях братских людей», согласно царским грамотам,
запрещающим селить русских напешных людей в «иноземских кочевьях» 194
135. 1686 г. августа 25. — Память якутского воеводы Матвея Кровкова в Жиган-
ское и Оленское зимовья пятидесятнику казачьему Андрею Амосову о попытке и отсылке
в Якутский острог беглых дворовых людей казака Максима Мухомлева и подговорив-
ших их якутов 194
136. 1686 г. ранее сентября 1. — Отписка тобольского воеводы Алексея Головина якут-
скому воеводе Матвею Кровкову о посылке ему новых мер, которыми необходимо мерить
десятинный, оброчный, выделной и «всякой» хлеб в Якутске и уезде 195
137. 1688 г. января 25. — Память якутского воеводы Петра Зинovieва на Амгу приказ-
чику Сарвану Крупецкому о посылке к нему сыльного Василия Лебедева в качестве
«пищика и деньщика» 196
138. 1688 г. декабря 9—1689 г. апреля 9. — Дело о грабежах и насилиях казаков
Михаила Гребенщика и Владимира Атласова в якутских волостях 196

III. Туземное население.

А. Внутренний строй туземного населения.

139. 1638—39 гг. — Челобитная ленских ясачных якутов князю Менлюк Тюбек Модун-
карна сына с «родниками и улусными людьми» о привлечении к суду маданских и
буяназейских якутских князев Тюнхигура «с братьей и улусными людьми», убивших
у них людей и унававших скот 201
140. 1638—39 гг. — Челобитная казачьего десятичника Осипа Семенова о возвращении коня,
взятого ясачными якутами «Кушмеевыми родниками» 201
141. 1639—40 гг. — Челобитная ясачного якута Тюреня Кологуева сына о привлечении
к суду ясачных якутов Успенской волости, укравших у него коня 201
142. 1639—40 гг. — Челобитная ясачного якута Батуруской волости Караги Вадурова
сына о привлечении к суду подгородного якута Носка Оргуней и мегинского ясачного якута
Откона Турчинаева сына, укравших у него лошадей 202
143. 1639—1640 гг. — Челобитная ясачного якута Батуланской волости Барчигира Вор-
соева сына о посылке служилых людей в Батурускую волость к князю Даваню Лойчере-
кову с детьми, укравшими лошадей и невозвращающими взятый калым 202
144. 1639—40 гг. — Челобитная ясачного якута Бетунской волости Логуик Сынакова
сына о посылке ленских служилых людей за лошадьми, украденными у него ясачными яку-
тами Батуруской волости Даваневыми братьями и родниками 202
145. 1640 г. ранее июня 26. — Челобитная ясачного якута Намской волости Чиги-
найки Тюбякова сына о привлечении к суду ясачных якутов Олейской волости Олдека
«с товарищами», ограбивших братьев челобитчика и убивших при этом «улусного мужика» 203
146. 1640 г. не ранее июля... — Челобитная ясачных якутов Бетунской волости Ды-
гинчи и Толпоутовых детей о привлечении к суду ясачных якутов Олдегуйской волости Ку-
неса и Треки Чатуевых детей «с родники своими», отогнавших у них скот 208
147. 1640 г. августа 13—25. — Дело об ограблении ясачных якутов Мегинской волости
Барчика Чекова сына и Трека Декиева сына ясачными якутами Батуруской волости Кап-
таном и Ирнеом «с товарищами» 206
148. 1640 г. не ранее августа... — Челобитная ясачного якута Батуруской волости Ку-
шенека Карыгина сына о привлечении к суду подгородных ясачных якутов Оргуней Носика
с товарищами, укравших у него скот 204
149. 1640 г. — Челобитная тулунгусского аманата Ло... Умтерина сына о составлении
новых ясачных книг житанским ясачным тулунгусам, разоренным и побитым неясачными
тулунгусами «изменниками» 204
150. 1640 г. — Челобитная ясачного якута Бетунской волости Б. Маданова о привле-
чении к суду успешного якутского князю Амура Каскова и его улусных людей за угон
лошадей 206

151. 1640—41. — Челобитная ясачного якута Батуруской волости Юрга Гадарова сына о привлечении к суду якутов той же волости Омолдона Гуликанов «с товарищи» за угон лошадей 203
152. 1640—41 гг. — Челобитная ясачного якута Олейской волости Онкочека Бочекова сына о привлечении к суду якута той же волости Туня Сергутова сына и якута Бегунской волости Обаку, укравших у него корову и телянка и нашедших ему побой 203
153. 1653 г. декабря 15 — Дело о возвращении якуту Олейской волости Носкокуру Дегесову отнятой у него «девки холопки» 206
154. 1653 г. декабря 16. — Дело о возвращении якуту Бегунской волости Чутгурке Аникиеву его беглого холопа 206
155. 1654 г. января 20. — Дело о возвращении калыма якуту Чириптейской волости Сергую Батуеву сыну якутом Намской волости Толкой Торочевым сыном 206
156. 1654 г. января 27. — Дело о нанесении ран и конкордасте якутом Мегинской волости Девагой Бычевым по жалобе на него якута Батуруской волости Елейки Юргина 207
157. 1654 г. февраля 2. — Дело о возвращении якуту Мегинской волости Чутгурке Водоеву сыну его жены, задержанной ее отцом, якутом Кангалаской волости Торей Отуевым сыном 207
158. 1654 г. февраля 19. — Дело о присвоении служилым человеком Федотом Усом жены якута Намской волости Косика Ивеева 207
159. 1654 г. февраля 25. — Дело о бегстве жены якута Мегинской волости Кытаначки Нулукаева 208
160. 1654 г. марта 6. — Отписка средневильяйского ясачного общерника Ивана Кармалина с товарищами якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому о неудачном сборе ясака с тунгусов, о смертности среди них и о разгроме князя Тигирейка Батырева «намскими мужиками» 208
161. 1654 г. марта 21. — Дело о бегстве холопки якута Модутской волости Бычина Модоева сына 209
162. 1654 г. июня 16. — Дело о захвате якутом Намской волости Арченом Качниковым сыном у якута Модутской волости Тохтогойка Камуева сына принадлежавших ему холопов и промысловых рыбных снастей 209
163. 1654 г. июля 9. — Дело о неплатеже за «якутскую девку», купленную якутом Коготина улуса кузнецом Окоутой у служилого человека Семена Чухчеряма 210
164. 1654 г. июля 29. — Дело об отнятии сенных покосов и нанесении побоев холопами якута Мегинской волости Девуна холопам якута той же волости Нокочи Чермокова 210
165. После 1654 г. сентября 1. — Дело об отобрании скота и холопов у ясачной якутки Бегунской волости Бытыкыйки Товукаевой родственниками ее умершего мужа и об обращении ее сына Дачина в холопство 210
166. 1664 г. не ранее июля. — Челобитная ясачных якутских князев и улусных людей разных волостей, поданная якутскому воеводе Ивану Большому Голеничеву-Кутузову о невзыскании с них недоимки за прошлые годы втечение одного года потому, что они «обнящали и обediaли и по дворам в холопство пзаапродалсь», распродав русским людям свой скот, жен и детей 211
167. 1672 г. ноября 11. — Отрывок из росписи индигирским ламутам, «поспевшим в ясачной платеж» 212
168. 1675 г. ноября 30. — Купчая на Минзакую Селбезинову дочь, проданную ее мужем, ясачным якутом Атамайской волости Ноней Иваковым ясачному якуту Мегинской волости Курдаге Тотоеву 213
169. 1678—79 гг. — Челобитная зашиверских ясачных ламутов, поданная сыну боярскому Леонтию Трифанову об отпуске их с правеежа и о предоставлении отсрочки во взносе ясака до будущего года 213
170. 1680 г. ранее декабря 15. — Челобитная ясачного якута Мегинской волости Кумаса Гучина на ясачного якута той же волости Белгу Мучюктина, невыполняющего договор о взносе ясака за Кумаса, выдавшего под этим условием за него замуж сестру свою Кучия 214
171. 1681 г. ранее января 27. — Челобитная ясачного якута Чаюйской волости Тахто-тая Оголорева о взыскании с детей умершего якута Ярканской волости Оргуса причитающегося с Тахтотая ясака, согласно заключенного с отцом их договора 214
172. 1682 г. марта 6—7. — Дело о бегстве холопов ясачного якута Мегинской волости Иденгички Дексиева 215
173. 1682 г. марта 7. — Память якутского воеводы Ивана Приклонского казаку Семёну Годневу о поимке беглых холопов ясачного якута Борогорской волости Олочки Торонеева 215
174. 1685—86 гг. — Челобитная ясачного якута Нюрюптейской волости Булугучи Тейкова якутскому воеводе Матвею Кровкову о привлечении к суду ясачных якутов Кангалаской волости Байги Мемина и Сыдыбалы Вргүзева, укравших у челобитника скот 215
175. 1686 г. февраля 25. — «Доезд» Ивана Лытина якутскому воеводе Матвею Кровкову о бегстве поименных холопов кангалаского ясачного якута Угачки Оенокова 216
176. 1687 г. мар.... — «Сказка» казака Михаила Жиркова о желании заложённой ему якутки Нелчаки креститься 216
177. 1687 г. декабря 31. — Наказная память якутского воеводы Петра Зиновьева на Вильям в Средние зимовые казаку Максиму Мухомлеву о сборе ясака без «попоровки иноземцам», о произведении следствия об ограблении ясачных якутов Атамайской волости вильяйскими тунгусами и о взятии и присылке в Якутск «сущих из них заводчиков в аманатах» 216

178. 1688 г. января не ранее 17. — Дело об освобождении ясачного якутского князя Намской волости Бюея Никина от лишней подводной повинности 217
179. 1688 г. ранее января 28. — Челобитная якута Юсальского рода Бодойки Дардыева верхоянского пятидесятнику казначею Никите Тюлину о привлечении к суду шаманов Юнея Мокоева и Таркая Багыева, «испортивших» его сына Ерсюкая 218

Б. Формы сопротивления туземного населения колониальной политике.

180. 1639—40 гг. — Отписка якутского таможенного целовальника Юрия Селгверстова якутскому таможенному голове Дружине Трубинову о непосылке на Олекму собоиной казны из-за «штатских» в Якутской земле 219
181. 1641 г. ранее мая 6. — Челобитная торгового человека Ивана Сверчкова на тунгусов Звероулова рода ограбивших на собоиных промыслах его «покрученных» 219
182. 1645 г. не ранее мая. . . — Известия челобитная ходивших в поход против «братских людей» служилых и промысленных людей на пятидесятника Курбата Иванова в неправильном руководстве походом 219
183. 1645 г. ранее мая 19. — Отписка приказного сына боярского Алексея Бедарева из Илимского острога якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами о полученных из Верхоянска вестях о востании «братских людей» 219
184. 1645 г. мая 31. — Отписка подъячего Василия Шипильева из Енисейского острога якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами об отсутствии в Енисейском остроге достаточного количества служилых людей для провожания воевод под Ленский волок 222
185. 1645 г. ранее июля 4. — Отписка пятидесятника Верхоянского Братского острожка Курбата Иванова якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами с подробным описанием своей службы за последние три года, в частности о взаимоотношениях и вооруженной борьбе с востоящими «братскими людьми» 228
186. 1645 г. июля 20—26. — Отписка пятидесятника Курбата Иванова якутскому воеводе Василию Пушкину с товарищами об осаде Верхоянского острожка востоящими «братскими людьми» и тунгусами и о необходимости прислать на выручку служилых людей, порош и свинец 229
187. 1645—46 гг. — «Статейная речь» якутского воеводы Петра Головина аманатам «братских людей» Булуи и Чекару о пребывании всего братского народа в вечном холопстве царю Михаилу Федоровичу, под угрозой, в противном случае, полного разгрома 229
188. 1646 г. ранее апреля 25. — Челобитная служилых людей Верхоянского Братского острожка Алексея Бедарева и Курбата Иванова с товарищами об увеличении числа служилых людей в Верхоянском острожке и лучше их вооружения в целях окончательного покорения «братских людей» 231
189. 1646 г. после апреля 25. — Отписка якутского воеводы Василия Пушкина с товарищами в Сибирский приказ о походах сына боярского Алексея Бедарева и пятидесятника Курбата Иванова против «братских людей», о переговорах с последними в целях их умирения и о необходимости усиления местных служилых людей в целях дальнейшего освоения края 232
190. 1678—79 гг. — Челобитная алазейских ясачных юкагир якутскому воеводе Фоме Бибикову о посылке к ним служилых людей для защиты от «немирных и неясачных чукоч» 238
191. 1679 г. апреля 17. — Отписка приказного сына боярского Завишверского острожка Льва Трифонова якутскому воеводе Фоме Бибикову о сборе ясака на реке Индигирке с ясачных ламутов и юкагир и о «штатских» ламутских «мужиков» 239
192. 1679 г. ранее мая 30. — Отписка приказного колымского десятника Семена Сорокумова якутскому воеводе Фоме Бибикову об уклонении ясачных юкагир, тунгусов и чукчей от уплаты ясака и обнаружении у них «измены и штатских» 240
193. 1679 г. ранее мая 30. — Отписка алазейского приказного человека Никиты Тютина якутскому воеводе Фоме Бибикову о сборе ясака с ясачных юкагир и об обнаружении среди «ламутских людей» «великой смуты» 241
194. 1679 г. июня 14. — Допросные речи оленных тунгусов Бугачи с товарищами в ясачной избе Охотского острожка о побойке на реке Ураке и осаде Охотского острожка оленными тунгусами 241
195. 1679 г. июня 15. — Отписка из Охотского острожка казака Филимона Щербакова якутскому воеводе Фоме Бибикову об уклонении оленных тунгусов от уплаты ясака 243
196. 1679 г. ранее июня 15. — Отписка казака Филимона Щербакова якутскому воеводе Фоме Бибикову о мероприятиях в Охотском острожке против оленных тунгусов Улаговского рода, поднявших восстание и отказавшихся платить ясак 244
197. 1679 г. ранее июня 15. — Отписка казака Филимона Щербакова якутскому воеводе Фоме Бибикову о захвате в Охотском острожке ясака с пеших тунгусов лисицами вместо соболей и об опасении нападения со стороны оленных тунгусов 244
198. 1686 г. марта 4. — Указ царей Ивана и Петра Алексеевичей якутскому воеводе Матвею Кривкову о запрещении местным сибирским воеводам применять к тунгусам смертную казнь без указа государей, а ясачным сборщикам налагать на тунгусов какие-либо наказания 246
199. 1686 г. июня 6. — Допросные речи сына боярского Архипа Лыткина о востании учурских тунгусов и о разгроме ими Тонторского зимовья 246

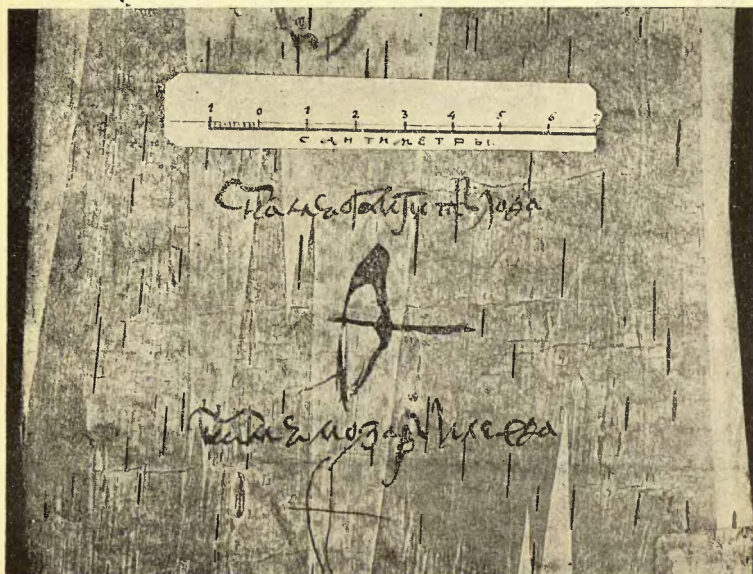
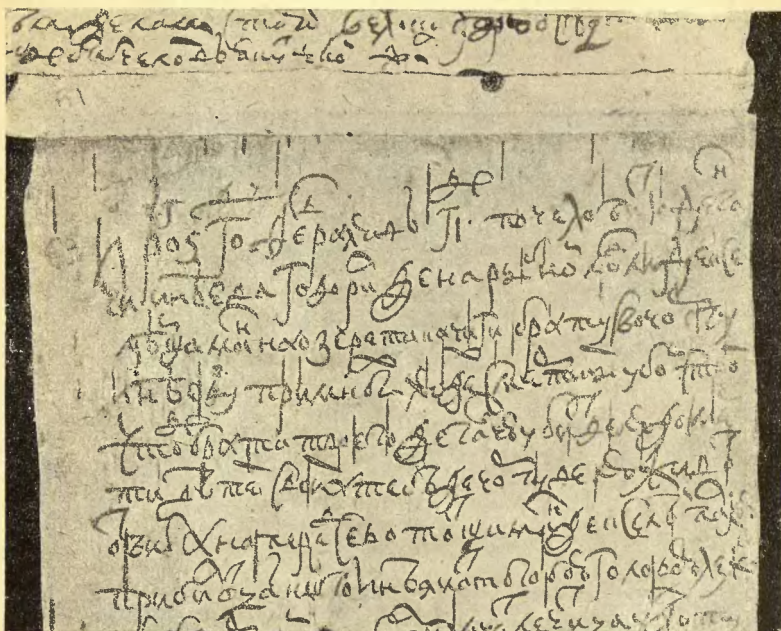
200. 1686—87 гг. — Челобитная учурских тунгусов Ламыгирского рода якутскому воеводе Матвею Кровкову об отпуске их из Якутска на старые места в виду неучастия в «поземном деле» своих родственников 247
201. 1687 г. октября 8. — Челобитная казака Ивана Дехтерева о пожаловании в таможенные подъячие за заслуги по усмирению «изменников» майских и ламутских тунгусов и за «многие другие его службы» 248

Приложения:

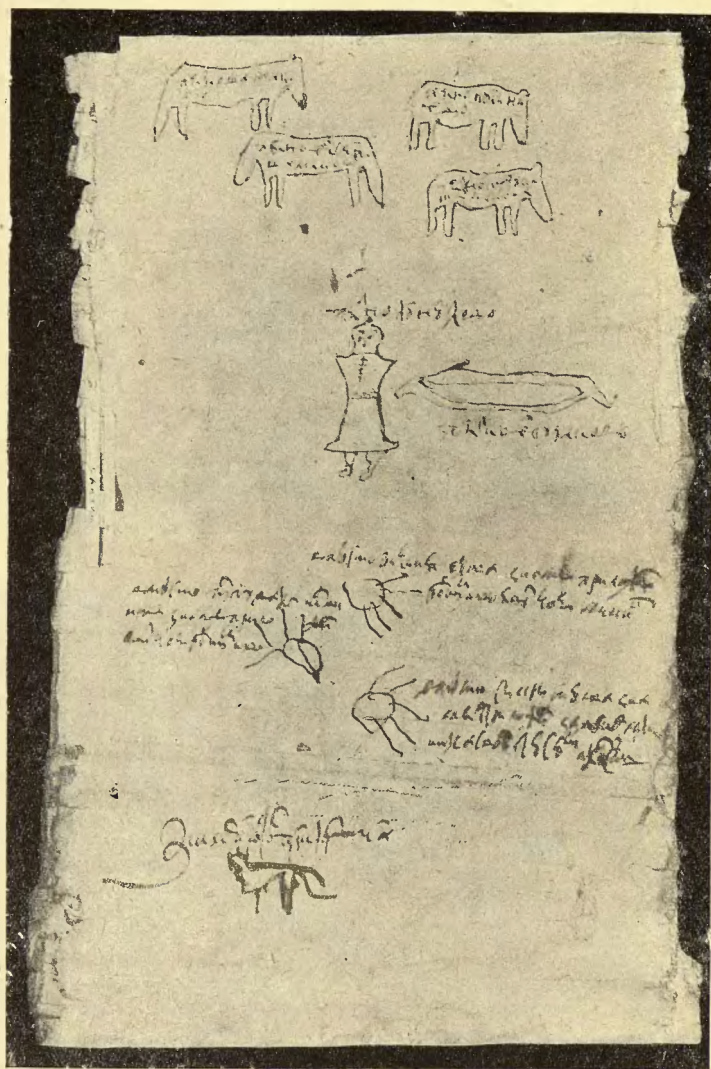
- Указатель личных имен 249
- Географический указатель 265
- Указатель племен и родов 269

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

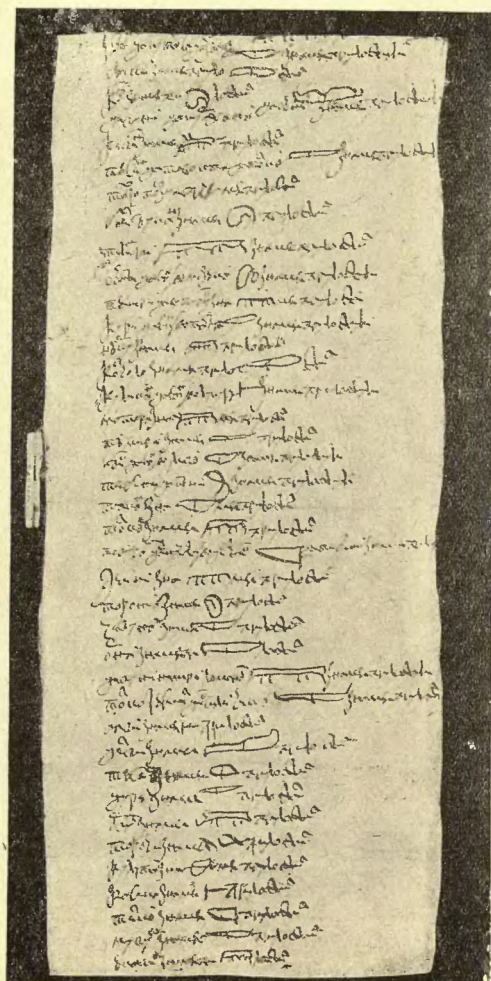
- Табл. 1. Образец документа, написанного на бересте 1668 г.
Табл. 2. Знамена якутов Борогонской волости 1665 г.
Табл. 3. Знамена якутов Бетунской волости 1670 г.
Табл. 4. Знамена якутов Мегинской волости 1670 г.
Табл. 5. Знамена якутов Мегинской волости 1670 г.
Табл. 6. Знамена якутов Бояназейской, Катырицкой, Одугейской и Чечуйской волостей 1670 г.
Табл. 7. Знамена якутов Бетунской, Бояназейской, Катырицкой, Модутской, Намской и Чечуйской волостей 1670 г.
Табл. 8. а) Знамя чукотское 1659 г.
 б) и в) Знамена индигирских юкагиров 1659 г.
Табл. 9. Пятно колымского юкагира 1665 г.
Табл. 10. Пятна нижнеколымских юкагиров 1665 г.
Табл. 11. Пятна нижнеколымских юкагиров 1665 г.
Табл. 12. а) Знамена нижнеянских юкагиров 1678 г.
 б) и в) Знамена жиганских тунгусов 1678 г.
 г) Знамена охотских тунгусов 1678 г.
Табл. 13. Знамена зашиверских ламутов 1672 г.
Табл. 14. Знамена зашиверских ламутов 1673 г.
-

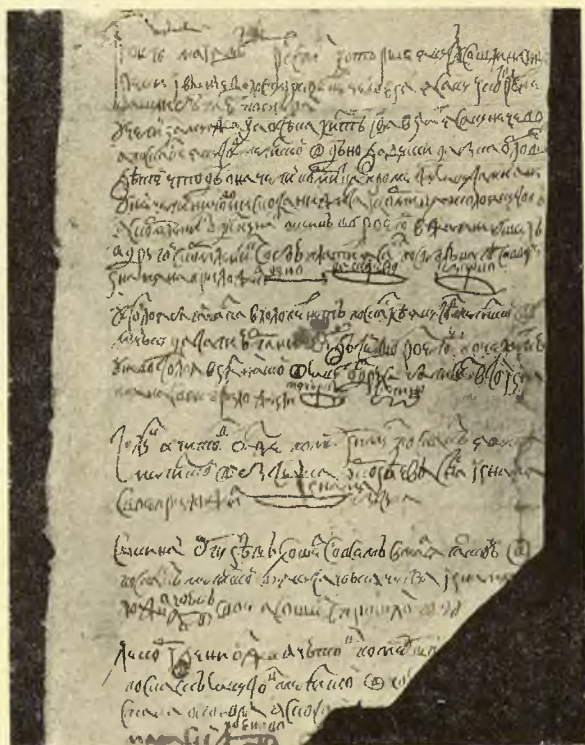
Образец документа, написанного на бересте 1668 г.
Лицевая сторона (1) и оборот (2)

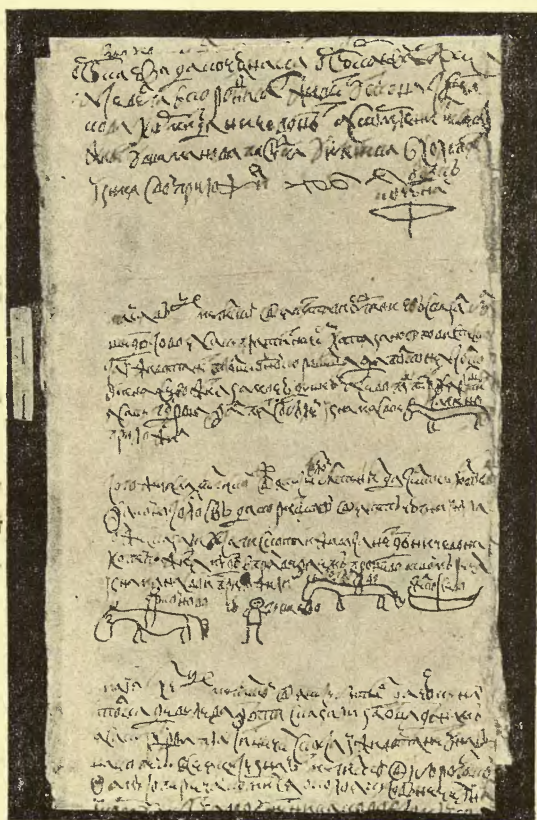
Знамена якутов Борогонской волости 1665 г.
(К. 204, столб. 15, сст. 506., 1606., 1706.)

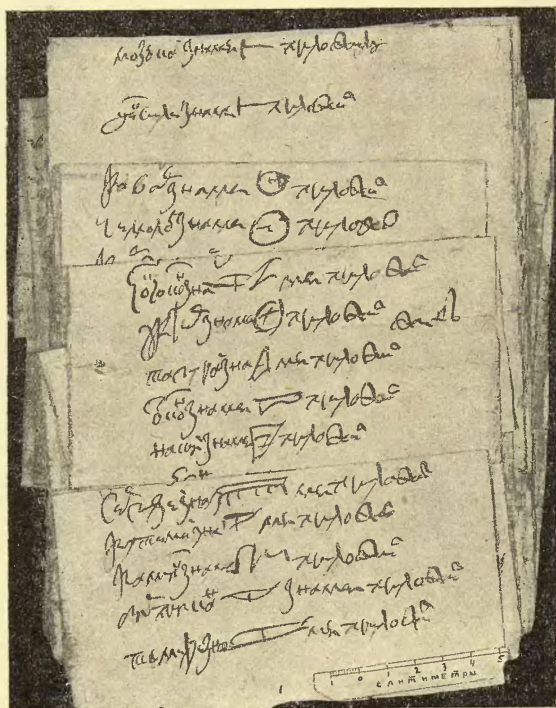
Знамена якутов Бетунской волости 1670 г.
(К. 208, столб. 17, ест. 139об.)

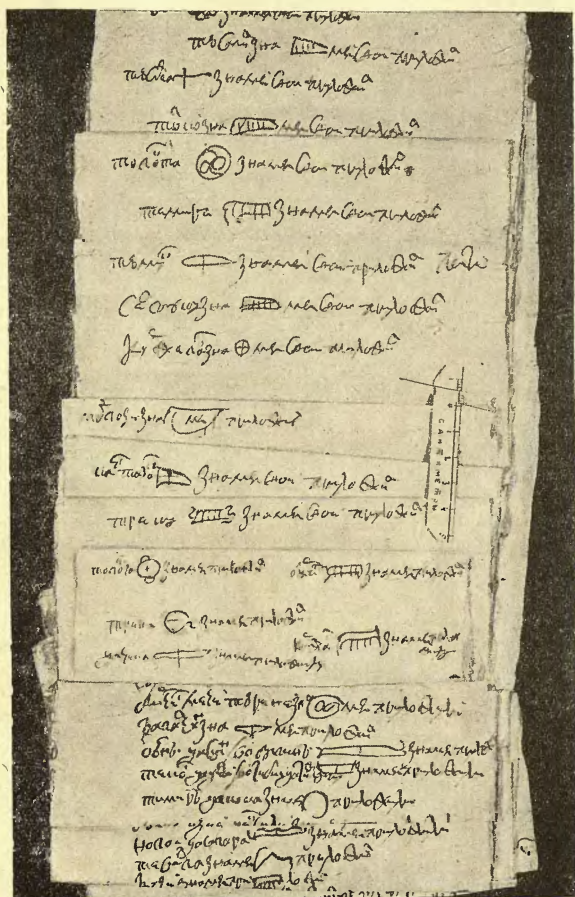
Знамена якутов Мегинской волости 1670 г.
(К. 208, столб. 17, стр. 102)

Знамена якутов Мегинской волости 1670 г.
(К. 208, столб. 17, сст. 195—106)

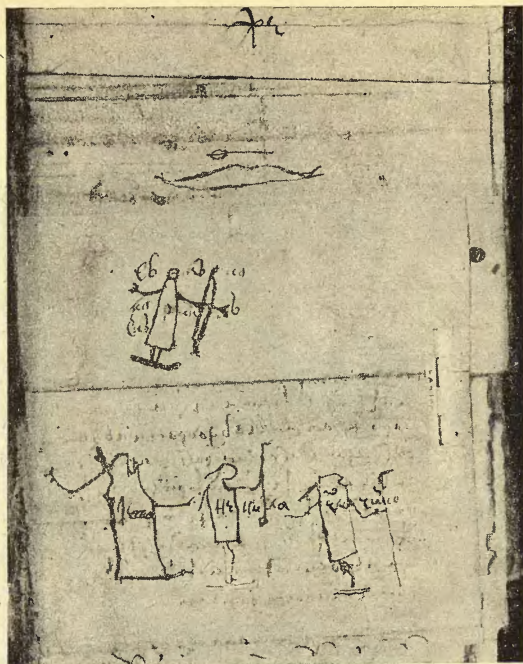

Знамена якутов Бояназейской, Катырицкой, Одугейской и Чочуйской волостей 1670 г.
(К. 208, столб. 17, сст. 128об., 129об., 133об., 134об., 136об.)

Знамена якутов Вегунской, Бояназейской, Катырницкой, Модутской, Намской и Чечуйской волостей 1670 г.

(К. 208, столб. 17, сст. 140об., 141об., 155об.—166об.)

а) Знамя чукотское. б) и в) Знамена нидигирских юкагиров 1659 г.
(К. 184, столб. 10, сст. 19об., 32об., 39об.)

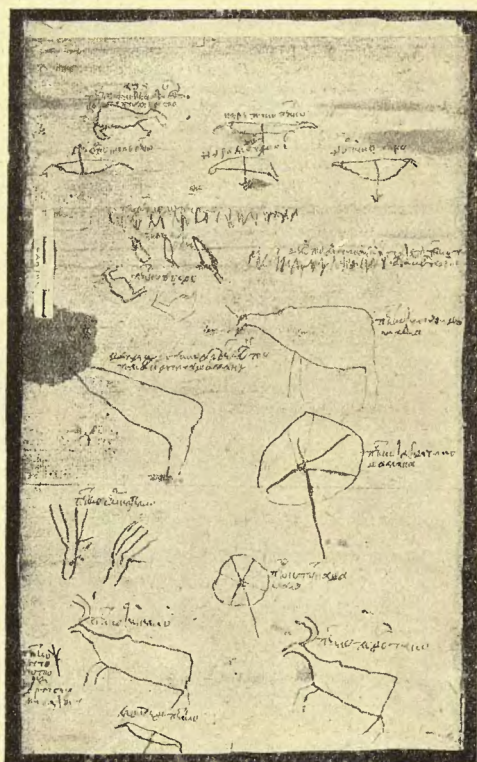
Таблица 9

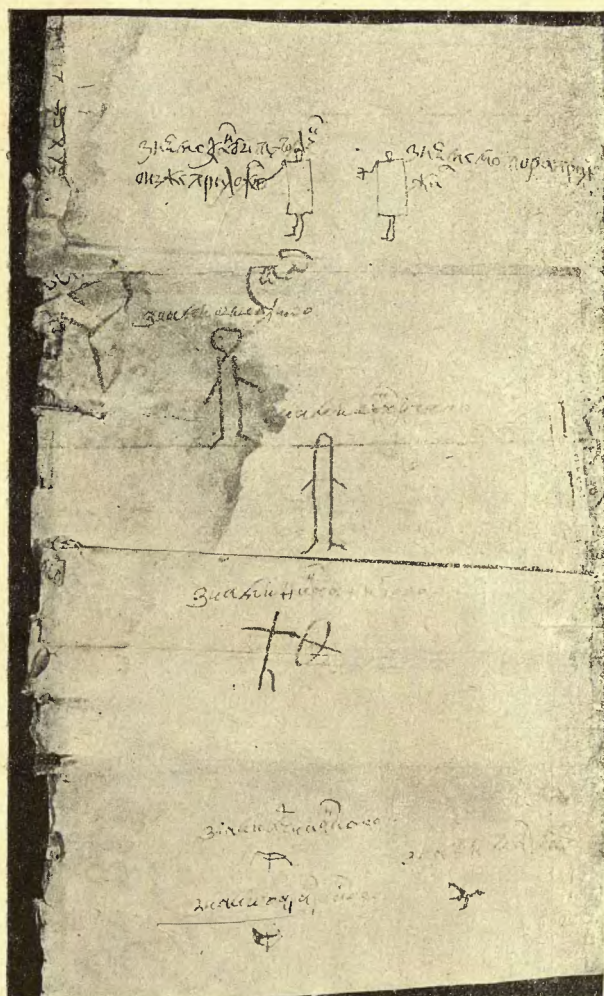
Птarmиган колымского юкагира 1665 г.
(К. 203, столб. 5, сст. 16об.)

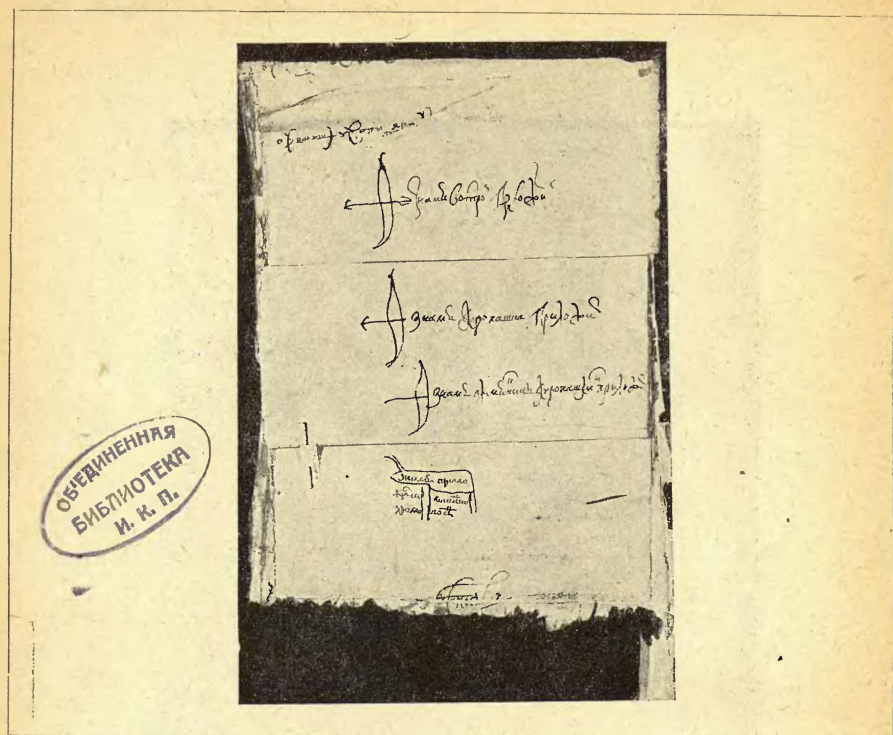
Пятна нижеколымских юкагиров 1665 г.
(К. 203, столб. 5, сст. 14об.)

Пятна нижнеколымских юкагиров 1665 г.
(К. 203, столб. 5, сст. 140б.)

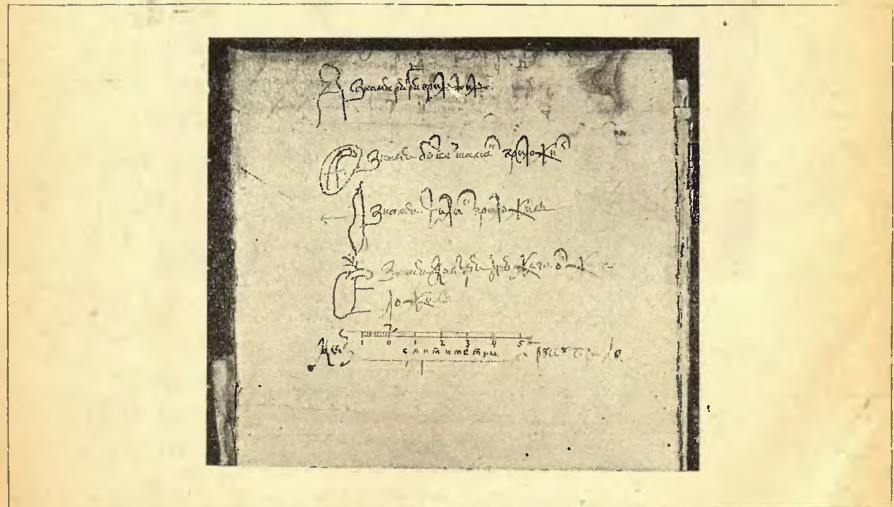

- а) Знамена нижнеяских югагиров 1678 г.
(К. 214, столб. 1, сст. 170б.)
- б) и в) Знамена жиганских тунгусов 1678 г.
(К. 214, столб. 1, сст. 530б., 550б.)
- г) Знамена охотских тунгусов 1678 г.
(К. 214, столб. 1, сст. 560б.)

Знамена зашиверских ламутов 1672 г.
(К. 208, столб. 6, сст. 410б., 420б., 470б., 480б.)

Таблица 14

Знамена зашиверских ламутов 1673 г.
(К. 208, столб. 26, сст. 110б.)

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР им. П. Г. СМИДОВИЧА

Ленинград 24, Обводный, 17. Тел. 1-67-67 и 2-29-37

МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ

Том I. Морган Л. Г. „Древнее общество“, перевод под ред. М. О. Косвена. С портретом автора. Со статьей Фр. Энгельса „К доистории семьи“. Предисловие Я. П. Алякора. Стр. XVI + 350. Цена в переплете 11 руб.

То же. Изд. 2-е (стереотипное). Цена 10 руб.

Том II. Морган Л. Г. „Дома и домашняя жизнь американских туземцев“, перевод под ред. М. О. Косвена. Предисловие Я. П. Алякора. Вкладка — четырехцветка, 56 иллюстраций. Стр. VII + 196. Цена 10 руб.

Том III. Штернберг Л. Я. „Семья и род у народов Северо-Восточной Азии“. С портретом автора. Со статьей Фр. Энгельса „Вновь открытый случай группового брака“. Предисловие Я. П. Алякора. Стр. XIX + 187. Цена 7 руб.

Том IV. Штернберг Л. Я. „Первобытная религия в свете этнографии“. С портретом автора. Предисловие Я. П. Алякора. 23 иллюстрации. Стр. XVI + 560. Цена 16 руб. (печатается).

Том V. Богораз В. Г. „Чукчи“, I. История и социальный строй. С портретом автора. Стр. XXX + 192. Цена 10 руб.

Том VI. Богораз В. Г. „Чукчи“, ч. II. Религия и мифология. Цена 10 руб. (печатается).

ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ

Том I. „Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII века“. Сборник архивных материалов под ред. Я. П. Алякора и Б. Д. Грекова. Вступительная статья И. М. Троцкого. 14 табл. иллюстраций. Стр. XXXII + 280. Цена 8 руб. 70 к.

Том II. „Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке“. Сборник архивных материалов. Под ред. Я. П. Алякора и А. К. Дрезена. Вступительная статья С. Б. Окуня. Стр. 212. Цена 8 р. 70 к.

ТРУДЫ ПО ЭКОНОМИКЕ

Том I. М. А. Сергеев. „Корякский национальный округ“. Монография. Стр. 142. Цена 5 руб. 80 коп.

ТРУДЫ ПО ЛИНГВИСТИКЕ

Вып. I. Г. Н. Прокофьев. Селькупский язык. Часть I. Селькупская грамм. Стр. 132. Цена 5 р. 20 к.

ТРУДЫ ПО ФОЛЬКЛОРУ

Том I. „Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору“. Составлено Г. М. Василевич. Под редакцией Я. П. Алякора. Стр. VI + 290. Цена 14 р. 60 к.

ИЗВЕСТИЯ НИА

Вып. 1. Н. Степанов. „П. А. Слобцов (У истоков сибирского областничества)“. Стр. 44. Цена 1 р. 40 к.

Вып. 2. Марк Косвен. „Л. Г. Морган (Жизнь и учение)“. Стр. 100. Цена 2 р. 80 коп.

Вып. 3. С. Бахрушин. „Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв.“. Цена 2 р. 80 к.

Вып. 4. А. М. Шуберт. „Изобразительные способности у детей эвенков (тунгусов)“. Стр. 40, 10 иллюстраций. Цена 1 руб. 50 к.

Вып. 5. Н. М. Ковязин, В. М. Крылов, А. Г. Подэкрат. „Очерки по промысловому хозяйству и оленеводству Крайнего Севера“. Стр. 116. Цена 3 р. 20 к.

Вып. 6. Г. Е. Рахманин и М. А. Сергеев. „Очерки по охотничьему хозяйству и звероводству Крайнего Севера“. Стр. 122. Цена 3 р. 20 к.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Москва, Блюхеровский пер., № 3. Сектор партийной и комсомольской литературы КОГИЗ.

Почтовые заказы направлять без задатка в отдел „Книга почтой“ ближайшего областного (краевого) отделения КОГИЗ.

Цена 13 р. 70 к.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Москва, Блютерновский пер., № 8. Сектор партийной и комсомольской литературы КОГИЗ.

Почтовые заказы направлять без задатка в отдел "Книга почтой" ближайшего областного (краевого) отделения КОГИЗ